НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ

230
том

MOSCOW ACADEMIC ECONOMIC FORUM | МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2021

Научные труды Вольного экономического общества России

ANALYTICAL MATERIALS

MOSCOW ACADEMIC ECONOMIC FORUM 2021

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

Российская Академия Наук

IUE МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ЭКОНОМИСТОВ

MOSCOW ACADEMIC ECONOMIC FORUM | МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Подробная информация
о МАЭФ размещается
на официальном сайте Форума:
https://maef.veorus.ru

Аккаунты МАЭФ в соцсетях:
Facebook — https://www.facebook.com/MoscowAcademicForum
VK — https://vk.com/moscowacademicforum

Генеральный
информационный
партнер

ТАСС
ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО РОССИИ

Официальный
информационный
партнер

Российская Газета
RG.RU

MOSCOW ACADEMIC ECONOMIC FORUM
МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Научные труды Вольного экономического общества России

Том двести тридцатый

Москва
2021

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

Российская Академия Наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ЭКОНОМИСТОВ

Научные труды Вольного экономического общества России

Издается с 1765 года

Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

Published since 1765

Вольное
экономическое
общество России

Научные труды
ВЭО России

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Том двести
тридцатый

Москва
№ 4/2021

The Free Economic Society of Russia

Scientific Works of the VEO of Russia

SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Volume two hundred and thirtieth

Moscow
No. 4/2021

УДК 33
ББК 65

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

230 том Научных трудов Вольного экономического общества России — совместное издание Вольного экономического общества России, Российской академии наук и Международного Союза экономистов — специальный выпуск, посвященный третьему международному Московскому академическому экономическому форуму (МАЭФ-2021).

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Since 2003 «the Scientific works of the Free Economic Society of Russia» is in the List of scientific publications reviewed by the Supreme Certification Commission of Russia of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, where the main results of doctoral and candidates' theses are published.

Volume 230 of the Proceedings of the Free Economic Society (VEO) of Russia is a joint publication of the VEO of Russia, the Russian Academy of Sciences and the International Union of Economists. Volume 230 is a special issue covering the Moscow Academic Economic Forum (MAEF-2021).

Articles published in Scientific works of the Free Economic Society of Russia have an Digital Object Identifier (DOI), and are indexed in international databases, such as: Russian Science Citation Index (RSCI), Electronic Scientific library (eLibrary.ru), CrossRef, CiberLeninka, Google Academy.

UDK 33
BBK 65

© Вольное экономическое общество России, 2021
© The Free economic society of Russia, 2021

ISBN 978-5-94160-219-3
ISSN 2072-2060

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ | ТОМ № 4 (230) 2021

Специальный выпуск «Научных трудов Вольного экономического общества России» — совместное издание Вольного экономического общества России, Российской академии наук и Международного Союза экономистов.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

016 **Слово главного редактора**
Московский академический экономический форум (МАЭФ-2021)

020 **О МАЭФ-2021**

039 **Архитектура МАЭФ**

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ МАЭФ-2021

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ МАЭФ

Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России

Российская академия наук

048 **А.М. Сергеев**
Приветственное слово

054 **С.Д. Бодрунов**
Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России

066 **С.Ю. Глазьев**
О механизмах реализации целей национального развития России в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов

071 **А.А. Дынкин**
Альтернативы постковидного мира

076 **А.Д. Некипелов**
О экономической стратегии и экономической политике России в современных условиях

090 **В.А. Крюков, Н.И. Суслов, М.А. Ягольницер**
Восточный вектор экономики России — в основе успеха синергия взаимодействия и межрегиональной кооперации

103 **А.Н. Клепач**
Социальные и технологические вызовы российской экономики

113 **А.А. Широв**
Использование потенциала роста российской экономики для достижения целей развития общества

121 **Б.Ю. Титов**
Среднесрочная экономическая программа «РОСТ ДЛЯ ВСЕХ» — план по преодолению структурных ограничений в экономике и выходу на темпы роста выше среднемировых

133 **А.Г. Аганбегян**
К устойчивому социально-экономическому росту

156 **Джеймс К. Гэлбрейт**
Секулярная стагнация: реальные проблемы и статистические иллюзии

ПЛЕНАРНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ МАЭФ

Альтернативы социально-экономического развития российского общества

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

183 **А.И. Ильинский**
Агентное моделирование конкуренции и коэволюции FinTech и RegTech2 в глобальной финансовой экосистеме: эффект черной королевы

189 **О.И. Донцова**
Инвестиционное поведение в условиях воздействия кризисных факторов

196 **П.В. Трифонов**
Анализ конкурентоспособности продукции высокотехнологичного сектора обрабатывающей промышленности РФ на внутренних и внешних рынках

204 **П.С. Селезнев, Д.В. Александров**
Проблемные аспекты универсальной классификации мнемонических акторов

Цифровая трансформация экономики: перепроектирование нашего будущего или эволюция типовых моделей?
РЭУ имени Г.В. Плеханова

211 **О.В. Китова**
Актуальные вопросы развития цифрового государства в России

217 **Л.С. Ревенко**
Мировая продовольственная система: цифровые аспекты трансформации

223 **И.И. Смотрицкая**
Цифровая трансформация государственного управления: основные тренды и новые возможности

230 **Ю.Ф. Тельнов**
Развитие архитектур цифровых предприятий

V Международный политэкономический конгресс
Глобальные социально-экономические трансформации: будущее России
Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова

237 **Е.Б. Ленчук**
Научно-технологическое развитие как фактор ускорения экономического роста в России

245 **Ж.Т. Тощенко**
Будущее публичной и приватной жизни (опыт социологического измерения)

252 **М.Ю. Головнин**
Влияние пандемии COVID-19 на мировую финансовую систему

259 **Жак Сапир**
Кризис Covid-19 снова поставил планирование на повестку дня?

Новая роль сельского хозяйства в современной экономике и приоритеты аграрной политики России
ВИАПИ имени А.А. Никонова

275 **А.В. Петриков**
Новые тенденции в развитии сельского хозяйства и приоритеты аграрной политики в России

285 **А.Г. Папцов**
Тенденции глобального продовольственного обеспечения в условиях пандемии

297 **В.В. Маслова**
Проблемы формирования эффективной модели инвестиционного развития сельского хозяйства России

303 **Т.П. Максимова**
Экономические эффекты, особенности и возможные тренды трансформации форм хозяйствования в системе АПК в условиях современных вызовов

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЛОЩАДОК МАЭФ-2021

312 **А.В. Сметанин, Л.М. Сметанина**
К вопросу понятия «социальное самочувствие»

319 **Е.П. Потапова, И.И. Савельев**
Аспекты создания платформы «Владимирская интеллектуальная инициатива» для поддержки и развития наукоемких кластеров в регионе

324 **Ю.И. Сизов, А.А. Вакарев, Л.Н. Медведева, А.С. Плотников**
Продовольственная безопасность: управление рисками производства зерна на юге России (на примере Волгоградской области)

332 **И.А. Морозова, Е.В. Кузьмина, С.А. Шевченко, А.Б. Симонов**
Цифровые и информационные технологии как инструмент креативного пространственного развития территорий

339 **С.А. Кожевников**
Проблемы обеспечения пространственной интеграции регионов России

346 **Н.В. Кондрашова, К.Н. Васильева**
Оценка стратегических возможностей развития на региональном рынке телекоммуникационных услуг

356 **Е.Р. Метелева**
Феномен глобальных городов и агломерационная политика Российской Федерации

363 **Ю.С. Жукова, Т.Б. Шиврина**
Современное состояние и проблемы обеспечения инвестиционной безопасности сельского хозяйства Кировской области

372 **С.В. Гриненко, М.С. Романов**
Управление знаниями в индустрии туризма и гостеприимства как фактор развития туристских территорий

380 **С.Г. Еремеев, С.Н. Большаков**
Формирование стратегии конкурентоспособности региона: оценка факторов и проектирование результатов

389 **О.Ю. Смыслова, Н.Н. Нестерова**
Влияние процессов цифровизации экономики на развитие современного общества

397 **М.Ю. Малкина**
Устойчивость региональных экономик и ее факторы

404 **А.Р. Терентьева**
Организация обеспечения экономической надежности современного промышленного предприятия

410 **Н.В. Рассказова**
Цифровая трансформация российской экономики и согласование экономических интересов

417 **М.О. Перышкин**
Влияние цифровизации на диффузию знаний в Псковской области

423 **Э.И. Мантаева, В.С. Голденова, И.В. Слободчикова**
«Зеленые» технологии как фактор устойчивого развития национальной экономики

431 **Г.Л. Мурадов**
«Крымский синдром» в российской экономике

435 **В.В. Хоменко**
Состояние и перспективы развития органического сельского хозяйства

441 **А.М. Усенко**
Роль и значение центров ответственности в диагностике финансовых отношений предприятий АПК

447 **К.А. Белокрылов, О.С. Белокрылова**
Общественный сектор: вызовы цифровизации и тенденции трансформации

454 **О.Б. Мизякина, Т.В. Муравлева, Т.Л. Мягкова**
Стратегический вектор экономического развития регионов России

461 **К.В. Фенин**
Экономическая поляризация России на субнациональном уровне

467 **А.В. Латков, Н.Г. Барашов**
Динамика показателей пространственного развития российской экономики (на примере региональных рынков труда)

475 **Е.Ю. Меркулова, В.В. Смагина**
Динамика обеспечения продовольственной безопасности России

482 **С.Г. Пьянкова, Д.П. Аркалов**
Государственная правовая и экономическая политика комплексного развития сферы спорта: российский и зарубежный аспект

489 **Н.М. Сурнина, Е.А. Шишкина**
Стратегическое планирование регионального и инфраструктурного развития: взаимосвязь, противоречия, риски

496 **Э.Р. Закирова**
Особенности формирования инвестиционной политики малых промышленных предприятий в современных условиях

502 **О.Т. Ергунова, А.В. Лебедева, И.И. Рахмеева**
Трансформация профессиональных компетенций для нужд цифровой экономики

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОРГАНИЗАТОРАХ МАЭФ

510 **Вольное экономическое общество России**

513 **Международный Союз экономистов**

516 **Российская академия наук**

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИЗДАНИИ

520 **Редакционный совет**

523 **Редакционная коллегия**

532 **Требования к публикациям**

SCIENTIFIC THE WORKS OF VEO OF RUSSIA | VOLUME № 4 (230) 2021

A special issue of «Scientific works of the Free Economic Society of Russia» is co-published by the Free Economic Society of Russia, the Russian Academy of Sciences and the International Union of Economists

CONTENTS

016 **Word of the editor-in-chief**

Moscow Academic Economic Forum (MAEF-2021)

020 **About MAEF-2021**

039 **Architecture of the MAEF**

ANALYTICAL MATERIALS OF THE MAEF-2021

MAEF Plenary Meeting Global transformation of modern society and national development goals of Russia

Russian Academy of Sciences

048 **Aleksandr M. Sergeyev**
Opening speech

054 **Sergey D. Bodrunov**
Global transformation of modern society and national development goals of Russia

066 **Sergey Yu. Glaziev**
On the mechanisms of realizing the goals of Russia's national development in the context of changing technological and world economic structures

071 **Alexander A. Dynkin**
Alternatives to the Post-COVID World

076 **Alexander D. Nekipelov**
On Economic Strategy and Economic Policy in Russia under Current Conditions

090 **Valeriy A. Kryukov, Nikita I. Suslov, Miron A. Yagolnitser**
The Eastern Vector of Russian Economy — Success Based on the Synergy of Interaction and Interregional Cooperation

103 **Andrey N. Klepach**
Social and technological challenges of the Russian economy

113 **Alexander A. Shirov**
Using the Russian economy growth potential to achieve the goals of society's development

121 **Boris Yu. Titov**
Medium-term economic program «growth for all» — a plan to overcome structural constraints in the economy and achieve growth rates above the global average

133 **Abel G. Aganbegyan**
To sustainable socio-economic growth

156 **James K. Galbraith**
Secular Stagnation: Real Problems and Statistical Illusions

MAEF-2021 PLENARY CONFERENCES

Socioeconomic development alternatives faced by Russian society

Financial University under the Government of the Russian Federation

183 **Alexander I. Ilyinsky**
Agent Modeling of Competition and Co-evolution of FinTech and RegTech2 in the Global Financial Ecosystem: The Red Queen Effect

189 **Olesya I. Dontsova**
Investment behavior under the influence of crisis factors

196 **Pavel V. Trifonov**
Analysis of the competitiveness of products of high-tech sector of the manufacturing industry of the Russian federation in domestic and foreign markets

204 **Pavel S. Seleznev, Dmitry V. Alexandrov**
Problem aspects of the universal classification of mnemonic actors

Digital transformation of the economy: redesigning our future or evolution of generic models?
Plekhanov Russian University of Economics

211 **Olga V. Kitova**
Topical issues of the digital state development in Russia

217 **Lilia S. Revenko**
Global food system: digital aspects of transformation

223 **Irina I. Smotritskaya**
Digital transformation of public administration: main trends and new opportunities

230 **Yury F. Telnov**
Development of the digital enterprises architectures

5th International Political Economy Congress
Global socioeconomic transformations: the future of Russia
Moscow School of Economics of Moscow State University

237 **Elena B. Lenchuk**
Scientific and technological development as a factor of accelerating economic growth in Russia

245 **Zhan T. Toshchenko**
Future of public and private life (experience of sociological dimension)

252 **Mikhail Yu. Golovnin**
Covid-19 pandemics impact on international financial system

259 **Sapir Jacques**
Has the COVID-19 crisis Put Planning Back on the Agenda?

The new role of agriculture in the modern economy and the priorities of Russia's agrarian policy
All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics

275 **Alexander V. Petrikov**
New trends in the development of agriculture and priorities of agricultural policy in Russia

285 **Andrey G. Paptsov**
Trends in global food security in the pandemic conditions

297 **Vlada V. Maslova**
Problems of forming an effective model investment development of agriculture in Russia

303 **Tatiana P. Maksimova**
Economic effects, features and possible trends of transformation of economic forms in the system of the agroindustrial complex in the conditions of modern challenges

ANALYTICAL MATERIALS REGIONAL VENUES MAEF-2021

312 **Albert V. Smetanin, Lyudmila M. Smetanina**
On the question of the concept of «social well-being»

319 **Elena P. Potapova, Igor I. Savelev**
Aspects of the creation of the «Vladimir Intellectual Initiative» platform for the support and development of knowledge-intensive clusters in the region

324 **Yuri I. Sizov, Alexander A. Vakarev, Lyudmila N. Medvedeva, Alexander C. Plotnikov**
Food security: risk management of grain production in the south of Russia (on the example of the volgograd region)

332 **Irina A. Morozova, Ekaterina V. Kuzmina, Svetlana A. Shevchenko, Aleksey B. Simonov**
Digital and information technologies as a tool for creative spatial development of territories

339 **Sergey A. Kozhevnikov**
Problems of spatial integration of Russian regions

346 **Nadezhda V. Kondrashova, Kira N. Vasileva**
Assessment of strategic development opportunities in the regional telecommunication services market

356 **Elena R. Meteleva**
The phenomenon of global cities and the agglomeration policy of the Russian Federation

363 **Yulia S. Zhukova, Tatyana B. Shivrina**
The current state and problems of ensuring the investment security of agriculture industry in the kirov region

372 **Svetlana V. Grinenko, Maxim S. Romanov**
Knowledge management in the tourism and hospitality industry as a factor in the development of tourist territories

380 **Stanislav G. Eremeev, Sergey N. Bolshakov**
Formation of a regional competitiveness strategy: assessment of factors and design of results

389 **Olga Yu. Smyslova, Nadezhda N. Nesterova**
The impact of the processes of digitalization of the economy on the development of society

397 **Marina Yu. Malkina**
Resilience of regional economies and its factors

404 **Anastasia R. Terenteva**
Organization of ensuring the economic reliability of a modern industrial enterprise

410 **Natalia V. Rasskazova**
Digital transformation of the Russian economy and alignment of economic interests

417 **Mikhail O. Peryshkin**
Influence of digitalization on diffusion of knowledge in Pskov Region

423 **Elza I. Mantaeva, Victoria S. Goldenova, Inna V. Slobodchikova**
«Green» technologies as a factor in the sustainable development of the national economy

431 **Georgy L. Muradov**
«Crimean syndrome» in the Russian economy

435 **Vadim V. Khomenko**
The state and prospects for the development of organic agriculture

441 **Anastasia M. Usenko**
The role and importance of responsibility centers in the diagnosis of financial relations of agricultural enterprises

447 **Kirill A. Belokrylov, Ol'ga S. Belokrylova**
Public sector: challenges of digitalization and transformation trends

454 **Olga B. Mizyakina, Tatiana V. Muravleva, Tatiana L. Myagkova**
Strategic vector of Russian regions for economic development

461 **Cyril V. Fenin**
Economic polarization of Russia at the subnational level

467 **Andrey V. Latkov, Nikolay G. Barashov**
Dynamics of spatial development indicators for the Russian economy (regional labor markets example)

475 **Elena Yu. Merkulova, Valentina V. Smagina**
Dynamics of ensuring food security in Russia

482 **Svetlana G. Pyankova, Dmitriy P. Arkalov**
State legal and economic policy of integrated development of the sport industry: Russian and foreign aspect

489 **Nadezhda M. Surnina, Elena A. Shishkina**
Strategic planning of regional and infrastructural development: interconnection, contradictions, risks

496 **Elina R. Zakirova**
Features of formation of investment policy of small industrial enterprises in modern conditions

502 **Olga T. Ergunova, Alexander V. Lebedev, Irina I. Rakhmeeva**
Transformation of professional competencies for the needs of the digital economy

ORGANIZERS OF THE MAEF

510 **VEO of Russia**

513 **International Union of Economists**

516 **Russian Academy of Sciences**

EDITION INFORMATION

520 **Editorial Council**

523 **Editorial Board**

532 **Requirements for publications**

Введение

Слово главного редактора

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич
Главный редактор Научных трудов ВЭО России, сопредседатель МАЭФ, президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Уважаемые читатели!

Настоящий выпуск «Научных трудов» — это совместное издание Вольного экономического общества России, Российской академии наук и Международного Союза экономистов, в которое вошли материалы международного Московского академического экономического форума (МАЭФ-2021) — постоянно действующей интеллектуальной площадки, объединяющей российских и зарубежных экспертов и ученых.

МАЭФ состоялся 26–27 мая 2021 года уже в третий раз и был организован Вольным экономическим обществом России, Российской академией наук и Международным Союзом экономистов.

Пандемия углубила трещины и разломы глобального экономического ландшафта. Последние два года — испытание не только для национальных систем здравоохранения, обострились накопившиеся проблемы экономического развития стран и регионов. Известные исследователи в России, на Востоке и Западе все чаще приходят к выводу, что существующие экономические, управленческие и социальные модели архаичны.

Перед научным и экспертным сообществом стоит задача поиска инструментов для перехода к тем моделям, которые отвечают разумному и целесообразному, с учетом технологических реалий, устройству общества, создания новых стратегических карт, учитывающих ключевые тенденции социально-экономического развития и содержащих потенциал институциональных изменений, основы экономических, общественных и социальных процессов будущего.

Поэтому так важно исследовать долгосрочные качественные изменения общества, искать пути развития в трансформирующемся мире знаний, знаниеемкой промышленности и экономики грядущего новоиндустриального общества следующего поколения.

Современные проблемы нельзя решать в логике прежних подходов.

Именно поэтому третий МАЭФ был посвящен теме «Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России».

Представленный на Московском академическом экономическом форуме — 2021 спектр профессиональных мнений по вопросам социально-экономического разви-

тия был беспрецедентно широк. Впервые за всю историю форума в его мероприятиях приняли участие более восьми тысяч человек.

Особенно важно и ценно, что в работу МАЭФ включились как российские эксперты из большинства субъектов Российской Федерации, так и иностранные специалисты из 32 стран мира.

Статьи, содержащиеся в настоящем выпуске «Научных трудов Вольного экономического общества России» (№ 230), а также опубликованные в выпуске № 229, основаны на докладах специалистов, представленных на мероприятиях МАЭФ-2021: пленарном заседании МАЭФ (26 мая 2021 г., Большой зал Российской академии наук, Москва); пленарных конференциях МАЭФ (27 мая 2021 г., Москва); научно-практических мероприятиях 63 региональных площадок МАЭФ (17–25 мая 2021 г.).

Материалы представленного издания включают аналитику, посвященную проблемам глобальных трансформаций современного общества, вопросам альтернативных сценариев устройства будущего миропорядка, оценке факторов ускорения российской экономической динамики, экспертные мнения и предложения о путях реализации национальных целей развития России.

Мы надеемся, что данные материалы представляют интерес для широкого круга читателей и будут полезны в работе специалистов в области экономического анализа и прогнозирования, экспертов различных сфер, а также органов государственного управления, в компетенцию которых входит оценка эффективности реализуемой экономической политики, разработка мер по решению задач, установленных Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (от 21.07.2020 № 474).

MOSCOW ACADEMIC ECONOMIC FORUM | МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Московский академический экономический форум

МАЭФ-2021

Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

Российская Академия Наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ЭКОНОМИСТОВ

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ-2021)

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Третий международный Московский академический экономический форум (МАЭФ-2021) на тему «Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России» состоялся 26–27 мая 2021 года.

Организаторы МАЭФ — Вольное экономическое общество России, Российская академия наук и Международный Союз экономистов.

В мероприятиях МАЭФ-2021 приняли участие 8497 человек из 83 регионов России и 32 стран мира. В числе участников МАЭФ — ученые и эксперты России и мира, представители бизнес-сообщества, международных и российских общественных и научных организаций, государственных структур.

Архитектура МАЭФ-2021 включала пленарное заседание в Российской академии наук (26 мая), пленарные конференции (27 мая), а также региональные и межрегиональные конференции и конгрессы, которые работали с 17 по 25 мая на 63 региональных площадках МАЭФ в 41 субъекте Российской Федерации.

Сильная региональная составляющая — отличительная особенность МАЭФ-2021. На региональных площадках форума в этом году выступили более 460 докладчиков.

Сопредседатели МАЭФ

Сергеев Александр Михайлович, президент Российской академии наук, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор

Бодрунов Сергей Дмитриевич, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Сопредседатели Программного комитета МАЭФ

Аганбегян Абел Гезевич, заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН, д.э.н., профессор

Дынкин Александр Александрович, вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений

имени Е.М. Примакова РАН», академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор
Порфирьев Борис Николаевич, член Президиума ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор

Председатель Международного комитета МАЭФ

Бузгалин Александр Владимирович, вице-президент ВЭО России, член международного комитета ВЭО России, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор

Сопредседатели Организационного комитета МАЭФ

Гринберг Руслан Семенович, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор
Иванов Владимир Викторович, член Правления ВЭО России, заместитель президента РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., к. техн. н.
Ратникова Маргарита Анатольевна, вице-президент, директор ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов

III МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ-2021)

Участники МАЭФ-2021

> **8497** участников:

3500 участников — **63 региональные площадки МАЭФ**

2970 участников — **Пленарное заседание МАЭФ в Российской академии наук:**

510 участников — офлайн-формат

2460 участников — онлайн-формат (Видеоканал ВЭО России в YouTube, web-платформа Conventus, платформа Zoom, портал «Научная Россия»)

2027 участников — **Пленарные конференций МАЭФ**

(на площадках Финансового университета при Правительстве РФ, РЭУ имени Г.В. Плеханова, МГУ имени М.В. Ломоносова, МАИ, ВИАПИ имени А.А. Никонова, офлайн- и онлайн-формат)

III МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ-2021)

Участники МАЭФ-2021 по странам

- Российская Федерация (83 субъекта РФ)
- Австрия
- Азербайджан
- Армения
- Белоруссия
- Бельгия
- Бразилия
- Великобритания
- Венгрия
- Германия
- Греция
- Грузия
- Дания
- Индия
- Канада
- Казахстан
- Киргизия
- Китай
- Куба
- Молдавия
- Нидерланды
- Сирия
- Турция
- США
- Украина
- Финляндия
- Франция
- Швейцария
- Эстония
- Чехия
- Чили
- Япония

Всего приняли участие представители из 32 стран мира

III МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ-2021)

Региональные площадки МАЭФ-2021

- Алтайский край
- Архангельская область
- Республика Башкортостан
- Владимирская область
- Волгоградская область (4 площадки)
- Вологодская область
- Воронежская область
- Ивановская область
- Иркутская область
- Камчатский край
- Кировская область
- Костромская область
- Краснодарский край
- Красноярский край
- Курская область
- Ленинградская область
- Липецкая область
- Москва
- Московская область
- Мурманская область
- Нижегородская область (2 площадки)
- Омская область
- Оренбургская область
- Орловская область
- Пензенская область
- Пермский край (2 площадки)
- Псковская область
- Республика Калмыкия
- Республика Крым
- Республика Татарстан
- Ростовская область (2 площадки)
- Санкт-Петербург
- Самарская область
- Саратовская область (3 площадки)
- Свердловская область (12 площадок)
- Ставропольский край
- Тамбовская область
- Республика Северная Осетия — Алания (3 площадки)
- Хабаровский край
- Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
- Ярославская область (2 площадки)

Работали 63 региональные площадки в 41 субъекте Российской Федерации

Пленарное заседание на тему «Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России»

Российская академия наук, 26 мая 2021 г.

В первый день Форума в мероприятиях МАЭФ в онлайн- и офлайн-формате приняли участие более 2970 человек.

Пленарное заседание МАЭФ на тему «Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России» состоялось в Большом зале Российской академии наук. Его открыли сопредседатели форума — президент Российской академии наук, академик РАН **Александр Сергеев** и президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов **Сергей Бодрунов**.

Московский академический экономический форум посвящен поискам новых возможностей для развития российской экономики и тому, как их правильно использовать, отметил сопредседатель МАЭФ, президент Российской академии наук, академик РАН Александр Сергеев.

«В определенном смысле произошел сбой с траектории медленного развития и переход на другую, характеристики которой мы пока не можем четко определить. Мы являемся архитекторами новой траектории экономического развития. Многое будет зависеть от новых решений, которые принимаются в экономике. В ходе их формирования очень востребован широкий спектр мнений профессионалов», — подчеркнул президент РАН.

«Предметом анализа сегодня являются те изменения, которые мы имеем возможность наблюдать в экономике и обществе. Вопросы конструирования, видения будущего экономического и социального устройства, а также обсуждения инструментария бесконфликтной и эффективной трансформации к этому будущему состоянию, переходу к более справедливому и разумному, целесообразному обустройству нашей жизни», — рассказал сопредседатель МАЭФ, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов Сергей Бодрунов.

В рамках пленарного заседания выступили: президент РАН, академик РАН **Александр Сергеев,** президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов **Сергей Бодрунов,** член Правления ВЭО России, уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей **Борис Титов**, вице-президент МСЭ России, президент ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН **Александр Дынкин,** член Президиума ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН **Борис Порфирьев,** вице-президент ВЭО России, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), академик РАН **Сергей Глазьев,** вице-президент ВЭО России, директор Московской школы

экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН **Александр Некипелов**, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, академик РАН **Валерий Крюков**, член Правления ВЭО России, заместитель Председателя (главный экономист) Внешэкономбанка **Андрей Клепач,** член Правления ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН **Александр Широв,** директор и главный профессор Исследовательского центра социально-экономического развития Китайской академии общественных наук, президент Всемирной политэкономической ассоциации **Чен Энфу,** директор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН) **Альберт Бахтизин,** научный руководитель Федерального исследовательского центра «Фундаментальные основы биотехнологии» РАН, академик РАН **Владимир Попов**, президентский визит-профессор Стоун-центра по изучению социально-экономического неравенства Городского университета Нью-Йорка **Бранко Миланович,** профессор Университета Техаса (США) **Джеймс Кеннет Гэлбрейт.**

Эксперты форума представили свое видение путей достижения национальных целей развития и выхода страны на траекторию устойчивого экономического роста.

Так, по мнению уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Бориса Титова, новой моделью развития российской экономики должна стать модель развития внутреннего спроса.

«Перспективы ресурсной модели сомнительны, это связано с ценами на нефть и со структурными проблемами, которые накопились в экономике, — подчеркнул эксперт МАЭФ. — Новая модель экономики должна ориентироваться не на экспорт ресурсов, а на конкуренцию на внутреннем рынке и создание большого количества субъектов внутреннего рынка».

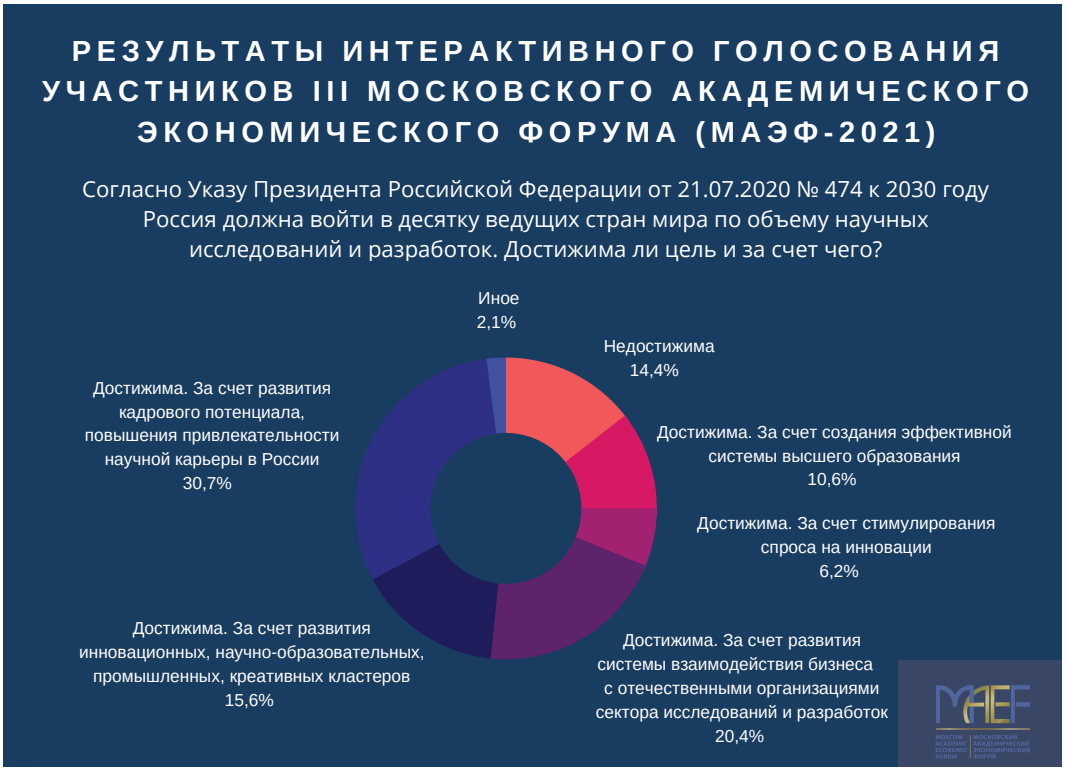
По словам Бориса Титова, российская экономика может расти в том числе за счет роста производительности труда и более эффективного перераспределения природной ренты. В частности, основную часть доходов следует инвестировать через государственные институты развития.

Министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии Сергей Глазьев полагает, что необходимо наращивать инвестиции темпами 15–20% в год в высокоразвитые сегменты экономики, в частности в нефтегазовое машиностроение, строительство, сельское хозяйство, в догоняющее развитие в промышленной сборке транспортных средств, в углубленную переработку сырья и в стимулирование инновационной активности.

«Реализуя такую стратегию, мы можем выйти на 8%-ные темпы роста в год, как в Китае и в Индии, которые лидируют сегодня в экономическом развитии, — отметил эксперт МАЭФ. — Разумеется, эта стратегия должна быть реализована в системе стратегического планирования, частью которой должна стать денежно-кредитная политика: целевая организация кредита через механизмы частно-государственного партнерства и использование специнвестконтрактов и других форм взаимодействия государства и бизнеса».

По словам директора Института народнохозяйственного прогнозирования, эксперта МАЭФ Александра Широва, для «запуска» российской экономики следует поддержать в первую очередь социальную сферу и потребительский спрос.

«Потребление домашних хозяйств составляет примерно 50% нашего ВВП — это главный потенциал, — отметил эксперт. — Структура рабочих мест в экономике неэффективна. В России более 40% населения работает на низкоквалифицированных рабочих местах. Всего 28% работников получают на уровне и выше средней.

Половина домашних хозяйств тратит на продукты питания более 40% доходов, они не могут тратить на человеческий капитал — оплачивать здравоохранение, образование, отдых».

Доходы населения и социальный блок — самая болевая точка, согласился главный экономист Внешэкономбанка Андрей Клепач.

«Несмотря на принятые меры, в 2024 году у нас реальные доходы населения будут на 2,5% ниже, чем в 2013 году. То есть мы получаем 11 лет общего спада или стагнации, а это означает, что взаимосвязь социальной сферы и экономики должна кардинально измениться. Если экономика не работает на благосостояние людей — такая экономика обречена, она неконкурентоспособна», — полагает эксперт МАЭФ.

По словам экономиста, чтобы сократить бедность в два раза, до 6%, нужны дополнительные меры. «Существующий пакет адресован в первую очередь семьям с детьми, и это правильно, но у нас бедные — это не только многодетные и семьи с детьми. Значительная часть работников сельского хозяйства и других отраслей относятся к бедным. Определенной частью бедных являются пенсионеры. По сути, развития модели пенсионных выплат нет», — отметил Андрей Клепач.

Эксперт МАЭФ подчеркнул, что качество жизни и благосостояние населения зависит от многих аспектов — в том числе уровня развития здравоохранения, образования и технологий.

«Особое внимание необходимо уделить поддержке и повышению уровня финансирования фундаментальной науки, которая не только формирует научный каркас НТП, но и прямо дает весомый, хотя и не всегда адекватно оцениваемый обществом, вклад в экономику и социальное самочувствие этого общества», — полагает Сергей Бодрунов.

Объем финансирования фундаментальной науки в России составляет 1,1% ВВП, в то время как в мире этот показатель составляет 2–4%. Лидеры такой инновационной динамики в экономике — Корея и Израиль — у них свыше 4% ВВП.

«Пока трудно убедить в необходимости выделять большие средства на науку. Проблема в том, что в России 2/3 средств выделяет государство и только 1/3 бизнес. Практически во всем остальном мире, с которым мы хотим соревноваться в науке и инновациях, все наоборот. Мы понимаем, что сейчас роль государства не просто в том, чтобы увеличить финансирование науки, а в том, чтобы катализировать процессы, которые будут стимулировать бизнес наращивать объем инвестиций в науку», — отметил президент РАН Александр Сергеев.

Научный руководитель Федерального исследовательского центра «Фундаментальные основы биотехнологии» РАН Владимир Попов выразил мнение, что основа нового экономического уклада — это биотехнологии. «Отставание в этой области чревато проблемами национальной безопасности — а это и продовольственная безопасность, и лекарственная, и возвращающиеся новые инфекции, и потеря новых экспортных рынков в связи с переходом к зеленой экономике», — полагает академик РАН.

По словам Попова, для России важно построение элементов биоэкономики, которое невозможно без господдержки. «Необходимо опережающее финансирование НИОКР в этой области: льготные госзакупки биопродукции и прямые преференции, а главное — создание новых рынков», — полагает эксперт МАЭФ.

Кроме поддержки НИОКР в области биотеха, нужны проекты в области биотеха с господдержкой, а также следует принять программный документ высокого уровня, определяющий развитие биотехнологий в России и создать орган координации в области биотехнологий, убежден академик РАН.

Критическая важная задача — запуск внутреннего потребительского и инвестиционного спроса в интересах повышения жизненного уровня населения, согласился с коллегами президент ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН Александр Дынкин. Кроме того, по словам академика РАН, следует учитывать процессы, которые происходят в мире. Новые экзогенные риски для мировой и финансовой экономической системы — это пандемии, рост региональных конфликтов и климатические изменения.

Александр Дынкин назвал два сценария будущего миропорядка, которые могут быть реализованы в ближайшие 15 лет. Наиболее вероятный сценарий, по словам ученого, это новая биполярность, где одним полюсом станет «Москва — Пекин», а другим — Вашингтон.

«Биполярный мир всегда был связан с ростом мелких и крупных региональных конфликтов, и мы видим существенную интенсификацию этих процессов — это и Карабах, и Израиль — Палестина, и Киргизия — Таджикистан, и конфликт на востоке Украине, это углубление противостояния Москвы и Вашингтона, балканизации технологий и вакцинные национализмы», — рассказал Александр Дынкин. Но, по словам ученого, возможен и другой сценарий — «ответственного полицентричного мира». «Мир может сохранить современную полицентричную архитектуру, если основные глобальные игроки сохранят ответственность», — отметил академик РАН.

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова Александр Некипелов поднял вопрос об избыточности государственных резервов. Если в 2019 году Фонд национального благосостояния составлял 7,3% ВВП, то в декабре 2020 года — уже 11,7%, а в марте 2021 года — 11,9%.

«Следует проанализировать ситуацию с государственными резервами и сформулировать разумную политику в этой области. В условиях неопределенности резервы являются эффективным инструментом снижения рисков, однако есть все основания полагать, что наши резервы избыточны по объему и не используются должным образом, — отметил академик РАН. — В условиях спада и кризиса подушку безопасности нужно использовать».

«Также встает вопрос об оптимальной форме резервов, которые необходимы. Было бы разумно начать переносить центр тяжести с резервов валютных на резервы товарные и ресурсные», — полагает Александр Некипелов.

В рамках МАЭФ по традиции состоялось **интерактивное голосование** — его результаты отражают консолидированную позицию экспертного и научного сообщества по приоритетным вопросам социально-экономического развития страны (см. круговые диаграммы 1–5 «Результаты интерактивного голосования»).

Пленарные конференции и заключительная пленарная сессия МАЭФ

27 мая 2021 г.

Основные пленарные конференции МАЭФ-2021, которые состоялись во второй день форума:

- **Тема № 1:** «Альтернативы социально-экономического развития российского общества» (площадка: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации).
- **Тема № 2:** «Цифровая трансформация экономики: перепроектирование нашего будущего или эволюция типовых моделей?» (площадка: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова).
- **Тема № 3:** «Глобальные социально-экономические трансформации: будущее России» (V Международный политэкономический конгресс» (площадка: Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова).
- **Тема № 4:** «Новая роль сельского хозяйства в современной экономике и приоритеты аграрной политики России» (площадка: Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова).

Молодежная конференция МАЭФ на тему**:** «Цифровая трансформация и искусственный интеллект: возможно ли восстание машин? — взгляд поколения Z» (площадка: МАИ).

В рамках **заключительной пленарной сессии Форума**, которая состоялась в Конгресс-холле Вольного экономического общества России, выступили руководители пленарных конференций МАЭФ-2021.

Организационные и содержательные итоги МАЭФ подвел сопредседатель форума, президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов Сергей Бодрунов. Об итогах двухдневной дискуссии форума рассказал сопредседатель программного комитета МАЭФ, академик РАН Абел Аганбегян.

В рамках Форума также состоялись церемония награждения победителей Всероссийского конкурса экономической журналистики — 2020, организованного Вольным экономическим обществом России и Международным Союзом экономистов, и церемония награждения победителей и лауреатов XXIV Всероссийского конкурса научных работ молодежи «Экономический рост России», организованного Вольным экономическим обществом России при участии и поддержке Международного Союза экономистов, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Института экономики Российской академии наук, Издательского дома «Экономическая газета».

На МАЭФ-2021 работала выставка экономических изданий. Состоялась презентация книг «Экономика по академику Ивантеру» (авторский коллектив ИНП РАН, под редакцией Б.Н. Порфирьева, А.А. Широва и других) и «Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика» (авторы — В.Л. Квинт, С.Д. Бодрунов).

Ход и итоги Форума освещали федеральные и региональные СМИ: «Российская газета», ТАСС, Общественное телевидение России, телеканал «Санкт-Петербург»,

портал «Научная Россия» и др. Подробная информация о МАЭФ опубликована на официальном сайте Форума — https://maef.veorus.ru, на сайтах Организаторов МАЭФ: ВЭО России — www.veorus.ru, РАН — www.ras.ru и МСЭ — https://iuecon.org.

Прямая трансляция Московского академического экономического форума велась в течение двух дней на сайтах Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов, официального сайта МАЭФ, на Youtube-канале ВЭО России и на портале «Научная Россия».

Приветствия участникам, организаторам и гостям Московского академического экономического форума (МАЭФ-2021)

С.В. ЛАВРОВ
Министр иностранных дел Российской Федерации

Приветствую участников и гостей третьего международного Московского академического экономического форума.

Ваши ежегодные встречи, которые уже становятся доброй традицией, собирают представителей органов власти, общественных, деловых, научных кругов для заинтересованного обсуждения актуальных вопросов развития России. Участие зарубежных экспертов способствует укреплению международного гуманитарного сотрудничества.

Тема нынешнего заседания — «Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России» — представляется весьма своевременной. Сегодня перед нашей страной и мировым сообществом в целом стоят масштабные задачи по преодолению последствий пандемии коронавируса, обеспечению дальнейшего подъема народного хозяйства. В этой связи востребовано комплексное, всестороннее осмысление основных социально-экономических тенденций, в том числе в контексте грядущей смены технологического уклада.

Убежден, что на Форуме удастся выработать практические рекомендации в интересах повышения уровня жизни граждан, что послужит упрочению авторитета отечественной науки.

Желаю вам плодотворных дискуссий и всего самого доброго.

В.Н. ФАЛЬКОВ
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

Уважаемые коллеги!

Дорогие друзья!

Приветствую вас на III Московском академическом экономическом форуме!

С 2019 года Форум является международной интеллектуальной площадкой для обсуждения вопросов современной экономической науки, объединяет не только ведущих ученых и специалистов, но и представителей бизнеса, органов власти, российских и международных организаций.

В 2021 году в условиях глобальной трансформации современного общества бизнес и власть ждут от научного сообщества экспертизы и разработки эффективных путей для достижения национальных целей развития Российской Федерации.

Ключевые задачи отечественной научной сферы — формирование инновационной экономики и внедрение высоких технологий в производство — выдвигают новые, более высокие требования к энергетической эффективности, к управлению бизнес-процессами и профессиональной подготовке кадров. Современные условия выводят на новый уровень вопросы энергосбережения, изыскания резервов роста в целях импортозамещения.

Объективная оценка инвестиционного климата и выявление лучших практик ведения бизнеса в регионах также имеют особое значение для российского и международного бизнес-сообщества.

Уверен, что обсуждение академических исследований в области экономики на Форуме пройдет конструктивно и открыто, а по итогам состоявшихся дискуссий ваши предложения непременно найдут практическое применение.

Желаю всем участникам и гостям Форума успешной работы, новых идей и перспективных решений, плодотворного общения и ярких впечатлений от пребывания в столице, славящейся своей красотой и гостеприимством.

С.Е. НАРЫШКИН

Председатель Российского исторического общества

Уважаемые коллеги!

Приветствую участников III международного Московского академического экономического форума, объединившего на свой площадке представителей государственной власти, бизнеса, экспертного сообщества и некоммерческого сектора.

Будущее России во многом зависит от уровня развития отечественной экономической мысли, ее ориентированности на практику и прогностического потенциала. Период грядущего восстановления мировой экономики после пандемии COVID-19 обещает стать временем новых возможностей, потому особую востребованность сегодня приобретают новые теоретические подходы, способные обеспечить реализацию конкурентных преимуществ нашей страны и ее готовность к новым большим вызовам.

Рассчитываю, что рекомендации III международного Московского академического экономического форума послужат ответом на этот насущный запрос и пойдут на пользу российской экономике.

Желаю всем участникам плодотворной работы, творческого вдохновения и новых идей.

С.Н. КАТЫРИН

Председатель Правления, Президент Торгово-промышленной палаты РФ

От имени Торгово-промышленной палаты Российской Федерации приветствую участников третьего международного Московского академического форума.

Форум зарекомендовал себя в качестве авторитетной экспертной и дискуссионной площадки, на которой идет предельно открытый, профессиональный, конструктивный диалог по наиболее актуальным вопросам долгосрочного социально-экономического развития страны.

В этом году Форум проходит в очень непростой и для нашей страны, и для всей мировой экономики обстановке. Никогда еще мир не сталкивался с подобного рода испытаниями, с кризисом колоссального масштаба и с его беспрецедентными последствиями.

В этой связи естественен интерес к Форуму и его итогам, рекомендациям и выводам ученых и практиков о том, как будут развиваться экономика России, мировая экономика, каковы критерии и оценки тех действий, которые сегодня предпринимаются властью и бизнес-сообществом.

Уверен, что итоги дискуссии найдут практическое воплощение в решениях органов государственного управления по наращиванию экономической активности, выработке конкретных механизмов достижения национальных целей развития России с учетом современных вызовов.

Желаю всем участникам Форума плодотворной работы и здоровья!

А.В. КУТЕПОВ

Председатель Комитета Совета Федерации по экономической политике

Уважаемые участники и организаторы Форума!

От имени Комитета Совета Федерации по экономической политике и от себя лично, искренне, от всего сердца поздравляю вас с открытием третьего международного Московского академического форума «Глобальная трансформация современного общества и цели национального развития России»!

Инновационный путь развития экономики нашей страны определен Президентом России как одна из ключевых траекторий общественно-экономического развития в условиях глобальных трансформаций.

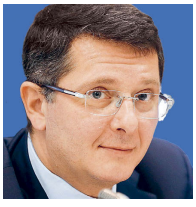
Задача Совета Федерации — способствовать решению задач социально-экономического развития регионов России в целях повышения благосостояния страны и обеспечения достойного уровня жизни российских граждан.

Предпринимаемые последнее время руководством страны и Советом Федерации беспрецедентные меры поддержки в отношении отраслей, наиболее пострадавших в связи с распространением коронавирусной инфекции и последствиями пандемии, обеспечивают поступательное развитие экономики страны.

На Форуме собрались лучшие представители экономического сообщества России, представители образовательного сообщества России, ученые и эксперты России и мира, представители федеральных и региональных органов власти, деловых и научных кругов, международных и национальных общественных организаций.

Желаю участникам и организаторам Форума успехов в работе, доброго здоровья и благополучия.

С.А. ЖИГАРЕВ

Председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству

От имени Комитета Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству рад приветствовать

участников, организаторов и гостей III международного Московского академического экономического форума — 2021 «Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России».

Ваше представительное собрание собрало лучших представителей отечественной и зарубежной экономической мысли, которые много сделали и продолжают делать сегодня для формирования ключевых научно-практических векторов общественно-экономического развития в условиях глобальных трансформаций.

Заинтересованные дискуссии и конструктивный обмен мнениями в рамках Форума позволят сверить шаги по решению наиболее актуальных проблем изменившейся экономики. У вас большой жизненный опыт, высокие профессиональные научные знания, желание и умение трудиться в условиях современных экономических вызовов.

Желаю Вам плодотворной работы, творческого вдохновения и больших успехов на этом пути.

А.Д. АРТАМОНОВ

Председатель Комитета Совета Федерации ФС РФ по бюджету и финансовым рынкам

От имени Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам и от себя лично сердечно рад приветствовать участников, организаторов и гостей третьего международного Московского академического экономического форума на тему «Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России».

Вот уже третий год на площадке Московского академического экономического форума собираются ученые, эксперты, видные государственные и общественные деятели, представители бизнеса и гражданского общества, чтобы провести плодотворный, конструктивный диалог, обсудить важнейшие социально-экономические проблемы современности и предложить свои пути и способы их решения.

Убежден, что проведение Форума позволит в еще большей степени сблизить позиции науки и практики, государства и гражданского общества в целях ускорения инновационного развития российской экономики, достижения высоких и стабильных темпов экономического роста.

Желаю Вам крепкого здоровья, сил, неиссякаемой энергии, благополучия и новых креативных идей во благо России!

А.Д. БЕГЛОВ

Губернатор Санкт-Петербурга

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать участников, организаторов и гостей III Московского академического экономического форума!

За годы работы Форум стал авторитетной площадкой, на которой обсуждаются актуальные вопросы устойчивого экономического роста, внедрения инновационных технологий, развития научно-исследовательского сектора.

Участие в Форуме принимают ведущие мировые эксперты, представители общественности и науки, деловых кругов и органов власти всех уровней. Их диалог сегодня особенно важен для эффективной реализации задач национального развития России.

Уверен, что конструктивные идеи и предложения участников Форума будут способствовать формированию инновационной экономики и привлечению инвестиций, решению социальных проблем и повышению качества жизни граждан.

В этом году мероприятия Форума пройдут не только в Москве, но и в Петербурге, на базе Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Желаю всем успехов и новых достижений на благо России!

М.В. ШМАКОВ

Председатель Федерации независимых профсоюзов России

Уважаемые участники Московского академического экономического форума!

Мировой кризис, вызванный пандемией коронавируса, обнажил хрупкость современного мироустройства. И в то же время напомнил, что основой современной цивилизации является социальное благополучие, что человек остается мерой всех вещей.

Кризис выявил недостатки существующих общественных отношений в глобальном масштабе, всеобщую разрозненность, нарушенную систему ценностей, в том числе недооценку труда работников «социальных профессий», прежде всего сферы здравоохранения.

В России этот кризис наложился на последствия многолетней стагнации.

По мнению профсоюзов России, проводимая в настоящее время федеральным правительством макроэкономическая политика направлена на борьбу со следствием, а не с причиной недуга российской экономики.

Стагнацию можно было бы преодолеть, если в качестве приоритета и фундамента для экономического роста рассматривалось бы благосостояние населения: повышение зарплат, социальных выплат, пенсий.

Сейчас, когда мировая экономика адаптируется к новой реальности, возникают не только очередные риски, но и новые перспективы.

Представляется необходимым как можно скорее перейти к экономическому росту, опираясь на собственные ресурсы, в основе которого — модернизация производства, достойная оплата труда, рост платежеспособности населения, устойчивый внутренний спрос.

Надеюсь, что Московский академический экономический форум поможет выработать необходимые для оздоровления и развития отечественной экономики практические подходы.

Желаю участникам форума плодотворной работы во имя прогресса нашей страны!

Р.Е. АРТЮХИН

Руководитель Федерального казначейства России

Уважаемые организаторы, участники и гости Форума!

На сегодняшний день Московский академический экономический форум представляет собой передовую научную и экспертную площадку, которая объединяет ведущих специалистов в сфере управления и развития экономики. Учитывая внешнеполитические вызовы, России необходимо развивать подходы, опирающиеся на отечественный опыт управления национальным стратегическим развитием. МАЭФ способствует данному процессу, привлекая молодых специалистов и создавая условия для обмена опытом и знаниями между представителями государственного управления, науки и предпринимательского сообщества.

Желаю участникам Форума продуктивной работы, выработки предложений, которые найдут свое практическое применение.

П.В. МАЛКОВ

Руководитель Федеральной службы государственной статистики

Московский академический экономический форум проходит в третий раз. И каждый год для обсуждения выбираются наиболее важные и актуальные темы, связанные с экономическим развитием и изменениями во всех сферах жизни общества.

В прошлом году участники Форума обсуждали новую реальность, пришедшую к нам вместе с COVID-19, анализировали возможное влияние ограничительных мер на экономику стран.

В этом году — время обсуждать траектории развития России в постковидном мире, находить точки роста и «окна возможностей». Важно и то, что в фокусе внимания на сессиях, круглых столах, в ходе дискуссий в рамках Форума будут находиться вопросы поддержки инновационных и высокотехнологичных отраслей, увеличения их доли в экономике страны.

Я рад приветствовать гостей Форума — российских и зарубежных исследователей. Убежден, экономические изменения в России неразрывно связаны с глобальными трендами и тенденциями. Поэтому международное сотрудничество, совместное изучение причин и механизмов трансформаций мировой экономики является одним из важных приоритетов для отечественной экономической науки. В том числе и для российской статистики.

Росстат строит свою деятельность на основе лучших международных практик и стандартов. Мы являемся активными участниками международных научно-практических встреч, семинаров и конференций, активно перенимаем опыт коллег и делимся своими наработками. Это вселяет в нас уверенность в том, что статистические оценки Росстата отражают экономические реалии в России и могут служить надежным фундаментом для принятия стратегических решений на всех уровнях российской власти.

Позвольте выразить благодарность организаторам и пожелать всем участникам плодотворного общения, обмена новыми идеями и полезным опытом. Пусть в спорах и дискуссиях Форума рождается истина, а их итогом станут долгосрочные проекты и сотрудничество исследователей из разных регионов и стран.

Н.М. КРОПАЧЕВ

Ректор Санкт-Петербургского государственного университета

Позвольте поздравить вас с открытием третьего Московского академического экономического форума!

Несмотря на непродолжительную историю Форума, он стал одной из наиболее влиятельных научных интеллектуальных площадок, объединяющих ведущих ученых и экспертов не только из Российской Федерации, но и со всего мира. Призванный решать важнейшие задачи формирования парадигмы современной экономической науки и долгосрочного социально-экономического развития страны, Форум предоставляет уникальные возможности для свободного обмена мнениями, опытом и практиками между российскими и зарубежными учеными, экспертами, представителями реального сектора экономики, федеральных и региональных органов законодательной и исполнительной власти, российских и международных общественных организаций.

Повестка дня Форума 2021 года, посвященная глобальным трансформациям современного общества и целям национального развития России, точно характеризует актуальные проблемы. Надеюсь, что предстоящие дискуссии позволят участникам, как и в предыдущие два года, предложить нестандартные решения на вызовы времени.

Желаю участникам Форума плодотворной работы по поиску новых эффективных путей обеспечения национальных интересов Российской Федерации в условиях технологического перехода в цифровую эпоху!

Б.Ю. ТИТОВ

Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей

Дорогие участники, организаторы и гости! Поздравляю Вас с открытием III международного Московского академического экономического форума.

За столь короткий срок Форум показал себя как уникальная международная научная площадка для обмена мнениями и опытом между участниками, представляющими как российское, так и иностранное экспертное и научное сообщество, а также между видными государственными и общественными деятелями.

Тема этого года — «Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России» — чрезвычайно важна и особенно актуальна в условиях выхода из кризиса, вызванного пандемией. Необходимо найти общесистемные решения для развития экономики, действенные пути кардинального улучшения жизни граждан и поддержки предпринимателей, сильно пострадавших за минувший год.

Убежден, что продуктивная дискуссия между иностранными и российскими экспертами, в том числе через анализ международного опыта и лучших зарубежных практик, синтез научного подхода и практических подходов в вопросах обеспечения инклюзивного, сбалансированного экономического роста, позволит выработать практические меры по обеспечению устойчивого и динамичного роста нашей страны в новых посткоронавирусных условиях.

Желаю Вам продуктивного взаимодействия и успехов в достижении целей форума!

Архитектура Московского академического экономического форума

(Решение о расширении архитектуры форума как постоянно действующей диалоговой площадки принято 26 мая 2021 года — на открытии третьего МАЭФ)

Ежегодные отраслевые и тематические форумы, работающие в рамках МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА:

АРКТИЧЕСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Организаторы: Вольное экономическое общество России, Международный Союз экономистов, Научный совет Российской академии наук по изучению Арктики и Антарктики.

ЕВРАЗИЙСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Организаторы: Вольное экономическое общество России, Международный Союз экономистов, Научный совет Российской академии наук по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, Евразийская экономическая комиссия.

АГРАРНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Организаторы: Вольное экономическое общество России, Международный Союз экономистов, Российская академия наук, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова, Комитет Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, Тамбовское региональное отделение ВЭО России, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Администрация Тамбовской области.

УРАЛЬСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Организаторы: Вольное экономическое общество России, Международный Союз экономистов, Российская академия наук, Уральский государственный экономический университет, Уральское отделение ВЭО России, Уральское отделение РАН.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Организаторы: Вольное экономическое общество России, Международный Союз экономистов, Российская академия наук, Комитет по энергоэффективности ВЭО России, Московский авиационный институт.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УФИМСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ

Организаторы: Вольное экономическое общество России, Международный Союз экономистов, Российская академия наук, Академия наук Республики Башкортостан, Башкортостанское региональное отделение ВЭО России, Правительство Республики Башкортостан.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Организаторы: Вольное экономическое общество России, Международный Союз экономистов, Российская академия наук, Российское историческое общество.

ФОРУМ «КОММУНИКАЦИИ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА»

Организаторы: Вольное экономическое общество России, Международный Союз экономистов, Российская академия наук, Международная академия телевидения и радиовещания.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИСТСКИЙ ФОРУМ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ „ТУРИЗМ И ИНДУСТРИЯ ГОСТЕПРИИМСТВА“ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ КУРОРТНО-ТУРИСТСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ РОССИИ»

Организаторы: Вольное экономическое общество России, Международный Союз экономистов, Российская академия наук, Сочинский государственный университет, Краснодарская региональная организация ВЭО России.

Итоговые мероприятия МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА традиционно ежегодно проводятся в мае на центральных площадках МАЭФ:

- **пленарное заседание и пленарные сессии —** Российская академия наук;
- **пленарные конференции —** ведущие вузы и научные центры;
- **региональные и межрегиональные конференции и конгрессы —** региональные площадки МАЭФ в субъектах Российской Федерации.

Большой зал Российской академии наук

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
MAEF
MAEF

Выставка экономических изданий
Издательский дом
«Экономическая газета»

выставка экономических изданий

Лауреат Конкурса
Яков Жуков
студент 3-го курса Новосибирского госуда
университета экономики и управле
Научная работа:

ЭКОНОМИКА

Конгресс-холл Вольного экономического общества России

ШИРОВ
Александр Александрович
ШМАКОВ
Михаил Викторович
ДЫНКИН
Александр Александрович
РАТНИКОВА
Маргарита Анатольевна
TAIDEN

РЯБУХИН
Сергей Николаевич
ГЛАЗЬЕВ
Сергей Юрьевич
TAIDEN
TAIDEN

АГАНБЕГЯН
Абел Гезевич
ШИРОВ
Александр Александрович
TAIDEN

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

МАЭФ-2021

Пленарное заседание

Российская академия наук, 26 мая 2021

В разделе представлены статьи и тексты докладов спикеров Пленарного заседания МАЭФ-2021

Приветственное слово

Российская академия наук, 26 мая 2021 г.

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-48-53

СЕРГЕЕВ Александр Михайлович,
Сопредседатель МАЭФ,
Президент Российской академии наук, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья! Рад приветствовать Вас на третьем Московском академическом экономическом форуме.

Не могу не отметить приподнятое настроение всех участников Форума. И на ум прежде всего приходит вопрос определения счастья, что это такое. Мы видим на сегодняшнем примере, что счастье — это не состояние, а некий переходный процесс. Чтобы почувствовать себя счастливым, нужно испытать относительное несчастье. В данном случае ковидное время, которое не позволило нам в прошлом году собираться в очном формате на площадках Форума. Когда мы были замкнуты в различных локдаунах и были вынуждены провести второй МАЭФ в 2020 году в режиме онлайн — и это было непросто. И то, что сегодня опять мы собрались в Большом зале Российской академии наук — это позитивное обстоятельство, говорящее о положительной динамике в борьбе с пандемией.

Ковидное время существенным образом сказалось на экономических процессах. Какие-то из проблем были обострены, какие-то, наоборот, удалось быстрее решить, какие-то новые процессы ковидное время катализировало. Московский академический экономический форум 2021 года посвящен поискам новых возможностей для развития российской экономики и тому, как их правильно использовать. Мы являемся архитекторами новой траектории экономического развития. Многое будет зависеть от новых решений, которые сейчас принимаются в экономике. В ходе их формирования очень востребован широкий спектр мнений профессионалов.

На первом МАЭФ в 2019 году академик Абел Гезевич Аганбегян говорил о стагнации российской экономики, — такая траектория опасна тем, что с нее трудно вырваться. Так вот, сейчас у нас появился шанс сойти с этой траектории. Мы видим, что происходит восстановление экономики, и мы уже фактически выходим на уровень 2019 года, и, конечно, важно определиться с тем, что нужно делать, чтобы этот

темп был достаточно высоким. И в первую очередь это будет зависеть от новых решений, которые принимаются в области экономики, а поскольку они новые, здесь, конечно, важно знать мнение профессионалов, целый широкий спектр мнений, из которых можно выбрать наиболее актуальные.

Но при этом мы должны понимать, что кризис не только для нас, кризис для всех стран, и все страны получили такие же возможности. Они были отброшены назад, а сейчас за счет новых решений пошли вперед. И здесь, конечно, очень правильно следить за опытом других стран, что они предпринимают в плане движения по этим новым экономическим траекториям, вдоль которых начали движение.

Какие выводы можно извлечь из уроков пандемии, которая еще не кончилась, но перешла в управляемый режим? Какие выводы относительно роли науки в период пандемии можно сделать? Главный вывод — наука стала основным инструментом преодоления кризиса и отреагировала максимально быстро. Понимание, что именно наука должна предложить новые решения и в плане организации медицинской помощи, и в плане поиска новых тест-систем, новых вакцин, новых лекарств, и, конечно, параллельно принимаемые экономические решения.

И то, что мы сумели достаточно быстро пройти через наиболее сложное время, связано со следующими обстоятельствами. Первое: страны прежде всего с развитыми технологиями, с развитой наукой сумели быстро сконцентрировать свои усилия на инструментах поддержки науки. Действительно, мы видели и в организационном, и в финансовом плане, как реагировал весь мир, и понятно, что без ресурсов быстрого ответа наука дать не может, но то, что ресурсы были обеспечены многими странами — это факт. Второе: был задел, и, к нашему счастью, коронавирус был уже достаточно хорошо понимаем наукой, и за счет этого задела удалось достаточно быстро перейти к практической стадии разработки тест-систем, вакцин, лекарств и достаточно быстро вбросить дальше все это в инновационный сектор. В связи с этим, конечно, очень серьезный вопрос: а если бы не было задела, если бы вирус не был знаком ученым? Это урок для нас на будущее, что мы должны быть во всеоружии и всегда иметь научные заделы. Это к вопросу о поддержке фундаментальной науки.

Второй момент: было чрезвычайно эффективно организовано международное сотрудничество в науке. Я, пожалуй, не помню такого времени, когда была такая открытость общения, когда максимально быстро и при очень лояльном отношении со стороны экспертов публиковались статьи, когда были открыты базы данных, которыми все могли пользоваться, когда новые знания, будучи только что полученными, начиная с генома вируса и расшифровки белковой структуры, очень быстро, практически моментально оказывались достоянием всех ученых на Земле. Это тоже важный урок для будущего.

И, наконец, надо сказать, что важной являлась инновационная смычка между теми практическими решениями, которые давала прикладная наука, и реальным сектором экономики. Мы видели, что в разных странах это проявлялось в разной степени, но в целом удалось очень быстро осуществить передачу новых знаний в реальное производство.

Таким образом, выводы, которые можно сделать применительно к роли науки в преодолении пандемии: всегда должен быть широкий задел в фундаментальной науке, должно быть тесное международное научное сотрудничество, необходима эффективная инновационная политика.

Готовы ли мы сейчас эти уроки, которые дало нам ковидное время, усвоить и быстро ответить на них? Боюсь, что не во всем. По-прежнему финансирование науки у нас в стране находится на уровне существенно меньшем, чем в большинстве стран, наукоориентированных, технологически развитых. У нас по-прежнему где-то 1,1% ВВП идет в науку, в то время как в мире — 2, 3, 4%. Лидеры инновационной динамики в современной экономике — Корея и Израиль, у них больше 4% ВВП. К сожалению, пока трудно убедить наших ресурсодержателей в необходимости того, что на науку требуется выделять больше средств. Здесь ведь вопрос не только том, что государство мало дает. Проблема в таком инвертированном состоянии по отношению к другим странам, что у нас две трети дает государство и только одну треть дает бизнес, хотя практически во всем остальном мире, с которым мы хотим соревноваться в науке и в инновациях, наоборот. Поэтому основные претензии здесь не к государству. Но с другой стороны, мы понимаем, что сейчас роль государства — не просто больше давать бюджетных денег, а в том, чтобы катализировать процессы, которые будут стимулировать бизнес давать больше денег в науку. Вы знаете, что у нас сейчас по поручению президента России создана государственная комиссия по науке и технологиям под руководством Дмитрия Николаевича Чернышенко, задача которой как можно быстрее выработать эффективную инновационную политику в стране. И я очень надеюсь, что это у нас произойдет.

Нельзя сказать, что у нас вообще нет успехов в инновациях. Конечно, они есть. У нас даже действуют отдельные мини инновационные экосистемы. Есть «Сколково», есть НТИ *(национальная технологическая инициатива)*, есть сейчас НОЦы *(научно-образовательные центры)*, есть «долины» — ИНТЦ *(инновационные научно-технологические центры)*. В общем, есть различные небольшие системы, в каждой из которой есть свои успехи, свои достижения. Но если говорить в целом о том, чтобы вся экономика стала инновационной — пока, к сожалению, такой системы нет.

Международное сотрудничество. Да, мы видели, что оно прекрасно сработало, видим, что оно нужно, но, к сожалению, сейчас серьезный момент, потому что в условиях геополитического противостояния и влияния геополитики на принятие всех остальных решений развитие международного научного сотрудничества вызывает озабоченность.

Я приведу пример. Сейчас в Соединенных Штатах в Сенат и в Палату представителей внесен так называемый билль 1260 — закон об инновациях и конкуренции, серьезный документ, отражающий реакцию Соединенных Штатов (которая тоже в определенной степени стимулирована уроками ковидного времени) и пересмотр политики в области инновационного развития. Нам, вообще-то, казалось, что у американцев с инновациями дела обстоят неплохо, это по многим направлениям лидирующая страна, но то, как они сейчас сами себя видят и измеряют, показывает существенную неудовлетворенность. Они видят, что экономики ряда других стран прогрессируют гораздо быстрее за счет инноваций. И в этом законопроекте предложено на ближайшие 5 лет увеличить приблизительно на 100 млрд долларов финансирование интерфейса между наукой и технологиями. В известное агентство, которое называется National Science Foundation (NSF), финансирование которого, кстати, в этом финансовом году на уровне 8,5 миллиардов долларов, в это агентство будет влито в ближайшие 5 лет еще около 100 млрд долларов, то есть его финансирование повысится фактически в 3 раза. Там будет организован директорат технологий и инноваций, хотя агентство до сих пор поддерживало только научные

исследования. Это серьезные планы для развития, и мы, конечно, должны обращать на это внимание. Почему это делается? Американцы измеряют себя и видят, что проигрывают это соревнование. Проигрывают, конечно, прежде всего Китаю, они это не скрывают. И этот билль имеет соответствующую направленность.

Но очень тревожно, что в этом законопроекте есть статьи, где предлагается блокировать международное сотрудничество не только с Китаем, но и еще с тремя странами — Северной Кореей, Ираном и Россией. Причем блокировка посредством того, что американским ученым не будет выделяться федеральное финансирование в том случае, если они сотрудничают с нами. Это может быть сильнейшим ударом по международному научному сотрудничеству с участием России, особенно если к такому подходу присоединится кое-кто в Европе. Конечно, это исключительно серьезный и недружественный шаг в отношении международного сотрудничества. Мы должны это, коллеги, иметь в виду, что здесь нас могут ожидать значительные ограничения. Еще раз хочу сказать, что без международного научного сотрудничества, особенно в области фундаментальных и поисковых исследований, конечно, в одиночку делать какие-то прорывы очень тяжело, потому что наука — уже давно международное поле деятельности.

Но давайте все-таки смотреть вперед с оптимизмом. Есть, я думаю, нормальные ожидания, которые основаны на общих механизмах экономического развития, работающих во всем мире. Я прежде всего имею в виду развитие наших крупных инновационных и наукоорентированных компаний. Это и частные компании, это и компании, смешанные, с государственным присутствием. Просто по самой логике развития, если компания работает на международном уровне, продукт, который она разрабатывает — это продукт международного рынка, то эта компания просто обречена на то, чтобы быть достойным участником мировой конкуренции за новую продукцию, она должна будет обращаться к науке. Причем чем глубже из науки она почерпнет новое знание и чем скорее она внедрит это знание в рынок, тем больше будет добавленная стоимость и тем больше компания с удовольствием реинвестирует в науку. Если вы посмотрите, все те страны, с которыми мы сейчас хотим конкурировать, уже научились этой обратной связи — быстро взять новое знание из науки, быстро вбросить продукт в рынок, получить сверхприбыль, связанную именно с тем, что это не просто какое-то небольшая модернизация технологий, а именно новое глубокое решение; получить за счет этого сверхприбыль и реинвестировать в науку. Вот эта обратная связь у них работает. Наша задача — запустить эту обратную связь с помощью наших инновационных компаний. У нас есть примеры таких компаний и таких проектов, и я думаю, что мы действительно будем получать их гораздо больше в ближайшее время. И это надежда на то, что просто объективные экономические законы рыночной экономики, которые действуют в мире, заработают на полную и у нас. Но к этому, конечно, обязательно нужны еще те меры стимулирования, которых мы ждем от государства.

В последнее время мы видим, что в ряде секторов уже включены такие меры стимулирования. Давайте возьмем сектор IT. Там первый пакет поддержки уменьшение налогов, разумно организованный фрилансинг и так далее. Это же исключительно правильно. Сейчас готовится второй пакет мер поддержки. Но такие пакетные решения поддержки и стимулирования должны быть не только для IT-сектора, они должны быть для всех направлений науки, которая сейчас действительно дает серьезный вклад в инновации. Это, безусловно, и биотехнологии, это, вне всякого

сомнения, и вопросы, связанные с развитием искусственного интеллекта, это и новая эффективная энергетика, это, вообще говоря, и новая минерально-сырьевая база, которая ориентирована не только на производство огромного количества углеводородов, но и на производство тех элементов, тех металлов, которые чрезвычайно высоко ценятся на мировом рынке, но для производства которых нужны новые подходы и к добыче, и к переработке.

Уважаемые коллеги! Наверное, очень правильно было бы сегодня также сказать несколько слов о другой задаче, которая потребует серьезных решений, научных и научно-технологических, может быть, не так быстро принимаемых и не требующих такой острой реакции, как ковид, но исключительно важных — это вопросы, связанные с климатической повесткой. И совершенно ясно, что мы будем участвовать в международном, глобальном процессе. Здесь важно понять, как сделать траекторию развития высокоэффективной за счет перехода к новой безуглеродной или малоуглеродной экономике. И это опять вызов для нашей страны, и вызов более существенный, чем для других стран из-за сохраняющейся зависимости российской экономики от экспорта углеводородов. Но в каком-то смысле задача схожа с задачами, которые были поставлены в связи с пандемией, поскольку надо искать совсем новые решения и никто, кроме ученых, их не предложит.

Готовы ли мы к новым решениям в отношении углеродной или климатической повестки? Давайте вспомним три урока ковидного времени. Первое — это задел. Есть ли у нас сейчас задел со стороны науки для того, чтобы браться за практические дела? Надо сказать, что задел не до конца понятен, потому что есть много вопросов, совершенно фундаментальных, которые мы не понимаем, и у нас нет доказательств того, что это так. Европа говорит, что мы в расчете углеродного налога будем брать вот такие и такие цифры по секвестированию углерода вашими лесами. А откуда эти цифры? Почему наше дерево того же рода в 3 раза хуже дерева, которое растет в Европе или где-то в Бразилии? Этот вопрос требует, естественно, доказательного решения. Я не хочу обсуждать — в 3 раза, в 2 раза, но вопрос в том, что у нас должны быть обоснованные цифры, если мы говорим о секвестировании углерода, а этих цифр нет, и здесь наука, конечно, должна сказать свое слово. Нам говорят, что мы находимся по загрязнению на четвертом месте в мире и недостаточно ведем работу, но, извините, давайте посмотрим на выбросы парниковых газов. Вообще у нас в европейской части страны западная роза ветров, и тот же самый углекислый газ переносится в атмосфере со скоростью в сотни км в сутки. И то, что мы здесь имеем, в значительной степени «прилетело» к нам из Европы. Так, может быть, мы, наоборот, чистильщики для Европы. Должен быть ответ на этот вопрос, а ответа нет, потому что мы не мониторируем, что к нам прилетает. У нас нет ни датчиков, ни системы такого мониторинга. Конечно, должен быть национальный мониторинг, который в целом показывал бы нам ситуацию, откуда это все берется и куда переносится. Задача очень важная ввиду огромного масштаба нашей страны. Если мы возьмем небольшие страны, то там действительно такой глобальный мониторинг существует. Например, в Южной Корее есть эта система мониторинга, и они четко показывают, что «прилетело» из Китая.

Это очень важные вопросы, связанные, например, с атомной энергетикой. Вопрос, насколько атомная энергетика является загрязнителем и как ее учитывать в климатическом налоговом регулировании. Пока в европейской климатической таксономии она не считается чистой. Вроде бы расчеты, исследования

показывают, что никакого существенного углеродного следа атомная энергетика не дает и она почти такая же чистая, как энергетика ветровая. Если даже посмотреть и на общую радиационную нагрузку на природу, которую она дает, то это меньше природного радиационного фона. Да, существует фобия, связанная с Фукусимой, Чернобылем и так далее, но современные реакторы, современные системы защиты настолько надежны, что, вообще говоря, оценку атомной энергетики надо пересматривать. И это, кстати, было бы очень сильным нашим козырем, потому что «Росатом» имеет лидирующие позиции в мире в этом направлении — и в плане безопасности реакторов, и в создании новых реакторов замкнутого цикла, и во многом другом. Здесь тоже задание для нашей науки доказательно обосновать чистоту атомной энергетики.

Второй момент — это международное сотрудничество. Что бы мы с вами ни говорили, правительства других стран будут принимать решения только в том случае, если ученые этих стран согласятся с выводами наших ученых относительно того, что представляет собой наша страна с точки зрения генерации парниковых газов и их секвестирования. Здесь принципиально важно международное сотрудничество. Что бы мы с вами здесь ни померили, ни опубликовали в статье, пока зарубежные ученые с нами не согласятся, их правительства не будут слушать ничего. Но здесь надо отдать должное, что правительства, по крайней мере, в Европе прислушиваются к своим ученым, поэтому роль международного сотрудничества важна.

Когда мы говорим о смычке науки и инноваций, реального сектора экономики, то, что в решении климатических задач существенная роль должна принадлежать нашим компаниям. И мы уже сейчас видим, как некоторые компании, это и ЕВРАЗ, и ФосАгро, и Сибур просто выходят с предложениями к нам, ученым о совместной работе, что доказывает необходимость смычки естественных наук с экономическими науками. И мне кажется, что эта новая глобальная проблема для нашей науки и для Академии наук в целом. Мы обязательно должны повысить свою роль, повысить свою видимость в обществе для государства и для российской экономики в целом.

Уважаемые участники Форума! Я считаю, что сейчас роль экономической науки в том, чтобы задать правильный вектор движения по новой траектории экономического развития. Это задача, которую мы с вами должны обсудить, должны решить и представить рекомендации для нашей системы управления.

Я еще раз приветствую вас на Форуме и надеюсь, что мы с вами воспользуемся шансом, который сейчас появился для нашей науки, чтобы повысить свое влияние в обществе.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Доклад на МАЭФ, Российская академия наук, 26 мая 2021 г.

GLOBAL TRANSFORMATION OF MODERN SOCIETY AND NATIONAL DEVELOPMENT GOALS OF RUSSIA

Report to the MAEF, Russian Academy of Sciences, May 26, 2021

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-54-65

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич
Сопредседатель МАЭФ, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор

Sergey D. BODRUNOV
MAEF Co-Chair, President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the Institute for New Industrial Development named after S.Yu. Witte, Doctor of Economics Sciences, Professor

Аннотация

Современные экономика и общество пребывают в кризисном состоянии, которое обусловлено исчерпанностью существующей парадигмы развития, основанной на концепции «рыночного фундаментализма». Высокие темпы технологического развития и переход к новому технологическому укладу обостряют противоречия существующей социальной и экономической организации, порождают множество проблем, которые могут привести к цивилизационному кризису. В этой связи необходимо развитие новых теоретических концепций, адекватных современному периоду глобальных трансформаций. Автором показано, что такого рода концепции должны строиться на теориях Нового индустриального общества второго поколения и ноономики. Интеграция элементов этих теорий в систему современного знания, а также имплементация их выводов в практику проведения экономической политики будет способствовать преодолению существующих проблем и успешному достижению целей национального развития России.

Abstract The modern economy and society are in a state of crisis, which is linked to the exhaustion of the existing development paradigm based on the concept of "market fundamentalism". High rates of technological development and the transition to a new technological order exacerbate the contradictions of the existing social and economic organization, causing problems that can lead to a civilization crisis. It is necessary to develop new theoretical concepts that are adequate to the modern period of global transformations. The author shows that such concepts should be based on the theories of the New Industrial Society of the second generation and noonomy.
Integration of the elements of these theories into the system of modern knowledge, as well as the implementation of their conclusions into the practice of economic policy will help to overcome existing problems and successfully achieve the goals of Russia's national development.

Ключевые слова Технологическая трансформация, социально-экономическое развитие, цивилизационный кризис, глобальные проблемы, солидаризация общества, Новое индустриальное общество второго поколения, ноономика.

Keywords Technological transformation, socio-economic development, civilization crisis, global problems, solidarization of society, New industrial society of the second generation, noonomics.

Уважаемые коллеги!

Базовая идея проводившихся в последние годы многочисленных международных экономических конгрессов состояла в поиске новых траекторий развития экономики и общества в целом в условиях новых вызовов.

Первоосновой осознания этих вызовов стало понимание определяющего характера технологических трансформаций для формирования будущего человеческой цивилизации. Даже далеко не сторонники сугубо технократического подхода уже не могут не признать, что именно развитие знания, познания человеком мира, своих потребностей и способов их удовлетворения, породивших НТП и индустриальный способ производства, технологические импульсы — именно все это порождает изменения, перерастающие на современном этапе в глубокую трансформацию нынешней парадигмы общественного развития.

Как следует из гегелевской диалектики, накопление количественных изменений в системе неминуемо приводит к качественному скачку, к ее переходу в новое состояние. Именно такая картина, в строгом соответствии с фундаментальными философскими закономерностями, сложилась в современной социально-экономической и общецивилизационной системе.

Предметом анализа сегодня являются те изменения, которые мы, во-первых, имеем возможность наблюдать в экономике и обществе, во-вторых, вопросы «конструирования» образа будущего экономического и социального устройства, а также, в-третьих, обсуждения инструментария бесконфликтной и эффективной трансформации к этому будущему состоянию, переходу к более справедливому и разумному, целесообразному обустройству жизни.

Наверное, многие согласятся с тем, что сейчас мировая социально-экономическая система и ее слагаемые — экономика, общество, человек — находятся в глубо-

ком и всеохватывающем кризисе. Намеренно расширяя взгляд на проблему, отметим, что пандемия стала его триггером, но не причиной. Нынешний экономический кризис — лишь яркое проявление общего кризиса мировой социально-экономической системы.

Он в полной мере затронул сложившуюся в настоящее время совокупность *производственных отношений и экономических институтов*. Рыночные механизмы саморегулирования все чаще дают сбои. «Невидимая рука» рынка чем дальше, тем больше указывает в сторону финансовых спекуляций и хищнического использования ресурсов, а не прогресса человеческих качеств и решения социальных проблем.

Не лучше обстоит дело и с институтами государства и демократии: в одних странах подвергают сомнению результаты выборов, в других эти результаты известны задолго до выборов, и т.п. Свобода, с одной стороны, все чаще превращается в смесь вседозволенности с безразличием, а с другой — попирается корпоративным, масс-медийным и идеологическим манипулированием.

В очевидном кризисном состоянии находятся мировые экономико-политические взаимодействия. Геополитэкономическая конфигурация мира изменяется, но траектории этих изменений неопределенны и противоречивы.

И — едва ли не наиболее негативный момент: возрастают риски развития тенденций отчуждения человека от позитивных идейных и духовных ориентиров, взрывного роста социопатических проблем вследствие стремительного прихода цифро-коммуникативно-виртуальных технологий (т.н. инфодемии) в неподготовленное к этому общество — конфликтогенности и агрессивности на межличностном, межстратовом и межстрановом уровнях, межпоколенческого коммуникативного и социального разрыва, в результате чего деформируются категории прогресса, истины, добра, исторической правды, гендерных и семейных ценностей и т.д.

Конечно, не стоит впадать в алармизм. Но каждый из участников нашего Форума, уверен, чувствует как личность и признает как интеллектуал, что ситуация, действительно, крайне противоречива. И — чревата, без нахождения путей разрешения этих противоречий, немалыми, если не глобальными, проблемами.

И это, подчеркну, — и *практическая* проблема, и *теоретический* вызов.

Тем важнее искать и находить лежащие в пространстве **науки** решения, которые могут стать основой для выработки теоретически обоснованных, ответственных, стратегически выверенных шагов. Поэтому далеко не случайно именно в наше время, время глобальной трансформации нашей цивилизации, обусловленной переходом к новому состоянию общества, Новому индустриальному обществу второго поколения, к новому *мирохозяйственному* укладу на базе технологий нового *технологического* уклада, научная общественность, бизнес-структуры и власти обращают свой взор к опыту научного осмысления, практик и теоретических концепций развития общества.

В чем специфика сегодняшнего положения?

Ответ на этот вопрос требует анализа глобальных трансформаций последних десятилетий, и особенно — проблемы исчерпания действующей экономической парадигмы удовлетворения общественных потребностей и генезиса тенденций ноономики как отличного от исключительно экономического способа удовлетворения реальных потребностей людей.

Сегодняшний мир захлестывают проблемы. Это — бедность и нищета сотен миллионов, достигшее беспрецедентных размеров неравенство не только отдельных страт населения, но и целых стран в доступе к общественным благам, искусственное торможение развития человека, новые социо-когни-психологические проблемы драматического уровня, разрушение среды обитания и биоразнообразия природы, неустойчивость мировой экономики к шокам различной этиологии и многое другое. С усложнением глобальной экономической системы, связанным не в последнюю очередь с наблюдаемым переходом к новому технологическому и мирохозяйственному укладу, резко возрастает неопределенность будущего, хаотизация экономических отношений на всех уровнях, все хуже просматриваются перспективы. Проблема устойчивости общественного развития стала настолько весомой и очевидной, что вызвала к жизни известные документы ООН по достижению целей устойчивого развития, множественные дискуссии различного уровня — от Давоса до Пекина, от саммитов Семерки до консультаций мировых лидеров.

В то же время, мировой уровень общественного производства, отражающий реалии и достижения современного НТП, позволяет уже сейчас приступить к решению большинства этих проблем. Однако, как показывает практика, при многих вербальных благопожеланиях и призывах ведущих акторов мировой политики и экономики, их решение ныне не продвигается темпами, достаточными для опережения темпов развития негативных следствий осуществляемой человеком экономической деятельности.

Это — *глобальное противоречие современности*, и оно обостряется в ходе прогрессирования технологий при сохранении устаревающих, на глазах архаизирующихся экономических моделей, в рамках которых достижения технологического прогресса не служат разрешению упомянутых проблем, а, скорее, наоборот, акселерируют их.

В частности, в полной мере к таковым следует отнести определяющую нынешнюю ситуацию господствующую в мире неолиберальную модель современной экономики, регрессирующую в направлении консерватизма, с его фетишизацией рынка.

Следует сказать, что многие специалисты давно говорят о необходимости отхода от однобокого видения модели развития человечества. Из важной, ключевой сферы, которая создает материальные условия для жизнедеятельности людей и развития общества, современная экономика стала претендовать на определяющую роль в обществе, когда коммерциализация и финансиализация разрушает и деформирует те его сферы — культуру и искусство, образование, воспитание, здравоохранение, спорт, науку и т.д., — которые по самой своей сути ограниченно коммерциализуемы либо вообще не коммерциализуемы без принципиальных деформаций человеческого сознания.

Эскалация этого противоречивого развития, в то же время, однако, чревата множественными достаточно известными глобальными рисками.

Однако негативное разрешение этого противоречия *не безальтернативно*. В недрах самого современного экономического способа удовлетворения потребностей прослеживаются тенденции перехода к иной форме обеспечения общественными благами.

Исследуя долгосрочные перспективы развития, мы наблюдаем и тенденции согласованного достижения этих и более продвинутых целей через постепенную трансформацию технологического базиса экономики, придание ему знаниеинтен-

сивного характера, а социальным процессам — более рационального, разумного, ноо-наполнения.

Материальной основой этой грандиозной трансформации объективно является **процесс технологического развития**. Этот «вечный двигатель» общественного прогресса, однако, сегодня встроен в весьма неэффективную систему. Потенциал современных НБИКС-технологий неисчерпаемо велик, они могли бы двигать развитие общества вперед с «ускорением ускорения», но существующие экономические отношения и институты тормозят научно-технический и общественный прогресс. И здесь было бы вполне уместно характеризовать ситуацию известным марксистским тезисом о том, что производственные отношения на определенном этапе могут становиться тормозом, «оковами» прогресса производительных сил, или, следует добавить, — прогресса общественного развития.

О каких главных, определяющих позитив общественного прогресса, трендах в развитии технологий мы можем говорить в этой связи? Их много, но сегодня выделим лишь три основных, фиксирующих объективные аспекты прогресса технологии на нынешнем этапе:

- превращение *знаний* в главный *источник, ресурс и результат* социально-экономического развития;
- транзит к шестому технологическому укладу и далее;
- возросшая зависимость всех основных результатов социального бытия (от форм экономической организации до политического устройства и культурных императивов) от технологического базиса.

Мощь современных технологий создает объективно востребованную возможность перезагрузки и позитивной трансформации всех сфер — общественного производства, социально-экономических отношений и институтов.

Каким в связи с этим может быть **путь** перехода к этому новому качеству общественного бытия?

Этот путь формирует равнодействующая, говоря языком математики, четырех базовых векторов.

Первый вектор касается материальных условий перехода.

Технологический прогресс уже на уровне шестого уклада создает материальный базис для того, чтобы несимулятивные потребности человека удовлетворялись в полной мере. Даже сегодня в странах, где драйвером материального производства является пятый (пока еще даже не шестой!) технологический уклад, в основных отраслях материального производства (промышленность, транспорт, строительство, сельское хозяйство) занято всего лишь 20–25% работников. Между тем эта четверть всех работающих производит достаточно машин и оборудования, сельскохозяйственного сырья и транспортных услуг, чтобы полностью обеспечить потребности своих стран и еще экспортировать продукции этих отраслей больше, чем импортировать. Человечество уже сейчас стоит на пороге движения к пространству «по ту сторону» материального производства.

Но — подчеркну — *не по ту сторону индустрии;* напротив — оно стоит на пороге движения к наиболее развитой индустрии, качественно иной индустрии — индустрии, где человек выполняет лишь творческие функции, переложив остальные на систему машин. Поэтому, говоря о реиндустриализации, о развитии промышленного производства, его возрождении, мы говорим о том, что эти процессы должны происходить на *новой технологической основе*. Ключевым фактором и базовым

ресурсом развития материального производства в современную эпоху становятся не природные ресурсы, не капитал или дешевый труд, как это было ранее, а *знания*. Новые знания, которые касаются, прежде всего, новых технологий деятельности. Новое производство отличается от традиционного своей высокой знаниеинтенсивностью, а производимый им продукт — высокой знаниеемкостью. Именно это становится базовым фактором, материальной основой и предпосылкой общественного прогресса.

Второй вектор касается базисного механизма формирования и удовлетворения человеческих потребностей.

Это — постепенная трансформация преимущественно экономического способа удовлетворения потребностей в преимущественно неэкономический.

Одно из принципиальных слагаемых этого процесса, и даже, возможно, важнейшее — **диффузия собственности**.

Процессы формирования преодолевающих границы института частной собственности способов присвоения, распоряжения и использования собственности — дробление собственности, перенос прав частных элементов права собственности к акторам-эксплуатантам собственности, узурпация общественными институтами, и особенно государством, элементов прав собственности в целях, отличных от целей владельца-собственника, и т.п. — известны давно. Но не меньшее значение имеют относительно новые по времени и новые по свойствам и глубине последствий тренды — стремительного развития различных форм т.н. ассоциативного, совместного производства и потребления, организации не только экономической активности, но и, что еще более отличает эти тренды от традиционных, — все более активных (и, подчеркнем, востребованных обществом, что делает их объективными) — форм организации пространства и рабочего, и все более увеличивающегося свободного времени: *коворкинг, коливинг, каршеринг, краудсорсинг и краудфандинг в финансовой сфере, в развитии общедоступных сетей знаний, постепенно снимающих границы интеллектуальной частной собственности,* и т.п. Более того, входит в научный социолого-философский словарь и социальный обиход понятие «отказ от собственности».

При этом важно зафиксировать: речь следует вести уже о **диффузии не частной собственности, а собственности как особого отношения и института** (равно как и соответствующей категории, выражающей наиболее существенные отношения действительности). И эти отношения не есть величина постоянная — они меняются в процессе общественного развития.

Таким образом, изменения, происходящие с институтом собственности, обуславливают изменение экономических отношений. Если собственность как институт «диффундирует», то редуцируются и утилитарные экономические отношения, уступая постепенно, по мере эволюции, место иным, не навязанным — напрямую, а затем и косвенно — исключительно экономической логикой. И происходит это не потому, что некий **субъект** совершает политический, насильственный акт и «экспроприирует экспроприаторов», а в силу **объективного**, от воли и сознания субъектов общества не зависящего процесса — в силу прогресса технологий, приводящих к смене одного типа общественного производства и присвоения другим.

Но — только при условии движения по остальным векторам развития.

Посмотрим на следующий, третий вектор.

Он касается траектории общественной компоненты цивилизационного развития.

Технологический прогресс и диффузия собственности прокладывают дорогу **социализации общества и развитию ноокачеств человека**.

Описанные выше процессы прогресса НТП и диффузии собственности ведут к тому, что Человек обретает (частью — вынужденно, частью — сознательно) все бóльшую социальную ответственность, становясь все более «социальным», все более культурным, признающим свою общественную миссию, включающую не только уже упомянутую ответственность, но и общественное признание, **продвигаясь от «зоо» к «ноо»** — как в отношении формирования своего поведения в обществе, так и в отношении формирования *критериальной* базы этого поведения, мотивов, *нравственно-ценностного ядра*.

Здесь следует обратить внимание на оборотную сторону социализации человека: социализирующийся, принимающий нормы общества, его установок, морали и т.п., т.е. становящийся все более культурным, ответственным перед обществом человек оказывает соответствующее — *социализирующее* — воздействие на экономические, политические и т.п. *общественные институты*, внося в них собственные, порой — отличные на конкретном этапе, представления и форматы бытия. Раздвигает существующую критериальную базу, **социализирует общество.** Все более социализирующийся человек привносит в общественное бытие и в общественное сознание новые ценности и мотивы жизнедеятельности и поступков, трансформируя тем самым социо-политико-экономические институты, делая их все более ориентированным на нооразвитие. Конечно, если будут прилагаться осмысленные, **осознанные** в своей *безусловной необходимости* усилия по формированию соответствующих идей и принципов их осуществления.

И здесь важен вектор четвертый, касающийся идеологической платформы такого развития — **солидаризм** как «синергетический принцип» взаимодействия индивидов, социальных групп, институтов, стран, народов.

Подчеркну: современная модель экономики и общества основана на получении субъектом преимущества и выгоды для себя, на превалировании одного субъекта над другим. Это касается и людей в экономике, и стран. Но все более востребованный учет интересов других субъектов приводит — и это ярко подчеркнула пандемия — к необходимости *солидарного* решения упомянутых хозяйственных и социальных вопросов.

Понимание этого находит отражение, например, в концепции со-конкуренции, в теории пяти конкурентных сил Майкла Портера, в ряде других идей. Этот намечающийся в теоретическом осмыслении мировой наукой консенсус подтверждает тезис о том, что *солидаризм — объективное условие выживания человеческой цивилизации и генезиса нооструктуры общества. По сути, он является идейной платформой для перехода к его новому состоянию, цементирующим составом всей конструкции будущего общественного устройства*.

Более того, отметим, осознание этого приходит и к нам, в Россию, воплощаясь в идейный базис нашего развития. Поправкой к Конституции России 2020 года солидаризм провозглашается в РФ на уровне Конституции (статья 75-1); цитирую: «В Российской Федерации… обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Таким образом, **названные выше четыре направления характеризуют не только компоненты равнодействующей направления движения, но и, одновременно, источник, цель, механизм и средства нооразвития.**

При этом важно отметить — такое направление развития на базе преимущественно неэкономических механизмов — это **объективный процесс**, зреющий в недрах современной экономической системы, который указывает на возможный (хотя и не единственно возможный) и оптимальный вариант решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Базисные тенденции Новоидустриальной экономики ближайшего этапа объективно выстраиваются вокруг человека, его нужд, его реальных потребностей. Подчеркну особо — *не симулятивных потребностей*, навязываемых нынешней финансиализированной глобальной экономикой.

Эти тенденции:

- **во-первых**, не просто развитие знания, НТП — но применение его для *решения реальных задач развития человека* — его благополучия, образования, здоровья, активного долголетия и т.д.;
- **во-вторых** — это природосбережение и экология, *среда обитания человека*, возобновляемое ресурсное обеспечение хозяйственной деятельности и многое в этом отношении подобное;
- **третья** тенденция — этика, культура, ответственность *социальных и межличностных отношений*, ведения бизнеса, экономической и хозяйственной деятельности.

Эти **три** глобальные — подчеркну: объективные и объективно необходимые! — тенденции поддерживаются и одновременно поддерживают упомянутые выше **четыре** фактора генезиса грядущего этапа общественного развития.

Этот процесс, еще раз подчеркну — *объективен*. Он, если не случится глобальная бифуркация развития, способен привести к более устойчивому состоянию общества, в котором большинство упомянутых проблем нынешнего времени найдет свое разрешение.

Но это, и это тоже надо жестко подчеркнуть, не значит, что данный процесс произойдет автоматически. Будет немало отклонений на этом пути, и многие из них как раз чреваты не просто сбоем развития, но — глобальными проблемами.

Именно поэтому без целенаправленных усилий по поддержке продвижения ноотенденций не обойтись.

Нужна существенная корректировка курса, позволяющая разрешать глобальные противоречия на основе гуманистических целей развития.

Нужна она и нашей стране. Для России, включенной в глобальные мировые геоэкономические и геополитические процессы, на которую эти процессы оказывают обуславливающее ее развитие влияние, необходимы и целевые установки развития с учетом глобальных тенденций, и определение соответствующей стратегии, как и рациональных способов ее реализации.

Отметим, что практически весь постсоветский период наша страна развивалась без ясно обозначенной стратегии.

Думаю, это осознавалось. Делались, надо отдать должное, попытки такую глобальную стратегию выработать. Это происходило и в 2017 году, и в 2019-м. Но эти попытки, в силу сложности решения данной задачи в условиях современной динамической (и — ускоряющейся в своих изменениях, в этой динамике) социально-экономической системы, не были доведены до реального результата. Планировалось вернуться к этой работе позже, но — здесь будем объективны, вмешалась пандемия, и задача была отложена.

Однако теперь ситуация изменяется. Пандемия, смеем надеяться, под напором наших микробиологов и медиков, сознательных граждан постепенно отступает.

Активно в России правительство. Восстанавливается, и неплохими темпами, экономика.

При этом к данному моменту принят ряд немаловажных для этой работы предваряющих решений. Президентом России установлены цели национального развития, из которых можно понять, что мы, в общем и целом, намерены строить социально-ориентированное общество с развитой экономикой нового технологического уклада. Есть многие подцели этих национальных целей. Есть национальные проекты. И — немало отраслевых, региональных и прочих стратегий, в которых более-менее ясно обозначены пучки и пласты проблем, подлежащих разрешению, которые можно было бы учесть в рамках разработки общегосударственной стратегии.

Назрела, таким образом, и острая необходимость, и возможность выработки нашей главной стратегии — стратегии развития страны.

И вот на этом я хочу сегодня, коллеги, остановиться подробнее во втором блоке доклада. Думаю, наш Форум — это то место, где озвучить и обсудить предлагаемые научным сообществом подходы особенно важно.

Правительство России по поручению президента сейчас работает над проектом Стратегии развития России. Горизонт Стратегии — 2035 год и, что называется, более отдаленная перспектива. Создано несколько рабочих групп, анализируются варианты, механизмы, ресурсы. Определяются контуры направлений, так сказать, главного удара. При этом важно, что тренд, намечающийся в целеполагании стратегии, весьма созвучен гуманистическим целям и подходам опережающего ноо-развития.

Следуя призыву Президента России включиться в конструктивную дискуссию по этой важнейшей проблеме, эксперты ВЭО России в тесном взаимодействии с подразделениями РАН включились в эту работу, проведя сложные обсуждения и непростые консультации. Отталкиваясь от обозначенной президентом системы национальных целей развития, отвечая на новые вызовы, фиксируя, что главная цель экономики — служить прогрессу человеческих качеств в парадигме «не человек („трудовой ресурс“) для экономики, а экономика как средство развития человека» в принципиальной логике развертывания по траектории: «прогресс технологий — знаниеемкое производство — развитие культуры, новых ценностей и общественных отношений — развитие личности», ученые ориентируют на поддержку стратегией конкретных инициатив и проектов по ряду основных направлений.

Назову некоторые из них.

Первое — «человекоориентированная» *социальная модель развития*. Здесь — в главном — представляется необходимым достижение абсолютно конкретных целей. Сегодня, несмотря на относительно успешный выход наш из первого, шокового периода пандемии, мы должны учитывать накопленные нами проблемные зоны и негативные тенденции в социально-экономической сфере. Мы постоянно отстаем. К примеру, возьмем ВВП по номиналу: ВВП США в 2013 году был больше российского в 7,3 раза, ВВП КНР — в 4,2 раза, а по итогам года 2020-го США нас опережает уже 14 раз, а Китай — почти в 10 раз. По ВВП по ППС за тот же период мы ушли с пятой позиции в мире на 6-ю, с приличным отставанием от перешедшей на пятую позицию Германии. Или — по ВВП на душу населения (по номиналу) мы с 2013 по 2020 год перешли с 51-го места в мире на 65-е, нас в прошлом году уже обогнали Китай и даже Малайзия, тогда как еще в 2013 году этот показатель у нас был выше китайского в 2,2 раза, а малайзийского — в полтора. В КНР продолжительность жизни достигла 77,4 года, у нас — в 2019-м — 73,2 года, а сейчас вообще

упала до 71,1 года, при том что у наших китайских соседей, судя по поступающей аналитике, падения продолжительности жизни вообще не произошло. И разрыв в этих показателях растет, что тоже важно видеть. Поэтому для нас крайне необходимо не просто приращение численных показателей в экономике, а усиление одновременно социальной компоненты развития. Среди очевидных целей здесь — уменьшение малообеспеченного слоя населения и увеличение доли среднего класса. В числе мер должен быть не только сохранен достаточно обширный пакет традиционных и даже радикально усиленных мер по снижению бедности, поддержке малообеспеченных и нуждающихся страт и социальных групп, но, к примеру, в рамках нового общественного договора — императивная переориентация государства на «человека-клиента». В этом ключе стоит поддержать идеи введения на достаточно высоком уровне общероссийского стандарта услуг общественного и бюджетного сектора и оплаты труда, при значимом повышении доли затрат на оплату труда в национальном продукте, меры по снижению межрегиональной и межотраслевой дифференциации в оплате труда и внедрение системы социального казначейства, корректировка денежно-кредитной политики, меры налогового регулирования уровня материального неравенства граждан.

Второе направление — это *переход от отставания к научно-технологическому прорыву* и занятию лидирующих позиций в мировом инновационном и научно-техническом соперничестве. Целевой ориентир здесь — удвоение темпов технологического развития и вхождение к 2035 году не в десятку, как предполагалось ранее, а в пятерку мировых научно-технических лидеров по базовым направлениям 6-го технологического уклада; важнейшие инструменты в этом направлении — технологическое перевооружение индустриального сектора экономики и новая высокотехнологичная экономика, агрессивные вложения в инфраструктуру, цифровизация с упором на больши́е данные о гражданине (т.н. «цифропрофилирование» граждан) и т.д. Особое внимание необходимо уделить поддержке и повышению уровня финансирования фундаментальной науки, которая не только формирует научный каркас НТП, но и прямо дает весомый, хотя и не всегда адекватно высоко оцениваемый обществом, вклад в экономику и социальное самочувствие общества. Сейчас у нас траты на фундаментальные исследования не превышают 0,15% ВВП, тогда как у стран, с которыми конкурирует российская наука, как правило, они выше 2% ВВП. В то же время имплементация фундаментальных научных разработок — это основа развития современной экономики, ее отраслей, составляющая уже, собственно, суть описанных выше трансформаций общественного развития. Возьмите, к примеру, открытия в исследовании нано- и гетеро-структур, космоса, принципов движения, связи и телекоммуникаций, философско-социологическом осмыслении процессов развития — и вы увидите, что вот это и есть современное общество, результат того, что дала наука в предыдущие десятилетия. Пандемия подтвердила, и жесточайшим образом, необходимость исследований в сферах биомикромира, химии и биохимии, генетики, антропологии, биоценозов, медицины. Или, к примеру, до поры до времени не столь явных по, назовем, сиюминутной компоненте, но важнейших для человека исследований в сфере магнитных бурь, приводящих к немалым проблемам для значительной части людей, геоиндуцированных токов, возбуждаемых в технологических системах при резких колебаниях геомагнитного поля, с их колоссальным и вполне ощутимым экономически влиянием на работу энергетических и транспортных систем. Примеры можно множить, в этих стенах

их назовут сотни и тысячи. Необходимо признать — в стратегии развития России должна быть, несомненно, учтена и эта задача. Кроме того, важно усилить и образовательную, и инновационную составляющие нашего продвижения, в их интеграции с наукой.

Третье — *экологически ориентированное развитие* и создание каркаса экономики *природосбережения*. Нобелевский лауреат по экономике и медицине Конрад Лоренц предупреждает, что мы разучились правильно обходиться с живой природой, поскольку человеку проще в рамках своей деятельности иметь дело с техпроцессами и техустройствами, причиняя природе непоправимое зло. Это — не просто важное заявление; специалисты воспринимают такой подход как императив при определении стратегии деятельности. Для России — это также сверхактуальная проблема. При этом, однако, нам важно учитывать наши экологические возможности и особенности российской экономики. Представляется, что в качестве приоритета нам целесообразно обозначить не только сокращение т.н. «углеродного следа», но — комплексное использование природных ресурсов при принятии и реализации высоких норм природосбережения в рамках концепций «чистый воздух», «чистая вода», «рациональное лесопользование», решения проблемы промышленных и бытовых отходов и других, при поддержке внедрения экологически чистых технологий в традиционной для России энергетике.

Четвертое направление — новая модель *пространственного развития*, направленная на подъем срединной России и новый поворот на Восток и к Арктике. Следует безусловно поддержать идеи, связанные с развитием дорог, в том числе новых высокоскоростных трансроссийских хорд, новых веток северного широтного хода и многих других проектов в этой области — по мнению ученых, они привлекательны не только экономически, но и — имеют высокую стратегическую важность для повышения пространственной связности страны и коррелируют с задачами развития социально-ориентированной экономики. Важен и еще один аспект этого блока проблем — создание новых уровней и механизмов территориального управления и финансирования регионального развития, постепенный пошаговый переход от нынешней практически полностью дотационной на нормальную систему финансирования — самоокупаемость, самофинансирование и — на этой основе! — самоуправление, формирование бюджетов развития регионов и территорий, перераспределение налогов и другие меры. Специалистами предлагаются меры по повышению комфортности среды обитания и жизнедеятельности людей — такие, как программы «умный город», «тридцатиминутный город», «инфраструктура села» и другие.

Наконец, Стратегия должна предусматривать развитие человека-гражданина, ответственной личности, человека высокой культуры и широкого кругозора, образованного и высокоморального, готового к солидарному решению общественных проблем. И это — не благое пожелание, а также — объективная необходимость. Уровень технологического развития современного общества таков, что без высокоответственного отношения к использованию его результатов человек может навлечь на себя неисчислимые проблемы, возможно, напрочь перечеркивающие любые экономические и социальные бенефиции от НТП и даже чреватые самоотрицанием человека. Необходима перенастройка человеческого сознания, повышение и уровня социализации общества, и уровня ответственности людей. Отсюда — особое внимание институтам социального проектирования, образования, воспитания, в том числе — через повышение доступа населения, особенно молодежи, к арте-

фактам подлинной культуры, объективной истории, знаниям в сфере общественных наук, с созданием и расширением соответствующей материальной и социальной инфраструктуры.

В целом Стратегия развития России, по мнению научно-экспертного сообщества, должна быть направлена на формирование привлекательной модели жизни своих граждан, на реализацию возможности (а она — есть!) сбалансированного, устойчивого развития, обеспечивающего гармонизацию целей существенного прогресса в экономике, связанного с переходом к новому состоянию общества, с одновременным ростом человеческого богатства и природосбережением.

В завершение зададимся вопросом: почему мы считаем принципиально важным реализовать этот подход опережающего развития, ведущего к новому этапу жизни нашего общества?

Ответим. Опережающее развитие нашего общества, причем именно в направлении «ноо», гуманитарного и социального благополучия, принципиально важно потому, что мы находимся в состоянии острейшей конкуренции за свое будущее с идейными и экономическими силами, навязывающими нам вторичность нашего существования, встраивающими нас в свой будущий мир в качестве «подсобных рабочих» и готовящими нам измельчание, а не развитие человека. Без солидарных усилий в этой могучей конкуренции, причем усилий, организованных на разумной и социально продвинутой платформе, нам не обойтись. Формирование такой платформы и создание условий для реализации решаемых на ее основе проблем — полагаем, собственно, и есть задача и нашей науки, и нашей национальной стратегии развития в условиях современных вызовов.

Спасибо за внимание!

О МЕХАНИЗМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УКЛАДОВ

Доклад на МАЭФ 26 мая 2021 г.

ON THE MECHANISMS OF REALIZING THE GOALS OF RUSSIA'S NATIONAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF CHANGING TECHNOLOGICAL AND WORLD ECONOMIC STRUCTURES

Report to the MAEF on May 26, 2021

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-66-70

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич
Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), вице-президент ВЭО России, академик РАН, д.э.н., профессор

Sergey YU. GLAZIEV
Member of the Board (minister) for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission (EEC), Vice President of the VEO of Russia, RAS Academician, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

В статье изложены основные положения стратегии опережающего экономического развития. Отмечается, что стратегия должна быть реализована в системе стратегического планирования, частью которой должна стать денежно-кредитная политика. Обосновывается необходимость целевой организации кредита через механизмы

частно-государственного партнерства, использование специнвестконтрактов и других форм взаимодействия государства и бизнеса.

Abstract The article outlines the main thrusts of the strategy of advanced economic development. The strategy should be implemented in the strategic planning system, which should include monetary policy. The necessity of targeted organization of credit through the mechanisms of public-private partnership, the use of special investment contracts and other forms of interaction between the state and business is substantiated.

Ключевые слова Стратегия опережающего экономического развития, стратегическое планирование, денежно-кредитная политика, кредиты.

Keywords Advanced economic development strategy, strategic planning, monetary policy, loans.

Я начну свое выступление с цитаты Владимира Владимировича Путина: *«Мы ставим перед собой задачу: на рубеже 2019–2020 годов темпы роста отечественной экономики должны превышать мировые. И для этого сейчас принципиально важно обеспечить приток капиталов в российскую экономику» (из выступления Президента РФ на полях Петербургского международного экономического форума, 1 июня 2017 года)*.

Цели были поставлены, задачи определены. Плановый период их реализации завершился. И какие же у нас результаты?

Возьмем целевые ориентиры экономического развития, которые были поставлены в известной Концепции долгосрочного развития. Целевой ориентир — до 2018 года. Вы помните эту задачу — создание 25 млн рабочих мест. Кое-что сделано — создано 12,5 млн рабочих мест. Ситуация с инвестициями по-прежнему очень плохая. Президент ставил задачу довести норму накопления до 27%, и в этом не было ничего запредельно сложного — в странах, которые совершают экономические рывки, нормы накопления доходят до 35%, а в Китае даже до 44% — тем не менее у нас этот ключевой параметр управления экономическим развитием в 2018 году остался на низком уровне и не поднялся до сих пор. По высокотехнологичным наукоемким отраслям мы тоже видим отставание. Еще хуже дела обстоят с выполнением сырьевых индикаторов роста производительности труда. В бизнес-климате мы тоже, прямо скажем, не преуспели.

Концепция долгосрочного развития, которая была принята в 2008 году, — это, пожалуй, наиболее проработанный документ долгосрочного планирования. Документ получился неплохой, сбалансированный. Казалось бы, все просчитано, продумано, разработчики были удостоены высоких оценок. То есть не было сомнений, что Концепцию долгосрочного развития можно выполнить. Однако что мы имеем в реальности? Темпы экономического роста в два раза меньше, чем планировалось. Рост ВВП за период с 2012 по 2020 год — меньше в 15 раз. Реально располагаемые доходы упали на 5% вместо роста на 50%. Про ситуацию с бедностью вообще говорить не приходится. Социальная ориентация не прослеживается, хотя ставилась задача провести именно социальную переориентацию нашей экономи-

ческой активности, прежде всего бюджетной политики, выйти хотя бы на уровень среднеразвитых стран.

Возникает вопрос: почему эти документы стратегического планирования, над которыми бились лучшие умы — и академическое сообщество, и специалисты в области отраслевых исследований, — не только не были реализованы, но и даже близко к этому не подошли? Посмотрите, как выглядит на графике, например, индекс прироста ВВП, то есть планы сами по себе, реальность сама по себе. Раньше говорили, что между словами и делами дистанция огромного размера, но сегодня мы видим, что стратегия и факты расходятся даже в динамике, причем не в лучшую сторону. Практически по всем параметрам Концепции долгосрочного развития мы не только не приблизились к плановым ориентирам, но и стали хуже.

Теперь мы работаем с другим документом — Целевые ориентиры до 2024 года. Цифры тоже достаточно определенные в количественном плане, а в качественном плане не вызывает сомнений то, что общество поддерживает эти политические декларации. Между тем до 2024 года остается не так много времени, трехлетний бюджет уже сверстан, денежная программа — тоже. Хотелось бы посмотреть, насколько документы реального планирования — к ним мы относим бюджетное планирование и денежно-кредитную политику, то есть денежную программу Центрального банка — позволяют рассчитывать, что к 2024 году мы выйдем на реализацию амбициозных задач: в два раза снизим бедность, улучшим жилье, ускорим технологическое развитие, увеличим количество инновационных организаций.

Самая расхожая задача — попасть в первую пятерку стран мира. Мы видим, что наша доля в мировой экономике устойчиво снижается. При всех разговорах об опережающем развитии и о том, что мы должны быть не ниже первой пятерки, мы движемся намного медленнее большинства успешно развивающихся стран, которые входят в двадцатку. Скоро, я думаю, к нам приблизится и Индонезия. И, к сожалению, судя по документам, которые мы видим в Правительстве и в Центральном банке, где реализуются инструменты экономического развития, перспектив переломить этот тренд нет. Это иллюстрация к тому, что наш вес падает в мировой экономике и в экономике стран ШОС, то есть в наиболее динамичном регионе мира, где сегодня формируется ядро нового мирохозяйственного уклада. Мы находимся на глубокой сырьевой периферии, куда опустились в старом мирохозяйственном укладе, центр которого был в Европе и в США. Мы стали сырьевым придатком и финансовым донором, а также инкубатором для выращивания умов и источником вывоза капитала. С точки зрения взаимоотношения с ядром нового мирохозяйственного уклада, где в настоящее время доминирует Китай, ситуация еще хуже. Наша структура экспорта в Китай хуже, чем общая структура экспорта, хотя еще лет 10 назад все было наоборот.

Перейдем к будущим проектировкам. Мы уже привыкли жить в мире, когда на политическом уровне — одни декларации, а прогнозные данные наших министерств и ведомств, которые отвечают за показатели экономического развития, — иные, потому что они основаны на экстраполяциях. Если политическое руководство хочет экономический рывок и ставит соответствующие задачи, мы объясняем, как возможно этого достичь, разрабатываем соответствующие программные предложения, пишем концепции. Но те, кто реально управляет экономическим развитием, по-прежнему живут в логике достигнутого уровня, опираясь на экстраполяции сложившихся тенденций. Видим, что на ближайшие полтора года ситуация в Евра-

зийском экономическом союзе по темпам роста среднестатистическая, но она ниже Европейского союза, ниже Латинской Америки и всех азиатских государств.

Могли бы мы развиваться, как Китай? Что нам мешало сделать такой же экономический рывок? Возьмем 1995 год, когда в экономике уже сформировалась новая структура, осуществлен переход к рынку, шоковая терапия закончилась. Мы видим, что с 1995 года китайская экономика выросла почти в 8 раз. Мы росли примерно так же, как США, на периферии финансового центра которого мы оказались после шоковой терапии.

Главным фундаментальным инструментом финансирования экономического рывка являются инвестиции, а источником финансирования инвестиций являются кредиты. Вот вам пропорция этого экономического чуда: рост производства в 8 раз, рост накопления объема инвестиций в 13 раз, рост кредитования в 16 раз. Понятно, что это кредитование не с луны упало и не американцы принесли в клювике эти кредиты. Не будем принижать роль иностранных инвестиций, но они все-таки были использованы в основном как источник догоняющего развития и привлечения технологий. Львиная доля этих инвестиций — это внутренняя целевая кредитная эмиссия. Никаких сомнений в этом нет.

Мы уже давно предлагаем стратегию опережающего развития. Не буду на ней останавливаться. Могу сказать, что наши оценки говорят, что, реализуя такую смешанную стратегию опережающего роста нового технологического уклада, динамического наверстывания, наукоемкой промышленности, углубления переработки сырья, догоняющего развития в ряде отраслей машиностроения, стимулирования инновационной активности, мы можем выйти на те же темпы роста, которые наблюдаются в Китае и Индии — около 8% в год. Но темпы роста инвестиций должны быть в 2 раза больше по всем этим показателям. И мы должны наращивать инвестиции с темпом не менее 15–16%, а лучше 20% в год.

Разумеется, вся эта стратегия должна быть реализована в системе стратегического планирования, частью которой должна стать денежно-кредитная политика. Целевая организация кредита через механизмы частно-государственного партнерства, использование специнвестконтрактов и других форм взаимодействия государства и бизнеса — это та ткань индикативного планирования, которая вполне могла бы обеспечить нужный экономический рост. Ресурсы позволяют нам это сделать. У нас есть незагруженные мощности порядка 40%, машиностроение — около 50%, у нас имеется огромный рынок труда с учетом Средней Азии и Украины, у нас имеется невостребованный научно-технический потенциал, то есть все необходимые ресурсы. Но для того, чтобы ресурсы работали, их нужно связать деньгами. Функция денег заключается в связывании имеющихся ресурсов в производственных процессах и инвестициях.

И реальный инструмент экономической политики — это денежная программа Центрального банка. У нас же Центральный банк является нетто-заемщиком в экономике и собирается таковым оставаться вплоть до конца планового периода, то есть до 2024 года. Центральный банк фактически держит деньги Правительства в резервных фондах, порядка 30 трлн руб. Эта цифра только растет, то есть мы не собираемся тратить наши резервы на инвестиции. Центральный банк изымает деньги у банковской системы, потому что ему кажется, что денег в экономике слишком много, поэтому он эмитирует облигации и принимает депозиты, он стал убыточной организацией. Наверно, наша страна — единственная из двадцатки,

где Центральный банк приносит убытки, потому что он печатает деньги, списывая на убыток эти платежи, которые он по процентам в размере ключевой ставки выплачивает коммерческим банкам, чтобы они не инвестировали деньги, а хранили деньги на депозитах и в облигациях ЦБ.

Таким образом, если во всем мире мы наблюдаем пересмотр всех денежных программ в течение последних 10 лет в сторону расширения кредитования экономики, если объем денег в среднем в мировой экономике вырос в 4 раза, то у нас Центральный банк изъял 15 трлн из экономики и вообще не собирается их возвращать. Возникает вопрос: а к 2024 году откуда у нас возьмутся деньги на эти самые инвестиции, на модернизацию, на новые технологии? Совокупный ущерб от этой политики искусственного сокращения количества денег и лишения экономики кредита мы оцениваем в 27 трлн руб. Это расхождение с тем трендом, который у нас сложился до 2014 года, когда экономика развивалась более-менее успешно и Центральный банк занимался кредитованием экономики, а рефинансирование коммерческих банков достигало 12 трлн рублей. Все это теперь изъято, инструменты рефинансирования свернуты, инвестиции кредитуются предприятиями исключительно за свой собственный счет, из своих собственных средств, и бюджет пытается переименовывать целевые программы в национальные проекты, делая вид, что из этого возникает новое качество развития. Без денег никакого развития не будет.

К сожалению, между стратегическими целями и ориентирами, которые мы можем реализовать исходя из имеющихся ресурсов, и реалиями, с которыми работают наши главные органы, управляющие движением денег, дистанция огромного размера. Точнее, мы просто движемся в противоположных направлениях.

АЛЬТЕРНАТИВЫ ПОСТКОВИДНОГО МИРА

Доклад на МАЭФ 26 мая 2021 г.

ALTERNATIVES TO THE POST-COVID WORLD

Report to the MAEF on May 26, 2021

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-71-75

ДЫНКИН Александр Александрович
Сопредседатель программного комитета МАЭФ, вице-президент ВЭО России, президент Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, академик РАН, д.э.н., профессор

Alexander A. DYNKIN
Co-chairman of the MAEF Program Committee, Vice President at the VEO of Russia, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), RAS Academician, Doctor of Economics, Professor

Аннотация Доклад посвящен альтернативам постковидного мирового устройства. По мнению автора, наиболее вероятный аналитический сценарий будущего миропорядка — новая биполярность, где одним полюсом станет связка «Москва — Пекин», другим — Вашингтон. Тем не менее, если основные глобальные игроки проявят ответственность, возможен сценарий «ответственного полицентричного мира». В этом случае мир может сохранить современную полицентричную архитектуру.

Abstract The report is dedicated to the possible architecture of the world order. According to the author, the most probable analytical scenario for the future world order is a new bipolarity, where one pole will be the link “Moscow — Peking “, the other — Washington. Nevertheless, if the main global players show responsibility, the scenario of a “responsible polycentric world” is possible. In this case, the world can preserve modern polycentric architecture.

Ключевые слова Архитектура мирового порядка, новая биполярность, полицентричный мир.

Keywords Architecture of the world order, new bipolarity, polycentric world.

Уважаемый Александр Михайлович, уважаемые Сергей Дмитриевич, дорогие коллеги! Я думаю, что тема Форума выбрана безошибочно, поскольку сегодня большинство экономистов в разных странах занимаются теми же проблемами,

когда кризис, о котором Сергей Дмитриевич Бодрунов говорил в своем докладе, создает развилки, пути для его преодоления, и все страны об этом думают.

Я приведу пример. Сегодня идет, казалось бы, такое неважное для нас событие — заседание совета директоров компании ExxonMobil, где дискутируют о будущем этой компании: там есть нефтяники и есть хедж-фонды, которые настаивают на том, чтобы компания резко снизила запасы и взяла курс на «зеленый» переход к низкоуглеродной экономике. Таких событий я могу привести десятки. Мы живем в переходное время.

Конечно, глобальная пандемия, которая спровоцировала эти проблемы, далека от завершения. От COVID-19 в мире скончалось 3,5 млн человек. Вы только вдумайтесь в эту цифру. Близка к гуманитарной катастрофе ситуация в Индии, вирус мутирует, один за другим появляются новые штаммы, и я думаю, что мы все должны принять к сведению, что для мировой экономической и финансовой системы на ближайшее десятилетие гарантированы как минимум неизвестные ранее экзогенные риски — это новые пандемии, рост региональных конфликтов и климатические изменения. Подчеркиваю, что термин сменился. Теперь говорят не о глобальном потеплении, а о климатических изменениях.

И несмотря на то что степень неопределенности развития мира очень высока, я попытаюсь высказать несколько предположений по поводу отечественного и мирового развития в третьем десятилетии XXI в. Я меньше буду говорить об экономике, больше буду говорить о внешнеполитическом, международном контексте.

Я считаю, что Россия преодолела идеальный шторм пандемии лучше, чем любой другой кризис в нашей постсоветской истории. Текущий кризис показал, что у нас развитый и стабильный внутренний рынок, устойчивая к стрессам банковская система, очищенная от основных проблемных банков, у нас высокий уровень обеспечения сырьем, энергией, продовольствием.

При минимальном по сравнению с другими странами суверенном долге и значительных золотовалютных резервах мы сумели провести перевооружение армии и стратегических сил по опережающим мировой уровень инновационным траекториям. Наша инновационная система смогла первая создать одну из лучших в мире вакцин, и все это в условиях 87 раундов только американских санкций.

Конечно, я согласен с предыдущим оратором, что критически важная задача — это запуск внутреннего потребительского и инвестиционного спроса в интересах повышения жизненного уровня населения. Но, конечно, нужно видеть и те процессы, которые проходят в мире, потому что мы живем не в изолированном мире.

Несколько слов о возможных альтернативах постковидного мирового устройства. Очевидно, что со времен Петра I Европа 300 лет была для нас наставником, моделью и единственным источником модернизации. Сегодня в глобальном мире появились другие мощные торговые партнеры, другие источники инвестиций и технологий. Более полувека тому назад Эгон Бар смог убедить Киссинджера в полезности формулы «газ, трубы» как основы экономического развития и экономической безопасности СССР Германии, сегодня эта проблема встала примерно в том же ракурсе, но она не имеет такого критического значения, а, скорее, будет индикатором экономической суверенности Германии.

Социальная модель Европы сегодня демонстрирует не только достижения, но и проблемы. Мы видим провалы мультикультурализма, миграционной и антиковидной политики. Это, конечно, вызывает недоумение.

Стратегическая подчиненность Европейского союза снижает заинтересованность в политическом сотрудничестве, а место исторического примирения оказалось занято борьбой исторических нарративов. Большая Европа, от Лиссабона до Владивостока, сжалась до Таллина. Более того, в Европе возник пояс самоназначенных фронтовых государств, которые выстраивают свою историческую идентичность на русофобии, изображая себя вечным жертвами российского империализма и советского коммунизма. Она настойчиво предлагают себя в качестве лояльных союзников Вашингтона. Бывший президент Украины, например, заявил, что Украина — сама проамериканская страна на свете, а бывший президент Эстонии договорился до того, что предложил закрыть россиянам въезд в Европейский союз.

Как мир пришел к такому состоянию? Я думаю, что полезно взглянуть на 4 крупных стратегических просчета, и начинать, наверно, лучше всего с себя. Первый просчет — это просчет Москвы. Я думаю, что с конца 80-х у нас существовала иллюзия, что Россия сможет интегрироваться в западные структуры, но на равноправной основе с сохранением независимости в вопросах обороны и безопасности. Отсюда Парижская хартия 90 года. В ее преамбуле сказаны прекрасные слова — «конфронтация и раскол Европы закончился». И многие другие события. Россия присоединилась к программе НАТО «Партнерство во имя мира» в символический день 22 июня 1994 года. Конечно, часть нашей политической элиты мечтала о вступлении в НАТО и плане Маршалла. Один из активнейших министров правительства Гайдара писал, что 10–20 млрд долларов западной помощи гарантировали бы успех либеральных реформ, и удивлялся, почему Соединенные Штаты в 1994 г. оказали срочную помощь Мексике в размере 50 млрд долларов, а не России. Потом случилось 70 дней бомбежки Белграда, вторжение в Ирак, авантюра в Ливии, несколько волн расширения НАТО, выход США из договора по ракетам средней и меньшей дальности. Этот список далеко не полный.

Одним из первых это понял Евгений Примаков, который в 1994 г., будучи в службе внешней разведки, опубликовал доклад, откуда исходит угроза миру. Тогда этот доклад вызвал много иронии. Для непонятливых в 1998 г. Евгений Максимович развернул свой самолет, и этот жест общество услышало. А Мюнхенская речь Владимира Владимировича Путина в 2007 г. показала, что этот урок усвоен. Эта жесткая школа поломала иллюзии, которые существовали в Москве о том, что возникают общие демократические, плюралистические ценности.

Западные просчеты. Во-первых, это англосаксонское представление, что мир уже без России, что она навсегда покинула клуб великих держав. Вспомните слова Обамы о том, что Россия — это региональная держава. Второй просчет — надежда на то, что рыночные реформы в Китае ведут к политической либерализации или к концу истории. Кто сегодня вспоминает эту концепцию?

Теперь о китайских просчетах. В 2003 г. они выдвинули концепцию мирного возвышения Китая. Она была не очень тепло встречена на Западе, ее быстро сменили на концепцию гармоничного мира. В 2012 г. Си Цзиньпин предложил идею отношений нового типа между двумя крупнейшими державами, а в 2017 г. выдвинул идею сообщества единой судьбы человечества. В то время казалось, что отношения между Пекином и Вашингтоном безоблачные, Трамп поздравил Си Цзиньпина с избранием на пост генерального секретаря, потом приехал в Пекин, и Си Цзиньпин устроил ему двухчасовую экскурсию по Запретному городу. Мы уже тогда говорили китайцам, что Трампу нужна исключительно поддержка по корейской ядерной про-

блеме, и все; что мы уже это проходили: поддержав американцев после 9 сентября 2001 г. в Афганистане, получили уже в 2002 г. благодарность в виде выхода из договора по противоракетной обороне. Но в Пекине еще верили, что возможна плавная смена мирового лидера — как Соединенные Штаты сменили Великобританию после войны. Опять разочарование.

В последние 20 лет китайская сторона определяла отношения с Россией с помощью трех «нет»: не вступать в союз, не устраивать конфронтацию и не нацеливаться на третьи страны. Я перевожу эту китайскую грамоту на русский язык как формулу: никогда против друг друга, не всегда вместе. Но в начале этого года министр иностранных дел КНР Ван И с таким китайским изяществом перевернул эти три «нет». Он определил, что у наших стратегических отношений нет конца, нет запретных зон и нет высшей ограничительной планки. Это предложение нового формата отношений с Россией. Очевидно, что совокупная экономическая и стратегическая мощь России и Китая существенно превосходит возможности СССР и стран бывшего социалистического блока. Тем не менее Запад упорно занят расширением пространства совпадающих интересов Москвы и Пекина.

Что из всего этого следует для таких аналитических сценариев будущего миропорядка, скажем, на ближайшие 15 лет? Наиболее вероятный сценарий — это новая биполярность, где одним полюсом станет связка «Москва — Пекин», другим — Вашингтон. Биполярный мир, как мы помним, всегда был связан с ростом мелких и крупных региональных конфликтов. Мы видим существенную интенсификацию этих процессов — это и Карабах, это Израиль и Палестина, это и Киргизия, и Таджикистан, это конфликт малой интенсивности на востоке Украины, это углубление противостояния Москвы и Вашингтона. Впервые с 1952 г. сегодня в двух столицах нет послов. Это рост риска случайной эскалации. Это балканизация технологий, и вакцинные национализмы, замораживание готовящегося 7 лет инвестиционного соглашения Европейского союза с Китайской народной республикой. Очевиден паралич Организации Объединенных Наций и группы G20.

Но возможен и другой сценарий, который я называю сценарием ответственного полицентричного мира. Мир может сохранить современную полицентричную архитектуру, если основные глобальные игроки проявят ответственность. Отдельные признаки этого просматриваются. Сдвинулась американская позиция по стратегической стабильности. Договор СНВ-3 ратифицирован практически на флажке за 2 дня до его истечения. Как вы знаете, на 15 и 16 июня назначен саммит президентов России и Соединенных Штатов. Просматривается единство постоянных членов совета безопасности в вопросах по ядерной программе Ирана. Обсуждаются перспективы сотрудничества в борьбе с пандемиями и климатическими изменениями. Заметны признаки ослабления торговой войны Китая и США, поскольку товарооборот между этими двумя странами за прошлый год вырос на 8,4%. Китайцы стали строже соблюдать американские санкции, а их товарооборот с Ираном упал больше чем на 33%. Я думаю, что нельзя исключать расширение Совета безопасности ООН либо превращение группы G20 в новый совет безопасности. Если это произойдет, возникнут возможности для какого-то поиска путей выхода из региональных конфликтов.

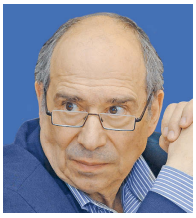
Конечно, то, о чем я сказал — это аналитические концепции. Ни одна из них наверняка не будет реализована в чистом виде, будут существовать взаимопереходы.

Я думаю, ключевая проблема — уйти от плоского взгляда на мировую динамику, не делить мир на демократию и авторитарные страны, отказаться от провалившейся логики конца истории. Я думаю, и мы постоянно говорим об этом нашим партнерам, следует признать историчность и неизбежность национальных социально-политических моделей. Как известно, разнообразие снижает энтропию, а идеологическая унификация, будь то по принципу стран мировой системы социализма либо либерально-демократического капитализма — они провалились. Это отнюдь не повод разочаровываться в тех или иных идеалах, но я думаю, что нельзя не признать тот факт, что гетерогенность в очередной раз оказалась устойчивее гомогенности. Я думаю, и об этом Сергей Дмитриевич Бодрунов сегодня говорил, что мировое развитие подошло к такому рубежу, когда императивом становится настройка старых и конструирование новых институтов и новых принципов, новых норм инклюзивного мирового развития.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ON ECONOMIC STRATEGY AND ECONOMIC POLICY IN RUSSIA UNDER CURRENT CONDITIONS

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-76-89

НЕКИПЕЛОВ Александр Дмитриевич
Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАН, д.э.н., профессор

Alexander D. NEKIPELOV
Vice-President of VEO of Russia, Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

В условиях ясно проявившихся ограничений действующей экономической модели особое значение в каждой стране приобретает формирование долгосрочного в*и*дения ее развития. Принципиально важно на сугубо прагматической основе определиться по двум вопросам: значения внутренних и внешних факторов развития и роли, которую должно играть государство в экономике. Выработанная на этой базе стратегия должна определять особенности экономической политики. В России сложилась оригинальная целостная модель макроэкономической политики, нацеленная на противодействие «голландской болезни». В ее рамках финансовая составляющая используется не только для выполнения классических функций, но и как инструмент влияния на монетарную сферу. «Разделение труда» в этой области между денежной и финансовой властями нацелено на таргетирование не одного, а двух показателей: уровня инфляции и валютного курса — с тем, чтобы одновременно поддерживать высокую эффективность экспорта товаров топливно-сырьевой группы и защищать от конкуренции отечественное производство, ориентированное на внутренний рынок. Но реализация этой модели сопряжена с серьезными издержками — омертвлением значительных ресурсов в международных резервах при невозможности использования их в качестве «подушки безопасности», высокой процентной ставкой и, в конечном счете, продолжительной стагнацией.

Для перехода к реализации стратегии устойчивого развития и модернизации предлагается внесение комплекса взаимоувязанных изменений в финансовую и денежно-кредитную политику, с одной стороны, и промышленную политику —

с другой. При этом автор выступает за возврат к классическому разделению функций между денежной и финансовой властью, а в сфере монетарной политики — за переход к режиму «грязного дрейфа» рубля и использование экономических инструментов, ограничивающих трансграничное перемещение спекулятивного капитала.

Подчеркивается важность реализации структурных реформ, в первую очередь касающихся экономического поведения государства.

Abstract

In the face of clear limitations of the current economic model, the formation of a long-term vision of its development is of particular importance in each country. It is essential to decide on two issues on a purely pragmatic basis: the relative importance of internal and external factors and the role that the state should play in the economy. The strategy developed on this basis should determine the specifics of economic policy.

Russia has developed an original holistic model of macroeconomic policy aimed at countering the "Dutch disease." Within its framework, the financial component is used not only for classical functions, but also as a tool to influence the monetary sphere. The "division of labour" in this area between the monetary and financial authorities is aimed at targeting not one but two indicators — the level of inflation and exchange rate — to simultaneously maintain the high efficiency of fuel and raw materials exports and to protect from competition domestic production oriented to the national market. But the implementation of this model entails serious costs — the freezing of significant resources in international reserves, with the impossibility of using them as a "safety bag", high interest rate and, ultimately, prolonged stagnation. To move towards a sustainable development and modernization strategy, a whole range of interconnected changes to fiscal and monetary policy, on the one hand, and industrial policy, on the other, are proposed. At the same time, the author advocates a return to the classical division of functions between monetary and financial power, and in the sphere of monetary policy — for the transition to the regime of "dirty float" of the ruble and the use of economic instruments limiting the cross-border movement of speculative capital.

The importance of implementing structural reforms, primarily concerning the economic behavior of the state, is emphasized.

Ключевые слова Трансформация мирового хозяйства, стратегия социально-экономического развития, финансовая политика, денежно-кредитная политика, промышленная политика, денежное предложение, процентная ставка, инфляция, валютный курс, валютные интервенции, режим валютного курса.

Keywords Transformation of the world economy, socio-economic development strategy, financial policy, monetary policy, industrial policy, money supply, interest rate, inflation, exchange rate, interventions in the foreign exchange market, exchange rate regime.

В условиях высочайшего уровня интернационализации хозяйственной деятельности формирование подхода к экономической стратегии и политике любой страны не может происходить без учета процессов, происходящих в окружающем ее мире. Это тем более верно применительно к современной России,

оказавшейся в центре бурных событий, сопровождающих изменения глубинного характера в мировой экономике.

Насущные преобразования продиктованы ярко выявившимися ограничениями прежней экономической модели: все более очевидным исчерпанием природных ресурсов, играющих ключевую роль в хозяйственном развитии, деградацией окружающей среды и климатическими изменениями, связанными с производственной деятельностью человека. Большой комплекс проблем накопился и в социальной сфере.

На ход происходящих на глобальном уровне трансформационных процессов огромное влияние уже сейчас оказывают возможности перевода экономики на новую технологическую основу, связанные с четвертой промышленной революцией. Позволяя в долгосрочной перспективе дать ответ на многие вызовы, с которыми столкнулось человечество, сама эта революция сопровождается целым кругом проблем, носящих системный характер. Наиболее отдаленные последствия предстоящих преобразований трудно в полной мере оценить, но, похоже, что «на кону» оказывается сама судьба рыночной экономики: человек вытесняется из сферы производства и управления им в творческие виды деятельности, которые являются областью хорошо известных «провалов рынка». Но поначалу технологические изменения четвертой промышленной революции не ставят под сомнение саму рыночную систему; они диктуют необходимость лишь ее известной «перебалансировки», сопровождающейся как более или менее значительной реаллокацией ресурсов в экономике, так и определенными институциональными преобразованиями.

Проявляющееся уже сегодня замещение человека роботами в процессе производства и искусственным интеллектом в процессе управления технологическими процессами превращают структурную безработицу в серьезнейший вызов, актуальность которого в обозримом периоде будет, по всей видимости, только усиливаться.

Для иллюстрации масштаба и роли подвижек, происходящих в институциональной области, сошлюсь на изменения в финансовой сфере. Достижения в информационных технологиях вывели этот сектор экономики на принципиально новый уровень: инвесторы получили немыслимые прежде возможности формирования портфелей активов, отвечающих желаемому соотношению риска и доходности. Возникло представление, что в новых условиях финансовые рынки в состоянии сами обеспечить идеальное распределение ресурсов, а потому и не нуждаются более в регулировании. Последовавшая вслед за этим фактически полная либерализация этой сферы дала толчок не только беспрецедентному повышению роли финансового капитала в современной экономике, но и содействовала кардинальным сдвигам в международном разделении труда. Из ряда высокоразвитых стран были в значительной степени выведены виды деятельности, относящиеся к реальному сектору экономики. Переход к модели сервисной экономики стал рассматриваться как свидетельство выхода на новый, более высокий уровень развития.

Однако жизнь внесла свои коррективы в эти расчеты. Идиллические представления о способности «освобожденных от оков» финансовых рынков совершенным образом обеспечивать трансформацию мировых сбережений в мировые инвестиции очень быстро столкнулись с суровой реальностью: подлинным результатом либерализации в этой сфере стало приобретение финансовыми кризисами особой роли в механизме воспроизводства мировой экономики.

Знаковым событием стал мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 годов. Он не только поставил саму финансовую индустрию в тяжелейшее положение и привел к признанию необходимости возврата к ее регулированию (прежде всего в форме пруденциального надзора), но и потребовал кардинальной переоценки со стороны ряда стран своего места в международном разделении труда.

Необычным оказалось то, что недовольными в этом случае оказались прежде всего развитые страны, ставшие жертвами ставки на превращение своих экономик в сервисные. Обозначилась линия на возврат этими странами высокотехнологичных производств, реализовать которую в сугубо либеральном режиме было невозможно. Результатом стали кризис сложившейся модели мировой экономики, очевидный откат в процессе (либеральной) глобализации, обострение противоречий в интересах отдельных государств и их групп. Отсюда же проистекают и попытки использовать сохраняющуюся мощь (не только экономическую) для ограничения возможностей конкурентов, в том числе при помощи санкций[1].

Все это свидетельствует о том, что мировая экономика вступила в период высокой турбулентности. По всей видимости, он займет весьма длительное время, в ходе которого будет вестись поиск отвечающих новым условиям правил игры на международном экономическом пространстве. В ходе такого поиска предстоит во многом заново определить место, которое будут занимать в регулировании трансграничных потоков товаров, услуг и капитала свободная игра рыночных сил, а также различные формы национального, меж- и наднационального регулирования, выстроить соответствующим образом систему международных экономических институтов.

В условиях высокого уровня неопределенности особое значение приобретает формирование долгосрочного в*и*дения развития страны. Инструментом решения этой задачи является, как известно, стратегическое планирование. Именно оно призвано определить такую траекторию развития, которая позволит обществу добиться на соответствующем временном отрезке максимума возможного при существующих ограничениях — ресурсных, экологических, политических. В теоретическом отношении главная сложность состоит в определении критерия, при помощи которого могут оцениваться (ранжироваться) возможные, при заданных на исходный момент времени ресурсных ограничениях, траектории развития экономики. Скорее всего, эта проблема, возникающая при принятии решений любой группой (в том числе социумом), на теоретическом уровне вообще не может быть однозначно разрешена [11].

На практике же в таких случаях принимаются решения, которые экономическая теория относит к категории second best («вторые по качеству»). В данном случае приемлемым приближением к идеальным («first best») общественным предпочтениям можно рассматривать систему преференций, на которую опирается субъект планирования при условии, что вытекающие из них практические выводы находят в целом (именно «в целом», а не у каждого члена общества: иначе проблема была бы практически неразрешимой) позитивный отклик

1 *В новых условиях наметились существенные изменения не только в протекании реальных экономических процессов, но и в экономической политике и теории. Одним из важных — но не единственных — проявлений серьезных теоретических подвижек стала получившая в развитых странах широкое развитие политика количественного смягчения.*

у населения страны. Такой подход аналогичен применяемому в эконометрике экспертно-статистическому методу построения неизвестной целевой функции, предложенному в [3. С. 56–86][2].

Полагаю, что при формировании такой искусственной системы предпочтений и базирующейся на ней функции социальной полезности необходимо принимать во внимание ряд констант, устойчиво характеризующих преобладающие общественные настроения, и которые в силу этого должны найти отражение в стратегии социально-экономического развития России. Речь, в частности, идет о необходимости:

- поддержания мощной образовательной и научной базы (при этом особую роль играет наличие комплексного потенциала фундаментальной науки);
- построения высокотехнологичной экономики, эффективно использующей имеющиеся возможности (в том числе — ресурсные) и способной обеспечивать безопасность нашего государства во всех ее проявлениях;
- обеспечения социальной консолидации (предполагает реализацию принципа социальной справедливости в соответствии с его пониманием российским населением, в том числе социально комфортную дифференциацию доходов как между отдельными людьми, так и регионами).

Трудности теоретического характера не ограничиваются для субъекта стратегического планирования конструированием функции социальной полезности, более или менее отвечающей общественным настроениям. В условиях рыночной экономики основная часть материальных ресурсов принадлежит частным лицам, которыми государство как орган, представляющий общество в целом, не может бесконтрольно распоряжаться. Поэтому перед ним возникают непростые задачи институционального характера, решение которых позволило бы максимально приблизить экономику к общественному оптимуму (пусть и в том условном виде, как он был определен выше). Речь идет как о сосредоточении у государства при помощи фискальной политики необходимых средств, так и об отладке инструментов экономической политики, призванных направить действия частного сектора в желаемом направлении.

В практическом отношении в нынешней турбулентной обстановке при формировании стратегии социально-экономического развития чрезвычайно важно определиться по двум вопросам и сделать это нужно не на основе идеологических догм, а с опорой на беспристрастный анализ реального положения дел.

Первый из них связан с оценкой роли внутренних и внешних факторов на современном этапе. Как представляется, нынешняя ситуация в мире требует, чтобы

2 *В известном учебнике по эконометрике С.А. Айвазян так характеризует этот метод: «…отправляясь в своем анализе от набора частных показателей $x^{(1)}, x^{(2)}, \ldots, x^{(p)}$ каждый из которых может быть измерен и характеризует какую-нибудь одну частную сторону понятия „эффективность“, мы их как-бы взвешиваем (то есть внутренне оцениваем удельный вес их влияния на общее, агрегированное, понятие эффективности) и выходим на некоторый скалярный агрегированный показатель эффективности y. Этот показатель — латентный (скрытый), так как он принципиально не поддается непосредственному измерению (не существует или нам неизвестна объективная шкала, в которой он мог бы быть измерен)… Главная особенность (и трудность) описываемой ситуации заключается в том, что при получении (сборе) исходной статистической информации… значения результирующего показателя y могут быть получены только с помощью специально организованного экспертного опроса…» [4. С. 47–48].*

в наших решениях мы опирались не на абстрактные рассуждения о вреде автаркии и пользе глобализации, а на учет тех ограничений, с которыми сегодня приходится иметь дело нашему государству. Не отказываясь от развития отношений ни с одной из стран, мы не можем упускать из виду того, что хозяйственные связи с разными государствами характеризуются разной степенью предсказуемости, они в очень различной мере подвержены влиянию геополитических факторов. Из этого, как представляется, вытекает неизбежность смещения центра тяжести в целом в пользу внутренних факторов развития, а в рамках международного сотрудничества — в сторону стран, избегающих политизации экономических отношений (в частности, стран ШОС и БРИКС). Особое значение в нынешних условиях приобретает придание дополнительного импульса интеграции в рамках ЕАЭС.

Второй вопрос относится к категории «вечных», но сегодня он, как мне кажется, приобретает особую актуальность. Речь идет о том, какую роль должно играть в нынешних условиях государство в нашей экономике. И в этом вопросе принципиально важно опираться не на абстрактные рассуждения, а на беспристрастную оценку предельных социальных выгод и издержек, связанных с экономической деятельностью государства. Убежден, что масштаб задач, которые предстоит решать нашей стране, предопределяет необходимость активного участия государства в хозяйственной деятельности.

Экономическая политика является инструментом реализации стратегического замысла. С учетом сформулированных выше соображений важными представляются значительные подвижки в основных блоках проводимой в России экономической политики. Отмечу, что с предложениями такого рода мне доводилось неоднократно выступать и раньше, в том числе и на МАЭФ-2020 [12]. Между тем изменения непрерывно происходят в самой экономике, что заставляет возвращаться к старым проблемам под новым углом зрения. Да и в научном сообществе дискуссия по ключевым вопросам социально-экономической политики никогда не прекращается, что заставляет участвующие в ней стороны искать все новые и новые аргументы.

Применительно к **финансовой политике** необходимо определиться в отношении того, что является первичным при ее формировании: макро- или микроэкономические соображения. Сегодня дело обстоит таким образом, что власть отталкивается от представляющегося ей приемлемым общего объема государственных расходов, а затем переходит к решению вопросов, связанных с его распределением между различными направлениями использования. При этом упомянутый объем расходов является по мировым меркам небольшим (несколько более 30 процентов ВВП).

Представляется, что в нынешних условиях было бы правильно вернуться к вопросу о необходимом с точки зрения стоящих перед страной задач уровне государственных расходов. При его определении следовало бы исходить из оценки потребности в реаллокации ресурсов вообще (и между видами деятельности, и между территориями) для реализации стратегических установок в промышленной, пространственной и социальной политике и той роли, которую должно сыграть в этом процессе государство. Конечно, действовать здесь следует весьма осмотрительно и с учетом тех возможностей, которые предоставляют меры по оптимизации системы налогообложения — в частности, по перераспределению налогового бремени между производством и избыточным потреблением, а также изъятию рентных платежей за пользование природными ресурсами.

Мне уже приходилось обращать внимание на особенность российской макроэкономической политики: ее финансовая составляющая у нас используется не только для выполнения классических функций (мобилизация ресурсов для финансирования государственных расходов), но и как инструмент влияния на монетарную сферу [12. С. 40–41]. С этим обстоятельством связаны некоторые важные особенности как финансовой, так и **денежно-кредитной политики**.

Как известно, в рамках денежно-кредитной политики можно таргетировать только один показатель. Иначе говоря, если денежные власти ставят задачу выйти на определенный уровень денежного предложения, то под него автоматически подстроятся величины процентной ставки, валютного курса и уровень инфляции. Точно так же таргетирование процентной ставки предопределяет значения денежного предложения, инфляции и валютного курса, а таргетирование валютного курса — величины денежного предложения, инфляции и процентной ставки. Иными словами, таргетирование разных показателей может приводить к одним и тем же результатам, и выбор конкретной цели, на которую ориентируется центральный банк, определяется, с одной стороны, значением, которое в данный период придается тому или иному показателю[3], а с другой — модой.

С осени 2014 года Центральный банк РФ заявил о переходе к использованию ключевой процентной ставки как средства инфляционного таргетирования[4]. Это означает, что опытным путем он стремится нащупать величину процентной ставки, при которой инфляция устанавливается на желаемом уровне. Одновременно ЦБ ввел режим свободного плавания рубля, что, вообще говоря, равносильно отказу от валютных интервенций. Ранее, по сути дела, полностью было либерализовано транснациональное движение капитала, в том числе краткосрочного.

Зададимся вопросом: к какому развитию событий привели бы эти решения, если бы финансовая политика российского правительства проводилась в классическом для рыночной экономики ключе?

Если бы процентная ставка (с поправкой на страновой риск[5]) соответствовала общемировой, то сальдо движения капиталов и сальдо текущих статей платежного баланса оказались бы равными нулю, а величина валютного курса рубля соответствовала бы паритету его покупательной способности. Если же, как это и было в действительности, процентная ставка (с той же поправкой на риск) превышала «общемировую», то по всем законам рыночной экономики должен был бы наблюдаться приток иностранного капитала в страну и, как следствие, повышение обменного курса рубля. Последнее содействовало бы, при прежнем спросе на валюту в России, появлению эквивалентного по величине отрицательного сальдо по текущим статьям платежного баланса.

О фактическом развитии событий в России в 2014–2020 годах можно судить по данным табл. 1.

3 *Например, до осени 2014 года в России фактическим объектом таргетирования являлся валютный курс рубля: Центральный банк посредством интервенций на валютном рынке обеспечивал его нахождение в установленном интервале.*

4 *Имеется в виду, что под уровень ключевой ставки подстраиваются денежное предложение, инфляция, а также валютный курс.*

5 *То есть если бы российская процентная ставка превышала общемировую на величину, в точности компенсирующую повышенные риски для финансовых инвесторов, характерные для российской экономики.*

Таблица 1. Динамика основных монетарных показателей в России в 2014–2020 гг.

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Ключевая процентная ставка (на начало года, %)	5,50	17,00	11,00	10,00	7,75	7,75	6,25
Номинальное денежное предложение (М2) (трлн руб.)	31,156	31,618	35,180	38, 418	42,443	47,109	51,660
Инфляция (декабрь к декабрю пред. года, %)	111,35	112,91	105,39	102,51	104,26	103,04	104,91
Номинальный валютный курс (на начало года, руб./долл.)	32,6587	56,2376	75,9507	59,8961	57,0463	67,0795	61,9057
Рыночный курс рубля к паритету покупательной способности (%)[6]	59,7	40,2	36,4	41,6	…	…	…
Сальдо текущих статей платежного баланса (млрд долл. США)	57,5	67,8	24,5	32,2	115,7	64,8	33,9

Источники:
https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.01.2014&UniDbQuery.To=01.01.202
https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/
https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1NxzIcwO/Индексы%20потребительских%20цен.htm
https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/
https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.so=1&UniDbQuery.mode=1&UniDbQuery.date_req1=&UniDbQuery.date_req2=&UniDbQuery.VAL_NM_RQ=R01235&UniDbQuery.From=01.01.2014&UniDbQuery.To=01.01.2021

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что задача снижения уровня инфляции была в целом решена за счет поддержания в течение длительного времени очень высокого уровня процентной ставки. Но обращает внимание тот факт, что в течение всего этого периода, казалось бы, в противоположность рыночной логике рубль оставался существенно недооцененным по отношению к паритету его покупательной способности, а счет текущих платежей характеризовался крупным активом.

Такое положение дел стало возможным только благодаря тому, что все это время важную роль в монетарной сфере играло Министерство финансов: оно (или Центральный банк по его поручению) скупало валюту **на свободном рынке** и направляло ее в Фонд национального благосостояния. Благодаря этому удавалось не допускать сколько-нибудь значимого повышения реального курса рубля и сохранять значительный актив платежного баланса по текущим операциям.

В некотором смысле совместными усилиями Центрального банка и Министерства финансов удалось решить, казалось бы, нерешаемую задачу: обеспечить таргетирование сразу двух монетарных показателей — инфляции и валютного курса. Правда, это «достижение» сопровождалось очень серьезными издержками.

6 *На основе результатов годовых международных сопоставлений, проводимых ОЭСР. Источник: Россия и страны мира, 2018. с. 93.*

Произошло фактическое перерождение Фонда национального благосостояния: из института развития и решения социальных вопросов он в значительной мере превратился в своеобразный филиал центрального банка в министерстве финансов, основной функцией которого стало поддержание на заниженном уровне курса российского рубля. При этом для наполнения фонда в «тучные годы» в него направлялась часть налоговых поступлений, а в годы низких мировых цен на нефть и другие энергоносители — даже привлекаемые государством средства с внутреннего и внешнего рынка заимствований.

В этих условиях оказалась невозможной и опора на международные резервы страны как своеобразную «подушку безопасности»: а ведь ссылка именно на эту их функцию использовалась для оправдания накопления огромных средств в период, когда страна испытывала острую нехватку ресурсов для модернизации экономики. Ярким подтверждением этого тезиса являются данные о динамике средств Фонда общественного благосостояния в период пандемии.

Таблица 2. Динамика средств Фонда национального благосостояния в период в 2019–2021 гг.

	Декабрь 2019	**Декабрь 2020**	**Март 2021**
Величина на конец периода (млрд руб.)	7773,06	13545,66	13802,12
В процентах ВВП (%)	7,3	11,7	11,9

*Источник: https://*minfin.gov.ru*/ru/statistics/fonds/*

Неиспользование значительных средств, омертвленных в избыточных резервах, разумеется, ограничивало возможности экономического роста, модернизации российской экономики. Этот негативный эффект усугублялся тем, что поддерживавшаяся в течение длительного времени крайне высокая процентная ставка фактически блокировала инвестиционную активность. Экономические агенты начали накапливать средства на депозитных счетах в коммерческих банках, поскольку это оказывалось выгоднее вложений в развитие собственного бизнеса. Возникавшее понижательное давление на процентную ставку подталкивало Банк России к созданию инструментов для поглощения «избыточной ликвидности», формировавшейся у коммерческих банков (депозитные счета для коммерческих банков в центральном банке, облигации Центрального банка). В свою очередь, режим плавающего курса рубля в условиях полной либерализации трансграничного перемещения капитала и слабости российской финансовой системы создавал весьма турбулентную обстановку на валютном рынке. Это не могло не дезориентировать российские предприятия, связанные с внешним рынком, при принятии экономических решений.

Наконец, заниженный курс рубля наносил очевидный ущерб и потребителям. В условиях высокой доли импортных товаров на потребительском рынке он неизбежно приводил к повышенному общему уровню (не инфляции, а именно уровню!) розничных цен.

С учетом сказанного отнюдь не выглядит случайным тот факт, что экономика страны погрузилась в продолжительную стагнацию [2]. Возникает вопрос: чем же при наличии таких серьезных издержек можно объяснить приверженность пра-

вительства и Центрального банка к описанному варианту макроэкономической политики?

Конечно, для Минфина политика, сопровождающаяся наличием у него крупных свободных денежных средств, весьма комфортна: хотя эти резервы и не предназначены для «проедания», ими все же легко воспользоваться в случае «крайней необходимости». Альтернативные же издержки, связанные с этим «удобством», ложатся на страну в целом, а не на финансовые власти.

Однако вряд ли было бы разумным считать это объяснение основным. Главным для властей, судя по всему, было то, что поддержание заниженного курса рубля не только обеспечивает высокую эффективность экспорта, прежде всего товаров топливно-сырьевой группы, но и защищает от конкуренции производства, ориентированные на внутренний рынок. Можно предположить, что применяемый в России вариант макроэкономической политики рассматривался (и пока еще продолжает рассматриваться) как действенный рецепт борьбы с «голландской болезнью» [10].

Следует иметь в виду, что изложенный подход к макроэкономической политике носит целостный характер, и попытка усовершенствовать его за счет внесения изменений (пусть и значительных) в отдельные элементы вряд ли дадут ожидаемый результат. Это относится, в частности, к попытке решить чуть ли не все стоящие перед нами вопросы за счет нового механизма денежной эмиссии, увязанного с финансированием инициированных государством долгосрочных инвестиционных проектов [1, 5, 7, 8, 9]. В обоснование этого предложения нередко делается ссылка на то, что в таких странах, как США, основным инструментом увеличения денежного предложения являются операции на открытом рынке, в ходе которых Федеральная резервная система приобретает долгосрочные облигации американского казначейства. При этом не принимается во внимание тот факт, что до покупки денежными властями облигации должны были быть размещены на финансовом рынке; в противном случае — при прямой покупке облигаций казначейства банком ФРС — речь бы шла не об операциях на открытом рынке, а о простом печатании денег. Кроме того, не учитывается, что форма эмиссии сама по себе не влияет на уровни инфляции, величины процентной ставки и валютного курса: деньги, выпущенные для реализации проекта, очень быстро разойдутся по всей экономике в результате выплаты заработной платы рабочим, оплаты заказов поставщикам. Между тем о допустимой величине эмиссии предлагаемым способом речь, как правило, не идет[7].

Ключевым элементом проводимой макроэкономической политики является, как отмечалось выше, стремление обеспечить низкий уровень инфляции при заниженном курсе рубля. И решается эта задача не только за счет жесткой монетарной политики, но и благодаря активному участию финансовых властей в приобретении на валютном рынке иностранной валюты. Но отсюда следует, что в случае пре-

7 *Сказанное ни в коем случае не может рассматриваться как свидетельство негативного отношения к крупным государственным (государственно-частным) проектам. Речь о другом: тот факт, что такие проекты являются важным инструментом государственной политики, направленной на модернизацию российской экономики, совсем не означает, что их финансирование целесообразно осуществлять посредством прямой покупки денежными властями выпущенных исполнительной властью специальных долговых инструментов. Кстати говоря, подобная практика была широко распространена в латиноамериканских странах еще в 70-е годы XX века и приводила, как правило, к неблагоприятным финансовым последствиям [14].*

кращения этой практики при прочих равных условиях неизбежно произошло бы столь значительное повышение курса рубля, что актив по текущим статьям платежного баланса сменился пассивом. Само по себе движение в этом направлении (не обязательно — в такой степени!) является вполне разумным: оно устранило бы замораживание новых ресурсов в резервах министерства финансов, увеличило бы государственный спрос при прежней величине процентной ставки, действовало в сторону снижения общего уровня цен за счет уменьшающихся рублевых цен на импортные товары. Последнее обстоятельство имело бы положительный эффект не только для потребителей, но и для инвесторов, привлекающих иностранное оборудование и материалы в процессе реализации своих проектов.

Но есть здесь и проблема, которую, по всей видимости, видят власти и которую ни в коем случае нельзя недооценивать. В краткосрочном плане такое развитие событий сопровождалось бы мощным структурным шоком, связанным с сокращением производства в добывающих отраслях и существенным повышением роли иностранной конкуренции в сферах отечественного производства, ориентированных на внутренний рынок. Разумное стремление дозировать этот шок требует внесения целого комплекса взаимоувязанных изменений в проводимую финансовую и денежно-кредитную политику, с одной стороны, и промышленную политику — с другой.

Прежде всего нужно отказаться от неуместно жестких в сложившихся условиях установок в области борьбы с инфляцией. Сегодня как никогда актуальным является поиск разумного компромисса между задачами стимулирования роста и обеспечением финансовой устойчивости экономики: ведь умеренная инфляция является своеобразной смазкой, уменьшающей «экономическое трение», возникающее в процессе структурного шока. В более общем плане давно пора признать, что нельзя ограничивать функции денежного регулятора достижением целевых показателей, относящихся исключительно к монетарной сфере.

С учетом этого необходимо разработать, а затем последовательно реализовывать график постепенного снижения ключевой ставки центрального банка до общемирового (с поправкой на риск) уровня. Такое снижение будет, естественно, сопровождаться сокращением чистого притока иностранной валюты в страну. Одновременно нужно отказаться от использования бюджетных средств для приобретения «про запас» валюты на рынке: в этом случае снижение процентной ставки будет вести не к снижению курса рубля, а к его приближению к паритету покупательной способности и исчезновению актива по текущим статьям платежного баланса. При этом денежное предложение будет расти, и этот рост лишь отчасти будет компенсироваться увеличением спроса на деньги; некоторое повышение инфляции поэтому является неизбежным. Точно так же неизбежным в силу повышения реального курса рубля станет и усиление конкуренции на российском товарном рынке. В предвидении такого развития событий власти должны быть готовыми вводить в действие (на определенное время и по убывающему графику) механизмы поддержки российских производителей (тарифные и нетарифные).

Прекращение практики осуществления Минфином операций на валютном рынке (а также привлечения без очевидной необходимости иностранных кредитов) не означает, разумеется, что исполнительная власть должна вообще быть лишена возможности формирования резервов. В условиях неопределенности резервы являются весьма эффективным инструментом снижения рисков, тем более это верно применительно к столь сложной обстановке, в какой сегодня находится

мировая экономика. Но вполне разумным представляется требование, чтобы соответствующие денежные средства были инвестированы в активы, деноминированные в рублях (включая депозиты в коммерческих банках). Кроме того, заслуживает серьезного внимания и вопрос о целесообразности расширения практики государственных товарных резервов. В частности, разумным, с учетом опыта США, было бы формирование государственных резервов нефти.

Очень важной задачей является предотвращение спекулятивных атак на валютном рынке. Это связано не только с относительной слабостью российской финансовой системы, но и особенностями предлагаемых изменений в макроэкономической политике. Задаваемая этими изменениями тенденция к повышению реального курса рубля и росту стоимости российских активов (в связи со снижением процентной ставки) способна стать мощной приманкой для финансовых спекулянтов.

Решение этой задачи связано с двумя важными корректировками монетарной политики.

Прежде всего следует официально отказаться от свободного и перейти к режиму регулируемого плавания рубля (dirty float). Это значит, что Центральный банк должен располагать возможностью (и, разумеется, пользоваться ею без всяких колебаний) осуществлять интервенции, направленные на отражение спекулятивных атак на рубль. Такая мера существенно снизит степень неопределенности для экономических агентов при принятии решений. Применительно к этому валютному режиму следует адаптировать и величину валютных резервов.

Одновременно было бы важно ввести экономические меры (типа налога Тобина), нацеленные на снижение волатильности трансграничных потоков краткосрочного капитала. Помимо прочего эти меры содействовали бы и снижению величины валютных резервов, необходимых для обеспечения устойчивости обменного курса рубля.

Предложения об активном использовании инструмента валютных интервенций и валютных ограничений традиционно отвергаются российским денежным регулятором; при этом делаются ссылки и на нежелание сдавать позиции, завоеванные на пути построения либеральной экономики, и просто на «передовой зарубежный опыт». Между тем в этом отношении даже в позиции МВФ начали происходить очень серьезные изменения. Свидетельством этого является доклад «Либерализация и управление капитальными потоками: институциональная точка зрения» [13], подготовленный в рамках этой организации. В этом докладе ставится вопрос о необходимости проведения «целостной политики», предполагающей не только допустимость, но при определенных условиях и целесообразность применения именно этих инструментов[8].

Сформулированные выше предложения претендуют исключительно на то, чтобы обозначить общую логику изменений, которые, по моему мнению, следовало бы

8 *Характерен следующий текст, представлявший характер и содержание доклада на сайте МВФ (цитирую на языке оригинала): "Cross-border capital flows provide significant benefits but may also generate or amplify shocks… Over the course of 2019 and 2020, IMF staff has made a major push to develop conceptual and quantitative models taking greater account of real-life frictions and vulnerabilities to guide how these tools should be used in an integrated way…The combined work should provide useful insights to policy makers on when and how to deploy multiple tools with special attention to their interactions, country-specific characteristics, initial conditions and the nature of the shocks" (www.imf.org)*

внести в проводимую макроэкономическую и отчасти промышленную политику. Разумеется, реализация этого подхода предполагает дополнительную детальную проработку многих вопросов, в том числе на модельном уровне.

И, наконец, последнее. Предлагаемое значительное повышение экономической активности государства может вызвать законный вопрос: не приведут такие действия к деформации рыночного механизма и, как результат, — резкому снижению эффективности функционирования российской экономики?

Для того чтобы избежать такого развития событий, необходимо уделять самое серьезное внимание **институциональным преобразованиям** («структурным реформам»), направленным как на создание условий для недискриминационного государственного регулирования, не искажаемого коррупционными отношениями, так и на поддержание здоровой конкурентной рыночной среды.

Первостепенное значение для эффективного действия рыночного механизма имеют назревшие преобразования, касающиеся самого государства. Речь, в частности, идет о реформах госаппарата, судебной системы, мерах по разделению применительно к государству функций регулятора и собственника [6].

Этой же цели призвано служить совершенствование механизмов, предотвращающих как использование криминальных методов, в частности рейдерских захватов, так и неправомерное применение рыночной мощи со стороны экономических агентов.

Иными словами, логика предлагаемых действий такова. Рынок продуцирует экономические сигналы, а меры государственной политики призваны в необходимых случаях не отменить, а модифицировать их в соответствии с целями общества. Но при этом принципиальное значение имеет способность экономических агентов адекватно, по-рыночному, реагировать на такие сигналы.

Библиографический список

1. *Аганбегян А.Г. Финансы, бюджет и банки новой России. М. 2018. Издательский дом «Дело». РАНХиГС.*
2. *Аганбегян А.Г. Кризис как окно возможностей для социально-экономического развития. В сб.: Научные труды ВЭО России. М. 2020. Том 223. С. 47–69.*
3. *Айвазян С.А. Об опыте применения экспертно-статистического метода построения неизвестной целевой функции/ Многомерный статистический анализ в социально-экономических исследованиях. М. 1974. Наука.*
4. *Айвазян С.А. Методы эконометрики. М. 2010. «Магистр. Инфра-М».*
5. *Глазьев С.Ю. О неприемлемости проекта «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов» Банка России (особое мнение члена Национального финансового совета). // Российский экономический журнал. 2018. № 6. С. 3–26.*
6. *Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. Под ред. академиков Некипелова А.Д., Ивантера В.В., Глазьева С.Ю. М. 2013.*
7. *Ершов М.В. Об условиях экономического роста: о валютном курсе, валютной стабильности и длинных деньгах. // Общество и экономика. № 2, 2017. С. 5–13.*
8. *Маевский В. И., Малков С. Ю., Рубинштейн А.А. К проблеме монетизации российской экономики. М. 2021. Институт экономики.*
9. *Миркин Я.М. Финансовый форсаж. // Банковские услуги. 2018. № 10. С. 2–7.*
10. *Некипелов А.Д. О ресурсном проклятии и его влиянии на тактику и стратегию экономического развития // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 205–210.*
11. *Некипелов А.Д. Общая теория рыночной экономики. Учебник. М. 2017. Магистр.*

12. *Некипелов А.Д. О возможностях макроэкономической политики в преодолении кризиса, вызванного пандемией. В сб.: Научные труды ВЭО России. М. 2020. Том 223. С. 37–46.*
13. *The Liberalization and Management of Capital Flows: an Institutional View. IMF. 2020. November 14 (https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2016/12/31/The-Liberalization-and-Management-of-Capital-Flows-An-Institutional-View-PP4720).*
14. *McKinnon, R. The Order of Economic Liberalization. Financial Control in the Transition to a Market Economy. The Johns Hopkins University Press, Baltimore and London. 1991.*

References

1. *Aganbegjan, A.G. Finansy, bjudzhet i banki novoj Rossii. M. 2018. Izdatel'skij dom «Delo». RANHiGS.*
2. *Aganbegjan, A.G. Krizis kak okno vozmozhnostej dlja social'no-jekonomicheskogo razvitija. V sb.: Nauchnye trudy VJeO Rossii. M. 2020. Tom 223. S. 47–69*
3. *Ajvazjan, S.A. Ob opyte primenenija jekspertno-statisticheskogo metoda postroenija neizvestnoj celevoj funkcii/ Mnogomernyj statisticheskij analiz v social'no-jekonomicheskih issledovanijah. M. 1974. Nauka.*
4. *Ajvazjan, S.A. Metody jekonometriki. M. 2010. «Magistr. Infra-M».*
5. *Glaz'ev, S.Ju. O nepriemlemosti proekta «Osnovnyh napravlenij edinoj gosudarstvennoj denezhno-kreditnoj politiki na 2019 god i period 2020 i 2021 godov» Banka Rossii (osoboe mnenie chlena Nacional'nogo finansovogo soveta). // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal. 2018. № 6. S. 3–26.*
6. *Rossija na puti k sovremennoj dinamichnoj i jeffektivnoj jekonomike. Pod red. akademikov Nekipelova A.D., Ivantera V.V., Glaz'eva S.Ju. M. 2013.*
7. *Ershov, M.V. Ob uslovijah jekonomicheskogo rosta: o valjutnom kurse, valjutnoj stabil'nosti i dlinnyh den'gah. // Obshhestvo i jekonomika. № 2, 2017. S. 5–13.*
8. *Maevskij, V.I., Malkov, S.Ju., Rubinshtejn, A.A. K probleme monetizacii rossijskoj jekonomiki. M. 2021. Institut jekonomiki.*
9. *Mirkin, Ja.M. Finansovyj forsazh. // Bankovskie uslugi. 2018. № 10. S. 2–7.*
10. *Nekipelov A.D. O resursnom prokljatii i ego vlijanii na taktiku i strategiju jekonomicheskogo razvitija // Zhurnal Novoj jekonomicheskoj associacii. 2015. № 2 (26). S. 205–210.*
11. *Nekipelov, A.D. Obshhaja teorija rynochnoj jekonomiki. Uchebnik. M. 2017. Magistr.*
12. *Nekipelov, A.D. O vozmozhnostjah makrojekonomicheskoj politiki v preodolenii krizisa, vyzvannogo pandemiej. V sb.: Nauchnye trudy VJeO Rossii. M. 2020. Tom 223. S. 37–46.*
13. *The Liberalization and Management of Capital Flows: an Institutional View. IMF. 2020. November 14 (https://www.imf.org/en/Publications/Policy-Papers/Issues/2016/12/31/The-Liberalization-and-Management-of-Capital-Flows-An-Institutional-View-PP4720).*
14. *McKinnon, R. The Order of Economic Liberalization. Financial Control in the Transition to a Market Economy. The Johns Hopkins University Press, Baltimore and London. 1991.*

Контактная информация / Contact Information

МГУ имени М.В. Ломоносова
119234, Москва, Ленинские Горы, д. 1, стр. 61.
Lomonosov Moscow state University
1-61, Leninskie Gory, 119234, Moscow, Russia.
Некипелов Александр Дмитриевич / Alexander D. Nekipelov
+7 (495) 510-52-67
mail@mse-msu.ru

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР ЭКОНОМИКИ РОССИИ — В ОСНОВЕ УСПЕХА СИНЕРГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ[1]

THE EASTERN VECTOR OF RUSSIAN ECONOMY — SUCCESS BASED ON THE SYNERGY OF INTERACTION AND INTERREGIONAL COOPERATION

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-90-102

КРЮКОВ Валерий Анатольевич
Директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (ИЭОПП СО РАН), академик РАН, д.э.н., профессор

Valeriy A. KRYUKOV
Director of the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, RAS Academician, Doctor of Economic Sciences, Professor

СУСЛОВ Никита Иванович
Заместитель директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., профессор

Nikita I. SUSLOV
Deputy director of the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor

1 *Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках выполнения работ по крупному научному проекту «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий» (регистрационный номер заявки 2020-1902-01-377).*

ЯГОЛЬНИЦЕР Мирон Аркадьевич
Ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, к.э.н.

Miron A. YAGOLNITSER
Leading Researcher, the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the RAS, Candidate of Economic Sciences

Аннотация

В статье обсуждаются проблемы территориального развития экономики азиатской России в аспекте рационализации политики регулирования со стороны государства. Расчет только на рыночные силы зачастую не приводит к успеху, поскольку не позволяет учесть стратегические приоритеты развития. В связи с этим обозначены контуры новой модели, предполагающей индуцирование роста внутреннего спроса за счет локализации процессов поставок для обеспечения проектов и цепочек создания ценности. В рамках концепции «большого инвестиционного импульса» обсуждаются основные пилотные проекты, призванные ускорить развитие региона.

Abstract

The paper elaborates on the problems of territorial development of the East Russia's economy in terms of a rational regulation policy on behalf of the state. Dependence on purely market forces often fails as this overlooks strategic development priorities. There is a need for a new model of development, which presumes stimulation of the internal demand through localization of supplies for projects and value-added chains. The concept of 'major investment impulse' involves main pilot projects capable of accelerating the region's development.

Ключевые слова Азиатская Россия, инвестиционный импульс, синергия, взаимодействие, локализация проектов, комплементарные проекты, регулирование.

Keywords Asian Russia, investment impulse, synergy, interaction, project localization, complementary projects, regulation.

Введение

Авторы представляют понимание пространственной политики, основанной не столько на реализации традиционных локальных импульсов воздействия, направленных на стимулирование точек роста, сколько на реализацию проектов, в основе которых лежит активизация взаимодействия структур в процессе формирования горизонтальных производственных, организационных и социальных связей. Такой подход, по мнению авторов, будет способствовать расширению экономического пространства, т.е. более широкому охвату хозяйственной деятельностью различных территориальных зон. При этом крайне важно вести диалог между федеральными и региональными органами власти, интегрируя в дискуссию и научное, экспертное сообщества, и общественность. Проводя консультации и обсуждения и далее принимая решения, необходимо также отойти от общих формулировок и продвинуться ближе к конкретным проблемам, стоящим в повестке конкретных территорий и конкретных проектов, в конкретных политических условиях, поскольку критически важно принимать во внимание именно специфику, возникающую на местах. Неучет особенностей региональных проектов при подходе с позиции поиска общих

решений для различных случаев зачастую является важной причиной неудачного регулирования и торможения реализации проектов. Очевидно также, что широкая кооперация и новые формы организации должны — на основе обеспечения высокой эффективности ведения хозяйства — стать основой для формирования новой пространственной модели развития.

Именно такой путь выбирает Академия наук. Уже с прошлого года она переходит на смешанный тип финансирования, распределяя деньги в рамках высококонкурентных конкурсов на реализацию крупных научных проектов по фундаментальным научным разработкам. Сибирским отделением получено пять таких проектов из 41 выделенного Министерством науки и высшего образования. Один из них — «Социально-экономическое развитие азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природной среде и расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий» — реализуется консорциумом из семи исследовательских и образовательных организаций, возглавляемым Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН.

В рамках данного проекта затрагивается широкий спектр проблем развития территорий азиатской России, к которым мы относим Дальний Восток и Сибирь в ее географическом понимании, т.е. включая Тюменскую область с двумя национальными округами. К этим проблемам мы, безусловно, относим обеспечение связности территории, усиление взаимодействия в меридианном и широтном направлениях, развитие переработки ресурсов, формирование здесь экономики человека, вопросы декарбонизации, в том числе на основе роли лесов востока страны, вопросы охраны и сохранения окружающей среды, которая особенно хрупка здесь и особо подвержена ущербам от деятельности человека. Все эти проблемы не могут быть разрешены только на основе рыночных взаимодействий. Их масштаб, значение, а главное, обширная пространственная распределенность взаимодействующих агентов определяют активную роль государства, которое призвано интегрировать их в рамках политики пространственного развития.

Пространственное развитие — в основе гармония цели и содержания

Само понятие пространственного развития предполагает достижение определенной гармонии между своей целью и содержанием. Под целью политики пространственного развития мы понимаем создание и поддержание таких условий, которые на основе синергии взаимодействия различных территорий страны обеспечивают достойный уровень жизни ее населению независимо от места его проживания. Из множества показателей, измеряющих успешность развития (экономических, социальных и экологических), главным в рамках сегодняшних задач, стоящих перед российской экономикой, академической и прикладной наукой, является доля высокотехнологичных рабочих мест, которые рассредоточены в рамках российского пространства. Основным средством воплощения политики пространственного развития мы видим реализацию, прежде всего, проектов инфраструктурного характера. Но также важны проекты и производственного назначения, и в сфере услуг, особенно высокотехнологичных и направленных на формирование и улучшение качества человеческого капитала. Нельзя сосредотачивать все высокотехнологичные рабочие места и конечные звенья высокотехнологичных производственно-экономических цепочек в очень узком круге агломерации или в портовых зонах, как это предлагает концептуальное положение новой экономической географии, которая

активно пропагандируется в Российской Федерации — это не в полной мере соответствует нашей истории, нашей географии, нашим условиям, условиям реализации экономических процессов.

Основные проблемы и подходы к решению

В 2019 г. была принята Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. [1], однако она не работает — этот документ нежизнеспособный. Предвидя это, мы в свое время выступили с критическими оценками [2, 3]. Попытаемся здесь пояснить причины случившегося, а также представим наше видение существующих проблем, обозначив возможные подходы к их решению.

Основными проблемами, которые должны быть решены в регионах азиатской России в перспективный период (некоторые из них актуальны не только здесь), мы считаем депопуляцию и снижение жизненного уровня населения, слабую освоенность отдаленных и северных территорий, общую неравномерность развития регионов, зачастую использование отсталых технологий и в добыче ресурсов, и в их переработке, низкую эффективность их использования, грубые перекосы в распределении финансовых средств, заложенные пороками «унитарности» налоговой и инвестиционной политики. По нашим оценкам, более трети денежных средств, генерируемых на территории азиатской России, используются в ее Европейской части или остаются на офшорных территориях. Применяемое в настоящее время в ведущих высокотехнологичных экономиках мира рентное налогообложение понимается в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с развитием науки и повышением конкурентоспособности экономики в целом, а не просто как фискальное изъятие налогов, как это зачастую трактуется в российской практике.

По данным за 2018 г. (рис. 1), выручка крупнейших корпораций, оперирующих в восточных районах страны, устойчиво снижается по мере продвижения от запада к востоку. И здесь не отражена другая важная особенность: в рамках этих хозяйствующих структур или субъектов на 90% превалируют первичные переделы, то, что в минерально-сырьевой экономике называется *апстрим* — то есть добыча, первичная переработка и, как правило, вывоз за пределы территории.

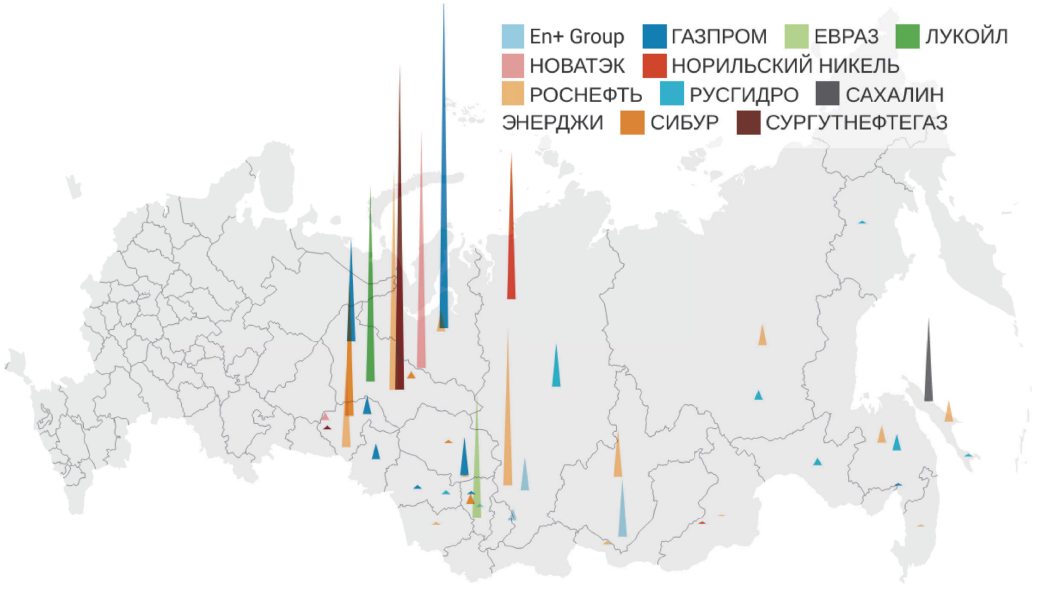

Рисунок 1. Распределение выручки топ-11 корпораций по регионам Азиатской России, 2018 г. Высота столбцов пропорциональна выручке.

Стратегически решение указанных проблем связано, конечно же, с ускоренным и возможно даже обгоняющим развитием инфраструктуры, позволяющей усилить связность территорий, добиться проявления синергетических эффектов. При этом необходимо создавать транзитные и экспортные коридоры, связывающие Европу, Азию и Северную Америку. Примером является комплекс авиамаршрутов из Азии в районы Североамериканского континента. Эти маршруты проходят через районы Сибири и опираются на инфраструктуры крупных сибирских и дальневосточных городов, таких как Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск, а также на метеорологическую инфраструктуру Северного морского пути. Другой важный пример — прямой маршрут из восточного Китая в центральные области США, проходящий между Якутском и Магаданом и далее через Берингов пролив. Однако здесь железнодорожный путь построен лишь до Якутска. Еще один мегапроект — путь из Японии, Кореи, северо-восточного Китая в Европу. Он проходит по трассе Транссибирской магистрали, включая Китайскую Восточную Железную Дорогу (КВЖД), которая соединяет Читу с Владивостоком через китайский город Харбин. Имеется и ряд других потенциально эффективных транспортных проектов.

Другим направлением деятельности по выводу экономики из стагнации является ускоренное создание инновационно-ориентированной среды в природопользовании, что даст возможность решить сразу две проблемы — повышение эффективности добычи ресурсов и охраны окружающей среды. Еще одно направление — ускоренное развитие экономики человека, что позволит повышать качество человеческого капитала до уровней, адекватных уровням передовых технологий, без чего не может быть ни комплексного освоения и развития восточных территорий, ни ускорения экономического роста, основанного на повышении производительности труда. Речь идет о создании и развитии высокотехнологичного сектора услуг по «воспроизводству рабочей силы» — медицины, образования, науки, культуры.

Очень важен подход, который мы называем «формирование пространственных цепочек», направленных на создание и использование «социальной ценности». Речь идет, конечно, и о производственных связях в виде поставок продукции и оказании услуг в рамках кооперативной интеграции производителей на выпуск конечной продукции в виде потребительских и инвестиционных товаров, товаров для экспорта, но не только. На каждом этапе возникают социальные выгоды в виде обмена знаниями, роста взаимного доверия, формирующих нематериальные активы компаний, а также налоговых поступлений в бюджетную систему, правильное использование которых также увеличивает благосостояние сообществ.

Если говорить о добыче ресурсов, то можно сослаться на опыт других стран, таких как Норвегия, Канада, Австралия, Шотландия (в части сырьевой экономики), в определенной степени — Соединенных Штатов. Здесь на первый план выдвигаются наука, передовые технологии, использование инновационной продукции и услуг. Приобретаются и передаются навыки и умения, которые являются важнейшей составляющей интегрального мультипликатора социальных выгод и влияют на динамику экономики как страны в целом, так и отдельных регионов. К сожалению, таких цепочек в России пока чрезвычайно мало, а имеющиеся до обидного коротки и не дотягивают до передовых стандартов, включая лишь процессы освоения сырьевых ресурсов и получения полупродуктов.

Это можно проиллюстрировать на примере добычи и переработки редкоземельных металлов (РЗМ). На рис. 2 приведено сопоставление физической емкости рынка

РМЗ и его стоимостной оценки в зависимости от стадии (глубины) переработки. Видно, что узость спроса на чистые и сверхчистые РМЗ с лихвой компенсируется их продажными ценами, что поддерживает наши предположения об экономической целесообразности удлинения производственных цепочек.

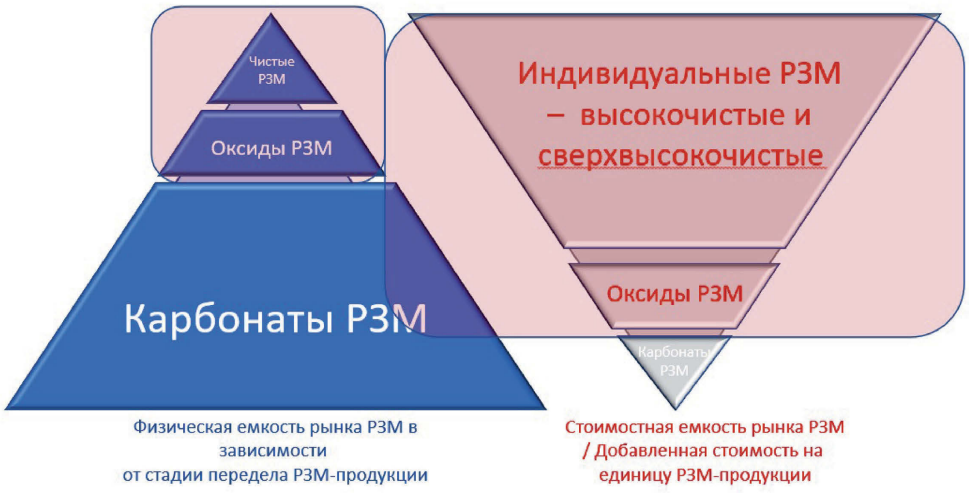

Рисунок 2. Дилемма глубокой переработки (на примере РЗМ). По мере роста добавленной стоимости сужаются рынки реализации продукции.

Однако переработка — это только один фрагмент общей сети создания социальной ценности, формируемой углублением степени переработки ресурса. Надо добавить поставки оборудования, тренинг персонала, рост социального капитала, выгоды от использования налоговых поступлений. В России при ее колоссальном потенциале добыча не сопровождается адекватной глубиной переработки. В результате, экспортируя сырье или первые переделы цепочек переработки, Россия вынуждена в массовом порядке закупать готовые продукты, чтобы покрывать внутренний спрос. Чтобы приблизить предложение товаров к внутренней структуре спроса, необходима действенная помощь государства. Отсюда вытекает важнейшая особенность реализации того подхода, который мы здесь обсуждаем — это не только формирование цепочек, не только и не столько поддержка крупных игроков, но и в значительной степени действенные шаги по формированию внутреннего спроса через различные инструменты фискальной, научно-технологической, структурной, транспортной политики.

Инвестиционный импульс: крупные комплементарные проекты развития Азиатской России

Наши предложения в целом укладываются в готовящиеся материалы для обоснования «Концепции стратегии комплексного освоения и развития территорий Азиатской России», а также двух других, ее дополняющих и носящих функциональный характер — это «Концепция территориальной инвестиционной политики» и «Концепция расширения и развития транспортной сети в рамках Азиатской России». Предусматривается развитие в рамках трех основных сценариев: инерционного, умеренно-оптимистического и прорывного (последний предполагает значительную степень успеха в реализации наших предложений), обсуждается структурная политика, перспективы опорных секторов и территорий, разрабатываются меры и механизмы реализации.

Но главным средством, которое может «вдохнуть жизнь» в экономику территорий азиатской России, является эшелонированная реализация ряда взаимосвязанных и взаимодополняющих крупных инновационных проектов — «большой инвестиционный импульс» или просто инвестиционный импульс. Этот термин является нашим авторским переводом английского термина. В основе теоретического обоснования подхода лежит концепция «большого толчка» (big push). В свою очередь, концепция инвестиционного импульса является результатом продуктивного синтеза двух других теоретических концепций — «порочного круга нищеты» и «самоподдерживающегося роста» [4], предложенных рядом зарубежных исследователей для анализа возможностей развития развивающихся стран [5–10].

Основная идея инвестиционного импульса состоит в том, что в экономику следует вложить большой объем хорошо распределенных инвестиций, чтобы размер рынка увеличивался и приводил к более высокому уровню производительности, увеличению отдачи от масштаба и, в конечном итоге, развитию страны. Это предполагает выполнение одного важнейшего условия: между секторами экономики, получающими крупные инвестиции от государства, должна существовать взаимодополняемость. Нужны не инвестиционные толчки в отдельных секторах, а взаимные усилия всех секторов, повышающие положительный эффект межсекторального «перелива». Именно такая система взаимодополняющих секторов создает сильный импульс к росту. Поэтому требуется не реализация отдельных государственных проектов, а всесторонняя стратегия, нацеленная на развитие взаимодополняемости между экономическими секторами и проектами.

И конечно, такая инвестиционная политика государства вряд ли будет успешной без поддержки и содействия частного сектора. Воздействие «большого толчка» на рынок будет наиболее ощутимо в секторах, где инвестиции подстегнут рост производства и развитие инфраструктуры — в транспортном секторе (особенно порты, железнодорожные сети), металлургии, производстве строительных материалов и т.д., а также в сферах развития человеческого капитала — образовании и здравоохранении.

Инвестиционный импульс азиатской экономике призваны обеспечить выбранные нами пять крупных пилотных структурно-определяющих проектов: «Металлургия Плюс», Южно-Сибирская конурбация, «Уголь плюс», «УВС — углеводороды, нефтегазохимия» и «Лес и лесное хозяйство».

1. «Металлургия Плюс».

Проект «Металлургия Плюс» фактически является развитием стратегии по созданию Дальневосточного металлургического кластера, что обусловлено современной экономической и промышленной политикой России. Этот кластер позволит стабильно и надежно контролировать источники топлива и сырья в отрасли, а также внутренний и внешний рынки металла в регионе. По мере своего развития он обеспечит минерально-сырьевую и экономическую безопасность не только удаленного от центра Дальнего Востока, но и в целом национальную безопасность и обороноспособность страны. Вновь создаваемый пятый региональный металлургический кластер позволит:

- сократить технологическую отсталость черной металлургии России за счет активного и эффективного использования инновационных технологий;
- приблизить экспортируемую металлопродукцию к дальневосточным морским портам, сократив транспортные издержки;

- эффективно использовать избыточные в регионе энергоресурсы;
- улучшить демографическую ситуацию, создать новые рабочие места, что укрепит экономический потенциал региона.

При этом место размещения металлургического предприятия не будет иметь определяющего значения. Роль и значение железорудных ресурсов Южной Якутии в формировании Дальневосточного металлургического кластера определяются локальным размещением больших запасов угля и высококачественных железных руд, концентрацией горнорудного производства, отличающегося большими масштабами и высокой степенью подготовленности их к промышленному освоению.

На Дальнем Востоке в Еврейской автономной области группа компаний «Петропавловск» начала строить металлургический комбинат, рудно-сырьевой базой которого будут местные Кимкано-Сутарский, Гаринский и Олекминский ГОКи. Вместе с действующим и модернизируемым ОАО «Амурметалл» и вновь создаваемым Южно-Якутским ГМК они сформируют новый, пятый в стране Дальневосточный металлургический кластер. Ведущую роль в нем будет играть Южно-Якутский ГМК, так как на его долю будет приходиться 68,2% добычи руды и 66,4% производства концентрата. Между тем Амурская область за счет создания железорудной и металлургической промышленности из дотационного субъекта станет донором, а по объемам получаемой прибыли железорудное производство обойдет золотодобывающую отрасль, занимающую второе место в стране.

На базе трех месторождений в ЕАО будет создаваться Приамурский горно-металлургический комплекс, а в Якутии владелец лицензии на четырех железорудных месторождениях ЕВРАЗ начинает освоение Таежного месторождения. Продукция ГОКа Таежный на начальном этапе в виде сухого железорудного концентрата будет поставляться на сибирские металлургические комбинаты (г. Новокузнецк).

Инвестируя в развитие черной металлургии на востоке страны, ЕВРАЗ решает главную стратегическую цель: получает перспективу для развития за счет использования огромных запасов железной руды Южной Якутии, в первую очередь — крупнейшего на азиатском континенте Чаро-Токкинского железорудного региона. Кроме того, получив преференции, обойдет ММК и Мечел своих традиционных конкурентов на азиатском рынке черных металлов.

Все это требует пересмотра ранее сложившихся стереотипов по устранению проблемы. Вопросы освоения железорудных ресурсов региона ранее наряду с угольными месторождениями связывались исключительно с созданием в Южной Якутии крупномасштабной черной металлургии по классической коксодоменной технологии выплавки металла. Однако в связи с намечаемыми изменениями в ближайшей перспективе структуры топливно-энергетического баланса региона, обусловленными приходом в район природного газа, возникает задача рассмотрения использования ЖРС в альтернативных технологиях производства металла. Металлурги давно занимаются поиском новых технологий производства металла, способных заменить консервативную и неэкологичную коксодоменную технологию выплавки металла.

Эффективность освоения железорудных месторождений в значительной мере определяется масштабами вновь создаваемого горнорудного предприятия и объемом добычи железной руды, зависящим от потребности в ЖРС. Следует отметить, что на базе месторождений Южно-Алданского железорудного района невозможно создание крупномасштабной черной металлургии, поскольку освоение даже двух

наиболее крупных месторождений района — Таежного и Десовского — позволяет производить только 5 млн т железорудного концентрата, из которого можно выплавить 2,5 млн т чугуна.

2. Южно-Сибирская конурбация.

Южно-Сибирская конурбация является одним из немногих перспективных пространственных объединений, опирающихся на географическую концентрацию нескольких крупных городских агломераций, и выступает естественной формой эволюции существующих активных связей между центрами юга Сибири, куда входят Новосибирск, Томск, Кемерово, Новокузнецк, Барнаул (в какой-то мере Омск и Красноярск). Эти города связывают активные экономические, производственные, научные, образовательные и культурные отношения. Проект формирования и развития Южно-Сибирской конурбации предполагает интеграцию пространства вокруг городских центров юга Сибири на основе развития скоростного транспорта, устранения инфраструктурных и институциональных барьеров мобильности, факторов и результатов экономической и социальной активности, создания преференциальных режимов для бизнеса и инновационной деятельности на данной территории, а также государственной поддержки проектов межрегионального и межмуниципального взаимодействия. Южно-Сибирская конурбация рассматривается как «драйвер» социально-экономического развития, способствующий сокращению социально-экономических и пространственных диспропорций развития Азиатской части и Российской Федерации в целом.

Программа развития скоростного движения предусматривает формирование сети железных дорог, позволяющих передвижение со скоростью 250 км/ч. Проект также предполагает развитие инфраструктуры транспорта и связи, гарантирующей мобильность и активное взаимодействие внутри всей территории конурбации. В результате вокруг Новосибирска в зоне двухчасовой доступности формируется интегрированное пространственное объединение, включающее городские агломерации, малые города и сельские населенные пункты с населением более 5 млн чел.

Развитие транспорта «сжимает» пространство, снижает транспортные издержки взаимодействия, увеличивает мобильность населения и бизнеса, создает возможности формирования крупного общего рынка труда, товаров и услуг и, как следствие, дает использование выгод масштаба агломерационной экономики. Однако наряду с физическими барьерами пространства существуют институциональные ограничения, которые сдерживают межрегиональное и межмуниципальное взаимодействие. Их источниками являются дефекты законодательства и существующая система общественных финансов.

3. «Уголь Плюс».

Проект «Уголь Плюс» разрабатывается для анализа возможных ответов на складывающиеся в мире и в России риски для угольной промышленности и особенно регионов ее локализации. Эти риски связаны с набирающей силу декарбонизацией экономики и всей жизни, в особенности в развитых странах Европы и Северной Америки, которые все более отчетливо акцентируются на инвестициях в возобновляемые источники энергии. Среди стран — экспортеров угля растет конкуренция за рынки Азии, которая тоже инвестирует в ВИЭ, но пока не в состоянии отказаться от угля. Снижение мирового спроса на уголь оборачивается стратегической угрозой для российских регионов, экономика которых базируется на угледобыче. Можно ожидать и роста конкуренции между российскими угледобывающими регионами

за выход на внешние рынки в связи с ожидаемым роста добычи в северной части российской Азии — в Якутии и на Таймыре. Обширные запасы угля имеются также и на юге Дальнего Востока.

Существует запрос на пересмотр государственной политики в отношении традиционных угольных территорий страны, что, естественно, должно сопровождаться соответствующей корректировкой моделей развития самих ресурсных регионов и созданием работоспособных механизмов реализации их стратегических ориентиров. Рост добычи на разных этапах опирался на поддержку государства, прямую и косвенную, которую в настоящее время также следует переоценить и направить на развитие других сфер хозяйства старых регионов-производителей угля для компенсации потерь от прогнозируемой стагнации или даже сокращения добычи. Так, в настоящее время для Кузбасса рассматривается концепция «Мягкой посадки», предусматривающая переход угольной отрасли из системообразующей и, по крайней мере, претендующей в настоящее время на отрасль-драйвер развития экономики региона, в отрасль стабильного развития.

Развитие новых угольных проектов должно осуществляться на новом технологическом базисе, при этом необходимо проектировать и реализовывать проекты глубокой переработки углей, а также использовать метан угольных месторождений, например, для получения сжиженного газа.

4. «УВС — углеводороды, нефтегазохимия».

У проекта «УВС — углеводороды, нефтегазохимия» есть и другое название — «Нефтегазовый сектор Тюменской области» — указывающее на то, что крупное мероприятие всероссийского значения все же имеет достаточно четкую территориальную локализацию: юг Тюменской области и Ханты-Мансийский автономный округ. Задачами данного проекта являются оценка направлений кооперации и взаимодействия двух пилотных регионов, выбор рациональной структуры перерабатывающих (нефтегазохимических) производств и оценка выгод от реализации проектов создания нефтегазохимических производств для различных участников — общества в целом, регионов и бизнеса.

5. «Лес и лесное хозяйство».

Проект «Лес и лесное хозяйство» преследует ряд задач, которые касаются как самого лесного комплекса посредством рационализации лесопользования, углубления переработки древесного сырья, производства современных материалов и конструкций для строительства, так и экологических задач декарбонизации экономики и окружающей среды. Важны также и задачи рекреации, поддержания общественного здоровья, развития туризма.

Несмотря на тот факт, что Россия обладает пятой частью всех мировых массивов леса, она не является ни крупнейшим поставщиком лесных ресурсов, ни страной, экономика которой существенно зависит от лесопромышленного комплекса и лесопользования. На фоне постоянного роста лесозаготовок, а также вывоза леса за рубеж, доходы от этой деятельности не достаются ни государству, ни населению. В результате значительно увеличиваются потери лесов, особенно в азиатской России, страдает и лесопользование. Другая проблема состоит в том, что государственная лесная политика «пропустила» тренд декарбонизации за счет поглощающей способности лесов.

В рамках реализации проекта мы исходим их того, что необходима институциональная модернизация отрасли, направленная, прежде всего, на рационализацию

лесозаготовок, изъятие большей части рентных доходов лесной отрасли в бюджет и последующее их перераспределение (по аналогии с нефтегазовой отраслью). Параллельно мы ставим вопрос о том, что финансирование лесопользования можно существенно увеличить за счет структурных маневров в экономике, например, в рамках национальных проектов, привлекая средства из секторов металлургии, нефтегазовой промышленности и угледобычи.

Возможные препятствия и шаги по их преодолению

Что может помешать реализации планов по формированию и претворению в жизнь рациональной территориальной политики для обеспечения связности территорий азиатской России и ускорения развития ее экономики?

Основное — это доминирование корпоративного и отраслевого «начала» при принятии решений, отсутствие видения и подходов к формированию и развитию цепочек создания ценности/стоимости. Как правило, многие документы, которые предлагаются для реализации, являются сводкой тех разработок, которые сделаны на уровне корпоративного звена. Это важно, но недостаточно, потому как не рассматривается вся совокупность условий и факторов создания социальной ценности. Среди причин — то, что связано с природными ресурсами. Другой причиной, как это ни парадоксально, является колоссальная роль природно-ресурсного сектора в решении финансово-бюджетных и внешнеполитических проблем страны и в особенности ее восточной части. Добыча полезных ископаемых в России почти в 8 раз производительнее, чем любой другой вид экономической деятельности: даже чисто экономически очень трудно решиться на структурные маневры, перераспределяя производственные ресурсы из добывающего сектора в перерабатывающий.

Однако пойти на это необходимо — как раз в рамках формирования цепочек стоимости (ценности), поскольку этим процессом можно и нужно управлять. Необходимыми мерами в этой сфере мы считаем, *во-первых*, регулирование фискальной нагрузки, причем желательно с учетом индивидуальных особенностей регулируемых структур; *во-вторых*, целевое субсидирование; *в-третьих*, согласованную, зачастую принудительную локализацию, т.е. принуждение к закупкам оборудования и других необходимых ресурсов внутри страны, внутри территорий азиатской России (индуцирование спроса на внутреннем рынке). Локализацию закупок инвестиционных товаров на основе формирования производственных цепочек инвестиционных товаров нельзя отдавать на откуп только рыночным силам, которые действуют в рамках текущей конъюнктуры и не учитывают стратегические приоритеты. Если мы посмотрим показатели локализации по закупкам основного капитала, то в целом они выглядят неплохо. Но при более детальном анализе структуры основных фондов оказывается, что во многом удовлетворительные цифры локализации объясняются пассивной частью капитала, «наполняемой» фундаментами, зданиями, сооружениями, трубами и другими видами низкотехнологичного оборудования. Высокотехнологичное оборудование и хайтек — до сих пор импорт, и здесь ситуация не дает оснований для оптимизма. В то же время в странах — лидерах по технологическому уровню добычи ресурсов (таких, как Норвегия и Канада) степень локализации по поставкам высокотехнологичной продукции доходит до 75%, что достигается не только за счет использования рыночных сил, но и на основе специальных мер политики. Подчеркнем следующие из них:

- достройка и опережающее развитие каркаса современной транспортной инфраструктуры;
- реализация мер поддержки проектов и программ, ориентированных на кооперационные связи и взаимодействие компаний (включая и компании, расположенные в разных регионах) с целью производства современной наукоемкой продукции;
- создание экономических макрорегионов, объединяющих территориально близко расположенные регионы и имеющих предпосылки формирования и развития кооперационных связей по выпуску конкурентоспособной и современной технологически сложной продукции;
- переориентация бюджетной системы от межбюджетных трансфертов на стимулирование экономического развития экономики регионов в отмеченных выше направлениях.

Заключение

В заключение хотелось бы расставить некоторые акценты. Мы выделяем особую роль и значение знаний и навыков, имеющих локальный (специализированный) характер, что означает усиление роли и значимости человеческого капитала — людей с их знаниями и навыками работы и понимания конкретных условий. Далее необходим повсеместный отход от унитарной модели реализации проектов. Кооперация, интеграция, сотрудничество и партнерство — ключевые черты и особенности новой модели. Требуется также перейти к гражданско-правовой модели взаимоотношений по линии «государство — недропользователь» — иначе говоря, к контрактной модели таких отношений. Другая важная черта предлагаемой парадигмы регулирования и развития — ориентация не только и не столько на показатели финансовой доходности и выплаты дивидендов, сколько на «социально-экономическую отдачу» проектов, их социально-экономические выгоды. Очень важно также вовлекать местные сообщества не только в обсуждение, но и в процесс реализации различных сторон реализации проектов.

Библиографический список

1. *Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 207-р от 13 февраля 2019 г.). — М., 2019.*
2. *Seliverstov V.E., Melnikova L.V., Kolomak E.A., Kryukov V.A., Suslov V.I., Suslov N.I. Spatial Development Strategy of Russia: Expectations and Realities. — DOI: 10.1134/S2079970519020114 // Regional Research of Russia. — 2019. — Vol. 9, Is. 2. — P. 155–163.*
3. *Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии. — DOI: 10.15372/REG20180212 // Регион: экономика и социология. — 2018. — № 2. — С. 264–287. RSCI, ВАК.*
4. *Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма, 2008. — 639 с.*
5. *Rosenstein-Rodan P.N. Problems of Industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe // The Economic Journal, 1943. — Vol. 53, No. 210/211. — P. 202–211.*
6. *Nurkse R. Equilibrium and Growth in the World Economy // Cambridge, 1961.*
7. *Leibenstein H. Economic Backwardness and Economic Growth. Studies in the Theory of Economic Development // New York,1957. — P. 132–134.*
8. *Hirschman A.O. The Strategy of Economic Development // New Haven: Yale University Press, 1958.*

9. *Singer H.W. International Development. Growth and Change // New York: McGraw-Hill, 1964. — P. 295.*
10. *Rosenstein-Rodan P.N. Notes on the Theory of the 'Big Push'. Economic Development for Latin America. URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-349-08449-4 International Economic Association, 1961. — P. 57–81.*

References

1. *Strategija prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (Utverzhdena rasporjazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 207-r ot 13 fevralja 2019 g.). — M., 2019.*
2. *Seliverstov V.E., Melnikova L.V., Kolomak E.A., Kryukov V.A., Suslov V.I., Suslov N.I. Spatial Development Strategy of Russia: Expectations and Realities. — DOI: 10.1134/S2079970519020114 // Regional Research of Russia. — 2019. — Vol. 9, Is. 2. — P. 155–163.*
3. *Kolomak E.A., Krjukov V.A., Mel'nikova L.V., Seliverstov V.E., Suslov V.I., Suslov N.I. Strategija prostranstvennogo razvitija Rossii: ozhidanija i realii. — DOI: 10.15372/REG20180212 // Region: jekonomika i sociologija. — 2018. — № 2. — S. 264–287. RSCI, VAK.*
4. *Nureev R.M. Jekonomika razvitija: modeli stanovlenija rynochnoj jekonomiki. M.: Norma, 2008. — 639 s.*
5. *Rosenstein-Rodan P.N. Problems of Industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe // The Economic Journal, 1943. — Vol. 53, No. 210/211. — P. 202–211.*
6. *Nurkse R. Equilibrium and Growth in the World Economy // Cambridge, 1961.*
7. *Leibenstein H. Economic Backwardness and Economic Growth. Studies in the Theory of Economic Development // New York,1957. — P. 132–134.*
8. *Hirschman A.O. The Strategy of Economic Development // New Haven: Yale University Press, 1958.*
9. *Singer H.W. International Development. Growth and Change // New York: McGraw-Hill, 1964. — P. 295.*
10. *Rosenstein-Rodan P.N. Notes on the Theory of the 'Big Push'. Economic Development for Latin America. URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-349-08449-4 International Economic Association, 1961. — P. 57–81.*

Контактная информация / Contact Information

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17.
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
630090, Novosibirsk, Academician Lavrentyev Avenue, 17.
Крюков Валерий Анатольевич / Valeriy A. Kryukov
kryukov@ieie.nsc.ru
Суслов Никита Иванович / Nikita I. Suslov
nsus@ieie.nsc.ru
Ягольницер Мирон Аркадьевич / Miron A. Yagolnitser
miron@ieie.nsc.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

SOCIAL AND TECHNOLOGICAL CHALLENGES OF THE RUSSIAN ECONOMY

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-103-112

КЛЕПАЧ Андрей Николаевич
Главный экономист ВЭБ.РФ, член Правления ВЭО России, заслуженный экономист РФ, к.э.н.

Andrey N. KLEPACH
Chief Economist at VEB. RF, Member of the Management Board of VEO of Russia, Honored economist of the Russian Federation, PhD in Economics

Аннотация

Российская экономика восстанавливается быстрее, чем ожидалось ранее, но она уступает по темпам роста и масштабу социальным программам мировых лидеров. Наиболее острым общественным вызовом остается низкий уровень доходов населения при высоком социальном неравенстве. Для долгосрочного устойчивого роста российской экономики решающее значение имеет переход к новой модели развития человеческого богатства, социальной справедливости, экономики знаний и технологий. Жесткое бюджетное правило и денежная политика тормозят этот переход.

Abstract

The Russian economy is recovering faster than previously expected, but it is lags behind i world leaders in growth and scale of social programs. The most acute societal challenge remains low incomes and high social inequalities. For long-term sustainable growth, the transition to a new model of human wealth development, social justice, knowledge and technology economics is crucial. Tight fiscal rules and monetary policies are hampering this transition.

Ключевые слова

Бедность и социальное государство, развитие здравоохранения и науки, долгосрочный экономический рост.

Keywords

Poverty and welfare state, health care and science transformation, long term economic growth.
Jel: E320, E58, O11.

Пандемия 2020–2021 годов оказала на состояние умов и мировую экономику эффект, в чем-то сопоставимый с Великой депрессией 1929–1933 годов. Если тогда посткризисное восстановление было связано с идеями кейнсианства и государственного регулирования рыночных дисбалансов, то сейчас, похоже, мы наблюдаем своеобразный левый поворот в мире. Пример во многом подают, как часто это бывало, Соединенные Штаты Америки (США). В кризисном 2020 году масштабы поддержки населения и бизнеса в США достигли почти 18% ВВП (в России — 2,9% ВВП), 2021-й — 6,7% ВВП и в среднесрочной перспективе в 2022–2027 годах — 1,6–2,5% ВВП (с учетом эффекта повышения налогов — 0,6–1,3% ВВП). Основным адресатом мер поддержи стали семьи, их доходы и занятость. Происходила почти «вертолетная» раздача денег семьям, у которых доходы были ниже 50 тыс. долларов в год. Можно говорить о социальном повороте в развитии США и европейских стран, в пользу поддержания определенного уровня благополучия всех семей с низкими доходами и развития здравоохранения, с целью сбережения населения независимо от доходов семей и экономики самих клиник. Формируется глобальная конкуренция социальных моделей развития и моделей сбережения народов. Меры, которые принимались в России, позволили существенно уменьшить падение реальных доходов населения в 2020 г., которое Росстат оценивает в 2,8%, как минимум на два с лишним, почти три процентных пункта. Однако в США при большем сокращении ВВП они выросли почти на 6%. В большинстве стран Европы, где падение экономики было в разы больше, чем в России, реальные доходы населения либо снизились незначительно, либо выросли.

Со второго квартала 2021 года реальные доходы российского населения начали увеличиваться, но при сложившихся темпах роста они и в 2024 году могут уступать уровню досанкционного 2013 года (почти на 2 процентных пункта). То есть мы получаем 11-летний период общего падения или стагнации доходов, что по социальным последствиям может быть тяжелее спада 90-х годов XX века.

Если экономика не работает на благосостояние большей части общества, такая экономика обречена, она не конкурентоспособна и «беременна» социальными конфликтами. Приоритетность благосостояния людей отражена в последних стратегических решениях Правительства РФ, в так называемом социальном пакете Президента РФ, нацеленного преимущественно на поддержку семей с детьми, социальные инициативы Правительства РФ, предложенные в 2021 году.

Ключевая задача — сокращение бедности в 2 раза первоначально к 2024 году по Указу Президента РФ 2018 года, сейчас сдвинута на 2030 года. Однако только за счет запланированных мер при умеренных темпах роста экономики в 2 с лишним процента сократить бедность в два раза к 2030 году мы не сможем. Она понизится с нынешнего уровня в 12,1% до примерно 8%. Для того чтобы сократить ее вдвое, т.е. до 6%, необходимы дополнительные меры, которые, по нашей оценке, стоят около 1,8 трлн рублей.

Нынешние меры адресованы в первую очередь многодетным семьям и поддержке матерей, ухаживающих за детьми после родов, а также нацелены на повышение избирательности и эффективности мер за счет выстраивания системы социального казначейства. Однако к бедным относится и определенная часть пенсионеров, и работники, занятые на низкооплачиваемых работах. Значительная часть работников сельского хозяйства, да и целого ряда других отраслей, тоже относится к бедным. Зарплата в аграрном секторе, по официальной статистике, составляет 52% от средней в экономике. Есть регионы достаточно обеспеченные, как Краснодарский край, но в целом значительная часть работников сельского хозяйства и живущих на селе относится

к бедным. Для преодоления массовой бедности нужны дополнительные меры, которые, по оценке, составляют за десять лет 2,8 трлн рублей. Не мало, но и назвать эту сумму неподъемной никак нельзя.

Динамика доходов населения и уровня бедности

Показатель	Базовый сценарий	Оптимистичный сценарий
Среднегодовой рост реальных располагаемых доходов населения, %	2,4	4,8
Уровень абсолютной бедности в 2030 г.	8,1	2
Уровень относительной бедности в 2030 г.*	9,7	9,2
Дополнительное финансирование мер по борьбе с бедностью, трлн руб.	1,8	2,8
Среднегодовое снижение численности малоимущих граждан за счет мер, млн чел.	2,7	3,9

* При переходе на новую методику расчета уровня бедности, равного 44,2% от прошлогоднего медианного дохода, снижение уровня бедности будет происходить существенно более медленными темпами. К 2030 году в базовом сценарии бедность снизится до 9,7%, а в оптимистичном сценарии — до 9,2%.
Источник: Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ.

Преодоление бедности еще не означает достижения действительно устойчивой социальной структуры общества, так как значительная часть российского населения относится к малообеспеченным. От решения проблемы бедности необходимо перейти к созданию общества массового среднего класса, или общества обеспеченных и всесторонне развитых людей. Это задача ставилась в принятой Правительством РФ еще в 2008 году «Концепции долгосрочного социально-экономического развития», нацеленной на создание массового среднего класса до 40 и более процентов населения, включающего в себя в том числе занятых в производстве знаний и здоровья (ученых, врачей, работников образования). С 2012 года удалось существенно поднять относительный уровень доходов врачей и учителей, но качественно изменить структуру общества не удалось. В условиях полустагнирующей экономики, где труд, связанный с экспортной и природной рентой, имеет преимущество над интеллектуальным трудом, решить эту задачу системно невозможно. Можно только создавать «оазисы» благополучия среди океана малообеспеченных.

Очевидно, что обеспечение благосостояния и качества жизни — это вопрос не только уровня доходов. Качество жизни и благосостояние зависит от многих аспектов: здравоохранения, образования, благоустройства городов и поселков, экологии, и во многом от развития науки и технологий, и состояния культуры человека и его духовности.

По расходам на здравоохранение мы подскочили в 2020 г. до 6,9% ВВП, но заложенные в бюджет 2021–2023 гг. расходы, даже с учетом новых стратегических инициатив Правительства РФ, приведут к их относительному снижению. Для того чтобы достичь целей Указа Президента России по повышению продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году и сокращению разрыва с развитыми странами, например Германией, необходимо значительное (минимум на 2–3 п. пункта ВВП) увеличение расходов на здравоохранение, особенно государственных.

Динамика параметров развития человеческого богатства и экономики знаний

Показатель, % ВВП	Россия 2019	Россия 2020	Россия 2024	Россия 2030	Германия 2020
Расходы на здравоохранение					
консервативный сценарий	5,6	6,9	6,3	6,3	11,7
оптимистичный сценарий	5,6	6,9	7,7	8,8	
Расходы на образование					
консервативный сценарий	4,5	4,9	4,8	5,6	5,4
оптимистичный сценарий	4,5	4,9	5,2	6,6	
Расходы на науку					
консервативный сценарий	1,04	1,17	1,14	1,27	3,1
оптимистичный сценарий	1,04	1,17	1,38	2,50	
Итого					
консервативный сценарий	11,1	13,0	12,2	13,2	20,2
оптимистичный сценарий	11,1	13,0	14,4	17,8	

Источник: Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ.

Не все решается деньгами. Даже при относительно низком уровне расходов на здравоохранение российская медицина героическими усилиями спасала людей от ковида, и относительные показатели по заболеваемости были даже ниже, чем во многих европейских странах. Тем не менее общий уровень смертности в России высок, а во время второй и третьей волн ковида он вырос по сравнению с другими странами. Правительство РФ выдвинуло ряд стратегических инициатив, связанных с развитием дистанционной медицины, укреплением первичного звена, системы реабилитации больных, лабораторной диагностики заболеваний и системы тестирования. Однако планируемых решений и их финансирование явно недостаточно для комплексной модернизации здравоохранения и повышения доступности медицинских услуг с учетом уроков пандемии ковида.

На наш взгляд, необходимо:

- Повышение оплаты труда медработников: переход к общероссийскому стандарту оплаты труда, использование среднероссийского уровня номинальной начисленной зарплаты в качестве базы для расчета зарплаты целевых категорий работников. В дальнейшем — увеличение зарплаты врачам до уровня конкурентоспособного с той, которая есть в европейских странах, а не просто выполнение установленных коэффициентов оплаты — 200% (или 100% для младшего и среднего медицинского персонала) к средней по региону.
- Увеличение численности медперсонала и выход на соотношение среднего медперсонала на одного врача с 2,1 до 2,5 к 2030 году, т.е. показателям, характерным для развитых стран (Великобритания — 2,7, Германия — 3,1, Япония — 4,7); младшего

медперсонала — с 0,5 до минимально допустимого значения 1,0 на одного врача уже к 2024 году.

- Возврат службы скорой помощи, а также медучреждений, специализирующихся на лечении инфекционных заболеваний (эпидемий), к сметному финансированию. Создание механизма финансирования резервных мощностей, востребованных в эпидемиологических условиях, использование которых позволяет избежать прекращения предоставления основных медицинских услуг.
- Увеличение расходов государства и бизнеса на научные исследования в области медицины, биотехнологий, разработки лекарственных средств с нынешних 0,04% ВВП до 0,3–0,4% ВВП, соответствующих уровню развитых стран.
- Повышение доступности и качества отечественных лекарств.

Фармацевтика растет по 20 с лишим процентов в год, но мы критически зависим от импорта субстанций, многих современных лекарственных препаратов и оборудования. Одна из проблем с вакцинацией — это не только недоверие населения, но дефицит мощностей, который не позволял до середины 2021 года обеспечить массовую вакцинацию населения темпами, сопоставимыми с США, где ресурсная база обеспечивала вакцинацию по 2–3 млн человек в месяц и более. Повышение суверенитета в сфере здравоохранения и его индустриальной базы обозначено в стратегических инициативах Правительства РФ в качестве одной из приоритетных задач. Дело за эффективной комплексной реализацией инициативы.

Президентом РФ 2021 год объявлен Годом науки и технологий, но, несмотря на это, прорывных комплексных решений по развитию науки и технологий пока не сформировано. Нет их и в разрабатываемых стратегических инициативах. Усилия по развитию университетов и стимулированию университетской науки, при всей их важности, не способны обеспечить научно-технологический прорыв. Относительный уровень и частных, и государственных расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) стагнирует или даже снижается уже много лет. Несмотря на запуск ряда дорожных карт по развитию разработки и производства композитов, аддитивных технологий, квантовых вычислений и коммуникаций, искусственного интеллекта, — они не набрали необходимой для прорыва мощности и получили мизерную государственную поддержку. Заявленные комплексные научно-технологические программы после нескольких лет обсуждения пока так и не профинансированы бюджетом и не превратились в реальный инструмент управления.

Правительство РФ в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации акцентировало внимание на необходимости опережающего развития фундаментальной науки. В процентах к ВВП, да и в процентах к расходам на НИОКР, ее доля за последние годы несколько выросла. Оборотной стороной этого стало постоянное снижение доли затрат на прикладную науку и в структуре расходов на НИОКР, и относительно величины ВВП.

Несмотря на запуск национального проекта «Наука» и отдельных шагов по созданию установок «мегасайнс», отставание в технической и экспериментальной базе российской науки продолжает нарастать. Советский Союз в 70-е и 80-е гг. XX в. вложил в испытательные стенды и приборную базу огромные средства, благодаря которым сейчас во многом и создаются уникальные прорывные образцы. Однако для мощного научно-технологического подъема нужна новая приборная и экспериментальная база, тем более что в условиях санкций доступ ко многим видам оборудования крайне ограничен.

Динамика показателей сферы НИОКР в базовом консервативном сценарии

Показатель	2012	2019	2024	2030
Все затраты на исследования и разработки (ВЗИР), млрд руб.	**700**	**1135**	**1623**	**2561**
% ВВП	1,03	1,03	1,14	1,27
Средства государства	**475**	**752**	**1105**	**1732**
% ВВП	0,7	0,68	0,78	0,86
доля во ВЗИР	67,8	66,3	68,1	67,6
ФБ (гражданская часть)	356	489	603	946
Фундаментальные исследования	**87**	**193**	**271**	**404**
% ВВП	0,13	0,17	0,19	0,20
Доля фундаментальных исследований во ВЗИР, финансируемых за счет всех источников	12,4	17	16,7	15,8
Прикладные исследования	**269**	**297**	**333**	**542**
% ВВП	0,4	0,27	0,23	0,27
Доля прикладных исследований во ВЗИР, финансируемых за счет всех источников	87,6	83	83,3	84,2
Частные средства	**225**	**383**	**518**	**829**
% ВВП	0,33	0,35	0,36	0,41
доля во ВЗИР, %	32,2	33,7	31,9	32,4

Источник: Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ.

Правительство РФ в рамках стратегических инициатив наметило проекты-маяки: беспилотные логистические коридоры, автономное судовождение, беспилотная аэродоставка грузов, персональные медицинские помощники, электро- и водородный автомобили. Они действительно отражают ряд перспективных технологических направлений, но по своему объему финансирования и составу мероприятий не могут стать комплексными проектами-драйверами российской экономики, сопоставимыми с космическим и атомным проектами Советского Союза.

Наиболее перспективным среди проектов-маяков с точки зрения потенциального технологического и социального эффекта является проект электро- и водородных автомобилей, но он не может сводиться только к этому виду транспорта. Более привлекательным может стать использование гибридных и водородных источников в железнодорожном транспорте (включая и трамвай), сельскохозяйственной технике и др. При этом основным узким местом является не само транспортное средство, а разработка и производство современных источников питания, что предполагает комплексность проекта транспортных средств с низким углеродным следом.

Сам состав проектов научно-технологических драйверов нуждается в более глубокой проработке, и возможно, что их конфигурация может быть иной. В авиации есть потребность в прорывных работах по электросамолету, новых аэрокосмических средствах (низкие космические орбиты), экранопланах, беспилотных аппаратах и системах их управления и роевого применения (выходящих за пределы проекта-маяка по аэродоставке небольших грузов). По этим проектам у России есть серьезные пионерские заделы, но они не попали в фокус рассматриваемых сейчас инициатив. Мы можем пропустить назревающий прорыв в биотехнологиях, в т.ч. в области бактериофагов и микроорганизмов, в нейромедицине, в которых Советский Союз и Россия имели и имеют существенные заделы, но они также не попали в приоритеты научно-технологической государственной политики.

В условиях резкого повышения остроты темы адаптации к климатическим изменениям и энергетического перехода сформировался запрос не только на новые низкоуглеродные технологии источников энергии, включая атомные, но и на фундаментальные исследования изменения климата, его космических и земных факторов, процессов протаивания и деградации многолетнемерзлых грунтов. Такого рода исследования и разработки технологий могут стать проектами, аналогичными по своим масштабам и эффекту атомному и космическому проектам.

При этом принципиально, что и атомный, и космический проекты имели свою целостную систему управления, которая в нынешних междисциплинарных проектах и комплексных научно-технических программах (КНТП) пока не сложилась. Наиболее сложным вопросом является не столько вопрос денег, сколько выстраивание системы управления комплексными научно-технологическими проектами, координация усилий всех участников соответствующих проектов — Росатом, Роснано, Российская академия наук, прикладные институты, корпоративные центры.

Нарастает дефицит прорывных перспективных исследований, который не преодолевается корпоративными научными центрами и государственными научными центрами (ГНЦ). К тому же в рамках отраслевых госпрограмм ведомства не могут финансировать поисковые и прорывные исследования, так как эта функция закреплена за Минобрнауки России. Тем самым единый научно-технологический процесс разрывается ведомственными барьерами. Необходимо восстановить это единство и сформировать особые подходы и механизмы поддержки формирования научно-технических заделов и прорывных рискованных разработок. В отличие от ставки на венчурный бизнес или создания новых фондов, целесообразно укрепить «Роснано» и Фонд перспективных исследований, с целью преодолеть крайнюю слабость звена, обеспечивающего переход от стадии исследований и лабораторных образцов к опытно-экспериментальным установкам и мелкосерийному производству (уровни готовности технологий: TRL 4–7), отладке и масштабированию новых технологий. Основные компетенции и человеческий капитал прикладной науки, а также наибольший объем ее финансирования сосредоточены в ГНЦ, сфере корпоративной науки и национальных исследовательских центрах (НИЦ), однако в этой сфере отсутствует координация исследований и проектов между министерствами: Минпромторг России, Минобрнауки России, Минобороны России, включая такие институты, как Национальная технологическая инициатива (НТИ), Фонд перспективных исследований (ФПИ), технополис «ЭРА».

Не получил развития процесс формирования сети мощных «национальных лабораторий» (исключение НИЦ «Курчатовский институт»). Необходимо выработать для них особый статус или разные статусы, но аграрная, транспортная и промышленные поли-

Матрица технологий и проектов

Технологии	Проекты				
	Умный и экологичный электротранспорт и доступная инфраструктура его обслуживания	**Новые средства лечения на основе клеточных, геномных технологий и бактериофагов**	**Умное земледелие, искусственная пища**	**Умная фабрика или индустрия 4.0 и 5.0; системы связи 5G и 6G**	**Новая энергетика (с учетом принципов энергоперехода и адаптации к климатическим изменениям)**
Искусственный интеллект и высокопроизводительные вычисления	Системы управлениям транспортными средствами	Алгоритмы подбора лекарственных кандидатов Цифровые персонализированные двойники человека и живых организмов	Умная ускоренная селекция растений и животных Системы умной фермы и умного земледелия (автономной обработки земли и сбора урожая)	**Аппаратная реализация алгоритмов ИИ** Алгоритмы управления сложными системами Сильный ИИ	**Алгоритмы управления энергетическими сетями и станциями, цифровые двойники энергетических систем**
Квантовые технологии	Кибербезопасность электромобиля и электротранспорта	Квантовые вычисления для разработки новых лекарств	Квантовые вычисления для селекции растений и животных	Устройства квантового шифрования для защиты информации	Кибербезопасность энергетических систем
Микроэлектроника, фотоника, робототехника	Компоненты для умного транспортного средства (автомобиля)	Автоматизация синтеза препаратов, микросистемы лечения живых организмов	Автоматическое фенотипирование, технологии размножения гибридов	RISC-V архитектура процессора Фотонные интегральные схемы	**Робототехнические системы проверки энергетических установок и работы с топливом, солнечные батареи и гибридные системы с высоким КПД**
Новые материалы и вещества	**Топливные элементы нового поколения** Композитные материалы Аддитивные технологии	**Фармацевтические субстанции** 3D-печать живых тканей и органов	Биосинтетические материалы	**Новые материалы для приборостроения и аппаратуры коммуникаций на базе фотонных чипов**	Новые материалы для энергетических систем и сверхпроводимости
Биотехнологии: клеточные, геномные и бактериофаги		Клеточные и генетические платформы, новые биоматериалы и органы	3D-печать из растительного сырья, биоупаковка, биопестициды и биоудобрения	Биотехнологии переработки отходов и борьбы с загрязнениями, Природоподобные технологии хранения информации	Зеленая энергетика и технологии фотосинтеза и биогаза

На уровне фундаментальных исследований (срок перехода к прикладным разработкам — 10–15 лет).
На стадии поисковых исследований (срок перехода к прикладным НИР и ОКР — 5–7 лет).
На стадии прикладных НИР и ОКР (срок перехода к производству — до 5 лет).
Источник: Институт исследований и экспертизы ВЭБ.РФ.

тики все больше должны становиться предметными функциональными сферами научно-технологической политики.

При этом огромное значение имеет фактор времени. Мы годами, по 2 года, а то и 5–6 лет, что-то примериваем, пересчитываем, но так и не решаемся. А если и принимаем решение, то никогда не финансируем полностью и выдаем деньги в год по «чайной ложке». В целом потребность в комплексном плане и пакете проектов научного и технологического развития страны и создании системы проектного управления остается крайне острой и пока не удовлетворенной.

Фактор времени проявляется не только в процессе принятия решений, но и в темпах их реализации в виде роста экономики или скорости развития всех экономических и социальных процессов. Во втором квартале 2021 г. российская экономика уже достигла докризисного доковидного уровня и в текущем году ее рост достигнет 4,3%, и, может быть, даже выше. Однако на фоне мировой экономической динамики — росте мирового ВВП на 6%, ВВП США — почти на 7% — этот ожидаемый результат смотрится уже не столь впечатляюще, учитывая, что разрыв между Россией и остальным миром, прежде всего развитыми странами, увеличится, а не уменьшится.

Дополнительным фактором риска становится несвоевременное ужесточение денежной-кредитной политики Банка России в сочетании с относительно жесткой бюджетной политикой. Теряя время для роста сегодня, мы ухудшаем в очередной раз потенциал стратегического прорыва и развития. Повышение Банком России ключевой ставки с целью сдерживания инфляции в условиях высокой немонетарной инфляции, связанной с ростом мировых цен на продовольствие, больше тормозит экономический рост, чем приводит к существенному замедлению роста цен. Повышение ключевой ставки может привести (и то с лагом) к дополнительному ослаблению курса доллара на 0,5 — 1 руб., что даст незначительный дезинфляционный эффект — 0,1 п.п.

По оценке Института ВЭБ.РФ, рост ставок приведет к увеличению сбережений и снижению спроса на потребительский кредит. Это повлечет за собой снижение динамики потребления домашних хозяйств на 0,7 п.п. в 2021 году и на 1,1 п.п. в 2022 году. Подорожание денег также сокращает возможность использовать долгосрочные кредиты и ссуды для финансирования инвестиционного спроса (доля в источниках финансирования около 15%). Это приведет к снижению роста инвестиций на 0,5 п.п. в 2021 году и на 0,7 п.п. в 2022 году. В целом действия Банка России могут понизить прирост ВВП на 0,3 п.п. в 2021 году и на 0,5 п.п. в 2022 году. К тому же Банк России борется с ростом цен, преимущественно продовольственных, на фоне введения Правительством ряда мер (пошлин) ограничивающих экспорт зерна, масличных культур, что уже придавило внутренние цены производителей, но дезориентировало их дальнейшие действия (не говоря про мировой рынок).

Достаточно высокие экспортные нефтегазовые и ненефтегазовые доходы создают Правительству РФ возможность существенного смягчения бюджетной политики. Однако, как всегда, Минфин России настроен быстрее перейти к профицитному бюджету, увеличить и так избыточные государственные сбережения вместо инвестирования в развитие экономики и человеческого капитала.

Очевидно, что даже в условиях соблюдения бюджетного правила Правительство РФ будет вынуждено пойти на некоторое увеличение бюджетных расходов по сравнению с бюджетными ориентировками 2021–2023 годов. Одобрены 42 стратегические инициативы стоимостью 504,8 млрд рублей из Федерального бюджета и 232 млрд рублей из Фонда национального благосостояния. Инициативы, очевидно, позволят решить

точечные задачи и придать новое качество ряду направлений государственной политики, но запланированный объем средств недостаточен для достижения заявленных целей инициатив и целей Указа Президента РФ. Предусмотренные ресурсы составляют всего 0,18% ВВП и 0,7% планируемых расходов бюджета на 2022–2024 годы. Предполагается, что другие источники финансирования, по-видимому, бизнеса и госкорпораций, добавят почти 4 трлн ресурсов к этим инициативам, но пока эти средства не подтверждены инвестиционными программами госкорпораций и планами частного бизнеса. Не случайно первоначальный замысел фронтальной стратегии уступил место решению о наборе стратегических инициатив.

Наряду с собственно стратегическими инициативами ожидается принятие ряда самостоятельных важных решений по реализации инфраструктурных мегапроектов, линейке новых отечественных самолетов и космических аппаратов со значительным макроэкономическим эффектом. При этом потенциальная стоимость проектов в этих блоках и их ожидаемый макроэффект превышают стоимость одобренных стратегических инициатив. Согласование инициатив по обновлению нацпроектов и госпрограмм только начинается, но вряд ли будет изменена базовая парадигма существующей макроэкономической политики, опирающаяся на жесткое бюджетное правило и ставящая во главу угла сбалансированность бюджета, а не экономический рост и инновационные прорывы. В рамках такой парадигмы опережающего роста по сравнению с мировой экономикой и перехода к инновационной социально-ориентированной модели развития достичь вряд ли удастся.

Таким образом, образуется огромный разрыв между благими правильными идеями и реальными делами, сопоставимыми с теми, на которые был способен Советский Союз, с атомным проектом, космическим и теми проектами, которые сегодня реализует Китай, в ряде случаев и США. Перефразируя академика В.А. Крюкова, можно сказать, что Россия должна перейти не просто к новым темпам роста, а к созданию новой притягательной системы социальных ценностей, сформировать новый уровень доверия в обществе. Это означает преодоление разрыва между декларациями, целями и реальными делами, переход к политике правды, а не пиара, к уменьшению уровня социального неравенства и реализации принципов справедливости, соединив это с технологическим научным прорывом, который требует проектного долгосрочного управления. Это позволит России — если использовать метрики ООН по качеству жизни и развитию человека — уйти с нынешнего 52-го[1] места и войти в десятку лидеров, став примером и для своих граждан, и для всего мира.

Контактная информация / Contact Information

Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ»
Москва, 125009, ул. Воздвиженка, д. 10.
VEB.RF
10, Vozdvizhenka Street, Moscow, 125009, Russia.
+7 (495) 604-63-63, info@veb.ru

1 *Россия заняла 52-е место в списке 189 стран по индексу человеческого развития (ИЧР). Об этом говорится в Докладе о человеческом развитии — 2020 (Human Development Report 2020), подготовленном Программой развития ООН.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛА РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

USING THE RUSSIAN ECONOMY GROWTH POTENTIAL TO ACHIEVE THE GOALS OF SOCIETY'S DEVELOPMENT

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-113-120

ШИРОВ Александр Александрович
Директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
член Правления ВЭО России, член-корреспондент РАН, д.э.н.

Alexander A. SHIROV
Director of the Institute of Economic Forecasting RAS, member of the Board
of the VEO of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Economics

Аннотация

В статье рассматриваются основные направления использования потенциала экономического роста в России для повышения его темпов и качества, а также улучшения качества жизни в нашей стране. Отмечается, что инерционная экономическая динамика не обеспечивает целей развития российской экономики и поддержания ее конкурентоспособности на мировой арене. Констатируется, что наибольший потенциал роста сохраняется в части спроса населения, чей вклад в экономическую динамику ограничивается за счет разрывов в уровне доходов и неэффективной структуры потребления. Предполагается, что наибольшие результаты могут быть достигнуты при сочетании мер социальной политики и стимулировании частных инвестиций.

Abstract

The article considers the main directions of using the potential of economic growth in Russia to increase the pace and quality of growth, as well as improve the quality of life. It is noted that the inertial economic dynamics does not ensure the goals of the development of the Russian economy and maintaining its competitiveness in the world. It is stated that the greatest growth potential remains in the part of the population's demand, whose contribution to economic dynamics is limited due to income gaps and inefficient consumption structure. It is assumed that the greatest results can be achieved by combining social policy measures and stimulating private investment.

Ключевые слова Экономический рост, потенциал роста, инвестиции, доходы населения, структура потребления населения, экономическая политика.

Keywords Economic growth, growth potential, investments, income of the population, structure of household consumption, economic policy.

Введение

Одним из важнейших элементов обоснования экономической политики является оценка потенциала роста нашей экономики и как этот потенциал может быть задействован для того, чтобы достичь тех целей, которые ставит перед собой наше общество. При этом важно понимать как уровень инерционного потенциала роста (при условии сохранения текущих тенденций в экономической динамике и экономической политике), так и максимальный потенциал роста (реализация которого возможна с учетом фундаментальных ограничений развития).

С одной стороны, здесь есть позитивная новость. Она состоит в том, что наши оценки потенциала инерционного роста в краткосрочной перспективе немного улучшились [1]. Если раньше мы говорили, что в период до 2025 г. это примерно 1,5% среднегодовых темпов роста, то сейчас это около 2%. Более того, мы видим, что наша экономика восстанавливается после кризиса 2020 г. достаточно успешно, и, в принципе, достижимыми темпами экономического роста в 2021 г. являются цифры в районе 4%, что еще год назад всем казалось практически невозможным.

Но плохая новость состоит в том, что инерционный потенциал роста постепенно сжимается. Наши оценки на основе расчета производственных функций показывают, что за пределами 2025 г. инерционные темпы роста ВВП составляют примерно полтора процента. Темпы роста в рамках инерции объясняются негативной демографической динамикой, исчерпанием возможностей сырьевого комплекса для наращивания доходов, ограниченным вкладом технического прогресса. В целом наибольший вклад в формирование экономической динамики в инерционном варианте будет вносить основной капитал, но в условиях финансовых ограничений рост эффективности экономики будет носить ограниченный характер. Ясно, что с такими темпами роста достижение целей, которые ставятся перед отечественной экономикой, невозможно. Это означает, что мы будем терять свои позиции в мировой конкуренции. Поэтому эти инерционные темпы роста требуется дополнить новыми факторами роста, которые должны быть сформированы в результате активных действий в области экономической политики.

Основные факторы роста современной российской экономики

Если остановиться на том, почему в последнее десятилетие наша экономика растет так медленно, то, конечно, есть масса факторов структурного характера; негативное воздействие на темпы роста оказывают внешние рестрикции [2]; не стоит отрицать и ограничения, связанные с проводившейся политикой макрофинансовой стабилизации [3]. Однако фундаментальной причиной низких темпов роста является исчерпание действия факторов, которые двигали нашу экономику вперед в 2000-е годы. Сейчас невозможно одновременно обеспечить активное увеличение добычи наших сырьевых ресурсов и расширение спроса на них со стороны мировой экономики, что является условием перманентного увеличения цен на них.

Кром того, стоит учитывать и общее увеличение объема российской экономики, которая уже не может расти преимущественно за счет перераспределения доходов от экспорта сырья.

Таким образом, даже в условиях относительно благоприятной конъюнктуры, все равно таких темпов роста, какие отмечались в 2000-е гг., достичь не получается. Важно также учитывать и то, что Россия имеет относительно низкую (для сырьевых экономик) подушевую обеспеченность сырьевыми ресурсами, особенно по сравнению с теми странами, которые реально могут жить за счет этого фактора, имеется в виду Катар, Кувейт, Норвегия и так далее (рис. 1).

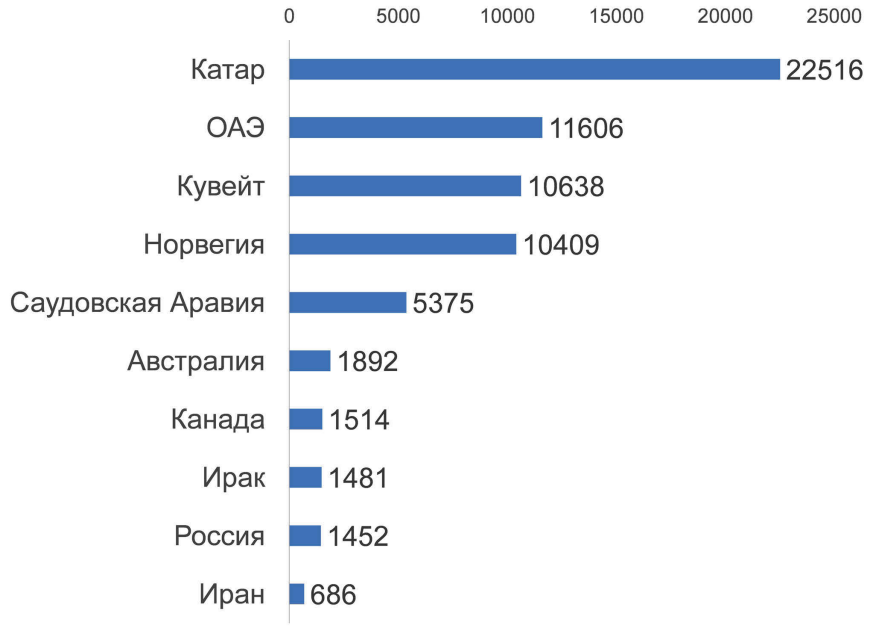

Рисунок 1. Чистый экспорт углеводородов на душу населения, долл. США, 2019 г.

Для того чтобы перейти к какому-то новому качеству экономического роста и иметь темпы хотя бы на уровне среднемировых, нам требуется интенсифицировать практически все имеющиеся возможности. Наибольший потенциал интенсификации экономического роста в текущих условиях формируется за счет населения. Потребление домашних хозяйств составляет примерно 50% российского ВВП. Поэтому без роста доходов и спроса домашних хозяйств обеспечить приемлемые темпы роста будет достаточно трудно. Безусловно, у нас также существуют возможности увеличения вклада государственного потребления в экономическую динамику. Здесь речь идет как о совокупных расходах расширенного правительства к ВВП, так и про использование накопленных резервов.

Существенные надежды мы возлагаем на увеличение вклада инвестиций в основной капитал при формировании экономической динамики. Здесь нужно сказать, что это не просто валовый рост инвестиций. Требуется увеличение в структуре инвестиций компоненты машин и оборудования. Сейчас сформировалась устойчивая тенденция роста доли строительно-монтажных работ в инвестициях. Понятно, что это является результатом реализации крупных инфраструктурных проектов. Однако потенциал экономического роста будет во многом определяться темпами модернизации производственных мощностей. При этом модернизация

основного капитала потребует роста импорта, так как наша экономика нуждается в импорте технологий. Но этого не нужно бояться, так как за счет модернизации базового производственного ядра экономики и роста его конкурентоспособности будет обеспечена возможность повышения вклада экспорта в экономическую динамику.

Если говорить про то, успешной или не очень успешной была экономическая политика последних десятилетий, то нужно отметить, что на уровне 2010–2013 гг. в сравнении с уровнем 90-х годов мы получили другую страну, в которой принципиально вырос уровень как благосостояния, так и общих доходов населения. Россия сократила отставание по подушевому ВВП от Соединенных Штатов. Но та стагнация в уровне подушевого ВВП, которая сформировалась после 2013 г., привела к тому, что эти достигнутые показатели даже стали ухудшаться. Это является свидетельством того, что российская экономика росла в определенные промежутки времени даже хуже, чем развитые страны мира. Так вот, если бы в период с 2013 по 2020 год среднегодовые темпы роста ВВП увеличивались темпом 3%, то сейчас соотношение подушевого ВВП США и России по ППС находилось бы на уровне 60%. Был бы еще один качественный шаг в уровне развития нашей страны, мы получили бы качественно новую экономику с более широким спектром возможностей развития. Но этого, к сожалению, не произошло.

Уровень жизни населения как ограничение для экономического роста

Ключевой проблемой нашей экономики является то, что на фоне существенного роста уровня доходов населения в последние 30 лет произошло значительное расслоение населения по уровню доходов. У примерно 20% российских домашних хозяйств доходы выросли по сравнению с уровнем 1991 г. больше чем в 2 с половиной раза. А у остальной части населения, к сожалению, рост доходов был существенно меньше. И это расслоение не просто является фактором усиления социального неравенства, но оно сдерживает развитие нашей экономики. Предприниматели и компании, в том числе иностранные, которые оценивают потенциал российского рынка, видят, что внутренний спрос у нас сейчас ограничен, соответственно, инвестиционная привлекательность экономики снижается. Причем это происходит преимущественно не по причине санкций, а именно по причине низкого потенциала роста нашей экономики.

Во время последнего кризиса ситуация с доходами населения стала еще более драматичной. В целом за период 2013–2020 гг. доходы десятой, самой богатой группы домашних хозяйств выросли примерно на 12%. Соответственно, у всех остальных доходных групп доходы снизились. Более того, у наиболее бедных российских семей доходы снизились в наибольшей степени. И в этой связи, конечно, действия, которые были анонсированы Президентом в прошлом и текущем годах в рамках Посланий Федеральному Собранию, эту ситуацию исправляют. Но в следствие коронакризиса проблемы возникли у другой части населения: под удар попали доходы среднего класса. Тех граждан, которые заняты предпринимательством и не работают в бюджетном секторе, а также тех работников, которые заняты в теневом секторе экономики.

К чему все это ведет? Неудовлетворительная ситуация с доходами населения привела не только к существенному (более 11% к уровню 2013 г.) снижению реальных располагаемых денежных доходов населения, но и номинальных

подушевых доходов в долларах США. На самом деле это представляет проблему не просто социальную, но и макроэкономическую, потому что наша экономика становится менее привлекательной не только для внешних и внутренних инвесторов, но и для тех граждан, которые работают в этой экономике. Это значит, что в России ухудшаются условия по привлечению трудовых мигрантов, в том числе высококвалифицированных, ухудшаются условия для деятельности на территории нашей страны тех специалистов, которые обладают высокими интеллектуальными и предпринимательскими качествами. Создаются условия для того, чтобы эти люди покидали страну и искали место приложения своих усилий там, где уровень оплаты их труда выше. Эту ситуацию, безусловно, тоже нужно каким-то образом переламывать.

Если посмотреть, как устроена структура занятости и оплаты труда в нашей экономике, откуда у нас возникает этот разрыв в уровне доходов и почему он так значим, то прежде всего это связано с тем, что текущая структура рабочих мест в экономике неэффективна. Почти 40% занятых работает на низкоквалифицированных рабочих местах, соответственно, такая работа плохо оплачивается [4]. При этом всего 28% работников получают зарплату на уровне и выше среднероссийской и, соответственно, 72% получают зарплату на уровне ниже средней. И это при том, что уровень средней оплаты труда у нас не такой блестящий, как хотелось бы. Это приводит к тем негативным последствиям в оплате труда и ведет к нарастанию социального расслоения внутри российского общества.

Ситуация с потреблением еще хуже. Если посмотреть на его структуру, то можно отметить, что у половины домашних хозяйств (с первой по пятую децильные группы населения) на продукты питания тратится более 40% доходов, а если добавить обязательные платежи, то это более 50% (рис. 2). Эти граждане не имеют средств для вложений в развитие человеческого капитала, у них нет возможности оплачивать дополнительные услуги здравоохранения, образования, качественный отдых.

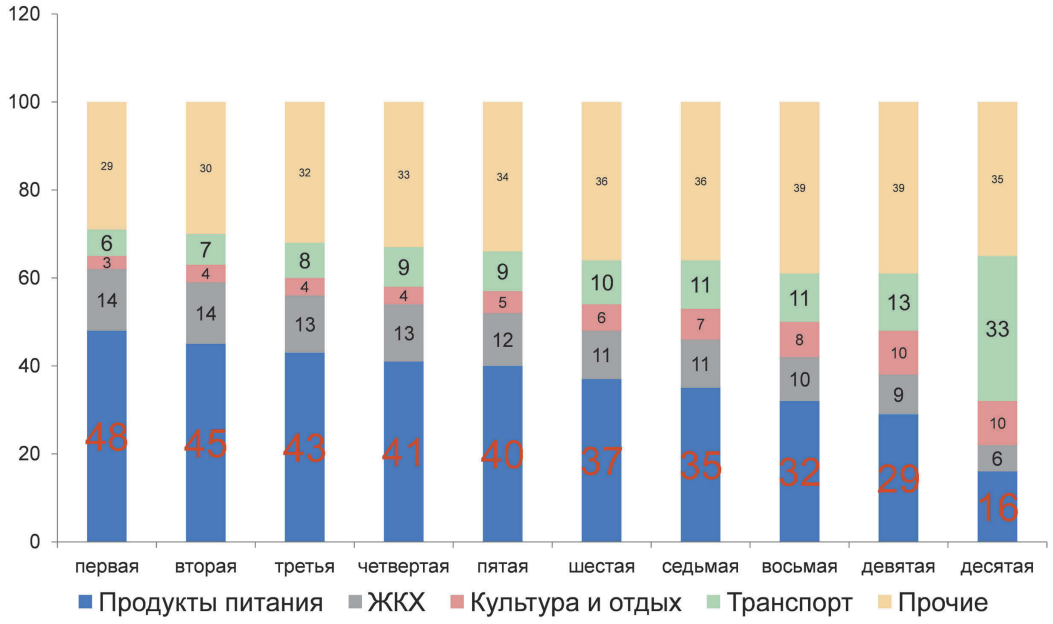

Рисунок 2. Структура потребления населения по децильным группам.

Если мы посмотрим, как менялись параметры нашего потребительского рынка, то это очень драматическое снижение к уровню 2013 г. Например, внутренний рынок автомобилей сократился за период 2013–2020 гг. с 2,7 до 1,4 млн шт. в год, примерно на 1% сократился рынок сложной бытовой техники (холодильники, стиральные машины и т.д.). За этот период резко снизилось потребление рыбы и морепродуктов (на 21%), говядины (на 23,5%), то есть премиальных пищевых продуктов. На этом фоне отмечается ухудшение качества массовой молочной продукции и сыров за счет использования низкокачественных ингредиентов, в производстве колбас сформировался устойчивый тренд на замещение свинины и говядины более дешевым сырьем из мяса птицы.

Ценовые дисбалансы и их влияние на экономический рост

Дополнительное давление на доходы населения оказывает ценовая динамика. Цены на те продукты, которые преобладают в структуре расходов наших домашних хозяйств, росли с опережением общей инфляционной динамики (период?). Это продукты питания, это услуги ЖКХ, это одежда. У нас сложилась ситуация, при которой даже самая богатая десятая доходная группа населения тратит на продовольствие существенно больше, чем сопоставимые группы домашних хозяйств по доходам в восточно-европейских странах. У нас структура потребления даже богатых граждан находится под давлением в связи с тем, что цены на первичные продукты растут быстрее, чем на остальную продукцию, которые они потребляют.

Что с этим делать? Например, рост потребительских цен во многом является следствием роста цен производителей, внутренние цены на продукцию которых формируются по четырем разным принципам. Во-первых, это экспортный паритет, когда цены на внутреннем рынке равны мировым за вычетом расходов на транспортировку, экспортных пошлин с корректировкой на курс рубля. Во-вторых, регулируемые тарифы инфраструктурных монополий. В-третьих, цены на импортируемые товары, которые напрямую зависят от курса рубля. И, наконец, в-четвертых, цены, формирующиеся на основе рыночной балансировки спроса и предложения. Понятно, что такое разнообразие принципов ценообразования обладает потенциалом формирования различного рода дисбалансов.

Ситуация осложняется наличием бюджетного правила [5], которое сдерживает укрепление курса рубля в случае улучшения внешнеэкономической конъюнктуры. Из формулы экспортного паритета понятно, что если при росте мировых цен на сырьевые товары не происходит укрепления курса рубля, то это способствует автоматическому разгону внутренних цен.

Параллельно Центральный банк (ЦБ) использует механизмы инфляционного таргетирования [6]. В условиях роста цен производителей и постепенного их переноса на потребительские цены возрастают риски ужесточения параметров денежно-кредитной политики. Понятно, что в данном случае инфляция лишь опосредованно связана с тем, как формируется спрос и предложение на внутреннем рынке. Однако в логике действий ЦБ на такой рост нужно реагировать ужесточением политики через повышение ключевой ставки. В результате ценовая динамика может вернуться в пределы таргетируемого уровня, но за счет избыточного зажатия внутреннего спроса. Иначе говоря, более низкие значения инфляции в данном случае будут достигнуты при более низких значениях экономического роста.

Итак, проблемы ценового переноса из мировой в российскую экономику формируют своеобразную ценовую трилемму, суть которой в том, что одновременное следование принципам экспортного паритета при внутреннем ценообразовании на сырьевые товары, сохранении бюджетного правила и механизмов таргетирования инфляции в случае роста цен на мировых рынках создают риски макрофинансовой стабильности и устойчивости экономического роста. Однако если в этой ценовой трилемме попытаемся убрать один из элементов, то ситуация становится управляемой. Например, укрепление курса рубля в результате ограничения покупки валюты в рамках бюджетного правила автоматически превращает курс рубля в естественный демпфер, ограничивающий рост внутренних цен на сырьевые товары.

Однако эти инструменты, обеспечивающие достаточно эффективное ограничение роста цен, в силу ряда причин не используются. В результате власти вынуждены регулировать цены за счет административных мер. В целом ценовой сюжет свидетельствует о недостаточной гибкости экономической политики в нашей стране. Безусловно, любые действия в ходе ее реализации связанны с рисками. Однако мировая практика показывает, что игнорирование идеологических шаблонов и иных «красных флажков» позволяет крупнейшим экономикам мира противостоять самым масштабным по своему размаху кризисам. Например, Соединенные Штаты действуют в условиях коронакризиса весьма и весьма эффективно [7], потому что понимают, что результат, который они получат в результате максимально быстрого преодоления последствий кризиса, с лихвой окупит все те возможные риски, которые возникают при изменении текущих постулатов экономической политики. Аналогично можно высказаться про поведение экономических властей ЕС и Китая.

Выводы

В современной российской экономической политике возникла проблема курицы и яйца: как запустить экономический рост? Одна точка зрения состоит в том, что экономический рост следует запускать через стимулирование частных инвестиций. На самом деле в такой логике есть проблема: государство может стимулировать бюджетные инвестиции, инвестиции публичных компаний с государственным участием, но частный инвестор пойдет инвестировать тогда, когда увидит растущий спрос в экономике, когда она будет генерировать больший объем доходов. И для этого необходимо поддержать социальную сферу и потребительский спрос. Сочетание действий в области социальной и инвестиционной политики позволит обеспечить не только повышение темпов роста экономики, но и обеспечить его устойчивость.

Имеющийся потенциал экономического роста позволяет в среднесрочной перспективе до 2025 г. иметь среднегодовые темпы роста ВВП на уровне 3,5–4%. Для этого есть как финансовые ресурсы, так и пространство роста, которое может использоваться нашей экономикой.

Библиографический список

1. *Широв А.А. и др. Посткризисное восстановление экономики и основные направления прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г.: научный доклад. — 2020.*
2. *Гурвич Е., Прилепский И. Влияние финансовых санкций на российскую экономику //Вопросы экономики. — 2016. — Т. 1. — С. 5–35.*

3. *Широв А.А., Михеева Н.Н., Гусев М.С., Савчишина К.Е. Макроэкономическая стабилизация и пространственное развитие экономики // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5 (176). С. 3–15.*
4. *Единак Е.А. Влияние структурных изменений в экономике на динамику рабочих мест // ЭКО. — 2020. — № 6. — С. 131.*
5. *Кудрин А.Л., Соколов И.А. Бюджетные правила как инструмент сбалансированной бюджетной политики //Вопросы экономики. — 2017. — Т. 11. — С. 5–32.*
6. *Моисеев С.Р. Одиссея инфляционного таргетирования: к новым вызовам денежно-кредитной политики //Вопросы экономики. — 2017. — № 10. — С. 50–70.*
7. *Ozili P.K., Arun T. Spillover of COVID-19: impact on the Global Economy // Available at SSRN 3562570. — 2020.*

References

1. *Широв А.А. и др. Посткризисное восстановление экономики и основные направления прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г.: научный доклад. — 2020.*
2. *Гурвич Е., Прилепский И. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. — 2016. — Т. 1. — С. 5–35.*
3. *Широв А.А., Михеева Н.Н., Гусев М.С., Савчишина К.Е. Макроэкономическая стабилизация и пространственное развитие экономики // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5 (176). С. 3–15.*
4. *Единак Е.А. Влияние структурных изменений в экономике на динамику рабочих мест //ЭКО. — 2020. — №. 6. — С. 131.*
5. *Кудрин А.Л., Соколов И.А. Бюджетные правила как инструмент сбалансированной бюджетной политики //Вопросы экономики. — 2017. — Т. 11. — С. 5–32.*
6. *Моисеев С.Р. Одиссея инфляционного таргетирования: к новым вызовам денежно-кредитной политики //Вопросы экономики. — 2017. — №. 10. — С. 50–70.*
7. *Ozili P.K., Arun T. Spillover of COVID-19: impact on the Global Economy //Available at SSRN 3562570. — 2020.*

Контактная информация / Contact Information

Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук
117418, г. Москва Нахимовский проспект, д. 47.
Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences
47, Nakhimovsky prospect, 117418, Moscow, Russia.
Широв Александр Александрович / Alexander A. Shirov
contact@ecfor.ru

СРЕДНЕСРОЧНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА «РОСТ ДЛЯ ВСЕХ» — ПЛАН ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ СТРУКТУРНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ И ВЫХОДУ НА ТЕМПЫ РОСТА ВЫШЕ СРЕДНЕМИРОВЫХ

MEDIUM-TERM ECONOMIC PROGRAM «GROWTH FOR ALL» — A PLAN TO OVERCOME STRUCTURAL CONSTRAINTS IN THE ECONOMY AND ACHIEVE GROWTH RATES ABOVE THE GLOBAL AVERAGE

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-121-132

ТИТОВ Борис Юрьевич
Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, член Правления ВЭО России

Boris YU. TITOV
Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs under the President of the Russian Federation, Member of the Board of the VEO of Russia

Аннотация

В статье представлена концепция новой среднесрочной экономической стратегии для России «Рост для всех». Эта концепция основана на анализе состояния бизнеса, макроэкономической ситуации в России и SWOT-анализе и направлена на достижение целей роста уровня жизни населения и формирования устойчивого среднего класса. Для оценки текущего макроэкономического состояния России

авторы проанализировали российские данные по ВВП, реальным располагаемым доходам, количеству рабочих мест, численности бедных и рентабельности активов российских предприятий, а также провели сравнения по ряду развитых и развивающихся экономик. Также в статье был проведен анализ методологии стратегий роста Великобритании, Германии, Китая, Канады и Франции и были предложены общесистемные меры и приоритеты программы.

Abstract

The article presents a new concept of the medium-term economic program "Growth for all". The concept is based on analysis of business conditions, macroeconomic situation in Russia and SWOT analysis, aimed to achieve the goal of increasing standards of living and formation of a stable middle class. In order to assess current macroeconomic situation in Russia the authors analyze data on Russia's GDP, real disposable income, the number of jobs, the number of poor and the return on assets of Russian enterprises, and also made comparisons for a number of developed and developing economies. In order to form the methodology of the medium-term economic program "Growth for all" researchers analyze methodology of the Growth Strategies in Great Britain, Germany, Canada and France. As a result the article has proposed system-wide measures and program priorities.

Ключевые слова Промышленная политика, рентабельность активов, ВВП, общесистемные меры, мировая экономика, располагаемые доходы населения, приоритеты, темпы роста.

Keywords Industrial policy, return on assets, GDP, system-wide measures, world economy, disposable income of the population, priorities, growth rates.

Введение

Российская экономика в последнее десятилетие характеризуются пониженными темпами роста, в экономической науке характеризуемыми как стагнация. За последние 12 лет мировая экономика выросла на 41%, в то время как российская — на 5–7% по разным оценкам. Такая ситуация приводит к сжатию российской экономики на фоне крупнейших экономик мира и делает сложнее задачу догоняющего развития и роста темпами выше среднемировых.

В то же время проведенный комплексный анализ мировых примеров растущих экономик, потенциальных факторов роста в российской экономике позволяет говорить о возможности России расти темпами выше среднемировых.

Этому должны поспособствовать преобразования в трех направлениях: определение набора общесистемных мер, необходимых для обеспечения роста экономики; выделение приоритетных секторов — локомотивов роста; реализация управленческих решений государства развития.

Эти принципы построения «экономики роста» соответствуют опыту стран, успешно осуществивших на горизонте последних 50 лет нацеленные программы ускоренного роста.

Именно реализация специальной экономической программы на указанных принципах имеет все шансы на выполнение сложной (в условиях структурных ограничений, сложившегося статус-кво в мировой экономике и исторического наследия) задачи обеспечения реального экономического роста в России темпами не ниже 5% в год.

Цель

Основная стратегическая задача Программы заключается в повышении уровня жизни населения и формировании устойчивого среднего класса — создании «общества среднего достатка». Предполагается, что реализация элементов программы, нацеленных на решение этой ключевой стратегической социальной задачи, станет главным драйвером для развития страны.

Достижение указанной задачи может быть реализовано путем перехода к новой модели развития экономики России. В отличие от настоящей модели, основанной на распределении доходов от экспорта сырьевых товаров на внутреннем рынке, новая модель развития должна быть ориентирована на конкуренцию на внутреннем рынке, увеличение количества субъектов внутреннего рынка, которые, конкурируя между собой, будут развивать частную инициативу.

Точка отсчета

По итогам 2020 г., по оценкам МВФ, доля России в мировой экономике сократилась до 1,8%. Если в 2014 году Россия занимала 9-е место среди всех экономик мира, то в результате кризиса 2020 г. она опустилась на 11-е место в номинальном выражении (рис. 1). По текущим оценкам МВФ за апрель 2021 года, Россия занимает шестое место в мире по ВВП, рассчитанному в текущих ценах по паритету покупательской способности, уступая Китаю, США, Индии, Японии и Германии [2]. При этом 6-е место сохранено в связи с более сильным падением ВВП других стран во время кризиса, вызванного распространением новой коронавирусной инфекции в 2020 году.

С 2008 по 2019 год ВВП России вырос на 11%, в то время как в среднем по миру накопленным итогом рост составил 45%, а по развивающимся странам — 70%. В результате сокращения ВВП в 2020 г. ожидалось, что накопленный прирост ВВП за 12 лет составит всего 5% (рис. 2).

Уровень жизни в России имеет в среднем отрицательную динамику (рис. 3). Реальные располагаемые доходы населения снижались с 2013 года: их уровень в 2020 году по сравнению с 2013 годом в рублях упал на 10%, а в долларах — на 60,5%.

Количество рабочих мест в России продолжает сокращаться (рис. 4). За 5 лет их число уменьшилось на 0,5 млн.

Численность бедных, то есть численность населения с денежными доходами ниже утвержденного прожиточного минимума, достигла 19,9 млн человек в 2020 г. (рис. 5).

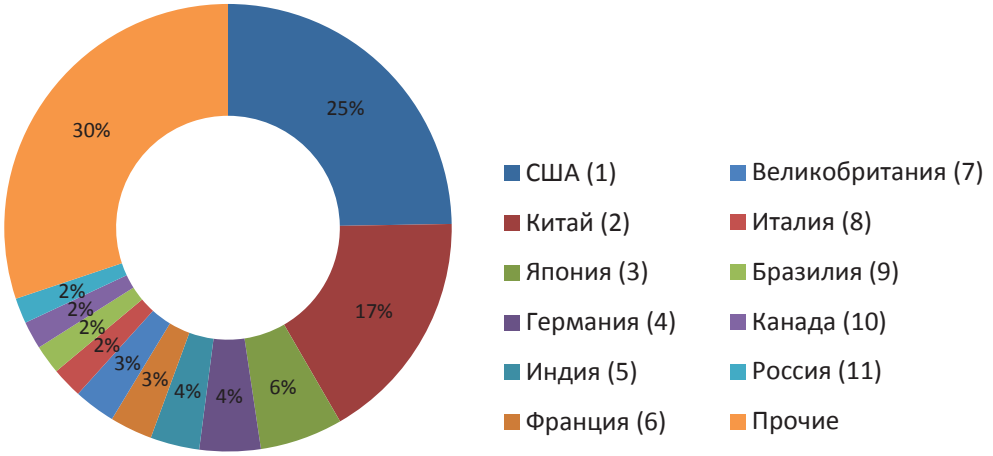

Рисунок 1. Место России в мировой экономики (ВВП, 2020 г.), % (в скобках — место страны). Источник: МВФ, 2020 — прогноз.

Рисунок 2. Динамика ВВП в постоянных ценах в 2008–2020 гг., 2008 г. = 1. Источник: МВФ, 2020 — прогноз.

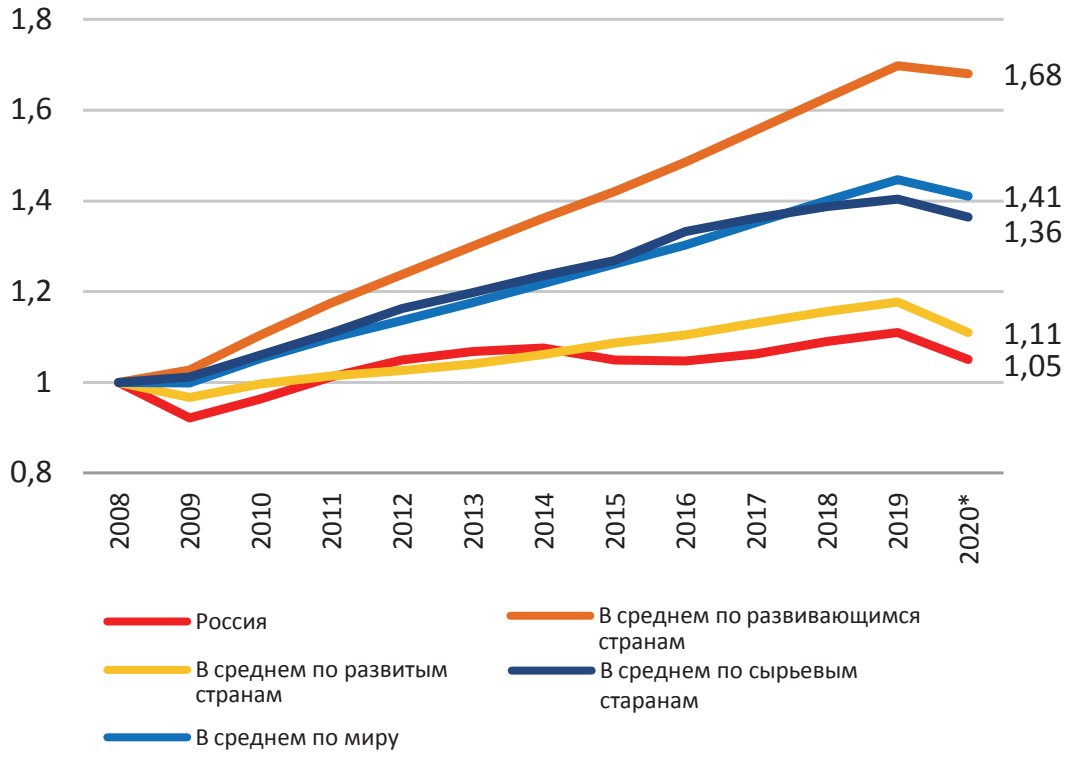

Рисунок 3. Динамика реальных располагаемых доходов населения (% к предыдущему году)

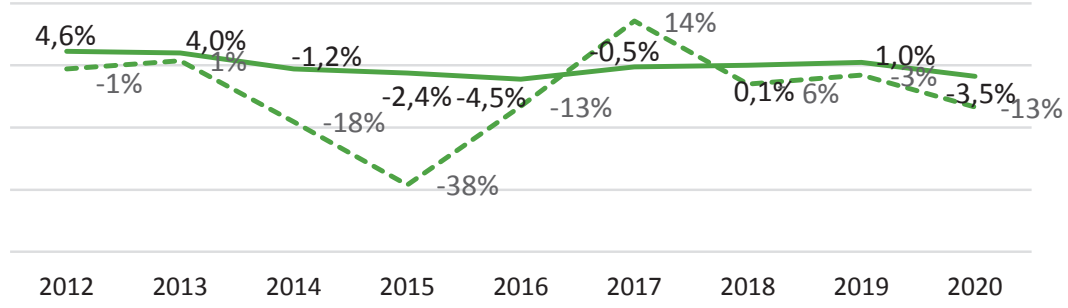
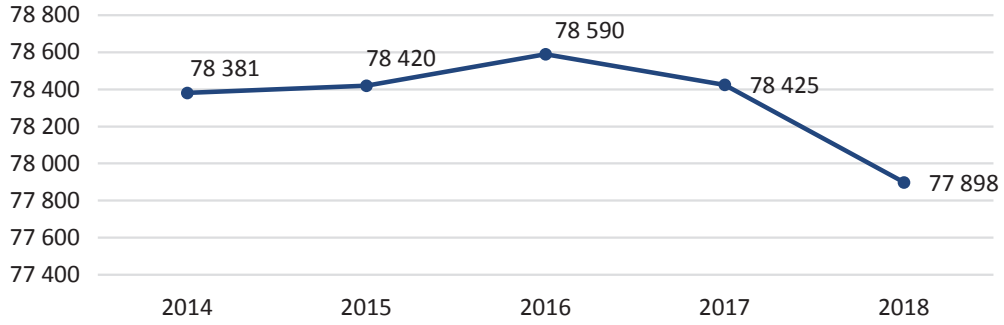

Рисунок 4. Количество рабочих мест в России (тыс. ед.). Источник: Росстат.

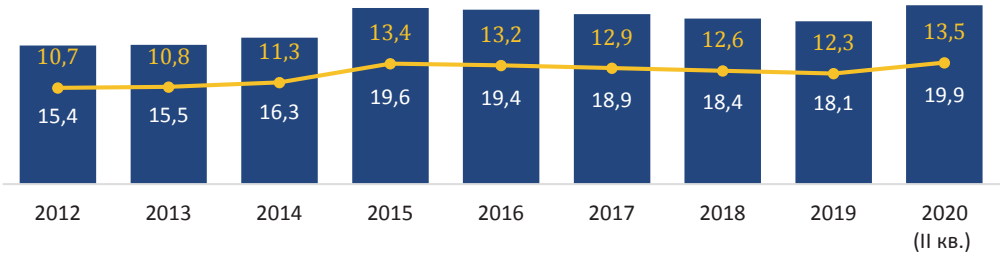

Рисунок 5. Численность бедных. Источник: ОЭСР.

При сохраняющихся высоких рисках возросли издержки бизнеса. Один из факторов такого роста связан со снижением спроса на внутреннем рынке. Из-за обесценения рубля возросли цены на импорт, в частности сырье, комплектующие и оборудование. Значительно выросли тарифы на услуги инфраструктурных монополий в 2011–2019 гг., которые увеличились в среднем на 50%. Также выросли фискальные платежи и сборы, а также кадастровая стоимость.

Утверждение новых требований к ведению бизнеса (онлайн-кассы, маркировка, отчетность, ЕГАИС учета древесины и алкоголя, средства дезинфекции, QR-коды и др.) увеличило затраты на ведение бизнеса. По оценкам Института роста экономики им. П.А. Столыпина, основанным на опросах малого и среднего бизнеса, такие затраты составляют около 20% от выручки предприятия.

По результатам анализа обращений предпринимателей (всего более 99 тыс. обращений) Институтом роста экономики им. П.А. Столыпина выявлено более 360 системных проблем по 37 направлениям деятельности бизнеса [1].

Помимо накопившихся за годы нерешенных проблем, предприниматели столкнулись с тяжелейшими последствиями повсеместного введения ограничительных мероприятий в период первой волны пандемии коронавирусной инфекции. Вследствие значительного снижения выручки, невозможности выплачивать заработную плату, налоги и иные обязательные платежи, рассчитываться с контрагентами возникла реальная угроза массовых банкротств.

За последние 10 лет рентабельность активов российских организаций не превышала в среднем отметку в 7% (рис. 6). В 2021 году (по состоянию на март 2021 г.) в России стало на 1,5 млн единиц меньше юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по сравнению с 2012 годом. В 2020 году прибыль средних и крупных предприятий упала на 3 трлн руб.

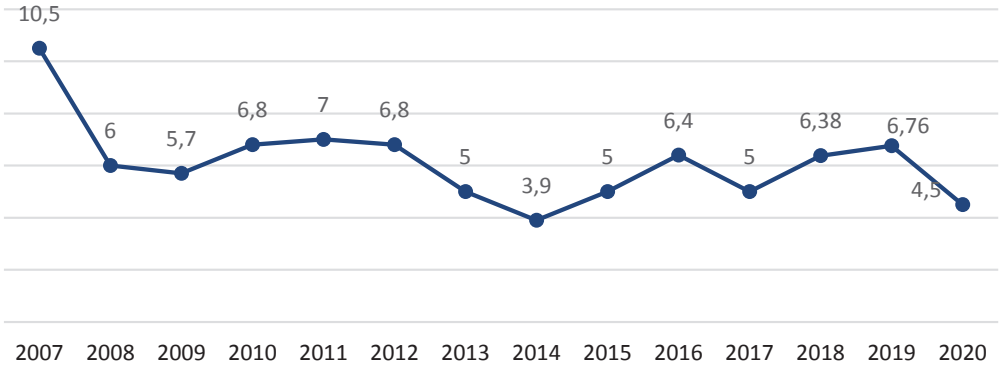

Рисунок 6. Рентабельность активов российских организаций, %.

Состояние бизнеса сказывается на общей макроэкономической ситуации в России, дополнительно влияя на отставание ее темпов роста по сравнению со среднемировыми.

Дополнительным фактором низкого роста является недоступность капитала. В России доля объема выданных кредитов частному сектору в ВВП традиционно ниже других ключевых экономик, этот показатель не достаточен для выхода на стабильные темпы экономического роста (диаграмма 1). Средний показатель по всему миру составляет 132% от ВВП (Всемирный банк, 2019 г.). А ставки по кредитам высоки (диаграмма 2).

Приведенные данные свидетельствуют о стагнации в российской экономике. При этом анализ сильных и слабых сторон, а также возможностей и угроз российской экономики (SWOT-анализ) показывает, что предпосылки для роста в России превышают негативные факторы.

Диаграмма 1. Источник: World Bank.

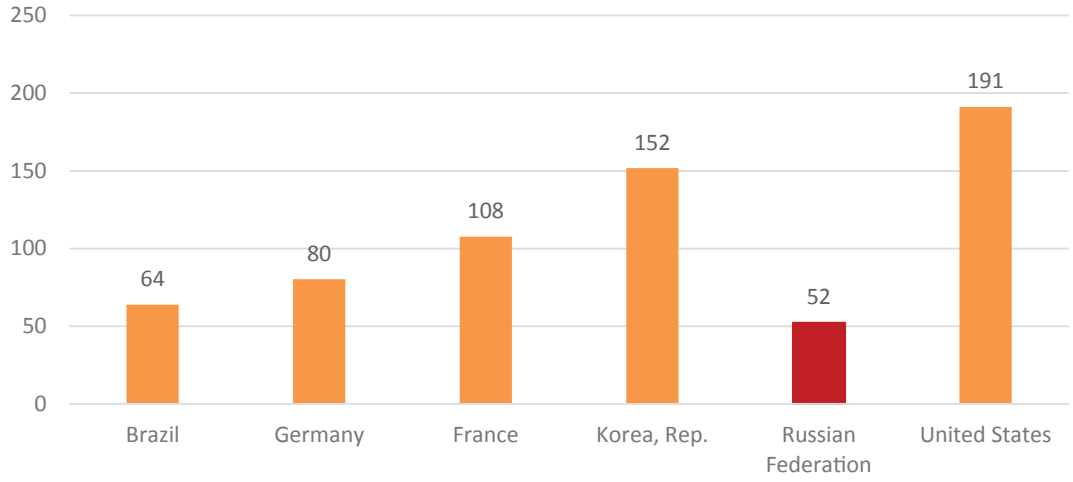
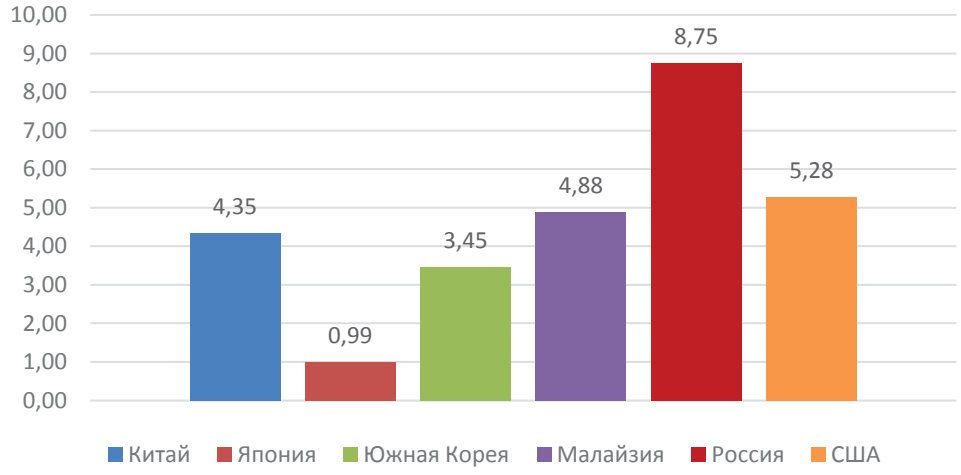

Диаграмма 2. Средневзвешенные процентные ставки по кредитам частному сектору (2019 г., %) Источник: World Bank.

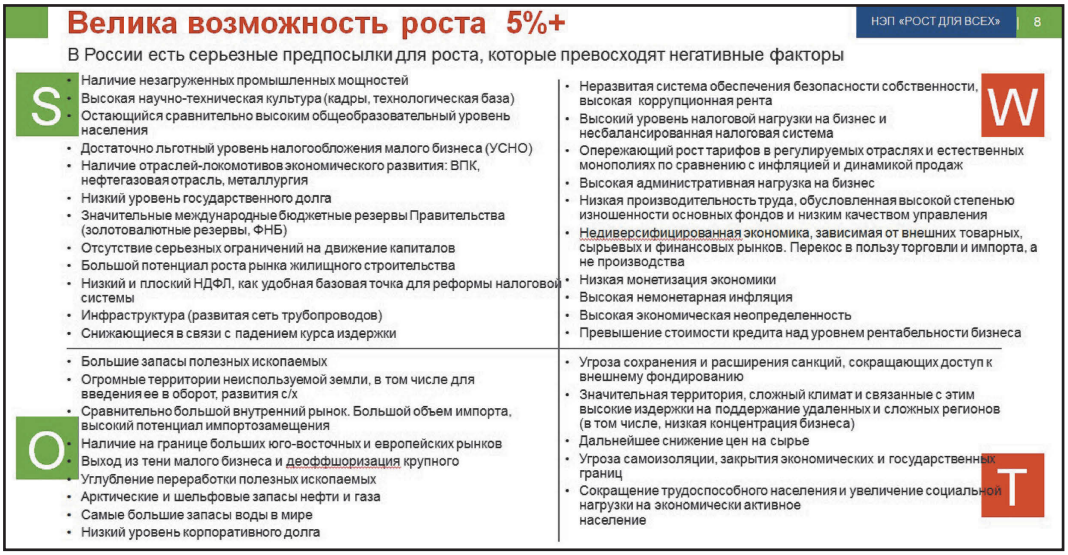

Рисунок 7. Результаты анализа сильных и слабых сторон, возможностей и угроз Российской Федерации.

Российская экономика обладает базовым набором факторов — сильных сторон, зачастую превышающих потенциал стран, ранее осуществивших проекты ускоренного развития экономик. С другой стороны, возможности, который предоставляют современный мир и геопространственные возможности России, открывают особые перспективы по реализации такого проекта в России на основе как уже апробированных в мировой практике инструментов, так и специальных стимулирующих мер, адаптированных под российские особенности экономического и социального развития.

Предлагаемый подход

Предполагается, что новая модель российской экономики будет базироваться на развитии внутреннего спроса.

Новая модель должна:

- обеспечить переход от «ресурсной» к «конкурентной» модели роста, создание современных, высокодоходных рабочих мест на частных конкурентных производствах в приоритетных направлениях несырьевого сектора экономики России;
- обеспечить высокий потребительский спрос на внутреннем рынке;
- обеспечить конкурентоспособность российских производителей за счет:
  - роста производительности труда, внедрения новых технологий, стимулирования технологического обновления и роста инновационных «единорогов», притока массовых базовых технологий в традиционные сектора экономики;
  - более эффективного перераспределения природной ренты, ухода от создания центров прибыли в естественных монополиях и госбанках, обеспечения инвестиций основной части прибыли;
  - системной стимулирующей рост государственной экономической политики, основанной на сбалансированной налоговой системе, справедливых тарифах естественных монополий, доступности долгового и кредитного капитала и стимулирующей рост таможенной политике;
  - снижения коррупционной и административной ренты посредством сбалансированной контрольной надзорной деятельности, необременительной бюрократической системы, ликвидации необоснованного уголовного преследования.

Анализ ключевых экономических стратегий крупнейших экономик мира показал схожую методологию их составления. Во-первых, определяется набор общесистемных мер. Во-вторых, выделяются приоритеты экономики: отрасли-локомотивы роста. Экономика роста реализуется с помощью и на базе управленческих решений «Государства Развития».

Пять основных общесистемных мер Программы, разработанных для российской экономики:

- **Стимулирование спроса**, которое складывается из следующих компонентов:
  - минимальная заработная плата должна соответствовать минимальному прожиточному минимуму, реальному, а не мнимому;
  - низкие налоги на оплату труда — снижение страховых взносов до 15% для всех субъектов рынка;
  - программы в отдельных приоритетных направлениях:
  - дотации на предметы первой необходимости, прежде всего еду и лекарства, для малообеспеченных слоев населения, которые должны удовлетворяться продукцией малого бизнеса;
  - ипотека на многоквартирное и индивидуальное жилье, субсидируемая до 2% кредитуемый первый взнос для регионов с низкими доходами и маржинальностью строительных проектов;
  - новая пенсионная система, построенная на новейших международных практиках.
- **От денежно-кредитной (ДКП) к денежно-промышленной политике (ДПП)**. Денежно-промышленная политика — политика, реализуемая правительством и Центральным банком, стимулирующая рост экономики путем обеспечения доступа инвесторов к кредитному и венчурному капиталу по конкурентным ставкам и на срок окупаемости проектов. Основными компонентами такой политики должны стать:
  - изменение мандата Центрального банка: наряду с инфляцией, таргетирование Роста ВВП;
  - ключевая ставка Центрального банка максимум на уровне инфляции;
  - поддержание интервенциями стабильного курса рубля;
  - существенно снизить требования Банка России по нормированию и резервированию при выдаче коммерческих кредитов в рамках проектного финансирования, временный отказ от Базеля III;
  - запустить новые специальные инструменты рефинансирования кредитов Банка России в системе проектного, торгового финансирования;
  - упростить процедуры доступа к специализированным программам рефинансирования региональным банкам и субъектам МСП;
  - запустить полноценную масштабную программу рефинансирования банков под секьюритизированные портфели кредитов МСП, сняв ограничения, связанные с неполноценным внедрением Базеля III, и пруденциальные ограничения;
  - запустить полноценную масштабную программу рефинансирования банков под проектное финансирование с участием СОПФ;
  - запустить полноценную масштабную программу рефинансирования банков под торговое финансирование под залог счета;
  - запустить полноценную масштабную программу рефинансирования лизинговых компаний под портфели лизинговых контрактов;

- нарастить объем программ рефинансирования Банком России беззалоговых кредитов в системе проектного и торгового финансирования;
- обеспечить развитие в России рынка синдицированного кредитования;
- значительно расширить ломбардный список за счет облигаций коммерческих банков и частных компаний под программы кредитования реального сектора экономики по приоритетным направлениям, в том числе на принципах проектного, торгового, мезонинного финансирования, консолидированных портфелей кредитов малого бизнеса. За счет корпоративных облигаций дать толчок развитию облигационного рынка в стране. Не облагать налогами доход от реализации корпоративных и суверенных облигаций.

Ключевое решение политики — внедрение системы проектного финансирования. Главная проблема финансирования развития, нахождение новыми проектами залогов.

Предлагается по аналогии с мировой практикой Центральному банку создать новый инструмент рефинансирования в объеме не менее 100 млрд руб. кредитования коммерческих банков со ставкой не более 1% годовых против проектных облигаций СОПФ.

■ **Умное налогообложение (Smart taxes).** Необходимо изменить структуру налогов в соответствии с задачей стимулирования экономического роста — снижение налогов на производство, за счет увеличения налогов на потребление и природную ренту. Осуществлять налоговое стимулирование развития инвестиций регионов, муниципалитетов, проектов.

Ключевые компоненты направления:

Этап 1

- Страховые взносы для всех — 15%.
- Отменить НДФЛ с дивидендов для ООО с 1 участником на упрощенных режимах (повысит стимулы развивать бизнес в форме организации).
- Приравнять ИП к самозанятым — разрешить им заниматься бизнесом без регистрации с исключительным уведомлением о начале деятельности в приложении «Мой налог».
- Разрешить ускоренную амортизацию на сумму 150% от стоимости приобретенного оборудования российского производства.
- Для всех форм МСП установить упрощенную систему бухгалтерской отчетности.

Этап 2

- Снизить НДС для всех типов бизнеса до 15%.
- Ввести прогрессивную шкалу НДФЛ (нулевые ставки для самых низких доходов, повышенные для сверхдоходов).
- Установить матричную систему ставки налога на прибыль в зависимости от размера доходности компании, важности для развития или социальной значимости сектора или региона. Расширить действие вычета, распространив его не только на налог на прибыль, но и на налог на имущество организации, НДС, акцизы.
- Для ИП установить возможность платить или НПД при обороте, ограничивающем применение данного налога (сейчас — 2,4 млн руб.) или НДФЛ как налог на бизнес при любых оборотах.
- Стимулировать финансовую независимость регионов. Вернуться к принципу — не менее 50% налогов, собираемых в регионе, должны оставаться

региону. Ввести систему изъятия в федеральный бюджет в форме «налога на доходы регионов».

- **Справедливые тарифы**. Заморозка действующих тарифов, поэтапное внедрение тарифной модели на основе метода предельного тарифного регулирования «Price Cap», внедрение единой современной информационной системы контроля за ценообразованием на услуги инфраструктурных монополий, формирование института общественного и экспертного контроля за тарифами в регионах.
- **Стимулирующая таможенная политика** (принцип справедливого таможенного тарифа Менделеева) — стимулирование ввоза средств производства с ограничением ввоза готовой продукции, производство которой активно развивается в России.

При этом общесистемные меры должны быть поддержаны целенаправленными программами развития наиболее перспективных экономических направлений.

В мировом опыте разные страны выделяют различное количество наиболее подходящих им приоритетов. Так, в своей время в Германии было выделено 18 приоритетов, в Китае — 11, в Великобритании — 8, в Канаде — 6, во Франции — 9. По опыту этих и других стран можно говорить об уже сложившихся типовых решениях, куда входят экономика данных, современная промышленная система, биотехнологии и медицина, умное производство продуктов питания, новые города, инновации в сфере мобильности и транспорта и другие.

Для России с учетом анализа сильных и слабых сторон, характера экономики и ее положения в контексте мирохозяйственных связей представляются ключевыми следующие приоритетные направления: экономика простых вещей, столыпинская реформа 2.0 (агросектор), двухэтажная Россия, индустрия здоровья, индустрия «HighTech», 3+ передел, мобильность (транзитная экономика), индустрия гостеприимства.

Отдельное внимание следует обратить на сектор «*экономики простых вещей*» — малые производства элементарных товаров широкого спроса. Повсеместный импорт таких товаров ухудшает торговый баланс Российской Федерации и незаслуженно подавляет перспективный источник для новой добавленной стоимости в стране.

Основная часть МСП (41%) в России работает в области оптовой и розничной торговли. Обрабатывающие производства в структуре МСП занимают не более 7%, доля МСП в обрабатывающем секторе не более 10%, что полностью не соответствует структуре МСП в развитых странах (например, в ФРГ обрабатывающая промышленность дает не менее 20% добавленной стоимости МСП, в Китае более 40%, в Японии МСП отвечает за 50% добавленной стоимости промышленного сектора), в абсолютном большинстве европейских стран большая часть базовых потребительских товаров создается локально и не импортируются из других стран.

В России сектор местных производств развит недостаточно, что при значительном спросе на внутреннем рынке и при создании условий со стороны государства может представлять потенциальную возможность для притока инвестиций, роста ВВП, увеличения занятости.

Для развития сектора необходимо реализовать специальную программу Создание (переоснащение) вокруг городов с населением более 250 тыс. жителей промышленных парков под размещение производственных МСП на базе типовых проектов из «банка типовых производств».

Указанные решения должны реализовываться на базе «государства развития» — повышения эффективности государственного управления развитием

путем выделения функции управления «развитием» из управления текущим состоянием и перехода от иерархической к матричной системе, проектному принципу управления.

Регионы, муниципалитеты должны пользоваться большей финансовой и административной самостоятельностью, стимулирующей их развитие.

Первоначальными решениями государства развития должны стать судебная реформа, снижение уровня административного регулирования, снижение уголовного давления на бизнес и создание современной системы управления развитием «Администрации роста».

Мировой опыт доказывает, что преобразование системы управления необходимо начать с отделения управления развитием от текущего управления экономикой. Для этого следует создать специальный орган управления развитием (по аналогии с «Delivery unit», созданным в Великобритании, Малайзии, Индии и других странах). Главное преимущество такого органа управления — вопросы текущего управления и аппаратного взаимодействия не будут занимать процессуальные ресурсы аппарата управления развитием, и, таким образом, концентрация на развитии позволить управлять проектами развития на стратегическом горизонте.

Заключение

Государственная экономическая политика должна опираться на системную структурную и промышленную политику, которая заключается в стимулировании приоритетных направлений, секторов и регионов, то есть с наибольшим потенциалом собственного роста и оказывающих максимальный мультипликативный эффект на другие отрасли и экономику в целом, а также имеющих особое социальное значение, на которое государство готово тратить ресурсы.

Эффективность приведенного выше подхода доказана международной практикой и в перспективе может принести России удвоение ВВП и ВВП на душу населения, количества высокопроизводительных рабочих мест, существенный рост других показателей, таких как темпы прироста реальных располагаемых доходов, средней номинальной начисленной заработной платы, доли МСП в ВВП и прочих к 2030 году,

При этом успех программе должно обеспечить максимальное вовлечение населения — получение общественной поддержки. Одновременно с достижением экономически целей программа должна разбудить инициативу масс, опираться на субъектов Роста — МСП и на современных активных и инициативных людей, осваивающих современные рабочие места, обеспечить рост активности в общественном секторе, образовании, культуре, спорте.

Библиографический список

1. *Реестр системных проблем российского бизнеса 2021 // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей: [сайт]. — 2021. — URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/3.pdf (дата обращения 12.05.2021).*
2. *Международный валютный фонд: официальный сайт. — Вашингтон. — Обновляется в течение суток. — URL: https://www.imf.org/en/Home (дата обращения 12.05.2021).*
3. *Industrial Strategy Building a Britain fit for the future // Government UK: [сайт]. — 2018. — URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/730048/industrial-strategy-white-paper-web-ready-a4-version.pdf (дата обращения: 13.05.2021).*

4. *INDUSTRIE 4.0. Smart Manufacturing for the Future: // The Technology-Network: Intelligent Technical Systems OstWestfallen Lippe. Germany: [сайт]. — 2018. — URL: https://www.its-owl.de/fileadmin/PDF/News/2014-01-14-Industrie_4.0-Smart_Manufacturing_for_the_Future_German_Trade_Invest. pdf (дата обращения 13.05.2021).*
5. *Economic Strategy Tables // Government of Canada: [сайт]. — 2016. — URL: https://www.ic.gc.ca/eic/site/098. nsf/eng/home (дата обращения 12.05.2021).*
6. *New industrial France. Building France's industrial future // Ministry of Economy and Finance of France: [сайт]. — 2018. — URL: https://www.economie.gouv.fr/files/files/PDF/web-dp-indus-ang. pdf (дата обращения: 14.05.2021).*
7. *Устойчивый рост несырьевого сектора экономики России // Институт экономики роста им. Столыпина П.А.: [сайт]. — 2019. — URL: https://stolypin. institute/wp-content/uploads/2019/06/dorozhnaya-karta_web-dlya-sayta. pdf (дата обращения 14.05.2021).*

References

1. *Reestr sistemnykh problem rossiiskogo biznesa 2021 // Upolnomochennyi pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po zashchite prav predprinimatelei: [website]. — 2021. — URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/3. pdf (date of request 12.05.2021).*
2. *International Monetary Fund: official website. — Washington. — Updated during the day. — URL: https://www.imf.org/en/Home (date of request 12.05.2021).*
3. *Industrial Strategy Building a Britain fit for the future // Government UK: [website]. — 2018. — URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/730048/industrial-strategy-white-paper-web-ready-a4-version. pdf (date of request 13.05.2021).*
4. *INDUSTRIE 4.0. Smart Manufacturing for the Future: // The Technology-Network: Intelligent Technical Systems OstWestfallen Lippe. Germany: [website]. — 2018. -. URL: https://www.its-owl.de/fileadmin/PDF/News/2014-01-14-Industrie_4.0-Smart_Manufacturing_for_the_Future_German_Trade_Invest. pdf (date of request 13.05.2021).*
5. *Economic Strategy Tables // Government of Canada: [website]. — 2016. -. URL: https://www.ic.gc.ca/eic/site/098. nsf/eng/home (date of request 12.05.2021).*
6. *New industrial France. Building France's industrial future // Ministry of Economy and Finance of France: [website]. — 2018. — URL: https://www.economie.gouv.fr/files/files/PDF/web-dp-indus-ang. pdf (date of request 14.05.2021).*
7. *Ustojchivyj rost nesyr'evogo sektora jekonomiki Rossii // Institut jekonomiki rosta im. Stolypina P.A.: [website]. — 2019. — URL: https://stolypin. institute/wp-content/uploads/2019/06/dorozhnaya-karta_web-dlya-sayta. pdf (date of request 14.05.2021).*

Контактная информация / Contact Information

Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей
123610, Москва, Краснопресненская наб., д. 12 (ЦМТ), офисное здание 3, подъезд 9, офис 801.
Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs under the President of the Russian Federation
123610, Moscow, Krasnopresnenskaya nab., 12 (WTC), office building 3, entrance 9, office 801.
Титов Борис Юрьевич / Boris Yu. Titov
priem@ombudsmanbiz.ru

К УСТОЙЧИВОМУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ

TO SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC GROWTH

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-133-155

АГАНБЕГЯН Абел Гезович
Сопредседатель программного комитета МАЭФ, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

Abel G. AGANBEGYAN
Co-chairman of the MAEF Program Committee, RAS Academician, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

Россия семь лет находилась в стагнации, на базе которой наступил структурный кризис. Среди негативных результатов стагнации и кризиса — подрыв основных драйверов социально-экономического роста и, прежде всего валового накопления основного капитала и «экономики знаний». Автор описывает крупные общероссийские мероприятия для восстановления уровня доходов населения и потребительского спроса, а также перечисляет необходимые условия и структурные реформы, которые позволят «перепрыгнуть» через стагнацию и перейти к устойчивому социально-экономическому росту. Автор убежден, что дополнительными драйверами социально-экономического роста могут стать ввод жилья, развитие внешней торговли и формирование новой транспортно-логистической инфраструктуры, обосновывает необходимость возрождения народнохозяйственного планирования.

Abstract

Russia was in stagnation for seven years, when the current crisis had originated. Among the negative results of stagnation and crisis is the undermining of the main drivers of socio-economic growth and, first of all, gross fixed capital formation and the “knowledge economy”. The author describes major measures to restore the level of incomes of the population and consumer demand, and also lists the necessary conditions and structural reforms that will make it possible to “jump over” stagnation and move to sustainable socio-economic growth. The author is convinced that new housing, the development of foreign trade and the formation of a new transport and logistics infrastructure become additional drivers of socio-economic growth, substantiates the need to revive the national economic planning.

Ключевые слова Стагнация, кризис, социально-экономический рост, доходы населения, структурные реформы, народнохозяйственное планирование.

Keywords Stagnation, crisis, socio-economic growth, incomes of the population, structural reforms, national economic planning.

1. Переломный момент — или «в гору» к росту экономики, или «под гору» к стагнации

Россия 7 лет находилась в стагнации, на базе которой наступил структурный кризис с коронавирусной пандемией. Из стагнации намного труднее выйти, чем из кризиса, так как, в отличие от кризиса, в рамках стагнации нет встроенного механизма по переходу. Напротив, стагнация вызывает негативные тренды, и поэтому обычно она стремится к рецессии. Эти тренды тянут экономику вниз.

В кризисе же заложен механизм «отскока от дна». Поэтому мудрые китайцы обозначают кризис двумя иероглифами, один из которых обозначает «БЕДА», а второй — «ШАНС». Особенно большой «отскок» бывает при преодолении структурных кризисов, в том числе при преодолении коронавирусной пандемии. После локдаунов, сопровождающих пандемию, люди выйдут на работу, и сразу возрастет продукция, увеличатся доходы. По мере снятия ограничений, открытия границ заработают те сферы экономики, которые частично или полностью приостанавливали свою работу — возобновится туризм, работа гостиниц, будут расти авиаперевозки. На полную мощность начнут работать учреждения общественного питания, непродовольственные магазины, часть которых была закрыта, наполнятся залы зрелищных мероприятий, трибуны стадионов, все возвратится «на круги своя», и экономика, естественно, выйдет из кризиса. Ничего подобного в стагнацию не происходит. Это вялотекущий нулевой рост, обычно сопровождающийся снижением уровня жизни, как в России, оттоком капитала, ухудшением условий хозяйствования, сокращается внешнеэкономический оборот, убывают резервы, уменьшаются ресурсы, не хватает денег на обновление оборудования, на новое строительство, устаревает научно-техническая база, и экономику тянет ко дну — к рецессии.

В России положение хуже. С одной стороны, на нее были наложены серьезные санкции, во многом закрыт доступ к мировому финансовому рынку, что сокращает наш ВВП на 1–1,5%. К тому же в кризис 2020 г. произошло полуторное снижение цен на нефть, природный газ и частично уголь, сократился спрос на углеводородное сырье, что нанесло дополнительный удар по России и потянуло вниз ВВП еще на 1–1,5%.

Но в 2021 г. цены на нефть и природный газ восстановились, ограничения от коронавирусной пандемии в связи с расширением мощностей здравоохранения, с учетом приобретенного опыта, постепенно облегчаются. К тому же началась вакцинация населения, сужающая возможности заражения, и в России с марта и апреля экономика пошла в заметный рост.

В первом квартале 2021 г. валовый внутренний продукт поднялся почти до уровня соответствующего периода прошлого года, а за январь — апрель индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности превзошел показатели соответствующего периода прошлого года на 3,6%. А если взять апрель к апрелю, то рост составил астрономические 13,8%, поскольку в апреле 2020 г. из-за широкого локдауна экономика «рухнула». В том числе индекс промышленного производства вырос в месячном измерении на 7,2%, грузооборот железных дорог — на 8,2%, розничная торговля — на 34,7%, объем платных услуг — даже на 52,1%. Резко сократилась безработица. Внешнеэкономический оборот в долларах США за март 2021 г. поднялся к 2020 г. на 21,5% из-за увеличения экспортных цен на нефть и газ в 1,5 раза и резкого подорожания черных и цветных металлов. «Отскок» в эти месяцы налицо.

Но он будет сокращаться, поскольку в июне — сентябре 2020 г. экономические показатели страны намного улучшились по сравнению с апрелем — маем месяцев, так как крупный локдаун прекратился.

С другой стороны, с июня 2021 г. началась третья волна коронавируса с увеличением зараженности и смертности в 2–3 раза выше их минимальных значений в предшествующие месяцы. Объявлен частичный локдаун в Москве, в Санкт-Петербурге и в ряде других субъектов Федерации. Это, естественно, замедлит и отсрочит восстановление экономики и социальной сферы.

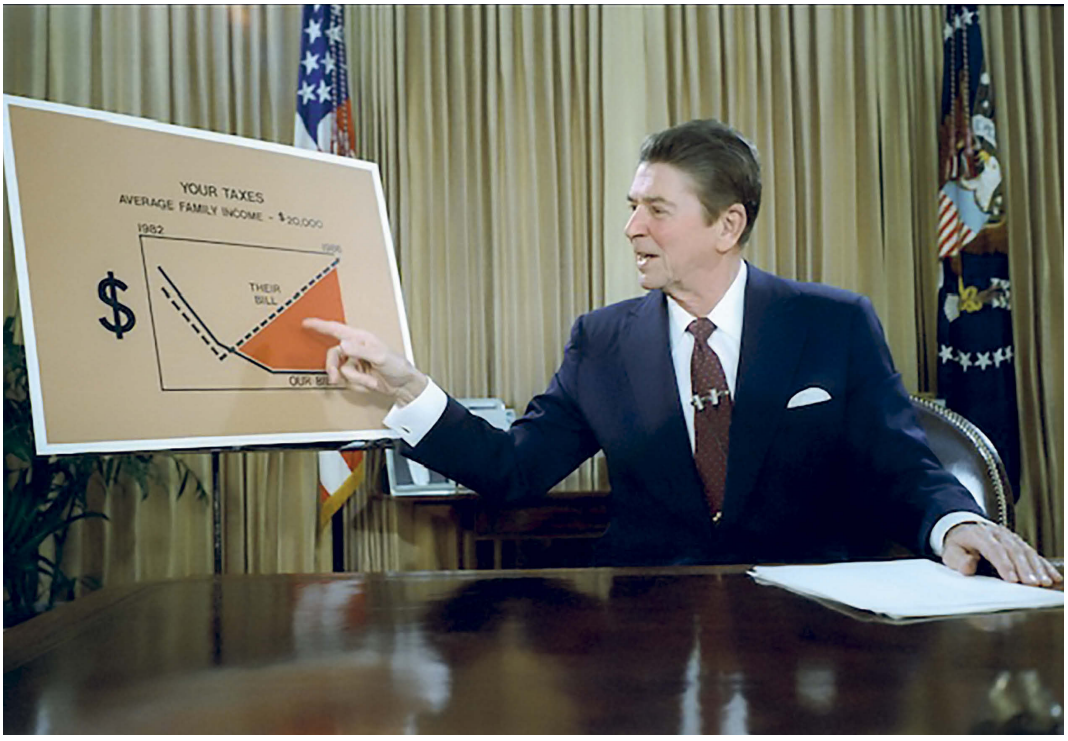
Сумеем ли мы «перепрыгнуть» и сразу перейти от кризиса к социально-экономическому росту, а главное и самое трудное — закрепить этот рост и продолжить его в последующие годы, сделав устойчивым и ускоряющимся с 3% сначала до 4%, а потом и до 5% ежегодно?

Самое плохое, что может случиться, что «отскок» продлится год, может быть, два, в 2021 и 2022 гг., а с 2023 г. возобладают негативные тренды, отток капитала, устаревшие фонды, продолжающийся демографический кризис и нехватка рабочих рук, сниженный в годы стагнации уровень доходов, а, значит, и нерастущий платежеспособный спрос. И темпы прироста снизятся до 1,5–2,5%, как это предсказывают международные организации и большинство экспертов. Многие не осознают, насколько трудно выбраться из стагнации. В странах, где стагнация возникает, она обычно длится до 10 лет, в то время как продолжительность кризиса обычно ограничивается одним-двумя годами, редко тремя.

Наиболее яркий пример — стагнация с рецессией в США с 70-х гг., включая начало 80-х гг. Президент Форд пытался выбраться из стагнации. Не удалось. И он не был переизбран на второй срок. Пришедший ему на смену президент Картер представил впечатляющую крупную радикальную программу антикризисного типа и успешно ее осуществил. Но результата не добился, потому что это был не кризис, а стагнация. И его меры по увеличению спроса ничего не дали. Пришел президент Рейган, который коренным образом изменил социально-экономическую политику США, взяв на вооружение теорию радикального монетаризма Милтона Фридмана. Из сторонников Фридмана он сформировал коллектив своих экономических советников. И осуществил небывалые, казалось бы, противоречащие здравому смыслу меры. В условиях дефицита бюджета и нехватки налоговых поступлений, которые предыдущие президенты увеличивали, он их серьезно сократил на 703 млрд долларов, в том числе у обеспеченных слоев населения. Высшую ставку подоходного налога он с 70% снизил до 28%. Еще больше он снизил капитальный налог, налог на прибыль, с тем чтобы обеспеченные люди, получившие выгоду от снижения налогов с большой выгодой, для себя могли их вложить в растущие акции, облигации, на развитие новых отраслей и серьезно обогатиться. Он рассчитывал, что рост производства и технологический прогресс приведут к снижению издержек и повышению прибыльности и объемов налога в соответствии с так называемой кривой Лаффера, график которого он неоднократно демонстрировал при своих выступлениях.

И при всех трудностях на этом пути Р. Рейган одержал победу, снизив инфляцию в 3 раза, безработицу — в 2 раза, перекрыв объем поступивших налогов, хотя ему пришлось увеличить долговую нагрузку США при одновременном снижении выплат по этой нагрузке. Он резко сократил сроки амортизации, добился небывалого технологического перевооружения экономики США за короткий срок, в результате которого темы американской экономики увеличились до 3,95% в среднем в год. США вернули себе первенство по инновациям и технологическому уровню, которое в предшествующие годы было оспорено технологическим прорывом Японии, Южной Кореи и Тайваня.

Фото Р. Рейгана с графиком Лаффера.

И поэтому при массовом опросе населения в 1985 г. по рейтингу президентов США Рейган получил наибольшее положительное число голосов, неожиданно превзойдя легендарных президентов Линкольна, Рузвельта и других, заняв первое место. Понять население можно. Ведь уровень жизни людей снижался больше 10 лет. А тут их доходы приросли на 1/3. До минимума сократилась безработица. Экономика пошла в гору. Подъем США с определенными не очень глубокими спадами впервые продолжался целых 25 лет до кризиса 2007 г.

Вслед за США во многом по этому пути пошла и новый премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер. За 11 лет правления Маргарет Тэтчер провела ряд либеральных реформ, прежде всего по восстановлению роли Великобритании как ведущего мирового и европейского финансового центра с крупнейшей биржевой торговлей и оборотом разнообразных ценных бумаг с концентрацией в Англии основных мировых торговых площадок по продаже ключевых продуктов — нефти, сжиженного газа, различных металлов, сельскохозяйственных продуктов и многого другого.

Была проведена национализация ряда отраслей. Наиболее болезненная из них связана с закрытием угольных шахт, с переобучением десятков тысяч человек, занятых в угольной промышленности. М. Тэтчер оздоровила государственный бюджет и заметно его увеличила, покончив в ряде случаев с предоставлением бесплатных услуг за счет госрасходов. При всем критическом отношении к этим мероприятиям экономика Англии, которая отстала не только от Германии, но и от Франции, плохо развивалась, считалась болезненной, при недовольстве предпринимателей условиями бизнеса, а значительной части населения — отсутствием улучшения своего благосостояния, все это было преодолено. Экономика Англии уверенно обогнала Францию и вновь, как и раньше, несмотря на потерю

колоний, возобновила свою силу и мощь, в том числе с расширением торгово-финансовых связей с бывшими колониями. Эта политика по праву стала называться «тэтчеризмом».

Несмотря на кризис 2020–2021 гг. и санкционное давление, в России сложились благоприятные условия для того, чтобы подхватить и развить послекризисный отскок и возобновить социально-экономический рост. Эти благоприятные условия связаны, прежде всего, с наличием в стране возросших на 12% в кризис банковских активов, превысивших объем ВВП при относительно высокой прибыльности крупных банков (11–12%).

Второе преимущество России — наличие небывалых золотовалютных резервов, объем которых в 2020 г. впервые превысил 600 млрд долларов и стал больше резервов США и даже больше, чем такие резервы у Германии, Великобритании, Франции и Италии вместе взятых.

Третье. Россия осталась страной, пожалуй, единственной среди крупных стран с самым низким государственным долгом. Внешний долг России — около 5% ВВП в сравнении с 80% в ЕС и более 100% в США. Вместе с внутренними заимствованиями суммарный долг государства у нас составляет 19% в сравнении с 250% от ВВП в Японии (правда, при наличии резервов в 1 трлн долларов) и 257% в Китае (при резервах около 3,5 трлн долларов).

Несмотря на пандемию и кризисную ситуацию в нефтегазовой промышленности в худшем 2020 г., дефицит госбюджета России лишь немного превысил 3-процентный рубеж, в то время как в других странах он составлял 5–10%. А в отдельные предшествующие годы бюджет России имел профицит, профицитным ожидается кризисный 2021 г. Относительно невелико снижение в размере около 3% в 2020 г. ВВП и промышленности, что вдвое ниже, чем у европейских стран. Более 2/3 предприятий и организаций остались прибыльными и обладают значительными активами, в том числе на зарубежных счетах и офшорах. Меньше, чем другие крупные страны, Россия пострадала от безработицы. В отдельных районах страны ощущается даже дефицит рабочей силы при благоприятных условиях привлечения мигрантов из соседних стран сотрудничества. Значительно сократился и внешнеэкономический корпоративный долг России. Если на 1 января он достигал почти 729 млрд долларов, то к началу кризиса снизился до 454 млрд долл. в 2019 г.

Разумеется, в кризис обострились и негативные процессы. Продолжается отток капитала, но его размеры не очень велики. Из-за сокращения инвестиций стареют основные фонды, в том числе машины и оборудование, но тем эффективнее будет их замена. Самое негативное — снизившийся платежеспособный спрос из-за значительного снижения реальных располагаемых доходов в период стагнации и кризиса. Но есть возможность его быстрого восстановления. При этом надо учесть, что начавшийся значительный «отскок от дна» кризиса в 2021 г., который, по-видимому, превзойдет кризисное сокращение ВВП, промышленности, строительства и грузооборота, а также значительный рост в период стагнации и кризиса аграрно-промышленного комплекса страны — все это тоже создает возможность перехода к устойчивому экономическому росту. Так как 4-процентный возможный рост ВВП в 2021 г. пополнит финансовую копилку страны сразу на 4,5 трлн руб. за год. Что заметно превышает все дополнительные средства, которые правительство потратило на смягчение кризиса 2020 г.

2. Оценка социально-экономической ситуации

Кризис 2020–2021 гг. является особым, прежде всего связанным с коронавирусной пандемией. Пожалуй, впервые перед государством и населением встала дилемма — или поддержать экономику и финансы, или сохранить жизнь и благосостояние людей. Понятно, что односторонности здесь быть не может, но каждая страна выбирает свою «золотую середину».

В отличие от большинства стран, Россия приоритетно поддержала экономику и финансы, преумножив накопления, сохранив крайне низкий долг и перейдя к умеренному дефициту бюджета, что можно видеть в прилагаемой табл. 1.

Таблица 1. Экономика и финансы в кризис 2020 г.

Показатели	Прирост 2020 г. к 2019 г.
Валовый внутренний продукт	–3%
Промышленность	–2,9%
Государственный долг в % к ВВП	19%
Золотовалютные резервы	более 600 млрд долл.
Дефицит бюджета к ВВП	3,9%
Прирост активов банков	12%
Прибыль банков	11%

По приведенным показателям Россия из 20 ведущих держав мира имеет здесь лучшие показатели после Китая.

Но при этом сил и средств государства у нас не хватило на достаточную поддержку благосостояния народа и прежде всего доходов и потребления, розничной торговли, предотвращения бедности. Тем более что эти показатели серьезно снизились в ходе семилетней стагнации, которая предшествовала кризису, и на них наложились негативные результаты кризиса в соответствующей области.

Соответствующие показатели приведены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели	Стагнация (2019 г. в % к 2013 г.)	Кризис 2020 г.	Итого
Реальные располагаемые доходы населения	–10,6	–3,5	–13,7
Конечное потребление домашних хозяйств	–2,0	–8,6	–10,4
Розничная торговля на душу населения	–9,4	–4,1	–13,1
Прирост бедного населения с доходами ниже прожиточного минимума (млн чел.)	4	1,3	5,3

Если оценить масштабы сокращения доходов населения за 6 лет стагнации и кризиса 2020 г., то их сокращение в 2020 г. по отношению к 2013 г. в абсолютной сумме составит около 8 трлн руб., что более чем в 2,5 раза превышает убыток от снижения ВВП на 3%.

Самый плохой результат — увеличение смертности населения в период с мая 2020 г. по апрель 2021 г. — на 499 тыс. человек.

Если оценить ущерб экономики от такой смертности, по показателям Всемирного банка и МВФ, применяемым при расчете человеческого капитала в России (за 2019 год исходя из стоимости человеческого капитала на душу населения в размере 100 000 долларов в год), то эта сумма составит около 3,6 трлн руб., а с учетом ущерба от болезней, инвалидности и убытков от дополнительной преждевременной смертности в перспективе 5–6 млн человек, которые тяжело переболели коронавирусом в России, то суммарный ущерб экономики в расчете на год повысится до 5 трлн руб. — в 2,7 раза выше, чем от снижения ВВП на 3% в 2020 году.

Повышенная смертность населения привела к значительному превышению смертности над рождаемостью — к депопуляции, превысившей 700 тыс. человек. Сократившееся примерно до 100 тыс. положительное сальдо миграции не смогло перекрыть сокращение численности населения России, которое составило около 600 тыс. человек в 2020 г. Кроме того, дополнительная смертность вызвала снижение ожидаемой продолжительности жизни с 73,4 лет в 2019 г. до 71,1 года в 2020 г. Соответствующие показатели приведены в табл. 3.

Таблица 3. Сохранность народа в 2020 г.

Показатели	**2020 год**
Прирост смертности населения за год с мая 2020 по апрель 2021 г.	465 тыс. чел.
Превышение смертности над рождаемостью (депопуляция)	702 тыс. чел.
Сокращение численности населения России	596 тыс. чел.
Снижение ожидаемой продолжительности жизни	с 73,4 до 71,1 года

Понятно, что восстановление доходов и потребления населения, с одной стороны, и устранение дополнительной смертности и сбережения народа потребует от государства намного больше средств, чем восстановление валового внутреннего продукта и промышленности.

По итоговым показателям благосостояния и сохранности народа Россия занимает последнее место среди 20 крупных держав мира. Они намного больше, чем Россия, компенсировали сокращение доходов населения. У других крупных стран уровень доходов населения не снизился столь сильно, как в России. А у некоторых, например США, — даже повысился.

Что касается дополнительной смертности населения, то в США этот показатель оказался выше, чем в России — более 700 тыс. человек в 2020 г. Но в расчете на 1000 человек населения дополнительная смертность России в 1,7 раза превысила показатели США. Эта смертность в России превысила и в абсолютной сумме, и тем более в расчете на 1000 чел. населения смертность во всех других крупных

странах мира. Коэффициент смертности в России выше в 1,5 раза, чем в Бразилии и Италии, в 2–3 раза выше, чем в Великобритании, Франции и Испании, и вчетверо выше, чем в Германии.

Еще один негативный результат стагнации и кризиса — подрыв основных драйверов социально-экономического роста и прежде всего валового накопления (расширенные инвестиции) основного капитала, «экономики знаний» — главной составной части человеческого капитала и внешней торговли. Соответствующие показатели приведены в табл. 4.

Таблица 4. Драйверы социально-экономического роста в период стагнации и кризиса

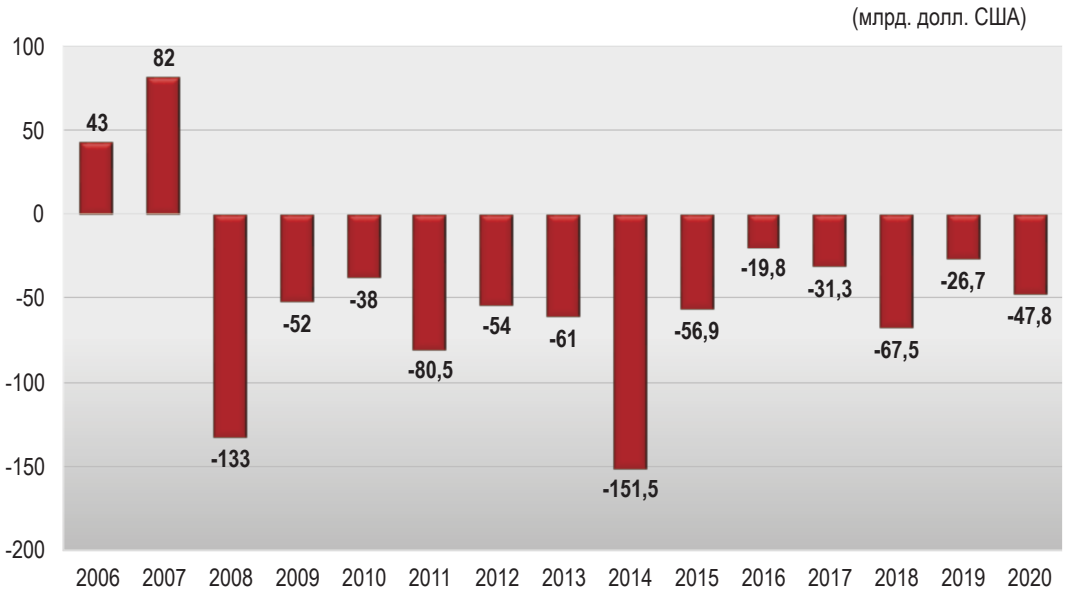
Показатели	Стагнация (2019 г. в % к 2013 г.)	Кризис 2020 г.	Итого
Валовое накопление основного капитала	–5,6	–4,3	9,7
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП	21% (2012 г.)	17%	
Доля «экономики знаний» в ВВП	15% (2012 г.)	14%	
Внешняя торговля	77,5 (2012 г.)	84,7	65,7
Приток (+) и отток (–) капитала из России (млрд долл.)	–772 (2008–2019 гг.)	–48	820

В ходе стагнации и кризиса доля инвестиций в основной капитал сократилась до 17% ВВП, а доля «экономики знаний» в ВВП составила 14%. И то, и другое — самые низкие показатели среди крупных стран мира, неспособные в такой индустриальной стране, как Россия, обеспечить даже простое воспроизводство экономики, которое закономерно поэтому так долго находилась в стагнации. В развитых странах, например, доля инвестиций в основной капитал превышает 20% ВВП, а доля «экономики знаний» — около 30% в Западной Европе и около 40% — в США, что касается развивающихся стран, то там доля инвестиций в основной капитал в 1,5–2 раза выше, а в Китае — почти в 3 раза выше, чем в России.

Внешняя торговля сократилась в годы стагнации и кризиса на 1/3, что негативно сказалось на нашем социально-экономическом развитии. Ежегодно экономику России тянет вниз, и уже 14 год продолжается отток капитала из России. Его динамика по годам представлена в диаграмме.

Как видно, оценка социально-экономической ситуации крайне противоречивая. Кризис 2020 г. от коронавирусной пандемии выдвинул перед государством дилемму — или поддержать экономику и финансы, или сохранить жизнь и благосостояние людей. Россия приоритетно поддержала экономику и финансы при накопительстве и неэффективной устойчивости и принесла в «жертву» благосостояние и сохранность народа (здоровье людей, продолжительность жизни, народонаселение), а также пожертвовала драйверами социально-экономического роста (вложения в основной и человеческий капитал, ввод жилья и развитие внешней торговли). Все это усиливает неопределенность на будущее.

Диаграмма. Приток и отток капитала из России в 2006–2020 гг.

К тому же с июня в России, и прежде всего в Москве, в 2–3 раза в ходе третьей волны выросло число граждан, зараженных коронавирусом и умерших по сравнению с минимумом, достигнутым в предшествующие месяцы. Эта зараженность выросла главным образом за счет нового индийского штамма коронавируса, который легче передается не только воздушно-капельным путем, но и по воздуху, что доказали исследователи-вирусологи, опубликовавшие в начале июня убедительную статью в ведущем мировом медицинском журнале Lancet. При этом по Москве уже в июне месяце эта третья волна коронавируса превысила вторую волну, а по России в целом вплотную приблизилась к ней.

Ясно одно — многое будет зависеть от темпов вакцинации, которые пока в России неудовлетворительны. За шесть прошедших месяцев полностью вакцинировано около 15% населения, в то время как в Израиле — 60%, в Великобритании — 50%, США тоже приблизились к 50-процентному рубежу. По проценту населения, охваченного вакцинацией, Россия занимает примерно 60-е место среди стран мира. Чтобы полностью покончить с пандемией, нужно вакцинировать 60–70% населения. И если темпы вакцинации повысить в 4 раза, то мы сумеем это сделать только к концу года.

Чтобы значительно сократить третью волну и не допустить высокой четвертой волны потребуется вакцинировать, по-видимому, 50–60% граждан. Препятствием является нежелание примерно 1/3 не болевших коронавирусом пойти на вакцинацию. Вирусологи все чаще призывают вакцинироваться со временем переболевших граждан и говорят, что с осени, возможно, придется дополнительно вакцинировать тех, кто вакцинировался на ранней стадии, в начале года. К сожалению, нынешняя зараженность вызывает более высокую смертность и относительно больший удельный вес тяжело заболевших.

При всех трудностях и неопределенности ситуация у нас остается управляемой, так как в решающей степени она зависит от темпов вакцинации. Предстоит их удвоить и утроить. Министр здравоохранения утверждает, что это будет сделано.

Заметим при этом, что с коронавирусом наша медицина как-то справляется на фоне общемировых трендов. Но справляется никак не лучше, чем в большинстве стран, о чем можно судить по показаниям смертности от коронавируса. Пресса необоснованно здесь ссылается на данные оперативного штаба, которые в 1,7–2,5 раза меньше доказанной смертности, которая позже подсчитывается Росстатом, на основе вскрытия умерших по данным ЗАГСа (см. табл. 6).

Таблица 5. Причины дополнительной смертности населения в 2020 г. по сравнению с 2019 г.

Показатели	Тыс. человек	Прирост в %
Общая дополнительная смертность	340,3	18,9
В том числе по причинам от:		
Коронавируса, где он является главной причиной	104	–
Сердечно-сосудистых заболеваний	97,3	11,7
Пневмонии	34,4	в 2,4 раза
Болезней нервной системы	21,1	20,9
Эндокринных заболеваний	10,4	25
Старости	17,2	20,1

Таблица 6. Дополнительной смертность в России за год (с мая 2020 г. по апрель 2021 г.), включая смертность от коронавирусной пандемии

Показатели	Тыс. человек	В % к итогу
ВСЕГО	498,7	100,0
В том числе от:		
COVID-19	267,4	53,6
COVID-19 как главной причины (по данным Росстата)	181,1	36,3
COVID-19 как главной причины (по данным оперативного штаба)	109,9	21,9

В 1 квартале 2020 г. смертность сократилась и начала расти с апреля-мая.
Смертность от онкологии и внешних причин в 2020 г. не выросла.

Главное — сил и средств нашего здравоохранения не хватило из-за недостаточного финансирования и недоразвитости для борьбы на два фронта — и против коронавируса, и против других патологий, приводящих к смерти, прежде всего в части сердечно-сосудистых заболеваний, болезней легких, нервных болезней и др. (см. табл. 5). В этом втором направлении наше здравоохранение полностью провалилось, и основная дополнительная смертность, почти 60%, была вызвана

как главная причина не коронавирусной пандемией. Хотя понятно, что именно коронавирусная пандемия заимствовала силы и средства с других участков здравоохранения. И поэтому она в конечном счете была причиной катастрофически высокой дополнительной смертности в России. На приводимых двух таблицах показана структура дополнительной смертности в России в период кризиса.

Поэтому крайне важно в ближайшем будущем, осознав все это, больше внимания уделить прежде всего сердечно-сосудистым патологиям, проблемам легочных, нервных, эндокринных и других болезней, вызвавших такой рост смертности в нашей стране.

Не исключено, что мы не сможем до конца справиться с пандемией, впрочем, как и многие другие страны, в 2021 г. И покончим с пандемией только в первой половине следующего года. Не думаю, что введенные ограничения против третьей волны существенно скажутся на сокращении нашей экономики. Но они могут сбить наметившийся значительный рост ВВП, и он поднимется в этом году не на 4%, а несколько меньше.

3. Форсированные инвестиции в основной и человеческий капитал — главные драйверы для ускоряющегося социально-экономического роста

Чтобы в 2021–2022 гг. обеспечить главное — не просто покончить с пандемией, а «перепрыгнуть» через стагнацию и перейти к устойчивому социально-экономическому росту, есть единственный, на наш взгляд, путь — переход к форсированному увеличению инвестиций в основной и человеческий капитал по 10–15% в год хотя бы на период до 2025 г.

Дело в том, что в индустриальной стране, какой является и Россия, социально-экономический рост возможен, если доля инвестиций в основной капитал в ВВП и доля вложения в сферу «экономика знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение) — главную составную часть человеческого капитала, превысит 20%. Если мы, к примеру, ограничимся ежегодным увеличением инвестиций в ближайшие годы по 5–6%, то при увеличении ВВП по 2–3% мы не сможем в ближайшие годы поднять удельный вес этих инвестиций до размеров, обеспечивающих необходимый прирост ВВП.

Таблица 7

Страны	Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	Доля «экономики знаний» в ВВП, %	Среднегодовой прирост экономики, %
Развитые страны	около 20	30–40	1,5–2,0
Развивающиеся страны	30–35	15–20	4–6
Китай	45–50	22	7
Россия	17[1] 20[2]	14	0,4

[1] Инвестиции в основной капитал по статистике.

[2] Накопление основного капитала в системе национальных счетов.

В приводимой таблице показана зависимость темпов прироста ВВП от доли инвестиций в основной капитал и доли сферы «экономики знаний» — главной составной части человеческого капитала в ВВП по различным странам.

Дополнительными драйверами социально-экономического роста является ввод жилья и развитие внешней торговли, подъем которых обладает мультипликативным эффектом, поскольку тянет за собой целую группу отраслей и сфер, позитивно влияющих на экономический рост. Ввод жилья, например, при увеличении по 10% в год вызывает прирост ВВП на 1,5 – 2%, так как требует серьезного развития инфраструктуры, производства стройматериалов, строительства коммуникаций для жилья, вызывает денежные потоки по приобретению жилья и оплате жилищно-коммунальных услуг, дополнительные расходы семей, получивших новое жилье, и т.п.

Серьезно влияет на экономический рост и внешняя торговля. Увеличивающийся импорт оборудования в Россию является необходимым условием технологического перевооружения многих отраслей, машины и оборудование для которых у нас пока не производятся или производятся в недостаточных размерах. Импорт многих компонентов, изделий, материалов тоже обеспечивает развитие ряда отраслей. А растущий экспорт стимулирует производство, привлекает финансы, заинтересовывает бизнес в экономическом росте.

Ввод жилья и развитие внешней торговли в конечном счете все же зависят от инвестиций в основной и человеческий капитал, необходимый для развития любой отрасли народного хозяйства и особенно для форсированного жилищного строительства и развития, например, экспортных отраслей.

На что должны быть направлены инвестиции в основной и человеческий капитал? Главная его направленность — обеспечить технологический прорыв страны. Это, прежде всего, переход к массовому технологическому перевооружению большинства предприятий России, отстающих по технологическому уровню и стремящихся перейти на новые, более эффективные технологии. Для работы на новом оборудовании и новых машинах необходимы более квалифицированные кадры, которые поставляет сфера «экономика знаний».

Другое направление — ввод новых мощностей, прежде всего высокотехнологических производств.

Третье — формирование новой транспортно-логистической инфраструктуры, связанной со строительством скоростных двусторонних автострад, скоростных железных дорог, отсутствующей у нас развернутой сети региональных аэропортов и взлетно-посадочных полос, создание в транспортных узлах крупных логистических центров.

Предстоит повысить долю инвестиций, если мы хотим перейти к повышенным темпам ввода жилья. Сказанное относится и к внешней торговле.

Следовало бы выдвинуть задачу в ближайшие 5 лет подняться на технологический уровень, достигнутый постсоциалистическими странами Европы, новыми членами ЕС, а за 10 – 15 лет достигнуть технологического уровня развитых стран, например, Италии и Испании. Это позволит к 2030 г. поднять производительность труда в 2 раза, снизить энергоемкость производства в 1,5 раза, а материалоемкость на 30%.

Чтобы осуществить предлагаемый финансовый форсаж, прежде всего нужно сильно заинтересовать предприятия и организации страны вкладывать свои средства, силы, умение и знания в развитие собственной страны, а не откладывать зара-

ботанные деньги для покупки акций на зарубежных фондовых рынках и перевод денежных средств для безопасности бизнеса на зарубежные счета и в офшоры. Это ключевой момент, так как в настоящее время предприятия и организации страны вкладывают 60% инвестиций, а на долю консолидированного бюджета приходится около 15%.

Чтобы заинтересовать предприятия и организации страны, предлагается четыре меры:

- предоставление низкопроцентных долгосрочных инвестиционных кредитов, прежде всего для технологического развития и ввода новых мощностей. Техническое перевооружение действующих производств характеризуется окупаемостью в 5–7 лет, и здесь приемлемо привлечение инвестиционного кредита под 5% годовых. Ввод новых мощностей обычно требует 10–12 лет окупаемости. И здесь может заинтересовать инвестиционный кредит со ставкой 4%. По примеру Китая надо на кредитную основу переводить инфраструктурные транспортные проекты, в частности, скоростные дороги, где окупаемость 20–25 лет. И здесь уместен кредит в 2–3% годовых. Во многом получение профессионального образования резко облегчится, если предоставлять, как это принято в развитых странах, крупные долговременные кредиты по низкой, скажем, 3-процентной ставке. Это устранит в значительной мере нынешнее возрастающее социальное неравенство в получении полноценного образования выходцев из богатых и бедных семей. Для форсированного роста жилищного строительства здесь также необходим низкопроцентный кредит. Вдвойне он необходим для создания экспортных производств, прежде всего готовой высокотехнологической продукции с высокой добавленной стоимостью;
- освобождение от налога той части прибыли, из которой черпаются инвестиции, как это было до 2003 г. Это позволит увеличить инвестиции предприятий и организаций до 1 трлн руб.;
- сократить сроки амортизации как минимум в 1,5 раза, что увеличит фонд амортизации и позволить извлечь дополнительно еще 1 трлн руб. инвестиций для предприятий и организаций;
- при технологическом перевооружении предприятий, которое может быть осуществлено в течение нескольких месяцев, целесообразно предоставлять налоговые каникулы, также как и при создании новых производственных мощностей в высокотехнологических отраслях производства. В этот трудный период при необходимости можно давать таможенные льготы, различные административные послабления и др.

Что касается главного пункта о низкопроцентных инвестиционных кредитах как главного источника форсированных инвестиций в основной и человеческий капитал, то в ближайшие несколько лет, пока ключевая ставка ЦБ останется повышенной, следовало бы возмещать банкам, предоставляющим долговременные кредиты, часть процентной ставки за счет бюджетных средств. Если ежегодно, к примеру, объем таких кредитов составит через 2–3 года 6 трлн руб., то чтобы возместить в среднем 4% ставки, в расчете на год нужно изыскать 250 млрд руб. Их нетрудно найти в федеральном и региональном бюджетах, где по статье «Национальная экономика» и ряду других статей безвозвратно финансируются окупаемые проекты стоимостью около 5 трлн руб. Их можно перевести на 3-процентный инвестиционный кредит, что высвободит более 4,5 трлн руб. бюджетных средств на другие цели. Лучше всего эти деньги направить на финансирование текущих затрат в сфере «экономика знаний» — на науку, образование и здравоохранение.

При этом в принципе нужно добиваться снижения инфляции и ключевой ставки Центрального банка, что может быть сделано, если разработать и осуществить с этой целью совместные меры ЦБ и правительства. Инфляцию и ключевую ставку при принятии энергичных мер можно было бы за 3 года снизить до 3% и на этой базе серьезно сократить процентные ставки банковской системы, особенно на инвестиционные долговременные цели.

Ключевой вопрос об источниках, которые смогут полностью покрыть трехлетний (2022–2025 гг.) форсированный рост инвестиций в основной и человеческий капитал по 10–15% в год. Ежегодно на это потребуется до 5 трлн руб. Эти средства прежде всего могут быть заимствованы на возмездных условиях в виде инвестиционных кредитов банковской системы. Сегодня банковская система страны предоставляет только 2 трлн инвестиционных кредитов в основном на трехлетний период, поскольку они предоставляют по повышенной ставке, например, по 7–8% годовых. Это составляет всего 8% всех инвестиций в основной капитал.

Развитые страны финансируют инвестиции за счет банковских инвестиционных кредитов на 30–50% от всех инвестиций, а развивающиеся страны во главе с Китаем — на 20–30%. Но у них, как известно, доля инвестиций в основной капитал в ВВП составляет не 17%, как в России, а в среднем 30–35%, а в Китае даже 46% ВВП. Поэтому они и развиваются по 4–6% в год, а не по 0,4%, как в период стагнации росла наша экономика. Надо повернуть Центральный банк и всю банковскую систему лицом к задачам социально-экономического развития страны как главной задаче. Именно этим в значительной мере занимаются банковские системы развитых стран мира, Китая и передовых развивающихся стран. Тогда в течение 2–3 лет доля инвестиционного кредита отечественных банков при содействии ЦБ может быть увеличена в 3 и более раза.

Вторым крупным источником инвестиционных средств может стать часть золотовалютных резервов. Из общей суммы этих резервов в размере 600 млрд долларов оставить 300 млрд в неприкосновенности для обеспечения нашей финансово-экономической системы. А остальные 300 млрд долларов использовать для перехода к устойчивому социально-экономическому развитию. 180 млрд долларов из этой суммы составляет Фонд национального благосостояния, которые, на наш взгляд, надо использовать по прямому назначению, в первую очередь чтобы восстановить потерянный за годы стагнации и кризиса уровень доходов и потребления населения. Оставшиеся 120 млрд долларов вполне могут быть использованы на возвратной основе для инвестиций в основной и человеческий капитал. Ежегодно можно заимствовать по 15–20 млрд долларов из этой суммы с окупаемостью от 5 до 15 лет. Так что часть суммы, которая будет вложена в техническое перевооружение предприятий, уже через 5–7 лет возвратится, а это не менее трети всего объема. Так что до 2030 г. этой суммы вполне достаточно для ежегодного финансирования по 2–3 трлн руб. в год.

Третий крупнейший источник — возможные займы, прежде всего зарубежные, нашего государства. Его общие долги (внешний и внутренний) с 19% могли бы быть увеличены до 35% к 2025 г. и 50% к 2030 г., учитывая, что международный норматив безопасности внешнего долг, в том числе для стран ЕС, составляет 60%. Но многие ведущие страны мира, в том числе половина стран, входящих в G7, имеют долги, превышающие 100% ВВП, и успешно устойчиво развиваются. При этом имидж нашего государства как должника в международных кругах довольно высок, так как наша страна с 2000-х годов без отсрочек возвращала свой госдолг часто досрочно, с пре-

мией. Мы могли бы занимать крупные суммы у Китая, Саудовской Аравии, стран ОПЕК, у международных банков и финансовых организаций и у крупных мировых инвесторов с довольно низким процентом, по которому сегодня предоставляются займы, и на возвратной основе с жесткой окупаемостью предоставлять эти суммы для инвестирования в основной и человеческий капитал.

Были перечислены также дополнительные источники инвестиций за счет средств предприятий.

До 1 млрд руб. в год государство может заработать финансовых средств, если начнет массовую приватизацию части своих активов, которые не используются для решения государственных задач, а имеющие их предприятия и организации занимаются чистой коммерцией, а лучше сказать — самообогащением. К тому же, будучи приближенными к государству, они пытаются монополизировать свою область, подрывают конкуренцию, тормозят развитие. Такая приватизация, по нашему мнению, должна проводиться в ходе предлагаемой ниже реформы собственности.

Таблица № 8

Показатели	**Объем заимствования в виде инвестиционного кредита в год**		**Примечание**
	В основной капитал	**В «экономику знаний»**	
Активы банков в 2018–2020 гг. в 2020–2025 гг.	 1,5–2,0 трлн руб. 2,5–3,0 трлн руб.	 1,5–2,5 трлн руб. 3,0–3,5 трлн руб.	В 2020 г. активы банков составили 110 трлн руб., превысив размер ВВП
Международные золотовалютные резервы — взаимообразно при окупаемости 5—10 лет	15–20 млрд долл. в год	из них до 5 млрд долл.	Объем золотовалютных резервов в 2020 г. превысил 600 млрд долл., из которых половина может быть заимствована на повышение доходов населения и социально-экономический рост
Доходы от приватизации		до 1 трлн руб.	
Облигационные займы населения для строительства жилья и приобретения автомобиля	1,5–2 трлн руб.		Население сберегает до 30 трлн руб. в России и до 700 млрд долл. — за рубежом
Прибыль и амортизационный фонд предприятий	1,5–2,0 трлн руб.	в т.ч. 0,5 трлн руб.	При освобождении от налогов части прибыли, направленной на инвестиции, и перехода на ускоренную амортизацию
Займы государства за рубежом	по 20–30 млрд долл.	в т.ч. 3–5 млрд долл.	Внешний долг государства РФ — 5% ВВП, а с внутренним — около 19%. Его можно довести до 35% к 2025 г. и до 50% к 2030 г.

Для финансирования жилищного строительства и производства легковых автомашин для населения могут использоваться займы из средств населения со стороны лиц, которые заинтересованы в приобретении жилья или автомобилей со скидками в цене и на льготных условиях. Взаимовыгодные условия для населения соответствующих предприятий, организаций и государства здесь легко найти.

Чтобы иметь больше средств для развития, целесообразно в период до 2030 г. перейти, как большинство стран, на дефицитный бюджетный режим в пределах 3% ВВП, который рекомендуется Евросоюзом. Дефицитный бюджет с позиции использования финансовых средств является весьма выгодным, поскольку является важной составной частью рынка ценных бумаг и воспроизводит «длинные» деньги. Он используется всеми странами. Приведем таблицу №8 источников дополнительных финансовых средств для возобновления социально-экономического роста.

Если суммировать сказанное об источниках предлагаемого финансового форсажа, то их, как видно, более чем достаточно. При этом ежегодный рост инвестиций по 10–15% необходим нашей стране только на период до 2025 г., чтобы увеличить долю инвестиций в основной капитал и «экономику знаний» в ВВП до 25%, при которых обеспечивается устойчивый социально-экономический рост по 3–4% в год. В 2026–2030 гг. можно снизить темп прироста инвестиций в основной и человеческий капитал до 8–10% в год. Это обеспечит дальнейшее увеличение удельного веса этих инвестиций в ВВП до 30% к 2030 г. Столь высокая доля этих инвестиций закономерно, судя по опыту других стран, позволяет поднять устойчивый экономический рост, как минимум, до 5% в год.

4. Приоритетное увеличение доходов населения и восстановление сбережений народа

Экономический рост невозможен сколь-нибудь длительный срок без повышения доходов и потребления населения, без роста розничного товарооборота и платных услуг, а значит, и платежеспособного спроса. Поэтому нам нужно как можно быстрее восстановить потерянный по сравнению с 2012–2013 гг. уровень доходов населения и его потребление и связанный с этим потребительский спрос населения. Ведь от этого зависит примерно 60% всего валового национального продукта, ориентированного на удовлетворение потребностей населения страны. Реальные располагаемые доходы населения должны быть подняты примерно на 14%, чтобы восстановить потерянный ими уровень. Розничный товарооборот и платные услуги в расчете на душу населения в постоянных ценах тоже должны быть увеличены примерно на эту величину. А конечное потребление домашних хозяйств, как было показано, нужно увеличить более чем на 10%. Все это может быть сделано за 2,5 года, до 2023 г. включительно.

Столь значительное повышение благосостояния народа может быть осуществлено за счет крупных общероссийских мероприятий:

а) прежде всего, целесообразно поднять минимальный уровень заработной платы с 12 до 20 тыс. руб. уже в 2021 г. и второй раз этот показатель довести до 25 тыс. руб. в 2024 г. (без учета инфляции). Это повышение можно осуществить за счет средств предприятий и организаций для своих работников. Ведь их финансовый результат (прибыль минус убыток) в 2018–2019 гг. увеличился на 72%. И только его небольшая часть пошла на повышение заработной платы и инвестиций. Значительная часть была передана акционерам в виде дивидендов, а другая часть осталась на счетах

предприятий, где скопилось более 20 трлн руб. в России, на часть из которых они купили акции и облигации, в том числе зарубежные. И довольно крупная сумма, отслеженная Boston Consulting Company, была положена на счета в зарубежных банках и пополнила офшоры, где у этих предприятий и организаций хранится 400 млрд долларов. Так что денег больше, чем нужно. Для части предприятий, не имеющих достаточно средств, при государственных льготах можно было бы предоставить низкопроцентный банковский кредит на 2–3 года. Что касается бюджетных предприятий и организаций, то при относительно небольшой численности там низкооплачиваемых работников минимум зарплаты их можно поднять за счет небольшого сокращения штата;

б) повысить средний размер пенсий без учета инфляции с 15 до 20 тыс. руб. в 2022 г. и 25 тыс. руб. в 2025 г. При этом лица, достигшие 55–60 лет, могли бы выйти на свои досрочные пенсии, как раньше, но со сниженным размером. На эти цели, естественно, потребуются дополнительные средства за счет Фонда национального благосостояния в размере примерно 2,5 трлн руб. на первом этапе;

в) втрое поднять в ближайшее время пособия по безработице, средний уровень которого ниже прожиточного минимума, что совершенно недопустимо. Из всех показателей, связанных с уровнем жизни, это самый низкий показатель при сравнении с другими странами. В странах с примерно таким же уровнем экономического развития, как Россия, будь то постсоциалистические страны или развивающиеся страны, пособия по безработице там в 2–3 раза выше. Безработных у нас относительно немного в сравнении, например, с численностью малообеспеченных, а тем более пенсионеров. Так что это не потребует сколь-нибудь крупных сумм;

г) приоритетно поднять душевой доход на селе и в малых городах, где средний его размер составляет 20–25 тыс. руб. в месяц в сравнении с 35 тыс. в среднем по России и 45 тыс. в городах-миллионниках. Для этого надо создать условия для массового формирования крестьянских фермерских хозяйств из нескольких сотен тысяч лучших подсобных хозяйств с трудоспособными членами семьи. На это хозяйствам надо выделить дополнительную землю, обеспечить их породистым скотом, высокоурожайными семенами по льготной кредитной ставке, предоставить в лизинг необходимую технику и т.п. Эти крестьянские фермерские хозяйства предстоит объединить в промысловые кооперативы, которые начнут создавать в городах и селах тысячи мелких предприятий по переработке сельхозпродуктов и создавать свои организации по заготовке и сбыту сельскохозяйственной продукции, оказание им ветеринарной и другой помощи и т.п. При ассоциации таких кооперативов в России целесообразно создать крупную продовольственную сеть КООП, как в ряде других стран. Таким образом, в руках фермерства через промысловые кооперативы окажется вся цепочка формирования стоимости от первичных затрат и до продажи готовой продукции, и их сумма дохода существенно увеличится, поскольку при существующем положении многие предприятия по переработке сельхозпродукции занимают монопольное положение в той или иной местности и диктуют производителям монопольно заниженные цены для заготовки их продукции. В свою очередь, торговые организации, особенно крупные сети, тоже используют свое монопольное положение и перераспределяют доходы, созданные на селе и в пищевой промышленности, в торговлю. Чтобы раскрутить в течение нескольких лет этот крупнейший проект, нужно создать государственный фонд помощи фермерским хозяйствам с предоставлением различных льгот,

которых эти хозяйства лишены. Для формирования такого фонда потребуется, по нашей оценке, до 3 трлн руб. опять-таки из Фонда национального благосостояния. Подробный проект всего этого с созданием опытных регионов разработан ассоциацией «Федеральный Сельсовет»;

д) частично освободить от закабаления значительную часть семей, которая взяла кредиты в банках и микрофинансовых организациях по ростовщически высоким процентам — 15–20% в год и более. Надо пересчитать эти проценты по нормальной ставке не более 8–10%, что не будет убыточно для банков, а просто лишит их чрезмерной доходности, но поможет простым гражданам. 40 миллионов лиц имеют задолженность перед банками на 22 трлн руб., что составляет при выплате их с процентами более половины годового дохода этих семей. Понятно, что часть из них серьезно от этого обеднеет, что крайне нежелательно. В июне 2021 г. просроченная задолженность достигла около 12% от ее общей суммы. Значительная ее часть приходится на недостаточно обеспеченных граждан, части из которых грозит банкротство. Целесообразно по опыту других стран начать скупку плохих долгов по государственной линии за счет сверхприбылей банков, которая в 2021 г. выходит на рекордный до этого невиданный уровень в России. В дальнейшем надо законодательно запретить брать ростовщически высокий процент с населения, индивидуальных предпринимателей, мелкого бизнеса и так далее;

е) следовало бы продолжить начатую по инициативе В.В. Путина предоставление пособий малообеспеченным семьям, имеющим детей. Размер существующих пособий целесообразно систематически увеличивать, особенно на третьего ребенка., что наиболее важно для повышения рождаемости. Долю этих пособий в ВВП с 1,5% целесообразно поднять до 2,5% к 2025 г. и 4% к 2030 г., чтобы добиться увеличения суммарного коэффициента рождаемости до 1,8.

В приводимой таблице социальные показатели России сравниваются с международными нормативами, которые выполняются большинством крупных стран мира.

Таблица 9. Международные нормативы рассмотренных социальных показателей и их значение в России

Показатели	**Норматив Международной организации труда (МОТ)**	**Фактически в России**	**Во сколько раз нужно поднять показатели в России**
Минимальная зарплата (в % к средней)	50 60 (ЕС)	25 (к номиналу) 20 (к полной зарплате)	2–2,5
Пенсия по старости (в % к средней зарплате)	40–60	30 (к номиналу) 25 (к полной зарплате)	2
Пособие по безработице (в % к получаемой зарплате)	50–65	до 25 (к номиналу) до 20 (к полной зарплате)	2,5–3
Объем пособий для детей (в % к ВВП)	2–4,5 (ЕС)	1,5	1,5–3

Все эти меры в совокупности не просто восстановят утраченный уровень доходов и потребления, но восстановят его за счет преимущественного повышения доходов малообеспеченных слоев населения и примыкающих к ним групп.

Это само по себе уже сократит чрезмерный разрыв, имеющийся в России между богатыми и бедными. 10% богатых семей имеют средний душевой доход 120 тыс. в месяц, а 10% бедных около 8 тыс. в месяц. Эта разница в 2019 г. составила 15,4 раза в сравнении с 6,9 в Германии, 6 в скандинавских странах с социал-демократической направленностью, с 4,6 раза в Японии. В СССР в 80-х гг. эта разница составляла 3 раза. Следовало бы поставить задачу сократить эту децильную разницу в доходах до 10 раз (средний показатель по ЕС) к 2025 г. и до 6 раз — к 2030 г. Для этого целесообразно также освободить от подоходного налога семьи, где душевой доход менее 20 тыс. руб. в настоящее время и 25 тыс. руб. в 2024 г. Чтобы компенсировать эту сумму и сократить эту разницу, предлагается также ввести плавный прогрессивный налог для зажиточных и богатых семей, повысив налог до 20% с душевого дохода свыше 100 тыс. руб., 25% — после 200 тыс. руб., 30% — 300 тыс. руб. и 35% — свыше 500 тыс. руб. на душу в месяц.

Целесообразно также обложить повышенными налогами тех производителей, которые продают товары и оказывают платные услуги по ценам, недоступным не только бедному населению, но и среднему классу. Например, при ценах на жилье свыше сотен тысяч рублей за квадратный метр, для 4–5-звездных гостиниц, для торговых сетей и бутиков, рассчитанных на богатых и сверхбогатых людей, ввести акцизы на дорогие автомобили и т.д. И, напротив, полученные здесь суммы следовало бы использовать, чтобы снизить налоги для тех производителей, которые представляют товары надлежащего качества, приобретаемый недостаточно обеспеченными гражданами.

Сложное дело — восстановить потерянную сохранность народа. Здесь прежде всего нужно приложить все силы и средства, чтобы восстановить докризисную смертность — 1,8 млн человек в 2019 г. Умерших стало на 340 тыс. больше в 2020 г., а в первом полугодии 2021 г. смертность увеличилась еще примерно на 330 тыс. человек.

Победа над коронавирусом сама по себе не восстановит докризисный уровень смертности. Следовало бы поставить задачу — максимум за 2,5 года, к концу 2023 г. восстановить общий уровень смертности 2019 г., а затем в 2024 и в 2025 гг. начать новый этап по значительному снижению смертности с задачей — сократить эту смертности до 1,65 млн человек в 2025 г. и до 1,4 млн чел. к 2030 г. — 9,5 на 1000 человек населения. Такова была смертность в России 80-х гг. Тем самым мы вплотную приблизимся к показателям смертности в развитых странах (около 9 на 1000 человек).

Вторая задача — предотвратить чрезмерное снижение рождаемости, которая будет интенсивно происходить до 2030 г. из-за того, что в фертильный возраст вступили женщины, рожденные в 90-е — начале 2000 гг. в период низкой рождаемости. Вместо 21 млн женщин в возрасте от 20 до 40 лет в 2019 г., их число сократится до 16 млн в 2030 г. Частично компенсировать снижение рождаемости можно, если повысить суммарный коэффициент рождаемости с 1,5 в 2019 г. до 1,6 к 2025 г. и 1,8 к 2030. Напомню, что максимум был достигнут в 2015 г. — 1,777. Потом он снизился под влиянием сокращения реальных доходов населения и в связи с начавшимся коронавирусным кризисом — неблагоприятным временем для рождения детей. Если мы начнем значимый социально-экономический рост, восстановим и двинем

вверх доходы населения и увеличим пособия при рождении прежде всего третьего ребенка, то этот коэффициент существенно возрастет, как это продемонстрировали в свое время Франция и Швеция, подняв его до 1,9–2,0. Это позволит к 2030 г. поддержать коэффициент рождаемости около 9 на 1000 человек населения.

Тем самым будет резко сокращена депопуляция и открыт путь в ближайшие последующие годы для естественного увеличения населения. Дополнительный прирост населения будет получен за счет положительного сальдо миграции. Нам очень важно увеличить это сальдо со 106 тыс. в 2020 г. до 200–250 тыс. в год, как у нас было в предшествующие годы. Тогда мы сможем после 2025 г. задержать дальнейшее сокращение населения, а с 2030 г. начать его восстанавливать до максимального уровня России — 148,5 млн человек.

Все это потребует значительных дополнительных средств на здравоохранение. Следовало бы увеличить крайне низкую долю расходов на здравоохранение в ВВП в России — всего 5% (140-е место по международному рейтингу финансирования здравоохранения ООН из 189 стран). В 2020 г. правительство значительно увеличило расходы на здравоохранение, доведя их долю до 6,6%, в основном за счет увеличения бюджетных расходов. Но принятый бюджет на 2021–2023 гг. предусматривает сокращение этих расходов на 10% в номинале и до 20%, а может быть и больше, в реальных выражениях. Столь странный показатель был принят в августе-сентябре 2020 г., когда еще не было видно второй, а тем более, третьей волны коронавируса, и преобладало представление, что к зиме начала 2021 г. пандемия завершится. К сожалению, этого не произошло, ситуация коренным образом изменилась, и надо не сокращать, а увеличивать финансирование здравоохранения, хотя бы до 7% ВВП к 2025 г. (подняться до 70-го места в рейтинге) и до 10% ВВП к 2030 г. — как в среднем ЕС (подняться до 30-го места).

Чтобы эффективно использовать это дополнительное финансирование, предстоит серьезно реформировать нашу систему здравоохранения, в том числе в разы увеличить выделение средств для сокращения главной причины смертности — от сердечно-сосудистых заболеваний, в особенности в трудоспособном возрасте, мужчин, где мы в расчете на 100 тыс. чел. населения уступаем развитым странам в 2–3 раза, а постсоциалистическим странам Европы — в 1,5–2 раза. Радикально надо поднять фармацевтическую промышленность и производства оборудования, приборов и материалов для здравоохранения. Главное внимание при этом следовало бы уделить повышению качества врачей и сестринского состава, осуществив за 5 лет их серьезную переподготовку. Кардинально целесообразно поднять высшее и среднее образование медицинских работников с последующей стажировкой в лучших медицинских организациях. В техническом перевооружении нуждается 2/3 больниц и поликлиник. В связи с пагубными долговременными последствиями пандемии нужно создать в России развитую сеть реабилитационных центров, как была в свое время создана сеть перинатальных центров. За счет средств в первую очередь предприятий и организаций, предоставив им серьезные льготы, следовало бы восстановить существовавшую в советское время сеть оздоровительных санаториев и профилакториев. Предстоит также коренным образом улучшить организацию и систему управления здравоохранением и оздоровлением населения в России.

Снижение смертности позволит повысить ожидаемую продолжительность жизни до 75 лет к 2025 г. и 78 лет к 2030 г., а продолжительность здоровой жизни, соответ-

ственно, до 63 и 68 лет. Тем самым будет восстановлена основная целевая установка социально-экономического развития страны — сохранность народа.

5. Структурные реформы и переход к планированию обеспечат стране долгосрочное процветание

Первоочередная и главная реформа касается собственности. Следовало бы провозгласить частную собственность основой рыночной экономики России и объявить, как в других странах, неприкосновенной и священной. На страже ее должны стоять все органы государственной власти. В настоящее время предприятия и организации, подчиненные государству, производят 71% всего ВВП, а частные иностранные и смешанные предприятия — только 29%. Между тем в 2003 г., когда была завершена массовая кампания по приватизации, доля частной собственности была расширена до 65%, а государственная собственность сужена до 35%. Из этих 35% консолидированный бюджет и внебюджетные госфонды занимали 25%. К 2010 г. их доля поднялась до 40%, а потом немного спустилась и сейчас составляет 35%. Но резко увеличилась доля крупных концернов и объединений, прямо подчиненных государству: возникли Роснефть и Ростехнология, крупные государственные энергетические компании, остановлена приватизационная реформа в РЖД, и здесь преобладает государственная собственность, появились новые крупные объединения в оборонной промышленности и ряде других отраслей. 74% банковских активов в России принадлежат крупным госбанкам или банкам, подчиненным Центральному банку и другим государственным организациям (типа «Газпромбанк»). При этом около половины всех предприятий и организаций, подчиненных государству, не осуществляют госфункций, а занимаются обычной коммерческой деятельностью, а точнее сказать, самообогащением. Так что предстоит провести массовую приватизацию, оставив в подчинении государства предприятия и организации, производящие до 45% ВВП, сделав превосходящей частную собственность. Эта мера серьезно ускорит наше социально-экономическое развитие из-за более серьезной заинтересованности частных собственников в экономическом развитии, как показывает практика и зарубежных стран, и нашей страны.

Вторая по значимости — комплексная финансовая реформа. Речь идет и о реформе банков, банковской системы с ее переориентацией на задачи социально-экономического развития. Сюда входит налоговая реформа, о которой частично говорилось применительно к подоходному налогу. Но предстоит сделать еще многое: вернуть природные богатства, прежде всего недра, основные массивы земельных участков и леса в собственность государства, которое их будет сдавать в пользование частным собственникам, сосредотачивая в основном в своих руках получаемые рентные платежи. Так сделано в Норвегии применительно к нефтегазовым месторождениям, Саудовской Аравии, странах ОПЕК и ряде других. Целесообразно также со временем сначала в 1,5, а потом вдвое сократить налог с оборота, который в России намного выше, чем в других крупных странах, и является серьезным препятствием для социально-экономического роста, так как удорожает продукцию.

Предстоит в 2–3 раза снизить обязательные социальные взносы с предприятий, заменив их прямым участием населения в оплате из своей зарплаты и доходов половины пенсионных накоплений и оплаты половины страховки по здоровью. Помимо этих реформ нужно провести реформу ЖКХ, переведя всю систему на частную собственность и перейдя на рыночные цены. Предстоит ввести и обязательный налог на недвижимость в размере не менее 1% от стоимости недвижимости,

как это сделано во всех рыночных странах. Сумма этого налога должна поступать в муниципалитеты и стать финансовой основой организации местного гражданского самоуправления.

Эти социальные реформы нужно проводить без снижения реальных доходов населения за счет индексации их заработной платы и других доходов в тех случаях, когда на них возлагается дополнительная оплата по пенсиям, страховке по здоровью и др.

Третья важнейшая реформа касается регионального управления. Речь идет о переводе регионов на самоокупаемость, самофинансирование и самоуправление. После подготовки можно до 70% регионов перевести на эту систему, поскольку их взнос налоговых поступлений в центр намного превышает трансфер из федерального бюджета на поддержку регионов. Необходимость этой реформы связана с тем, что хуже дотационной системы ничего нет, и она не заинтересовывает ни руководство регионов, ни население в социально-экономическом развитии. Так как в случае успеха просто снижаются дотации из госбюджета и люди мало что дополнительно получают. Возможно, для этой цели придется укрупнить ряд регионов, сформировав крупные губернии.

И последнее, самое главное. России, как и любой другой державе, нужны двигатели социально-экономического роста. Таких двигателей в рыночной системе может быть два. Первый — рыночный двигатель в виде рынка капитала и эффективной конкурентной среды. В России из-за ущербности банковской системы, не воспроизводящей длинных денег, и спекулятивного фондового рынка, начиненного короткими деньгами, а также из-за монополизации ряда отраслей государством и олигархическими монополиями конкуренция оказалась подорванной — этот двигатель практически не работает.

И поэтому не случайно, а глубоко закономерно, что за 30 лет новой России ее валовый внутренний продукт увеличился только на 15%, а промышленность еще не достигла до сих пор объемных показателей советского времени.

Второй возможный двигатель — народнохозяйственное планирование, модернизированное применительно к рыночному хозяйству, с широким использованием не столько директивных, сколько индикативных заданий.

Первой страной, где был создан комиссариат планирования, стала послевоенная Франция, которая за четыре пятилетки не просто восстановила разрушенное войной хозяйство, а совершила большой рывок вперед, обойдя даже Англию, которая до этого намного ее опережала по социально-экономическому уровню. «Азиатские тигры», и прежде всего Япония, Китай, Индия, Южная Корея, использовали пятилетние планы. На первых этапах технологического и социально-экономического прорыва плановые задания использовались и контролировались довольно жестко, но по мере продвижения вперед система становилась более мягкой с преобладанием стимулирующих мер и доминирования рыночных отношений. Китай, как известно, начал свою 14-ю пятилетку. Индия несколько лет назад завершила 12-ю пятилетку, добившись крупных результатов. Турция — в настоящее время быстро развивающаяся страна, успешно решает задачи, поставленные 11-м пятилетним планом. А всего 39 стран использовали опыт народнохозяйственного планирования СССР. И странно, что Россия его до сих пор его не использует и с «водой выплеснула и ребенка».

Предлагается начать народнохозяйственное пятилетнее планирование с плана 2021–2025 г., нацеленное на возврат к социально-экономическому росту с ключевыми показателями до 2030 г. Можно показать, и это осуществлено в ряде публикаций, что, если был бы в России народнохозяйственный план, можно было бы избежать стагнации, возникшей на пустом месте и являющейся рукотворным делом разрозненных ошибочных действий по линии бюджета, Центрального банка и крупных корпораций, подчиненных государству. Главная причина стагнации в том, что они разрозненно в течение трех лет, с 2013 по 2015 г., действовали без плана, без целевого развития. Сократили государственные инвестиции в этот период на 31%, в том числе бюджетные на 25%, крупнейшие госкорпорации во главе с Газпромом, РЖД тоже сократили инвестиции в основной капитал примерно на 1/3. Резко снизили объем инвестиционного кредита основные государственные банки. В результате общий объем инвестиций в России по линии предприятий и организаций, подчиненных государству, а это — около половины общих инвестиций, уменьшились на 27%. И несмотря на прирост частных инвестиций в основной капитал на 10% за этот период, общий объем инвестиций в экономике упал на 11%. К тому же в это время шел крупный отток капитала из России, начавшийся в кризис 2008–2009 гг. Это явилось главной причиной возникновения стагнации «на пустом месте» при других благоприятных условиях. И это было за 1,5 года до присоединения Крыма, санкций против России и начавшегося снижения нефтяных цен. Удивительно, что в 2010–2013 гг. наши предприятия и организации заняли с мирового рынка, к которому был свободный доступ, 270 млрд долл. в дополнение к 50 млрд долл. прироста экспорта из-за рекордного подъема нефтяных цен, достигших 110–115 долл. за баррель. Напомню также, что в 2012 г. в России была самая низкая в истории инфляция — 5,1% и самая низкая ключевая ставка ЦБ — 5,5%. Кроме того, мировая экономика и основные страны мира, кроме нескольких европейских стран, в этот период ускоренно развивались. А Россия вдруг после серьезного подъема в 2010–2012 гг. со среднегодовым приростом ВВП 4%, инвестиций в основной капитал — около 9%, реальных доходов — более 3%, оказалась в стагнации, переросшей скоро в рецессию с 10–15% сокращением реальных доходов и потребления.

Если бы в России было планирование, стало бы невозможным при 2-процентном снижении ВВП в период рецессии 2015 г. при нулевом 2014-м и нулевом 2016 году, в эти три года снизить валовые накопления основного капитала на 23,3%, реальные доходы — на 9,6%, розничный товарооборот — на 14,1%, а конечное потребление домашних хозяйств — на 11,3%. И это при небывалом росте в 2015–2016 гг. финансовых результатов от деятельности предприятий и организаций — в 2,4 раза.

Возможности, финансовые средства, высокий уровень человеческого капитала — все это у России есть. Для возобновления социально-экономического роста нужна политическая воля и эффективная организация.

СЕКУЛЯРНАЯ СТАГНАЦИЯ: РЕАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ[1]

SECULAR STAGNATION: REAL PROBLEMS AND STATISTICAL ILLUSIONS[2]

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-156-178

ГЭЛБРЕЙТ К. Джеймс
Член Международного комитета ВЭО России, профессор Школы общественных связей имени Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США)

James K. GALBRAITH
Member of the VEO of Russia International Committee, Professor at the Lyndon B. Johnson School of Public Relations, University of Texas at Austin

Аннотация

Меняющиеся экономические структуры, возрастающая сложность и социальные потребности развитых обществ сделали статистические основы счетов национального дохода и продукта весьма проблематичными в качестве руководства для разработки экономической политики. Дискуссии о «секулярной стагнации» и низком росте производительности основываются на этих проблемных показателях, в том числе на данных изменения цен, используемых для разделения «реальных» от «номинальных» изменений. В этой статье исследуются последствия проблем измерения показателей в контексте роста и сокращения занятости в обрабатывающей промышленности, роста сферы услуг и увеличивающейся потребности в общественных благах, общественных услугах и инвестициях, направленных на обеспечение устойчивости и качества жизни.

Abstract

The changing economic structures, increased complexity and social requirements of advanced societies have rendered the statistical foundations of the National Income and Product Accounts highly problematic as a guide to policy-making. Discussions of "secular stagnation" and low productivity growth are predicated on these problematic measures, including the measures of price change that are used to distinguish "real" from "nominal" changes. This paper explores the consequences for measurement and for policy of the rise of the decline of manufacturing employment, the rise of services,

1 Эссе будет опубликовано в специальном выпуске журнала «Политическая экономия Японии» и используется здесь с разрешения. Автор благодарит Эла Кэмпбелла за полезные комментарии к предыдущей редакции.
2 This essay will appear in a special issue of Japan's Political Economy and is used here with permission. The author thanks Al Campbell for helpful comments on a previous draft.

and the rising need for public goods, public services, and investments aimed at sustainability and at the quality of life.

Ключевые слова Производительность, секулярная стагнация, инфляция, общественные блага, общественные услуги, устойчивость.

Keywords Productivity, secular stagnation, inflation, public goods, public services, sustainability.

Техника — капризное божество, и одно из его любимых занятий — лишать рассудка тех, кто пытается следить за счетами национального дохода и национального продукта. Это никого не должно удивлять. Когда меняются физические и материальные основы человеческого общества, было бы удивительно, если бы статистические правила, придуманные столетие назад во времена Великой депрессии и мировой войны, не устарели вместе со всем тем, для измерения чего они предназначались.

Выражение «вековая стагнация» вызывает воспоминания о середине прошлого века, когда ВНП был молод, а его рост был новообретенным маяком в мире экономической политики. Вскоре после того, как Хансен [1] впервые выступил в поддержку этой концепции, Вторая мировая война устранила массовую безработицу. Учение Джона Мейнарда Кейнса поставило покупательную способность — общую сумму расходов домохозяйств, предприятий и правительства — в центр этого достижения. Страх заключался в том, что вместе с послевоенной демобилизацией вернутся старые страхи и привычка к пессимизму и чрезмерной экономии, что усугубит сокращение государственных расходов и вызовет новую депрессию. Учитывая эту возможность, в 1945 году Конгресс США принял Закон о занятости, определяющий «максимальное производство, занятость и покупательную способность» в качестве основных целей экономической политики и в качестве мандата для двух новых структур — Совета экономических консультантов в исполнительном аппарате Президента США и Объединенного экономического комитета Конгресса США.

Соединенные Штаты той эпохи были лидирующей промышленной державой в мире, и статистический аппарат национальных счетов создавался с учетом этой реальности. Объем производства рассматривался в первую очередь как продукт промышленной системы, поставляемый на внутренний рынок. США импортировали некоторые товары и экспортировали некоторое современное оборудование, такое как самолеты и станки, но в основном как капитальные, так и потребительские товары производились и продавались внутри страны. При полной загрузке мощностей рост объема производства был результатом сочетания увеличения производственных мощностей и новых технологий; рост производительности был обусловлен увеличением объема производства относительно необходимых трудозатрат. Национальный объем производства измерялся в долларовом выражении как сумма окончательных расходов на товары и услуги или, что эквивалентно, как сумма доходов, полученных от их производства и распределения. Но был и усложняющий момент: цены на определенные товары и услуги могли меняться, и это внесло бы элемент искажения в оценку непостоянного объема производства.

Чтобы получить показатель, свободный от влияния ценового фактора, требовалось дефлятирование с помощью взвешенного индекса цен на единицу продукции. Это было достигнуто путем выбора начальной «корзины» товаров и анализа изменений цен на эти товары от года к году. Таким образом появилась статистическая хитрость для измерения роста «реального производства» и, следовательно, степени достижения «максимального производства». Занятость, в свою очередь, колебалась в зависимости от «циклов» спроса, запасов, использования производственных мощностей и инвестиций в бизнес, при этом правительство выступало в качестве балансира и страховки от непредвиденных обстоятельств.

Ключевым элементом измеримости в этой системе был потребительский рынок товаров отечественного производства, как длительного, так и краткосрочного пользования. На нем можно было из года в год регистрировать цены на сырьевые товары, которые менялись мало (если вообще менялись), и в итоге получать данные о «реальном росте», вокруг которых, как казалось, вращалась судьба всей экономики. На практике первоначальные корзины были ограничены несколькими сотнями различных товаров и продуктов, относительный вес которых в корзине менялся не часто. Этот процесс известен как бенчмаркинг (сравнительный анализ), однако он сделал более поздние оценки изменения цен несовместимыми с более ранними. Верно и то, что эти показатели были противоречивыми, особенно потому, что они использовались для корректировки стоимости жизни в соглашениях об оплате труда и пенсиях. Лейбористы посчитали оценки заниженными; бизнес был склонен думать, что они завышены; соответственно, предполагаемые оценки реального роста были бы ниже или выше официальных данных. Тем не менее преобладало впечатление правдоподобия, даже несмотря на то, что специалисты и аспиранты знали, что не существует ни удовлетворительной единой формулы для расчета индексов, ни соответствующих данных в качестве основы для расчетов, даже если бы такая формула существовала.

Кроме того, эти расчеты плохо подходили для публичного и коммерческого секторов, в отличие от потребительского. В публичном секторе не существует показателя объема производства, отличного от затрат на него. Экономическая мера реальной стоимости деятельности публичного сектора, или государственного служащего, — это денежная величина, израсходованная на такую деятельность, или же заработная плата соответствующего лица. Цены не участвуют в расчетах, и количества не могут быть скорректированы с учетом изменения цен. В коммерческих инвестициях может иметь место рыночная сделка между продавцом и покупателем капитальных товаров. Но каждая отдельная сделка является «уникальной» — нет двух одинаковых фабрик, а технологии меняются от одного инвестиционного проекта к другому, — так что измерение цен на инвестиционные товары в целом по своей сути затруднительно. Но поскольку внутреннее потребление товаров было доминирующей экономической активностью, в то время эти трудности не казались слишком большими или непреодолимыми.

Начиная с 1970-х годов и во все большей степени в последующие десятилетия несовершенная, но функциональная система постепенно приходила в упадок. Доля отечественного производства потребительских товаров в занятости и добавленной стоимости в США сокращалась, при этом убытки были связаны с волнами деиндустриализации, спровоцированными рецессиями и высокими процентными ставками, ростом производительности труда, аутсорсингом и изменением потребительских

привычек и структуры спроса по мере роста доходов и смещения домохозяйств по кривой Энгеля в сторону не только более высоких материальных требований, но и других структур расходования. Соответственно, доля расходов на приобретение материальных благ сократилась, тогда как расходы на здравоохранение и высшее образование выросли, равно как на путешествия и досуг.

Между тем разнообразие товаров, доступных домохозяйствам, также увеличилось благодаря инновациям, товарной диверсификации и социальному расслоению, поэтому функционально схожие продукты, от автомобилей до одежды, домов и бытовой техники, стали доступны по самым разным ценам. Эта дестандартизация материального производства в странах с высоким уровнем доходов представляет собой неразрешимую проблему для специалистов по экономической статистике, занимающихся измерением цен. Проще говоря, стандартного автомобиля, холодильника, кроссовок или делового костюма больше не существует. То же можно сказать и о таких продовольственных товарах, как хлеб, овощи, сыры и мясо; стратификация наступает повсюду, поскольку производители адаптируют свои товары к уровню доходов и запросам различных классов потребителей. Здравоохранение и особенно высшее образование — крайние случаи одного и того же явления. У статистиков есть свои процедуры для таких вопросов; проблема в том, что процедуры по сути произвольны, потому что не существует такой вещи, как «истинное» повышение цены базового товара.

Рассмотрим обычную чашку кофе, которая традиционно продавалась в США за четверть доллара и которую до сих пор можно сварить дома за несколько центов. Но кофейни предлагают удивительное разнообразие фирменных напитков с причудливыми названиями по цене от трех до пяти долларов в разных вариантах объема, а в продуктовом магазине можно найти десятки брендов, смесей и сортов кофейных зерен, как органических, так и обычных, по самым разным ценам за фунт для приготовления дома в кофемашинах, которые могут стоить сотни или даже тысячи долларов. «Цена чашки кофе» стала бессмысленным выражением, как и цена почти любого потребительского товара, за исключением, пожалуй, бензина, природного газа, электричества и водопроводной воды. Более того, цены будут варьироваться в зависимости от места продажи, от Dunkin' Donuts до Starbucks и не только. Короче говоря, акт приобретения с целью потребления превратился в акт представления, статуса и развлечения, реальная ценность которого для потребителя неотделима от цены.

Капитальные товары не входят в индексы цен на потребительские товары, но у них также есть цена, и в этой области вопросы еще более сложны. По крайней мере, до 2000 года на экономику США приходилась значительная доля мировых производственных мощностей некоторых из наиболее передовых инвестиционных товаров, включая аэрокосмическую технику, информационные технологии, передовые фармацевтические препараты, вооружения и энергию [2]. В этих секторах изменения цен измеряются (если они вообще измеряются) путем ретроспективной корректировки после измерения падающих затрат для заданных технических возможностей, таких как производительность микрочипа или пассажировместимость самолета. Это влечет *постфактум* корректировку «реального» объема выпуска в сторону увеличения и, следовательно, рост производительности. Но эффект может быть эфемерным, поскольку в то же время может наблюдаться падение доли данного сектора в общих расходах. Например, если более эффективный процесс требует меньшей площади

завода и, следовательно, меньших капитальных затрат или если цена машин, способных выполнять определенные задачи, снижается по мере совершенствования технологий миниатюризации и управления, совокупные затраты, необходимые для достижения определенной производственной мощности, могут снизиться. Таким образом, время от времени периодическая корректировка контрольных показателей может снижать долю технически динамичных секторов в совокупных расходах и их вес в экономике в целом. Это особенно заметно применительно к электронике, — и этот эффект может быть значительным в экономической отчетности Японии и США. В крайнем случае, по мере того как рост производительности в данном секторе приближается к бесконечности, доля этого сектора в ВВП падает до нуля, и после периодического сравнительного анализа статистика не сможет зафиксировать никаких изменений. Влияние оптоволоконных кабелей на стоимость передачи информации и, как следствие, на доставку чертежей архитекторам, фильмов домохозяйствам, новостей и рекламы общественности является примером этого явления в реальной жизни.

На другом конце спектра экономической активности явление, подобное тому, что имеет место в публичном секторе, еще больше способствует размыванию измеряемого роста производительности. В отношении большинства базовых услуг не существует ни значительного изменения производительности, ни значительного изменения цен. Более высокая цена, которая означает соответственно более высокую оплату труда поставщика, может наблюдаться. Но это рассматривается как улучшение качества и, следовательно, увеличение как реальных затрат, так и реального производства в секторе услуг. Этот процесс ускоряется по мере того, как клиентура сектора услуг становится богаче — оперные певцы и рок-звезды вносят больший вклад в реальную стоимость ВВП, чем уличные музыканты, какими бы талантливыми они ни были. Но отношение измеренного производства к измеренным затратам остается постоянным и равно или близко к единице, и поэтому производительность считается неизменной. Массовое превращение уличных музыкантов в див увеличило бы измеряемый реальный объем производства в музыкальной индустрии, но не увеличило бы измеряемую производительность в секторе производства музыки.

Финансы — это крайний случай высокооплачиваемых услуг, маскирующихся под реальное производство. Ранее считавшиеся промежуточными затратами — и поэтому не учитываемые отдельно в счетах производства — финансовые услуги теперь рассматриваются как фактическое производство [3]. Но помимо продажи финансовых услуг, оцениваемых по денежной стоимости, никакого производства нет. Хищничества крупных банков, сосредоточенных в США и Великобритании из-за асимметрии международной валютно-финансовой системы, которая сама является продуктом хищнической денежно-кредитной политики, имперского наследия и мировых структур власти, рассматриваются как приращение реального дохода соответствующих стран. Когда банки терпят крах, считается, что измеренный реальный объем производства сократился, но опять же без изменения производительности труда.

Таким образом, как представляется, одновременно имеют место следующие явления:

- широкая диверсификация потребительских товаров, делающая измерение изменения потребительских цен практически бессмысленным даже на скромных уровнях агрегирования;
- падающая доля коммерческих инвестиций в ВВП из-за удешевления передовых инвестиционных товаров и уменьшения потребности в физических помещениях

для удовлетворения потребностей в офисных помещениях, торговых площадях и производственных цехах;

- рост доли личных и финансовых услуг, учитываемых как реальное производство по их входной стоимости и, следовательно, без измеряемого роста производительности;
- переход (в США) измеряемой доли традиционных потребительских товаров от внутреннего производства к импорту благодаря офшорингу.

Рост доли импорта отрицательно сказывается на росте ВВП. Когда все эти силы действуют одновременно, измеряемый рост выпуска обязательно будет сходиться к измеряемому росту основных затрат, в частности труда, причем качество труда определяется по заработной плате. Измеренный уровень инфляции будет сдерживаться сокращением доли стандартных товаров, цены на которые можно фактически измерить во времени, наряду со структурной тенденцией считать рост затрат на услуги увеличением реального объема производства, а не изменением цен.

В этих условиях колебания занятости в значительной степени регулируются колебаниями задолженности домохозяйств. В хорошие времена домохозяйства берут деньги взаймы, их расходы растут более быстрыми темпами, создаются рабочие места для удовлетворения возросшего спроса на услуги, а наблюдаемые темпы роста производства увеличиваются. Рост долга можно продлить, снизив процентную ставку, чтобы долг рефинансировался, а не погашался. Однако кризис неизбежен, поскольку домохозяйства не могут бесконечно наращивать свой долг. Кризисы сопровождаются дефолтами и банкротствами, но еще больше — паузой в накоплении новых долгов и движением в сторону погашения уже существующих. Этот процесс разворачивается с мультипликативным эффектом на занятость, пока существующие домохозяйства не почувствуют, что их финансовое благополучие восстановлено, и не появятся новые домохозяйства с чистыми балансами и готовностью перепустить цикл. С каждым подъемом, особенно в нынешнюю эпоху информации, внедряются новые трудосберегающие технологии, поэтому рабочие места возвращаются очень медленно, а структура новых рабочих мест постепенно и неумолимо смещается в сторону чистых услуг.

Томпсон [4] показал тесную связь увеличения доли «стагнирующих услуг» в общей занятости со снижением измеряемой инфляции в целом ряде развитых стран. С этим тесно связано хорошо известное отставание *медианной* заработной платы от измеренного показателя *среднего* роста производительности труда. Основной проблемой в данном случае является изменение состава рабочих мест, соответствующее росту доли услуг и изменению баланса между полами, возрастом, этнической принадлежностью и иммиграционным статусом у работающего населения. По мере того, как доля занятых в сфере услуг и рабочих мест, занятых женщинами, представителями других рас и молодежью — все они, как правило, получают заработную плату ниже медианной, — растет, медиана смещается влево. Измеренная *средняя* производительность, напротив, хотя и замедляется из-за роста доли стагнирующих услуг, по-прежнему определяется развитием обрабатывающей промышленности, где номинальный объем производства может быть дефлирован ценой и где почти все занятые получают заработную плату выше средней. Независимо от того, получают эти работники выгоду от роста производительности или нет, изменения в их положении не влияют на медианное значение.

Гэлбрейт [5] классифицировал данные о заработной плате по отраслям и секторам в США в 1958–1992 годах по сходству в изменении заработной платы с тече-

нием времени. В результате структура оплаты труда американцев и, следовательно, экономической активности в США была разделена на три отдельные группы. Ими стали «K-сектор», включающий наукоемкие передовые отрасли, где заработная плата быстро растет из-за конкуренции за сотрудников со узкими техническими навыками; «C-сектор», в основном промышленное производство и тесно связанные с ним услуги (например, автосалоны и автопроизводители), где заработная плата зависит от переговорной силы работников; и «S-сектор» общих услуг, где заработная плата остается привязанной к минимальным социальным нормам. Разница в закономерностях изменений между этими тремя секторами в значительной степени является источником увеличения неравенства в оплате труда в США. И по мере того, как доля рабочих мест в S-секторе растет настолько, что медианный работник оказывается именно в нем, медиана стагнирует, несмотря на то что излишек, возникающий вследствие роста производительности в двух других секторах, выплачивается в основном работникам (и, конечно, менеджерам и руководителям) в этих секторах.

На этом этапе тенденция к более медленному измеряемому росту усугубляется еще одной проблемой. По мере того, как страна становится более богатой, фиксированные затраты на детей повышаются, контроль над воспроизводством становится более эффективным и, как следствие, рождаемость снижается. Этот эффект усугубляется психологией нестабильности в S-секторе, где необходимо несколько источников дохода для поддержания уровня жизни, характерного для среднего класса, и решение для многих людей состоит в том, чтобы отложить деторождение, во многих случаях вплоть до полного отказа от него. Таким образом, рождаемость оказывается зажатой между определенностью крупных финансовых обязательств в будущем и снижением уверенности в способности финансировать эти обязательства. Когда инвестиции, рост населения и занятости, а также измеряемый рост производительности замедляются, по определению замедляется и рост общего объема производства, за исключением того незначительного обстоятельства, что рост заработной платы в сфере услуг рассматривается как представляющий более высокие темпы производства в секторе. В данном случае иммиграция становится основным источником чистого прироста населения. Но иммиграция хотя и необходима для обеспечения растущей рабочей силы, необходимой для богатой, ориентированной на услуги экономики, в действительности снижает среднюю производительность работника, поскольку иммигранты, как и другие новые участники рынка труда, в основном получают рабочие места с самой низкой заработной платой. Это реванш «вековой стагнации», которую действительно описал и которой опасался Хансен.

Но это призрачный реванш. Если инвестиции сокращаются из-за того, что новые технологии экономят капитал, в чем проблема? Если рост производительности замедляется из-за того, что в экономической деятельности преобладают услуги, в которых нетрудовые затраты минимальны, о чем беспокоиться? Если экономика растет за счет привлечения иммигрантов, в то время как коренное население, — которое изначально богаче, — считает нужным радоваться жизни, а не воспроизводить потомство, в чем проблема? В конечном итоге, в демократической стране это будет означать рост иммигрантов как политической силы, но разве какое-либо общество (и, в частности, американское) когда-либо страдало от этого? Хотя нестабильность является важной проблемой, это проблема не производства или производительности, а стабильности и социального страхования.

Даже при отсутствии внутреннего производства потребительских товаров рост заработной платы в сфере высокотехнологичных услуг *тем не менее* означает более высокие реальные доходы тех, кто работает в секторе услуг, и, следовательно, в среднем по стране в целом. Мы видим это в изобилии потребительских товаров, к которым обычные американские домохозяйства имеют легкий доступ, и в том факте, что они тоже тратят все большую часть своих доходов на услуги. В свою очередь, Соединенные Штаты сохраняют относительно небольшой сектор передовых отраслей для продажи капитальных товаров, новых технологий, высокотехнологичных услуг и оборонных технологий остальному миру — этого никогда не бывает достаточно для приведения внешнеторговых счетов в равновесие. В этом случае реальная заработная плата и способность американцев жить достаточно хорошо зависят от готовности внешних поставщиков продолжать продавать потребительские товары в обмен на единицы национальной валюты, государственный долг и другие активы страны-покупателя, оцениваемые по текущему валютному курсу. Можно подумать, что это условие трудновыполнимо; однако пока нет свидетельств того, что Соединенные Штаты сталкиваются с серьезными трудностями с его выполнением.

Популярным «решением» «проблемы» вековой стагнации является призыв к государственным инвестициям в инфраструктуру, исследования и разработки, а также в образование и профессиональную подготовку [6]. Заявленная цель данной программы, и в частности целевых призывов к «промышленной политике», заключается в повышении производительности и глобальной конкурентоспособности американской промышленности и, таким образом, в сокращении торгового дефицита, не подрывая при этом покупательную способность американского доллара.

Тем не менее эта деятельность не способствует увеличению измеряемых темпов роста производительности. Напротив. Как нерыночные расходы, государственные инвестиции, государственные расхода на НИОКР и государственное образование оцениваются для целей ведения национальных счетов по исходным затратам. И хотя они, безусловно, создают рабочие места, доходы и, следовательно, вносят вклад в рост производства, увеличение доли этих видов деятельности в экономике неизбежно должно *угнетать* измеряемые темпы роста производительности в экономике в целом. Эффект, вероятно, невелик, но в краткосрочной перспективе он направлен противоположно желаемому направлению развития. В НИОКР наблюдается двойной эффект: в той мере, в какой данная деятельность приводит к снижению затрат и, следовательно, цен на передовые инвестиционные товары, — что часто является целью НИОКР, — они могут способствовать *дальнейшему* сокращению будущей доли наиболее передовых секторов в общем объеме производства. А когда работа над определенным объектом инфраструктуры завершена, конкурентоспособность промышленности — стоимость ведения бизнеса — также меняется незначительно. Это связано с тем, что затраты на транспортировку (в частности) составляют незначительную часть затрат на производство, а убытки, связанные (например) с плохим состоянием дороги или ветхим мостом, обычно являются незначительным элементом затрат на транспортировку. Другими словами, если какой-либо существенный производственный бизнес отчаянно нуждается в улучшении общественной инфраструктуры, он может либо лоббировать создание нужной инфраструктуры, либо обеспечить себя ею самостоятельно.

Цели и достижения государственных инвестиций — в исторической и сравнительной перспективе — имеют мало общего с ориентированной на бизнес мантры

«глобальной конкурентоспособности». Системы водоснабжения и канализации Парижа, Лондона и Нью-Йорка (и других городов мира) были построены в первую очередь из соображений общественного здравоохранения, что принесло впечатляющие результаты, поскольку болезни, передаваемые через воду, оказались под надежным контролем. Электроэнергия пришла в Техас-Хилл-Кантри (и другие места) в первую очередь, чтобы облегчить тяготы сельской жизни. Метро и эстакады заменили конную тягу и связанную с ней грязь на улицах города. Парки и библиотеки существуют, чтобы привнести в город красоту и культуру. Университеты — это, прежде всего, центры образования и науки, а не «профессиональной подготовки». Очевидные проблемы страны заключаются не в нехватке автомобилей, калорий или видеоэкранов, а в сокращении гарантированных рабочих мест, оплачиваемых пенсий, стоимость здравоохранения, деградация городской среды и упадок публичных услуг. Тем не менее лучшая жизнь, которая является результатом продуманной и тщательно поддерживаемой физической среды и хорошо поставленных социальных услуг, нигде не отражается в показателях текущего объема производства или статистике производительности.

Читатель вполне может воскликнуть: «Так что хорошего в измеряемом росте производительности?» Ответ таков: абсолютно ничего в том мире, в котором нам приходится жить. Также было бы неразумно восстановить рост производительности — и выйти из «вековой стагнации» — путем реконструкции производства потребительских товаров, в котором в настоящее время доминируют развивающиеся экономики Азии. Учитывая продемонстрированные преимущества азиатских производственных систем, этого можно достичь только за счет исключения этих продуктов, строительства избыточных и, вероятно, менее совершенных производств и повышения цен на готовую продукцию.

Другими словами, роста производительности можно добиться, переместив отправную точку *назад,* а затем наверстывая упущенное. Безусловно, для этого есть причины в определенных случаях, когда необходимо срочно поддержать внутренние производственные мощности в чрезвычайных условиях, например мощности по производству медицинских масок в начале 2020 года. Бывают также случаи, когда технологии или запоздалое признание рисков, связанных с попытками интегрировать длинные цепочки поставок, не оправдывают экономии — это, по-видимому, верно в отношении современных коммерческих самолетов. Но реальность такова, что релокализации в крупных масштабах не произойдет, пока глобальные цепочки поставок остаются открытыми, и ее будет мучительно трудно достичь за короткий промежуток времени, если существующие глобальные цепочки поставок вдруг окажутся под ударом. Более того, не очевидно, что возрожденные отечественные отрасли производства потребительских товаров, возрожденные за защитным барьером, смогут снизить свои издержки до мирового конкурентоспособного уровня при любых вероятных будущих условиях. Потребители, имеющие доступ к глобальной информации, вряд ли будут бесконечно довольствоваться уступающими местными заменителями по высокой цене, если только человеческая природа не изменилась с последних дней не очень-то оплакиваемой Германской Демократической Республики.

По причинам, указанным Эриком Райнертом [7], для страны с ограниченными передовыми промышленными возможностями имеет смысл защищать «неконкурентоспособную» промышленную базу, поскольку урбанизированная промышленная

система является основой среднего класса и возможности демократического политического развития. Это имеет смысл для России, столкнувшейся с политическими угрозами цепочке поставок. Для развитых стран, таких как Япония и США, ситуация более проблематична. Потребителей в таких странах нельзя отгородить от остального мира, и любая попытка сделать это будет восприниматься ими как посягательство на их уровень жизни, а не как защита их занятости. Это также будет воспринято поставщиками из стран с низким уровнем доходов как удар по перспективам экономического развития.

Что же делать?

Каким же путем идти богатым странам? Целью цивилизованного общества является в основном повышение качества жизни как таковой — построение устойчивого общества на базе богатого. Это означает поддержание и развитие тех секторов, которые позволяют стране оплачивать свои потребности, включая науку, технологии, устойчивую энергетику, высшее образование, медицину и здравоохранение. Это означает борьбу с внутренним неравенством, которое обусловлено технологическими и социальными характеристиками, создаваемыми этими секторами в качестве вызовов социальной стабильности и демократической легитимности. Это означает борьбу с изменением климата, социальной нестабильностью и упадком городской среды. Но при отсутствии острой и постоянной необходимости возвращение к неинтегрированной национальной производственной экономике, когда-то разрушившей основы ее процветания, не является реалистичным вариантом.

Во-первых, к настоящему времени очевидно или должно быть очевидно, что использование счетов национального дохода и продукта для определения феномена медленного роста при низкой производительности в качестве «вековой стагнации» нецелесообразно. Система счетов учета должна уйти. Или, по крайней мере, экономистам следует прекратить овеществлять ее артефакты, как если бы они были реальными экономическими явлениями. Для этого необходимо переобучение экономистов природе и правильному применению экономической статистики, если не в этом поколении, то в следующем.

Во-вторых, должно быть широко признано, что улучшение качества жизни может не повлечь за собой изменений или даже повлечь снижение уровня *экономической* активности. Не все нужно покупать и продавать. Высококачественные общественные блага, в том числе качество окружающей среды, парки, культурный опыт, не говоря уже об улучшениях в области здравоохранения, могут вызвать переход от рыночного к нерыночному потреблению, повышая благосостояние при снижении «экономической» активности. Полное использование современных средств связи при нулевых приростных затратах, сокращение количества поездок на работу, использования офисных помещений, авиаперелетов и продукции других ресурсоемких отраслей — все это может снизить экономическую активность при одновременном повышении благосостояния. Пандемия преподала уроки некоторых изменений, которые могут углубиться по мере наступления постпандемийного периода.

В-третьих, было бы хорошо заново узнать историческую правду о том, что необходимые улучшения в инфраструктуре, образовании, здравоохранении и подобных областях служат в первую очередь для повышения качества жизни и защиты от таких угроз, как пандемии и изменение климата. Они не являются исходными ресурсами в производственном процессе. Основные потребности в области инфраструктуры обязательно связаны с потребностями городской среды, включая восстановление

деградирующих центральных районов, а также транспортных и энергетических сетей, связывающих города воедино. Не говоря уже о больницах, поликлиниках и системах распределения вакцин, природа которых как общественного блага стала очевидной в прошлом году. Те элементы инфраструктуры, которые наиболее необходимы для сугубо коммерческой деятельности — например, порты и аэропорты, ориентированные на грузовые перевозки, и грузовые железнодорожные линии — по всей видимости, прекрасно создаются и поддерживаются корпоративным сектором для собственных нужд. Задача *публичного сектора* в области инфраструктуры преимущественно заключается в обеспечении о*бщественного благосостояния*, а не конкурентоспособности частных предприятий.

Поскольку эта публичная функция требует все большей доли труда и дает растущую долю доходов, возникает вопрос: откуда взять ресурсы? Этот вопрос состоит из двух элементов: один относится к государственным доходам, а другой — к использованию человеческих и физических ресурсов.

Что касается государственных доходов, мы знаем — и меры реагирования на пандемию очень убедительно это показали, — что правительство такой крупной развитой экономики, как США, может добиться многого, просто выписывая чеки. Но мы также знаем — по впечатляющему росту цен на землю и капитальные активы, который в результате произошел, — что влияние такого подхода на общество заключается в концентрации финансового и реального богатства в руках уже богатых. Несмотря на то что законы «Об оказании помощи и экономической безопасности в связи с распространением коронавирусной инфекции» (CARES) и «О чрезвычайных мерах по экономическому восстановлению» (HEROES) обеспечивали нуждающихся средствами к существованию, они (и Федеральная резервная система) обеспечили гораздо более крупный прирост капитала богатым. Каким должен быть ответ? Конечно, нужно обложить накопления налогом. Самый эффективный способ сделать это — обложить налогом недвижимость, которую нельзя переместить или спрятать. Но другие формы собственности также потенциально могут облагаться налогом по гораздо более высоким ставкам, включая права на полезные ископаемые и права интеллектуальной собственности — ренту от патентов и монополистических прав. Таким образом общество может контролировать и даже обращать вспять тенденцию новых отраслей и технологий к концентрации богатства и власти.

Второй вопрос — где найти реальные ресурсы, необходимые для увеличения инвестиций в предоставление общественных благ. В основном рабочая сила будет привлекаться из существующих служб, потому что именно там в настоящее время занято большинство работников. Специалисты в области инженерии и проектирования должны будут привлекаться из экспертных сообществ, где в настоящее время сосредоточены такие специалисты, в основном в оборонной промышленности, в многонациональных корпорациях и в коммерческом строительстве. Следовательно, необходимая промышленная политика не должна быть направлена на создание конкурентоспособных отраслей на экспортных рынках; скорее, она должна обеспечивать крупномасштабное планирование и внедрение в сферах преобразования энергии, экологических услуг, реконструкции городской среды и т.д. Проблема обеспечения всего населения потребительскими товарами по стабильным ценам — столь критическая в военное время — не кажется большой проблемой.

Кроме того, не должно быть никаких сожалений по поводу предоставления гарантированной работы с умеренным прожиточным минимумом всем желающим.

Вклад гарантированной работы [8] в снижение нестабильности [9] и предоставление общественных услуг, опять же, неизмерим, но жизненно важен для общего благосостояния. Дальнейшее усиление социального страхования, особенно в области здравоохранения и поддержки пожилых людей, также остается незаметным для статистики производительности, но жизненно важно для социального благополучия.

Самый серьезный риск исходит от хищнических финансистов и разжигателей конфликтов — в основном гражданских лиц, не вовлеченных в боевые действия, — которые в лучшем случае отвлекают реальные ресурсы на бесполезные цели, а в худшем угрожают разорвать сложные сети, на которые опирается вся мировая экономика. По этой причине перед Соединенными Штатами стоит непростая задача найти новую базу для своего положения в мире, поскольку двум опорам, преобладавшим в эпоху после холодной войны, — финансам и военной мощи — почти наверняка суждено утратить свое значение и потенциал в грядущие годы. Глобальные финансы оказывают дестабилизирующее влияние и тормозят рост и развитие в долгосрочной перспективе. Вооруженные силы, в свою очередь, устарели и не могут эффективно проецировать в многополярном мире, как показал американский опыт в Афганистане и Ираке. Сокращение финансовой отрасли и военно-промышленного комплекса имеют важное значение для перераспределения материальных, технических и управленческих ресурсов в секторы, которые работают над вызовами будущего, включая изменение климата и совершенствование здравоохранения. США не единственная страна, столкнувшаяся с такой проблемой, но она, безусловно, относится к богатым странам, будущее которых находится под наибольшей угрозой из-за доминирования крупных финансовых и оборонных компаний в экономической жизни.

Очевидно, что преобразования в предлагаемых масштабах столкнутся с препятствиями, выходящими за рамки противостояния укоренившихся и корыстных интересов и взглядов тех, кто считает, что Соединенные Штаты должны управлять миром с помощью военной силы и денег, а также тех, кто которые считают, что для прибыли корпораций необходима безработица. Мирная, процветающая и устойчивая экономика будет иметь более низкую норму прибыли, более низкую норму возврата инвестиций и более стабильное и более равное распределение богатств, чем та, которая существует в настоящее время. Он будет поддерживаться гораздо более широким присутствием кооперативных, некоммерческих и общественных форм экономической организации, чем в настоящее время. Для этого, как отмечалось выше, потребуется эффективное налогообложение основных средств, особенно стоимости земли, прав на полезные ископаемые и прав интеллектуальной собственности, чтобы способствовать экономике эффективного использования ресурсов и справедливого распределения.

Эти меры противоречат некоторым *мифам* американского правительства и еще больше господствующим мифологиям экономического сообщества. Но этим мифологиям и поддерживаемым ими структурам власти нужно противопоставить исторические данные и вызов, который, прежде всего, является вызовом глобальному моральному лидерству, стран и целых регионов, основанных на других принципах и демонстрирующих их возможности. Во время холодной войны, столкнувшись с альтернативной моделью СССР, американские лидеры приняли вызов доминирующих идеологий и социальных структур своего времени и разработали

функциональные институты, программы и политику, чтобы предложить миру альтернативные решения, которые не только казались, но и на самом деле были более эффективными. Не очевидно, что Запад сохраняет интеллектуальную и политическую гибкость, требуемую обстоятельствами настоящего. Но первый шаг — определить, каковы эти обстоятельства на самом деле.

Идет ли речь о социализме? Социал-демократии? Социальной рыночной экономике? «Всеобъемлющей социализации инвестиций» и «эвтаназии *рантье»* Кейнса? Идеологическая подоплека этих обозначений делает их непригодными для современного использования. В полемических целях американец может воспользоваться проверенными образами первоначального Нового курса, который охватывал весь спектр по-прежнему необходимых материальных инвестиций и мер социального обеспечения, включая сохранение и пользование окружающей средой, в соответствии с пониманием этих проблем в то время. Этот всеобъемлющий дух прагматических экспериментов и действий — то, что нам нужно сейчас, — и он не помещается в смирительную рубашку современной экономической статистики. Если и когда дела пойдут на поправку, прогресс может измеряться улучшением здоровья, увеличением долголетия, счастья, снижением нестабильности, бездомности, самоубийств, передозировок наркотиков и насилия, а также прогрессом в направлении социальной справедливости, экологической устойчивости и равенства как в возможностях, так и в результатах. При непредвзятом подходе к этим целям, рост валового внутреннего продукта и его корреляты, такие как темпы роста производительности, наряду с концепцией «вековой стагнации», смогут уйти на заслуженный покой.

***

Technology is a savage God, and one of Her favorite games is to mess with the minds of those who try to follow the National Income and Product Accounts. This should surprise no one. When the physical and material underpinnings of human society are changing, it would be astonishing if the statistical conventions invented a century back to deal with Depression and world war did not obsolesce alongside everything they were designed to measure.

The phrase “secular stagnation,” evokes a moment in the middle of the last century, when GNP was young and its growth was the newly-christened guiding spirit of economic policy. Shortly after Hansen [1] first argued for the concept, the Second World War had banished mass unemployment. The teachings of John Maynard Keynes had placed purchasing power — the sum total of spending by households, businesses and government — squarely at the center of this achievement. The fear was that with postwar demobilization, old fears and habits of pessimism and over-saving would return, compounding the fall of public spending and precipitating a renewed depression. It was against this prospect that in 1945 Congress passed the Employment Act, stipulating “maximum production, employment and purchasing power” as the central goals of economic policy and as the mandate for two new entities, the Council of Economic Advisers in the executive office of the President and the Joint Economic Committee of the United States Congress.

The United States of that era was the world's dominant manufacturing and industrial power, and the statistical apparatus of the national accounts was established with this reality in view. Output was preeminently the output of the industrial system as brought to the domestic market. The US imported some commodities and exported some advanced machinery — such as aircraft and machine tools — but by-and-large

both capital and consumption goods were manufactured and sold in-country. At full utilization the growth of output was a combination of increased capacity and new technology; productivity growth was the increase of output in relation to the labor required to produce it. National output was measured in dollar terms as the sum of final expenditures on goods and services, or equivalently as the sum of incomes earned in their production and distribution. But there was a complicating factor: prices for given goods and services could change, and these would introduce an element of distortion in the assessment of changing production.

To achieve a measure free of the influence of changes in prices, deflation by a weighted index of unit prices was required. This was achieved by choosing an initial "basket" of goods, and surveying the changes in prices for those goods from one year to the next. In this way a complex statistical contraption arose to measure the growth of "real production" and therefore the extent to which "maximum production" was being achieved. Employment in turn fluctuated with "cycles" in demand, inventories, capacity utilization and business investment, with the government acting as a balance-wheel and guardian against disaster.

The linchpin for effective measurability of this system was the consumer market for domestically-produced goods, both durable and non-durable. Here one could proceed from year to year, recording prices on commodities that changed little (if at all), and so coming out in the end with a report of "real growth" around which economic fortunes seemed to turn. In practice, the initial baskets were limited to a few hundred distinct commodities and product types, and their relative weights in the basket were changed only infrequently, a process known as benchmarking, which however rendered later estimates of price change inconsistent with earlier ones. It was also true that the measures were controversial, especially as they were used for cost-of-living adjustment in wage contracts and pensions. Labor thought the estimates were too low; businesses tended to think they were too high; correspondingly the implied estimates of real growth would have been lower or higher than the official reports. Still, a balance of plausibility prevailed, even though specialists and graduate students knew that there existed neither a satisfactory single formula for index numbers nor the appropriate data from which to calculate such an index, if the formula had existed.

Further, it was true that neither government nor the business sector were quite so well-suited as the consumer sector to these calculations. In government, there is no measure of output different from the outlay that pays for it. The economic measure of the real value of a government activity, or that of a civil servant, is exactly the dollar value spent on the activity or the salary of the person involved. Prices do not enter into the calculation and quantities cannot be adjusted for price change. In business investment, there may be a market transaction between the seller and the buyer of capital goods. But each distinct transaction is "bespoke" — no two factories are the same, and technologies change from one act of investment to the next — so that measures of the price of investment goods as a group are inherently problematic. But as domestic goods consumption was the dominant economic activity, these difficulties did not seem overly serious or insuperable at the time.

Beginning in the 1970s, and accelerating through later decades, the flawed-but-functional system has eroded. The share of domestic manufacturing of consumer goods in US employment and value-added declined, with losses attributable to waves of deindustrialization provoked by recessions and high interest rates, to productivity growth,

to outsourcing and to change in consumer habits and patterns of demand as incomes rose and households move out along an Engel Curve to enjoy not only higher material standards but also different patterns of expenditure. Correspondingly, shares in expenditure on purchase of material goods declined, while those devoted health care and to higher education increased, as well as travel and leisure-time services.

Meanwhile, the diversity of goods available to the household also increased, thanks to innovation, product diversification and to social stratification, so that functionally-similar products, from cars to clothing to houses and household appliances, became available at widely-varying price points. This de-standardization of material production in high-income countries poses a lethal challenge to the economic statistician concerned with the measurement of prices. Simply put, the standard car, refrigerator, running shoe or business suit no longer exists. Indeed the same is true even for such food items as bread, vegetables, cheeses and cuts of meat; stratification takes over everywhere, as products are tailored to the incomes and vanity of different classes of consumer. Health care and especially higher education are extreme cases of the same phenomenon. The statisticians have their routines in these matters; the problem is that the routines are essentially arbitrary, because there is no such thing as the "true" increase in the price of the underlying item.

Consider the humble cup of coffee, historically sold in the United States for a quarter-dollar and still today able to be brewed at home for a few pennies a cup. But at a coffee shop, a bewildering variety of strangely-named specialty drinks now sell in the range of three to five dollars, in multiple sizes, while in the grocery store dozens of brands, blends and specialty beans are on offer at widely varying prices per pound, some organic and others not, to be brewed at home in machines that can cost hundreds or even thousands of dollars. The "price of coffee" has become a meaningless expression — as has the price of nearly every consumer item one can think of, excepting perhaps gasoline, natural gas, electricity, and tap water. Moreover, prices will vary according to the location at which the sale is made, from Dunkin' Donuts to Starbucks and beyond. The act of purchasing for consumption, in short, has become an act of performance, of status and entertainment, whose real value to the consumer cannot be separated from the price.

Capital goods do not enter into the price indices for consumer products, but they do have prices and the issues are even more complex in this area. At least up to 2000, the US economy retained a large share of the world's manufacturing capacity for some of the most advanced investment goods, including in aerospace, information technology, advanced pharmaceuticals, armaments and energy [2]. In those sectors, price changes are measured (if at all) by retrospective adjustment, after measurement of falling costs for given technical capacities, such as the speed of a microchip or the passenger capacity of an airplane. This produces a *post hoc* upward adjustment of the "real" output, and hence of productivity growth. But the effect may be ephemeral, since there may be at the same time a falling share of the given sector in total expenditure. For instance, if a more efficient process requires a smaller factory footprint and so less capital expenditure, or if the price of machines capable of certain tasks declines with improved technologies of miniaturization and control, then total expenditure required to achieve a certain productive capacity may decline. So from time to time, periodic benchmark adjustments may reduce the share of technically dynamic sectors in total expenditure, and their position within the whole economy appears to shrink. This is especially noticeable

with electronics — and the effect may be significant in Japanese economic accounts as well as those for the United States. In a *reductio ad absurdam*, as productivity growth approaches the infinite in some sector, the share of the sector in GDP falls toward zero, and after a periodic bench-marking the statistics will fail to register any change. The effect of fiber optic cables on the cost of information transmission, and so on the delivery of blueprints to architects, movies to families, and news and advertising to society at large provides an example of this phenomenon in real life.

At the other end of the spectrum of economic activity, a phenomenon similar to that of the government sector further contributes to the erosion of measured productivity growth. In most basic services there is neither significant productivity change nor significant price change. A higher price, which is *pro tanto* a higher wage to the service provider, may be observed. But it is taken to signify a quality improvement and therefore an increase in both the real inputs and the real outputs of the services sector. This process accelerates as the clientele of the services sector becomes wealthier — opera singers and rock stars contribute more to the real value of GDP than street musicians, however talented the latter may be. But the ratio of measured output to measured inputs remains constant, at or near the value of one, and productivity is therefore considered to be unchanged. A mass conversion of buskers into divas would increase the measured real output of the music industry, but it would not increase measured productivity in the production of music.

Finance is an extreme case of highly-paid service activity masquerading as real output. Formerly treated as an intermediate input — and therefore not counted separately in the production accounts — finance is now treated as though it were actual production [3]. But there is no output apart from the sales of financial services, valued at money cost. The predations of major banks — concentrated in the US and UK by the asymmetries of the international monetary and financial system, itself the product of predatory monetary policies and the former dispositions of empire and global power — are counted as an increment to the real income of these countries, for so long as they last. When they collapse, measured real output is thought to have declined, but again with no change in the productivity of each labor input.

So the following phenomena appear to happen all together:

- a vast diversification of consumer goods, rendering the measurement of consumer price change largely meaningless at even modest levels of aggregation;
- a falling share of business investment in GDP, due to the cheapening of advanced investment goods and a reduction in the need for brick-and-mortar facilities to meet the needs for office space, retail space and factory space;
- a rising share of personal and financial services counted as real output at their input cost and therefore with no measured productivity growth;
- a shift (in the US case) in the measured share of conventional consumer goods from domestic production to imports, thanks to off-shoring.

A rising share of imports has a negative effect on GDP growth. With all of these forces working in tandem, the measured growth of output will necessarily converge toward the measured growth of the principal input, which is the contribution of labor, with quality of work inferred from the wage. And the measured rate of inflation will be held down by the declining share of standard goods whose prices can actually be measured across time, alongside the structural tendency to count increasing costs for services as increases in real output rather than as price changes.

Within this framework, fluctuations around the trend of employment are governed largely by the ebb and flow of household debts. In good times, households borrow, their expenditure grows more rapidly, jobs are created to meet the increased demand for services, and the pace of observed output growth increases. Growth of debt can be prolonged by lowering the rate of interest, so that debts are refinanced rather than repaid. Crises are, however, inevitable as the household sector cannot indefinitely add debt to its balance sheet. Crises are marked by defaults and bankruptcies, but even more by a simple pause in the accumulation of new debts and a move toward paying down those already in existence. This process unfolds, with multiplier effects on employment, until existing households feel their finances restored, and new households emerge with clean balance sheets and a willingness to begin the cycle anew. With each upturn, and especially in the current information age, new technologies are introduced with labor-saving characteristics, so that jobs return only slowly and when they do, the structure of new employment shifts, progressively and inexorably, toward pure services.

Thompson [4] has shown the close relationship of an increasing share of "stagnant services" in total employment to the decline of measured inflation in a wide range of wealthy countries. Closely related is the notorious lag of *median* wages behind the measured rate of *average* productivity growth. A major issue here is the change in the composition of jobs, corresponding to the rise of services and to the change in the gender/age/ethnicity/immigration balance of the working population. As the share of employment in services and of jobs taken up by women, people of color and the young — all of whom tend to be employed at below-median wages — rises, the median necessarily shifts to the left. Measured *average* productivity, by contrast, although slowed by the rise in the stagnant-services share, continues to be driven by developments in manufacturing, where nominal output can be deflated by a price measure and where almost all jobs are paid more than the median wage. Whether those workers get the benefit of their rising productivity or not, the median is not affected by changes in their position.

Galbraith [5] sorted data on pay by industry and sector in the United States, 1958–1992, according to the pattern of similarity in wage change over time. The effect was to resolve the structure of American pay, and so of American economic activity, into three distinct groups. These were a "K-sector" comprising the knowledge-intensive advanced sectors where pay rises rapidly due to competition for employees with specialized technical training; a "C-sector," mostly of manufacturing and closely-linked services (such as car dealerships with automobile manufactures), whose wages depend on the bargaining power of the workforce; and an "S-sector" of generalized services, where wages remain anchored to minimum social norms. The difference in patterns of change between these three sectors is substantially the source of increasing inequality in American pay. And as the proportion of jobs in the S-sector has grown so that the median worker is to be found there, the median will stagnate, even though the surplus generated by productivity growth in the other two sectors is paid out, largely, to employees (and of course to managers and executives) in those sectors.

At this point, yet another issue compounds the tendency toward slower measured growth. As a country becomes wealthy, the fixed cost of having children rises, control over reproduction improves, and so fertility declines. This effect is aggravated by the psychology of precarity in the S-sector, where multiple incomes are now required to maintain middle-class living standards, and the solution for many people is to delay

child-bearing, in many cases to the point of foregoing it altogether. Fertility is thus caught in a double bind, between the certainty of major future financial commitments and a decline in confidence in the ability to meet those commitments. So as investment, population and employment growth and measured productivity growth all decline, so by definition does growth of total output, except to the minor extent that rising wages in services are counted as representing a higher rate of production in the sector. Immigration in that case becomes a major source of net population gains. And yet immigration, while necessary to supply the rising workforce that a wealthy, services-oriented economy demands, actually lowers average output per worker, since immigrants, like other new entrants to the workforce, are largely hired in the lowest-wage occupations. This is "secular stagnation," — as indeed Hansen described and feared it — with a vengeance.

But it is an illusory vengeance. If investment falls because new technologies are capital-saving, why is that a problem? If productivity growth stalls because economic activity is dominated by services, where non-labor inputs are minimal, why should one worry? If an economy grows by attracting immigrants, while the incumbent population — which is wealthier to begin with — sees fit to enjoy life rather than to reproduce, what is the issue? Eventually in a democratic system this will mean the rise of immigrants as a political force, but what society (and in particular, the United States) has ever been diminished by that? While precarity is an important problem, it is not a problem of production or productivity, but of stability and of social insurance.

Even with no domestic production of consumer goods, rising pay (wages and salaries) in the high-end services *nevertheless* represent higher real incomes for those working in the services sector, and so on average for the country as a whole. We know this from the profusion of consumer goods to which ordinary American households have easy access, and from the fact that they too spend an increasing fraction of their incomes on services. In return the United States maintains a relatively small sector of advanced industries to sell capital goods, new technologies, high-end services and military protection to the rest of the world — never enough to bring the trade accounts into balance. The real wage and the ability of Americans to live tolerably well depends, in that case, on the willingness of external suppliers to continue to sell consumer goods in exchange for the national currency units, public debt and other assets of the purchasing country, valued at the prevailing exchange rate. One might imagine that this condition would be difficult to meet; however, there is no evidence yet that the United States is encountering major difficulties in meeting it.

A popular "solution" to the "problem" of secular stagnation is to call for public investments in infrastructure, research and development, and in education and training [6]. The stated goal of this program, and for that matter of the more precisely targeted calls for "industrial policy," is to increase productivity and the international competitiveness of American industries, and so to reduce the trade deficit while not eroding the international purchasing power of the dollar.

Yet these activities do nothing to increase the measured rate of productivity growth. On the contrary. As non-market expenditures, public investment, public R&D and public education are valued for national accounting purposes at their input cost. And while they certainly create employment, incomes and therefore contribute to economic output, expanding the share of these activities in the economy must necessarily *depress* the measured rate of productivity growth in the economy as a whole, while the work

is underway. The effect is probably not very large, but it does not run, in the short-term, in the supposedly desired direction. In research and development there is a double effect: to the extent that such activities succeed in reducing the costs and therefore the price of advanced investment goods — which is often precisely the point of the research — they may work to *further* reduce the future share of the most advanced sectors in total output. And when the work on some bit of infrastructure is complete, in general, industrial competitiveness — the cost of doing business — is also not much affected. That is because the costs of transportation (in particular) are a minor part of the costs of production, and the losses associated with (say) an ill-maintained road or rusting bridge are, generally, a negligible element of the cost of transportation. To put it another way: if any substantial productive business is in desperate need of an improved public amenity, it can (and does) generally either lobby for its provision or take such steps as are necessary to provide for itself.

The goals and achievements of public investment — in historical and in comparative perspectives — are quite different from the business-oriented mantra of "international competitiveness." The water and sewer systems of Paris, London and New York (and everywhere else) were installed in the first instance for reasons of public health, with spectacular effects as waterborne diseases came under control. Electrical power came to the Texas Hill Country (and everywhere else) first and foremost to relieve the hardships of country life. Subways and elevated rails broke the hold of the horse, and the associated filth, on the streets of the city. Parks and libraries exist to bring beauty and culture to the city. Universities are above all, centers of learning and of science, not of "training." The evident problems of the country are not a shortage of cars, calories or video screens, but the decline of secure jobs, paid-for retirements, the cost of health care, the decay of the built environment and the perpetual squeeze on and decline of public services. Yet the better life that results from a properly designed and well-maintained physical environment and well-delivered social and human services appears nowhere in measures of current output, or the productivity statistics.

At this point, the exasperated reader may well exclaim, "so what good is measured productivity growth?" The answer: it's no good at all in the world in which we have come to live. Nor would it be smart to restore productivity growth — and exit from "secular stagnation" — by reconstructing the manufacture of consumer basics presently dominated by the rising economies of Asia. Given the demonstrated advantages of the Asian production systems this can be achieved only by excluding those products, building redundant and likely inferior facilities, and paying a higher price for the final goods.

One can have productivity growth, in other words, by moving the starting point *backward,* and then moving to catch up. There are, to be sure, reasons to do this in certain cases where it is urgent to maintain a domestic production capacity for emergency purposes, as the world learned from shortages of face masks in early 2020. There are also cases where the technologies or a belated recognition of the risks of trying to integrate production across long supply chains do not justify the savings — this appears to be true of advanced commercial aircraft. But the reality is, relocalization will not happen on a large scale so long as the global supply chains remain open, and it will be wrenchingly difficult to achieve in any short period of time if the present global supply chains fail. Moreover, it is not obvious that, once set up behind a protective barrier, the revived domestic consumer-goods industries can bring their costs down to world-competitive levels under any plausible future conditions. Consumers with access

to global information are unlikely to content themselves indefinitely with inferior local substitutes at high cost, unless human nature has changed since the late days of the not-very-greatly-lamented German Democratic Republic.

For reasons given by Erik Reinert [7], it makes sense for a country with limited advanced industrial capacity to protect a "noncompetitive" industrial base, since an urbanized industrial system is the foundation of a middle class and of the possibility of a democratic political order. It makes sense for the case of Russia, faced with political threats to the supply chain. For advanced countries like Japan and the United States, the situation is more problematic. Consumers in such countries cannot be walled off from the wider world, and any attempt to do so will be experienced by them as an attack on their living standards, rather than as protection of their employment. It will also be experienced by their suppliers, from low-income parts of the world, as a blow to the prospects for economic development.

What is to be done?

In the rich countries, then, what is the way forward? The objective for a civilized society is mainly to enhance the quality of life itself — to build a sustainable society on the foundation of a wealthy one. This means maintaining and building on those sectors that permit the country to pay its way in the world, including science, technology, sustainable energy, higher education, medicine and health. It means dealing with the internal inequalities that the technological and social characteristics that those sectors throw up as challenges to social stability and to democratic legitimacy. It means coming to grips with climate change, social precarity and urban blight. But absent dire and enduring necessity, moving back to a non-integrated national manufacturing economy, once having destroyed the foundations that once existed for such an economy to flourish, is not a realistic option.

In the first place, it is or should be obvious by now that the use of the National Income and Product Accounts to identify a low-growth, low-productivity growth phenomenon as "secular stagnation," is not a viable exercise. The accounting system should go. Or at least, economists should cease to reify its artifacts as though they were real economic phenomena. For this purpose, a general re-education of economists to the nature and proper uses of economic statistics appears essential, if not for this generation then for the next one.

Second, there should be a wide recognition that better quality of life may entail no change in, or even reduced, *economic* activity. Not everything needs to be bought and sold. High quality public amenities, including environmental quality, parks, cultural experiences, not to mention effective improvements in public health, may induce a shift from market to non-market consumption, increasing well-being while reducing "economic" activities. The full use of advanced communications at zero marginal cost, the reduction of commuting, in the use of commercial office space, in air travel and other resource-intensive sectors, all may reduce economic activity while increasing welfare. The pandemic has given lessons in some of the changes that may be deepened as the post-pandemic era takes hold.

Third, it would be well to relearn the historical truth that needed improvements in infrastructure, education, health care and similar areas serve primarily to enhance the quality of life and to protect against threats such as pandemics and climate change. They are not primarily inputs to the production process. The largest needs in the infrastructure field are necessarily urban — they involve rebuilding the decaying core

of cities and towns, as well as the transportation and energy networks that tie them together. Not to mention, the hospitals, clinics, and distribution systems for vaccines whose essential nature as public goods has become inescapable in the past year. Those elements of infrastructure most necessary for strictly commercial activity — ports and cargo-oriented airfields, for instance, and freight rail lines — appear to be well-provided by the corporate sector for its own use. The job of the *public sector* in the area of infrastructure is overwhelmingly to support the *public welfare*, not the competitiveness of private enterprise.

As these public activities take up an increasing share of labor and produce an increasing share of incomes, the question arises: where are the resources to come from? This question has two elements: one relating to public revenue, the other to the underlying deployment of human and physical resources.

With respect to public revenue, we know — and the pandemic response has underlined with great force — that the government of a large advanced economy such as the United States is, can do a great deal by the simple device of writing checks. But we also know — from the spectacular run-up in land and capital asset prices that has resulted — that the effect on society of this approach is to concentrate financial and real wealth in the hands of the already wealthy. Even as the CARES and HEROES Acts provided income to the needy, they (and the Federal Reserve) provided vastly more massive capital gains to the wealthy. The appropriate response? It is surely to tax the accumulations. The most efficient way to do that is to tax property in land, which cannot be moved or hidden. But other forms of property are also potentially taxable at much higher rates, including mineral rights and "intellectual property" — the rents from patents and from monopolistic control. In this way society can control and even reverse the tendency of new industries and technologies to concentrate wealth and power.

The second issue is where to find the real resources required to increase investment in the provision of public goods. In the main, labor will be drawn from existing services, because that is where most people are presently employed. The engineering and design talent will have to come from the expert communities that presently employ those individuals, substantially in military-related industries, in multinational corporations and in commercial construction. The requisite industrial policy is therefore not one aimed at competitive industries in export markets; it is rather one capable of large-scale design and implementation in the spheres of energy transformation, environmental services, urban reconstruction and the like. The problem of providing the whole population with consumption goods at stable prices — so critical in wartime — does not appear to be a major difficulty.

Further, there should be no compunction about providing a guaranteed job, at a modest living wage, to all who wish one. The contribution of a guaranteed job [8] to the reduction of precarity [9] and to the provision of public services are, once again, unmeasured, yet vital contributions to the general welfare. Further strengthening of social insurance, especially in health care and old age supports, are also invisible to the productivity statisticians but vital to social well-being.

The most potent risks come from predatory finance and from the warmongers — mostly civilians without combat exposure — who drain real resources to useless purposes at best, and at worst threaten to tear apart the intricate webs supporting the global economy as a whole. For this reason, the United States faces an ultimate challenge in finding the new foundations of its world position as the two predominant ones

in the post Cold War era — finance and the military — are almost certainly destined to lose their capacity and their cachet in the years ahead. Global finance is a destabilizing influence and a drag on growth and development in the long run. The military, for its part, is obsolescent and cannot project power to positive effect in a multipolar world, as professional soldiers have learned from the American experiences in Afghanistan and Iraq. Downsizing finance and downsizing the military-industrial complex are essential to shifting material, technical and managerial resources into sectors that work to meet the challenges of the next generation, in dealing with climate change and in advancing public health, to take two of the most obvious examples. The US is not the only country facing such a challenge, but it is by far the case, among rich countries, whose future is most endangered by the ill-fated dominance of big finance and armaments in its economic life.

It is obvious that a transformation on the scale here suggested faces obstacles that go beyond the opposition of entrenched and vested interests and the contrary views of those who believe that the United States must rule the world through military muscle and monetary chicane, as well as those who think a margin of unemployment necessary to corporate profits. Much more deeply, the peaceful, prosperous and sustainable economy here advanced will be one with a lower rate of profit, a lower rate of return on investment, and a more stable and more equal distribution of wealth than the one that presently exists. It will be sustained by a much greater presence of cooperative, non-profit and public forms of economic organization than at present. And to get there, as noted above, will require effective taxation of fixed assets, notably land-value, mineral rights, and intellectual property, to foster an economy of efficient resource use and fair distribution.

These measures run against the specific *mythos* of American government, and even more against the dominant mythologies of the economics profession. But, against those mythologies and the power structures they support one has to place the historical record and the ongoing challenge, which is above all a challenge to moral leadership in the world, of countries and entire regions operating on different principles and demonstrating what is possible. In the Cold War, faced with the alternative model of the USSR, American leaders confronted the dominant ideologies and social structures of their day and came up with functional institutions, programs and policies to present — to the world — alternatives that not only appeared to be superior, but actually were. It is not obvious that the West retains the intellectual and political flexibility required by the circumstances of the present. But a first step is to state what those circumstances actually are.

Is this socialism? Social democracy? The social market economy? Is it Keynes's "comprehensive socialization of investment" and "the euthanasia of the *rentier*"? The ideological freight of such labels makes them unsuited to present-day use. For polemical purposes, an American can go with the tested imagery of the original New Deal, which encompassed the full spectrum of physical investments and social welfare measures that remain necessary, including conservation and environmental management as those issues were understood at that time. This comprehensive spirit of pragmatic experimentation and action is what we need — and they cannot be fitted into the straitjackets of our economic statistics. If and when things begin to move, progress may be measured, by improvements in health, longevity, happiness, the reduction of precarity, homelessness, suicide, drug overdoses and violence, and progress toward

social justice, environmental sustainability and a decent measure of equality in both opportunity and results. With open-minded attention to these goals, the growth of gross domestic product and its correlates, such as the rate of productivity growth, along with the concept of "secular stagnation," may be gracefully retired.

Библиографический список / References

1. *Hansen, A. H. "Economic Progress and Declining Population Growth," American Economic Review, Vol. XXIX, No. 1, Part 1, 1–15, March, 1939.*
2. *Adler, D. and Breznitz, D. "Reshoring Supply Chains: A Practical Policy Agenda," American Affairs, Vol IV, No. 1, 6–17, Summer 2020.*
3. *Assa, J. and Kvangraven, I. H., "Imputing Away the Ladder: Implications of Changes in GDP Measurement for Convergence Debates and the Political Economy of Development," New Political Economy, January, 2021.*
4. *Thompson, D. "Stagnant Services and the Gradual Disinflation of Advanced Economies," Structural Change and Economic Dynamics, 2021 (forthcoming).*
5. *Galbraith, J. K., Created Unequal: The Crisis in American Pay, New York: Free Press, 1998.*
6. *Summers, L. H. "The Age of Secular Stagnation," http://larrysummers.com/2016/02/17/the-age-of-secular-stagnation/ February 17, 2016. Accessed April 25, 2021.*
7. *Reinert, E. "Globalization in the periphery as a Morgenthau Plan: the underdevelopment of Mongolia in the 1990s," in Erik S. Reinert, ed., Globalization, Economic Development and Inequality: An Alternative Perspective, Cheltenham: Edward Elgar, 157–214, 2004.*
8. *Tcherneva, P. The Case for a Job Guarantee, New York: Polity, 2020.*
9. *Azmanova, A., Capitalism on Edge: How Fighting Precarity can Achieve Radical Change without Crisis or Utopia, New York: Columbia University Press, 2020.*

Контактная информация/Contact information

Школы общественных связей имени Линдона Б. Джонсона
Техасского университета в Остине (США)
Lyndon B. Johnson School of Public Affairs
The University of Texas at Austin
P.O. Box Y
Austin, TX 78713-8925
+1-512-471-3200 / galbraith@mail.utexas.edu

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
МАЭФ-2021

Пленарные конференции
27 мая 2021 г.

В разделе представлены материалы спикеров пленарных конференций, которые состоялись на центральных площадках МАЭФ-2021:

- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
- Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
- Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова
- Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова

Пленарная конференция МАЭФ-2021 «Альтернативы социально-экономического развития российского общества»

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

АГЕНТНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНКУРЕНЦИИ И КОЭВОЛЮЦИИ FINTECH И REGTECH2 В ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ ЭКОСИСТЕМЕ: ЭФФЕКТ ЧЕРНОЙ КОРОЛЕВЫ

AGENT MODELING OF COMPETITION AND CO-EVOLUTION OF FINTECH AND REGTECH2 IN THE GLOBAL FINANCIAL ECOSYSTEM: THE RED QUEEN EFFECT

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-183-188

ИЛЬИНСКИЙ Александр Иоильевич
Научный руководитель факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д.т.н., профессор

Alexander I. ILYINSKY
Academic Supervisor of the Faculty of International Economic Relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor

Аннотация

В статье рассматривается конкуренция и коэволюция FinTech и RegTech2 в глобальной финансовой экосистеме методами эволюционной экономики. Построена простая агентная модель на платформе NetLogo и показано возникновение технологических колебаний и «гонка технологических вооружений» регуляторов и участников системы в результате коэволюции и соперничества двух технологических групп, известный как «эффект черной королевы».

Abstract

This paper examines the competition and co-evolution of FinTech and RegTech2 in the global financial ecosystem using the methods of evolutionary economics. A simple

agent-based model is built on the NetLogo platform and the emergence of cycles of technological dominance in the ecosystem is shown. The paper also discusses the “technological arms race” of regulators and system participants as a result of the co-evolution and competition of two technology groups, known as the red queen effect.

Ключевые слова Глобальная финансовая экосистема, FinTech, RegTech2, эволюция, агентное моделирование.

Keywords Global financial ecosystem, FinTech, RegTech2, evolution, agent-based modeling.

Бурное развитие цифровых финансовых технологий и сервисов в результате глобальной цифровизации, резкого роста числа потребителей финансовых услуг за счет инклюзивности сектора и расширения трансграничных операций связано с возникновением новых финансовых рисков и угроз. Функционирование финансовой экосистемы приводит к возникновению, обработке, трансформации и хранению огромных объемов цифровых данных. Под большими данными будем понимать набор структурированных или неструктурированных данных, размер которого значительно превышает объем широко распространенных коммерческих баз данных, обеспечивающих их захват, хранение, обработку и анализ. Так, только одна Western Union обслуживает 70 миллионов клиентов на всех континентах, совершает около 30 операций в секунду, проводит ежедневно финансовых операций на сумму $79 млрд и генерирует при этом большие данные объемом более 200 терабайт [1]. Необходимость работы с большими данными приводит к поиску и использованию инновационных цифровых финансовых технологий (FinTech) для повышения эффективности финансовых трансакций и снижения их стоимости. Высокие риски при создании финтех-приложений привели к возникновению специализированной организационной формы бизнеса — финтех-стартапов.

Следует отметить большое число возникающих финтех-стартапов во всех регионах мира. Так, согласно [2], было зарегистрировано только в феврале 2021 года 10605 стартапов в Америке, 9311 стартапов в регионе EMEA[1] и 6129 стартапов в регионе APAC[2]. Рост финтех-стартапов обуславливает разработку и увеличение числа существующих финтех-приложений и разнообразие финансовых цифровых платформ растет. При анализе эволюции финансовых технологий [3], которые образуют цифровые платформы, выделяют три основные финтех-волны, или направления:

- Развитие мобильных платежей и управление активами.
- Развитие технологий распределенного реестра (блокчейн-технологии) и возникновение феномена криптовалют.
- Развитие технологий искусственного интеллекта и методов глубокого обучения.

Каждая волна включает большое число более простых финансовых технологий, внедрение которых обеспечивает *изменчивость* экосистемы, передача технологии другим элементам экосистемы обеспечивает *наследственность* изменений, а широкое распространение и вытеснение ими устаревших технологий может рассматриваться как *выживание наиболее приспособленных* элементов технологий в финансовой экосистеме. Таким образом, постоянное появление и распростране-

1 *Европа, Ближний восток, Африка.*
2 *Азиатско-Тихоокеанский регион.*

ние новых технологических компонентов финансовых цифровых платформ приводит к *возникновению мутаций* финансовой экосистемы, что, в свою очередь, ведет к проявлению новых эмерджентных свойств (*признаков*) экосистемы. Возможные долгосрочные последствия мутаций финансовой экосистемы и возникающие в этих процессах новые глобальные риски остаются неизвестными. Так, развитие цифровых финансовых технологий, которые обеспечивают анонимность пользователей, получили самое широкое распространение при легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем и финансировании терроризма [4].

Существующая глобальная финансовая экосистема при определенных условиях может проявлять неустойчивость и приводить к огромным финансовым потерям участников системы [5]. Это требует соблюдения правил ответственного поведения участниками финансовой экосистемы. Определение этих правил, мониторинг операций поставщиков и потребителей финансовых услуг, наказание нарушителей осуществляется финансовыми регуляторами — центральными банками, налоговыми службами и другими государственными агентствами надзора. В мировой финансовой экосистеме наблюдается устойчивый тренд усиления регулирования и надзора, а также роста объемов информации, передаваемой участниками органам регулирования и надзора. Регулирование и надзор требуют от участников финансовой экосистемы выполнения широкого спектра работ по мониторингу, отчетности и комплаенсу, которые требуют дополнительных ресурсов, увеличивают издержки и несут правовые и репутационные риски. Для повышения эффективности процессов по регулированию и надзору и снижения издержек контроля провайдеры финансовых услуг используют цифровые платформы регуляторных технологий (RegTech), которые являются специализированным подмножеством семейства FinTech. Таким образом, RegTech позволяет снизить издержки регулирования и обеспечивают гибкость и скорость предоставления и преобразования форматов данных, предоставлять регулятору информацию в формате больших данных. Отметим, что Банк России опубликовал документ «Основные направления развития технологий SupTech и RegTech на период 2021–2023 годов» [6]. Обработка огромных массивов неструктурированных данных требуют использования цифровых платформ регуляторных технологий для регулятора и в интересах органов регулирования и надзора, которые получили наименование RegTech2. Использование устаревших технологий обработки данных будет препятствовать регуляторам активно противодействовать финансовым преступлениям, уклонению от налогов, действиям по отмыванию денег и финансированию терроризма в случае использования финансовыми преступниками более совершенных технологий FinTech. Развитие FinTech и RegTech2 тесно связано друг с другом, возникающие финансовые технологии конкурируют между собой и в случае более совершенных технологий RegTech2 регуляторы имеют технологическое преимущество над участниками рынка, которые в целом соблюдают финансовые комплаенс-процедуры. В этом состоянии продолжается развитие FinTech-платформ, в результате технологическое отставание участников рынка постепенно будет преодолено и достигнуто доминирование FinTech в экосистеме. В случае технологического отставания регуляторов и доминирования FinTech над RegTech2 участники рынка получают возможность безнаказанно нарушать установленные комплаенс-процедуры и при этом не имеется технологической возможности это определить и зафиксировать. Это создает мотив для регуляторов совершенствовать регуляторные технологии, в результате чего регуляторы через

некоторое время опять получают технологическое доминирование в глобальной финансовой экосистеме. Таким образом, технологическое соперничество и цифровое неравенство регуляторов и участников рынка приводит к коэволюции FinTech и RegTech2 и возникновению временного цикла технологического доминирования в глобальной финансовой экосистеме. Возникновение технологических колебаний в глобальной экосистеме и «гонка технологических вооружений» FinTech и RegTech2 возникает в результате коэволюции и соперничества двух технологических групп и описывается в литературе как «эффект черной королевы» [7].

Для концептуального анализа процесса конкуренции и коэволюции технологий в глобальной финансовой экосистеме воспользуемся методами эволюционной экономики, предложенными Нельсоном и Уинтером [8], и агентного моделирования в интегрированной среде разработки NetLogo [9]. Агентная модель конкуренции технологий состоит из популяции FinTech-агентов и популяции RegTech2-агентов численностью NF и NR соответственно. Для описания агрегированной конкурентоспособности технологий будем использовать понятие витальности [10]. Каждый агент имеет уровень витальности VF для FinTech агента и VR для RegTech2 постоянный на протяжении жизни агента. Уровень витальности для агента внутри каждой популяции является случайной величиной, которая имеет нормальное распределение. Каждый агент из двух популяций имеют координаты и случайно перемещаются в пространстве технологий по прямоугольной сетке. Каждый период времени происходит переход агента в соседний узел технологической сетки независимо от перемещений других агентов. При попадании двух агентов классов FinTech и RegTech2 в один узел технологического пространства между ними происходит взаимодействие, результат которого определяется уровнями витальности агентов VF и VR по следующему правилу естественного отбора для технологий:

- Если VF < VR, то FinTech-агент погибает.
- Если VF > VR, то RegTech2-агент погибает.

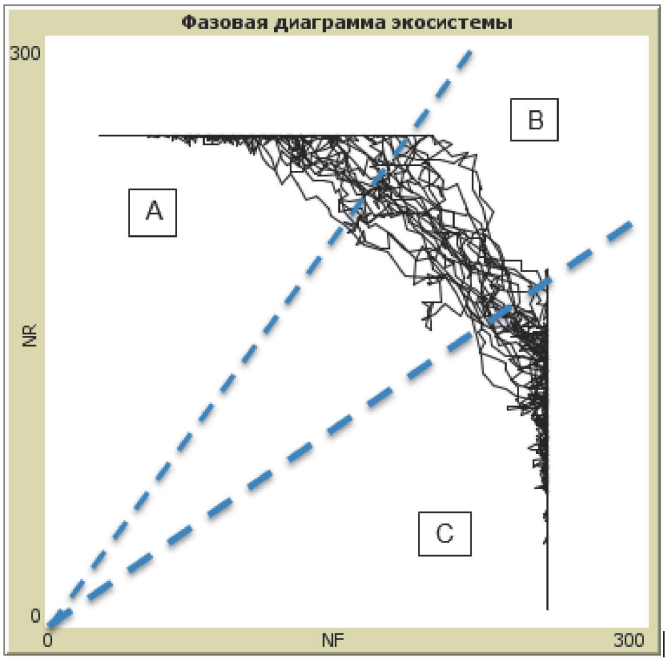

Рисунок 1. Фазовый портрет динамики численности компонент технологий FinTech и RegTech2.

Расчет для случая (NF_{max} + NR_{max}) = 500; P = 0,05; VF_{in} = VR_{in} = 50; sigma (VF) = sigma (VR) = 1. Расчеты 500 временных шагов динамики.

Если размеры популяции не превосходят максимально допустимых, то на каждом переменном шаге с вероятностью P каждый агент может породить нового агента-потомка того же типа с уровнем витальности, который определяется как случайная величина, распределенная по нормальному закону со средним значением, равным уровню витальности агента-родителя. Таким образом, размеры популяции агентов FinTech и RegTech2 стохастически меняются, низковитальные технологии при взаимодействиях FinTech и RegTech2 погибают, высоковитальные выживают, дают потомство, что ведет к постоянному росту уровня витальности в рассматриваемой модели. Модель была реализована на агентно-ориентированном языке программирования NetLogo и были проведены численные эксперименты в технологическом пространстве цифровых финансовых платформ. На рис. 1 показаны траектории численности FinTech-агентов и RegTech2-агентов. Следует отметить стохастичность траекторий, их изломанность, что существенно затрудняет прогнозирование будущего технологического развития глобальной финансовой экосистемы. Однако на рис. 1 хорошо видно, что агрегированная фазовая диаграмма финансовой экосистемы может быть разделена на три области: зона A соответствует доминированию RegTech2-решений, зона B описывает неустойчивый этап развития технологий при отсутствия доминирования, а в зоне C наблюдается доминирование FinTech-решений, что делает работу финансовых регуляторов неэффективной в этом случае.

Проведенные расчеты показали, что в рассматриваемой модели наблюдался устойчивый рост витальности агентов двух типов во время прогонов с темпом роста около 0,047 за временной шаг. Конкуренция и коэволюция FinTech и RegTech2 приводят к взаимному постоянному усилению взаимного сдерживания противодействующих технологий, что является ярким проявлением «эффекта черной королевы». Однако при этом точное равновесие по средней витальности агентов двух популяций на каждом временном шаге не достигается. Нарушение «грубого» равновесия FinTech и RegTech2 приводит к необратимому переходу глобальной финансовой экосистемы к состоянию финансовой анархии или диктатуры регулятора.

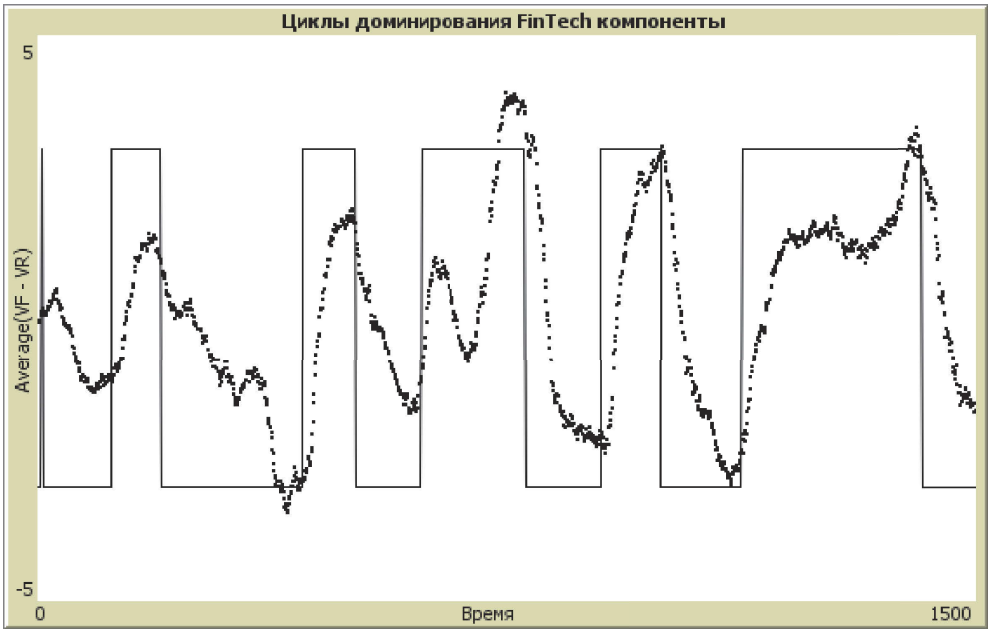

Рисунок 2. Динамика усредненной разности витальности агентов (точки) и циклы доминирования FinTech компонент (сплошная линия).

На рис. 2 показана динамика усредненной разности витальности агентов FinTech и RegTech2. При устойчивом росте средней величины (VF — VR) наблюдается доминирование FinTech-решений и неэффективность работы глобальных регуляторов. И наоборот, при снижении средней величины (VF — VR) эффективность работы регуляторов увеличивается и RegTech2-решения начинают играть доминирующую роль в функционировании глобальной финансовой экосистемы.

Для дальнейшего анализа технологической конкуренции в глобальной финансовой экосистеме, на наш взгляд, было бы полезно рассмотреть влияние разнообразия существующих технологий на динамику системы.

Библиографический список / References

1. *Meglena Kuneva. Think Big: Data and The Future of Finance. WANdisco. 2018 https://wandisco.com/assets/bltb89c9bf0c814416a/ThinkBig_DataFutureofFinance. pdf*
2. *Number of Fintech startups worldwide 2021 https://www.statista.com/statistics/893954/number-fintech-startups-by-region/*
3. *Palmié, M., Wincent, J., Parida, V., & Caglar, U., (2020). The evolution of the financial technology ecosystem: an introduction and agenda for future research on disruptive innovations in ecosystems. Technological forecasting and social change 151. https://doi.org/ 10.1016/ j. techfore. 2019.119779*
4. *Louise Malady, Ross Buckley and Douglas Arner. Developing and Implementing AML/CFT Measures using a Risk-Based Approach for New Payments Products and Services. June 2014. SSRN Electronic Journal · January 2014 DOI: 10.2139/ssrn. 2456581*
5. *Jon Danielsson. Global Financial Systems: Stability and Risk. http://www.globalfinancialsystems.org / Published by Pearson 2013 Version 7.0, January 2021*
6. *Банк России. Основные направления развития технологий SupTech и RegTech на период 2021–2023 годов https://www.cbr.ru/press/event/?id=9801*
7. *Oldham, M. How fast to run in the Red Queen race?. Intell Sys Acc Fin Mgmt. 2018; 25: 28–43. https://doi.org/10.1002/isaf. 1419*
8. *Richard R. Nelson & Sidney G. Winter, 2002. "Evolutionary Theorizing in Economics," Journal of Economic Perspectives, American Economic Association, vol. 16 (2), pages 23–46, Spring.*
9. *Wilensky, U., & Rand, W. (2015). An introduction to agent-based modeling: Modeling natural, social and engineered complex systems with NetLogo. Cambridge, MA: MIT Press.*
10. *Селиванов А.И. Витальный подход в методологических основаниях обеспечения национальной экономической безопасности России. Безопасность бизнеса. № 4, 2019. 3–10 с.*

Контактная информация / Contact information

Финансовый университет при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.
Financial University under the Government of the Russian Federation
49, Leningradsky prospect, Moscow, 125993, Russia.
Ильинский Александр Иоильевич/ Alexander I. Ilyinsky
ailyinsky@fa.ru

ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ВОЗДЕЙСТВИЯ КРИЗИСНЫХ ФАКТОРОВ

INVESTMENT BEHAVIOR UNDER THE INFLUENCE OF CRISIS FACTORS

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-189-195

ДОНЦОВА Олеся Игоревна
Доцент Департамента экономической теории, в.н.с. Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, к.э.н., доцент

Olesya I. DONTSOVA
Candidate of Economic Sci., Associate Professor of the Academic Department of Economic theory, Leading researcher of the Institute for Industrial Policy and Institutional Development, The Financial University under the Government of the Russian Federation

Аннотация

В контексте определения пределов финансовой устойчивости инновационной деятельности, сконцентрированной в территориальных кластерах России, представляется важным определение порядка функционирования механизма принятия инвестиционных решений в условиях кризисных ситуаций. В статье предлагается проанализировать воздействие совокупности нарративов на поведение потенциальных участников инновационных кластеров. В качестве основного объекта анализа используется статистика поисковых запросов Google Trends для России и мира по 11 отобранным ключевым словам или темам.

Abstract

In the context of determining the limits of financial stability of innovation activities concentrated in the territorial clusters of Russia, it is important to determine the order of functioning of the mechanism for making investment decisions in crisis situations. The article proposes to analyze the impact of a set of narratives on the behavior of potential participants in innovation clusters. The main object of the analysis is the statistics of Google Trends search queries for Russia and the world for 11 selected keywords or topics.

Ключевые слова Промышленность, краудфандинг, секьюритизация, инвестиции, управленческие механизмы, прорывное развитие, кластер, Индустрия 4.0, стартап.

Keywords Industry, crowdfunding, securitization, investment, management mechanisms, breakthrough development, cluster, Industry 4.0, startup.

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, особенно на раннем этапе ее распространения, стала драйвером запуска механизмов страха в поведении человека.

Помимо механизма действия психофизиологических реакций сознания потенциального инвестора на процессы принятия им управленческих решений, современное представление о природе инвестиционного поведения имеет проекции на философские и психологические концепции интерактивности и интерпассивности индивидов. Которые предполагают принятие определенных решений под воздействие некоторого набора устойчивых иллюзий и бессознательного переноса части потребностей на других индивидов [1,2].

По мнению Д. Канемана, на процесс принятия индивидами решений, которые лежат в различных плоскостях жизнедеятельности (политика, образование, экономика, быт и т.д.), оказывают существенное влияние связанные истории, состоятельно описывающие определенные паттерны поведения по примеру художественных произведений: романов, фильмов. Согласно Канеману, такого типа истории исходят из подсознательного и существенно влияют на поведение человека и принимаемые им решения. При этом современное информационное окружение индивида, такое как социальные сети, видеоблоги, сайты с непроверенной и зачастую «фейковой» информацией, только усиливают влияние историй на процесс принятия решений человеком (в том числе и инвестиционных). Также на особенности принятия управленческого решения оказывают заметное влияние такие поведенческие особенности, как когнитивные искажения и шум (феномен, когда решение одинаковой задачи дает различные результаты) [3].

Существенный вклад в развитие теории принятия инвестиционных решений внес Р. Шиллер, который развивает концепцию влияния историй на поведения человека. Истории Шиллер объединяет в понятие нарратива, под воздействием которых формируются такие фундаментальные для экономики процессы, как ценообразование на биржевые товары, решение домохозяйств касательно потребления, решения предпринимателей касательно реализации тех или иных инвестиционных проектов и т.д. [4].

В период активного распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 практически имплементировались постулаты мощного инструмента поведенческой экономики — подталкивания. Теория мягкого подталкивания была разработана Р. Талером в соавторстве с К. Санстейном и подразумевает под собой механизм поступательного побуждения индивида к совершению необходимых «подталкивающему» действий [5]. В эксперименте А. Банерджи, Э. Дуфло с соавторами показывается действенность механизма подталкивая на примере побуждения людей из индийского штата Западная Бенгалия к принятию превентивных мер по сдерживанию распространения COVID-19 [6].

Проанализируем воздействие совокупности нарративов на поведение потенциальных участников инновационных кластеров. В качестве основного объекта анализа используем статистику поисковых запросов Google Trends для России и мира по 11 отобранным ключевым словам или темам.

Анализируемые темы (запросы) предлагается сгруппировать в три кластера:

- Запросы, связанные с развитием технологических инноваций:
  - запрос/тема — «стартапы»;
  - запрос/тема — «промышленность»;

- запрос/тема — «Индустрия 4.0»;
- тема — «Наука, технологии, инжиниринг, математика».

■ Запросы, связанные с ожиданием экономического кризиса:

- запрос/тема — «кризис»;
- запрос/тема — «рецессия».

■ Запросы, которые связаны с организацией финансирования инновационных проектов:

- запрос/тема — «инвестиции»;
- запрос/тема — «инвестиционный проект»;
- запрос/тема — «посевные инвестиции»;
- запрос/тема — «краудфандинг»;
- запрос/тема — «секьюритизация».

При выборе для анализа описанных выше поисковых запросов преследовалась следующая логика. Запросы «стартапы», «промышленность», «Индустрия 4.0» и «наука, технологии, инжиниринг, математика» должны отражать реальный интерес общества по указанным темам, показывая тем самым перспективу развития данных направлений в России и в мире.

Запросы «кризис» и «рецессия» призваны отразить опасения общества касательно рисков наступления экономического спада. Данные опасения могут негативно отразиться на инвестиционном потенциале проектов инновационного развития территориальных кластеров.

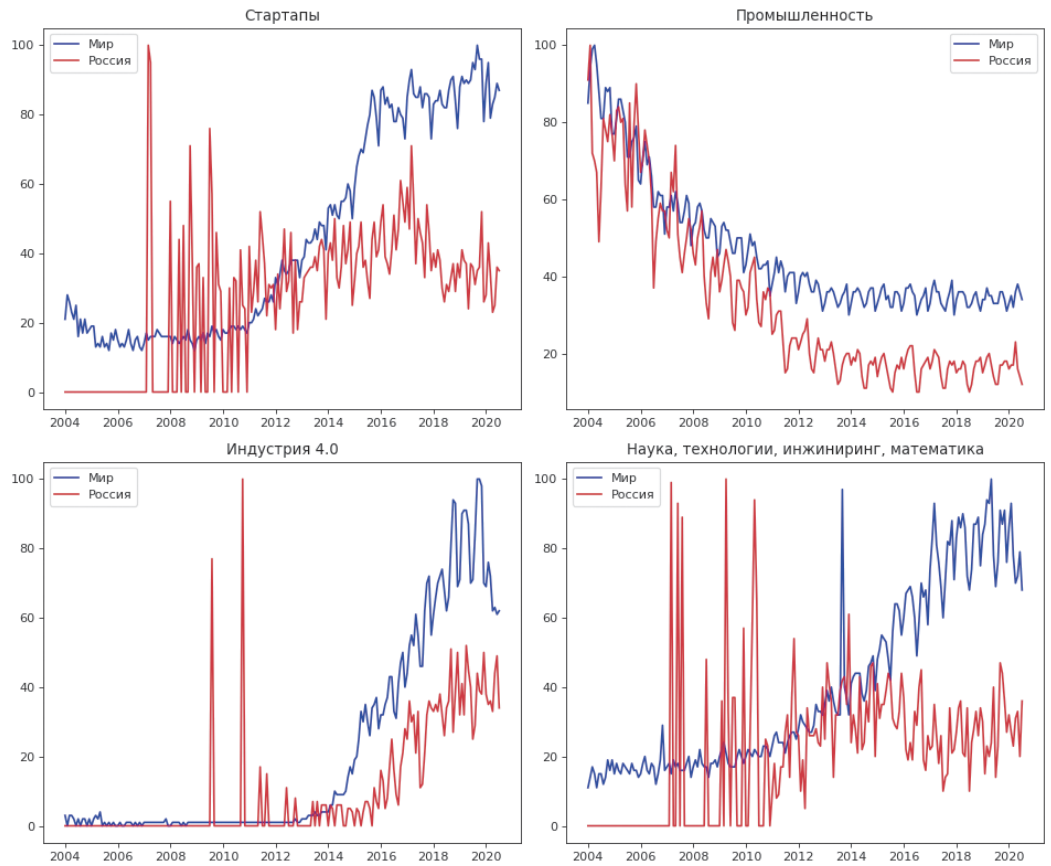

Рисунок 1. Динамика связанных с развитием технологических инноваций поисковых запросов. Источник: Google Trends.

Запросы, которые включают в себя финансовые темы, призваны показать уровень интереса к тем или иным финансовым инструментам и вопросам финансирования в целом.

Оценка популярности запросов Google Trends проводится по шкале от 100 (максимальная популярность запроса или темы) до 0 (крайне низкий интерес к теме запроса).

Запрос «стартапы» призван описать ожидания деловой активности в сфере технологического предпринимательства. В мире наблюдается повышенная активность к развитию технологического предпринимательства, о чем свидетельствует высокие значения поискового запроса «стартап». В России же наблюдается в последние годы снижение интереса к высокотехнологическому предпринимательству — популярность темы «стартап» в последние годы снижается (рис. 1).

Интерес к темам «промышленность» и «Индустрия 4.0» как в России, так и в мире имеет одинаковую тенденцию. Однако и по запросу «промышленность», и по запросу «Индустрия 4.0» интерес в России значительно ниже, чем в остальном мире (рис. 1).

Весьма настораживающим представляется факт, что тенденции поисковых запросов по теме «наука, технологии, инжиниринг и математика» в мире и в России имеют разную направленность. Если в мире популярность столь важных для развития инновационного предпринимательства тем, как «наука, технологии, инжиниринг и математика», находится на крайне высоком уровне, то низкий уровень интереса к аналогичной теме в России вызывает обеспокоенность по поводу перспектив интенсивного развития высокотехнологичных территориальных кластеров в нашей стране (рис 1).

Отраженные в поисковых запросах ожидания экономического кризиса как в мире, так и в России в целом совпадают. При этом примечательным является факт, что ожидания рецессии как отклик на распространение COVID-19 были гораздо сильнее в мире, чем в России.

В контексте поисковых запросов, которые направлены на то, чтобы описать ожидания потенциальных участников рынка относительно перспектив финансирования проектов в инновационно-территориальных кластерах, необходимо отметить следующее. В России, в отличии от остального мира, в последние годы наблюдается крайне низкий интерес к теме «инвестирование и инвестиционный проект». Фактически отсутствует интерес к столь важному инструменту финансирования инновационных проектов на начальном этапе, как посевное финансирование.

Разведочный анализ корреляционных связей по коэффициенту Пирсона в рассматриваемых трендах показал сильные зависимости (корреляция более 0,8) по следующим поисковым запросам:

- для общемировых трендов:
  - «Краудфандинг» и «Наука, технологии, математика и инжиниринг» — 0,82;
  - «Краудфандинг» и «Стартап» — 0,91;
  - «Посевные инвестиции» и «Стартап» — 0,84;
  - «Инвестиционные проект» и «Промышленность» — 0,87;
  - «Инвестиции» и «Промышленность» — 0,89;
  - «Рецессия» и «Кризис» — 0,81;
  - «Наука, технологии, математика и инжиниринг» и «Индустрия 4.0» — 0,93;
  - «Наука, технологии, математика и инжиниринг» и «Стартап» — 0,95;
  - «Индустрия 4.0» и «Стартап» — 0,9;

- для внутренних российских трендов:
  - «Инвестиции» и «Промышленность» — 0,91;

Устойчиво отрицательная корреляция (менее 0,6) наблюдается по следующим поисковым запросам:

- для общемировых трендов:
  - «Краудфандинг» и «Инвестиции» — минус 0,69;
  - «Краудфандинг» и «Промышленность» — минус 0,7;
  - «Наука, технологии, математика и инжиниринг» и «Промышленность» — минус 0,63;
  - «Промышленность» и «Стартап» — минус 0,65.
- для внутренних российских трендов:
  - «Краудфандинг» и «Инвестиции» — минус 0,67;
  - «Краудфандинг» и «Промышленность» — минус 0,67;
  - «Инвестиции» и «Стартап» — минус 0,63;
  - «Промышленность» и «Стартап» — минус 0,64.

Результаты расчета попарных коэффициентов Пирсона по анализируемым поисковым запросам сведены в коррелограммы, которые представлены на рис. 2.

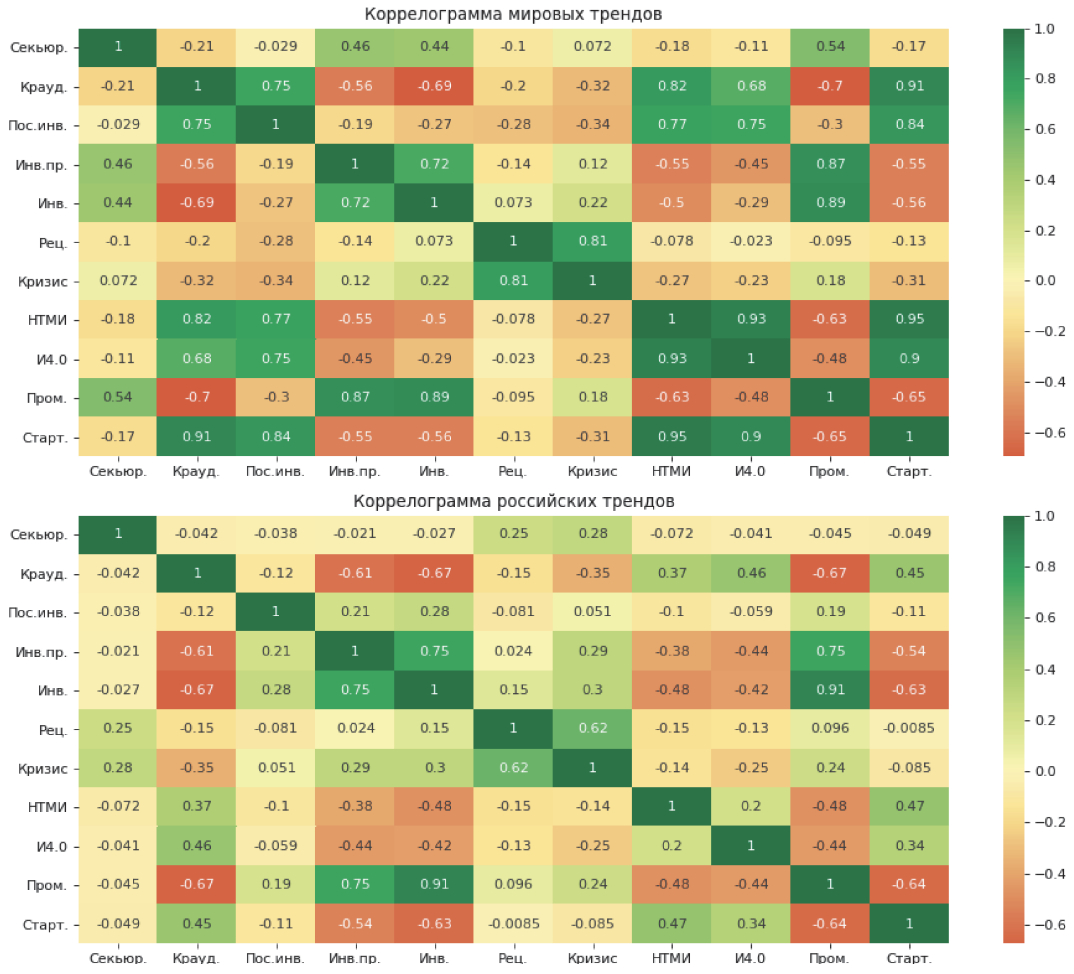

Рисунок 2. Коррелограммы поисковых запросов. Источник: расчеты автора.

Из анализа корреляций можно сделать вывод, что ряд общемировых тенденций имеет в России относительно слабое распространение (ниже общемирового уровня). В частности, вызывают тревогу относительно слабые корреляции между такими трендами, как «Наука, технологии, математика и инжиниринг» и «Стартап», а также трендами «Наука, технологии, математика и инжиниринг» и «Индустрия 4.0»; «Индустрия 4.0» и «Стартап».

По характеру распределения значений в научно-технологических Google трендах, как в России, так и в мире, на рассматриваемом временном интервале преобладает низкий интерес к темам. При этом количество наблюдений с высоким интересом в мире находится на более высоком уровне, чем в России, особенно по таким запросам, как «стартапы», «Индустрия 4.0», «наука, технологии, инжиниринг и математика».

Касательно частот распределения поисковых запросов, связанных с ожиданием экономического кризиса, наблюдается практически идентичная картина, как в России, так и в мире. При этом частота отсутствия интереса к темам кризиса и рецессии в России несколько выше, чем в мире.

В поисковых запросах, которые имеют отношение к процессу финансирования инвестиционных проектов, интерес в России в наибольшей степени отстает от общемировых тенденций. В наибольшей степени это касается такого важного инструмента финансирования инновационных проектов на ранних стадиях их развития, как посевные инвестиции.

Снижение интереса потенциальных инвесторов в России прогнозируется к таким темам, как промышленность в целом, инвестиции и инвестиционные проекты.

Таким образом, мы прогнозируем, что на принятие инвестиционных решений в будущих периодах в российской экономике будут оказывать прямое влияние следующие тенденции в ожиданиях экономических агентов:

- рост интереса к высокотехнологичным проектам (Индустрия 4.0 и прочие) и возможностям организации данных проектов на территории России;
- индифферентность к возможному наступлению продолжительного экономического кризиса;
- снижение интереса к теме финансирования инвестиционных проектов (за исключением инновационных методов организации финансирования по типу краудфандинга и иных методов вовлечения массового розничного инвестора в процесс фандрайзинга с использованием современных цифровых технологий).

Библиографический список

1. *Пфаллер Р. Ради чего стоит жить. Начало материалистической философии. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 384 с.*
2. *Кудряшов И. Интерпассивность. Краткое введение // Сигма. 2020. URL: https://syg.ma/@insolarance-cult/intierpassivnost-kratkoie-vviedieniie (дата обращения: 11.06.2021).*
3. *Канеман Д. Думай медленно. Решай быстро. М.: АСТ, 2013. 651 с.*
4. *Shiller R. Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events. Princeton: Princeton University Press, 2018. 400 pp.*
5. *Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с*

6. *Banerjee A., Alsan M., Breza E., Chandrasekhar A., Chowdhury A., Duflo E., Goldsmith-Pinkham P., Olken B. Messages on COVID-19 Prevention in India Increased Symptoms Reporting and Adherence to Preventive Behaviors Among 25 Million Recipients with Similar Effects on Non-recipient Members of Their Communities // NBER Working Paper, No. 27496, July 2020.*

References

1. *Pfaller R. Radi chego stoit zhit'. Nachalo materialisticheskoj filosofii. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2018. 384 s.*
2. *Kudrjashov I. Interpassivnost'. Kratkoe vvedenie // Sigma. 2020. URL: https://syg. ma/@insolarance-cult/intierpassivnost-kratkoie-vviedieniie (data obrashhenija: 11.06.2021).*
3. *Kaneman D. Dumaj medlenno. Reshaj bystro. M.: AST, 2013. 651 s.*
4. *Shiller R. Narrative Economics: How Stories Go Viral and Drive Major Economic Events. Princeton: Princeton University Press, 2018. 400 pp.*
5. *Taler R., Sanstejn K. Nudge. Arhitektura vybora. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. 240 s.*
6. *Banerjee A., Alsan M., Breza E., Chandrasekhar A., Chowdhury A., Duflo E., Goldsmith-Pinkham P., Olken B. Messages on COVID-19 Prevention in India Increased Symptoms Reporting and Adherence to Preventive Behaviors Among 25 Million Recipients with Similar Effects on Non-recipient Members of Their Communities // NBER Working Paper, No. 27496, July 2020.*

Контактная информация / Contact information

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.
The Financial University under the Government of the Russian Federation
49, Leningradsky prospekt, Moscow, 125993, Russia.
Донцова Олеся Игоревна / Olesya I. Dontsova
OIDontsova@fa.ru

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОДУКЦИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО СЕКТОРА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РФ НА ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ РЫНКАХ

ANALYSIS OF THE COMPETITIVENESS OF PRODUCTS OF HIGH-TECH SECTOR OF THE MANUFACTURING INDUSTRY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN DOMESTIC AND FOREIGN MARKETS

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-196-203

ТРИФОНОВ Павел Владимирович
Ведущий научный сотрудник Института промышленной политики и институционального развития Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, доцент Департамента менеджмента и инноваций факультета Высшая школа управления Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат экономических наук, доцент

Pavel V. TRIFONOV
Senior Researcher at the Institute of Industrial Policy and Institutional Development of the Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Associate Professor of the Department of Management and Innovation of the Faculty of the Higher School of Management of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Аннотация В работе приводится оценка инновационного потенциала высокотехнологического сектора промышленности РФ. Проведен сравнительный анализ инновационной активности промышленного сектора РФ и других стран. Определяются факторы, влияющие на развитие инновационной деятельности высокотехнологичного сектора обрабатывающей промышленности. А также оценивается динамика показателя внешнеторгового сальдо обрабатывающей промышленности РФ. В качестве заключения приводятся рекомендации по совершенствованию функционала деятельности Институтов развития как ответственных субъектов за достижение целей инновационного развития государства.

Abstract The paper provides an assessment of the innovative potential of the high-tech industry sector of the Russian Federation. A comparative analysis of the innovation activity of the industrial sector of the Russian Federation and other countries is carried out. The factors influencing the development of innovative activity of high-tech sector of the manufacturing industry are determined. The dynamics of the indicators of the foreign trade balance of the manufacturing industry of the Russian Federation are also evaluated. As a conclusion, recommendations are given on improving the functional activities of the Development Institutions, as responsible entities for achieving the goals of innovative development of the state.

Ключевые слова Инновационный потенциал, наукоемкие производства, высокотехнологический сектор, обрабатывающая промышленность, институты развития.

Keywords Innovative potential, high-tech industries, high-tech sector, manufacturing industry, development institutions.

Согласно опыту экономически развитых стран во 2-й половине XX века основные технологические прорывы происходили на основе развития высокотехнологического сектора обрабатывающей промышленности и наукоемких производств.

Российская практика развития высокотехнологического сектора промышленности заключается в приобретении готовой продукции и частично технологий, что в конечном итоге увеличивает прибавочный капитал для зарубежных корпораций разработчиков и держателей технологий. По показателю затрат на исследования и разработки на душу населения Россия уступает большинству стран Европы, опережая лишь Турцию, Грецию и Польшу.

Из общего количества отечественных организаций, занимающихся разработкой технологических инноваций, порядка 30% заимствуют импортные, не создавая собственные. Около 75% импорта технологий происходит на основе приобретения оборудования, а на покупку патентов приходится 20%, и лишь 30% привлекают зарубежных специалистов к работе. На основе данных Росстата выявлено значительное отставание объемов технологических инноваций в высокотехнологических отраслях обрабатывающей промышленности (в 2 раза), чем в низкотехнологичных. Отечественные производители сосредоточили большую часть своих усилий в сфере инновационной политики на приобретение машин оборудования, нежели

чем на разработку собственных технологий, что определило краткосрочный эффект и не позволило выйти на уровень промышленного развития стран ОЭСР [3].

В России доля научных исследований и разработок в ВВП составляет порядка 1,3% (2018 г.), повторяя опыт Италии, и превышает значение аналогичных показателей в странах Латинской Америки и Турции. Характерной особенностью инновационной политики вышеупомянутых стран является то, что основная часть финансирования осуществляется за счет государства, и лишь малую часть обеспечивает корпоративный сектор.

В настоящее время атавизмом, оставшимся от советских времен, является преобладание доли государственных исследовательских институтов над долей корпоративного сегмента в НИОКР, который, в свою очередь, сделал ставку на импорт технологий. В определенный период времени конец 90-х — начало нулевых такой подход обеспечил решение задач догоняющего развития, однако не смог решить проблемы инновационного и экономического в целом роста по причине сырьевой зависимости экономики и уменьшения масштабов научно-исследовательской деятельности. Характерной чертой настоящей модели экономики является в части оценки инновационного потенциала является высокая доля затрат на НИОКР за счет бюджета к ВВП и низкая доля финансирования этого же показателя со стороны бизнеса [1].

В настоящей модели экономики России к одним из ключевых инструментов относятся институты развития. Главной задачей института развития в условиях перехода в новую экономическую реальность ухода от глобальных моделей функционирования экономики становится создание спроса на продукцию на внутренних и внешних рынках, на основании создания цепей добавленной стоимости континентального/регионального характера на основе межотраслевого взаимодействия.

С начала 2021 года проводится тотальная реформа институтов развития Российской Федерации для устранения имеющейся неэффективности работы данных институтов и приведения их функционала к достижению национальных целей развития [6, 7].

В основу новой модели управления институтами развития в России закладывается проектно-ориентированный подход на основе актуальных принципов целеполагания.

Следует обратить внимание на отрицательную динамику объемов произведенной высокотехнологичной продукции в России за период с 2013 по 2019 гг. (рис. 1).

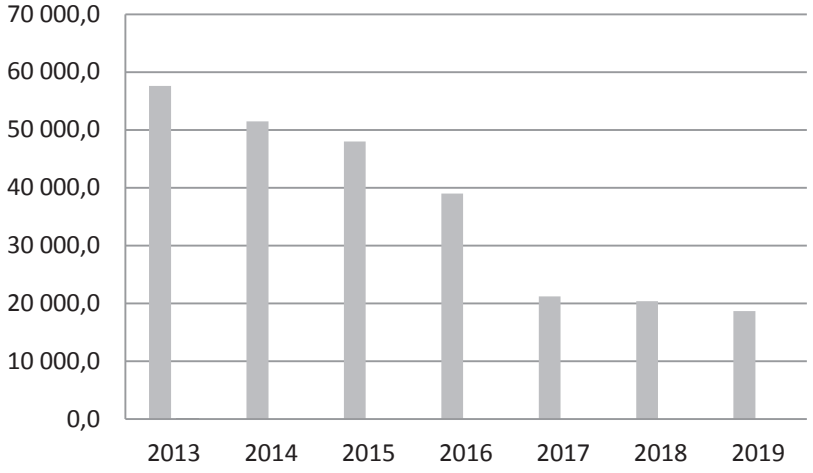
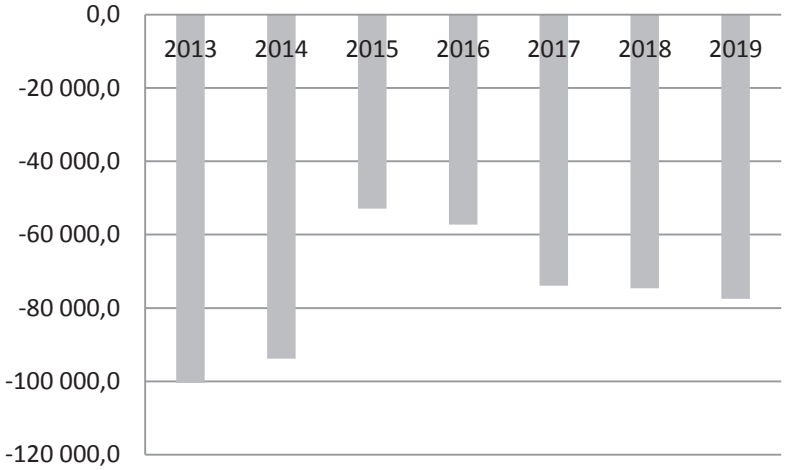

Рисунок 1. Объемы произведенной высокотехнологичной продукции в России, млн руб. [4]

Объемы поступающего импорта продукции высокотехнологичного назначения в 4 раза превышают собственные. Поэтому сальдо внешнеторговой деятельности по продукции высокотехнологичного сектора меньше в разы с объемом производства данной продукции (рис. 2).

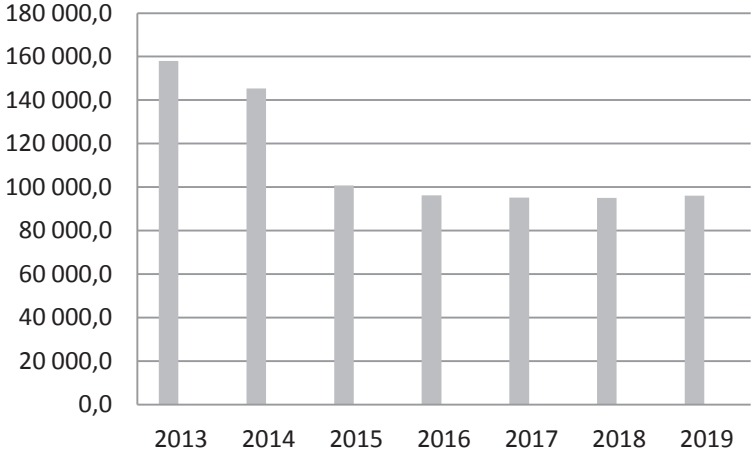
Рисунок 2. Сальдо внешнеторговой деятельности по высокотехнологичной продукции, млн руб. [4]

Наблюдается существенный спад в секторе высокотехнологичной и средне-технологичной продукции высоко уровня в 2,5 раза за последние 5 лет. Это объясняется тем, что устаревают и не обновляются фонды, устаревают технологии и нет доступа к новым, происходит истощение интеллектуальной элиты и научного потенциала России.

Объемы внутреннего рынка (емкость) по продукции высокотехнологичного характера в России начиная с 2014 года снизились в 1,5 раза (рис. 3). Причиной такой динамики стали процессы переориентации спроса промышленного сектора на другие потребности и упрощение их технологичного уровня рыночного поведения.

Рисунок 3. Объемы внутреннего рынка в России (емкость рынка), млн руб. [4]

Следует отметить то, что происходит процесс снижения государственной поддержки в сфере реализации инновационной политики в период с 2011 по 2020 г. (табл. 1).

Таблица 1. Динамика показателей инновационного развития [2, 5]

Показатели	2011	2015	2018	2019	2020
Инвестиции, % ВВП	19,7	16,7	17	17,6	15,6
Финансирование науки из бюджета, % от ВВП	0,56	0,53	0,4	0,44	0,46
Численность исследователей, тыс. чел. на конец года	735	739	683	682	578*
Удельный вес отечественных патентных заявок на изобретения, на 10 000 чел.	1,9	2	1,7	1,6	2,8**
Затраты на НИОКР, в % от ВВП	1,02	1,1	1	1,03	1,16
Доля инновационных активных организаций, %	10,4	9,3	12,8	9,1	н/д
Доля инновационных активных промышленных организаций, %	11,1	10,6	15,6	15,1	60**
Доля инновационной продукции в организациях промпроизводства, %	6,1	7,9	6	6,1	25**
Доля инновационных товаров, работ, услуг, новых для рынка, %	0,6	0,9	0,9	0,6	8**
Доля новых для мирового рынка инновационных товаров, %	0,1	0,3	0,2	0,3	0,28**
Сальдо экспорта-импорта технологий, $ млн	-1278	-551	-1659	-1317	300**

* *В среднем за год.*
** *План.*

На основании данных табл. 1 наблюдается снижения финансирования науки и инвестиций в высокотехнологичные отрасли до уменьшения численности исследователей и поданных патентов. Наблюдается стагнация в динамике показателей доли инновационно активных промышленных организаций и доли инновационной продукции в организациях промпроизводства как результат снижения активности государства по данному направлению и низкой эффективности мер, реализуемых институтами развития.

Следует рассматривать при оценке конкурентоспособности высокотехнологического сектора отраслей обрабатывающей промышленности ее отраслевую структуру и экономические эффекты межотраслевого взаимодействия на международном рынке. Поэтому к одной из ключевых характеристик конкурентоспособности можно отнести внешнеторговое сальдо секторов обрабатывающей промышленности (табл. 2).

Стоимость экспорта товаров обрабатывающей промышленности за период 2012–2019 гг. увеличился 199 млрд до 209 млрд долларов. Эта стоимость составляет приблизительно 20% и практически не меняется от всего исследованного периода. Важно отметить, что некоторые отрасли содержат положительный рост экспортного потенциала (машиностроение, обработка древесины и пищевая отрасль суммарно составляют 50%). А отрасли с большим вкладом в экспортную деятельность имеют отрицательную динамику (металлургия и химическая промышленность). Оставляет беспокойство за падение позиций продукции обрабатывающей промышленности на внешнем рынке отрицательное внешнеторговое сальдо у машиностроения и химического производства.

Таблица 2. Сальдо международной торговли секторов обрабатывающей промышленности [4]

Подотрасли	Операции	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Обрабатывающие производства	Экспорт	199,9	243,0	249,8	238,3	170,4	157,3	193,8	209,8
	Импорт	261,3	296,5	293,5	265,2	167,6	194,3	243,2	221,8
	Сальдо	−61,4	−53,5	−43,7	−26,9	2,8	−37,0	−49,4	−12,0
Пищевая промышленность	Экспорт	4,389	5,544	5,346	6,270	5,346	5,643	6,831	8,085
	Импорт	42,5	40,7	43,1	40,0	26,7	25,1	28,9	29,6
	Сальдо	−38,111	−35,156	−37,754	−33,730	−21,354	−19,457	−22,069	−21,515
Текстильная промышленность	Экспорт	1,3	1,3	1,5	1,5	1,2	1,2	1,4	1,5
	Импорт	18,3	19,7	20,3	17,6	11,6	11,8	14,7	16,1
	Сальдо	−17,0	−18,4	−18,8	−16,1	−10,4	−10,6	−13,3	−14,6
Химическая промышленность	Экспорт	32,6	32,1	30,7	29,2	25,4	20,8	24,0	27,4
	Импорт	46,0	48,6	50,1	46,5	34,0	33,8	40,3	43,6
	Сальдо	−13,4	−16,5	−19,4	−17,3	−8,6	−13,0	−16,3	−16,2
Машиностроение	Экспорт	26,0	26,5	28,3	26,5	25,4	24,5	28,3	29,1
	Импорт	148	158	154	137	81,9	86,2	110	113
	Сальдо	−122,0	−131,5	−125,7	−110,5	−56,5	−61,7	−81,7	−83,9
Обработка древесины	Экспорт	11,3	10,2	11,0	11,6	9,8	9,8	11,8	13,9
	Импорт	6,7	6,2	6,6	5,9	3,6	3,4	3,6	3,9
	Сальдо	4,6	4,0	4,4	5,7	6,2	6,4	8,2	10,0
Производство кокса и нефтепродуктов	Экспорт	95,96	103,50	109,59	115,67	67,60	46,32	58,02	78,15
	Импорт	9,9	7,5	6,9	7,3	5,0	3,2	4,5	5,0
	Сальдо	86,064	96,000	102,692	108,365	62,596	43,115	53,516	73,150
Металлургическая промышленность	Экспорт	58,7	58,3	55,2	52,3	40,8	37,6	48,1	54,6
	Импорт	23,0	23,2	22,9	20,6	12,4	11,9	16,3	17,8
	Сальдо	35,7	35,1	32,3	31,7	28,4	25,7	31,8	36,8
Кожевенная промышленность	Экспорт	0,4	0,5	0,6	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3
	Импорт	1,6	1,7	1,6	1,3	0,8	0,8	1,1	1,3
	Сальдо	−1,2	−1,2	−1,0	−0,9	−0,5	−0,5	−0,8	−1,0
Остальные подотрасли обрабатывающей промышленности	Экспорт	5,8	5,6	6,6	7,0	5,5	5,5	7,3	7,1
	Импорт	11,2	12,9	13,6	12,7	7,7	7,1	8,7	9,5
	Сальдо	−5,4	−7,3	−7,0	−5,7	−2,2	−1,6	−1,4	−2,4

Следует отметить, что ключевыми факторами, сдерживающими развитие отечественной промышленности и ее высокотехнологичного сектора, являются:

- снижение конкурентоспособности отечественной продукции высокотехнологичных отраслей, как на внутреннем, так и на внешнем рынках;
- существенная зависимость внутреннего рынка от импортных поставок продукции машиностроения;
- снижение инвестиционного потенциала высокотехнологичных отраслей и отраслей высоких переделов.

Основные задачи для развития секторов и подотраслей обрабатывающей промышленности являются:

1) обеспечение продовольственной безопасностью государства через поддержку машиностроения для сельскохозяйственной и обрабатывающей пищевой промышленности;
2) создание собственной базы средств труда для реализации механизмов цифровой экономики;
3) уход от модели обеспечения одного предприятия или группы предприятий и переход на создание цепочек добавленной стоимости в многоотраслевом исполнении и для создания высокотехнологичных продуктов;
4) создание несколько технологических платформ поддержки промышленности, отвечающих за закупку ресурсов, инжиниринг, производство, спрос;
5) разработка проекта цепочки добавленной стоимости на примере продукции 3 отраслей (авиастроение, машиностроение и фармацевтика) для внутреннего и внешних рынков, сосредоточенных в странах Европы и Азии (по данным ФТС).

Библиографический список

1. *Иванова Н.И. Технологический рывок в современной экономике // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218. № 4. С. 329–338.*
2. *Соколов А.А. Институты развития провалили инновации // Ведомости. 02.03.2021 URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/03/01/859742-instituti-razvitiya (дата обращения 20.02.2021).*
3. *Трубникова Е.И. Стратегии интеграции производителей высокотехнологичного оборудования и инфокоммуникационных услуг // Инфокоммуникационные технологии. 2011. Т. 9. № 3. С. 105–110.*
4. *Данные Федеральной таможенной службы URL: http://customs.gov.ru/ (дата обращения 15.02.2021).*
5. *Индикаторы инновационной деятельности: 2019: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, И.А. Кузнецова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2019. — 376 с.*
6. *Распоряжение Правительства РФ от 17.01.2020 № 20-р «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.*
7. *Приказ Минпромэнерго РФ от 07.08.2007 № 311 «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года».*

References

1. *Ivanova N.I. Technological breakthrough in the modern economy // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2019. Vol. 218. No. 4. pp. 329–338.*

2. *Sokolov A.A. Development institutes failed innovations // Vedomosti. 02.03.2021 URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/03/01/859742-instituti-razvitiya (accessed 20.02.2021).*
3. *Trubnikova E.I. Strategies for integrating manufacturers of high-tech equipment and infocommunication services // Infocommunication technologies. 2011. Vol. 9. No. 3. pp. 105–110.*
4. *Data of the Federal Customs Service URL: http://customs.gov.ru/ (accessed 15.02.2021).*
5. *Indicators of innovation activity: 2019: statistical collection / L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky, I.A. Kuznetsova, etc.; National research. Higher School of Economics, Moscow, Higher School of Economics, 2019, 376 p.*
6. *Decree of the Government of the Russian Federation No. 20-r of 17.01.2020 "On approval of the Strategy for the development of the electronic industry of the Russian Federation for the period up to 2030" // SPS ConsultantPlus.*
7. *Order of the Ministry of Industry and Energy of the Russian Federation No. 311 dated 07.08.2007 "On approval of the Strategy for the development of the Electronic industry of Russia for the period up to 2025".*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ «Финансовый университет при Правительстве РФ»
1127083, Москва, ул. Верхняя Масловка, д. 15.
Financial University under the Government of the Russian Federation,
15, Verkhnyaya Maslovka str., Moscow, 1127083, Russia.
Трифонов Павел Владимирович / Pavel V. Trifonov
pvtrifonov@fa.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ МНЕМОНИЧЕСКИХ АКТОРОВ

PROBLEM ASPECTS OF THE UNIVERSAL CLASSIFICATION OF MNEMONIC ACTORS

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-204-209

СЕЛЕЗНЕВ Павел Сергеевич
Профессор Департамента политологии, первый заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, доктор политических наук, доцент

Pavel S. SELEZNEV
Associate Professor, Department of Political Sciences, the First Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Political Sciences)

АЛЕКСАНДРОВ Дмитрий Валерьевич
Советник президента Хоккейного клуба ЦСКА, советник министра физической культуры и спорта Московской области, член Попечительского совета регби-клуба ЦСКА

Dmitry V. ALEXANDROV
Counselor of the President of the Hockey Club CSKA, Adviser to the Minister of Physical Education and Sport of the Moscow Region, Member of the Board of Trustees of the CSKA Rugby Club

Аннотация

Цель данного исследования — выработать универсальную систему классификации мнемонических акторов, пригодную для изучения развития мемориальных режимов в долгосрочной перспективе. В качестве акторов мемориальной политики выделены обособленные иерархические и сетевые общественно-политические структуры, обладающие собственными интересами в плане продвижения определенного варианта интерпретации событий прошлого и располагающие соответствующими ресурсами. К ним относятся: государство, крупный бизнес, политические партии, религиозные и светские общественные организации, сети лидеров общественного мнения, профессиональных историков и исследователей-энтузиастов.

Abstract The purpose of this study is to develop a universal classification system for mnemonic actors, suitable for studying the development of memorial regimes in the long term. Separate hierarchical and network socio-political structures that have their own interests in terms of promoting a certain version of the interpretation of past events and have the appropriate resources are singled out as the actors of the memorial policy. These include: the state, big business, political parties, religious and secular public organizations, networks of opinion leaders, professional historians and enthusiastic researchers.

Ключевые слова Мнемонические акторы, политика памяти, мемориальная политика, мемориальные режимы.

Keywords Mnemonic actors, politics of memory, memorial politics, memorial regimes.

Введение

Анализируя практики политики памяти, многие современные исследователи рассматривают процесс коммеморации в гомогенном ключе. Последнее проявляется в том, что мемориальная политика позиционируется в качестве системы интеракций между целевой аудиторией и одним доминирующим мнемоническим актором (как правило, в этом качестве выступает национальное государство). Использование данного подхода закономерно становится поводом для критики. С одной стороны, система представлений граждан о коллективном прошлом формируется под воздействием множества мнемонических акторов, как внешних, так и внутренних. С другой стороны, даже наличие у национального государства ресурсного преимущества не обеспечивает ему абсолютного доминирования. Например, официальные власти могут формировать представления граждан о событиях прошлого посредством школьных учебников и цикла мемориальных торжеств, но их влияние может быть нивелировано за счет преобладания в массовой культуре художественных произведений (фильмов, книг, комиксов), содержащих альтернативные варианты исторического нарратива. В качестве конкретного примера в данном случае можно привести расхождение в позиционировании образа И.В. Сталина и установленного им политического режима в рамках официального дискурса российских властей и нарратива популярной фантастической литературы (в первую очередь — произведений, построенных на допущении возможности путешествий в прошлое). Если в первом случае фигуре «отца народов» даются нейтральные или отрицательные оценки, то во втором случае мы куда чаще мы сталкиваемся с его апологетикой или идеализацией [1].

Важно отметить и факт появления новых подвидов мнемонических акторов (например, лидеров общественного мнения в блогосфере) и каналов трансляции соответствующих месседжей. Примером в данном случае может служить деятельность видеоблогеров, специализирующихся на создании обзоров на кинофильмы, в том числе — исторические. Так, обзор Е. Баженова на фильм «Союз Спасения» в течение года набрал почти 14 млн просмотров. Уровень вовлеченности пользователей в его обсуждение также достаточно высок: ролик отметили «лайками» более 850 тыс. пользователей (при 14 тыс. дизлайков), количество комментариев к обзору достигает почти 80 тыс. Важно подчеркнуть, что в рамках данного видеоролика автор сделал акцент именно на исторической достоверности фильма и анализе политизации прошлого, т.е. популярность указанного произведения не связана исключительно с его развлекательным характером либо выделением технических ошибок или недостатков постановки или актерской игры.

Наблюдается и расширение воздействия внешних мнемонических акторов на национальный исторический нарратив. Наглядным примером роста влияния глобализирующейся массовой культуры может служить воздействие на общественное мнение России сериала канала HBO «Чернобыль». Отдельно необходимо отметить, что в качестве оппонентов создателей данного сериалы выступили не представители государственных структур, а общественные организации (Российское военно-историческое общество) и представители блогосферы (Д.Ю. Пучков, К.А. Жуков, С.С. Цормудян).

На фоне этого становится очевидной необходимость исследования мемориальной политики в ключе взаимодействия всех мнемонических акторов. Однако важно учитывать, что концентрация исследователей на государственной политике памяти носит во многом вынужденный характер и связана в первую очередь с недостатками теоретических оснований данной дефиниции. Ее авторы изначально заложили в определение понятия высокий коэффициент относительности, в силу чего любые варианты классификации мнемонических акторов всегда носят ситуативный характер. В результате вместо системы субъектов выделяется комплекс ролей, каждую из которых может выполнять любой мнемонический актор в зависимости от обсуждаемого контекста. На фоне этого исследователи вынуждены искусственно ограничивать поле своих изысканий государственной политикой памяти.

Цель данной работы заключается в выработке универсальной системы классификации мнемонических акторов, пригодной для анализа мемориальных режимов в долгосрочной перспективе.

Материалы и методы. Эмпирическая база исследования была сформирована в первую очередь за счет обращения к контенту видеоблогов (рассматриваемых в качестве одного из новых каналов трансляции исторического нарратива).

Методология исследования выстроена на основе комбинации дескриптивного, сравнительного и структурного анализа. Сравнительный анализ использовался при сопоставлении различных подходов к интерпретации понятия «мнемонический актор», структурный — в рамках выделения соответствующих субъектов и выявления связей между ними, дескриптивный — в порядке обобщения и систематизации новой информации.

Результаты

Понятие «мнемонический актор» впервые ввели в научный оборот М. Бернхарт и Я. Кубик в рамках анализа мемориальных режимов восточноевропейских государств в отношении событий «коммунистического периода». Исследователи обозначили мнемонического актора как «политическую силу, заинтересованную в специфическом понимании прошлого». Этот вариант интерпретации понятия отличала предельная степень широты, что создавало объективные затруднения при классификации описываемых субъектов. М. Бернхарт и Я. Кубик предприняли попытку устранить эту проблему, выбрав в качестве основания для разделения акторов на группы такой критерий, как стратегии позиционирования определенных событий прошлого. В качестве эмпирического кейса они использовали восприятие истории «народных демократий» и их свержения в бывших государствах соцлагеря. Мнемонических акторов разделили на 4 класса: борцов, плюралистов, уклонистов, обращенных в будущее. Первых отличает стремление обеспечить гегемонию собственной точки зрения на события прошлого, вторых — признание права на существование альтернативных точек зрения и готовность к диалогу, третьих — отказ от активного участия

в обсуждении, четвертых — убежденность в том, что им известны исторические закономерности развития общества, позволяющие строить долгосрочные прогнозы [2].

Данная модель классификации обладает, однако, серьезными недостатками. Один и тот же мнемонический актор может выступать в разных ролях при обсуждении двух отличных аспектов одной и той же темы. Характерным примером в этом случае может служить восприятие ревизионистского нарратива. Например, актор может в качестве борца отстаивать тезис о том, что советские войска якобы в массовом порядке совершали преступления против мирного населения Германии в 1945 г., и в то же время уклоняться от обсуждения таких вопросов, как поведение союзных войск на западных землях рейха или действия солдат и офицеров вермахта по отношению к населению оккупированных территорий СССР.

Альтернативные системы классификации мнемонических акторов также наделены изъянами. В частности, широкое распространение получила точка зрения, согласно которой в качестве мнемонических акторов следует рассматривать кино, театр, СМИ и т.д. Эта позиция игнорирует отсутствие у упомянутых форм деятельности такого признака, как субъектность, выраженная через наличие собственных интересов, целей и ресурсов. Производством и распространением кинофильмов могут заниматься и национальное государство, и власти зарубежных стран, и представители бизнеса (включая структуры уровня глобального рынка), и различные организации, созданные в рамках механизмов государственно частного партнерства. Равным образом нельзя забывать о возможности вмешательства в процесс производства продукции массовой культуры конкретных государственных ведомств, политических партий или религиозных объединений [3].

В качестве альтернативы нами предложена система классификации мемориальных акторов, включающая в себя 9 элементов: государство (как национальное, так и зарубежные); крупный бизнес и деловые ассоциации; политические партии; религиозные организации; общественные (светские) организации и движения; сети лидеров общественного мнения; сети историков, занимающихся популяризацией науки; сети частных лиц, не относящихся к числу профессиональных историков, но на регулярной основе занимающихся изучением и популяризацией семейной, локальной либо региональной истории [4].

Данная система классификации основывается на признании того, что в качестве мемориального актора может выступать обособленная общественно-политическая структура, организованная по иерархическому или сетевому принципу, заинтересованная в продвижении определенной модели интерпретации событий прошлого с целью трансформации общественного мнения в желательном для себя направлении и располагающая необходимыми для этого ресурсами. В соответствии с данным подходом физические лица не являются самостоятельными мнемоническими акторами, но способны играть ключевую роль в рамках формальных и неформальных структур, в рамках которых они выступают в качестве организаторов и/или лидеров общественного мнения [5].

Созданный мнемоничскими акторами нарратив распространяется в обществе в рамках функционирования 11 каналов трансляции, к которым относятся: традиционные СМИ — телевидение, пресса и радио; «новые медиа»; кинопрокатные сети; центры распространения продукции звукозаписи; фирмы — распространители видеоигр; сети книжных магазинов; театр; образовательные учреждения; библиотеки; массовые культурные мероприятия; мемориальные торжества [6].

Обсуждение. Описанная выше система классификации мнемонических акторов и используемых ими каналов трансляции мнемонического нарратива объективно обладает одним значимым недостатком. Государство, бизнес, религиозные организации и иные структуры не только выступают в качестве отдельных акторов мнемонического процесса, но и тесно взаимодействуют между собой, в том числе — неформально, в рамках групп интересов, с целью извлечения материальной либо политической выгоды [7; 8]. Степень кооперации между их членами в отдельных случаях достигает столь высокого уровня, что Р. Даль относил некоторые группы интересов к числу полноправных акторов, включенных в систему выработки и принятия решений государственными институтами [9]. М. Олсон и вовсе настаивал на том, что группы интересов, сложившиеся вокруг ведущих экономических акторов, являются основными акторами политического процесса [10].

Однако, по нашему мнению, выделение групп интересов в качестве мнемонических акторов представляется нецелесообразным. Они могут оказывать значимое влияние на систему публичной власти, но не подменяют ее собой. Последнее обусловлено тем, что группы интересов отличают гетерогенность, высокая роль межличностных связей и, как следствие, сравнительно слабая устойчивость. Важно отметить и то, что включение в структуру группы интересов не предполагает уничтожение субъектности ее конкретных членов [11].

Заключение. В качестве акторов мемориальной политики выступают обособленные общественно-политические структуры, выстроенные по иерархическому или сетевому принципу, обладающие общностью интересов в плане продвижения определенного варианта интерпретации событий прошлого с целью модерации общественного мнения и располагающие ресурсами, релевантными решению соответствующих задач. К их числу можно отнести: государство, крупный бизнес, политические партии, религиозные и светские общественные организации, сети лидеров общественного мнения, историков, занимающихся популяризацией науки, а также неспециалистов, на регулярной основе занимающихся изучением и популяризацией семейной, локальной либо региональной истории. Мнемонические акторы могут тесным образом кооперироваться между собой, в том числе — в рамках взаимодействия внутри групп интересов, однако при этом они сохраняют свою субъектность. Вырабатываемый мнемоническими акторами нарратив распространяется посредством разнообразных каналов, большинство из которых ориентированы на формирование культурной памяти. Последнее придает ключевое значение таким факторам, как использование в рамках политики памяти ресурсов массовой культуры и наличие корпуса специалистов, на профессиональной основе занимающихся созданием и продвижением символического контента либо способных легитимировать мемориальный нарратив за счет личного авторитета и наличия соответствующих статусов.

Библиографический список / References

1. *Галина М. Вернуться и переменить. Альтернативная история России как отражение травматических точек массового сознания постсоветского человека // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). С. 258–271 [Galina M. Vernut'sja i peremenit'. Al'ternativnaja istorija Rossii kak otrazhenie travmaticheskih tochek massovogo soznanija postsovetskogo cheloveka // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. № 4 (146). S. 258–271].*
2. *Bernhard M., Kubik J. Twenty Years after Communism: The Po litics of Memory and Commemoration. Oxford: Oxford University Press, 2014. 384 p.*

3. *Ромашин М.И. Кинофильм как коммеморативная практика: память о вьетнамской войне в американском кинематографе // The Times of Science. 2019. № 4. С. 22 — 37. [Romashin M.I. Kinofil'm kak kommemorativnaja praktika: pamjat' o v'etnamskoj vojne v amerikanskom kinematografe // The Times of Ssience. 2019. № 4. S. 22–37].*
4. *Бубнов А.Ю. «Гражданская война памяти»: конструирование нарративов о гражданской войне в России в онлайн-дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 6. С. 29–43. [Bubnov A.Ju. «Grazhdanskaja vojna pamjati»: konstruirovanie narrativov o grazhdanskoj vojne v Rossii v onlajn-diskussii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki. 2019. № 6. S. 29–43].*
5. *Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (анализ российских практик) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3 (94). С. 103–126. [Malinova O.Ju. Kto i kak formiruet oficial'nyj istoricheskij narrativ? (analiz rossijskih praktik) // Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki). 2019. № 3 (94). S. 103–126].*
6. *Понамарева А.М. Методологические проблемы исследования политики памяти: обзор материалов заседания группы ситуационного анализа ИНИОН РАН // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2018. № 3. С. 15–18. [Ponamareva A.M. Metodologicheskie problemy issledovanija politiki pamjati: obzor materialov zasedanija gruppy situacionnogo analiza INION RAN // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11: Sociologija. 2018. № 3. S. 15–18].*
7. *Bentley A. The process of Government. A study of social pressures. Cambridge, 1967. 501 p.*
8. *Truman D., The Governmental Process. Public interests and public opinion. NY; Knopf, 1951. 544 p.*
9. *Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971. 257 p.*
10. *Olson M. The Logic of Collective Action. Public goods and the theory of groups. Cambridge, 1965. 208 p.*
11. *Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87). С. 6–22. [Malinova O.Ju. Kommemoracija istoricheskih sobytij kak instrument simvolicheskoj politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza // Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki). 2017. № 4 (87). S. 6–22].*

Контактная информация / Contact information

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Россия, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49/2.
Financial University under the Government of the Russian Federation
Russia, 125993, Moscow, Leningradsky prospect, 49/2.
Павел Сергеевич Селезнев / Pavel S. Seleznev
sps@fa.ru

Ледовый дворец спорта ЦСКА
Россия, 125167, Москва, Ленинградский проспект, 39, стр. 41.
Ice Sports Palace CSKA
Russia,125167 Moscow, Leningradsky prospect, 39/41.
Дмитрий Валерьевич Александров / Dmitry V. Alexandrov
Dima007@me.com

Пленарная конференция МАЭФ-2021 «Цифровая трансформация экономики: перепроектирование нашего будущего или эволюция типовых моделей?»

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ[1]

TOPICAL ISSUES OF THE DIGITAL STATE DEVELOPMENT IN RUSSIA

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-211-216

КИТОВА Ольга Викторовна
Заведующая кафедрой информатики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, д.э.н., доцент

Olga V. KITOVA
Head of the Department of Informatics, Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Аннотация

Рассмотрены важные аспекты построения цифрового государства. Предлагается структура цифрового государства и его основные сервисы, автоматизированная система стратегического планирования и программно-целевого управления экономикой России. В качестве ядра такой системы предлагается автоматизированная система плановых расчетов для разработки и корректировки перспективных, долгосрочных, среднесрочных и текущих (годовых) планов, включая цифровой сервис сценарного прогнозирования социально-экономических показателей РФ, разрабатываемый в РЭУ им. Г.В. Плеханова под руководством автора.

Abstract

The important aspects of building a digital state are considered. The structure of a digital state and its main services, an automated system of strategic planning and program-targeted management of the Russian economy are proposed. As the core of such a system, an automated system of planned calculations is proposed for the development and adjustment of long-term, medium-term and current (annual) plans, including a digital service for scenario forecasting of socio-economic indicators of the Russian Federation, developed at the Plekhanov Russian University of Economics under the guidance of the author.

Ключевые слова

Цифровое государство, цифровая экономика, цифровое правительство, ОГАС, цифровая платформа, автоматизированная система плановых расчетов, сценарное прогнозирование социально-экономических показателей РФ.

1 *Данное исследование выполнено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Министерства науки и высшего образования РФ на тему «Разработка методологии и программной платформы для построения цифровых двойников, интеллектуального анализа и прогнозирования сложных экономических систем», номер проекта FSSW-2020-0008.*

Keywords Digital state, digital economy, digital government, OGAS, digital platform, automated planning system, scenario forecasting of socio-economic indicators of the Russian Federation.

Введение

Цифровое государство возникает в рамках цифровой трансформации услуг и способов функционирования государства и его институтов. Программы цифровой трансформации государства и экономики существуют в различных странах мира. В России действует национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации».

Цифровое государство и цифровая экономика в России развиваются на основе достижений советской науки и техники, опыта внедрения в нашей стране автоматизированных систем управления, а также на основе проекта Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для учета, планирования и управления (ОГАС). Советский Союз был лидером в области развития теории и практики цифрового государства.

Цель работы — исследование истории развития теории и практики цифрового государства, разработка возможной структуры цифрового государства и требований к системе цифрового стратегического планирования и программно-целевого управления.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили работы основоположников цифрового государства А.И. Китова и В.М. Глушкова, исследования историков и современные материалы о проектах цифрового государства в СССР, в мире и в России. В процессе исследования использовались методы системного и сравнительного анализа, кибернетики и информатики.

Результаты исследования

Необходимость автоматизированной системы управления экономикой и государством обоснована в работах У. Эшби и В.М. Глушкова, в частности, в рамках теории информационных барьеров [4].

Пионер советской кибернетики А.И. Китов (1920–2005) в своих работах [1, 2] говорит о применении компьютеров в народном хозяйстве. В 1959 г. А.И. Китов разработал и отправил руководству СССР проект «Создание национальной сети вычислительных центров для совершенствования управления в Вооруженных Силах и народном хозяйстве» (проект «Красная книга»), в котором предлагалось создать в СССР Единую государственную сеть вычислительных центров «двойного» назначения (для управления экономикой и Вооруженными силами). Проект «Красная книга» был отвергнут. Работы А.И. Китова и его роль развитии цифрового государства отражены в работах [7–10].

С 1960 гг. академик В.М. Глушков являлся главным идеологом, научным руководителем и одним из основных создателей индустрии АСУ в СССР. В.М. Глушков и его ученики разрабатывали автоматизированные системы управления технологическими процессами (АСУТП), автоматизированные системы организационного управления промышленными предприятиями (АСУП), отраслевые (ОАСУ) и республиканские АСУ (РАСУ). Монография «Введение в АСУ» (1972) [3] посвящена изложению результатов,

полученных В.М. Глушковым в 1964–1968 гг. в области построения АСУ, а также задачам управления в макроэкономике и принципам построения ОГАС. В 1970-х годах В.М. Глушков был научным руководителем и консультантом многих проектов крупных ОАСУ, создаваемых в стране.

Проект ОГАС В.М. Глушков начал разрабатывать в 1962 г. на основе принципов программно-целевого управления с использованием системы взаимосвязанных экономико-математических моделей. Единая сеть вычислительных центров (ЕГСВЦ) должна была стать техническим фундаментом ОГАС. В книге «Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС» (1975) [4] В.М. Глушков подробно описал данный проект.

В центре ОГАС находилась Автоматизированная система плановых расчетов (АСПР) для разработки и корректировки перспективных, долгосрочных, среднесрочных (пятилетних) и текущих (годовых) планов на основе принципов программно-целевого управления и межотраслевого баланса с использованием сценарного моделирования. Для построения перспективных, долгосрочных, среднесрочных планов и планирования научно-технического прогресса В.М. Глушков разработал метод прогнозного дерева на основе согласованных экспертных оценок и оптимизации. Прототипом АСПР был ДИСПЛАН (диалоговая система плановых расчетов), разработанный сотрудниками Института кибернетики АН УССР под руководством В.М. Глушкова и внедренный в республиканской АСУ Украинской ССР [5, 6].

Хотя задача создания ОГАС нашла отражение в решениях XXIV съезда КПСС (1971) и других документах партии и советского правительства, на практике проект реализован не был. Идеи ОГАС опередили свое время и только сегодня воплощаются в жизнь в мире и в России. Работы и проекты В.М. Глушкова в области построения цифрового государства, информационного общества и автоматизации различных отраслей экономики получили признание в нашей стране и за рубежом, их место и роль отражены в источниках [7–9, 11–13].

В США в 1960-х, а в Европе — в начале 1970-х гг. появились первые статьи и проекты внедрения автоматизированных компьютерных систем в госуправлении [14]. В 1970–1973 годах под руководством Стаффорда Бира реализовывался Киберсин (Cybersyn) — проект компьютерного управления плановой экономикой в Чили. США с середины 1990-х гг. работают над созданием и развитием цифрового правительства, в документе «Цифровое правительство. Строительство платформы 21-го века для улучшения обслуживания американского народа» (2012)[2] описаны основные подходы и архитектура системы.

Сегодня цифровое государство включает в себя как цифровые, так и аналоговые элементы. В Великобритании, США и в России успешно внедряется концепция «государство как платформа». Развивается Единая информационная платформа Национальной системы управления данными в РФ (ФГИС ЕИП НСУД). Страны мира активно внедряют концепции цифрового государства и цифровой экономики.

На рисунке предложена возможная структура цифрового государства, включая совместно используемые цифровые платформы, данные и сервисы с использованием как традиционных, так и новых цифровых технологий третьей волны, таких как большие данные, интернет вещей и промышленный интернет, искусственный интеллект и машинное обучение и др.

Важнейшим компонентом цифрового государства в России должна стать система цифрового стратегического планирования и программно-целевого управления на основе индикативного планирования и управления результативностью.

2 *Digital Government. Building a 21st Century Platform to Better Serve the American People, https://obama-whitehouse.archives.gov/sites/default/files/omb/egov/digital-government/digital-government. html (обращение 4 июня 2021 г.).*

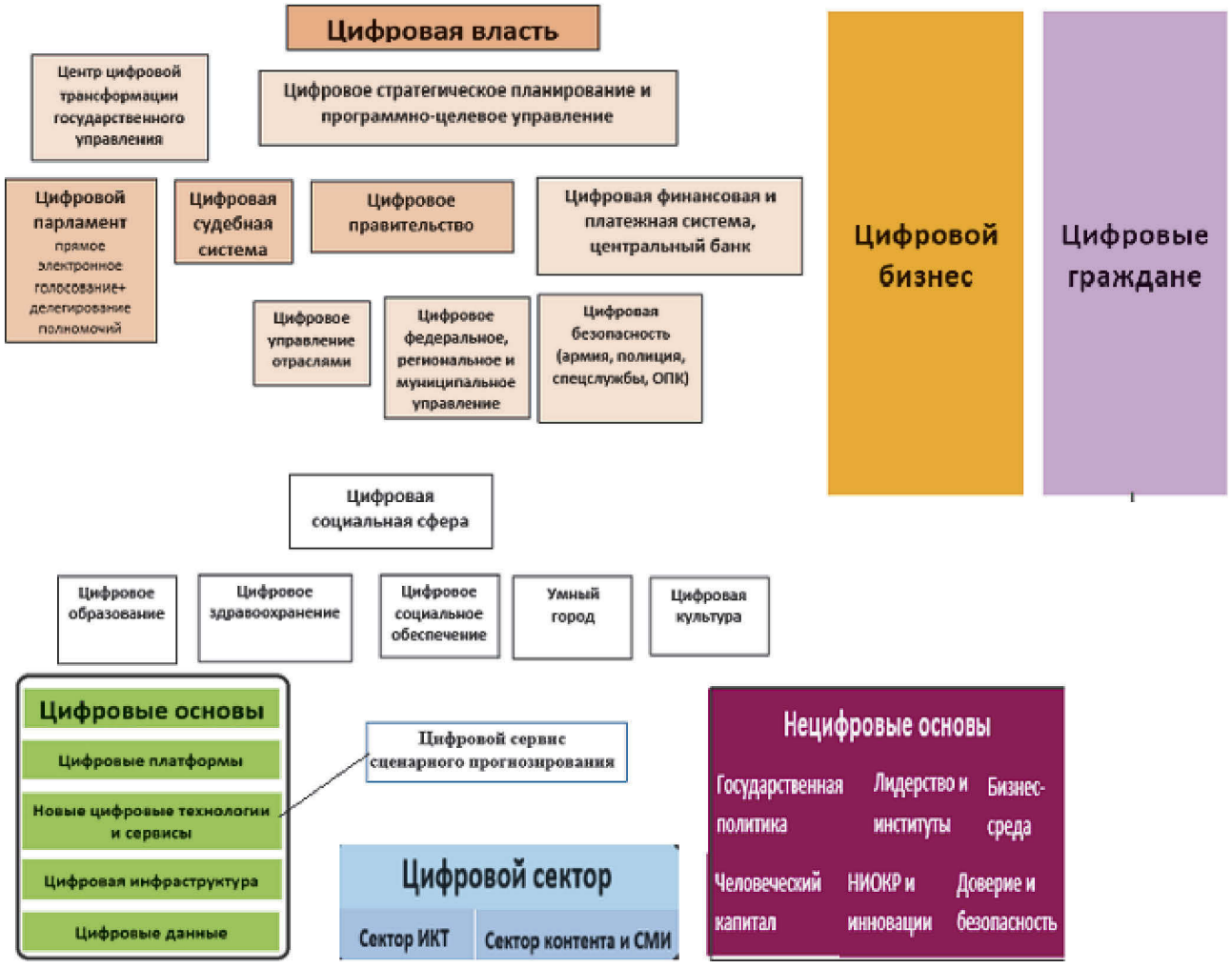

Рисунок. Структура цифрового государства (источник: составлено автором).

Идеи В.М. Глушкова в проекте ОГАС, в частности автоматизированная система плановых расчетов с использованием методов прогнозного дерева на основе согласованных экспертных оценок, оптимизации, межотраслевых балансов и др., могли бы лечь в основу предлагаемой системы. Одним из важных цифровых сервисов мог бы стать сервис сценарного прогнозирования социально-экономических показателей РФ на основе гибридной интеллектуальной системы «Горизонт», разрабатываемой в РЭУ им. Г.В. Плеханова под руководством автора [15].

Обсуждение

Споры об ОГАС продолжаются и сегодня. Противники ОГАС говорят о сложности системы и невозможности ее реализации, хотя системы стратегического планирования и управления экономикой успешно внедрены в КНР, США, Великобритании и других странах с учетом особенностей их социально-экономических систем, а в России успешно автоматизированы подавляющее большинство предприятий, министерств и ведомств.

Антинаучные теории по поводу ОГАС развивает А.В. Сафронов [16], который утверждает, что ведомственную борьбу за ОГАС якобы выиграл Госплан СССР с систе-

мой АСПР, которая «стала ядром ОГАС», что противоречит законам кибернетики, фактам и не подтверждено никакими государственными документами. Система АСПР, реализованная в ГВЦ Госплана СССР, частично автоматизировала устаревшую и неэффективную систему годового планирования развития народного хозяйства, основанную на прикидках и интуиции специалистов-плановиков, и никак не была связана с АСУ различных уровней, существовавших на тот момент в СССР. Антинаучные теории А.В. Сафронова и ему подобных направлены на дискредитацию идей ОГАС и переписывание истории в области цифрового государства и цифровой экономики в нашей стране.

Выводы

Развитие теории и практики цифрового государства опирается на достижения советских ученых, в первом ряду которых стоят А.И. Китов и В.М. Глушков. Их проекты «Красная книга» и ОГАС являются первыми в мире проектами создания цифрового государства. Предложенная в работе структура цифрового государства включает в себя систему цифрового стратегического планирования и программно-целевого управления. Данную систему целесообразно реализовывать с использованием идей ОГАС и цифрового сервиса сценарного прогнозирования социально-экономических показателей.

Библиографический список

1. *Китов А.И.: Электронные цифровые машины // М.: Советское радио, 1956.*
2. *Китов А.И.: Кибернетика и управление народным хозяйством // Кибернетику — на службу коммунизму. Сборник статей под ред. А.И. Берга. Т. 1. М.-Л.: Госэнерглиздат, 1961.*
3. *В.М. Глушков. Введение в АСУ. — Киев: Техника, 1972. 312 с.*
4. *В.М. Глушков. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика, 1975. — 160 с.*
5. *Глушков В.М. ДИСПЛАН — новая технология планирования. // Управляющие системы и машины. — 1980. № 6. — с. 5–11.*
6. *В.М. Глушков. Основы безбумажной информатики. М: Наука, 1982. — 552 с.*
7. *Olga V. Kitova and Vladimir A. Kitov. Anatoly Kitov and Victor Glushkov: Pioneers of Russian Digital Economy and Informatics.- IFIP Advances in Information and Communication Technology, vol 549, Histories of Computing in Eastern Europe IFIP WG 9.7 International Workshop on the History of Computing, HC 2018 Held at the 24th IFIP World Computer Congress, WCC 2018 Poznań, Poland, September 19–21, 2018 Revised Selected Papers. p. 99-117.*
8. *Gerovitch S. InterNyet: Why the Soviet Union Did Not Build a Nationwide Computer Network // History and Technology. 2008. Vol. 24. P. 335–350.*
9. *Peters Benjamin. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet (Information Policy). — Massachusets Institute of Technology. — MIT Press, 2016.*
10. *Kitov V.A., Shilov V.V.: Anatoly Kitov — Pioneer of Russian Informatics. IFIP Advances in Information and Communication Technology, vol 325, p. 80–88 (2010).*
11. *Малиновский Б.Н. Академик Виктор Глушков. Страницы жизни и творчества. Киев: Наукова думка, 2003. https://www.computer-museum.ru/galglory/glushkov_book. htm*
12. *Малиновский Б.Н. История вычислительной техники в лицах. — Киев: «КИТ», 1995. 383 с.*
13. *Ю.В. Капитонова, А.А. Летичевский. Парадигмы и идеи академика В.М. Глушкова. Киев: Наукова думка, 454 с.*
14. *«Цифровые государства»: с чего все началось. https://habr.com/ru/company/1cloud/blog/349902/ (обращение 5 июня 2021 г.).*

15. *Kitova O., Dyakonova L., Kitov V., Savinova V. Digital service for scenario forecasting of socio-economic indicators of entrepreneurial activity of Russia// Academy of Entrepreneurship Journal. Volume 26, Special Issue 2, 2020.*
16. *Сафронов А.В. Автоматизированная система плановых расчетов Госплана СССР как необходимый шаг на пути к общегосударственной автоматизированной системе учета и обработки информации (ОГАС)//Экономическая история. — 2019. — Т. 15. — № 4. — С. 395–409.*

References

1. *Kitov A.I.: Jelektronnye cifrovye mashiny // M.: Sovetskoe radio, 1956.*
2. *Kitov A.I.: Kibernetika i upravlenie narodnym hozjajstvom // Kibernetiku — na sluzhbu kommunizmu. Sbornik statej pod red. A.I. Berga. T. 1. M.-L.: Gosjenerglizdat, 1961.*
3. *V.M. Glushkov. Vvedenie v ASU. — Kiev: Tehnika, 1972. 312 s.*
4. *V.M. Glushkov. Makrojekonomicheskie modeli i principy postroenija OGAS. M.: Statistika, 1975. — 160 s.*
5. *Glushkov V.M. DISPLAN — novaja tehnologija planirovanija. // Upravljajushhie sistemy i mashiny. — 1980. № 6. — s. 5–11.*
6. *V.M. Glushkov. Osnovy bezbumazhnoj informatiki. M: Nauka, 1982. — 552 s.*
7. *Olga V. Kitova and Vladimir A. Kitov. Anatoly Kitov and Victor Glushkov: Pioneers of Russian Digital Economy and Informatics.- IFIP Advances in Information and Communication Technology, vol 549, Histories of Computing in Eastern Europe IFIP WG 9.7 International Workshop on the History of Computing, HC 2018 Held at the 24th IFIP World Computer Congress, WCC 2018 Poznań, Poland, September 19–21, 2018 Revised Selected Papers. p. 99–117.*
8. *Gerovitch S. InterNyet: Why the Soviet Union Did Not Build a Nationwide Computer Network // History and Technology. 2008. Vol. 24. P. 335–350.*
9. *Peters Benjamin. How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet (Information Policy). — Massachusets Institute of Technology. — MIT Press, 2016.*
10. *Kitov V.A., Shilov V.V.: Anatoly Kitov — Pioneer of Russian Informatics. IFIP Advances in Information and Communication Technology, vol 325, p. 80–88 (2010).*
11. *Malinovskij B.N. Akademik Viktor Glushkov. Stranicy zhizni i tvorchestva. Kiev: Naukova dumka,2003. https://www.computer-museum.ru/galglory/glushkov_book. htm*
12. *Malinovskij B.N. Istorija vychislitel'noj tehniki v licah. — Kiev: «KIT», 1995. 383 s.*
13. *Ju.V. Kapitonova, A.A. Letichevskij. Paradigmy i idei akademika V.M. Glushkova. Kiev: Naukova dumka, 454 s.*
14. *«Cifrovye gosudarstva»: s chego vse nachalos'. https://habr.com/ru/company/1cloud/blog/349902/ (Obrashhenie 5 ijunja 2021 g.).*
15. *Kitova O., Dyakonova L., Kitov V., Savinova V. Digital service for scenario forecasting of socio-economic indicators of entrepreneurial activity of Russia// Academy of Entrepreneurship Journal. Volume 26, Special Issue 2, 2020.*
16. *Safronov A.V. Avtomatizirovannaja sistema planovyh raschetov Gosplana SSSR kak neobhodimyj shag na puti k obshhegosudarstvennoj avtomatizirovannoj sisteme ucheta i obrabotki informacii (OGAS)//Jekonomicheskaja istorija. — 2019. — T. 15. — № 4. — S. 395–409.*

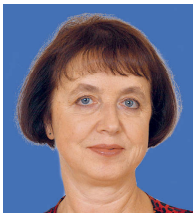
Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
117997, Россия, Москва, Стремянный пер., 36.
Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia.
Китова Ольга Викторовна / Olga V. Kitova
Kitova.OV@rea.ru

МИРОВАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИСТЕМА: ЦИФРОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

GLOBAL FOOD SYSTEM: DIGITAL ASPECTS OF TRANSFORMATION

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-217-222

РЕВЕНКО Лилия Сергеевна
Профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, д.э.н., профессор

Lilia S. REVENKO
Professor at Nikolay Liventsev Department of International Economic Relations and Foreign Economic Ties, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В статье рассматривается проблема цифровых аспектов трансформации мировой продовольственной системы. Анализируются направления изменений общих подходов к характеристике системы и ее элементов. Дается оценка роли цифровых инноваций в повышении эффективности мировой продовольственной системы в условиях ухудшения продовольственной безопасности на глобальном и региональном уровнях. Подчеркивается неоднозначный характер воздействия цифровых технологий на элементы продовольственной системы.

Abstract

The article deals with the problem of digital aspects of the transformation of the global food system. It analyzes the vectors of changes in general approaches to the system and its elements attribute and assesses the role of digital innovation in improving the efficiency of the global food system in the face of deteriorating food security at the global and regional levels. The article emphasizes the ambiguous nature of the impact of digital technologies on the elements of the food system.

Ключевые слова Мировая продовольственная система, трансформация, инновации, цифровизация, неравенство.

Keywords Global food system, transformation, innovation, digitalization, divide.

Введение

Обеспечение населения мира продовольствием является важнейшей глобальной проблемой современности. Несмотря на продолжительные усилия мирового сообщества, нацеленные на ее решение, третье десятилетие XXI века начинается с нового витка сотрудничества стран в данном направлении при мощной политической поддержке международных организаций. В рамках усилий мирового сообщества по реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН созывает в сентябре 2021 г. Саммит по продовольственным системам. В этой связи по всему миру организованы так называемые национальные диалоги по проблематике трансформации мировой продовольственной системы (МПС).

Основное внимание сосредоточено на повышение эффективности функционирования МПС, поскольку достижение ЦУР-2, предусматривающей ликвидацию голода на планете, оценивается на современном этапе как нереализуемое. Ситуацию обострила пандемия COVID-19, которая добавила к числу 690 млн человек голодающих дополнительно еще 132 млн человек [1]. При таком положении дел с глобальной продовольственной безопасностью 12% произведенного продовольствия теряется, а 17% портится [1].

Модификация дефиниций продовольственной системы

Понятие и категория «мировая продовольственная система» не являются единообразно понимаемыми. В XXI веке наблюдалась явно выраженная эволюция как самого понятия, так и его отдельных элементов.

В широком смысле под МПС понимается четырехуровневая система отраслей, по производству и распределению продуктов питания. При подготовке к Саммиту по продовольственным системам — 2021 в ООН и других международных организациях сформировался новый подход к развитию МПС, который заключается в комплексном воздействии на систему для одновременного достижения прогресса в продовольственной безопасности, фермерской эффективности и экологической устойчивости.

ООН дала такое определение МПС: «Продовольственные системы представляют собой весь спектр действующих лиц, видов деятельности и биофизической и социально-экономической среды, участвующих в производстве, переработке, распределении, регулировании и потреблении пищевых продуктов» [2]. Научные эксперты Комитета по всемирной продовольственной безопасности (ГЭВУ КВПБ) включили в определение МПС «все элементы (окружающую среду, людские ресурсы, факторы производства, процессы, инфраструктуру, организации и т.д.) и все виды деятельности, связанные с производством, переработкой, распределением, приготовлением и потреблением продовольствия, а также результаты такой деятельности, в том числе социально-экономические и экологические» [3]. В свою очередь, в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определяют, что к субъектам МПС относятся «люди, ресурсы, процессы или институты, связанные с производством и потреблением продуктов питания, а также их результаты» [4].

Сколь бы ни были разнообразны трактовки продовольственных систем и концептуальные подходы к их структуре и взаимодействию элементов, нельзя отрицать, что, как и прежде, в процесс обеспечения продовольствием вовлечены многообразные отрасли, субъекты, институты. Они функционируют одновременно в природной, ресурсной, рыночной, институциональной, политической, культурной, религиозной средах. Все изменения инновационно-технологического, инфраструк-

турного, финансового, регуляторного характера воздействуют на продовольственную систему в целом и на ее субъекты. Новые трактовки категории МПС можно объяснить стремлением обосновать комплексный характер воздействия на основные ее элементы, чтобы достичь прогресса одновременно в продовольственной безопасности, фермерской эффективности и экологической устойчивости [5]. Соответственно этому концепция трансформации МПС представляет собой выработку и обоснование эффективного комплекса мер в сфере производства, переработки, перевалки, подготовки, хранения, распределения, сбыта, обеспечения доступа, закупки, потребления, процессов формирования потери и порчи пищевых продуктов. Ожидаемые результаты трансформации МПС сфокусированы в экономической, социальной и экологической плоскостях.

Цифровые инновации как драйвер развития мировой продовольственной системы

В рамках трансформации МПС цифровым инновациям отводится основная роль, поскольку, являясь сквозными, они могут быть использованы во всех отраслях по производству и распределению продуктов питания. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО), цифровизация продовольственных систем может обеспечить улучшение производства, качества питания, состояния окружающей среды и качества жизни [1].

Цифровизация продовольственного сектора мира имеет общие черты с аналогичными процессами в других сферах, а также особенности, определяемые не только характером производства, но и социальной значимостью потребления. В МПС главным вектором цифровизации можно считать нацеленность на объединение разрозненных производственных процессов, функций и сервисов в единую сеть для повышения эффективности системы. Хотя связывание субъектов в продовольственной сфере не является тенденцией исключительно эпохи цифровизации, а глобальные цепочки создания стоимости проявляют свои достоинства и недостатки для различных типов хозяйствующих субъектов уже на протяжении последних двух десятилетий, использование технологий блокчейн, облачных сервисов, цифровых платформ (геопространственных, информационных, учебных, рыночных) делает это направление весьма эффективным.

Реальностью стала тенденция к интеллектуализации хозяйственной деятельности в сырьевом и перерабатывающем секторах МПС. В сырьевом секторе наиболее значимы технологии точного земледелия, межмашинного взаимодействия и «умного» животноводства, которые не только способствуют повышению экономической эффективности процессов, но и вносят вклад в решение экологических проблем. В перерабатывающем секторе можно говорить о трансформации системы автоматизации за счет внедрения элементов искусственного интеллекта в производственные комплексы и использования робототехники. Промышленные и сервисные роботы обеспечивают в производстве готового продовольствия развитых стран улучшенное качество продуктов, более высокий санитарный уровень, снижают трудоемкость, повышают производительность.

В новой парадигме развития МПС такие результаты применения цифровых технологий, как повышение производительности ресурсов, рост объема выпускаемой продукции и как конечная цель — эффективности всех процессов считаются целевыми. При этом до настоящего времени не выработаны четкие критерии

и индикаторы понятия «эффективность», часто они подменяются другими. Например, эффекты от использования роботов в пищевой промышленности описываются в практической и научной литературе через категории времени окупаемости или количество высвобождаемой рабочей силы, при этом затушевываются иные результаты: как позитивные, так и деструктивные.

Противоречия цифровой эпохи в преломлении продовольственной проблематики

Любая экономически значимая инновация меняет условия хозяйственной деятельности, тем более это утверждение относится к столь обширному явлению, как комплекс цифровых технологий, изначально рассматриваемых в качестве подрывных. Порождаемые цифровизацией продовольственной сферы противоречия и новые диспропорции носят преимущественно социальный и рыночный характер.

К важнейшей социальной проблеме нужно отнести деформацию рынка труда не только за счет высвобождения малоквалифицированных работников, но и за счет потребности в принципиально новых компетенциях.

На рынке прежде всего деформируется конкурентная среда, поскольку «условия сильно различаются между мелкими фермерами в развивающихся странах, теми, кто занимается экстенсивным пастбищным земледелием, и высокотехнологичными фермерами в странах с развитой экономикой» [5]. Изменение характера взаимодействия субъектов рынка с разным уровнем доступа к цифровой инфраструктуре и технологическим решениям ведет к дальнейшей дисперсии стоимостной основы цены на продовольствие и обостряет конкуренцию. При этом те из субъектов, которые встроились в цифровую реальность, получают преимущества не только за счет оптимизации производственных процессов, но и за счет сокращения цепочки создания стоимости и ускорения всех форм хозяйственного взаимодействия. Встраивание в эти цепочки мелких и средних субъектов возможно далеко не всегда из-за отсутствия у них необходимых компетенций. Транснациональные компании весьма успешно создают корпоративные цифровые платформы, расширяя таким образом контакты с потенциальными клиентами и увеличивая объемы поставляемых товаров, но пока это происходит не за счет мелких фермеров, особо нуждающихся в таких контактах.

Новые условия конкуренции в продовольственной сфере формирует также электронная торговля, особенно в условиях пандемии. Ранее мы констатировали, что «электронная торговля возможна по довольно узкому ассортименту унифицированных стандартных товаров» [6]. В настоящее время этот вид реализации аграрной продукции стал обычным на данном рынке [7].

Активное внедрение цифровых технологий в МПС вызвало к жизни необходимость изменения правил торговли продовольствием и сельскохозяйственными товарами [8]. Возникло еще одно противоречие: как в рамках многосторонней торговой системы легитимно обеспечить государственную поддержку компаний продовольственного сектора с целью снижения затрат путем внедрения цифровых технологий. Это возможно в реформируемой ВТО, хотя существует и противоположное мнение о том, что проблемы изменения правил торговли в условиях цифровой трансформации будут углубляться [8]. За счет оказания поддержки компаний, внедряющих цифровые решения, их затраты снизились [9], и это создает им дополнительные преимущества, что трактуется как искажение условий торговли и, соответственно, обостряет процесс выработки правил.

Заключение

Формирующуюся новую парадигму развития МПС можно считать жизнеспособной, поскольку, во-первых, она носит комплексный характер и, во-вторых, опирается на инновационные компоненты.

Сквозным цифровым технологиям в инновациях МПС отводится важнейшая роль в силу заложенного в них потенциала по объединению всех элементов системы и по повышению эффективности. При этом нужно осознавать, что процессы цифровизации в ряде стран стали реальностью во всех звеньях продовольственной цепи, в других — лишь в отдельных их фрагментах. Причины лежат в экономической, технологической и социальной плоскостях, то есть уже сейчас сформировалась основа для новых форм технологической конкуренции в продовольственном секторе мира как результат цифровизации, что естественно для всех видов инноваций.

При ускоряющемся развитии научно-технического прогресса можно предположить, что повысятся и темпы преодоления цифрового неравенства в МПС, однако в этой широко распространенной сценарной версии, на наш взгляд, велика доля декларативности. Сделать этот сценарий более реалистичным могут продуманные меры государственного регулирования внедрения цифровых инноваций в отрасли по производству и реализации продовольствия, а также углубление международного сотрудничества по созданию и совместному использованию элементов цифровой инфраструктуры и по технологической поддержке тех стран, которые испытывают в этом необходимость.

Библиографический список

1. *The State of Food and Agriculture: Agriculture Food Systems Transformation: from Strategy to Action. — Rome: FAO, 2021. — 28. http://www.fao.org/3/nf243ru/nf243en. pdf.*
2. *Policy Brief: The Impact of COVID-19 on Food Security and Nutrition. United Nations, June 2020. — 23 p. https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_on_COVID_impact_on_food_security. pdf.*
3. *Nutrition and Food Systems. Report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition. — Rome: HLPE, 2017. — 151 p. http://www.fao.org/3/i7846e/i7846e. pdf.*
4. *Making Better Policies for Food Systems. OECD. http://www.oecd.org/food-systems/.*
5. *Food systems face a daunting triple challenge requiring governments to take a more holistic approach. http://www.oecd.org/agriculture/news/food-systems-face-a-daunting-triple-challenge-requiring-governments-to-take-a-more-holistic-approach. htm.*
6. *Ревенко Л.С., Ружинская Т.И. Мировые товарные рынки. — М.: МГИМО-Университет, 2005. — 182 с.*
7. *Клинов В.Г., Ревенко Л.С., Ружинская Т.И. Мировые товарные рынки и цены / Под ред. Л.С. Ревенко. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 664 с.*
8. *Trade Governance in the Digital Age: World Trade Forum / edited by Mira Burri and Thomas Cottier. — Cambridge University Press, 2015. — 502 p.*
9. *World Trade Report 2018. The future of world trade: how digital technologies transforming global commerce. — Geneva: World Trade Organization, 2018. — 232 p.*

References

1. *The State of Food and Agriculture: Agriculture Food Systems Transformation: from Strategy to Action. — Rome: FAO, 2021. — 28 p. http://www.fao.org/3/nf243ru/nf243en. pdf.*

2. *Policy Brief: The Impact of COVID-19 on Food Security and Nutrition. United Nations, June 2020. — 23 p. https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_on_COVID_impact_on_food_security. pdf.*
3. *Nutrition and Food Systems. Report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition. — Rome: HLPE, 2017. — 151 p. http://www.fao.org/3/i7846e/i7846e. pdf.*
4. *Making Better Policies for Food Systems. OECD. http://www.oecd.org/food-systems/.*
5. *Food systems face a daunting triple challenge requiring governments to take a more holistic approach. http://www.oecd.org/agriculture/news/food-systems-face-a-daunting-triple-challenge-requiring-governments-to-take-a-more-holistic-approach. htm.*
6. *Revenko L.S. Mirovye tovarnye rynki [World Commodity Markets]. — Moscow: MGIMO-University, 2005. — 182 p.*
7. *Klinov V.G., Revenko L.S., Ruzhinskaya T.I. Mirovye tovarnye rynki i tseny [World Commodity Markets and Prices: manual / L.S. Revenko Editor]. — Moscow: MGIMO-University, 2018. — 664 p.*
8. *Trade Governance in the Digital Age: World Trade Forum / edited by Mira Burri and Thomas Cottier. — Cambridge University Press, 2015. — 502 p.*
9. *World Trade Report 2018. The future of world trade: how digital technologies transforming global commerce. — Geneva: World Trade Organization, 2018. — 232 p.*

Контактная информация / Contact information

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.
Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454.
Ревенко Лилия Сергеевна / Lilia S. Revenko
+7 (910) 400-58-50, l.revenko@inno.mgimo.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION: MAIN TRENDS AND NEW OPPORTUNITIES

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-223-229

СМОТРИЦКАЯ Ирина Ивановна
Руководитель Центра исследования проблем государственного управления Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт экономики Российской академии наук», главный научный сотрудник, д.э.н.

Irina I. SMOTRITSKAYA
Head of the Center for Public Administration Studies of the Federal State Budgetary Institution of Science — Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Chief Scientific Associate, Doctor of Economics

Аннотация

В статье раскрываются основные тренды цифровой трансформации в сфере государственного управления. Рассмотрены приоритеты цифровизации государственного управления, среди которых — создание цифрового правительства и достижение «цифровой зрелости» системы государственного управления к 2030 году. Дана характеристика цифровых преобразований с позиции повышения эффективности государственного управления, определены возможности цифровизации для формирования модели публичного управления, обеспечивающей комплексный подход к решению макроэкономических задач развития страны.

Abstract

The article reveals the main trends of digital transformation in the field of public administration. The priorities of digitalization of public administration are considered, including the creation of a digital government and the achievement of" digital maturity " of the public administration system by 2030. The characteristics of digital transformations are given from the point of view of improving the efficiency and quality of public administration, the possibilities of digitalization for the development

of a public administration model capable of comprehensively solving macroeconomic problems of the country's strategic development are determined.

Ключевые слова Государственное управление, цифровая трансформация, цифровая зрелость, эффективность и качество управления.

Keywords Governance, digital transformation, digital maturity, efficiency and quality of governance.

Новая парадигма социально-экономического развития страны, ключевые принципы и приоритеты которой определены Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1], предполагает решение социальных, экономических и экологических задач в условиях активного внедрения современных глобальных цифровых технологий.

Чрезвычайная актуальность данной проблемы осознается руководством нашей страны, Президент РФ В. Путин в ходе выступления на конференции Artificial Intelligence Journey (AIJourney2020 г.) отмечал: «В наступающее десятилетие нам предстоит провести цифровую трансформацию всей страны, всей России, повсеместно внедрить технологии искусственного интеллекта, анализа больших данных… Миллиарды рублей будут направлены только на цифровую трансформацию государственного управления и перевод в электронный формат фактически всех государственных услуг»[1].

Цифровая трансформация государственного управления: курс на эффективность?

Приоритеты и задачи цифровой трансформации отражены в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», которая включает семь федеральных проектов, в том числе «Цифровое государственное управление» [2]. Именно цифровизацию на современном этапе рассматривает правительство страны в качестве основы для достижения эффективности и качества государственного управления.

Для выполнения национальной программы «Цифровая экономика» из федерального бюджета в период 2021–2023 гг. предполагается выделить 552 млрд рублей. Из них 268,7 млрд рублей, то есть около половины всех средств (48,7%), планируется на финансирование федерального проекта «Цифровое государственное управление» [3]. Среди стратегических приоритетов федерального проекта — достижение «цифровой зрелости» системы государственного управления к 2030 году. В настоящее время Минцифры России принята «Методика расчета показателя «достижение „цифровой зрелости“» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления» [4]. В методике определены 5 основных показателей для органов власти и организаций в сфере государственного управления с указанием их целе-

1 *В. Путин рассказал о планах по цифровой трансформации госуправления. РИА Новости. 04.12.2020. https://ria.ru/20201204/putin-1587669783. html*

вого значения к 2030 году: доля видов сведений в федеральных информационных системах, доступных в электронном виде, необходимых для оказания массовых социально значимых услуг (100%); доля электронного юридически значимого документооборота в федеральных органах исполнительной власти, внебюджетных фондах и подведомственных учреждениях (100%); сокращение времени фактического предоставления государственных и муниципальных услуг в 3 раза; доля государственных и муниципальных услуг, предоставленных без нарушения регламентного срока (не менее 98%); доля проверок в рамках контрольно-надзорной деятельности, проведенных дистанционно, в том числе с использованием чек-листов в электронном виде (50%) [4].

Однако представленные показатели в большей мере отражают уровень цифровизации документооборота и процедур оказания государственных и муниципальных услуг. По нашему мнению, процедурный подход не соответствует содержательному наполнению понятия «цифровая зрелось государственного управления». Следует отметить, что настоящее время данное понятие не имеет четкого определения и нормативной регламентации, что и приводит к противоречивости в оценке уровня достижения цифровой зрелости.

В тоже время в российской и зарубежной литературе исследованию оценки цифровой зрелости посвящено ряд актуальных публикаций [см., например, 5, 6]. Обобщая существующие подходы к трактовке «цифровой зрелости», можно сделать вывод, что для государственного управления «цифровая зрелость» — это способность эффективно реализовывать социально-экономические задачи, оперативно и прозрачно предоставлять государственные услуги за счет внедрения цифровых технологий, обеспечивающих повышение качества реализации государственных функций и предоставления услуг для граждан и бизнеса. «Цифровая зрелость» предполагает и развитие новых цифровых институтов и форм государственного управления, таких как электронное правительство, управление на основе единых информационных платформ, что, в свою очередь, потребует изменения структуры и организации деятельности существующих государственных учреждений.

От электронного правительства к цифровому

Одним из базовых показателей уровня «цифровой зрелости» государственного управления в мировой практике является переход от электронного правительства к цифровому. Подробное исследование ключевых этапов эволюции электронного правительства представлено в опубликованных ранее автором статьях [напр., см. 7, 8], что позволяет выделить и кратко охарактеризовать современные ключевые направления развития.

Тенденции современного этапа эволюции электронного правительства определяются задачей перехода к «цифровому правительству», в качестве основных элементов которого выступают: единый цифровой портал и общие данные; межведомственные сервисы и государственная телекоммуникационная инфраструктура для совместного использования; улучшенные сенсорные сети; аналитика; кибербезопасность и конфиденциальность [7]. В контур понятия «цифровое правительство» входит экосистема государственных платформ, отвечающих за регулирование различных отраслей и сфер экономики. Цифровые платформы рассматриваются в качестве инструмента межотраслевой координации, так как «использование

решений класса „правительство“ как платформа (Government as a Platform) позволяет организовать совместное создание широкого спектра услуг при участии всех экономических субъектов»[2].

В настоящее время ряд ключевых элементов цифрового правительства уже созданы или находятся на стадии активного формирования. За последние несколько лет получили развитие цифровые платформы федерального и регионального уровня, которые сопоставимы с аналогичными платформами в ведущих странах. Среди наиболее эффективных и социально значимых — Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), на котором размещается весь комплекс необходимой нормативно-правовой информации для граждан, формы заявок, через который проводятся различные платежи. Активно развивается организация межведомственного электронного документооборота для деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти [8].

Что касается оценки уровня цифровой зрелости государственного управления, то в мировой практике наиболее авторитетным агрегированным показателем выступает Индекс развития электронного правительства Организации Объединенных Наций (The UN Global E-Government Development Index), который разрабатывается раз в два года для 193 стран — членов ООН. Индекс развития электронного правительства (EGDI) представляет собой сводный индекс, основанный на средневзвешенном значении трех стандартных индексов. Это индекс телекоммуникационной инфраструктуры (TII), основанный на данных Международного союза электросвязи, Индекс человеческого капитала (HCI), основанный на данных ООН по вопросам образования, науки и культуры, и Индекс онлайн-услуг (OSI), основанный на данных независимого социологического опроса. В 2018 году Россия впервые вошла в группу стран с «очень высоким» индексом развития электронного правительства, однако в 2020 году позиция России снизилась на 4 пункта с 32 до 36 в общем мировом рейтинге. При этом значение EGDI выросло и составило 0,8244 (при максимальном значении индекса — 1), что позволило нашей стране сохранить место в группе с самими высокими показателями индекса в Европе [8, с. 17].

Таким образом, создание цифрового правительства предполагает реформирование системы государственного управления, в результате которого органы власти и организации сферы управления должны стать цифровыми платформами, выполняющими государственные функции и предоставляющими услуги в оперативном и прозрачном режиме. Следует отметить, что данную концепцию подтверждает логика современной реформы государственного аппарата управления[3]. Стратегическая цель реформы — адаптация государственного аппарата к вызовам новой реальности. За счет внедрения цифровых технологий и платформенных решений оптимизируется структура управления, устраняются избыточные функции и руководящие должности, сокращается численность сотрудников. Часть функций государственного управления — в том числе территориальных органов —

2 *Доклад «Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации». Международный банк реконструкции и развития/Всемирный банк. 2018. с. XXIV. https:/www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/competing-in-digital-age*

3 *В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2020 г. № 1829; постановлением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2020 г. № 1830.*

перераспределены и будут централизованы на федеральном или межрегиональном уровне. В результате численность госаппарата уже сократилась на 10%[4].

Новые возможности

Цифровая трансформация государственного управления как комплексный подход, основанный на новых информационных технологиях и праве субъектов управления на собственный цифровой профиль, позволит сформировать экосистему государственных платформ, отвечающих за регулирование различных сфер российской экономики, что создаст новые возможности для повышения эффективности государственного управления. В качестве ключевых можно выделить следующие:

- переход от модели «сервисного управления» к модели «объединенного правительства», что обеспечит более качественный уровень стратегического и краткосрочного планирования, межведомственной координации для реализации национальных целей развития российской экономики;
- перевод в электронную форму большей части ведомственных процессов, в том числе в сфере контрольной-надзорной деятельности;
- предоставление государственных услуг экстерриториально по принципу 24/7, большинство из них будет оказываться автоматически в так называемом проактивном режиме;
- цифровые возможности для объединения в сообщества в целях содействия решению социальных вопросов и проблем, обеспечения активной «обратной связи» между органами государственного управления и гражданским обществом, что представляется чрезвычайно важным для реализации социальных приоритетов стратегии развития страны;
- сокращение затрат на государственное управление, по оценкам экспертов ЦСР, развитие цифрового правительства позволит снизить уровень затрат на общегосударственные расходы на 0,3% ВВП к 2024 году.

Заключение

На современном этапе в сфере государственного управления происходит активное внедрение цифровых технологий и платформенных решений. Концепция развития цифрового правительства создает предпосылки для трансформации системы государственного управления в сторону модели публичного управления, предполагающей формирование «объединенного» цифрового правительства, способного на основе реализации новых возможностей для стратегического планирования и межведомственной координации, транспарентности и социального партнерства эффективно решать макроэкономические задачи стратегического развития страны.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что цифровизация системы государственного управления не должна сводиться к трансформации институтов и функций управления. Миссия внедрения цифровых технологий в сферу государственного управления заключается в существенном повышении его качества и «это новое качество достижимо только на новой технологической платформе — лишь новые технологические решения позволят в современных условиях исполнить большинство, если не все, нацпроекты» [5, с. 66].

4 *Руководитель Аппарата Правительства Д. Григоренко. Интервью «Известиям» 31 марта 2021. https://ria.ru/20210331/gosapparat-1603546523.html*

Библиографический список

1. *Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. № 474. [Электронный ресурс] — URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1401794/.*
2. *Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. [Электронный ресурс] — URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858.*
3. *Бюджет нацпроекта «Цифровая экономика» в 2021–2023 годах составит 552 млрд рублей. Экономика. ТАСС. 30.09.2020 г. [Электронный ресурс] — URL: https://tass.ru/ekonomika/9593805*
4. *Методика расчета показателя «достижение „цифровой зрелости“» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления» Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 2020. [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc&base=LAW&n=383438&dst=100013%2C0#07908178725950934.*
5. *Добролюбова Е.Г. Оценка цифровой зрелости государственного управления //Информационное общество. 2021. — № 2. — с. 37–52. [Электронный ресурс] — URL: http://infosoc.iis.ru/article/view/580*
6. *Renteria C., Ramon Gil-Garcia J., Pardo T.A. Toward an enabler-based digital government maturity framework: A preliminary proposal based on theories of change /ACM International Conference Proceeding Series, Part F148155. 2019. P. 408–417. [Электронный ресурс] — URL: https://dl.acm.org/doi/10.1145/3326365.3326419*
7. *Смотрицкая И.И. Государственное управление в условиях развития цифровой экономики: стратегические вызовы и риски // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 4. С. 60–72.*
8. *Смотрицкая И.И. Черных С.И. Организационные инновации в сфере государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. — № 1. — с. 9–25 — DOI:10.24412/2073-6487-2021-1-9-25.*
9. *Бодрунов С.Д. Россия: новые идеи -новые решения // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. — № 1 — том 221. — с. 58–68.*

References

1. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» ot 21 iyulya 2020 g. № 474. Garant. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1401794/ (in Russian).*
2. *Nacional'naya programma «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii» utverzhdena protokolom zasedaniya prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiyu i nacional'nym proektam ot 4 iyunya 2019 g. № 7.*
3. *URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/. (in Russian).*
4. *Byudzhet nacproekta "Cifrovaya ekonomika" v 2021–2023 godah sostavit 552 mlrd rublej. Ekonomika. TASS. 30.09.2020 g. URL: https://tass.ru/ekonomika/9593805 (in Russian).*
5. *Metodika rascheta pokazatelya «dostizhenie «cifrovoj zrelosti» klyuchevyh otraslej ekonomiki i social'noj sfery, v tom chisle zdravoohraneniya i obrazovaniya, a takzhe gosudarstvennogo upravleniya» Ministerstvo cifrovogo razvitiya, svyazi i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacii. 2020. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc&base=LAW&n=383438&dst=100013%2C0#07908178725950934 (in Russian).*

6. *Dobrolyubova E.I. Otsenka tsifrovoi zrelosti gosudarstvennogo upravleniya [Assessing Government digital Maturity]. Information Society 2021. — № 2. — p. 37–52. (in Russian).*
7. *Renteria C., Ramon Gil-Garcia J., Pardo T.A. Toward an enabler-based digital government maturity framework: A preliminary proposal based on theories of change /ACM International Conference Proceeding Series, Part F148155. 2019. P. 408–417*
8. *Smotritskaya I.I. Gosudarstvennoe upravlenie v usloviyah razvitiya tsifrovoi economiki: strategicheskie vuzovu i riski [Public administration in the conditions of development of the digital economy: strategic challenges and risks]. ETAP: economic theory, analysis, practice. 2018. — № 4. — p. 60–72. (in Russian).*
9. *Smotritskaya I.I., Chernykh S.I. Organizatsionnye innovatsii v sfere gosudarstvennogo upravleniya [Organizational innovations in the sphere of public administration] Vestnik of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. — № 1. — p. 9–25. (in Russian). doi:10.24412/2073-6487-2021-1-9-25.*
10. *Bodrunov S.D. Rossiya: novye idei — novye resheniya [Russia — new ideas, new solutions]. Scientific Works of the free economic society of Russia. 2020. — № 1 — T. 221. — p. 58–68. (in Russian).*

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук»
117218, Москва, Нахимовский проспект, 32.
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (IE RAS)
32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117218, Russia.
Смотрицкая Ирина Ивановна/ Irina I. Smotritskaya
irinasmot@yandex.ru

РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУР ЦИФРОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ[1]

DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ENTERPRISES ARCHITECTURES

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-230-235

ТЕЛЬНОВ Юрий Филиппович
Заведующий кафедрой прикладной информатики и информационной безопасности Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор

Yury F. TELNOV
Head of Department of Applied Informatics and Information Security, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

В статье рассматривается влияние применения цифровых технологий, таких как новые производственные технологии, промышленный интернет, искусственный интеллект, большие данные и предиктивная аналитика на построение динамичных и гибких архитектур современных цифровых предприятий.

В качестве инструмента, реализующего единое информационное пространство производственных и бизнес-процессов предприятия, предлагается концепция Industry 4.0 и архитектурный подход на ее основе RAMI, которые рассматривают использование в качестве технологической основы предприятия сетевую структуру связанного мира.

Для моделирования производственных и бизнес-процессов цифрового предприятия рассматривается концепция построения предприятий, деятельность которых базируется на использовании моделей (Model-Based Enterprise) и подход к моделированию и управлению цифровым потоком (Digital Thread). Для повышения семантической интероперабельности взаимодействующих моделей цифровых предприятий предлагается использовать методы онтологического моделирования, а для ускорения гибкой конфигурации цифровых предприятий — методы микросервисной организации программного обеспечения.

Abstract

The article examines the impact of the use of digital technologies, such as new production technologies, industrial Internet, artificial intelligence, big data and predictive analytics on the construction of dynamic and flexible architectures of modern digital enterprises.

As a tool that implements a single information space of production and business processes of the enterprise, the concept of Industry 4.0 and the architectural approach based on RAMI are proposed, which consider the use of the network structure of the connected world as the technological basis of the enterprise.

To model the production and business processes of a digital enterprise, the concept of building enterprises whose activities are based on the use of models (Model-Based

1 *Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-07-01137а.*

Enterprise) and an approach to modeling and managing digital flow (Digital Thread) is considered. To increase the semantic interoperability of interacting models of digital enterprises, it is proposed to use methods of ontological modeling, and to accelerate the flexible configuration of digital enterprises — methods of microservice organization of software.

Ключевые слова Цифровое предприятие, Индустрия 4.0, референсная архитектурная модель, предприятие, основанное на использовании моделей, цифровой поток, онтологическое моделирование, микросервисы.

Keywords Digital Enterprise, Industry 4.0, reference architectural model, model based enterprise, digital thread, ontology modelling, microservices.

Введение

Развитие и широкое использование цифровых технологий в социально-экономических процессах существенным образом изменяет бизнес-модели предприятий, главным элементом которых становится инновационный характер деятельности, направленной на непрерывную адаптацию производства и оказания услуг к изменяющимся потребностям общества. Вместе с тем простое внедрение цифровых технологий в практику управления предприятиями само по себе не ведет автоматически к улучшениям социально-экономических показателей деятельности предприятий. Только глубокое преобразование всех производственных и бизнес-процессов, составляющее предмет цифровой трансформации, может способствовать построению эффективных и гибко настраиваемых производственных структур на решение задач удовлетворения динамически изменяющихся потребностей субъектов экономической деятельности.

В настоящее время широко развиваются научные исследования в области создания динамических архитектур цифровых предприятий, которые призваны комплексно решать задачи цифровой трансформации. Главными особенностями разрабатываемых архитектур цифровых предприятий являются:

- Реализация основных принципов Индустрии 4.0 (Industrie 4.0).
- Формирование гибких архитектур предприятий на основе цепочек и сетей создания ценности предприятий.
- Непрерывное моделирование и развитие процессов создания продукции и оказания услуг в рамках концепции цифровых потоков.

Реализация основных принципов индустрии 4-го поколения на основе современных цифровых технологий

Развитие концепции индустрии 4-го поколения или 4-й промышленной революции тесно связано с внедрением в промышленное производство таких новых цифровых технологий, как промышленный интернет, основанный на интернете вещей и интернете «всего», искусственный интеллект и обработка больших объемов данных, новые промышленные технологии и роботизация, сервисные архитектуры информационных систем и организация облачной обработки данных и др. Обобщение основных принципов построения бизнес-моделей, связанных с цифровизацией производственных и бизнес-процессов, нашло отражение

в работах многих исследователей: Клауса Шваба [1], Августа-Вильгельма Шеера [2] и др.

Прежде всего, в концепции индустрии 4-го поколения развивается принцип открытых инноваций, непрерывного обновления и развития продуктовых линеек, обусловленных необходимостью индивидуализации производства под конкретные и перспективные потребности рынка. В инновационный процесс включаются все заинтересованные стороны: от заказчиков до предприятий — возможных смежников. Данному процессу способствует создание современных экосистем на базе облачных и мультисервисных программно-технических платформ. Бизнес-модели взаимодействия всех участников создания цепочек ценности, согласно Александру Остервальдеру [3], становятся более интегрированными и гибкими, образуя новые организационные формы такого взаимодействия, которые позволяют формировать необходимые производственные и бизнес-процессы «на лету» через множество каналов коммуникации.

В новых организационных формах предприятий, которые часто называют виртуальными или сетевыми, на первое место выходят сервис-ориентированные архитектуры предприятий и архитектуры предприятий, основанные на совместном использовании общих ресурсов (sharing economy). Даже классические производственные схемы поставки оборудования заменяются на бизнес-модели сдачи оборудования в аренду или с физическим его предоставлением арендатору, или предоставлением услуг через центры удаленного коллективного использования. Включение киберфизических устройств в производственное оборудование, создание сетей промышленного интернета позволяют владельцам производственных процессов посредством анализа возникающих больших объемов данных проводить оперативную диагностику эксплуатации оборудования и своевременно проводить его ремонт или замену.

Создание динамичных организационных структур совместного взаимодействия участников цепочек создания ценностей обусловливает необходимость разработки новых методов организационного управления, среди которых особенное место отводится децентрализации управления и выработки консолидированных управленческих решений, а также развития методов самоорганизации производственных и бизнес-процессов. В оперативных производственных процессах переключение в использовании производственных линий и оборудования может осуществляться автоматически на основе анализа больших данных, генерируемых в процессе эксплуатации. Для принятия более сложных решений, например, в инновационных процессах, могут применяться и более сложные многоагентные системы, связывающие участников сетевых взаимодействий с помощью интеллектуальных программных агентов.

Формирование гибких архитектур предприятий на основе архитектурной модели Индустрии 4.0

Цифровизация производственных и бизнес-процессов оказывает существенное влияние на построение архитектуры предприятия, под которой будем понимать «целостный набор принципов, методов и моделей, используемых в проектировании и реализации организационной структуры, бизнес-процессов, информационных систем и технологий» [4]. Среди современных подходов к построению архитектуры предприятий следует выделить подход, который направлен на описание типовой

(референсной) архитектурной модели Индустрии 4.0 (Reference Architectural Model Industry 4.0 — RAMI 4.0), специфицированной в Европейском стандарте DIN SPEC 91345 [5].

В архитектурном подходе RAMI рассматриваются структура производства в аспектах определения объектов и средств производства, стадии жизненного цикла создания продукции и услуг и архитектурные слои, которые включают бизнес-слой, функциональный, информационный, коммуникационный, интеграционный и физический слои [5]. С помощью такого подхода можно представить предприятие от рабочего места до системы связанных предприятий (connected world) в целом. На пересечении этих трех измерений определяются модели разных типов, которые позволяют отслеживать все связанные производственные и бизнес-процессы и осуществлять необходимые управленческие воздействия по достижению целевых состояний предприятия на оперативном, тактическом и стратегическом уровнях управления.

С позиции архитектурного подхода RAMI можно представить эволюцию концепции цифровых предприятий, которые широко используют цифровые технологии во всех аспектах своей деятельности. Концепцию цифровых предприятий в России (проект «Фабрики будущего») активно развивает Ассоциация «Технет» в рамках Национальной технологической инициативы [6], согласно которой различают цифровые, смарт («умные») и виртуальные фабрики.

Концепция виртуальных предприятий в теории организационного проектирования развивается достаточно давно [7]. Вместе с тем практическая реализация виртуальных предприятий с применением промышленного интернета и интеллектуальных технологий наблюдается только в последние годы. Причем в основном виртуальные предприятия достаточно активно создаются в инновационном бизнесе, на торговых площадках, в сетевом обслуживании клиентов, приобретая черты распределенных сетевых структур. Предполагается, что виртуальные формы отношений партнеров по бизнесу будут находить все большее применение в корпорациях и холдингах, образуя более динамичные структуры под конкретные проекты.

Модельно-ориентированный подход к построению архитектуры цифровых предприятий

Для создания гибких архитектур цифровых предприятий все большее значение приобретают вопросы математического и компьютерного моделирования всех элементов архитектуры. С этой точки зрения моделирование деятельности предприятий в различных слоях архитектурного подхода RAMI и на различных стадиях жизненного цикла предполагает создание системы взаимосвязанных и взаимодействующих моделей предприятия, на основе которых можно находить рациональные решения по организации производственных и бизнес-процессов. Подход к непрерывному моделированию деятельности предприятия на всех этапах жизненного цикла нашел развитие в концепции предприятий, деятельность которых базируется на использовании моделей (Model-Based Enterprise — MBE) [8].

Дальнейшим развитием концепции MBE является подход к моделированию и управлению цифровым потоком (digital thread), разработанный Национальным институтом стандартов и технологий США (NIIST) [9]. Этот подход характеризует интегрированное представление и использование связанных данных о совместно используемых ресурсах (активах), которые рассматриваются с позиции различных

функциональных точек зрения, на протяжении всего жизненного цикла продукции и услуг.

В существующем подходе моделирования цифрового потока не решены задачи установления семантического соответствия различных описаний продукции и услуг и соответствующих процессов, что становится основным критическим фактором для успешного создания совместно используемых программно-технических платформ, поддерживающих достаточно сложную экосистему цифрового предприятия.

Для обеспечения семантической интероперабельности различных моделей создания продукции и услуг на цифровом предприятии предлагается использовать методы онтологического моделирования всех взаимосвязанных производственных и бизнес-процессов [10]. Для ускорения процессов конфигурации архитектуры цифрового сетевого предприятия в соответствии возникающими потребностями целесообразно использовать методы построения микросервисных информационных систем, состоящих из взаимодействующих автономных интеллектуальных агентов [11].

Заключение

Анализ развития современных цифровых предприятий на основе реализации принципов индустрии 4-го поколения показал, что внедрение современных цифровых технологий на предприятиях приводит к коренному изменению бизнес-моделей, направленных на обеспечение клиенто-ориентированности и устойчивости бизнеса. Применение современных архитектурных принципов способствует созданию цифровых предприятий будущего, формирующих экосистемы на основе интеллектуальных программно-технических платформ. Для повышения качества проектирования цифровых предприятий и обеспечения гибкости их конфигурирования необходимо применение методов онтологического инжиниринга и построения микросервисных архитектур программного обеспечения.

Библиографический список

1. *Шваб К. Четвертая промышленная революция. / К. Шваб — «Эксмо», 2016 — (Top Business Awards). — 138 с.*
2. *Шеер А.В. Индустрия 4.0: от прорывной бизнес-модели к автоматизации бизнес-процессов / Издательский дом «Дело», 2020. — 272 с.*
3. *Osterwalder A. et al. The Business Model Ontology — a proposition in a design science approach. Thesis PhD. — 2004.*
4. *Mark Lankhorst. Enterprise Architecture at Work. Modelling, Communication and Analysis/ Second Edition Springer-Verlag Berlin Heidelberg 2009/ — 359 p.*
5. *Reference Architectural Model Industrie 4.0 (RAMI4.0) — An Introduction: https://www.plattform-i40.de/PI40/Redaktion/EN/Downloads/Publikation/rami40-an-introduction. html (дата обращения 28.06.2021).*
6. *Многоуровневая структура фабрики будущего // Ассоциация Технет, https://technet-nti.ru/article/fabriki-buducshego (дата обращения 28.06.2021).*
7. *Тарасов В.Б. От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 352 с.*
8. *Frechette S.P. Model based enterprise for manufacturing // Manufacturing Systems Integration Division, Engineering Laboratory, National Institute of Standards and Technology, 2011. https://www.nist.gov/publications/model-based-enterprise-manufacturing (дата обращения 28.06.2021).*

9. *Digital thread for smart manufacturing / NIST, 2020 [Электронный ресурс] https://www.nist.gov/programs-projects/digital-thread-smart-manufacturing (дата обращения 28.06.2021).*
10. *Построение структуры сетевого предприятия для создания инновационных продуктов / Ю.Ф. Тельнов и [др.] // Открытое образование, 2019, Т. 23, № 6, — С. 59–73.*
11. *Тельнов Ю.Ф., Казаков В.М., Трембач В.М. Разработка системы, основанной на знаниях, для проектирования инновационных процессов создания продукции сетевых предприятий // Бизнес-информатика, Т. 14. № 3 — 2020. — С. 35–51.*

References

1. *Shvab K. The Fourth Industrial Revolution / K. Shvab — "Eksmo", 2016 — (Top Business Awards). — 138 s.*
2. *Scheer A.V. Industry 4.0: from a breakthrough business model to automation of business processes / Delo Publishing House, 2020. — 272 p.*
3. *Osterwalder A. et al. The Business Model Ontology — a proposition in a design science approach. Thesis PhD. — 2004.*
4. *Mark Lankhorst. Enterprise Architecture at Work. Modelling, Communication and Analysis/ Second Edition Springer-Verlag Berlin Heidelberg 2009/ — 359 p.*
5. *Reference Architectural Model Industrie 4.0 (RAMI4.0) — An Introduction: https://www.plattform-i40.de/PI40/Redaktion/EN/Downloads/Publikation/rami40-an-introduction.html (дата обращения 28.06.2021).*
6. *Multilevel structure of the factory of the future / / Association Technet, https://technet-net.nti.ru/article/fabriki-buducshego (дата обращения 28.06.2021).*
7. *Tarasov V.B. From multi-agent systems to intellectual organizations: philosophy, psychology, computer science. — Moscow: Editorial URSS, 2002 — 352 p.*
8. *Frechette S.P. Model based enterprise for manufacturing // Manufacturing Systems Integration Division, Engineering Laboratory, National Institute of Standards and Technology, 2011. https://www.nist.gov/publications/model-based-enterprise-manufacturing (дата обращения 28.06.2021).*
9. *Digital thread for smart manufacturing / NIST, 2020 [Электронный ресурс] https://www.nist.gov/programs-projects/digital-thread-smart-manufacturing (дата обращения 28.06.2021).*
10. *Telnov Y.F. et al. Constructing network enterprise structure to create innovative process // Open Education, 2019, v. 23, № 6, — P. 59–73.*
11. *Telnov Y.F., Kazakov V.A., Trembach V.M. Developing a knowledge-based system for the design of innovative product creation processes for network enterprises // Business Informatics — V. 14 № 3 — 2020. — C. 35–51.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
117997, Москва, Стремянный пер., 36.
Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny Alleyway., Moscow, 117997, Russia.
Тельнов Юрий Филиппович / Yury F. Telnov
telnov.yuf@rea.ru

Пленарная конференция МАЭФ-2021

V Международный политэкономический конгресс

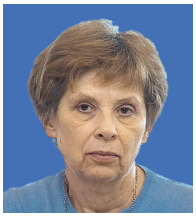
«Глобальные социально-экономические трансформации: будущее России»

Московская школа экономики
МГУ имени М.В. Ломоносова

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАК ФАКТОР УСКОРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT AS A FACTOR OF ACCELERATING ECONOMIC GROWTH IN RUSSIA

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-237-244

ЛЕНЧУК Елена Борисовна
Директор Института экономики Российской академии наук, член Правления ВЭО России, д.э.н., профессор

Elena B. LENCHUK
Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Member of the Board of the VEO of Russia, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

В статье рассматриваются современные процессы изменения технологического базиса мировой экономики на основе широкомасштабного перехода к использованию технологий четвертой промышленной революции, формирующих новые рынки и открывающих перспективы для устойчивого экономического роста. Именно в научно-технологическую сферу смещается конкурентная борьба между странами. Россия пока остается малозаметным игроком на этом поле. Автор попытался рассмотреть основные причины такого отставания и обозначить комплекс мер государственной научно-технологической политики, которые способны придать необходимый импульс научно-технологическому развитию России.

Abstract

The article deals with the modern processes of changing the technological basis of the world economy on the basis of large-scale transition to the use of technologies of the fourth industrial revolution, shaping new markets and opens up prospects for sustainable economic growth. It is in the scientific and technological sphere that the competition between countries is shifting. Russia remains nearly invisible player in this field. The author tried to consider the main reasons for such a lag and identify a set of measures of state scientific and technological policy that can give the necessary impetus to the scientific and technological development of Russia.

Ключевые слова Научно-технологическое развитие, передовые технологии, научно-технологический потенциал, инновационная модель развития, экономический рост, стратегическое планирование.

Keywords Scientific and technological development, emerging technologies, scientific and technological potential, innovative development model, economic growth, strategic planning.

В современном мире под воздействием динамично развивающегося научно-технологического прогресса набирают обороты процессы структурной перестройки мировой экономики, связанной с изменением ее технологического базиса, который формируют новейшие технологии формирующегося VI технологического уклада и четвертой промышленной революции. Широкомасштабный переход к использованию этих технологий, по сути, изменяет порядок функционирования экономических систем, позволяя сократить производственные циклы, повысить производительность труда, перейти к новым бизнес-моделям на основе цифровых платформ. Они способны трансформировать традиционные производства, а также формируют новые рынки и сектора экономики, которые превращаются в главный фактор глобального роста.

К таким рынкам принято относить электронику, информационно-коммуникационные технологии, аддитивное производство, биотехологии, науки о жизни, современные материалы, гибкое производство, аэрокосмическую промышленность, ядерные технологии, вооружение и т.п. Масштабы таких рынков постоянно растут, и, по оценкам экспертов, к 2025 г. они могут превысить 5 трлн долл. Именно поэтому процессы разработки и освоения новых технологий сопровождаются возрастанием конкурентной борьбы в научно-технологической сфере, в ходе которой появляются новые лидеры научно-технологического развития и новые центры экономического влияния. Становится очевидным, что страна, которая выиграет гонку в ключевых технологиях и использует технологические инновации для поддержания высокотехнологичных рабочих мест и доходов, станет сверхдержавой будущего.

В этой связи развитые и развивающиеся страны все больше акцентируют свое внимание на наращивании научно-технического потенциала, выработке соответствующей научно-технологической политики, инвестиционной поддержки научно-технологических проектов в сфере новых технологий. Так, в апреле 2021 г. в США был принят закон «The Endless Frontier Act» (Bill S. 1260), в рамках которого для сохранения технологического лидерства страны Национальному научному фонду на ближайшее пятилетие выделяется дополнительно 127 млрд долл. на обеспечение интеграции фундаментальных и прикладных разработок и коммерциализации полученных результатов. [1] Выработка стратегий по освоению ключевых технологий, разработка дорожных карт по их реализации, создание специальных ведомств, ответственных за этот процесс, и его инвестиционная поддержка характерна сегодня для Германии, Великобритании, Японии, Канады, Республики Кореи, Китая и других стран.

В таких условиях для России становится крайне важным ответить на вопрос, насколько она готова участвовать в конкурентной борьбе за технологическое

лидерство или она и дальше будет укреплять свою роль ресурсного донора и усугублять технологическую зависимость от развитых стран мира.

Безусловно, в настоящее время Россия имеет целый ряд прорывных результатов в отдельных видах технологий (композиты, нанотрубки, вакцины, суперкомпьютеры, лазеры, ядерные технологии, работы по искусственному интеллекту) [2, с. 56], а также в технологиях в области вооружений. Однако в целом разрыв между Россией и западными странами в научно-технологической сфере нарастает.

Прежде всего, возрастает отставание в уровне финансирования сферы НИОКР, что отражается падением показателя внутренних затрат на НИОКР в ВВП в %, который как раз и характеризует готовность страны к технологическому рывку (см. табл. 1). В 2018 г. доля затрат на науку в ВВП опустилась ниже уровня 1%, в то время как в развитых странах мира этот показатель превышает 2–3%. По сути, за последнее десятилетие не было достигнуто ни одного целевого показателя по росту доли затрат на науку в ВВП, предусмотренных такими документами, как Стратегия инновационного развития РФ до 2020 г., Указ Президента РФ № 599 (2012). Затраты на науку по-прежнему остаются ниже уровня 1991-го. На фоне сокращения финансирования науки продолжает сокращаться и численность занятых в науке, что прямо противоречит логике наращивания кадрового потенциала в условиях динамичного освоения достижений научно-технологического прогресса. В сложившейся ситуации не следует удивляться тому, что страна до сих пор не смогла перейти к инновационному пути развития.

Таблица 1. Сравнительные показатели наукоемкости и доли исследователей на млн населения в некоторых развитых странах и России

Страны	Доля затрат на НИОКР, в % ВВП		Доля исследователей на млн населения	
	2014	2018	2014	2018
США	2,72	2,84	4208	4412
Великобритания	1,66	1,72	4228	4683
Германия	2,87	3,09	4321	5212
Япония	3,40	3,26	5328	5331
Р. Корея	4,29	4,53	6826	7980
Китай	2,03	2,19	1089	1307
Россия	1,01	0,99	3075	2784

Источник: составлено по [3].

Отмеченные негативные процессы в сфере науки прежде всего влияют на ее результативность. Так, оценивая позиции России в области патентной активности, следует отметить, что по сравнению с технологическими лидерами она выглядит довольно скромно — по количеству полученных патентов она отстает от Китая и США в 17 и 13 раз соответственно.

Таблица 2. Показатели патентной активности двенадцати ведущих стран в 2015–2019 гг.

Страна	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	279 508	322 516	352 567	377 305	399 878
США	257 069	277 090	285 757	289 080	309 644
Япония	271 149	289 235	285 983	284 068	283 926
Р. Корея	109 108	120 545	131 577	131 912	141 552
Германия	86 854	99 713	98 956	101 556	105 181
Франция	43 958	47 637	47 576	50 384	51 855
Великобритания	21 471	23 843	25 132	26 442	28 464
Швейцария	22 191	25 936	26 134	26 109	27 386
Нидерланды	17 151	21 078	23 252	22 831	24 436
Индия	5821	6697	7512	8350	10 804
Италия	18 826	20 451	19 695	22 224	25 017
Россия	24 996	24 229	24 807	23 627	23 401

Источник: составлено автором по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС/WIPO). URL: https://www3.wipo.int/ipstats/index.htm (дата обращения: 12.06.2021).

В настоящее время Россия является импортером технологий, имея отрицательный баланс в торговле технологиям в 2019 г. в объеме 1,6 трлн долл. [4, с. 265] Доля принципиально новых технологий, тех, которые могут быть востребованы на мировом рынке, составляет около 14–15% от общего числа создаваемых технологий [4, с. 251].

Эксперты НИУ ВШЭ отмечают риски для России «навсегда отстать» в технологиях от развитых и многих развивающихся стран, ссылаясь на то, что страна «пока остается малозаметным участником мирового рынка передовых технологий (см. табл. 3). В период 2002–2018 гг. доля России в мировом экспорте продукции ПП варьировалась в пределах 0,2–0,5%, а в мировом импорте — в пределах 0,3–1,0. Характерно, что импорт осуществляется в основном из развитых стран, а экспорт — преимущественно на постсоветское пространство». Оценивая текущую специализацию страны на рынках передового производства, авторы доклада отмечают ее недостаточность с точки зрения ее влияния на повышение динамики экономического роста, относя Россию к «опаздывающим производителям» [5].

Действительно, статистика подтверждает факт отставания России — вот уже два десятилетия ее доля на мировых высокотехнологичных рынках не превышает 0,5%. Так, в 2018–2019 гг. объем российского высокотехнологичного экспорта был в 20 раз меньше, чем в США и Китае (см. табл. 4).

Таблица 3. Экспортеры — лидеры рынков передовых производств, 2018, в %

Рынок ПП	1-е место	2-е место	3-е место	Доля России
Электроника	Гонконг — 15,9	Китай — 14,3	Р. Корея — 12,4	Россия — 0,1
Оптоэлектроника	Китай — 24,1	Германия — 10,7	США — 8,4	Россия — 0,6
ИКТ	Китай — 37,8	Гонконг — 11,2	США — 7,5	Россия — 0,2
Аддитивное производство	Германия — 23,4	Китай — 15,9	Япония — 9,6	Россия — 0,1
Биотехнологии	Швейцария — 16,5	Ирландия — 16,4	Германия — 15,8	Россия — 0,1
Науки о жизни	Германия — 14,5	США — 12,3	Швейцария — 10,6	Россия — 0,1
Гибкое производство	Япония — 15,5	Германия — 15,8	США — 12,1	Россия — 0,3
Современные материалы	Китай — 22,4	Япония — 18,2	США — 12,3	Россия — 0,6
Аэрокосмическая промышленность	Франция — 19,6	Германия — 16,6	Великобритания — 1,3	Россия — 1,2
Ядерные технологии	Россия — 16,7	Германия — 16,2	Франция — 12,2	
Вооружение	США — 43,4	Китай — 5,1	Р. Корея — 5,1	Россия — 1,2

Источник: [5, с. 48].

Таблица 4. Объем и доля высокотехнологичного экспорта в некоторых развитых и развивающихся странах мира

	2018		2019	
	млрд долл.	в %	млрд долл.	в %
В мире	2800,0	100	2925,0	100
США	220,5	7,8	156,3	5,34
Германия	230,9	8,2	208,7	7,1
Франция	112,6	4,0	120,9	4,1
Великобритания	71,8	2,6	78,2	2,7
Япония	79,8	2,8	104,0	3,6
Р. Корея	192,8	6,9	153,6	5,2
Китай	647,8	23,1	715,8	23,9
Россия	10,8	0,4	10,2	0,4

Источник: рассчитано автором по данным The World Bank URL: https://data.worldbank.org/indicator.

Следует отметить, что, несмотря на риторику о необходимости перехода к инновационной модели развития страны, которая длится вот уже два десятилетия, и принимаемые в этой области стратегии и программы, Россия по-прежнему остается преимущественно поставщиком сырья и продукции низших переделов. Основные причины такой ситуации, прежде всего, связаны с проводимой экономической политикой государства в духе «Вашингтонского консенсуса», когда финансовая макростабилизация ставится во главу угла. И сегодня реализуемая денежно-кредитная политика не стимулирует ни экономический рост, ни структурно-технологическую перестройку экономики.

Нельзя не отметить и просчеты в государственных реформах в сфере управления научно-технологическим развитием в стране, в результате которых наука была оторвана от реального сектора производства и перестала быть производительной силой общества. В условиях всеобщей деиндустриализации и вымывания технологически емких производств практически не удалось запустить механизм стимулирования инноваций. Кроме того, сегодня в стране нет достаточного количества крупных технологических компаний, которые бы сформировали конкурентную среду в этой сфере.

Отсутствует и артикулированная научно-технологическая политика. В настоящее время в стране отсутствует субъект управления этим процессом, определяющий ключевые приоритеты научно-технологического развития страны в условиях разворачивающейся четвертой промышленно революции, а также перечень ключевых технологий, необходимых для модернизации традиционных производств и выхода на новые формирующиеся рынки. Технологические аспекты не затрагивает ни Стратегия научно-технологического развития, ни нацпроект «Наука», ни Государственная программа научно-технологического развития РФ. Предполагалось, что задача разработки и освоения новых перспективных технологий будет решаться в рамках программы «Национальная технологическая инициатива», но и в рамках этой программы пока не удалось сформировать пакет прорывных проектов, способных вывести страну на новый конкурентный уровень в научно-технологической сфере и сформировать новые точки роста.

Безусловно важным ограничительным моментов в формировании вектора научно-технологического развития в стране является отсутствие видения общего облика национальной экономики в будущем [6, с. 34]. До сих пор не сформирована долгосрочная стратегия социально-экономического развития страны, которая бы определила основные цели и задачи перехода к новой конкурентной модели развития, а также основные инструменты и механизмы их реализации.

В этой связи сегодня можно сформулировать комплекс мер, которые должны быть реализованы в рамках проводимой государственной политики, в целях ускорения научно-технологического развития страны и превращения его в драйвер экономического роста:

- использовать механизмы стратегического планирования, вывести на качественно новый уровень систему целеполагания и стратегирования в стране для определения общеэкономического вектора социально-экономического развития в условиях перехода к инновационной модели и с этой задачей увязать цели и приоритеты научно-технологического развития;
- определить субъект управления научно-технологическим развитием, способный формировать и реализовывать эффективную научно-технологическую политику.

Такие функции может выполнять надведомственный орган, действующий под руководством заместителя Председателя Правительства РФ, прототипом которого является ГКНТ [7, с. 36];

- консолидировать все виды ресурсов для обновления технологического базиса российской экономики, путем разработки и освоения новых производственных технологий с последующим их широкомасштабным внедрением как в традиционные отрасли, так и созданием новых высокотехнологичных производств для новых рынков;
- довести долю государственных расходов на науку до уровня развитых стран, совершенствовать деятельность финансовых институтов развития в сфере инновационной деятельности в направлении расширения поддержки проектов, направленных на освоение новых передовых технологий, определяющих конкурентоспособность страны, сформировать действенную систему налоговых стимулов для бизнеса, осуществляющих научно-исследовательскую и инновационную деятельность;
- сформировать целостную систему организации научных исследований, прикладных разработок и инновационной деятельности, научно-технической экспертизы, восстановив авторитет и статус РАН не только как высшей научной и экспертной организации страны, но и как организации, осуществляющей управление и проведение научных исследований и прежде всего в фундаментальных областях наук [7, с. 36];
- шире распространять практику создания консорциумов крупнейших отраслевых и технологических игроков страны для реализации крупных научно-технологических проектов.

Библиографический список / References

1. *The Endless Frontier Act (Bill S.1260) URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1260/text*
2. *Клепач А.Н. Социальный инновационный поворот Российской экономики: планы и реальность. // Научные труды вольного экономического общества России, 2021, № 1 (227), с. 30–91.*
3. *UNESCO Science report 2021 URL: https://www.unesco.org/reports/science/2021/en*
4. *Индикаторы науки: 2020: статистический сборник; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2020. — 336 с.*
5. *Россия на рынках передового производства. Доклад НИУ ВШЭ под рук. Симачева Ю.В., М., НИУ-ВШЭ, 2021, 112 с. https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/461122404. pdf.*
6. *Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование как инструмент преодоления технологического отставания России. //Мир новой экономики, 2018, Т. 13 № 2, с. 32–42.*
7. *Ленчук Е.Б. О качестве государственного управления научно-технологическим развитием. //Экономическое возрождение России, 2021, № 1 (67), с. 31–38.*

References

1. *The Endless Frontier Act (Bill S. 1260) URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1260/text*
2. *Klepach A.N. Social'nyj innovacionnyj povorot Rossijskojj ekonomiki: planyireal'nost'. //Nauchnye trudy vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii,2021, № 1 (227), s. 30–91.*
3. *UNESCO Science report 2021 URL: https://www.unesco.org/reports/science/2021/en*

4. *Indikatory nauki: 2020: statisticheskij sbornik; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola ekonomiki». — M.: NIU VShJe, 2020. — 336 c*
5. *Rossija na rynkah peredovogo proizvodstva. (2021) Doklad NIU VShJe pod ruk. Simacheva Ju.V., M., NIU-VShJe 112 s. https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/461122404. pdf*
6. *Lenchuk E.B., Filatov V.I. Strategicheskoe planirovanie kak instrument preodolenija tehnologicheskogo otstavanija Rossii. //Mir novojjekonomiki, 2018, T. 13 № 2, s. 32–42.*
7. *Lenchuk E.B. O kachestve gosudarstvennogo upravlenija nauchno-tehnologicheskim razvitiem. // Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii, 2021, № 1 (67), s. 31–38.*

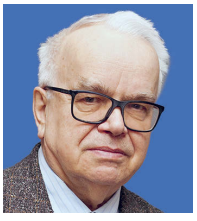
Контактная информация / Contact information

Институт экономики Российской академии наук
117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32.
Institute of Economics of Russian Academy of Sciences
32, Nakhimovsky Prospekt, 117218, Moscow, Russia.
Ленчук Елена Борисовна / Elena B. Lenchuk
lenalenchuk@yandex.ru

БУДУЩЕЕ ПУБЛИЧНОЙ И ПРИВАТНОЙ ЖИЗНИ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ)[1]

FUTURE OF PUBLIC AND PRIVATE LIFE (EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL DIMENSION)

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-245-251

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич
Главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой истории и теории социологии Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, доктор философских наук

Zhan T. TOSHCHENKO
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of History and Theory of Sociology, Russian State University for the Humanities

Аннотация

В статье[2] на основе социологических данных анализируются представления россиян об их социальном положении с позиций гражданина, жителя, работника и участника межличностного общения, что является основой для их желаемого или действительного положения в будущем. Во-первых, это статус человека как гражданина страны и понимание им состояния страны как в мировой политике, так и основных внутренних общественных проблем. Во-вторых, человек анализируется как житель определенного административно-территориального образования, в рамках которой решаются проблемы его повседневной жизни и его желание достичь устраивающих его результатов в строительстве своей жизни. В-третьих, осуществляется рассмотрение положения россиянина как работника производственной организации, проблем его трудовой жизни и возможные пути их решения. И, наконец, анализ завершается рассмотрением тех проблем, которые протекают в микросреде, в непосредственном окружении человека.

1 *Статья написана в рамках выполнения проекта РНФ №18-18-00024.*
Данные, представленные в статье, базируются на всероссийских опросах:
а) май — июнь 2018 г. (1200 человек, 106 поселений, 19 административных центров РФ);
б) сентябрь — октябрь 2020 г. (900 человек, 109 поселений, 18 административных центров РФ).

Absrtact Based on sociological data, the article analyzes the perceptions of Russians about their social position from the standpoint of a citizen, resident, employee and participant in interpersonal communication, which is the basis for their desired or actual position in the future. First, it is the status of a person as a citizen of the country and his understanding of the state of the country both in world politics and the main internal social problems. Secondly, a person is analyzed as a resident of a certain administrative-territorial entity, within the framework of which the problems of his daily life and his desire to achieve results that suit him in the construction of his life are solved. Third, it examines the position of a person as an employee of a production organization, the problems of his working life and possible ways of solving them. And finally, the analysis ends with a consideration of the problems that occur in the microsphere, in the immediate environment of a person.

Ключевые слова Публичная жизнь, частная жизнь, гражданин, житель, работник, микросреда.

Keywords Public life, private life, citizen, resident, employee, microenvironment.

В настоящее время будущее, его варианты присутствует в нескольких ипостасях: в государственных документах, в программах политических партий, в выступлениях и предложениях общественных деятелей. Имеются также различные научные прогнозы, касающиеся как общих тенденций будущего развития, так и конкретных направлений, особенно связанных с решением актуальных задач. Можно также сказать, что свою лепту — и достаточно весомую — вносят фантасты, что получает даже мировое звучание. И в то же время можно отметить, что редко обращаются к тому, что думает о будущем сам народ, какие цели он ставит перед собой, какие перспективы его ожидают как в публичной, так и приватной жизни. А ведь именно этот голос определяет во многом реальную ситуацию в жизни страны и пути достижения целей, к которым стремятся люди в контексте связи с официальными намерениями и их ожиданиями, которые могут совпадать частично или не совпадать между собой.

Есть еще одно существенное несовершенство, и даже недостаток, имеющееся практически в любых проектах, прожектах и соображениях о будущем — в них часто присутствуют и/или предлагаются отдельные, неполные, касающиеся одной или нескольких проблем прогнозные предложения.

Поэтому с точки зрения социологии необходимо внести существенную определенность в трактовку будущего с позиций того, что присутствует в реально функционирующем общественном сознании. А это означает, что этот анализ должен быть строго определен в зависимости от объективно существующего жизненного мира, в котором присутствует несколько уровней отношения к будущему.

Исходя из этого, проанализируем представления россиян о будущем с позиций четырех уровней социальной организации: всего общества, территориальной общности, производственной организации и контактной межличностной среды, что позволит понять сознание и поведение людей при выполнении ими соответствующих социальных ролей — как гражданина, как жителя, как работника и как участника непосредственного окружения в контексте межличностного общения.

Представления о будущем россиян как граждан

Социологические данные свидетельствуют, что гражданские позиции людей (как идентификация принадлежности к России, к стране, в которой протекает их жизненный мир) проявляются в двух направлениях.

Прежде всего, обратим внимание на тот факт, что все социальные общности и группы мало отличаются в понимании того, какой они хотят видеть Россию. Поэтому выделим те суждения, которые обращены к самому российскому государству, к пониманию его роли в современном мироустройстве и его положения в геополитическом пространстве. Это чрезвычайно важно потому, что в этой оценке наиболее наглядно проявляется суть патриотизма во всех его комбинациях, понимание людьми причастности к знаменательным событиям, которые может вершить только великая держава. Можно сказать, что многие россияне осознают потерю Россией того статуса, которым обладал Советский Союз. Но с этим не хотят мириться и поэтому высказывают пожелания о возрождении былой славы страны. Многие из них (44,4%) хотели, чтобы Россия сохранила и укрепила статус великой державы. Такая ситуация позволяет утверждать, что в своих гражданских ориентирах россияне во всех социальных общностях и группах претендуют на высокий статус России в современном мире и одинаково настроены на восстановление прежних ее позиций, что можно трактовать, с одной стороны, как понимание изменившейся роли и значения нынешнего российского государства по сравнению с Советским Союзом, а с другой — как в то же время желание вернуть ему эту роль [1, с. 370–383].

Этот показатель коррелирует со смежными по смыслу данными — каждый второй (52%) ратует за обеспечение стабильности в обществе, за развитие страны без катаклизмов, войн и революций.

Далее, роль гражданина появляется в оценке социально значимых проблем, которые являются частью его жизненного мира и волнуют его с точки зрения принадлежности к социальной общности и/или группе. В этих суждениях об устройстве российского общества, которые лично его касаются, на первое место вышло желание иметь государство, в котором соблюдается справедливость, обеспечиваются равные права для всех — об этом заявил каждый второй человек из трех (67,5%). Такая ориентация на справедливость весьма знаменательна, так как по данным других исследований [2, 4], в которых выявлено устойчивое стремление к справедливости как насущной потребности людей, залог их соответствующего отношения к происходящим изменениям в обществе, нежелание доверять общественным институтам. Ряд исследователей, исходя из того, что это стремление к справедливости приобрело устойчивый характер, предлагают сделать его идеологическим ориентиром в жизни новой России.

Особо отметим, что при оценке гражданских позиций россиян мы не должны упускать из виду, что они включают в себя широкую гамму мнений, отражающих достаточно разное понимание необходимости решать актуальные общественные проблемы как социального, так и культурного характера. Так, 27,8% заявили о неотложности более эффективного решения экологических проблем, 20,8% — о возвращении России к национальным традициям, 12,4% — за сближение с современными развитыми странами и др. [1]. Иначе говоря, россияне во всех социальных группах с небольшими вариациями предстают с осознанной гражданской позицией с широкими мировоззренческими ориентирами, что позволяет говорить об их достаточно высоком интеллектуальном уровне.

Однако это ответственное и осознанное отношение и оценка социально-экономических отношений не исключает критического отношения к реальным процессам, происходящим в обществе. Так, 21,5% россиян заявили, что страна развивается в неправильном направлении, а 30,1% — уклонились от ответа, что можно трактовать как сомнение в правильности избранного курса и происходящих изменений. В ряде отраслей экономики эта оценка выражена гораздо жестче — о неправильном развитии страны заявили от 38,2% работников строительства до 44,9% работающих в сельском хозяйстве. Это более высокая отрицательная оценка связана с тем, что реальное социально-экономическое положение этих групп занятых уязвимо по многим показателям, связанным в первую очередь с невозможностью и/или ограниченностью удовлетворения материальных потребностей.

Этот вывод косвенно подтверждается оценкой политической ситуации в России. Полностью удовлетворенных ею насчитывается только 14,1%, при 22,2% убежденных в напряженной, критической ситуации и 51% занимающих позицию сомнения («ситуация не совсем спокойная, не совсем благоприятная»). Но прекарии особенно резко выделяются в сторону аномичного (безразличного) поведения при рассмотрении их места и отношения к участию в общественно-политических мероприятиях, а также в принадлежности к официальным и добровольным объединениям и движениям.

Таким образом, гражданские качества россиян ярко выражены в потенциальном их стремлении видеть величие своей страны и одновременно с низкой социальной активностью при определении своей причастности в решении назревших общественных проблем.

Житель. Стремление к комфортной повседневной среде

Если устремления и оценки человека как гражданина отражают его мироощущение на самом высоком, предельно обобщенном уровне, то на уровне территориально-административной общности на первый план выходят другие заботы, касающееся его как жителя города, села и других населенных пунктов.

Анализ социологических данных показывает, что на первое место вышла забота о здоровье. По мнению 57% россиян, эта сторона жизни приобрела первостепенное значение среди других инструментальных ценностей, по сравнению с оценкой роли и значения решения жилищно-коммунальных проблем (46%), которые в недавнем прошлом лидировали среди других проблем повседневной жизни. Это внимание и забота о здоровье значительно возросла в период пандемии, заставив таким неожиданным образом обратить на него внимание. При опросе в октябре 2020 г. только 18% людей сказали, что у них нет никаких проблем с состоянием своего здоровья. Реальные события, подстегнутые пандемией, показывают значимость решения комплекса вопросов о здоровом образе жизни, когда не только коронавирус, но и другие угрозы приобрели актуальность в необходимости их решения.

Остается важной потребностью и в настоящем времени и в будущем забота о детях, об их воспитании, их образовании и гарантии их благополучия — таково мнение 29% россиян. Следует учесть, что эта цифра увеличивается в 2–3 раза, если ее соотнести только с теми, кто имеет детей, повседневная и регулярная опека о которых должна сопровождать их постоянно.

Возрастают тревоги и поводу экологической обстановки — об этом сказал каждый третий россиянин (32%). Это показывает возросшее число публичных акций протеста против непродуманных решений или по поводу непринятия мер.

Конечно, жизнь городского и сельского жителя в расчете на перспективу не ограничивается названными показателями. Их в немалой степени волнуют и проблемы культуры (12%), и решение транспортных проблем (15%), и работа торговых и бытовых учреждений. Но особенно хотелось обратить внимание на такой показатель — 50% высказали тревогу о гарантиях их личной безопасности.

Все эти заботы россиян как жителей определенной территории и административной единицы, на наш взгляд, являются достаточно убедительной программой для действий органов власти для решения этих волнующих горожан и сельчан проблем.

Работник. Проблемы гарантированной трудовой жизни

Анализ трудовой жизни показал, что для человека как работника очень важны базовые основы, дающие ему гарантии для построения своей жизни. Если 68% работников во всех отраслях экономики выражают неудовлетворенность неясностью и низкой оплатой труда, то такое состояние показывает глубокую зависимость и неопределенность их трудового положения, что ставит их в состояние неустойчивости и негарантированности своего статуса, своих прав и своего даже ближайшего будущего [3].

Работники убеждены в том, что оплата их труда находится на низком уровне, что их труд заслуживает более высокой оценки и более высокого вознаграждения. Но здесь, на наш взгляд, находит отражение всеохватывающее суждение всего работающего населения о несоответствие их вклада в выполнение производственных поручений (заданий) и официальная оценка их усилий по выполнению служебных обязанностей.

Социологические опросы показывают, что работники с большой тревогой оценивают угрозы потери работы — об этом заявил каждый пятый из ныне работающих (22%). Это можно также рассматривать как их понимание своей неустойчивости и желания избежать такой перспективы по крайней мере в ближайшем будущем. Тем более что эта тревога серьезно усилилась в период пандемии — о данным на октябрь 2020 г. 12% сказали, что они уже попали под сокращение штатов, и еще 27% полагают, что эта участь может их коснуться в ближайшем будущем. Иначе говоря, трудовая занятость, обеспеченность работой является одним из насущных потребностей людей.

К данным об оплате труда примыкает и оценка людьми социальных льгот. Это очень важная сторона трудовой жизни, которая не только определяет уровень жизни работников, но и позволяет уменьшить осознание своей изолированности от общества, от своей производственной организации, от других социальных групп. А эта оценка в общем безрадостна: от 22 до 25% респондентов заявили об отсутствие у них социальных льгот, а в таких отраслях, как транспорт и строительство, — до 41%. Очевидно, что этот параметр — отсутствие социальных льгот — лишь усугубляет положение с неясностью и неопределенностью с оплатой труда и ставит работников в еще большую зависимость от различных событий в личной жизни, усугубляя их положение.

Неуверенность и непостоянство места работы проявляется и в том, что идет не просто смена места работы, но и смена профессии, что сразу перемещает работника на более низкую социальную ступень — он вынужден проходить переквалификацию для того, чтобы усвоить новые трудовые обязанности. А это ставит его в уяз-

вимое положение, так как, будучи в начале освоения новой профессии, он не может конкурировать с имеющими подготовку по этой специальности, а для того чтобы набраться мастерства, нужно время. Исследование показало, произошла достаточно глубокая потеря прежней профессии, *особенно это* коснулось промышленности (26%), транспорта (23%) и сельского хозяйства (29%). Можно сказать, что происходит утрата интеллектуального потенциала не только каждого третьего-четвертого работающего, но и утрата и, можно сказать, расхищение интеллектуального потенциала всего общества, что не могло не сказаться и на эффективности работы и производительности труда.

Итак, человек как работник выражает противоречивость своего положения, которое сталкивается с различной степенью вовлеченности в общественно-трудовую деятельность, ее ценностью и пониманием возможности влиять на свое трудовое положение.

Человек в условиях микросреды

Есть еще одна грань в жизни людей, которой большинство из них очень дорожат, — это межличностные контакты в условиях непосредственного окружения. Анализ социологических данных показывает, что абсолютное значение имеет такая ценность, как семья — это мнение 95% опрошенных. Ее значение подчеркивается и при анализе проблем образования, работы с детьми, проведении досуга, использования социальных льгот. Правда, остается трудно объяснимым другой показатель — в последнее время число распавшихся семей составляет 40–50% к числу заключивших брак. Но несомненно, что при всех трансформациях этого социального института ему принадлежит будущее, без которого трудно представить развитие страны.

Исследование показало, что растет значение социально-психологических факторов в личной жизни людей — очень высока оценка роли общения (63%), а также такого показателя, как уважение (62%), что можно рассматривать на возросшую оценку своего Я как человека, как профессионала, как члена общества. Знаменательно, что значительно увеличилась оценка такой стороны жизни человека, как отдых (60%). Несомненно одно — в обществе будущего контактная среда жизни человека будет занимать все большее место в его жизненном мире и этому должны способствовать не только сам человек, но и общество в лице организаций, имеющих отношение к этим жизненным проблемам.

Библиографический список

1. *Прекариат: становление нового класса. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2020.*
2. *Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований. / Под. ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2016.*
3. *Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.*
4. *Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015, № 12. С. 99–110.*

References

1. *The precariat: the formation of a new class. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. 2020.*
2. *The middle class in modern Russia. Experience of many years of research. /Under. ed. M.K. Gorshkova, N.E. Tikhonova. M., 2016.*
3. *Toshchenko Zh.T. Precariat: from protoclass to a new class. M.: Nauka. 2018.*
4. *Shkaratan O.I., Karacharovsky V.V., Gasyukova E.N. The precariat: theory and empirical analysis (based on surveys in Russia, 1994–2013) // Sociological Research. 2015, No. 12, pp. 99–110.*

Контактная информация / Contact information

Институт социологии ФНИСЦ РАН
117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5.
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
24/35, k. 5, Krzhizhanovskogo Street, 117218, Moscow, Russia.

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)
125047, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.
Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya square, GSP-3, 125047, Moscow, Russia.
Тощенко Жан Терентьевич / Zhan T. Toshchenko
zhantosch@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МИРОВУЮ ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ

COVID-19 PANDEMICS IMPACT ON INTERNATIONAL FINANCIAL SYSTEM

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-252-258

ГОЛОВНИН Михаил Юрьевич
Первый заместитель директора Института экономики Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.э.н.

Mikhail YU. GOLOVNIN
First Deputy Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

Аннотация

Мировая финансовая система подошла к кризису 2020 г. с набором накопленных проблем, ряд из которых были усилены в результате воздействия кризиса. Так, возросла угроза образования «пузырей» на отдельных сегментах мирового финансового рынка (фондовый рынок, рынок криптовалют); усилилось долговое бремя. В то же время кризис 2020 г. не вызвал «глобальной остановки» трансграничных потоков капитала, которые выросли во всех ведущих развитых странах. Предлагается активизация реформы мировой финансовой системы по следующим основным направлениям: усиление представительства и влияния развивающихся стран и стран с формирующимися рынками в мировых финансовых институтах; выравнивание регулирования в различных сегментах мировой финансовой системы; создание коллективных защитных механизмов.

Abstract

The international financial system faced the crisis of 2020 with a set of accumulated problems, a number of which were exacerbated by the impact of the crisis. Thus, the threat of the formation of “bubbles” has increased in certain segments of the international financial market (stock market, cryptocurrency market); the debt burden has increased. At the same time, the crisis of 2020 did not cause a “global sudden stop”, gross cross-border capital flows have grown in all leading advanced economies. It is proposed to intensify the reform of the international financial system in the following main areas: strengthening the representation and influence of developing countries and emerging economies in international financial institutions; alignment of regulation in various segments of the international financial system; creation of protective collective mechanisms.

Ключевые слова Мировая финансовая система, мировые экономические кризисы, пандемия COVID-19, мировые рынки ценных бумаг, международная финансовая архитектура.

Keywords International financial system, world economic crises, COVID-19, international securities markets, international financial institutions.

Введение

На протяжении первых двух десятилетий XXI века мировая финансовая система претерпела значительные изменения, результаты которых в полной мере еще не могут быть однозначно оценены. Если в первой части рассматриваемого периода (до мирового экономического и финансового кризиса 2007–2009 гг.) шла речь о динамично развивающейся финансовой глобализации, общая оценка перспектив и результатов которой выглядела скорее оптимистично, то после кризиса произошла смена многих трендов, и в настоящее время в полной мере идет дискуссия о преобладании глобализационных или деглобализационных тенденций.

Под воздействием кризиса 2007–2009 гг. был запущен процесс реформирования мировой финансовой системы. Реформа была призвана бороться с теми проблемами в мировой финансовой системе, которые вызвали данный кризис, а также повысить ее устойчивость. Однако результаты реформы оказались неоднозначными, различные сектора были затронуты ею в разной степени. В результате к концу 2010-х гг. вновь стали накапливаться проблемы в мировой финансовой системе.

На эти тенденции в 2020 г. наложился новый мировой экономический кризис, вызванный распространением пандемии COVID-19, который хотя и не зародился внутри мировой финансовой системы, но оказал на нее существенное влияние. Этот кризис вновь повысил актуальность реформирования мировой финансовой системы для повышения степени ее устойчивости.

Проблемы развития мировой финансовой системы между двумя мировыми экономическими кризисами

Мировой экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг. вскрыл ряд серьезных проблем мировой финансовой системы, связанных с возникновением «пузырей» в отдельных ее сегментах (по мнению ряда исследователей, даже наличия глобального финансового «пузыря»); увеличением волатильности международных потоков капитала и, как следствие, волатильности валютных курсов, особенно в странах с формирующимися рынками. Продолжала увеличиваться значимость развивающихся стран и стран с формирующимися рынками в мировой экономике по сравнению с развитыми странами[1]. Между тем эта группа стран оставалась недопредставленной в международных финансовых институтах, где ведущую роль продолжают играть развитые страны.

Реакцией на последствия мирового экономического и финансового кризиса стала реформа мировой финансовой системы, которая происходила по следующим основным направлениям:

1 *Так, доля стран с формирующимися рынками и развивающихся стран в мировом ВВП, измеренном в долларах США по текущим валютным курсам, выросла с 20,9% в 2000 г. до 28,3% в 2007 г. К 2020 г. эта доля достигла уже 40,6%. Рассчитано на основе данных Международного валютного фонда (https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April).*

- *Глобальное финансовое управление*. Здесь в борьбе с кризисом 2007–2009 гг. на первый план вышла Группа 20 (G20), что позволяет говорить о (по крайней мере, формальном) вовлечении в эти процессы крупнейших экономик с формирующимися рынками. Внутри Группы 20 выделилось объединение БРИКС, которое было нацелено на усиление позиций стран с формирующимися рынками в глобальном управлении, в том числе по вопросам реформирования мировой финансовой системы. Произошла институционализация глобального регулирования в финансовой сфере, выразившаяся в том числе в создании Совета по финансовой стабильности. В процессе реформирования мировой финансовой архитектуры было достигнуто некоторое увеличение квоты для развивающихся стран и стран с формирующимися рынками в Международном валютном фонде и Группе Мирового банка. Однако позиции этой группы стран в ключевых международных финансовых институтах по-прежнему остаются недопредставленными.
- *Банковский сектор*. В этом направлении реформа получила наибольшее развитие, практическим воплощением которого стала разработка новых стандартов достаточности банковского капитала Базель III, которые, по сути, включали более широкий набор инструментов регулирования международной банковской деятельности.
- *Внебиржевой рынок производных финансовых инструментов*. Поскольку этот сегмент был одним из наименее регулируемых в предшествующий период, реформирование было направлено на повышение его информационной прозрачности, перевод торговли и расчетов на более транспарентные и регулируемые площадки и т.д.
- *Борьба с офшорными юрисдикциями*.

Однако следует отметить, что реформа мировой финансовой системы носила неполный характер — одни сектора (банковская система) оказались под более жестким регуляторным надзором, тогда как другие (главным образом рынки ценных бумаг) в гораздо меньшей степени подверглись реформированию. В результате возникло такое явление, как межсекторальный регуляторный арбитраж.

Незавершенность реформы мировой финансовой системы и тенденции ее развития в период после кризиса 2007–2009 гг. вызвали к концу 2019 — началу 2020 г. формирование новых рисков[2]:

- «Схлопывания» «пузыря» на фондовом рынке США (частично этот риск начал реализовываться в 2018 г., но его возможная реализация была отложена смягчением денежно-кредитной политики в 2019 г.).
- Наращивание долгового бремени, наблюдавшееся в период с 2010 г. В итоге к 2018 г., по оценкам Всемирного банка, глобальный долг достиг рекордной отметки в 230% ВВП, главным образом за счет роста частного долга в странах с формирующимися рынками и развивающихся странах [2].
- Угрозы возникновения кризисов в странах с формирующимися рынками и их распространения в данной группе стран за счет действия «эффекта заражения». Эти угрозы начали проявляться осенью 2018 г. в отношении Турции и Аргентины, но были смягчены за счет ослабления денежно-кредитной политики в США.

2 *Некоторые из этих рисков были обозначены нами в работе [1].*

Влияние кризиса, начавшегося в 2020 г., на состояние мировой финансовой системы

Текущий мировой экономический кризис, начавшийся в 2020 г. в связи с распространением пандемии COVID-19, обладал определенной спецификой по сравнению с предыдущим мировым экономическим кризисом. Во-первых, следует отметить, что он пришел из реального сектора и лишь затем распространился на финансовый сектор. Во-вторых, после первоначального резкого негативного шока последовала быстрая реакция со стороны денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики развитых стран, способствовавшая восстановлению динамики мировых финансовых рынков.

Первоначальный шок имел место весной 2020 г. Наиболее ярко он проявился на мировом фондовом рынке и на мировых товарных рынках, на которых все большую роль играет финансовая составляющая (через производные инструменты). Индекс VIX, измеряющий волатильность мирового фондового рынка, достиг максимальных значений в марте 2020 г., сопоставимых с пиковыми значениями октября-ноября 2008 г. Однако, в отличие от предыдущего мирового экономического кризиса, снижение волатильности происходило быстрее, хотя до марта 2021 г. она продолжала оставаться на более высоком уровне, чем «нормальные» докризисные значения.

Восстановление динамики мировых финансовых рынков происходило во многом благодаря оперативной реакции со стороны денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики развитых стран, прежде всего, США [3]. В частности, совокупные активы Федеральной резервной системы США резко выросли с 4,1 трлн долл. в середине февраля 2020 г. до 7 трлн долл. в середине мая 2020 г., дальнейший рост активов происходил более плавно, и к середине июня 2021 г. они превысили 8 трлн долл.[3] Тем самым резко возросли и объемы глобальной ликвидности в ведущих мировых валютах.

Рисунок 1.

Источник: расчеты на основе данных Международного валютного фонда (https://data.imf.org/regular. aspx?key=62805742 и https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April).

3 *https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/bst_recenttrends. htm.*

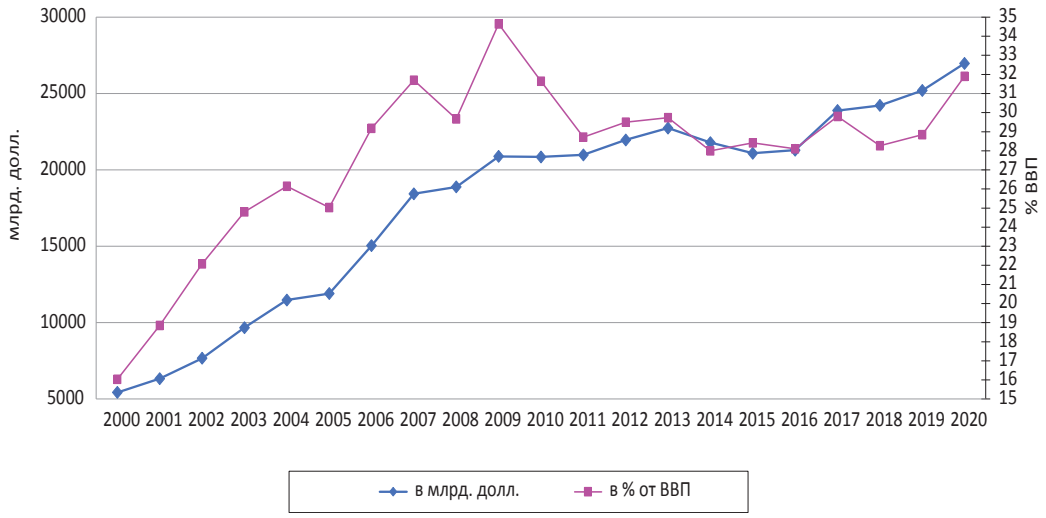
Во время первоначального шока произошел краткосрочный отток капитала из стран с формирующимися рынками. Исходя из логики предыдущих кризисов, от кризиса 2020 г. следовало бы ожидать очередной «глобальной остановки» международных потоков капитала. Однако на практике после очередного снижения международных потоков капитала в ведущих центрах его движения в 2018—2019 гг. во время кризиса 2020 г. произошло увеличение валовых трансграничных потоков капитала по отношению к ВВП соответствующих стран (см. рис. 1).

Как и во время кризиса 2007–2009 гг., в 2020 г. произошел рост долгового рынка, прежде всего за счет увеличения государственного долга в результате значительных программ помощи экономике. Так, отношение валового государственного долга к ВВП выросло во всех странах G7 в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом, при этом темпы прироста этого отношения составили от 9% в Японии до 35,7% в Канаде[4].

В 2020 г. также резко увеличился объем международных долговых ценных бумаг к погашению (как в абсолютном выражении, так и по отношению к глобальному ВВП) (см. рис. 2).

Рисунок 2

Объем международных долговых ценных бумаг в обращении (на конец периода)

Источник: данные Банка международных расчетов (https://www.bis.org/statistics/secstats. htm?m=6%7C33%7C615).

Кризис 2020 г. дал дополнительный импульс развитию цифровых финансов в национальных и мировой финансовых системах. Одним из отражений этого процесса стал резкий рост стоимости криптовалют, на который повлиял также рост глобальной ликвидности. Так, в частности, цена биткоина, выраженная в долларах США, составляла 10–11 тыс. в начале октября 2020 г., а в марте — апреле 2021 г. превышала отметку в 60 тыс., однако затем снизилась до 35–36 тыс. к концу мая — началу июня 2021 г.

4 *Рассчитано на основе данных Международного валютного фонда (https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April).*

Риски для мировой финансовой системы и процессы ее реформирования

В ходе текущего мирового экономического кризиса усилились предшествовавшие ему и появились новые риски для мировой финансовой системы:

- В связи с резким ослаблением денежно-кредитной политики в ведущих развитых странах и ростом глобальной ликвидности увеличились риски возникновения финансовых «пузырей» на относительно менее регулируемых рынках (например, на рынке акций США) или в нерегулируемых сегментах (рынки криптовалют).
- Произошло значительное усиление долговой нагрузки в мировой экономике (по линии как государственного, так и частного долга). При этом сохраняются риски дальнейшего роста долгового бремени, поскольку возвращение мировой экономики на траекторию экономического роста требует продолжения мягкой бюджетно-налоговой политики, способствующей наращиванию государственного долга, и денежно-кредитной политики, снижающей издержки обслуживания как государственного, так и частного долга.
- Ухудшилось качество кредитных портфелей в мировой банковской системе, причем оценить это ухудшение пока затруднительно в силу наличия временных послаблений в оценке качества кредитов на национальном уровне.
- Возможное возникновение кризисных явлений в отдельных относительно крупных странах с формирующимися рынками и распространение эффектов «заражения» от них. Одним из импульсов подобных кризисов могут стать проблемы с обслуживанием долга, особенно в иностранной валюте.
- Неопределенность, связанная с развитием цифровых технологий и рынка криптовалют.

Следует отметить, что реакция со стороны институтов глобального управления на мировой экономический кризис 2020 г. была относительно ограниченной. Основным достижением стало появление Инициативы о предоставлении отсрочки по обслуживанию долга для стран с низким уровнем дохода (DSSI) [4]. Тем не менее даже для преодоления проблем, связанных с ростом долгового бремени, подобная Инициатива представляется недостаточной.

На наш взгляд, в связи с мировым кризисом 2020 г. назрела необходимость продолжения реформы мировой финансовой системы по следующим основным направлениям: усиление представительства развивающихся стран и стран с формирующимися рынками в мировых финансовых институтах и, самое главное, их влияния на принятие решений в этих организациях; выравнивание регулирования в различных сегментах мировой финансовой системы; создание коллективных защитных механизмов (в том числе политики регулирования потоков капитала в глобальном масштабе); включение в повестку дня реформирования проблематики цифровых финансов, выработка коллективной позиции по цифровым финансовым активам/криптовалютам.

Библиографический список

1. *Головнин М.Ю. Вызовы для экономики России со стороны глобальных финансовых рынков // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Том 218. № 4.*
2. *Kose M.A., Nagle P., Ohnsorge F., Sugawara N. Global Waves of Debt. Causes and Consequences. World bank Group, 2020.*

3. *Cavallino P., De Fiore F. Central banks' response to COVID-19 in advanced economies // BIS Bulletin. 2020. No. 21.*
4. *Декларация Эр-Риядского саммита лидеров «Группы двадцати» (21–22 ноября 2020 года). URL: http://kremlin.ru/supplement/5585.*

References

1. *Golovnin M.Yu. Vyzovy dlja jekonomiki Rossii so storony global'nyh finansovyh rynkov // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2019. Tom 4 (In Russian).*
2. *Kose M.A., Nagle P., Ohnsorge F., Sugawara N. Global Waves of Debt. Causes and Consequences. World bank Group, 2020.*
3. *Cavallino P., De Fiore F. Central banks' response to COVID-19 in advanced economies // BIS Bulletin. 2020. No. 21.*
4. *Leaders' Declaration. Riyadh Summit, November 21, 2020. URL: http://www.g20.utoronto.ca/2020/2020-g20-leaders-declaration-1121. html.*

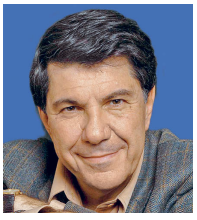
Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук»
117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32.
Institute of Economics of the Russian academy of Sciences
32, Nakhimovskiy pr., Moscow, 117218, Russia.
Головнин Михаил Юрьевич / Mikhail Yu. Golovnin
mgecon@mail.ru

КРИЗИС COVID-19 СНОВА ПОСТАВИЛ ПЛАНИРОВАНИЕ НА ПОВЕСТКУ ДНЯ?

HAS THE COVID-19 CRISIS PUT PLANNING BACK ON THE AGENDA?

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-259-273

САПИР Жак
Иностранный член Российской академии наук, директор Центра исследований индустриализации CEMI-EHESS, профессор экономики Высшей школы социальных наук (Франция)

Sapir Jacques
Foreign Member of the Academy of Sciences of Russia, Director of CEMI-EHESS, Professor of economics at EHESS-Paris

Аннотация

Пандемия COVID-19 привела к возникновению непредвиденного развития событий с далеко идущими последствиями. Он свел на нет традиционные результаты экономических расчетов и сделал процесс принятия политических решений не менее важным, поскольку рынки оказались неспособными справиться с подобными событиями. В такой ситуации внешнее политическое решение оказывается более эффективным, чем экономический расчет. То же самое и с эвристическим принятием решений, поскольку становится невозможным заранее просчитать последствия непредвиденного события.

В подобной ситуации О. Нейрат показал в дискуссии с Л. фон Мизесом и Ф. А. фон Хайеком, что планирование может быть эффективной альтернативой рынку. Дж. Э. Стиглиц также подчеркивал риск провалов рынка. Наглядным образом проявилось, что кризис в области здравоохранения возродил проблему планирования. Страх повторения такой пандемии определит экономическое поведение в ближайшие годы.

Мы находим эмпирические связи с ситуациями как в военных экономиках во время двух мировых конфликтов, так и в послевоенных экономиках Японии или Франции. Осознанная и организованная дискуссия, которая затем может принять форму гибкого способа планирования, подобного тому, что практиковалось министерствами международной торговли и промышленности в послевоенной Франции или Японии, может затем, как показывает К. Грюсон, оказаться процедурой, эмпирически результативной в условиях неопределенности и неспособности рынка эффективно управлять информацией.

Abstract

The COVID-19 pandemic resulted in the emergence of an unforeseen event with far-reaching consequences. This surprise invalidated the traditional results of economic

calculation and made the act of political decision-making emerge as central as the markets proved incapable of handling this type of event. In such a situation, the political decision turns out to be more effective than economic calculation. This is also the case with heuristic decision-making because it becomes impossible to calculate in advance the consequences of the unforeseeable event.

In this situation, O. Neurath had shown in the debate with L. von Mises and F.A. Hayek that planning could be an effective alternative to a market. J.E. Stiglitz has stressed the risk of market failures too. It is therefore now clear that the health crisis has revived the issue of planning. The fear of a recurrence of such a pandemic will permanently shape economic behaviour in the years to come.

We find empirical applications both in the case of war economies during the two world conflicts and in the Japanese or French post-war economy. Conscious and organized consultation, which can then take the form of a flexible mode of planning such as what was practiced in post-war France or in Japan by the MITI, can then — as Claude Gruson shows — prove to be a procedure that is not only effective but empirically efficient in the face of uncertainty and the inability of the market to manage information effectively.

Ключевые слова Распределение, экономический расчет, информация, планирование, неопределенность.

Keywords Allocations, Economic calculation, Information, Planning, Uncertainty.

Пандемия COVID-19 стала непредвиденным событием с далеко идущими последствиями [1], которое стало большой неожиданностью как для ключевых лиц, принимающих решения, так и для политических лидеров [2]. Тогда выяснилось, что существующие рыночные механизмы недостаточны, чтобы справиться с кризисом. Последний, будучи исключительным как по характеру, так и по продолжительности, вновь поднял вопрос о планировании как инструменте экономической политики. Возникает несколько аргументов в пользу использования различных форм планирования в экономике в долгосрочной перспективе.

Неожиданное развитие событий свело на нет традиционные результаты экономических расчетов и сделало процесс принятия политических решений настолько важным, насколько рынки оказались неспособными справиться с данным развитием событий. В такой ситуации политическое решение оказывается более эффективным, чем экономический расчет. То же самое и с эвристическим процессом принятия решений [3], поскольку становится невозможным заранее просчитать последствия непредвиденного события. В такой ситуации, которая, как О. Нейрат показал еще в 1909 году, ведет к возвращению к «военной экономике», также называемой им «натуральной экономикой» [4], планирование могло в 1919–1920 гг. быть эффективней рыночных механизмов.

Вопрос неопределенности

Фактически в сентябре 2020 года французское правительство решило восстановить должность Верховного комиссара по планированию [5], прикрепленную админи-

стративно и финансово к Генеральному секретариату правительства. Операционные ресурсы, связанные с задачами Верховного комиссара, в частности выделенный персонал, будут покрываться за счет бюджета премьер-министра. Рекомендуется ознакомиться с текстом «письма-поручения», написанного президентом республики Эммануэлем Макроном [6]. Мы понимаем, что находимся скорее в мире политических символов и политической коммуникации, чем в мире экономики. Тем не менее символ важен сам по себе. Решив воссоздать Комиссию по планированию, французское правительство и президент признают ограничения рынка как в долгосрочной перспективе, так и в ситуации неопределенности.

Поэтому вопрос неопределенности является центральным. Тот факт, что общая неопределенность, порожденная пандемией COVID-19, затем распространилась на различные экономики [7] и что экономические агенты, предприятия и домохозяйства в одинаковой степени испытывали и все еще испытывают многие трудности в прогнозировании своего будущего, может оказаться главной причиной рецессии [8]. Необходимость для правительств той или иной формы предсказуемости будущего является ключом к уверенному возвращению к росту. Однако та же предсказуемость также относится к способности государств вооружиться средствами вмешательства в экономику и управления ожиданиями агентов. Также одна из целей планирования состоит в том, чтобы позволить экономическим агентам снова спроецировать себя в менее неопределенное будущее.

Уже в 1930-х годах можно было услышать критику либеральных экономических концепций, основанных на понятии неопределенности. По мнению Гуннара Мюрдала, фундаментальная теорема экономического либерализма, согласно которой социальный оптимум может быть получен путем спонтанной агрегации децентрализованных решений, является необоснованной [9]. Действительно, он подчеркивает, что национальное богатство, которое мы стремимся максимизировать, должно оцениваться субъективно в соответствии с предпочтениями каждого агента, если мы не хотим принять очень смелое предположение об однородности предпочтений всех агентов. В то же время, чтобы рассуждения имели научную основу, эта мера должна быть совместима со всеми конфигурациями предпочтений, которые наблюдаются у агентов, как сейчас, так и в будущем. Однако такая мера не может существовать в дифференцированном обществе, состоящем из разнородных агентов. Принцип «невидимой руки» совместим только со стационарным состоянием общества или с допущением об идентичности агентов. Затем Мюрдал пришел к выводу, что в основе классической и неоклассической экономической теории лежит метафизика единства человеческих желаний. Следует также отметить, что это единство поведения основано, как показывает Р. Беллами в недавней статье, на увековечивании структур традиционных обществ с их слабой общей социальной дифференциацией и очень сильной структурной инерцией [10]. Более того, Хайек присоединяется к Кейнсу в вопросе неопределенности[1]. Пол Дэвидсон рассмотрел этот момент, обсуждая родство Кейнса и австрийских тезисов [12]. В статье, опубликованной после «Общей теории» и в которой он пытается резюмировать центральный тезис своей книги, Кейнс показывает явную связь между неопределенностью в знаниях, доступных агентам, и неопределенностью прогнозов в качестве условия, ведущего к недоиспользованию ресурсов [13]. Он показывает, что неопределенность является фактором неполной занятости, поскольку она препятствует совпадению ожиданий.

1 *Об австрийской и кейнсианской концепциях неопределенности [11].*

Спор о планировании в условиях неопределенности

Вопрос планирования был предметом важных [14] и даже фундаментальных дискуссий в экономической науке, которые охватывали все вопросы экономических расчетов [15]. Критика Людвига фон Мизеса [16][2] и Фридриха фон Хайека [17] хорошо известна. Однако эти два автора критикуют планирование с другой точки зрения.

Эта дискуссия сосредоточена на следующем: как выбирать между различными альтернативными применениями ресурсов в условиях ограниченности доступных ресурсов. Для фон Мизеса, который открыто критикует социалистические взгляды, вытекающие из военной экономики периода 1914–1918 годов, экономический выбор предполагает сравнение, а последнее, в свою очередь, предполагает соизмеримость различных вариантов. Следовательно, нам нужна общая мера, представленная денежной ценой (прямые затраты и альтернативные издержки) различных вариантов, подлежащих выбору. В централизованной плановой экономике, которая в то время определялась как экономика без частной собственности, отсутствие конкуренции между капиталами означает для фон Мизеса исчезновение процесса определения уровня относительных цен между различными товарами.

Мизес прямо нападает на Отто Нейрата, который в тексте, представленном на Совете рабочих в Мюнхене во время революционных событий в Баварии, выступал за экономику, основанную на натуральных расчетах и вдохновленную экономикой военного времени[3]. Таким образом, ключевой вопрос в начале дискуссии состоит в том, как следует распределять ресурсы. Для фон Мизеса, помимо расчета затрат, не существует другой возможности рационального выбора; это утверждение оспаривает Нейрат, который считает, что любой экономический выбор предполагает социальные, моральные и этические ценности. Следует отметить, однако, что аргумент фон Мизеса незаметно переходит от реально существующих рынков к теоретическим рынкам, которые были бы как полными (то есть способными охватить все возможные условия), так и совершенными (в том смысле, что раскрываемая на них информация может быть напрямую интерпретирована и не подвержена шуму и что такой информации достаточно для принятия оптимального решения).

Стиглиц пошел еще дальше. Он формально оспаривает соответствие между частной эффективностью и общей эффективностью; чтобы решение, например, об инвестициях, которые были бы эффективными в частном случае, также означало общую эффективность, необходимо предположить, что в экономике существует полная система рынков, то есть рынки, охватывающие все имеющиеся и будущие альтернативы [19]. Однако, кроме гипотезы конечного и стационарного мира, такая гипотеза полноты недопустима. Подход, основанный на гипотезе несовершенства информации, одним из наиболее ярких представителей которой, несомненно, является Стиглиц, таким образом, приводит к радикальной критике как неоклассического видения правил оптимальности, так и некоторых австрийских гипотез. Действительно, приведенный здесь аргумент, будучи абсолютно разрушительным для неоклассической теории и различных теорем экономии богатства, столь же разрушителен для аргументации, используемой фон Мизесом в его критике Нейрата. Фактически выводы Стиглица направлены на то, чтобы поставить под сомнение постулат о том, что цены представляют собой существенные или решающие сигналы экономического решения, что также разделяют другие авторы [20]. Однако если мы примем такой результат, то утверждение о безличности экономических отношений больше

2 *См., в частности, главы 11, 12 и 13.*

3 *Текст переиздан в [18].*

не будет жизнеспособным, а постулируемая со времен фон Мизеса [21] эквивалентность денег и формальной возможности рационального решения будет признана недействительной. Это приводит нас непосредственно к вопросу о планировании.

Подтверждение идей Отто Нейрата?

В ответ на аргументы фон Мизеса о необходимости денежной оценки различных вариантов экономического выбора Нейрат идет в контратаку, указывая, что неопределенность, влияющая на будущее, ставит под угрозу любую попытку такой оценки со стороны рынка. Обсуждаемый пример подобен сравнению проектов строительства угольной электростанции и гидроэлектростанции. Для фон Мизеса главное — рассчитать инвестиционные и эксплуатационные расходы. Однако, возражает Нейрат, для того чтобы расчет был полным, необходимо знать полный объем запасов угля, иначе решение, принятое сегодня, рискует поставить под угрозу будущие поколения [22], а также знать потенциальные затраты на медицинское обслуживание шахтеров, которые заболеют силикозом, добывая уголь. Другими словами, решения имеют межвременной характер, и для того чтобы рынок мог дать удовлетворительный ответ с точки зрения критерия фон Мизеса, он должен быть полным, то есть содержать указания на совершенное знание будущего рынка. Поскольку это знание невозможно по своей природе, кроме как при допущении стационарного состояния, Нейрат приходит к выводу о том, что цены и рынок не являются инструментом принятия решений.

На самом деле позиция Нейрата в отношении планирования сильно отличается от позиции Лернера [23] и Ланге [24], поскольку первый признает фактор неопределенности и даже полагается на него в части своих аргументов в пользу планирования. Считается, что в конце 1930-х годов оба автора ответили на возражения фон Мизеса и Хайека относительно планирования. По этим двум пунктам — неполноте рынков из-за неспособности все просчитать и все знать и тому факту, что сравнения, как и равновесия, имеют смысл только в межвременном контексте, — мы обнаруживаем опасения, которые возникнут у самого Хайека начиная с 1952 года, когда была опубликована книга «The Sensory Order» [25]. Позиция Нейрата состоит в том, что любой предполагаемый экономический выбор содержит непреодолимые социальные, нормативные и этические аспекты, что сближает его с Гербертом Саймоном [26]. Это подразумевает решение, которое не чисто техническое, но и политическое. Хайек здесь отдаляется от Нейрата, принимая аргументы о неполноте экономических расчетов. Для него эта незавершенность подразумевает отказ от политического действия или, по крайней мере, его ограничение.

Фактически, если мы вернемся к тому, каким образом фон Мизес окончательно сформулировал свои позиции, мы увидим, что он оправдывает необходимость денег из-за несовершенной взаимозаменяемости и специфичности капитальных благ [27]. Другими словами, только деньги позволяют дать однородную оценку в той мере, в какой капитальные блага могут иметь несколько применений, но их эффекты не идентичны при таких применениях. Это лишь очень несовершенный ответ на возражения Нейрата. Аргумент фон Мизеса основан на временной перспективе, которая не является ни краткосрочной, в которой активы, как правило, незаменимы и совершенно специфичны, ни долгосрочной, в которой, напротив, активы полностью взаимозаменяемы и неспецифичны. Проблема в том, что деньги как таковые в этих двух ситуациях больше не нужны. Однако он не только не оправдывает того

приоритета, который он придает среднесрочному анализу, но и, учитывая тот акцент, который он делает на необходимости динамического межвременного обоснования, не показывает, как эти разные периоды времени сочетаются друг с другом.

Таблица. Пересечение позиций в дискуссии о планировании

Среда прекрасно поддается расчету **Возможна общая предварительная оценка возможностей**	ДА	НЕТ
ДА	О. Ланге	О. Нейрат
НЕТ	Л. фон Мизес	Ф.А. Хайек

Планирование и COVID-19

Таким образом, теперь ясно, что кризис в области здравоохранения вновь поднял тему планирования. Страх повторения подобной пандемии будет определять экономическое поведение в ближайшие годы. Потребность государств в самоорганизации для того, чтобы справиться с такими событиями, также влечет планирование в той или иной форме.

Последствия кризиса в области здравоохранения также были множественными. Последние привели к необходимости действительной мобилизации по модели военной экономики [28] в странах, наиболее пострадавших от пандемии. Однако эти мобилизационные процессы исторически стали первыми случаями планирования. Более того, страх повторения подобной пандемии будет определять экономическое поведение в ближайшие годы. Потребность государств в самоорганизации для того, чтобы справиться с такими событиями, также влечет планирование в той или иной форме. Это поднимает вопрос о «дефектах рыночного регулирования».

Чтобы рынок был информационно и когнитивно эффективным, необходимо обеспечить однородность характера информации, отсутствие шума или, по крайней мере, постоянный его уровень, известный всем участникам рынка, и наконец, участие агентов с неограниченным горизонтом. Однородность характера информации предполагает, что таковая либо сводится к вектору цен, либо полностью игнорируется [29]. Это приводит к гипотезе стационарности. Для того чтобы цена определяла выбор будущей структуры, она должна включать изменение относительных цен, вызванное появлением новых товаров или изменением предпочтений в результате структуры знаний и степени неопределенности. Такое предположение подразумевает либо то, что рассматриваемые изменения являются нулевыми, либо то, что агенты уже знают все возможные будущие конфигурации. Введение рынков прав и будущих состояний (то, что в финансах называется деривативными рынками) никоим образом не улучшает ситуацию. Для того чтобы рынок в будущем состоянии в любой момент времени мог дать указание на такое состояние, опять же необходимо, чтобы будущее было идентично настоящему или чтобы агенты имели

совершенное знание о нем. Таким образом, цены на фондовых рынках отражают только надежды и иллюзии агентов в любой момент времени. Они дают знания о настроениях, но ничего больше. Поэтому расширение рынков не может решить проблему. Она просто переходит на более высокий уровень. Таким образом, построение целостной системы рынков, включающей вообразимую совокупность фьючерсных и спотовых рынков, которую сегодня едва ли можно себе представить, не принимая во внимание будущий опыт, не является ответом на вопрос когнитивных ограничений рынка.

Наличие неявной информации, смешанной с явной информацией, и постепенный сдвиг в сторону неявного измерения в условиях равновесия стали причиной многочисленных исследований [30]. Их результаты сводятся к глубокому сомнению в способности рынка создать такое равновесие.

Напротив, создание стабильной среды для компании государством, например посредством гарантии покупки ее продукции в определенный период или посредством системы приоритетов в получении финансовых ресурсов и оборудования, может быть частичным решением. Мы находим эмпирические применения как на примере военной экономики в период двух мировых войн, так и в послевоенной экономике Японии или Франции [31]. Распространение информации и знаний происходит в условиях защищенного предприятия, которое может быстро адаптироваться к ограничениям, которые стали предсказуемыми, и управлять другими, непредсказуемыми ограничениями. В случае передовых технологий, когда неопределенность, естественно, очень высока как в отношении возможных трудностей, так и в отношении потенциальных возможностей из-за отсутствия прецедента, показывает, что стабилизация внешней среды может ускорить приобретение и распространение новых знаний. Осознанное и организованное согласование решений, которое затем может принять форму гибкого планирования, подобного тому, что практиковалось в послевоенной Франции [32, 22] или MITI в Японии [34, 35, 36, 37], может впоследствии, как показал Клод Грюсон, оказаться процедурой, не только результативной, но и эмпирически эффективной в условиях неопределенности и неспособности рынка эффективно управлять информацией [38]. В каком-то смысле это то, что называют конституированием институциональных областей разногласий, что относится к определенной организационной культуре. Другой возможной формой, которая фактически приближается к институциональному согласованию, являются сети и системы, основанные на двусторонних отношениях. Когда информация является сложной (т.е. разной по своему характеру) и когда среда является неопределенной, стабилизация отношений на договорной основе может оказаться формулой, превосходящей различные формы рыночных отношений. Теоретическая демонстрация была проведена несколько лет назад в диссертации по теории игр; эмпирическим подтверждением служит рост сетевой модели бизнеса [39].

Однако постковидная экономика будет отмечена не только сохранением высокого уровня неопределенности, но и резкими и радикальными изменениями в предпочтениях, подвергающих производителей разнородным информационным потокам. Следовательно, в такой ситуации вероятность дефектов рыночного регулирования будет высокой.

Таким образом, мы видим, что вопрос планирования или, по крайней мере, институциональных форм согласования между государством и частными субъектами

(предпринимателями и работниками) будет занимать важное место в предстоящие месяцы и даже годы. «Невозможно дважды войти в одну реку», — сказал бы Гераклит. Постковидный мир, который даже называли «жизнью после смерти», имеет много общего с доковидным, но не обязательно будет таким же. Мы не забудем кризис здравоохранения и уроки, которые мы можем извлечь из него, а дискуссии на тему этих уроков будут определять структуру на предстоящие годы. Вопрос планирования обязательно займет важное место в таких дискуссиях.

***

The COVID-19 pandemic resulted in the emergence of an unforeseen event with far-reaching consequences [1] that came as a major surprise for key decision-makers and political leaders alike [2]. It then appeared that the existing market mechanisms proved inadequate to cope with such a crisis. The latter, by its exceptional character, but also by its duration, has resurfaced the question of planning, as an instrument of economic policy. Several arguments then arise to justify the use of forms of planning in economies for years to come.

This surprise invalidated the traditional results of economic calculation and made the act of political decision-making emerge as central as the markets proved incapable of handling this type of event. In such a situation, the political decision turns out to be more effective than economic calculation. This is also the case with heuristic decision-making [3], because it becomes impossible to calculate in advance the consequences of the unforeseeable event. In this situation, O. Neurath had shown as early as 1909 that it was leading to a return to the "war economy", what he also calls an "economy in kind" [4], in 1919–1920 that planning might prove to be superior to the market.

The question of uncertainty

In fact, in September 2020, the French government decided to recreate an agency named High Commissioner for Planning [5], attached for its administrative and financial management to the General Secretariat of the Government. The operating resources linked to his mission, in particular the staff appropriations, will be entered in the budget of the Prime Minister. It is therefore advisable to read the "letter of mission" written by the President of the Republic, Mr Emmanuel Macron [6]. We understand that we are more in the world of political symbols, of political communication, than in that of the economy. Nevertheless, the symbol here is important. By deciding to recreate a Planning Commission, the French government, and the President, mark the limits of the markets, both for the long term and in a situation of uncertainty.

The question of uncertainty is therefore central. The fact that the general uncertainty generated by the COVID-19 pandemic then spread to the various economies [7], and that agents, businesses and households alike, experienced, and still experience, many difficulties in projecting themselves into the future, could prove to be major a cause of recession [8]. The need for governments to build some form of predictability for the future is the key to a sustainable return to growth. However, this same predictability also relates to the capacity of States to equip themselves with the means of intervention in the economy and to orient the expectations of agents. It is also one of the interests of planning to allow agents to project themselves again into a less uncertain future.

Already in the 1930s, one could read a critique of liberal economic conceptions based on the notion of uncertainty. For Gunnar Myrdal the fundamental theorem

of economic liberalism according to which a social optimum can be obtained by the spontaneous aggregation of decentralized decisions is unfounded [9]. Indeed, he underlines that the overall national wealth that we seek to maximize must be able to be apprehended in a subjective way, according to the preferences of each agent, if we do not want to make a very strong assumption on the homogeneity of the preferences of all agents. At the same time, for the reasoning to have a scientific basis, this measure must be compatible with all the preference configurations held by the agents, now and in the future. However, such a measure cannot exist in a differentiated society, made up of heterogeneous agents. The principle of the "invisible hand" is compatible only with either a stationary state of society or with an assumption of identity of the agents. Myrdal then concluded that the foundations of classical and neoclassical economics are, on this point metaphysics of the unity of human desires. We should also note that this unity of behaviour refers, as R. Bellamy shows in a recent article, to an eternalization of the structures of traditional societies, with their weak overall social differentiation and the very great inertia of their structures [10]. Even more dramatically, Hayek then joins Keynes on the question of uncertainty[4]. Paul Davidson explored this point in a discussion of the kinship between Keynes and the Austrian theses [12]. In an article published following the General Theory and in which he intends to summarize the central thesis of his book, Keynes makes an explicit link between the uncertainty in the knowledge available to agents and the uncertainty in the forecasts as conditions leading to the underutilization of resources [13]. It establishes that uncertainty is a factor of underemployment because it prevents a convergence of expectations.

The debate about planning in the context of uncertainty

The question of planning had been the subject of an important [14] and even foundational debate for economics, which embraced all questions of economic computation [15]. The critiques of Ludwig von Mises [16][5] and Friederich von Hayek [17] are well known. These two authors, however, criticize planning from a different perspective.

This debate focuses on the following point: how to choose between different alternative solutions for the use of resources, in a universe subject to the constraint of scarcity. For von Mises, who explicitly criticizes the socialist visions emerging from the war economy of the 1914–1918 period, the economic choice implies comparison, and the latter in turn implies the commensurability of the different options. We therefore need a common standard, represented then by the monetary price (direct cost and opportunity cost) of the various options subject to choice. In a centrally planned economy, identified at the time as being an economy from which private property has disappeared, the absence of competition between capitals implies for von Mises the disappearance of the process of discovering the level of relative prices between the different products.

Mises directly attacks Otto Neurath who, in a text submitted to the Workers' Council in Munich, during the revolutionary episode in Bavaria, had advocated an economy based on calculation in kind, and inspired by the war economy[6]. The key question, at the start of the debate, therefore relates to how the allocation choices should be made. For von Mises, apart from the calculation of costs there is no possibility of rational choice, a point contested by Neurath who considers that any economic choice involves social, moral and ethical values. It should be noted, however, that von Mises's argument

4 *On Austrians and Keynesians concept of uncertainty [11].*

5 *See in particular chapter 11, 12 et 13.*

6 *Texte republished in [18].*

imperceptibly passes from truly existing markets to theoretical markets, which would be both complete (i. e. capable of encompassing all possible worlds) and perfect (in the sense that the information they reveal is directly interpretable and not tainted with noise, and that this information is sufficient for making an optimal decision).

Stiglitz will go further. He formally contests the adequacy between local efficiency and general efficiency; so that a decision, for example of investment, which would be locally efficient also translates into an overall efficiency, it is indeed necessary to suppose that there exists in the economy a complete system of markets, that is to say markets covering all the options present and to come [19]. However, but for the hypothesis of a finite and stationary world, such an hypothesis of completeness is not admissible. The approach based on the hypothesis of the imperfection of information, and of which Stiglitz is certainly one of the most brilliant representatives, thus leads to a radical critique both of the neoclassical vision of the optimality rules and of some of the Austrian hypotheses. Indeed, the argument evoked here, if it is perfectly destructive for the neoclassical theory and the various theorems of the economy of wealth, is just as corrosive for the reasoning held by von Mises in his critique of Neurath. In fact, Stiglitz's conclusions go in the direction of calling into question the postulate that prices constitute the essential or decisive signals of the economic decision, a point also shared by other authors [20]. However, if we accept such a result, then the clause of impersonality of economic relations is no longer sustainable, and the equality postulated since von Mises [21] between money and the formal possibility of a rational decision is invalidated. This then leads us directly to the question of planning.

A validation of Otto Neurath's ideas?

In its response to von Mises' arguments on the need for a monetary valuation of the various options for an economic choice, Neurath counterattacks by indicating that the uncertainty weighing on the future compromises any attempt at such a valuation by the market. The example discussed relates to the comparison between the development of a coal-fired thermal power plant and the construction of a hydropower plant. For von Mises the main thing is to calculate the investment costs and the operating costs. However, retorts Neurath, for the calculation to be complete, it would be necessary to know the extent of the total coal reserves, otherwise the choice made today risks compromising the future of generations to come [22], and to know too the potential cost of medical treatment for coal miners who will be affected by silicosis during mining. In other words, the choices are inter-temporal and, for the market to be able to provide a satisfactory answer from the point of view of the von Mises criteria itself, it should be complete, i.e. testify to a perfect knowledge of the market. future. This knowledge being by nature impossible, except assuming a form of stationary state, Neurath deduces from it the non-place of prices and the market as decision-making instruments.

As a matter of fact, Neurath's position on planning turns out to be very different from that of Lerner [23] and Lange [24], as he acknowledges the power of uncertainty and and even relies on it for part of his argument for planning. The two authors, in the late 1930s, were reputed to have responded to von Mises and Hayek's objections to planning. On these two points, the incompleteness of the markets due to the inability to calculate everything and know everything, and the fact that comparisons, like equilibria, only make sense in an inter-temporal logic, we find concerns that will be those of Hayek

himself from 1952 and the publication of The Sensory Order [25]. Neurath's position consists in saying that any reputed economic choice contains a social, normative and ethical dimension, which is unsurpassable, which brings him closer to Herbert Simon [26]. It implies a decision, which is not purely technical but also political. Hayek will here diverge from Neurath, while taking up the arguments on the incompleteness of the economic calculation. For him this incompleteness implies a renunciation, or at least a limitation, to political action.

Table. The intersection of positions in the planning debate

The environment is perfectly calculable **A global ex-ante evaluation of opportunities is possible**	YES	NO
YES	O. Lange	O. Neurath
NO	L. von Mises	F.A. Hayek

In fact, if we go back to the way in which von Mises gave a definitive formulation to his positions, we see that he justifies the necessity of money because of the imperfect substitutability and specificity of capital goods [27]. In other words, it is to the extent that capital goods can have multiple uses, but their effects are not identical in these uses, that only money makes it possible to give a homogeneous evaluation. This only responds very imperfectly to Neurath's objections. In fact, von Mises' argument is situated in a time perspective, which is neither the short term — where assets are generally non-substitutable and perfectly specific — nor the long term where on the contrary assets are perfectly substitutable and non-specific. The problem is that, from its own point of view, money would no longer be necessary in these two situations. However, not only does he not justify the priority he gives in the analysis to the medium term, but, given the emphasis he places on the need for dynamic inter-temporal reasoning, he does not show how these different periods fit together.

Planning and COVID-19

It is therefore now clear that the health crisis has revived the issue of planning. The fear of a recurrence of such a pandemic will permanently shape economic behaviour in the years to come. The need for states to organize themselves in order to cope with such events will also involve forms of planning.

The consequences of the health crisis were also multiple. The latter led to the need for a real mobilization, on the model of war economies [28], of the economies which had been most affected by the pandemic. However, these mobilization processes have historically been the first cases of planning. Moreover, the fear of a recurrence of such a pandemic will permanently shape economic behaviour in the years to come. The need for states to organize themselves in order to cope with such events will also involve forms of planning. This raises the question of "market failures".

For a market, to be informationally and cognitively efficient it is necessary to ensure a homogeneity of the nature of the information, an absence of noise, or at least a constant level known by all of the latter, finally agents with an unlimited horizon. The homogeneity of the nature of information implies that the latter either be reduced to the price vector or ignore it completely [29]. This leads to a stationarity hypothesis. In order for a price to guide the choice of a future structure, it must include the variation in relative prices induced by the introduction of new goods or the modification of preferences resulting from the structure of knowledge and the degree of uncertainty. Such an assumption implies either that the modifications in question are null, or that the agents already know all the future configurations of the possible worlds. The introduction of markets on rights and future states (what in finance are called derivative markets), does not improve the situation in any way. In order for a market in a future state at any given time to provide an indication of that state, it would again be necessary either for the future to be identical to the present or for agents to have perfect knowledge of it. Prices in the equity markets therefore only reflect the hopes and illusions of agents at any given time. They provide positive knowledge about a state of mind, but nothing else. Expanding markets therefore does not help solve the problem. It is simply carried over to a higher level. The constitution of a complete system of markets, including the imaginable totality of the futures and spot markets, totality of which one wonders how it could be imagined today without taking into account the experience of tomorrow, is therefore not a solution to the cognitive limits of the market.

The presence of implicit information mixed with explicit information, and the gradual shift towards the tacit dimension, on the conditions of equilibrium have given rise to numerous studies [30]. Their results converge on a deep doubt as to the capacity of the market to generate such a balance.

On the contrary, the establishment of a stable environment for the company by the State, for example through a guarantee of purchase of its products for a given period or by a system of priorities in obtaining financial resources and hardware may be a partial solution. We find empirical applications both in the case of war economies during the two world conflicts and in the Japanese or French post-war economy [31]. The distribution of information and knowledge then takes place in the protected enterprise, which can quickly adapt to constraints that have become predictable in order to manage other, unpredictable constraints. The case of advanced techniques, where uncertainty is naturally very high both on the possible difficulties and on the possible opportunities, due to the absence of a precedent, shows that the stabilization of the external environment can accelerate the acquisition and the distribution of new knowledge. Conscious and organized consultation, which can then take the form of a flexible mode of planning such as what was practiced in post-war France [32; 33] or in Japan by the MITI [34; 35; 36; 37], can then — as Claude Gruson shows — prove to be a procedure that is not only effective but empirically efficient in the face of uncertainty and the inability of the market to manage information effectively [38]. In a sense, this is what has been called the constitution of institutionalized areas of controversy, which refers to a particular organizational culture. Another possible form, but which in fact comes close to institutionalized consultation, is then that of the network and systems based on bilateral relations. When the information is complex (ie different in nature), and when the environment is uncertain, stabilizing relationships on a contractual basis

may prove to be a formula superior to various forms of the market. The theoretical demonstration was made several years ago in a thesis on game theory; empirically, the development of business networks and business networks is a confirmation of this [39].

However, the post-COVID economy will be marked not only by the persistence of a high level of uncertainty but also by brutal and radical changes in preferences subjecting producers to heterogeneous information flows. In such a situation, the probability of a "market failure" will therefore be high.

We can therefore see that the question of planning, or in any case of institutionalized forms of consultation between the State and private actors (entrepreneurs and workers), will occupy an important place in the months, even in the years, who come. "You never bathe twice in the same river" Heraclitus would have said. The Post-COVID world, what has been called the "afterlife", although it has many similarities to the pre-COVID world, will not necessarily be the same. We will not forget the health crisis and the lessons that we can draw from it, such as the debates around these lessons, will structure the years to come. In this context, the question of planning will necessarily occupy an important place.

Библиографический список / References

1. *Lancaster K, Rhodes T, Rosengarten M. Making evidence and policy in public health emergencies: lessons from COVID-19 for adaptive evidence-making and intervention», in Evidence & Policy: A Journal of Research. Debate and Practice 2020, Vol. 16, pp. 477–90.*
2. *Shackle G.L. S., "On the Nature of Profit", in G.L.S. Shackle, Business, Time and Thought. Selected papers of G.L.S. Shackle, edited by S.F. Frower, New York University Press, New York, 1988, pp. 107–123. See, too, G.L.S. Shackle, Expectations in Economics, Cambridge University Press, Cambridge, 1949.*
3. *Simon H.A., "Rationality as Process and as Product of Thought", in American Economic Review, vol. 68, n°2, 1978, pp. 1–16.*
4. *Neurath O., «War economy», in Economic writings selections 1904-1945, éd. Uebel et Cohen, New York, Kluwer, 2005, p. 193.*
5. *French Government Webpage. URL: https://www.gouvernement.fr/haut-commissariat-au-plan/les-textes*
6. *French Government Webpage. URL: https://www.strategie.gouv.fr/projets/commissaire-plan*
7. *Ehrig T. et Foss N.J., «Risk, Uncertainty, and COVID-19 Strategies», posted on may 4th, 2020 on https://quillette.com/2020/05/04/risk-uncertainty-and-COVID-19-strategies/*
8. *King M. et Kay J., Radical Uncertainty: Decision-making for an unknowable future, Londres, The Bridge Street Press, 2020.*
9. *Myrdal G., The Polical Element in the Development of Economic Theory, Transaction Publishers, New Brunswick, NJ, 1990, first publishing, 1930.*
10. *Bellamy R., "Dethroning Politics: Liberalism, Constitutionalism and Democracy in the Thought of F.A. Hayek", in Brittish Journal of Political Science, Vol. 24, part 4/octobre 1994, pp. 419–441; see p. 432–435.*
11. *Shackle G.L.S. Uncertainty in Economics, Cambridge University Press, Cambridge, 1955.*
12. *Davidson P., "Some misunderstanding on uncertainty in modern classical economics", in C. Schmidt, (ed.), Uncertainty in Economic Thought, Edward Elgar, Cheltenham, 1996.*
13. *Keynes J.M., "The General Theory of Employment", in Quarterly Journal of Economics, vol. LI, 1936/1937, pp. 209–223.*
14. *O'Neill J., "Who won the socialist calculation debate", in History of Political Thought, vol. XVII, n°3, automne 1996, pp. 431–442.*

15. *Kirzner I.M., "The economic calculation debate: lessons for Austrians", in Review of Austrian Economics, Vol. 2, 1988, pp. 1–18.*
16. *von Mises L., Human Action — A treatise on Economics, W. Hodge, Londres, 1940*
17. *Hayek F.A., Collectivist Economic Planning, Routledge, Londres, 19.*
18. *Neurath O. Empiricism and Sociology, Cluwer Publishers, Dordrecht, 1973.*
19. *Stiglitz J.E., "Market Socialism and Neoclassical Economics", in P. Bardhan et J.E. Roemer, (edits.), Market Socialism: The Current Debate, Oxford University Press, Oxford et New York, 1993.*
20. *Bowles S. et H. Gintis, "Post Walrasian Political Economy", in S. Bowles, H. Gintis et B. Gustafsson, (edits.), Markets and Democracy: Participation, Accountability and Efficiency, Cambridge University Press, cambridge, 1993.*
21. *Von Mises L., "Economic calculation in the Socialist commonwealth", publié initialement en allemand in Archuv fûr Soziamwissenschafen und Sozialpolitik, vol. 47, avril 1921, reprinted in F.A. Hayek, Collectivist Economic Planning.*
22. *Neurath, O. "Personal life and class struggle" reprinted in O. Neurath, Empiricism and Sociology, op. cit., voir P. 263. Texte initialement publié en 1928.*
23. *Lerner A.P., "A Note on Socialist Economies", in Review of Economic Studies, vol. 4, n°1, 1936, octobre. Idem, "Statics and Dynamics in Socialist Economies", in Economic Journal, vol. 47, juin 1937. See also A.P. Lerner, The Economics of Control, MacMillan, New York, 1944.*
24. *Lange O, "The Role of Planning in a Socialist Economy", in O. Lange, Papers in Economics and Sociology, PWN et Pergamon Press, Varsovie-Londres, 1970, pp. 101–102.*
25. *Hayek F.A., The Sensory Order, Chicago University Press, Chicago, 1952.*
26. *Simon H., "Theories of Bounded rationalities", in J. McGuire et R. Radner, (edits.), Decision and Organization. Essays in the Honor of J. Marschak, North Holland, Amsterdam, 1972, pp. 161–178.*
27. *von Mises L., Human Action — A treatise on Economics, W. Hodge, Londres, 1940, voir en particulier les chapitres 11,12 et 13.*
28. *Jäger A., «L'économie de guerre aux temps du coronavirus: le retour de la valeur d'usage», posted on Le Grand Continent, Aprl 21st, 2020, https://legrandcontinent. eu/fr/2020/04/21/neurath-economie-guerre/*
29. *Sapir J., "Информационная экономика: новая парадигма и ее пределы" (L'économie de l'information: un nouveau paradigme et ses limites), Voprosy Ekonomiki, n 10/2005.*
30. *Jordan J.S. & R. Radner, "Rational Expectations in Microeconomic Models: an Overview", in Journal of Economic Theory, 1982, vol. 26, pp. 201–223; S. Grossman and J. Stiglitz, "Information and Competitive Price Systems", in American Economic Review -Papers and Proceedings, June 1976. Salop S., On the Non-Existence of Competitive Equilibrium, St-Louis Federal reserve Board, St. Louis, 1976.*
31. *Kindleberger C.P., «French Planning» in Max F. Millikan, editor, National Economic Planning, Washington, NBER, 1967, pp. 279–303.*
32. *Bernard Philippe J., La planification française, in Annales. Économies, Sociétés, Civilisations, 19 année, n 3, 1964, pp. 558–568.*
33. *Bodiguel J., «La DATAR: quarante ans d'histoire», in Revue Fançaise d'administration publique, n° 119, 2006, (3), pp. 401–414.*
34. *Kawasaki, S. Y., Japan's High-Growth Postwar Period: The Role of Economic Plans. Tokyo: ESRI, 2016.*
35. *Okuno, T. O., Contemporary Japanese Economic System and its Historical Origins. New York: Oxford University Press, 1999.*
36. *Okimoto D., T. Sugano, F.B. Weinstein, Competitive Edge, Stanford University Press, Stanford, 1984*
37. *Johnson C., MITI and the Japanese Miracle, Stanford University Press, Stanford, Ca., 1982.*
38. *Gruson C., "L'organisation d'un monde intelligible", in G. Markhoff, (ed.), Vers une éthique politique, Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme, Paris, 1987.*

39. *Mitchell T.C., Concession Making as a determinant of Vertical Trade Relationship, Ph. D., York University, Toronto, 1979, and B. Guilhon, "Technologie, organisation et performances: le cas de la firme-réseau", in Revue d'Économie Politique, vol. 102, n°4, 1992, pp. 565–592.*

Контактная информация/ Contact information

Центр исследований индустриализации
Centre d'études des modes d'industrialisation — CEMI
105, boulevard Raspail 75006 Paris.
+1 45 49 76 72 / cemi@ehess.fr

Пленарная конференция
МАЭФ-2021 «Новая роль сельского хозяйства в современной экономике и приоритеты аграрной политики России»

Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРИОРИТЕТЫ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

NEW TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE AND PRIORITIES OF AGRICULTURAL POLICY IN RUSSIA

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-275-284

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич
Руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова — филиал ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, член Президиума ВЭО России, академик РАН, д.э.н., профессор

Alexander V. PETRIKOV
Head of the All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after A.A. Nikonova, Member of the Presidium of VEO of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

В статье анализируется роль сельского хозяйства в экономике России, основные тенденции и проблемы его развития за 2014–2020 гг. Отмечается снижение среднегодовых индексов производства сельскохозяйственной продукции за 2018–2020 гг. по сравнению с 2015–2017 гг., рост антропогенной нагрузки на природную среду, дисбаланс между сокращением сельскохозяйственной занятости и созданием альтернативных рабочих мест в сельской местности, неравномерность технологического развития различных категорий хозяйств. Обосновываются основные меры аграрной политики, обеспечивающие экономический рост в сельском хозяйстве, решение экологических и социальных проблем в сельской местности: совершенствование государственной поддержки сельского хозяйства, приоритетное развитие малого и среднего предпринимательства, создание в АПК современной инновационной системы.

Abstract

The article analyzes the role of agriculture in the Russian economy, the main trends and problems of its development for 2014–2020. There is a decrease in the average annual indices of agricultural production for 2018–2020 compared to 2015–2017,

an increase in anthropogenic pressure on the natural environment, an imbalance between the reduction of agricultural employment and the creation of alternative jobs in rural areas, uneven technological development of various categories of farms. The article substantiates the main measures of agrarian policy that ensure economic growth in agriculture, solving environmental and social problems in rural areas: improving state support for agriculture, priority development of small and medium-sized businesses, creating a modern innovation system in the agro-industrial complex.

Ключевые слова Роль сельского хозяйства в экономике; производство продукции сельского хозяйства; сельскохозяйственная занятость; малый и средний бизнес в сельском хозяйстве; сельскохозяйственная наука; инновации в сельском хозяйстве; бюджетная поддержка сельскохозяйственных производителей.

Keywords The role of agriculture in the economy; production of agricultural products; agricultural employment; small and medium-sized businesses in agriculture; agricultural science; innovations in agriculture; budget support for agricultural producers.

Сельское хозяйство всегда играло и продолжает играть важную роль в российской экономике. Но если почти на всем протяжении XX века в глазах большинства экономистов отрасль была олицетворением отсталости, то в XXI веке приобретает имидж лидера экономического роста, где находят успешное применение многие достижения современной научно-технологической революции. В табл. 1 представлены основные показатели развития сельского хозяйства за 2014–2020 гг.

Таблица 1. Сельское хозяйство в экономике России в 2014–2020 гг.*

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Индексы производства (% к предыдущему году):								2020/2013, %
сельское хозяйство	104,1	102,1	104,8	102,9	99,8	104,0	101,5	120,7
промышленность	102,5	99,2	102,2	102,1	102,9	102,4	97,1	108,6
Производительность труда (% к предыдущему году):								2019/2013, %
экономика в целом	100,8	98,7	100,1	102,1	103,1	102,6	–	107,6
сельское хозяйство	105,4	104	102,2	105,3	103,6	106,7	–	130,5
Доля сельского хозяйства (%):								2020/2014, п.п.
в ВВП	3,90	4,30	4,27	3,90	3,80	3,90	4,10	0,2
в занятых	6,7	6,7	6,7	5,9	5,9	5,8	6,0	–0,7
в основных фондах	2,8	2,7	2,8	3,0	3,1	1,9	1,9	–0,9
в инвестициях	3,8	3,7	4,2	4,4	4,4	4,4	4,3	0,5

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
в расходах бюджета	1,14	1,22	1,06	1,06	1,07	1,16	–	0,02
в экспорте	3,8	4,7	6,0	5,8	5,5	5,9	8,8	5,0
в импорте	13,9	14,6	13,7	12,7	12,4	12,2	12,8	–1,1

* Составлено по данным Росстата.

Из таблицы следует, что индекс производства в сельском хозяйстве гораздо выше, чем в промышленности, и даже в трудный «пандемийный» год составил 101,5%. Растет доля продукции отрасли в экспорте, снижается в импорте; в 2020 г. достигнуто положительное сальдо во внешней торговле продовольствием. Это происходит за счет интенсивных факторов: индекс производительности труда в сельском хозяйстве выше, чем в целом по экономике; снижается удельный вес сельского хозяйства в численности занятых, основных фондах, но повышается в инвестициях, при том что доля отрасли в расходах консолидированного бюджета остается прежней.

Эти тенденции, конечно, позволяют оптимистично смотреть на будущее отрасли, но, с другой стороны, оказывают и «медвежью услугу» — многие эксперты, и особенно чиновники, не видят или не хотят видеть существенных проблем отрасли. Перечислим основные из этих проблем.

Прежде всего следует отметить, что в последнее трехлетие 2018–2020 гг. экономический рост в сельском хозяйстве замедлился, особенно в растениеводстве (табл. 2).

Таблица 2. Среднегодовые индексы производства продукции сельского хозяйства за 2015–2017 гг. и за 2018–2020 гг., %*

	2015–2017 гг.	2018–2020 гг.
Продукция сельского хозяйства	103,3	101,8
в том числе:		
растениеводства	104,4	102,0
животноводства	102,1	101,7

* Таблица составлена по данным Росстата.

Интенсификация сельскохозяйственного производства сопровождается увеличением антропогенной нагрузки на агробиоценозы. В сельском хозяйстве заметно увеличиваются объемы отходов производства и потребления, причем в большей степени, чем по экономике в целом. Если в целом по народному хозяйству образование отходов в период 2005–2015 гг. возросло в 1,7 раза, то в отрасли «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» — в 3,2 раза (см. данные Росстата: https://rosstat.gov.ru/folder/11194). Несмотря на большую, чем в среднем по экономике, долю их утилизации, в аграрном секторе устойчиво растут объемы неиспользованных и необеззараженных отходов: за 2005–2015 гг. — в 2,3 раза, в то время как в целом по народному хозяйству — в 1,3 раза.

Если суммарные по экономике выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, за 2005–2015 гг. на 15% уменьшились, то в сельском хозяйстве они возросли на 47%; увеличиваются также объемы выбросов парниковых газов: за 2005–2015 гг. — на 3,8% (в целом по народному хозяйству — на 5% (см. там же)).

Наблюдается довольно заметная положительная корреляция между объемом отходов производства в расчете на 100 га с/х угодий по субъектам Российской Федерации и удельным весом в валовой продукции сельского хозяйства сельскохозяйственных организаций. И наоборот, с удельным весом фермерской продукции эта связь отрицательная (табл. 3).

Таблица 3. Коэффициенты корреляции между образованием отходов производства в расчете на 100 га с/х угодий по регионам и удельным весом в валовой продукции сельского хозяйства региона различных категорий хозяйств

	2019 г.
Сельскохозяйственные организации	0,45
Крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели и хозяйства населения	–0,45

* Расчеты выполнены по данным Росстата.

Существенны социальные издержки агропродовольственного роста. Удельный вес занятых в сельском хозяйстве сократился с 13,2% в 1990 г. до 6% в 2020 г., более чем в 2 раза. Всего с 1990 г. из сельского хозяйства было высвобождено около 5,2 млн среднегодовых работников, в том числе после 2010 г. — 1,4 млн. Альтернативные рабочие места на селе не были созданы, что, во-первых, позволяет не платить достойную зарплату остающимся в сельском хозяйстве работникам, подпитывая сельскую бедность, а во-вторых, толкает лишившихся места работы к переезду в городскую местность.

Таблица 4. Группировка административных районов по плотности сельского населения

Плотность сельского населения, человек на 1 кв. км	**Количество административных районов, единиц**			**2018 г. к 2010 г.**	
	2002	**2010**	**2018**	**единиц**	**%**
Менее 1 чел.	208	245	269	24	109,8
От 1 до 5 чел.	448	562	587	25	104,4
От 5 до 10 чел.	632	505	499	–6	98,8
От 10 до 50 чел.	498	603	556	–47	92,2
Более 50 чел.	41	78	82	4	105,1

* Расчеты выполнены по данным Росстата.

В стране развивается процесс стягивания населения к крупным городам и социального опустынивания периферийных районов. С одной стороны, растет количество административных районов с низкой плотностью сельского населения (до 10 человек на 1 кв. км), с другой стороны — с высокой плотностью (табл. 4).

В сельском хозяйстве меньшая по сравнению с другими отраслями инновационная активность предприятий (см. табл. 5). Если в целом по экономике доля предприятий, осуществлявших технологические инновации, составляла в 2019 г. 21,6%, то в различных подотраслях аграрного производства она на 40–80% ниже.

Таблица 5. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, %*

	2017	2018	2019
В целом по экономике	20,8	19,8	21,6
выращивание однолетних культур	6,2	5,2	7,5
выращивание многолетних культур	6,9	2,2	4,7
выращивание рассады	20,0	14,3	12,5
животноводство	4,4	4,7	5,3
смешанное сельское хозяйство	–	16,3	8,9
Вспомогательная деятельность в области производства с/х культур	4,6	6,3	7,4
производство пищевых продуктов	16,6	15,8	16,1

* Таблица составлена по данным Росстата.

Наблюдается неравномерность инновационного развития по категориям хозяйств. Крупные хозяйства превосходят малые по масштабам применения передовых сельскохозяйственных технологий как в растениеводстве, так и в животноводстве. Устойчиво увеличивается разница между сельскохозяйственными организациями и хозяйствами всех категорий в урожайности большинства сельскохозяйственных культур (за исключением сахарной свеклы и подсолнечника), а также в продуктивности коров.

Таблица 6. Урожайность с/х культур и продуктивность коров в сельскохозяйственных организациях в % к хозяйствам всех категорий

	2000	2010	2020	2020–2000, п.п.
Урожайность:				
зерновых	100,9	103,8	108,4	6,5
сахарной свеклы	100,1	101,2	100,4	0,3
подсолнечника	100,4	109,3	104,4	0
картофеля	99,3	136,0	163,1	63,8
овощей открытого грунта	93,8	111,0	116,0	22,2
Надой на 1 корову	93,6	110,3	139,0	45,4

* Таблица составлена по данным Росстата.

Для преодоления накопившихся в сельском хозяйстве проблем и обеспечения его устойчивого развития, когда достигается не только экономический рост, но и решаются экологические и социальные проблемы отрасли и сельской местности, необходимо совершенствование аграрной и сельской политики по следующим основным направлениям.

Стимулирование притока инвестиций в отрасль за счет увеличения общей государственной поддержки и совершенствования инвестиционной политики. Начиная с 2013–2014 гг. в России наблюдается снижение совокупной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, о чем, например, свидетельствует данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), осуществляющей ежегодный мониторинг и оценку аграрной политики ведущих государств (табл. 7). При этом уровень поддержки сельского хозяйства в России ниже, чем в странах ОЭСР (за исключением 2013 г.), и эта разница, к сожалению, увеличивается.

Таблица 7. Динамика коэффициента поддержки сельскохозяйственных производителей, по данным ОЭСР, %*

		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
1.	Россия	18,93	11,29	12,72	12,36	11,66	11,47	9,03	6,68
2.	ОЭСР	16,90	16,36	16,97	17,86	16,97	17,72	18,72	18,07
3.	Строка — строка1, п.п.	–2,03	5,07	4,25	5,5	5,31	6,25	9,69	11,39

* Коэффициент поддержки сельскохозяйственного производителя исчисляется как отношение ежегодной денежной стоимости валовых трансфертов сельскому хозяйству от потребителей и налогоплательщиков к сумме валового дохода сельскохозяйственных производителей, см. https://data.oecd.org/agrpolicy/agricultural-support.htm.

Явно несовершенна структура федеральных расходов на Государственную программу развития сельского хозяйства. Здесь начинают превалировать расходы по поддержку экспорта, который доступен относительно небольшой группе сельскохозяйственных товаропроизводителей: в 2020 г. на эти цели было израсходовано 29,7 млрд рублей, что составило 12% от всех расходов Минсельхоза России на госпрограмму. Еще большая доля средств на поддержку экспорта предусмотрена федеральным бюджетом на 2021–2023 гг. (табл. 8).

Таблица 8. Доля расходов федерального бюджета на проекты Госпрограммы развития сельского хозяйства на 2021–2023 гг., согласно ФЗ от 08.12.2020 № 385-ФЗ, %

	2021	2022	2023
ФП «Экспорт продукции АПК»	19,1	25,8	28,5
ВП «Развитие отраслей АПК, обеспечивающих ускоренное импортозамещение»	23,4	21,2	20,1
ФП «Акселерация субъектов МСП»	2,2	2,2	2,3
ВЦП «Научно-техническое обеспечение развития отраслей АПК»	0,039	0,035	0,033

С 2022 г. удельный вес этих расходов будет больше, чем расходы на импортозамещение, и многократно больше, чем поддержка малого бизнеса или расходы на научно-техническое обеспечение отраслей АПК. Финансирование экспорта в 2021 г. на 30% превысит расходы по Государственной программе «Комплексное развитие сельских территорий», а в 2023 г. — на 60%.

Задачи развития внутреннего рынка, социального обустройства сельских территорий, создания современной инновационной системы в АПК требуют изменения структуры федеральных расходов.

Приоритетным направлением должно стать развитие малого и среднего предпринимательства. До настоящего времени основные усилия направлялись на поддержку крупных хозяйств, агрофирм и агрохолдингов. В период, когда в кратчайшие сроки надо было наполнить рынок отечественным продовольствием, это было отчасти оправдано, хотя без перекосов не обошлось. Сейчас задача импортозамещения на агропродовольственном рынке в основном решена. Вместе с тем появляются новые вызовы. Речь идет уменьшении антропогенной нагрузки на экосистемы, формировании климатически нейтральной экономики, удовлетворении растущего спроса на органическое продовольствие, сохранении сельского расселения. Эти задачи, как показывает отечественный и зарубежный опыт, лучше решает малый и средний бизнес. Между тем правительство продолжает в приоритетном порядке поддерживать крупные предприятия. Доля субсидий в прибыли сельскохозяйственных организаций в 5 раз выше, чем доля субсидий в прибыли крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, хотя в последние годы разница несколько уменьшилась (табл. 9).

Наблюдается существенная дифференциация государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в сельском хозяйстве по регионам страны (табл. 10).

Таблица 9. Доля субсидий в прибыли сельскохозяйственных товаропроизводителей, %*

	2016	2019
Сельскохозяйственные организации	47,0	40,0
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели	7,8	8,0

*ФАС России. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2019 г., с. 154.

Основными мерами по развитию малых и средних форм хозяйствования в АПК являются:

- улучшение доступа субъектов МСП к субсидиям и кредитам;
- развитие вертикальной сельскохозяйственной кооперации, создание кооперативной товаропроводящей сети как альтернативы крупному ретейлу;
- стимулирование сотрудничества малых форм с крупными интеграторами путем развития т.н. «контрактного сельского хозяйства»;
- стимулирование перехода высокотоварных ЛПХ в фермерские хозяйства;
- диверсификация экономики малых и средних форм за счет несельскохозяйственных видов бизнеса, включая аграрный туризм.

Таблица 10. Удельный вес субъектов малого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве, получавших господдержку в 2020 г., по данным ФНС, %

Субъекты МСП — физические лица		Субъекты МСП — юридические лица	
Субъекты Российской Федерации	**%**	**Субъекты Российской Федерации**	**%**
Иркутская область	90,5	Ненецкий автономный округ	100,0
Республика Хакасия	82,8	Курганская область	87,6
Курганская область	79,6	Удмуртская Республика	83,9
В среднем по Российской Федерации	41,9	В среднем по Российской Федерации	52,8
Республика Калмыкия	2,6	Республика Северная Осетия — Алания	4,9
Калининградская область	2,5	Чеченская Республика	2,5
Новгородская область	2,4	Республика Калмыкия	1,3

Одновременно необходимы меры антимонопольной политики в отношении крупных предприятий:

- установление лимита предоставления субсидий одному сельскохозяйственному товаропроизводителю;
- ограничение максимального размера площади сельскохозяйственных угодий, которые расположены на территории одного муниципального района и могут находиться в собственности (пользовании) одного гражданина и (или) одного юридического лица (в настоящее такое ограничение практически отсутствует, что обусловливает чрезмерное укрупнение землепользования в сельском хозяйстве, монополизацию земельного рынка, существенно сужает возможности развития малого и среднего агробизнеса и диверсификации сельской экономики);
- ужесточение экологических нормативов ведения сельскохозяйственной деятельности;
- предоставление права участия в торгах по реализации земельных участков и имущества сельскохозяйственных товаропроизводителей — должников только малым и средним хозяйствам и др.

Важным направлением аграрной политики является увеличение поддержки сельскохозяйственных исследований и стимулирование притока в сельскохозяйственную науку частных инвестиций. В целом сельскохозяйственная наука недофинансирована: отношение внутренних затрат на исследования и разработки в сельском хозяйстве к валовой добавленной стоимости, созданной в отрасли, почти в 1,5 ниже аналогичного показателя по науке в целом (0,7% и 1,03%). Почти 61% внутренних затрат на исследования и разработки в области сельского хозяйства составляют затраты на фундаментальные исследования. Это гораздо больше, чем средний показатель, и только по гуманитарным наукам он несколько больше (табл. 11).

Таблица 11. Структура внутренних затрат на исследования и разработки по областям знаний в 2019 г., %

	Фундаментальные исследования	Прикладные исследования	Разработки	Итого
Всего	17,1	20,1	62,8	100
Естественные науки	53,6	26,7	19,7	100
Технические науки	4,1	14,6	81,3	100
Медицинские науки	28,9	62,3	8,8	100
Сельскохозяйственные науки	60,7	29,8	9,5	100
Общественные науки	41,4	53,8	4,8	100
Гуманитарные науки	76,5	20,6	2,9	100

* Таблица составлена по Индикаторы инновационной деятельности: 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

Сельскохозяйственная наука сосредоточена главным образом в государственном секторе. Доля государства во внутренних затратах на аграрные исследования и разработки составляет около 78%, вместе с вузами (которые являются также государственными) — 96%. По этому показателю аграрная наука — лидер среди всех областей наук.

Таблица 12. Структура внутренних затрат на исследования и разработки по секторам и областям науки в 2019 г., %

	Государственный сектор	Предпринимательский сектор	Сектор высшего образования	Итого
Всего	28,1	60,8	11,1	100
Естественные науки	61,3	20,8	17,9	100
Технические науки	15,4	77,9	6,7	100
Медицинские науки	69,2	15,0	15,8	100
Сельскохозяйственные науки	77,8	3,7	18,5	100
Общественные науки	34,9	6,4	58,7	100
Гуманитарные науки	64,2	0,3	35,5	100

* Таблица составлена по Индикаторы инновационной деятельности: 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

В динамике доля государства и вузов растет, а предпринимательского сектора, наоборот, снижается. Крупные сельскохозяйственные компании — лидеры рынка, обладающие высокой платежеспособностью, участвуют в мировом рынке техноло-

гий. Малые и средние хозяйства ориентированы на покупку отечественных технологий, но их платежеспособность ограничена, они не находят на внутреннем рынке инноваций достаточного предложения по приемлемым ценам.

Разорвать этот порочный круг может только государство, с одной стороны, субсидируя технологическое обновление малых и средних хозяйств, а с другой стороны, удешевляя стоимость отечественных инноваций. Решить первую и вторую задачи можно путем создания при аграрных университетах и НИИ технологических долин и территориальных инновационных кластеров, а также увеличивая финансирование прикладных исследований и разработок.

Библиографический список

1. *Федеральная служба государственной статистики. Информация по отрасли «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» — https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy.*
2. *Федеральный закон от 08.12.2020 № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370144/*
3. *Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2019 г. ФАС России, 2020.*
4. *Федеральная налоговая служба. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства — https://ofd.nalog.ru/index. html*
5. *Индикаторы инновационной деятельности: 2021: статистический сборник / Л.М. Гохберг, Г.А. Грачева, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2021.*

References

1. *Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Informacija po otrasli «Sel'skoe hozjajstvo, ohota i lesnoe hozjajstvo» — https://rosstat.gov.ru/enterprise_economy*
2. *Federal'nyj zakon ot 08.12.2020 № 385-FZ «O federal'nom bjudzhete na 2021 god i na planovyj period 2022 i 2023 godov» — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370144/*
3. *Doklad o sostojanii konkurencii v Rossijskoj Federacii za 2019 g. FAS Rossii, 2020.*
4. *Federal'naja nalogovaja sluzhba. Edinyj reestr sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva — https://ofd.nalog.ru/index. html*
5. *Indikatory innovacionnoj dejatel'nosti: 2021: statisticheskij sbornik / L.M. Gohberg, G.A. Gracheva, K.A. Ditkovskij i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». — M.: NIU VShJe, 2021.*

Контактная информация / Contact Information

Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова
107078**,** Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1.
All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after A.A. Nikonova
107078, Moscow, Bolshoi Kharitonevsky per., 21, bldg. 1.
Петриков Александр Васильевич / Alexander V. Petrikov
apetrikov@viapi.ru

ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

TRENDS IN GLOBAL FOOD SECURITY IN THE PANDEMIC CONDITIONS

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-285-296

ПАПЦОВ Андрей Геннадьевич
Директор Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор

Andrey G. PAPTSOV
Director of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas — All-Russian Scientific Research Institute for Agricultural Economics», Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы обеспечения населения мира продовольствием в условиях пандемии. Дается оценка трендов развития ведущих отраслей агропродовольственного комплекса с учетом негативных тенденций, вызванных последствиями распространения COVID-19. Предлагается прогноз обеспечения продовольствием регионов мира в случае нарастания эпидемий.

Abstract

The article examines the problems of providing the world's population with food in a pandemic. An assessment of the development trends of the leading sectors of the agri-food complexod complex is given, taking into account the negative trends caused by the consequences of the spread of COVID-19. A forecast of food supply to the regions of the world in the event of an increase in epidemics is proposed.

Ключевые слова

Пандемия, мировой агропродовольственный рынок, продовольственные ресурсы, мировые импортеры и экспортеры агропродовольствия, мировое производство важнейших видов продовольствия.

Keywords

Pandemic, the world agri-food market, food resources, world importers and exporters of agri-food, world production of the most important types of food.

Обеспечение населения продовольствием — одна из главных целей любого правительства и обязательное условие национального суверенитета. Проблемы продовольственной и пищевой безопасности и их воздействие на здоровье населения планеты носят комплексный, взаимосвязанный, трансграничный характер.

Именно поэтому новая ситуация в мировом продовольственном хозяйстве, складывающаяся в условиях распространения эпидемии планетарного масштаба, требует оценки.

Пандемия COVID-19 — гуманитарный кризис, ставящий под угрозу продовольственное обеспечение и населения планеты. Существенная зависимость населения земли от импорта продовольствия вызывает обеспокоенность, что ситуация на мировых продовольственных рынках, вызванная распространением COVID-19, спровоцирует продовольственный кризис гораздо более глубокий по своим последствиям, чем продовольственный кризис 2007–2008 гг. Если до начала пандемии хроническую нехватку продовольствия уже испытывали более 820 млн человек[1], то к 2050 г., по оценкам ООН, численность голодающих может возрасти до 2 млрд человек.

Глубокие глобальные экономические потрясения, вызванные пандемией COVID-19, меняют стандарты и правила мировой торговли продовольствием, логистики и ретейла, возникают предпочтения в потреблении пищевых продуктов.

Ограничительные меры, предпринимаемые государствами по нераспространению коронавирусной инфекции, уже сказываются на глобальных продовольственных производственно-сбытовых цепочках. Ряд стран ввел ограничения на поставки продовольствия с целью поддержки внутренних производителей. Таким образом, товарооборот между странами был подорван и в некоторых случаях прекращен.

Глобальная связь национальных агропродовольственных систем является, наряду со сложностью и ростом концентрации, важнейшими характеристиками современного мирового агропродовольственного сектора. В настоящее время до 80% населения Земли ежедневно полностью или частично питаются импортным продовольствием.

За период с 2010 по 2019 гг. объем импортируемой агропродовольственной продукции в мире возрос с 1183,8 млрд до 1620,5 млрд долл., то есть в 1,4 раза, или на 27% (табл. 1). За рассматриваемый период доля России на мировом агропродовольственном рынке в качестве импортера продукции снизилась на 1 п.п. с 2,84% в 2010 г. до 1,84% в 2019 г. (рис. 1).

В отношении формирования глобальных рынков продовольственных ресурсов следует отметить весьма примечательные тенденции. Так, если в апреле и мае 2020 г. стоимость мирового импорта и количество торговых потоков значительно снизились, то уже в июне ситуация выправилась. В то время как сбои в мировой торговле основными пищевыми продуктами, такими как зерновые, масличные, фрукты и овощи, оставались минимальными, то хлопок, табак, растения и цветы испытали более резкое снижение уровня торговли в первые месяцы пандемии.

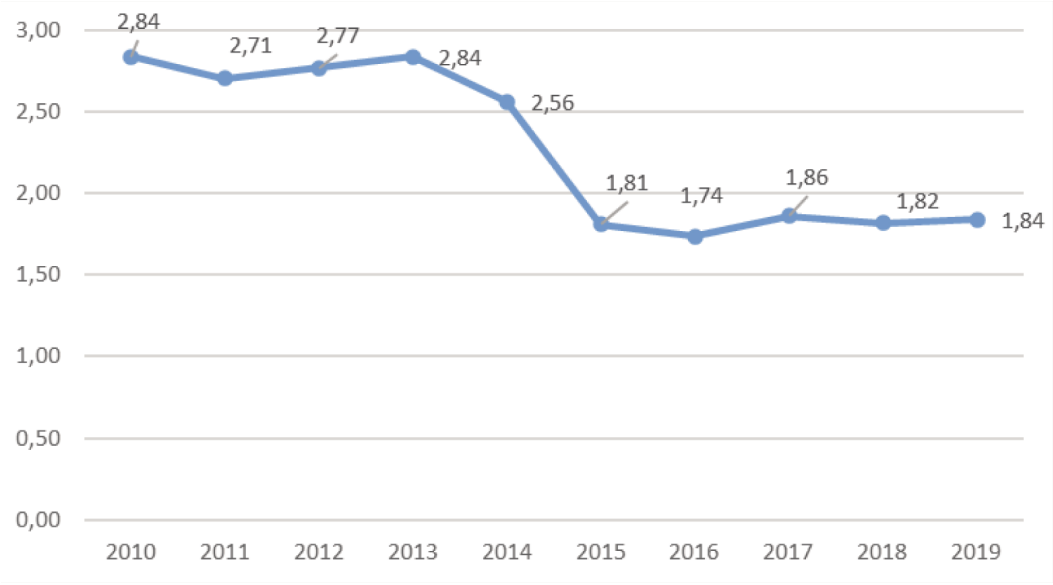
***1** Доклад группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания (2020 г.): создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания на период до 2030 года.*

Таблица 1. Основные мировые импортеры агропродовольственной продукции и Россия, млрд долларов

Страна	2010 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.	Доля страны в мировом импорте, % в 2019 г.
Мир в целом	1183,8	1423,9	1620,5	н/д	100,0
США	102,4	141,8	165,6	169,6	10,5
Китай	61,0	105,4	140,4	162,2	8,7
Германия	87,5	93,6	105,2	109,4	6,5
Япония	66,4	65,3	73,4	70,0	4,5
Нидерланды	46,8	58,7	67,4	76,4	4,2
Великобритания	59,0	64,5	65,7	66,0	4,1
Франция	53,8	56,0	62,8	63,5	3,9
Италия	46,7	45,9	49,4	58,3	3,0
Испания	34,0	35,8	41,5	41,6	2,6
Бельгия	33,8	35,1	39,2	40,6	2,4
Страны ЕС	484,3	524,9	595,7	617,9	36,8
Россия	33,6	25,8	29,8	29,1	1,8

Источник: составлено по данным FAOSTAT.

Рисунок 1. Доля России на мировом рынке агропродовольственной продукции в качестве импортера, %

В 2020 г. импорт агропродовольствия в России насчитывал 29,1 млрд долл., то есть остался практически без изменений по сравнению с 2019 г. — 29,8 млрд долл.

Что касается экспорта агропродовольствия, то в условиях пандемии COVID-19 он за 2019–2020 гг. увеличился в США, Нидерландах, Бразилии, Испании, Канаде, Италии, странах ЕС в целом, а также в России. В Китае экспорт агропродовольственной продукции за этот период снизился на 2,5 млрд долларов (табл. 2).

Таблица 2. Основные мировые экспортеры агропродовольственной продукции и Россия, млрд долларов

Страна	2010 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.	Доля страны в мировом экспорте, % в 2019 г.
Мир в целом	1157,9	1394,1	1587,5	н/д	100
США	116,2	138,3	141,7	149,4	8,9
Нидерланды	77,8	86,4	101,8	110,3	6,4
Германия	72,9	78,0	84,8	85,5	5,3
Бразилия	62,5	72,5	78,2	83,6	4,9
Китай	47,6	68,2	77,0	74,5	4,8
Франция	64,7	66,1	71,4	70,4	4,5
Испания	38,2	46,3	56,4	62,6	3,6
Канада	38,1	48,0	50,9	55,8	3,2
Италия	36,7	40,8	49,9	52,8	3,1
Бельгия	37,5	39,9	45,5	46,6	2,9
Страны ЕС	467,5	522,8	606,4	634,7	38,2
Россия	7,6	15,8	24,8	28,6	1,6

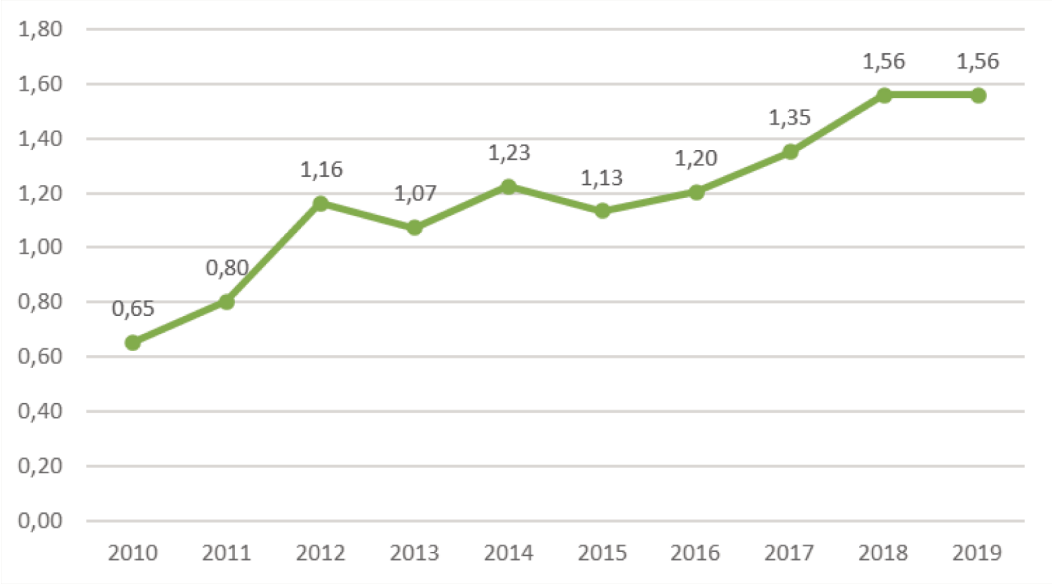
Источник: составлено по данным FAOSTAT.

Несмотря на то что в 2020 г. на долю России приходился лишь 1,6% мирового экспорта агропродовольствия, за последние десять лет наблюдался рост доли России в мировом экспорте данного вида продукции (рис. 2).

Таким образом, несмотря на сбои, международные рынки продовольственных товаров и торговля сельскохозяйственной продукцией оказались более устойчивыми к шоку COVID-19, чем другие секторы экономики.

Ряд основных агропродовольственных отраслей справились с вызовами пандемии, адаптировав свои бизнес-модели, скорректировав цепочки поставок, торговля сельскохозяйственной продукцией продолжает развиваться, их глобальные рынки по-прежнему достаточно обеспечены, а перспективы оцениваются как относительно благоприятные.

Рисунок 2. Доля России на мировом рынке агропродовольственной продукции в качестве экспортера, %

Особенности ситуации в основных отраслях мирового продовольственного комплекса

Зерновые культуры. Ситуацию на зерновом рынке по прогнозам ФАО на 2020–2021 гг. можно оценить как стабильную (табл. 3).

Таблица 3. Основные производители зерновой продукции в мире, млн тонн

Страна	2010 г.	2015 г.	2019 г.	Доля страны в мировом производстве, % в 2019 г.
Мир в целом	2460,4	2833,5	2978,9	100,0
Китай	497,9	619,9	614,7	20,6
США	401,1	431,8	421,5	14,1
Индия	267,8	284,3	324,3	10,8
Бразилия	75,1	106,0	121,2	4,0
Россия	59,6	102,4	117,8	3,9
Индонезия	77,6	80,6	85,2	2,8
Аргентина	39,7	55,9	84,9	2,8
Украина	38,6	59,6	74,4	2,5
Франция	65,8	72,8	70,3	2,3
Канада	46,1	53,5	61,1	2,0

Источник: составлено по данным FAOSTAT.

Зерновой сектор оказался весьма устойчивым к последствиям COVID-19. По оценкам ООН, запасы мирового зерна находятся на рекордном уровне — около 840 млн тонн.

По оценкам экспертов, в 2020 г. производство зерновых в мире превысило уровень прошлого года на 2,6%. Объем торговли зерновыми в мире в 2020–2021 гг. составит более 430 млн т и достигнет нового рекордного уровня в свете ожидаемого роста торговли всеми основными видами зерновых.

Вместе с тем следует учесть, что пандемия коронавируса оказывает крайне негативное воздействие на транспортировку, хранение, доступность зерна для отдельных стран на мировом продовольственном рынке, что в среднесрочной перспективе существенно скажется на мировых объемах производства зерна в целом и некоторых зерновых культур.

Максимальный рост импорта зерна в пандемийный период демонстрирует Китай, который за период 2019–2020 гг. вырос почти вдвое и в 2020 г. достиг 9,3 млрд долларов. В других основных странах — импортерах зерна, таких как Республика Корея и Италия, за рассматриваемый период изменений практически не произошло, а в таких странах, как Япония, Испания, Нидерланды, Индонезия, наблюдалось некоторое снижение импорта зерна.

В условиях пандемии в 2020 г. по сравнению с 2019 г. экспорт зерна нарастили, прежде всего, его основные экспортеры — США, Россия, Канада. Поставки зерна на мировой рынок в 2020 г. по сравнению с 2019 г. снизили Украина, Аргентина, Бразилия, Таиланд.

Мясо. Как наглядно показывают данные табл. 4, мировой рынок мяса до 2019 г. развивался достаточно динамично.

Таблица 4. Мировое производство мяса, млн тонн

Страна	2010 г.	2015 г.	2019 г.	Доля страны в мировом производстве, % в 2019 г.
Мир	294,4	325,2	336,6	100,0
Китай	80,9	87,6	77,4	22,9
США	42,0	43,2	48,1	14,3
Бразилия	23,6	26,6	28,6	8,5
Россия	7,2	9,5	10,9	3,2
Индия	6,1	7,1	8,1	2,4
Германия	8,2	8,3	7,9	2,3
Мексика	5,8	6,3	7,3	2,1
Испания	5,4	6,1	7,1	2,1
Аргентина	4,7	5,4	6,1	1,8
Франция	5,8	5,6	5,4	1,6

Источник: составлено по данным FAOSTAT.

По данным ФАО, мировое производство мяса в 2020 г. сократилось на 1,1% по сравнению с 2019 г. и составило 333 млн тонн. Это снижение было вызвано, главным образом, сокращением мирового производства свинины на 8,3% из-за болезней животных, связанных с COVID-19, нарушением в работе рынка и все еще ощущаемых последствий засухи.

При этом в условиях пандемии и снижения доходов потребительский спрос плавно смещается в сторону мяса птицы как наиболее доступного источника животного белка.

Одновременно потребление мяса на душу населения в мире, по оценкам ФАО, сократилось почти на 3% в 2020 г., что является самым низким показателем с 2011 года.

Мировая торговля мясом незначительно вырастет, главным образом за счет роста импорта со стороны Китая. Международные цены на мясо с января 2020 г. упали на 8,6%, причем самое резкое падение пришлось на баранину, за которой следуют мясо птицы и свинина из-за перебоев в логистике, резкого спада в глобальном импортном спросе и значительных объемов нераспроданных мясных продуктов.

К основным факторам изменения тенденций в предложении и спросе мяса и мясопродуктов из-за мер социального дистанцирования на мировом рынке следует отнести:

- существенные ограничения для экспорта;
- сокращение глобальных перерабатывающих мощностей;
- закрытие или существенные ограничения на работу точек быстрого питания, равно как и сегмента HoReCa (сокр. от Hotel — Restaurant — Cafe/Catering/Casino);
- изменение пищевых потребительских предпочтений. Так, в Китае, на который приходится около четверти мирового потребления мяса, становится выраженной тенденцией недоверие к продуктам животного происхождения.

На этом фоне, несмотря на снижение покупательной способности населения, в России прогнозируется дальнейший рост производства (а главное — потребления) мяса и мясопродуктов. Сегодня по большинству ключевых позиций потребности внутреннего рынка России обеспечиваются почти полностью. Доля отечественного мяса и мясопродуктов на внутреннем рынке в 2019 г. составила 90%, что превышает пороговые значения, указанные в Доктрине продовольственной безопасности страны Российской Федерации, — 85%.

Также следует отметить хорошие перспективы роста российского экспорта мяса, в том числе из-за распространения африканской чумы свиней в Китае, Вьетнаме и других азиатских странах.

Молоко. Несмотря на пандемию, 2020 г. для мировой молочной отрасли сложился удачно. На фоне карантинных ограничений выросло производство и потребление молочных продуктов.

Несмотря на нарушения на рынках из-за пандемии COVID-19, производство молока устойчиво. Так, мировое производство сырого молока по предварительным результатам 2020 г. увеличилось на 2,3%, или на 18 млн тонн. Основной прирост производства молока обеспечили страны Латинской Америки, США, Австралия и Индия. Большой потенциал имеет молочный сектор в странах СНГ и Китае (табл. 5).

Таблица 5. Мировое производство цельного коровьего молока, млн тонн

Страна	2010 г.	2015 г.	2019 г.	Доля страны в мировом производстве, % в 2019 г.
Мир в целом	600,61	661,09	715,92	100,00
США	87,49	94,62	99,06	13,80
Индия	54,90	73,64	90,00	12,60
Бразилия	30,71	34,61	35,89	5,00
Германия	29,62	32,68	33,08	4,60
Китай	36,09	32,17	32,44	4,50
Россия	31,58	30,52	31,09	4,34
Франция	23,30	25,06	24,93	3,48
Новая Зеландия	17,01	21,93	21,87	3,05
Турция	12,41	16,93	20,78	2,90
Великобритания	14,07	15,32	15,55	2,17

Источник: составлено по данным FAOSTAT.

Одновременно растет потребление молока и молочных продуктов. Так, только в 2020 г. его уровень вырос на 5,5 млн т относительно показателей 2019 г. (по данным Milknews), а в 2021 г. ожидается дальнейшее увеличение потребления еще на 8,6 млн тонн. Здесь движущей силой роста является активный выпуск производителями новых продуктов. Только в 2020 г. зарубежными и отечественными производителями было выведено около 600 новых молочных продуктов на рынок России, США, Канады, Великобритании, стран ЕС и СНГ.

По прогнозу ФАО, к 2029 г. мировое производство молока достигнет 1 млрд тонн. Основной прирост в ближайшие 5 лет обеспечат такие страны, как Китай, США, Евросоюз, Россия и Бразилия, причем рост производства товарного молока в Китае будет составлять 5% в год. За этот период существенно вырастет спрос на сухое обезжиренное молоко в Африке, на сливочное масло — в Азии, а Китай сохранит позиции крупнейшего импортера сухого цельного молока. Япония, Россия, Мексика, страны Ближнего Востока и Северной Африки сохранят свои позиции нетто-импортеров молочной продукции.

Масличные культуры. Несмотря на прогноз снижения спроса, связанного с пандемией, последние данные ФАО на 2019–2020 гг. по масличным семенам и продуктам из них указывают на ужесточение ситуации в области спроса и предложения в мире, вызванное заметным сокращением производства (табл. 6).

Последние прогнозы ФАО на 2020/21 г. для масличных культур и соответствующих продуктов указывают на ухудшение динамики как предложения, так и их спроса. Здесь особенно заметным будет снижение производства сои и рапса (прежде всего из-за неблагоприятных погодных условий в США и сокращения

Таблица 6. Мировое производство масличных культур, млн тонн

Страна	2010 г.	2015 г.	2019 г.	Доля страны в мировом производстве, % в 2019 г.
Мир в целом	833,8	980,7	1101,3	100
Индонезия	165,4	202,6	264,1	23,9
Бразилия	76,4	106,5	127,0	11,5
США	104,9	121,4	115,1	10,4
Малайзия	83,8	99,0	99,8	9,0
Китай	66,9	64,0	75,4	6,8
Индия	59,5	51,9	64,7	5,8
Аргентина	56,5	66,9	61,7	5,6
Канада	17,9	25,9	25,4	2,3
Россия	7,4	13,8	22,7	2,0
Украина	10,0	16,9	22,3	2,0

Источник: составлено по данным FAOSTAT.

посевных площадей в ЕС и Канаде). Хотя частично эти потери будут компенсированы увеличением производства других культур. В результате мировые запасы, например, шрота/жмыха на конец сезона 2020/2021 могут снизиться до многолетних минимумов.

Одновременно ожидается уменьшение производства и потребления как пищевых масел и жиров, так и технических (прежде всего — изменение потребительских предпочтений и снижения спроса со стороны производителей биодизельного топлива).

На этом фоне Россия имеет хорошие перспективы на мировом рынке масличных культур, особенно это касается продукции переработки семян подсолнечника, занимая второе место по экспорту подсолнечного масла и подсолнечного шрота.

Рыба. Пандемия COVID-19 в 2021 г. скажется на рынках морепродуктов, особенно свежей продукции (табл. 7). Что касается предложения, то производители аквакультуры резко сократили прогнозы по созданию товарных запасов отрасли. Пандемия нанесет особенно серьезный удар по глобальному производству креветки и лосося. Сезон разведения креветки в Азии, который обычно начинается в апреле, теперь отложен до июня-июля. В Индии, например, объемы выращивания креветки снизятся на 30–40%. В мире значительно снижается спрос как на свежую, так и замороженную креветку. Спрос на лосося в 2021 г. должен сократиться как минимум на 15%. Значительно сократились розничные цены, в особенности на свежего лосося и форель, и они вряд ли восстановятся в ближайшее время.

Таблица 7. Динамика мирового вылова рыбы, тыс. тонн

Показатели	Годы				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Треска, хек, пикша	8 930	8 999	9 434	9 321	9 254
Камбала, палтус	957	989	976	974	946
Сельдь, сардины, анчоусы	16 630	15 364	16 734	19 764	16 606
Акула, скат	737	735	689	699	692
Тунец	7 685	7 796	7 791	8 165	8 362
Разные прибрежные виды рыб	7 420	7 332	8 119	7 346	7 467
Итого морская рыба	65 061	64 591	67 091	70 473	66 487

В 2018–2020 гг. на международные рынки из 221 государства было поставлено 67 млн т рыбы (живой вес), что составило около 40% общего объема рыбной продукции, произведенной в мире. Общая стоимость экспорта рыбы составила 164 млрд долл. США (11% стоимости экспорта сельскохозяйственной продукции).

Основными производителями рыбы являются: Китай (15,25 млн т), Индонезия (6,1 млн т), Российская Федерация (почти 5 млн т), США (4,9 млн т), Перу (3,8 млн т), Индия (3,6 млн т), Япония (3,2 млн т), Вьетнам (2,7 млн т).

В условиях пандемии в развитии мирового рыбохозяйственного комплекса складываются следующие тенденции:

- замедляющиеся темпы вылова рыбы;
- изменение предпочтений потребителей в сторону наиболее дешевой продукции;
- кризис многих направлений отрасли, в основном производства продукции аквакультуры (прежде всего креветки и лосося, по которым существенно упал спрос ретейла и общепита).

Таким образом, пандемия служит своевременным напоминанием о хрупкости глобальной продовольственной системы, борьба с COVID-19 и ее последствиями создает беспрецедентную неопределенность в мировых цепочках продовольственного снабжения и приведет к сложностям на рынке труда, в сельском хозяйстве, переработке продовольствия, на транспорте и в логистике, а также вызовет сдвиги в спросе на продовольствие.

В краткосрочной перспективе экономические и социальные последствия пандемии требуют корректировки среднесрочных перспектив в сельскохозяйственном производстве и потреблении продовольствия в мире.

Меняющиеся рацион питания и предпочтения потребителей, развитие цифровых инноваций в агропродовольственных цепочках поставок вызывают необходимость формирования новой системы продовольственного обеспечения..

Все выделенные ранее тенденции ведут, по нашему мнению, в долгосрочном периоде к тому, что сельскохозяйственное производство и потребление продовольствия будут все больше локализоваться в рамках национальных границ, а меж-

дународные цепи поставок будут рассогласовываться и местами деградировать. Следовательно, для каждой отдельной страны, включая сегодняшнюю Россию, вопросы обеспечения национальной продовольственной безопасности встают с новой остротой.

Библиографический список

1. *Папцов А.Г., Ахметшина Л.Г. Участие России в решении глобальной продовольственной проблемы // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2018. № 10. С. 2–6.*
2. *Экспорт продукции АПК России: тенденции и развитие: монография / И.Г. Ушачев, А.Г. Папцов, А.И. Алтухов [и др.]. — Москва: ООО «Сам Полиграфист», 2020. — 256 с.*
3. *Araujo M., Naimi B. (2020). Spread of SARS-CoV-2 Coronavirus likely constrained by climate. medRxiv, April, 7. — URL: https://doi.org/10.1101/2020.03.12.20034728.*
4. *Bukhari Q., Jameel Y. (2020). Will Coronavirus Pandemic Diminish by Summer? SSRN, March 17. — URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn. 3556998.*
5. *Espitia A., Rocha N., Ruta M. (2020a). COVID-19 and Food Protectionism; The Impact of the Pandemic and Export Restrictions on World Food Markets. World Bank Group, May 2020. — 28 pp.*
6. *Espitia A., Rocha N., Ruta M. (2020b). Database on COVID-19 trade flows and policies. Washington DC: World Bank.*
7. *FAO. (2020a). COVID-19 and the risk to food supply chains: How to respond? Rome. — URL: https://doi.org/10.4060/ca8388en.*
8. *FAO. (2020b). Food Outlook — Biannual Report on Global Food Markets: June 2020. Food Outlook, 1. Rome. — 160 pp. — URL: https://doi.org/10.4060/ca9509e.*
9. *Khlopov O.A. The coronavirus impact on future of global development // Modern Science. — 2020. — № 4. — P. 301–307.*
10. *Laborde D. Export restrictions tracker. — URL: https://public.tableau.com/profile/labor-de6680#!/vizhome/ExportRestrictionsTracker/FoodExportRestrictionsTracker.*
11. *Martin W., Anderson K. (2011). Export restrictions and price insulation during commodity price booms. The World Bank, May 2011. — 19 pp. — URL: https://www.imf.org/external/ np/seminars/eng/2011/trade/pdf/session1-martin-paper. pdf.*

References

1. *Paptsov A.G., Akhmetshina L.G. Russia's participation in solving the global food problem // Economy, labor, management in agriculture. 2018. No. 10. P. 2–6.*
2. *Export of products of the agro-industrial complex of Russia: trends and development: monograph / I.G. Ushachev, A.G. Paptsov, A.I. Altukhov [and others]. Moscow: LLC "Sam Polygraphist", 2020. — 256 p.*
3. *Araujo M.B., Naimi B. (2020). Spread of SARS-CoV-2 Coronavirus likely constrained by climate. medRxiv, April, 7. — URL: https://doi.org/10.1101/2020.03.12.20034728.*
4. *Bukhari Q., Jameel Y. (2020). Will Coronavirus Pandemic Diminish by Summer? SSRN, March 17. — URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn. 3556998.*
5. *Espitia A., Rocha N., Ruta M. (2020a). COVID-19 and Food Protectionism; The Impact of the Pandemic and Export Restrictions on World Food Markets. World Bank Group, May 2020. — 28 pp.*
6. *Espitia A., Rocha N., Ruta M. (2020b). Database on COVID-19 trade flows and policies. Washington DC: World Bank.*
7. *FAO. (2020a). COVID-19 and the risk to food supply chains: How to respond? Rome. — URL: https://doi.org/10.4060/ca8388en.*

8. *FAO. (2020b). Food Outlook — Biannual Report on Global Food Markets: June 2020. Food Outlook, 1. Rome. — 160 pp. — URL: https://doi.org/10.4060/ca9509e.*
9. *Khlopov O.A. The coronavirus impact on future of global development // Modern Science. — 2020. — № 4. — P. 301–307.*
10. *Laborde D. Export restrictions tracker. — URL: https://public.tableau.com/profile/labor-de6680#!/vizhome/ExportRestrictionsTracker/FoodExportRestrictionsTracker.*
11. *Martin W., Anderson K. (2011). Export restrictions and price insulation during commodity price booms. The World Bank, May 2011. — 19 pp. — URL: https://www.imf.org/external/ np/seminars/eng/2011/trade/pdf/session1-martin-paper. pdf.*

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства»
123007, Москва, Хорошевское шоссе, д. 35, корп. 2.
«Federal Scientific Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas — All-Russian Scientific Research Institute for Agricultural Economics»
Horoshevskoe highway, 35, bldg. 2, Moscow, 123007, Russia.
Папцов Андрей Геннадьевич / Andrey G. Paptsov
ciitei.paptsov@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

PROBLEMS OF FORMING AN EFFECTIVE MODEL INVESTMENT DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN RUSSIA

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-297-302

МАСЛОВА Влада Вячеславовна
Заведующая отделом исследования ценовых и финансово-кредитных отношений в АПК ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», д.э.н., профессор РАН

Vlada V. MASLOVA
Head of the research Department of price and financial-credit relations in agriculture, Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas — All-Russian Research Institute of Agricultural Economics», Doctor of economics, professor RAS

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы формирования эффективной модели инвестиционного развития в сельском хозяйстве. Проведен анализ процессов накопления и инвестирования. Выявлено, что в России, несмотря на обозначенные цели и поставленные задачи в инвестиционном развитии сельского хозяйства, сформировалась существенная стагнация. Подчеркивается, что для преодоления сложившихся негативных тенденций необходима разработка новой парадигмы модели инвестиционного развития на основе эффективного государственного регулирования институциональной среды и формирования необходимой ресурсной базы для развития инвестиционной деятельности.

Abstract

The article considers the problems of forming an effective model of investment development in agriculture. The analysis of the processes of accumulation and investment is carried out. It is revealed that in Russia, despite the designated goals and tasks, a significant stagnation has formed in the investment development of agriculture. It is emphasized that in order to overcome the existing negative trends, it is necessary to develop a new paradigm of the investment development model based on effective

state regulation of the institutional environment and the formation of the necessary resource base for the development of investment activities.

Ключевые слова Сельское хозяйство, АПК, накопление, потребление, инвестиции в основной капитал, структура инвестиций, кредитование, государственная поддержка.

Keywords Agriculture, AIC, accumulation, consumption, fixed capital investment, investment structure, lending, government support.

Введение

В настоящее время проблеме формирования эффективной модели инвестиционного развития уделяется большое внимание. Принимаются новые нормативные правовые акты, ставятся задачи по ускорению темпов инвестиционного развития. В Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. [1] в качестве одной из главных целей обозначено обеспечение «достойного, эффективного труда». В рамках данной цели планируется рост ВВП страны выше среднемирового и устойчивый рост доходов населения на основе увеличения к 2030 г. реального роста инвестиций в основной капитал не менее 70% к уровню 2020 г. и реального роста экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70%, а также увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства до 25 млн человек, что является крайне важным, имея в виду тот факт, что у нас до сих пор доля малого и среднего предпринимательства в ВВП крайне низкая (в 2020 г. — около 20%).

Кроме внутренних факторов, обуславливающих необходимость наращивания инвестиций в АПК, целесообразно принимать во внимание и внешние, в частности необходимость укрепления влияния на мировом агропродовольственном рынке и встраивания в международные продовольственные цепочки. Также необходимо учитывать прогнозируемый существенный прирост населения планеты и соответственно значительное повышение спроса на агропродовольственную продукцию в перспективе.

Результаты. Одним из основных сдерживающих факторов развития отрасли в условиях необходимости повышения конкурентоспособности и перехода на новый технологический уклад является низкий уровень накопления, особенно чистого накопления, и инвестиций. Вопросы, связанные с поиском решений по оптимизации распределения вновь созданной стоимости на потребляемую и капитализируемую часть, являются одними из фундаментальных проблем экономической науки, которые решаются в каждый исторический момент времени в зависимости от поставленных задач и приоритетов развития страны [2].

В настоящее время Президентом Российской Федерации поставлена задача по обеспечению роста доли накопления основного капитала до 25% в ВВП. С нашей точки зрения, в условиях необходимости ускоренной модернизации экономики и повышения ее конкурентоспособности доля накопления должна быть повышена до 27–28%%. Причем необходимо не только достичь такого уровня, но и зафиксировать его на достаточно долгий период времени. Например, в Китае с 2004 г. доля валового накопления в ВВП ни разу не опускалась ниже 40% (максимум в 2011 г. — 43,7%), в Индии — ниже 30% (максимум в 2007 г. — 41,9%). Среднемировые пока-

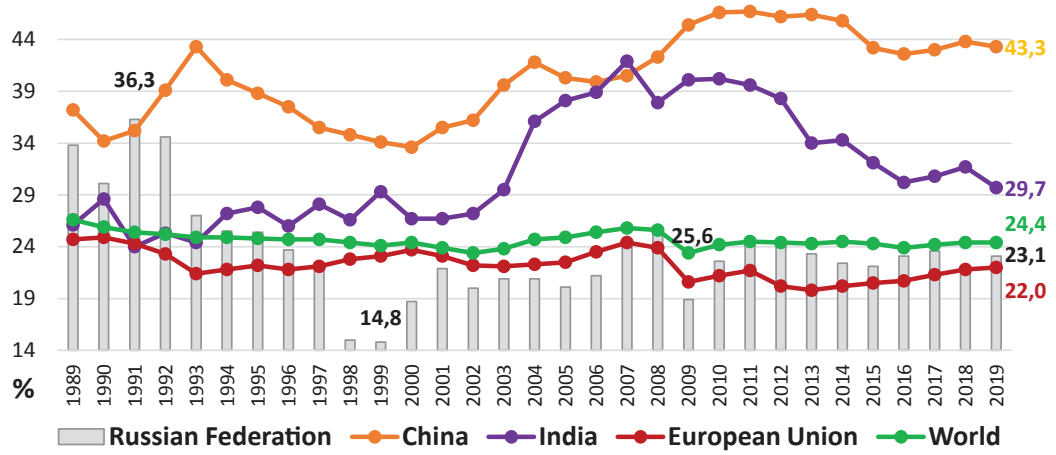

Рисунок 1. Динамика доли валового накопления в 1989–2019 гг. (в % к ВВП)

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка [3]

затели в этот период находились в промежутке 24–26%. В Российской Федерации доля валового накопления с начала 1990-х годов постоянно сокращалась. Максимальное значение этого показателя сложилось в 1991 г. — 36,3%; минимальными они были в периоды экономических кризисов 1998–1999 гг. и в 2009–2010 гг. В целом же начиная с 1996 г. доля валового накопления в России складывалась на уровне ниже среднемировых значений (рис. 1).

Сейчас в России сложилась крайне низкая норма накопления основного капитала (21,8%), которую могут себе позволить только высоко развитые индустриальные страны. Нам же только предстоит преодолеть отставание от этих стран, провести реиндустриализацию, развивать импортозамещение и экспортный потенциал страны [2]. К тому же необходимо иметь ввиду, что и доля конечного потребления домашних хозяйств находится на низком уровне (49%). Решить эти две задачи одновременно возможно только на основе устойчивых темпов роста экономики на уровне выше среднемировых значений.

Инвестиции являются основным фактором обеспечения устойчивого расширенного воспроизводства и экономического роста. Главным препятствием роста инвестиционной активности было и остается низкое качество инвестклимата и проводимая в стране денежно-кредитная политика.

В Российской Федерации, несмотря на обозначенные цели и поставленные задачи, в инвестиционном развитии сформировалась существенная стагнация. Анализ динамики инвестиций в основной капитал за последние 20 лет у нас и в странах СНГ показал (рис. 2), что за период 2000–2019 гг. индекс роста инвестиций в Азербайджане вырос в 13 раз, в Казахстане и Узбекистане — почти в 11 раз, в России — в 3 раза, т.е. Россия по темпам роста инвестиций в основной капитал за двадцатилетний период опередила только Молдавию.

С инвестициями в АПК складывается во многом похожая ситуация. За период 2005–2019 гг. индекс инвестиций в основной капитал сельского хозяйства в Беларуси составил 280%, в Казахстане — 610%, в России — 160%. Таким образом, Российская Федерация отстает в инвестиционном развитии и от наших ближайших соседей стран — участниц СНГ [6].

В настоящее время уровень инвестиций и структура инвестиционного капитала в АПК остаются неоптимальными. С 2013 г. (с момента начала реализации второй Государственной программы развития сельского хозяйства) по 2020 г. в сельском

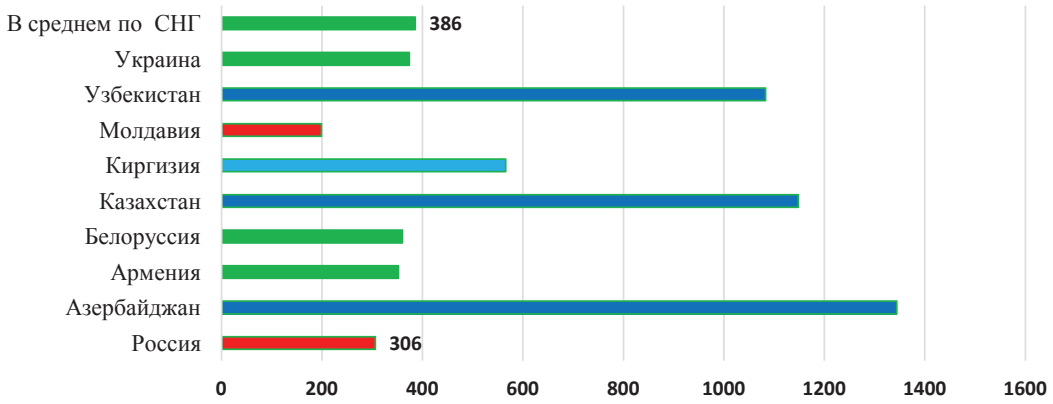

Рисунок 2. Прирост индексов инвестиций в основной капитал в целом по экономике в сопоставимых ценах в странах СНГ в 2000–2019 гг., %

Источник: составлено автором на основе данных Росстата и Казстата [4, 5]

хозяйстве в инвестиционном развитии наблюдалась стагнация — индекс инвестиций в основной капитал сельского хозяйства составил всего 99%. Главным источником формирования инвестиций на протяжении долгого времени являются собственные средства производителей (их доля сейчас приближается к 60%). Что касается привлеченных ресурсов — особенностью их формирования в аграрном секторе является высокая доля кредитов по сравнению со средними показателями по экономике. Сейчас удельный вес кредитных ресурсов в аграрных инвестициях (в связи со значительной господдержкой данного направления) составляет около 33%.

В настоящее время в отрасли сложился целый комплекс негативных тенденций, который не удается преодолеть [7]:

- нестабильное финансово-экономическое положение многих товаропроизводителей;
- проблемы с физической доступностью заемных ресурсов;
- низкая экономическая доступность заемных ресурсов (только 40% кредитов отрасли привлекается на льготных условиях);
- существенные региональные диспропорции, выражающиеся в значительной дифференциации регионов по уровню развития инвестиционных процессов в АПК;
- низкая доля малых форм хозяйствования в объемах господдержки льготного кредитования, несмотря на закрепляемую их долю;
- нестабильность государственной поддержки инвестиционного развития отрасли.

Соответственно, чтобы переломить эти негативные тенденции, необходима разработка новой парадигмы модели инвестиционного развития сельского хозяйства. Формирование инвестиционной модели предполагает ответ на вопрос, кто и на основе каких принципов принимает решения о капитальных вложениях.

Говоря о роли государства в модели инвестиционного развития, выделяют три модели: американскую, японскую и тайваньскую. В американской модели акцент делается главным образом на налоговых стимулах для частных инвестиций. В японской модели акцент ставился на государственной поддержке финансирования частных проектов. Государство использовало контроль над банковской сферой и мобилизовало сбережения граждан. Эти средства предоставлялись на льготных условиях бизнесу в обмен на обязательства по соблюдению условий их целевого использования. В тайваньской модели основным стало создание механизмов для согласования решений инвесторов и формирование необходимой инфраструктуры, поощрение вложений в человеческий капитал.

Ключевым для реализации эффективных моделей инвестиционной политики является создание целого ряда институтов, необходимых для формирования благоприятного инвестиционного климата. Представляется, что для нас перспективной могла бы стать японская модель инвестиционного развития. Государство как ведущий институт развития инвестиционной деятельности должно активно формировать научно-техническую политику, стимулировать инновационную активность. В то же время необходимо подчеркнуть, что только за счет регулирования правового поля и реформирования институтов без скорейшего формирования необходимой ресурсной базы для развития инвестиционной деятельности вряд ли можно ожидать прорыва в этом направлении. Проблема доступности длинных финансовых ресурсов стоит в России уже многие годы. Действующие институты развития хронически недофинансируются. В среднем доля банковского кредита в инвестициях в основной капитал по экономике составляет около 10%. Поэтому Центральный банк России, который сейчас практически самоустранился от задач по наращиванию инвестиций, являясь ключевым институтом денежно-кредитной политики, должен эмитировать необходимое количество денег для развития централизованно спланированных инвестиционных проектов [8].

Формирование эффективной модели инвестиционного развития в сельском хозяйстве предполагает достижение соответствия поставленных целей и задач с разработкой мер, инструментов и механизмов, а также подкрепление их необходимыми финансовыми ресурсами, к тому же необходима тесная взаимоувязка отраслевых целевых индикаторов с целями и задачами развития всей экономики.

Заключение. В 2020 г. из-за развернувшейся пандемии и снижения цен на энергоносители спад ВВП страны составил 3%. В перспективе ожидается стагфляция. В этих условиях проблемы инвестиционного развития могут отойди на второй план. Но если сейчас не начать наращивать инвестиции, то мы упустим момент для запуска нового инвестиционного цикла. В АПК для обеспечения необходимых темпов роста инвестиций, позволяющих говорить, по крайней мере, о возможности перехода на новый технологический уклад, по нашим расчетам, необходимо увеличить объем льготных кредитов в 3 раза, для чего требуется существенно нарастить кредитные портфели банков для нужд кредитования АПК. В этих целях необходимо увеличить господдержку льготного кредитования до 200 млрд руб. в год [6]. Также целесообразно в АПК сформировать специальный инвестиционный фонд для повышения инклюзивности инвестиционного развития.

Кроме текущих инвестиций на реализацию отраслевых бизнес-планов необходимы инвестиции, что называется, в системы раннего оповещения и предупреждения, например инвестиции в смягчение последствий изменения климата, в цифровые технологии; инвестиции в развитие сельской местности, инфраструктуры, НИОКР.

Библиографический список

1. *Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] — https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/ (дата обращения: 22.03.2021).*
2. *Ушачев И.Г. Устойчивое развитие и повышение конкурентоспособности сельского хозяйства России в условиях углубления интеграции в ЕАЭС. — Монография. — И.Г. Ушачев, А.Ф. Серков и др. — М. ООО «Научный консультант». 2019. — С. 320.*

3. *Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/home (дата обращения 20.05.2021).*
4. *Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (дата обращения 15.05.2021).*
5. *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан Официальный сайт. [Электронный ресурс] — URL: http:/ https://stat.gov.kz/official/ (дата обращения: 12.03.2021).*
6. *Маслова В. Инвестиционное развитие АПК: проблемы и перспективы / АПК: Экономика, управление. 2021. — № 5. — С. 49–56.*
7. *Маслова В.В., Авдеев М.В. Современные аспекты развития инвестиционного процесса в АПК России / В.В. Маслова, М.В. Авдеев // Труды вольного экономического общества. — 2020. — Т. 224. — С. 131–150.*
8. *Глазьев С.Ю. О приведении макроэкономической политики в соответствие с целями развития страны, поставленными Президентом России // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2020. — Т. 221. — № 1. — С. 69–78.*

References

1. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 iyulya 2020 goda № 474 «O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» [Elektronnyj resurs] — https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/ (data obrashcheniya: 22.03.2021).*
2. *Ushachev I.G. Ustojchivoe razvitie i povyshenie konkurentosposobnosti sel'skogo hozyajstva Rossii v usloviyah uglubleniya integracii v EAES. — Monografiya. — I.G. Ushachev, A.F. Serkov i dr. — M. OOO «Nauchnyj konsul'tant». 2019. — S. 320.*
3. *Oficial'nyj sajt Vsemirnogo banka [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/home (data obrashcheniya 20.05.2021).*
4. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru (data obrashcheniya 15.05.2021).*
5. *Byuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazahstan Oficial'nyj sajt. [Elektronnyj resurs] — URL: http:/ https://stat.gov.kz/official/ (data obrashcheniya: 12.03.2021).*
6. *Maslova V. Investicionnoe razvitie APK: problemy i perspektivy / APK: Ekonomika, upravlenie. 2021. — № 5. — S. 49–56.*
7. *Maslova V.V., Avdeev M.V. Sovremennye aspekty razvitiya investicionnogo processa v APK Rossii / V.V. Maslova, M.V. Avdeev // Trudy vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva. — 2020. — T. 224. — S. 131–150.*
8. *Glaz'ev S. YU. O privedenii makroekonomicheskoj politiki v sootvetstvie s celyami razvitiya strany, postavlennymi Prezidentom Rossii // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. — 2020. — T. 221. — № 1. — S. 69–78.*

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ
123007, г. Москва, ул. Хорошевское шоссе, д. 35, корп. 2.
FSBSIFRC AESDRA VNIIESH
35/ 2, Khoroshevskoe highway, Moscow, 123007.
Маслова Влада Вячеславовна / Vlada V. Maslova
maslova.ec-fin@vniiesh.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ, ОСОБЕННОСТИ И ВОЗМОЖНЫЕ ТРЕНДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СИСТЕМЕ АПК В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

ECONOMIC EFFECTS, FEATURES AND POSSIBLE TRENDS OF TRANSFORMATION OF ECONOMIC FORMS IN THE SYSTEM OF THE AGROINDUSTRIAL COMPLEX IN THE CONDITIONS OF MODERN CHALLENGES

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-303-309

МАКСИМОВА Татьяна Павловна
Доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, к.э.н.

Tatiana P. MAKSIMOVA
Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics,
PhD in Economics

Аннотация

В статье обоснована актуальность исследуемой проблемы, которая заключается в сохранении общих противоречий развития малых и крупных форм хозяйствования. Исследование экономических эффектов процессов трансформации за два десятилетия показало, что, во-первых, крупные хозяйства преобладают в структуре производства и динамике объемов выпуска. Во-вторых, эти тенденции сохраняют устойчивый характер. Определены сценарные прогнозы основных трендов дальнейшего развития малых и крупных форм хозяйствования: консервативный, базовый и оптимистичный. Рассмотрено влияние феномена мировой пандемии.

Abstract The article substantiates the relevance of the problem under study, which consists in maintaining the general contradictions in the development of small and large forms of business. The study of the economic effects of transformation processes over three decades has shown that: firstly, large farms prevail in the structure of production and the dynamics of output. Secondly, these trends remain sustainable. Scenario forecasts of the main trends in the further development of small and large forms of business have been determined: conservative; basic and optimistic. The influence of the phenomenon of a global pandemic is considered.

Ключевые Слова Формы хозяйствования, крестьянские (фермерские) хозяйства, агрохолдинги, аграрные отношения, институты, трансформация, экзогенные факторы.

Keywords Forms of farming (of business), the peasant (farmer) farms, agricultural holdings, agrarian relations, institutions, transformation, exogenous factors.

Введение

За тридцатилетний период рыночной трансформации национальной системы аграрных отношений существенные изменения произошли среди основных субъектов хозяйствования, которые находят свое отражение в решении общих стратегических проблем: вопросов обеспечения как национальной продовольственной безопасности, так и общемировых вопросов продовольственного обеспечения [1]. Согласно устоявшимся подходам, хозяйствующие субъекты в системе российского АПК именуют «формы хозяйствования» (далее — ФХ). В западной литературе, как правило, акцентируется внимание на двух основных ФХ: фермерских хозяйствах и крупных агрокорпорациях (или агрохолдингах). При этом к общим тенденциям можно отнести очевидные процессы концентрации, когда крупные ФХ, по сути, представляют собой частные случаи олигополий на рынках сельскохозяйственной продукции и оказывают косвенное влияние на общие тренды трансформации малых форм хозяйствования (далее — МФХ).

Значительную степень неопределенности с теоретической точки зрения добавляет отсутствие единого подхода в англоязычных переводах, когда ФХ могут быть представлены, как «forms of economic management»; «farms», «forms of business» и даже «lifestyles». А поисковик Google, в свою очередь, выдает миллионы ссылок, в которых представлены свои нюансы при определении ФХ. Поэтому при рассмотрении сущностных характеристик современных ФХ, а значит, и специфики их трансформации, уже изначально заложена «интрига» их идентификации: например, как объекта государственной поддержки.

Методы и методология

Исследуя особенности трансформации ФХ в национальной системе АПК, автор руководствуется в первую очередь тем методологическим принципом, который академик РАН Абалкин Л.И. формулировал так: «Любой ученый должен иметь полное право высказать свое суждение, не претендуя на то, что он является единственным обладателем истины. Монополия в науке неизбежно ведет к ее смерти» [2].

К наиболее важным проблемам российского АПК он причислял следующие: «диспаритет цен, борьба с монополиями и создание конкурентной среды». [3] Следует отметить, что спустя десятилетия данные проблемы по-прежнему сохраняют свою актуальность.

Если рассматривать ФХ с точки зрения политэкономического подхода, логично их рассматривать как взаимосвязь отношений форм землевладения и землепользования, а МФХ — с позиций мелкотоварного уклада. Если придерживаться мейнстрима основных принципов неоклассической теории рыночной экономики, то ФХ, по сути, выполняют функции фирм на продовольственных рынках. И, наконец, с позиции институционального подхода каждый тип ФХ можно рассматривать как локальный институт на микроуровне со своей выстроенной структурой. В последние годы автор все чаще отдает предпочтение методологии институционального анализа в контексте изучения особенностей влияния формальных и неформальных институтов. Отдельного внимания заслуживает акцент на неформальные институты, которые, по убеждению авторов, на микроуровне сельских территорий имеют особое значение, а эффекты их воздействия определяют характер деятельности и устойчивости МФХ. При этом автор придерживается подхода Д. Норта, который в качестве неформальных институтов, или неформальных правил поведения, рассматривает устойчивые эффекты традиций, хозяйственного опыта и практики хозяйствования, которые складываются исторически в обществе [4]. Наглядным примером являются крестьянские (фермерские) хозяйства в российской экономике (далее — КФХ), которые отличаются как от западной модели фермерских хозяйств, так и от «чаяновской» модели крестьянских хозяйств [5]. В качестве специфических черт российских КФХ можно выделить следующие: во-первых, эти хозяйства создавались в 90-е годы на основе реорганизации существовавших несколько десятилетий коллективных ФХ, а не базовой платформе их эволюционного развития; во-вторых, исторический контекст данной ФХ заложен в самом названии «крестьянские»; в-третьих, с самого начала своего появления КФХ существуют в весьма непростых институциональных условиях. Кроме того, совершенно очевидно, что за десятилетия рыночной трансформации сформировался новый тип российских фермеров, выросших уже в рыночных условиях и хорошо владеющих навыками использования цифровых технологий. Понять и осознать это помогает использование универсального гарвардского метода изучения и анализа конкретных практических ситуаций или кейс-метода, например, используя возможности профессиональных сообществ в социальных сетях при изучении и анализе различных конкретных ситуаций. Детальный анализ реальных кейс-ситуаций с возможностями обратной связи фактически становятся не только комплементацией, но иногда и субститутом полевых исследований.

Результаты и дискуссии

Сравнительный анализ вариативности теоретических подходов и практических реалий свидетельствует о том, что отсутствует единство подходов и к классификации ФХ. Так, официальная статистика выделяет следующие основные типы ФХ: сельскохозяйственные организации (далее — СХО), КФХ, индивидуальных предпринимателей (далее — ИП) и хозяйства населения (далее — ХН), включая личные подсобные хозяйства (далее — ЛПХ). Анализ подходов в экономической литературе позволяет выделять более расширенную «линейку» типологии современных

ФХ с позиции выбранных критериев [6]. Например, с позиции такого критерия, как «использование наемного труда», логично выделять товарные хозяйства, которые используют наемный труд, и семейные хозяйства (далее — СХ), которые продолжают оставаться базой устойчивости сельского уклада бытия на микроуровне сельских территорий. Однако феномен заключается в том, что, существуя, «де-факто», СХ не имеют четкого статуса «де-юре», и поэтому отдельно официальной статистикой не выделяются (см, например, по этому вопросу выступления академика Петрикова А.В.). Очевидно, что на особенности разных ФХ влияет специфика территориальной принадлежности фактора труда (труд местных селян или труд мигрантов), а также критерий занятости: использование труда наемных работников на постоянной основе или использование сезонных рабочих. В последние годы особенно актуальным становится критерий числовых параметров земельных и посевных площадей.

При изучении специфики трансформации разных ФХ представляют интерес и «сигналы» со стороны государственных институтов. Так, Минсельхозом РФ в конце 2020 г. был утвержден перечень 87 системообразующих организаций АПК, включая: 16 — в сфере растениеводства; 31 — в сфере животноводства; 33 — в сфере производства пищевой продуктов и напитков; 7 — в сфере рыболовства. Большая часть этих предприятий представляют собой крупные агрохолдинги, в составе которых — от одного до нескольких десятков хозяйств с юридическим статусом ООО, ОАО, ЗАО, АО [7]. Для сравнения: согласно ВСХП 2016 г., в системе российского АПК было представлено 36,1 тыс. СХО, 174,8 тыс. КФХ и ИП (из них 78% — это КФХ и 22% — это ИП), 23,5 млн ЛПХ и других индивидуальных хозяйств [8]. Такие «сигналы» можно рассматривать в качестве институциональных факторов с эффектами лоббирования для дальнейшего «продвижения» и развития крупных ФХ.

В свою очередь, сравнительно-экономический анализ данных официальной статистики показывает, что доля КФХ в общей структуре сельскохозяйственного производства хотя и увеличивается, однако значительно отстает от СХО (см. рис. 1).

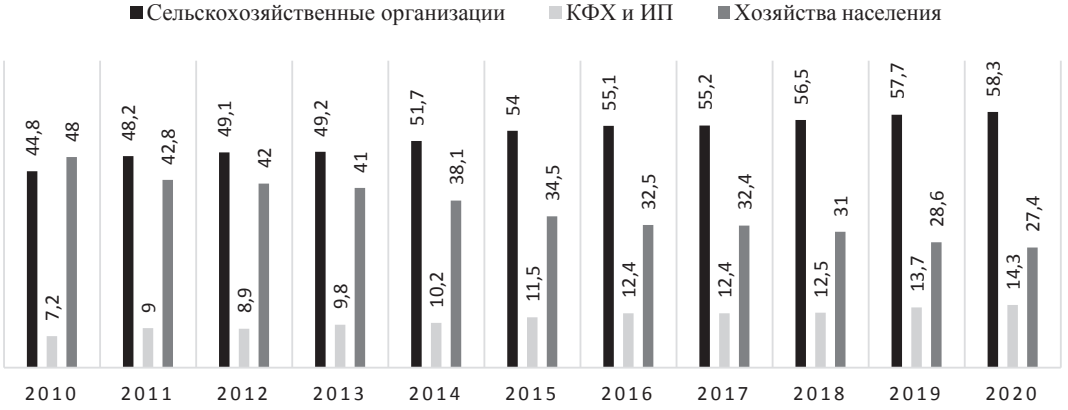

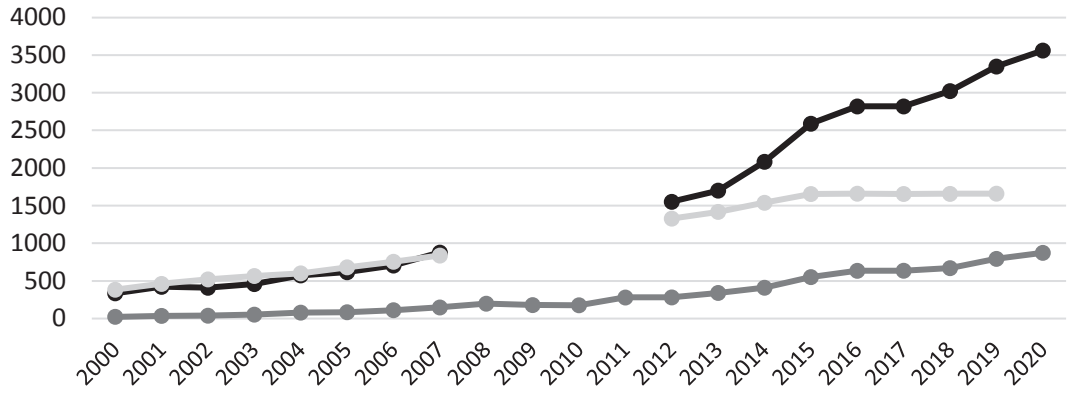

Рисунок 1. Структура продукции сельского хозяйства по основным ФХ (в % от хозяйств всех категорий)

Источник: составлено автором на основе данных официальной статистики [9]

Анализ количественных показателей динамики объемов выпуска свидетельствует также о том, что темпы роста существенно выше у СХО, которые по факту и составляют основу крупных ФХ, включая агрохолдинги (см. рис. 2). Представляется, что эти показатели являются косвенным признаком для подтверждения гипотезы

не только о сохраняющихся доминантных признаках крупных форм хозяйствования, но и об их преобладающем развитии в последнее десятилетие.

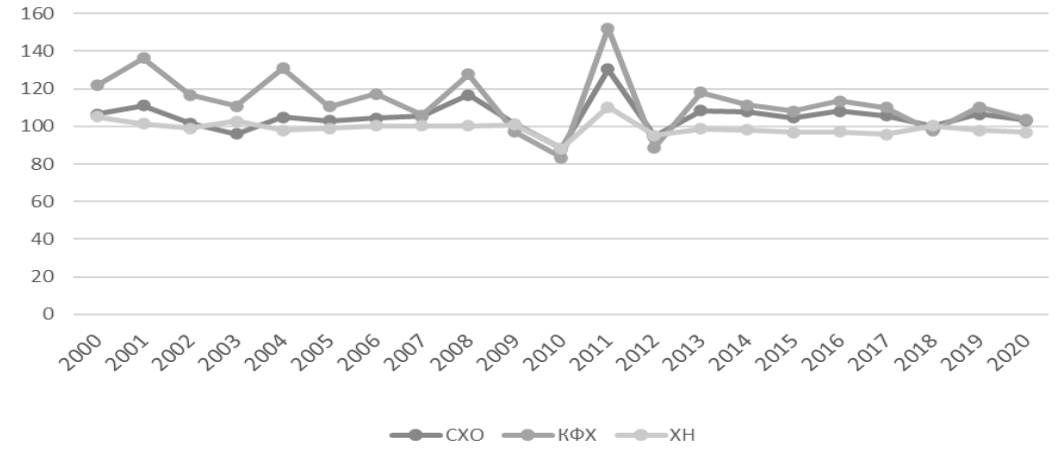
Рисунок 2. Темпы объемов выпуска сельскохозяйственной продукции по основным ФХ (в % от хозяйств всех категорий)

Источник: составлено автором на основе данных официальной статистики [9]

Анализ индексов производства сельского хозяйства по основным ФХ за последние 20 лет свидетельствует: во-первых, о явном преобладании темпов роста произведенной продукции у КФХ, по сравнению с СХО и ЛПХ; во-вторых, до 2013 года у КФХ амплитуда колебаний индексов производства выражена наиболее остро; в-третьих, общие пиковые точки спада в 2010 г. (см. рис. 3).

Рисунок 3. Индексы производства продукции сельского хозяйства по основным ФХ (в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году)

Источник: составлено автором на основе данных официальной статистики [9]

Среди общих тенденций также следует выделить то, что индексы производства продукции сельского хозяйства в ХН существенно уступают СХО и КФХ. Вместе с тем для КФХ и СХО остается устойчивым общий характер «волнообразной» динамики индексов производства сельскохозяйственной продукции.

Выводы

Таким образом, по итогам десятилетий рыночной трансформации в системе российского АПК сохраняют устойчивый характер такие проблемы, как отсутствие единых

подходов к выявлению сущностных характеристик форм хозяйствования в целом и определения их единой типологии; преобладание объемов и темпов выпуска у СХО и т.д. Существенной особенностью последних лет становится степень влияния экзогенных факторов на отдельные процессы трансформации ФХ: в частности, затянувшийся процесс мировой пандемии может сыграть положительный эффект для устойчивого развития МФХ в связи с повышенными запросами потребителей на фермерскую продукцию в целях поддержания и сохранения качества жизни. Поэтому при определении возможных трендов дальнейшей трансформации ФХ можно выделить следующие варианты сценарного моделирования:

- консервативный сценарий, предполагающий дальнейшую концентрацию и олигополизацию в аграрной сфере национальной экономики;
- базовый сценарий, согласно которому поддерживаются существующие пропорции в структуре сельскохозяйственного производства со стороны крупных и малых ФХ;
- оптимистичный сценарий, предполагающий сочетание феномена влияния мировой пандемии с совершенствованием инструментов государственной поддержки для МФХ и повышением их уровня конкурентности при производстве сельскохозяйственной продукции.

Библиографический список

1. *Гончаров В.Д., Котеев С.В., Рау В.В. (2016) Проблемы продовольственной безопасности России // Проблемы прогнозирования. Vol. 2 (155), pp. 99–107.*
2. *Абалкин Л.И. (2005) Монополия в науке ведет к ее смерти // Парламентская газета. 30.06.*
3. *Абалкин Л.И. (2009) Аграрная трагедия России // Вопросы экономики. № 9. С. 4–14.*
4. *Норт Д. (1997) К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 180 Р.*
5. *Чаянов А.В. (1989) Организация крестьянского хозяйства. //в кн. Избранные труды. — М.: Экономика. 491с.*
6. *Узун В.Я. (2005) Крупный и малый бизнес в сельском хозяйстве России: адаптация к рынку и эффективность. М.: ФГНУ «Росинформагротех», pp. 7–10.*
7. *Перечень системообразующих предприятий агропромышленного комплекса РФ // URL: https:// mcx.gov.ru/.pdf (дата обращения: 07.05.2021).*
8. *Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Предварительные итоги: Статистический бюллетень//Федеральная служба государственной статистики. М: ИИЦ «Статистика России», 70 с. (2016).*
9. *Федеральная служба государственной статистики РФ // URL: gks.ru (дата обращения: 20.04.2021).*

References

1. *Goncharov V.D., Koteev S.V., Rau V.V. (2016) Problemy prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossii // Problemy prognozirovaniya. Vol. 2 (155), pp. 99–107.*
2. *Abalkin L.I. (2005) Monopoliya v nauke vedet k ee smerti // Parlamentskaya gazeta. 30.06.*
3. *Abalkin L.I. (2009) Agrarnaya tragediya Rossii // Voprosy ekonomiki. № 9. S. 4–14.*
4. *Nort D. (1997) K. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki. — M.: Fond ekonomicheskoj knigi «Nachala», 180 R.*

5. *Chayanov A.V. (1989) Organizaciya krest'yanskogo hozyajstva. //v kn. Izbrannye trudy. — M.: Ekonomika. 491 s.*
6. *Uzun V. YA. Krupnyj i malyj biznes v sel'skom hozyajstve Rossii: adaptaciya k rynku i effektivnost'. M.: FGNU «Rosinformagrotekh», rr. 7–10 (2005).*
7. *Perechen' sistemoobrazuyushchih predpriyatij agropromyshlennogo kompleksa RF // URL: https://mcx.gov.ru/.pdf (data obrashcheniya: 07.05.2021).*
8. *Vserossijskaya sel'skohozyajstvennaya perepis' 2016 goda. Predvaritel'nye itogi: Statisticheskij byulleten'// Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. M: IIC «Statistika Rossii», 70 s. (2016).*
9. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF // URL: gks.ru (data obrashcheniya: 20.04.2021).*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36.
Plekhanov Russian University of Economics
649 room, Stremyanny lane, 36, Moscow, 117997, Russia.
Максимова Татьяна Павловна / Tatiana P. Maksimova
tpmaksimova@mail.ru

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЛОЩАДОК МАЭФ-2021

Научно-практические конференции
Субъекты Российской Федерации
17–25 мая 2021 г.

В разделе представлены материалы научно-практических конференций, которые состоялись на региональных площадках МАЭФ-2021

К ВОПРОСУ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ»

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF «SOCIAL WELL-BEING»

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-312-318

СМЕТАНИН Альберт Васильевич
Член правления Вольного экономического общества России, руководитель Архангельской региональной организации ВЭО России, советник ректора Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, академик РАЕН, д.э.н., профессор

Albert V. SMETANIN
Member of the Board of the Free economic society of Russia, Chairman of the Arkhangelsk regional public organization of the Free economic society of Russia, Advisor to the rector of the Northern (Arctic) Federal University. M.V. Lomonosova, academician of RAEN, Doctor of Economics, Professor

СМЕТАНИНА Людмила Михайловна
Член правления Архангельской региональной организации ВЭО России, доцент кафедры финансового права и правоведения Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, к.э.н., доцент

Lyudmila M. SMETANINA
Member of the Board of the Arkhangelsk Regional Branch of the VEO of Russia, Associate Professor of the Department of Financial Law and Jurisprudence of the Higher School of Economics, Management and Law of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Candidate of Economics, Associate Professor

Аннотация

Рассмотрены точки зрения ученых разных университетов от южных до северно-арктических на понятие «социальное самочувствие». С учетом геостратегического значения развития Арктики более глубокий анализ дан исследованию В.К. Мокшина и О.В. Шепелик «Социальное самочувствие населения АЗРФ: к постановке проблемы». Подчеркнут их концептуально-аналитический подход к трактовке понятия «социальное самочувствие». В то же время обращено внимание на взаимосвязь в развитии человека, его внутренней когнитивно-психологической наследственности и внешней среды.

Abstract The article considers the points of view of scientists from different universities from the southern to the Northern Arctic on the concept of "social well-being". Taking into account the geostrategic significance of the development of the Arctic, a more in-depth analysis is given to the study of V.K. Mokshin and O.V. Shepelik "Social well-being of the population of the Russian Arctic: towards a problem statement". Their conceptual and analytical approach to the interpretation of the concept of "social well-being"is emphasized. At the same time, attention is drawn to the relationship in human development, its internal cognitive-psychological heredity and the external environment.

Ключевые слова Социальное самочувствие, новое индустриальное общество (НИО-2), интегрированный индикатор, индекс социального самочувствия, когнитивно-психологическое состояние, социальная среда, социальное неравенство.

Keywords Social well-being, new industrial society (NIO-2), integrated indicator, social well-being index, cognitive and psychological state, social environment, social inequality.

Базового юридически закрепленного определения «социальное самочувствие» не существует. В связи с этим вернемся к истокам, когда это понятие было разделено на два слова — «социальный» и «самочувствие».

Большой толковый словарь русского языка дает следующие определения. Социальный — от латинского «socialis» — товарищеский, общественный; относящийся к обществу, связанный с жизнью и отношениям людей в обществе. Самочувствие — общее физическое и душевное состояние человека [1].

В том, что означает «социальный», сомнений нет. А к трактовке самочувствия, точнее, к приоритетности составных частей «самочувствия», — имеются. На первой позиции поставлено «физическое», а на второй — «душевное» состояние. От древних философов идет знаменитое «человек — мера всех вещей». Представим на минуту, чтобы мера добра и зла определялась мышечной массой, силой. И на какой стадии развития находилось бы человечество сегодня, исповедуя примитивный материализм? Вопрос риторический.

Духовность как главный творец и навигатор позволила человечеству выйти на уровень 4-й промышленной (технологической) революции. Более того, парус 4-й промышленной революции создает предпосылки для формирования нового индустриального общества (НИО-2) с развитой личностью, способной к инновациям, к работе в высокотехнологичных отраслях с преобладанием в производстве знаниеемкого продукта. Сегодня пилотный проект НИО-2 ассоциируется прежде всего с исследовательскими выводами доктора экономических наук, профессора, президента ВЭО России, президента Международного союза экономистов С.Д. Бодрунова [2–6].

Заметный вклад в развитие и содержание понятия «социальное самочувствие» вносит вузовская наука. Выделим некоторые университеты. Палатников Д.В., Ратманова Е.В. (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова) при анализе изменения социального самочувствия населения Ярославской области использовали понятие «проблемного поля» как индикатора самочувствия людей [7].

Каргополова Е.В. (Астраханский государственный университет), Каргополов С.В. (Волгоградский государственный университет), Дулина Н.В. (Евразийская академия административных наук) определяют социальное самочувствие как один из важнейших интегральных индикаторов состояния общества и происходящих в нем процессов. В своих исследованиях они используют индекс социального самочувствия (ИСС), который включает в себя три составляющие: Кз — защищенность населения от 10 социальных опасностей; Ку — удовлетворенность населения своей жизнью в целом; Ко — уровень социального оптимизма: сравнение уровня жизни с прошлым годом, краткосрочный оптимизм (ожидания в ближайшем году), долгосрочный оптимизм: уверенность в своем будущем [8–10].

Г.Д. Гриценко (Северо-Кавказский федеральный университет г. Ставрополя), рассматривая социальное самочувствие через социальную адаптацию, ввела в научный оборот понятие «адаптивное социальное самочувствие» как динамичный интегральный показатель отношения населения к кардинальным социальным преобразованиям, происходящим в конкретный исторический период с точки зрения жизненной ситуации в прошлом и оценки ее в будущем [11–13].

За последнее десятилетие активизировались ученые Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, учебных заведений и научных организаций Мурманской области, республик Карелия, Коми.

Среди авторов, на наш взгляд, выделяется исследование В.К. Мокшина, О.В. Шепелик «Социальное самочувствие населения в АЗРФ: к постановке проблемы» [14]. К достоинствам работы следует отнести концептуально-аналитический подход, использование многочисленных источников и данных статистики. Заслуживает внимание трактовка понятия «социальное самочувствие». По их мнению, понятие «социальное самочувствие представляет собой эмоционально-оценочное отношение индивидов к окружающей социальной реальности и своему месту в ней». На уровне социальных групп и общностей это понятие отражает социальные настроения и степень социальной стабильности или нестабильности социума [15]. Принципиальным для авторов также является утверждение о том, что «социальное самочувствие выступает своеобразным индикатором качества жизни и защищенности населения, а также социальным и политическим мотиватором». Ключевым можно считать следующее суждение: «Социальное самочувствие, являясь непосредственным компонентом социального настроения и опосредованно-общественного сознания, отражает общественное бытие людей и находит проявление в деятельности человека». Следуя ему, авторы раскрыли объективную картину развития социально-экономического положения арктических регионов, их слабости и потенции [16].

Исследуя категорию социального самочувствия, В.К. Мокшин и О.В. Шепелик, выделили из работы Хариповой З.А. «Социальное самочувствие: проблемы и противоречия» важный тезис: «рассмотрение социального самочувствия в плоскости социологического исследования подразумевает обращение в первую очередь к выявлению механизмов влияния социальной действительности на формирование социального самочувствия» [17].

В работе Максимова А.М., Малининой К.О., Блынской Т.А., Балицкой С.М. «Методологические и методические аспекты изучения социального самочувствия населения Арктической зоны Российской Федерации в контексте его ценностных ориентаций» В.К. Мокшин и О.В. Шепелик обратили внимание на следующую мысль:

«для изучения социального самочувствия важно интегрировать три группы индикаторов: 1) социально-экономическое положение населения, 2) субъективные оценки благополучия, 3) ценностные ориентации» [18].

В то же время трудно согласиться с трактовкой В.К. Мокшиным и О.В. Шепелик ряда позиций. В их числе: непонятно, почему «следует развести такие понятия, как «качество жизни» и «социальное самочувствие», хотя перед этим, по нашему мнению, правильно утверждалось, что от «качества жизни (которое проявляется в социальном самочувствии) во многом будут зависеть результаты освоения Российской Арктики». Возникает вопрос и к попыткам противопоставить «социальное благополучие» и «социальное самочувствие», аргументируя тем, что «социальное благополучие» представляет собой более субъективное образование, нежели социальное самочувствие», а также посыл «не следует психологизировать социальное самочувствие, сводя его к социальному благополучию» и далее по тексту «психофизические особенности не могут определять ни социальное настроение, ни социальное самочувствие» [19].

Как же тогда относиться к утверждению великих экономистов Дж. Кейнса и Л. Эрхарда, что 50% экономики — это психология? Известный социолог, академик РАН М.К. Горшков считает, «что имманентной стороной любого вида человеческой деятельности является психоэмоциональная составляющая» [20].

Считаем также несвоевременным вывод: «положительным сдвигом в социальном развитии России являлось сокращение неравенства в уровне жизни населения, а также уровня развития регионов» [21]. Данные Росстата и общенациональные исследования Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), проведенные в апреле — мае 2017 года свидетельствуют о том, что межрегиональное неравенство уровня и качества жизни в России, значительно усилившееся в постпандемический период развития страны, продолжает оставаться высоким. Ранее состоявшиеся опросы в 2015 году также показали, что лишь 3% респондентов полагают, что в российском обществе отсутствуют острые социальные неравенства. При этом осенью 2015 года число бедных в равнении с 2013 годом увеличилось вдвое и составило 25% населения [22].

По нашему мнению, ядром социального самочувствия населения является эмоционально-психологическое состояние, которое проявляется через социальную среду общей удовлетворенности человека своей жизнью. Социологи отмечают, что чем труднее времена (кризисы, наступление бедности), тем отчетливее в обществе проявление негативных эмоций: в начале кризиса более 30% населения испытывало тревогу, чувство неуверенности, подавленности. С улучшением ситуации в экономике в мае 2017 года стали доминировать позитивные настроения в обществе (54% от числа опрошенных) [23].

Здесь важно подчеркнуть взаимосвязь в развитии человека, его внутренней когнитивно-психологической наследственности (генов) и внешней среды. Другими словами, социализация личности происходит в ходе взаимодействия факторов биологической природы человека и социальной среды с приоритетом последней.

Базисность ядра эмоционально-психологического состояния социального самочувствия подтверждают исследования в области аналитической психологии. Заложенные в коллективном бессознательном архетипе человека «вековые следы» управляются изнутри нашими базовыми реакциями на внешнюю действительность. Основатель этой психологии К. Юнг писал: «Сам мозг рождается с определенной

структурой, работает современным образом, но этот же мозг имеет и свою историю, результатом которой сам и является» [24].

Было бы несправедливым обойти вниманием определение социального самочувствия, близкого нам (авторам) по духу, опубликованное на федеральном образовательном портале: «Социальное самочувствие — синдром сознания, отражающий соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта, которые представлены как когнитивные формирования» [25].

Библиографический список

1. *Большой толковый словарь русского языка. Сост. и гл. редактор С.А. Кузнецов. — СПб.: «Норинт». 1998. С. 1243, 1147.*
2. *Бодрунов С.Д. О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации. — Экономическое возрождение России, 2016, № 3 (49), с. 5–8.*
3. *Бодрунов С.Д. Ноономика. Монография. — М.: Культурная революция, 2018. — 432 с.*
4. *Бодрунов С.Д. Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики. — На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления. Под ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020, с. 15–31.*
5. *Бодрунов С.Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации. Монография. — М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. — 224 с.*
6. *Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. Стратегирование трансформации общества: знания, технологии, ноономика. Монография. — СПб.: С.Ю. Витте, 2021. — 351 с.*
7. *Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте сост. и общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. — М.: Academia, 2009, с. 792.*
8. *Каргополова Е.В. Социальное самочувствие населения региона: опыт мониторингового исследования / С.В. Каргополов, Е.В. Каргополова // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 5 (132) / ВолгГТУю — Волгоград, 2014. — (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 16). — С. 42–47.*
9. *Дулина Н.В. «Врата народов»: Южный федеральный округ социокультурном пространстве России / Н.В. Дулина, Е.В. Каргополова, И.Н. Наумов // Вестник Калмыцкого университета. — 2016. — № 1 (29). — С. 88–97.*
10. *Дулина Н.В. Социальное самочувствие жителей как отражение эффективности управления в регионе (административно-правовой аспект) / Н.В. Дулина, Е.В. Каргопова // Вестник Евразийской академии административных наук. — 2017. — № 1 (38). — С. 89–97.*
11. *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Маслова Т.Ф. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа // Социологические исследования. — 2008. — № 2. — С. 91–96.*
12. *Гриценко Г.Д., Лепилкина О.И., Маслова Т.Ф. и др. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ре. Акад. М.К. Горшкова. — М.; СПб.: Нестор-История, 2011. — 176 с.*
13. *Гриценко Г.Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // Universum: Общественные науки: электрон. Научн. журн. 2014. № 6 (7). URL: http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419.*
14. *Мокшин В.К., Шепелик О.В. Социальное самочувствие населения АЗРФ: к постановке проблемы. — Cenius loci Арктики: знания, смыслы и практики: Монография/коллектив авторов; отв. Ред. Е.В. Кудряшова. — Архангельск: Изд. Дом САФУ им. В.Н. Булатова, 2019, с. 126–145.*
15. *Там же, с. 126.*
16. *Там же, с. 142.*

17. *Там же, с. 130; Харипова З.А. Социальное самочувствие: проблемы и противоречия // Вест. Адыг. Гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юрипруденция, политология, культурология. 2016. Вып. 3 (184). С. 88–94.*
18. *Мокшин В.К., Шепелик О.В., там же, с. 126; Максимов А.М., Малинина К.О., Блынская Т.А., Балицкая С.М. Методологические и методические аспекты изучения социального самочувствия населения Арктической зоны Российской Федерации в контексте его ценностных ориентаций [Электронный ресурс] // Арктика и Север. 2017. № 29. с. 57–73. URL: http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/c4d/03_Maximov_i_dr. pdf.*
19. *Мокшин В.К., Шепелик О.В., там же, с. 126.*
20. *Горшков М.К. Российской общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М.: Весь Мир, 2017, с. 25.*
21. *Мокшин В.К., Шепелик О.В., там же, с. 143.*
22. *Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. Отв.Ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018, с. 13.; Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Зленко Е.Д., Одинцова Е.В. Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в росс. регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика. — Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1. с. 50–64.*
23. *Горшков М.К. Росс. общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологии мегапроекта. М.: Весь Мир, 2017, с. 23–24; Горшков М.К., там же с. 58–59.*
24. *Юнг К.Г. Аналитическая психология, СПб, 1994, с. 34.*
25. *ecsocman.hse.ru.*

References

1. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Sost. i gl. redaktor S.A. Kuznecov. — SPb.: «Norint». 1998. s. 1243, 1147.*
2. *Bodrunov S.D. O nekotoryh voprosah jevoljucii jekonomiko-social'nogo ustrojstva industrial'nogo obshhestva novoj generacii. — Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii, 2016, № 3 (49), s. 5–8.*
3. *Bodrunov S.D. Noonomika. Monografija. — M.: Kul'turnaja revoljucija, 2018. — 432 s.*
4. *Bodrunov S.D. Global'nye riski v prostranstve pandemii: praktika podtverzhdaet teoriju noonomiki. — Na puti k noonomike: chelovek, tehnologii i obshhestvo v prostranstve associirovannogo proizvodstva i potreblenija. Pod red. A.V. Buzgalina, A.I. Kolganova. M.: INIR im. S.Ju. Vitte, 2020, s. 15–31.*
5. *Bodrunov S.D. Noonomika: traektorija global'noj transformacii. Monografija. — M.: INIR; Kul'turnaja revoljucija, 2020. — 224 s.*
6. *Kvint V.L., Bodrunov S.D. Strategirovanie transformacii obshhestva: znanija, tehnologii, noonomika. Monografija. — SPb.: S.Ju. Vitte, 2021. — 351 s.*
7. *Regiony v Rossii: sociokul'turnye portrety regionov v obshherossijskom kontekste sost. i obshh. red.: N.I. Lapin, L.A. Beljaeva. — M.: Academia, 2009, s. 792.*
8. *Kargopolova E.V. Social'noe samochuvstvie naselenija regiona: opyt monitoringovogo issledovanija / S.V. Kargopolov, E.V. Kargopolova // Izvestija VolgGTU: mezhvuz. sb. nauch. st. № 5 (132) / VolgGTUju — Volgograd, 2014. — (Serija «Problemy social'no-gumanitarnogo znanija»; vyp. 16). — S. 42–47.*
9. *Dulina N.V. «Vrata narodov»: Juzhnyj federal'nyj okrug sociokul'turnom prostranstve Rossii / N.V. Dulina, E.V. Kargopolova, I.N. Naumov // Vestnik Kalmyckogo universiteta. — 2016. — № 1 (29). — S. 88–97.*
10. *Dulina N.V. Social'noe samochuvstvie zhitelej kak otrazhenie jeffektivnosti upravlenija v regione (administrativno-pravovoj aspekt) / N.V. Dulina, E.V. Kargopova // Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnyh nauk. — 2017. — № 1 (38). — S. 89–97.*
11. *Avksent'ev V. A., Gricenko G.D., Maslova T.F. Social'noe samochuvstvie molodjozhi Severnogo Kavkaza // Sociologicheskie issledovanija. — 2008. — № 2. — S. 91-96.*

12. *Gricenko G.D., Lepilkina O.I., Maslova T.F. i dr. Social'noe samochuvstvie naselenija v uslovijah reform: regional'nyj aspekt / pod re. Akad.M.K. Gorshkova. — M.; SPb.: Nestor-Istorija, 2011. — 176 s.*
13. *Gricenko G.D. Social'noe samochuvstvie i social'naja adaptacija: sootnoshenie ponjatij // Universum: Obshhestvennye nauki: jelektron. Nauchn. zhurn. 2014. № 6 (7). URL: http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419.*
14. *Mokshin V.K., Shepelik O.V. Social'noe samochuvstvie naselenija AZRF: k postanovke problemy. — Cenius loci Arktiki: znanija, smysly i praktiki: Monografija/kollektiv avtorov; otv. Red.E.V. Kudrjashova. — Arhangel'sk: Izd. Dom SAFU im. V.N. Bulatova, 2019, s. 126–145.*
15. *Tam zhe, s. 126.*
16. *Tam zhe, s. 142.*
17. *Tam zhe, s. 130; Haripova Z.A. Social'noe samochuvstvie: problemy i protivorechija // Vest. Adyg. Gos. un-ta. Ser. 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, juriprudencija, politologija, kul'turologija. 2016. Vyp. 3 (184). S. 88–94.*
18. *Mokshin V.K., Shepelik O.V., tam zhe, s. 126; Maksimov A.M., Malinina K.O., Blynskaja T.A., Balickaja S.M. Metodologicheskie i metodicheskie aspekty izuchenija social'nogo samochuvstvija naselenija Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii v kontekste ego cennostnyh orientacij [Jelektronnyj resurs] // Arktika i Sever. 2017. № 29. s. 57–73. URL: http://www.arcticandnorth.ru/upload/iblock/c4d/03_Maximov_i_dr. pdf.*
19. *Mokshin V.K., Shepelik O.V., tam zhe, s. 126.*
20. *Gorshkov M.K. Rossijskoj obshhestvo v kontekste novoj real'nosti. K itogam i prodolzheniju sociologicheskogo megaproekta. M.: Ves' Mir, 2017, s. 25.*
21. *Mokshin V.K., Shepelik O.V., tam zhe, s. 143.*
22. *Stolicy i regiony v sovremennoj Rossii: mify i real'nost' pjatnadcat' let spustja. Otv.Red. M.K. Gorshkov, N.E. Tihonova. M.: Ves' Mir, 2018, s. 13.; Bobkov V.N., Guljugina A.A., Zlenko E.D., Odincova E.V. Sravnitel'nye harakteristiki indikatorov kachestva i urovnja zhizni v ross. regionah: sub#ekty, federal'nye okruga, Arktika. — Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. 2017. № 1. s. 50–64.*
23. *Gorshkov M.K. Ross. obshhestvo v kontekste novoj real'nosti. K itogam i prodolzheniju sociologii megaproekta. M.: Ves' Mir, 2017, s. 23–24; Gorshkov M.K., tam zhe s. 58–59.*
24. *Jung K.G. Analiticheskaja psihologija, SPb, 1994, s. 34.*
25. *ecsocman.hse.ru.*

Контактная информация / Contact information

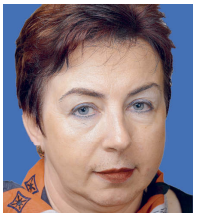
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17, кабинет 1218.
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov Russian Federation
163002, Arkhangelsk, Severnaya Dvina embankment, 17, office 1218.

Сметанин Альберт Васильевич / Albert V. Smetanin
+7 911 554-21-41
Сметанина Людмила Михайловна / Lyudmila M. Smetanina
+7 911 673-03-86
l.smetanina@narfu.ru

АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ПЛАТФОРМЫ «ВЛАДИМИРСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА» ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ НАУКОЕМКИХ КЛАСТЕРОВ В РЕГИОНЕ

ASPECTS OF THE CREATION OF THE «VLADIMIR INTELLECTUAL INITIATIVE» PLATFORM FOR THE SUPPORT AND DEVELOPMENT OF KNOWLEDGE-INTENSIVE CLUSTERS IN THE REGION

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-319-323

ПОТАПОВА Елена Петровна
Доцент кафедры государственного и муниципального управления Владимирского филиала РАНХиГС, кандидат философских наук, доцент

Elena P. POTAPOVA
Associate Professor the Department of state and municipal management of the Vladimir branch of the RANEPA, Candidate of Philosophy Sciences

САВЕЛЬЕВ Игорь Игоревич
Доцент Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, кандидат экономических наук, доцент

Igor I. SAVELEV
Associate Professor of Stoletov Vladimir State University, Candidate of Economic Sciences

Аннотация Обострение необходимости управленческо-координирующих усилий по целевому формированию наукоемкого кластера на региональном уровне нашло отражение в проектировочной работе ученых и руководителей хозяйствующих субъектов Владимирской области по выявлению потенциала тесной коммуникации стейкхолдеров в рамках коммуникационной платформы «Владимирская интеллектуальная инициатива». Авторы статьи формулируют гипотезу о возможном управленческом решении по совершенствованию механизмов взаимодействия на основе прорывных идей в различных сферах социально-экономической жизни региона.

Abstract The aggravation of the need for managerial and coordinating efforts to target the formation of a knowledge-intensive cluster at the regional level was reflected in the design work of scientists and leaders of economic entities of the Vladimir region to identify the potential for close communication of stakeholders within the framework of the Vladimir Intellectual Initiative. The authors of the article formulate a hypothesis about a possible managerial decision to improve the mechanisms of interaction based on breakthrough ideas in various areas of the socio-economic life of the region.

Ключевые слова Кластер, «Владимирская интеллектуальная инициатива», интеллектуальный капитал, механизмы взаимодействия, прорывные идеи.

Keywords Cluster, Vladimir intellectual initiative, intellectual capital, mechanisms of interaction, breakthrough ideas.

Данная статья ставит своей задачей рассмотрение новых проектировочных подходов к созданию наукоемкого кластера в пределах одного региона. Новизна понимается здесь как усиление концентрации интеллектуальных компетенций стейкхолдеров Владимирской области, осуществление которой не представляется возможным без совершенствования механизмов (узлов) взаимодействия в пределах территориально-управленческой метасистемы.

Для реализации данной задачи авторы предлагают провести оценку подходов, сформулированных совместно с коллегами — группой исследователей и управленцев-практиков Владимирской области в процессе анализа факторов, которые следует принять во внимание с целью формирования наукоемкого кластера Владимирской области как одного из инструментов роста региональной конкурентоспособности[1].

По справедливому замечанию П.Ю. Макарова, «отсутствие систематичности в управлении интеллектуальным капиталом обуславливает сомнения в достаточности существующих инструментов управления» [1] и крайне слабо учитывается в процессе проектирования дорожных карт по привлечению (удержанию) инвесторов и созданию наукоемких региональных кластеров.

В ходе стратегической форсайт-сессии было выявлено, что среди неучтенных проблемных «пустот» в управленческом подходе к формированию устойчивого кластера является недостаточная увязка промышленных предприятий с высшими учебными заведениями региона; стохастичность и отсутствие общих целей при взаимодействии промышленников и бизнеса; отсутствие «Совета экспертов»

1 *Стратегическая форсайт-сессия состоялась незадолго до начала пандемии, в ноябре 2019 года (город Владимир).*

как координирующего начала в налаживании кооперации при освоении новых рынков; отсутствие кластерной кооперации предприятий; неконтролируемое высвобождение персонала; доминирование тактики победы над равным конкурентом в бизнесе без сотрудничества в освоении рыночных ниш; разрозненность организаций, призванных отстаивать интересы общих стейкхолдеров, и др.

При отсутствии традиции глубинно-экспертного взаимодействия и серьезной дискуссии на этапе принятия решений исследователи предлагают сформировать культуру «социального обучения» институтов власти, бизнеса и общества с целью достижения прозрачности процессов принятия решения *с момента обсуждения*. Также необходимо активнее укоренять норму будущего — обоюдную заинтересованность предприятий и власти в усилении конкурентных преимуществ региона по наукоемким направлениям. Нормальным, принятым всеми взаимодействующими акторами региональной социально-экономической жизни должен стать императив: «Государство помогает, а доступ к помощи полезен и понятен всем». Необходимы специальные управленческие региональные усилия по публичному закреплению показательных положительных эффектов от сотрудничества — построенного на репутации «Совета экспертов» (как некого гаранта). Серьезного, ускоряющего управленческого воздействия требует процесс трансформации стратегии «компромисса» в стратегию «сотрудничества».

Поскольку наукоемкий кластер предполагает объединение компетенций в определенной области науки/технологий, серьезным барьером, по нашему мнению, является сохраняющееся в «протокольном» поле зрения преувеличенное наделение формальных общественных структур «фейковыми» функциями. Поэтому они в регионе не осуществляют улучшающих воздействий на микроклимат коммуникации акторов. Указанные структуры выполняют давно уже исключительно обслуживающую роль институтов принятия решений региона. Они не ведут общественного диалога с целью улучшения взаимопонимания между стейкхолдерами.

Мы придерживаемся научной трактовки кластерной политики, сформулированной как инструмент создания государством «благоприятной бизнес-экосистемы, в которой формируются новые цепочки стоимости или реконструируются существующие, обусловленные прорывной идеей» [2]. Именно поэтому недооцененным представляется отсутствие эффективного взаимодействия участников на основе прорывной идеи, сформированной в регионе. Отсутствие укрепляющей работы по налаживанию горизонтальных связей между участниками кластера и призвана преодолеть такая площадка, как «Владимирская интеллектуальная инициатива».

Представляется целесообразным обратить внимание на следующие в этой связи необходимые к принятию меры:

- изучение и внедрение технологий на основе передового опыта и опыта прошлого. Создание гармоничного руководителя «нового типа»;
- возобновление практики аналитической работы институтов власти, работодателей, и вузов/учреждений среднего профессионального образования по совершенствованию Владимирского рынка занятости;
- создание образовательных программ с участием производственных предприятий;
- вовлечение руководителей предприятий в практические кейсы успешных бизнес-моделей;

- разработка программ поощрений предприятий с долгосрочным планированием и развитием;
- гарантированные альтернативные предложения трудоустройства для выпускников учебных заведений.

Так, предлагаемые мероприятия могут привести к формированию следующих качественных составляющих наукоемкого кластера региона:

- росту рабочих мест, а также уровня и качества условий для специалистов на предприятиях;
- формированию (выходу) на новые рынки, продукты и сервисы;
- информационному обмену между заинтересованными в устойчивом развитии субъектами в регионе;
- росту ВРП и благосостояния населения;
- повышению социально-экономической устойчивости.

Предлагается поступательно осуществить следующий комплекс действий:

1. Создать платформу «Владимирская интеллектуальная инициатива», в задачу которой входит привлечение интеллектуального потенциала вузовской/ссузовской молодежи к созданию и внедрению новых прогрессивных технологий для различных секторов экономики и социальной сферы региона;
2. Образовать «Экспертный совет по устойчивому развитию региона» (представители органов власти региона — общественные инициативы — специалисты-эксперты) с целью создания дорожной карты по формированию устойчивого развития;
3. Совместно с Ассоциацией вузов и ссузов разработать программы повышения квалификации и моделирования ситуации для специалистов органов власти всех уровней и для бизнеса.
4. Провести обновление формата различных ассоциаций в регионе, объединяющих малый и средний бизнес, промышленные предприятия с целью разработки и согласования интересов выгодоприобретателей региона.

Ситуация 2020 года доказала, что во Владимирской области есть производства, выходящие на международный уровень конкуренции. Свидетельство тому — индексы промышленного производства в процентах к соответствующему периоду предыдущего года, опубликованные Росстатом в середине 2020 года[2].

Мы поддерживаем точку зрения на постпандемийную ситуацию как включающую в себя *любые проявления новой нормальности* [3], при том что «нормальным состоянием экономики является устойчивое, сбалансированное развитие в любых условиях внешней и внутренней бизнес-среды, включая пандемию. В этом и заключается суть высокоэффективного государственного управления» [4].

На наш взгляд, нет противоречий в том, чтобы, применяя интеллектуальные усилия по воздействию на общую для всех акторов ситуацию, отказаться от иллюзорности чисто «структурного подхода» к системам социально-экономического регулирования складывающегося кластера и обратиться к понятию *устойчивости* регионального потенциала с позиции улучшающего развитие диалога стейкхолдеров на базе общей ценности — *успешного будущего региона*.

Поэтому, совершенно необходимо создание экспертно-аналитической платформы по подготовке «Дорожной карты устойчивого развития региона» как нового понятного *публичного инициатора* выстраивания взаимодействия стейкхолдеров в прорывных отраслях инноваций, где уже ярко проявились лучшие компетенции субъектов экономической и социальной жизни региона.

2 *См.: Краткосрочные экономические показатели Владимирской области. Copyright © Федеральная служба государственной статистики — URL: https://www.gks.ru/region/ind1117/IssWWW.exe/Stg/d100/tab1/tab1.2%20(%D1%81%202017%D0%B3.).htm.*

Библиографический список

1. *Макаров П.Ю. Концепция управления интеллектуальным капиталом в региональном развитии. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. — М., ФГБОУ РАНХиГС, 2020 г. — С. 4.*
2. *Бадаев Ф.И., Пьянкова С.Г., Анисимова М.А. Формирование инновационного медицинского кластера в структуре региона/Научные труды вольного экономического общества России. — М., Том: 226, Номер: 6, 2020 г. — С. 298.*
3. *Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. Редакционная коллегия: В.А. Мау (главный редактор), Г.И. Идрисов, Я.И. Кузьминов, А.Д. Радыгин, В.А. Садовничий, С.Г. Синельников-Мурылев. — Москва: 2020. — 744 с.*
4. *Тетерятников К.С. Постпандемическое будущее: выводы для системы государственного управления / Научные труды вольного экономического общества России. — М., Том: 224, Номер: 4, 2020 г. — С. 205.*
5. *Краткосрочные экономические показатели Владимирской области Copyright© Федеральная служба государственной статистики — URL: https://www.gks.ru/region/ind1117/IssWWW.exe/Stg/d100/tab1/tab1.2%20(%D1%81%202017%D0%B3.).htm.*

References

1. *Makarov P. Yu. Kontseptsiya upravleniya intellektual'nym kapitalom v regional'nom razvitiyi. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora ekonomicheskih nauk. — Moskva, 2020. — S. 4.*
2. *Badaiyev F.I., Pyankova S.G., Anisimova M.A. Formirovaniye innovatsionnogo meditsinskogo klastera v structure regiona / Nauchniye trudi vol'nogo ekonomicheskogo obschestva Rossii / — Moskva, Tom 226, Nomer 6, 2020 — S. 298.*
3. *Obschestvo i pandemiya: opit i uroki bor'bi s COVID-19 v Rossii. Redaktsionnaya kollegiya: V. Mau (glavniy redactor, G.I. Idrisov, Ya.I. Kuz'minov, A.D. Radygin, V.A. Sadovnichiy, S.G. Sinel'nikov-Murilyov. — Moskva: 2020 — 774 s.*
4. *Teteryatnikov, K.S. Postpandemicheskoye buduscheye: vivodi dlya sistemi gosudarstvennogo upravleniya / Nauchniye trudi vol'nogo ekonomicheskogo obschestva Rossii / — Moskva, Tom 224, Nomer 4, 2020 — S. 298.*
5. *Kratkosrochnye ekonomicheskie pokazateli Vladimirskoj oblasti Copyright© Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki — URL/: https://www.gks.ru/region/ind1117/IssWWW. exe/Stg/d100/tab1/tab1.2%20 (%D1%81%202017%D0%B3.).htm.*

Контактная информация / Contact information

Потапова Елена Петровна / Elena P. Potapova
knowledge2016@inbox.ru
Савельев Игорь Игоревич / Igor I. Savelev
sii-33@mail.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНА НА ЮГЕ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

FOOD SECURITY: RISK MANAGEMENT OF GRAIN PRODUCTION IN THE SOUTH OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-324-331

СИЗОВ Юрий Иванович
Вице-президент ВЭО России, председатель Волгоградского регионального отделения ВЭО России, член Президиума ВЭО России, в.н.с., ФГБНУ ВНИИОЗ, д.э.н., профессор

Yuri I. SIZOV
Vice-president of the VEO of Russia, chairman of the Volgograd regional branch of the VEO of Russia, first vice-president of the International Managers Club, member of the Presidium, Academician of the International Academy of Management, Dr.Sc. Econ., Professor

ВАКАРЕВ Александр Алексеевич
Старший научный сотрудник, МБОУ ВО Волжский институт экономики, педагогики и права, д.э.н., доцент

Alexander A. VAKAREV
Senior Researcher, Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law, Doctor of Economics, Associate Professor

МЕДВЕДЕВА Людмила Николаевна
Профессор Волжского политехнического института (филиал) ВолгГТУ, заведующая лабораторией экономических исследований, ФГБНУ ВНИИОЗ, д.э.н., профессор

Lyudmila N. MEDVEDEVA
Docent, Volzhskiy Polytechnic Institute (branch) Volgograd state technical University, head of the economic research laboratory All-Russian Research Institute of Irrigated Agriculture, Doctor of Economics Sciences, Professor

ПЛОТНИКОВ Александр Сергеевич
Заместитель руководителя Центра Волгоградского государственного технического университета, с.н.с., ФГБНУ ВНИИОЗ, к.э.н.

Alexander C. PLOTNIKOV
Volgograd state technical University, All-Russian Research Institute of Irrigated Agriculture Volgograd, Candidate of Economic Sciences

Аннотация

Дана характеристика управления рисками производства зерновых культур на Юге России, Волгоградской области. Проанализированы факторы, с одной стороны, обеспечивающие дальнейшее многофункциональное развитие зернового комплекса Волгоградской области, а с другой — отражающие риски природно-климатических условий, степень государственной поддержки, сложившиеся тренды развития мирового продовольственного рынка. Показано, что зерновой комплекс — исторически сложившийся стратегический ресурс региона, стимулирующий развитие многих сопряженных с ним отраслей, продуктовых и сырьевых рынков. Обоснованы предложения, направленные на устойчивое развитие агропроизводства зерна на Юге России, снижение ценовых рисков, увеличение мощностей по первичной обработке зерна и хранению, формирование логистических отношений в обеспечении поставок зерна в среднеазиатские и арабские страны.

Abstract

The characteristic of risk management of grain crops production in the South of Russia, Volgograd region is given. The factors that ensure, on the one hand, the further multifunctional development of the grain complex of the Volgograd region, and, on the other hand, reflect the risks of natural and climatic conditions, the degree of state support, the prevailing trends in the development of the food market. It is shown that the grain complex is a historically formed strategic resource that stimulates the development of many related industries, food and raw materials markets. Proposals were substantiated aimed at sustainable development of agricultural grain production in the region, reducing price risks, increasing capacities for primary grain processing and storage, developing ties in ensuring grain supplies to Central Asian and Arab countries.

Ключевые слова Управление рисками, сельское хозяйство, регион, природные условия, производство и переработка зерна, государственная поддержка.

Keywords Risk management, agriculture, region, natural conditions, grain production and processing, government support.

Введение

Весьма важной спецификой социально-экономического развития в нынешних временах является наличие мультипланового и многоуровневого кризиса. В глобальных масштабах одновременно сошлись очередной мировой экономический кризис, пандемия COVID-19, обострение политической борьбы у мирового экономического лидера США. На региональном и муниципальном уровнях в экономике продолжает оставаться непростая обстановка в результате последствий пандемии COVID-19. Перед отечественной наукой с высокой актуальностью встает вопрос управления рисками по отраслям и обеспечение экономической устойчивости. В качестве одного из параметров можно рассмотреть развитие зернового комплекса. Аграрное производство всегда играла решающую роль в хозяйственном укладе Юга России, по специализации регионы можно разделить на три группы:

1) ориентированные на растениеводство (Волгоградская и Ростовская области, Краснодарский и Ставропольский края, Кабардино-Балкария);
2) развивающие растениеводство и животноводство (Республика Крым, Астраханская область, Адыгея, Карачаево-Черкесия, Дагестан);
3) обеспечивающие развитие животноводства (Калмыкия, Северная Осетия, Ингушетия и Чечня).

Волгоградская область отличается весьма высоким потенциалом развития зерновых, при том что климат носит ярко выраженный континентальный характер с высокой степенью засушливости [1]. Потенциал сельскохозяйственных угодий составляет 88,1 тыс. км^2 [2], что позволяет наладить выращивание зерновых, в разы превышающее потребности самого региона, при том что в среднем каждые 5 лет наблюдаются разнообразные стихийные бедствия, резко снижающие урожайность зерновых. В течение XX века климатические стихийные бедствия приводили к большим трудностям в обеспечении населения продовольствием. Например, в 1918–1919 гг. поставки царицынского (волгоградского) хлеба спасли г. Санкт-Петербург от голода. Сегодня Волгоградская область производит на душу населения около 1,2 тонн зерна, занимает 4-е место в ЮФО. Наивысший урожай зерновых культур был собран в 2008 году, чему способствовали благоприятные погодные условия и государственная поддержка [3]. Для увеличения регионального потенциала зерновых потребуется внедрение современных агротехнологий, модернизация и строительство новых зернохранилищ, изменение схем логистики с увеличенной скоростью погрузки и перевалки зерновых грузов как минимум в 2 раза. Специфика производства зерна на Юге России заключается в том, что оно базируется на богарном земледелии, то есть на землях, не имеющих систематического полива. Почвенно-климатические условия Волгоградской области очень контрастные: от южных черноземов степной зоны до светло-каштановых почв полупустынной зоны, обеспеченность осадками от 460 мм на севере до 270 мм на юге, температура воздуха от –30°С зимой до +40°С летом [4]. До конца 60-х годов прошлого столетия озимая пшеница занимала ограниченные площади: 10–12% от площади посевов, так как сорта не обладали высокой морозо-, зимостойкостью. С приходом новых сортов озимой пшеницы посевы стали занимать 50% всех площадей [4]. С 1981 года в регионе стала применяться система «сухого» земледелия с долей в 20–33% чистого пара. Характерным и частым явлением для Юга России являются засухи, частота которых наблюдается как весной в апреле-мае, так и в июне, июле, а иногда

в августе. Совокупность природно-климатических условий, определяющих продуктивность АПК Волгоградской области — в табл. 1.

Таблица 1. Биоклиматическая продуктивность почв и урожайность зерновых по природным зонам Волгоградской области, 2020 год

Природная зона/почва	Коэффициент биоклиматической продуктивности	Урожайность, т/га	
		Озимая пшеница	Яровая пшеница
Степная, черноземы	1,24	4,21	2,17
Сухостепная, темнокаштановые	1,08	3,60	1,65
Сухостепная, Правобережье	1,03	3,11	1,45
Сухостепная, Левобережье	0,93	2,53	1,40
Полупустынные	0,90	2,30	–

По мнению ученых ФГБНУ ВНИИОЗ (Волгоград), прирост урожайности зерна 0,6–1,0 т/га можно достичь, применяя адаптивно-ландшафтную систему земледелия, сохраняя структуру посевов в следующей пропорции: зерновые — 50–60%, кормовые — 30–40%, подсолнечник — 6–8%, многолетние травы — 3–5%; соотношение распаханных земель и естественной лесостепи 30:70 (рис. 1) [3, 4, 5].

Рисунок 1. Озимая пшеница сорт «Камышанка 3», выращиваемая на неорошаемых землях, и естественная лесостепь, 2020 год

Источник: ФГБНУ ВНИИОЗ.

При орошении урожайность озимой пшеницы может достигать 6,12–6,28 т/га, тогда как на богаре она колеблется от 2,13 до 2,33 т/га, но при этом значительно возрастает потребность в удобрениях, их вносят с учетом величины запланированного урожая и плодородия почвы. В целом производство зерновых в регионе характеризуется достаточно высокими показателями и наличием высоких рисков (табл. 2).

Таблица 2. Валовой сбор зерна (в хозяйствах всех категорий; тысяч тонн) [9]

№		2015	2016	2017	2018	2019
1.	Российская Федерация, млн тонн	104,7	120,7	135,5	113,3	121,2
2.	Южный федеральный округ	28466,3	32524,80	35800,7	29157,6	33261,8
3.	Волгоградская область	2921,0	4331,9	5651,4	3706,8	4494,8

Особую наглядность рискам дает графическая форма производства зерна. При анализе относительно короткого периода времени можно выделить несомненные спады (2015 г., 2018 г.), высокий рост (2017 г.). Единый тренд не прослеживается (рис. 2).

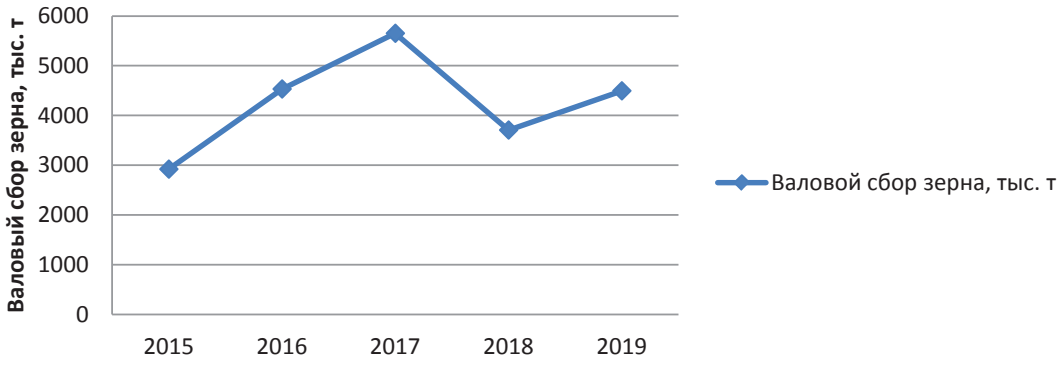

Рисунок 2. Валовой сбор зерна Волгоградской области за период 2015–2019 гг.

Непосредственный расчет величины риска производства зерна в Волгоградской области и ($\sigma_{Волгогр.}$) показатели среднего объема производства зерна за период 2015–2019 годы ($x_{Волгогр.}$) позволяют получить конкретные числовые значения данных показателей

$\Sigma_{РФ} = 6,06\ x_{РФ} = 119,08\ KV_{РФ} = 5,1\%$
$\sigma_{ЮФО} = 2420,6\ x_{ЮФО} = 31842,24\ KV_{ЮФО} = 7,6\%$
$\sigma_{Волгогр.} = 759,4\ x_{Волгогр.} = 21305,9\ KV_{Волгогр.} = 3,6\%$

Компаративный анализ величины риска и средних объемов производства зерна с аналогичными показателями по РФ и ЮФО, на основе определения коэффициентов вариации (KV), демонстрирует, что производство зерна в Волгоградской области, невзирая на общие риски, является более стабильным (табл. 3).

График на рис. 3 наглядно показывает, что в течение года цены на пшеницу Волгоградской области носили динамичный характер, от момента уборки в июле месяце, достигая пика в мае-июне, в канун начала новой уборочной.

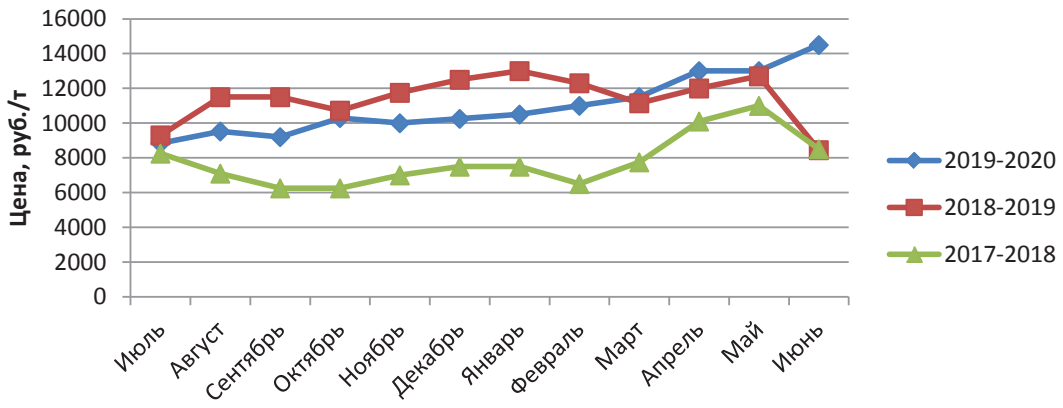
Исследования позволило установить, что величины рисков изменения цен (σ) по годам за период 2017–2020 гг. и средние уровни цен (x) имели следующие значения:

$\sigma_{2019-2020} = 1359,38\ x_{2019-2020} = 10968,75$
$\sigma_{2018-2019} = 1000,0\ x_{2018-2019} = 11406,25$
$\sigma_{2017-2018} = 1102,78\ x_{2017-2018} = 7808,33$

Таблица 3. Динамика изменения годовых цен на пшеницу 3-го и 4-го классов ИДК 80–100, клейковина 23–28%, сезоны 2017/2020 [6]

№ п.п.	Сезон 2019/2020		Сезон 2018/2019		Сезон 2017/2018	
	Дата	Цена, руб./т	Дата	Цена, руб./т	Дата	Цена, руб./т
1.	27.07.2019	8600–9100	29.07.2018	9300	24.07.2017	8000–8500
2.	25.08.2019	9350–9700	19.08.2018	11 000–12 000	27.08.2017	7100
3.	29.09.2019	9200	17.09.2018	11 000–12 000	24.09.2017	6000–6500
4.	27.10.2019	10 200–10 400	20.10.2018	10 550–10 900	29.10.2017	6000–6500
5.	24.11.2019	10 000	25.11.2018	11 500–1200	19.11.2017	7000
6.	22.12.2019	10 250	30.12.2018	12 000–13 000	24.12.2017	7500
7.	26.01.2020	10 500	27.01.2019	13 000	28.01.2018	7500
8.	23.02.2020	11 000	17.02.2019	12 300	18.02.2018	6500
9.	22.03.2020	11 500	24.03.2019	11 150	25.03.2018	7500–8000
10.	26.04.2020	13 000	21.04.2019	12 000	15.04.2018	10 100
11.	17.05.2020	13 000	26.05.2019	12 700	20.05.2018	11 000
12.	21.06.2020	14 000–15 000	30.06.2019	8400–8500	10.06.2018	8500

Рисунок 3. Динамика изменения среднемесячных цен на пшеницу по сезонам за период 2017–2020 гг.

Чтобы поддерживать производство зерна на определенном уровне, государство проводит интервенцию закупочных цен и принимает пакет мер поддерживающего характера, в числе которых: льготный лизинг и кредитование, компенсация части прямых понесенных затрат на создание или модернизацию объектов АПК, сертификацию продукции; поддержку субъектов МСП в сфере переработки сельскохозяйственной продукции и поставки на экспорт. Природно-климатические условия, система государственной поддержки позволили сформировать в Волгоградской области устойчивый комплекс возделывания, хранения, переработки зерна, приблизив его к лучшим мировым аналогам. В числе перспектив:

- более полная интеграция производства зерновых в мировой рынок, продвижение собственных проектов, наиболее перспективных для Юга России;
- организация крупного промышленного производства конечной продукции из зерна, в том числе для использования в животноводстве;
- развитие экспорта зерна в близлежащие страны, в том числе в страны СНГ и ЕАЭС, поскольку некоторые из них весьма ограничены в производстве зерновых [3].

Заключение

Производство зерновых культур является традиционной сферой деятельности сельского хозяйства Волгоградской области. Зернопроизводство ведется на богарных землях в засушливых степных районах и поэтому подвержено высокому риску. Данные риски являются более низкими, чем по России в целом. Помимо погодных рисков для зернопроизводства весьма актуальными являются ценовые риски, не позволяющие аграриям получить полную коммерческую отдачу от реализации зерна. Важный фактор снижения рисков в сфере производства зерна в Волгоградской области — увеличение мощностей по первичной обработке зерна и его хранению, а также, возможный перевод части производства на орошаемые земли.

Библиографический список

1. *Волгоградская область [Электронный ресурс]. — URL: https://geosfera.org/evropa/russia/2521-volgogradskaya-oblast. html (20.04.2021).*
2. *Беляков А.М. Резервы роста производства зерна в Волгоградской области // Вопросы технологии. — 2018. — С. 27–29.*
3. *Медведева Л.Н., Кисарова О.О., Шкарупа Е.А., Митрофанова И.А. Регулирование производства зерна на основе учета факторов природного риска и мер государственной поддержки // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2017. — Т. 7. — № 5. — С. 308–324.*
4. *Система адаптивно-ландшафтного земледелия Волгоградской области на период до 2015 года // А.Л. Иванов [и др.]. — Волгоград: ВГСХА, Нива, 2009. — 304 с.*
5. *Trofimov, I.A. Development of the systematic approach to studying agricultural land and agrolandscape management / I.A. Trofimov, L.S. Trofimova, E.P. Yakovleva // Biology bulletin. — 2017. — Vol. 44. — № 10. — P. 1308–1315.*
6. *Мониторинг цен на пшеницу [Электронный ресурс]. — URL: https://agro-bursa.ru/prices/wheat/ (20.04.2021).*

References

1. *Volgogradskaya oblast' [Elektronnyi resurs]. — URL: https://geosfera.org/evropa/russia/2521-volgogradskaya-oblast. html (20.04.2021).*
2. *Belyakov A.M. Rezervy rosta proizvodstva zerna v Volgogradskoi oblasti // Voprosy tekhnologii. — 2018. — S. 27–29.*
3. *Medvedeva L.N., Kisarova O.O., Shkarupa E.A., Mitrofanova I.A. Regulirovanie proizvodstva zerna na osnove ucheta faktorov prirodnogo riska i mer gosudarstvennoi podderzhki // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. — 2017. — T. 7. — № 5. — S. 308–324.*
4. *Sistema adaptivno-landshaftnogo zemledeliya Volgogradskoi oblasti na period do 2015 goda // A.L. Ivanov [i dr.]. — Volgograd: VGSKhA, Niva, 2009. — 304 s.*

5. *Trofimov, I.A. Development of the systematic approach to studying agricultural land and agrolandscape management / I.A. Trofimov, L.S. Trofimova, E.P. Yakovleva // Biology bulletin. — 2017. — Vol. 44. — № 10. — P. 1308–1315.*
6. *Elevatory, zernokhranilishcha v Volgogradskoi oblasti / Zerno, muka, khleb 40 [Elektronnyi resurs]. — URL: https://grainboard.ru/litecat/elevatory_v_Volgogradskoy_oblasti (20.04.2021).*

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ ВНИИОЗ
400002, г. Волгоград, ул. имени Тимирязева, д. 9.
FGBNU VNIIOZ
9, Timiryazev Street, 400002, Volgograd, Russia.
vniioz@yandex.ru
Сизов Юрий Иванович / Yuri I. Sizov
ysizov25@mail.ru
Медведева Людмила Николаевна / Lyudmila N. Medvedeva
Milena. medvedeva2012@yandex.ru

ЦИФРОВЫЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ КРЕАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ[1]

DIGITAL AND INFORMATION TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR CREATIVE SPATIAL DEVELOPMENT OF TERRITORIES

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-332-338

МОРОЗОВА Ирина Анатольевна
Заведующая кафедры «Экономика и предпринимательство» Волгоградского государственного технического университета, д.э.н., профессор

Irina A. Morozova
Head of the Department of Economics and Entrepreneurship Volgograd State Technical University, Professor, Doctor of Economic Sciences

КУЗЬМИНА Екатерина Валериевна
Доцент кафедры «Экономика и предпринимательство» Волгоградского государственного технического университета, к.э.н., доцент

Ekaterina V. KUZMINA
Candidate economic Sciences, assistant professor, Department of Economics and Entrepreneurship, Volgograd State Technical University

1 *Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-010-00072 «Формирование креативных центров пространственного развития как механизм повышения качества жизни населения сельских территорий».*

ШЕВЧЕНКО Светлана Алексеевна
Доцент кафедры «Экономика и предпринимательство» Волгоградского государственного технического университета, к.п.н., доцент

Svetlana A. SHEVCHENKO
Assistant Professor, Department of Economics and Entrepreneurship, Volgograd State Technical University, Candidate Pedagogical Sciences

СИМОНОВ Алексей Борисович
Доцент кафедры «Информационные системы в экономике» Волгоградского государственного технического университета, к.э.н., доцент

Aleksey B. SIMONOV
Assistant Professor, Department of Information systems in economics, Volgograd State Technical University, Candidate Economic Sciences

Аннотация

В статье рассматриваются структура и состояние промышленности Волгоградской области, анализируются показатели по секторам производств, приводятся макроэкономические показатели деятельности региона. На основании полученных результатов определяются проблемы области и предлагаются направления по их решению. В качестве эффективного инструмента развития не только промышленного комплекса, но и экономической системы субъекта авторами предлагается использование цифровых и информационно-коммуникационные технологий.

Abstract

The article examines the structure and state of the industry of the Volgograd region, analyzes the indicators by production sectors, and provides macroeconomic indicators of the region's activity. Based on the results obtained, the problems of the region are identified and directions for their solution are proposed. As an effective tool for the development of not only the industrial complex, but also the economic system of the subject, the authors propose the use of digital and information and communication technologies.

Ключевые слова

Промышленный комплекс, промышленный потенциал, производственные предприятия, экономика региона, цифровизация, цифровые технологии.

Keywords

Industrial complex, industrial potential, manufacturing enterprises, regional economy, digitalization, digital technologies.

Сегодня перед регионами стоят цели по осуществлению инновационного, научного и технологического развития, повышению социальных показателей, улучшению качества жизни населения. В современных условиях факторы внешней и внутренней среды деятельности субъектов подвержены изменениям, вызванным увеличением темпов экономического, производственного, инновационного, научно-технического роста, которые определяют устойчивое развитие обла-

стей. Появляются новые формы управления, технологии и инструменты, которые являются базисом регионального развития.

В пространственно-отраслевой структуре Волгоградской области ключевую позицию занимает его экономическая составляющая, при этом значительный удельный вес занимает промышленное производство. Развитие промышленного комплекса на основе применения цифровых технологий создаст условия и предпосылки для осуществления экономического, технологического и инновационного развития региона, разработки и внедрения высокотехнологичных решений, роста показателей результативности деятельности предприятий, что в совокупности повысит конкурентоспособность и интегрирует территориальную систему в мировое пространство.

В настоящее время отсутствует комплексный подход, позволяющий обеспечить цифровую трансформацию региональной экономической системы в целом и промышленного комплекса в частности. Это определяет актуальность и необходимость разработки направлений, способствующих эффективной организации функционирования промышленного комплекса на базе применения цифровых и информационно-коммуникационных технологий.

Волгоградская область обладает промышленным комплексом, который базируется на богатых природных ресурсах. На территории Волгоградской области располагаются месторождения углеводородов, калийных солей и бишофита, что создает условия для развития предприятий химической промышленности. Наличие природных ресурсов позволяет создать мощный промышленный потенциал в экономике региона.

По производству валового регионального продукта регион входит в первую тройку субъектов в ЮФО в 2018 году с показателем 852028,6 млн руб., т.е. на область приходится 14,56% ВРП Южного федерального округа. Динамика ВРП и ВРП на душу населения представлена на рис. 1.

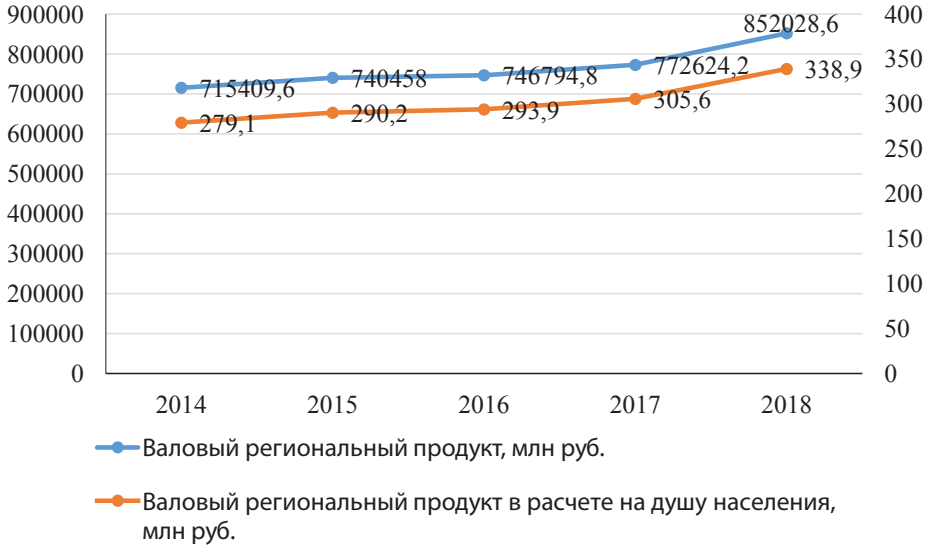

Рисунок 1. Валовый региональный продукт Волгоградской области, 2014–2018 гг.

За пять лет показатели ВРП и ВРП на душу населения увеличились на 19,1% и 21,4% соответственно. Основу промышленного комплекса региона составляют такие предприятия, как: ООО «ЛУКОЙЛ-Волгограднефтепереработка», «РУСАЛ Волгоград»,

АО «Волжский трубный завод», ОАО «Волжский абразивный завод», АО «Каустик», АО «Волжский Оргсинтез», АО «Волтайр-Пром», ОАО «Себряковский комбинат асбестоцементных изделий». На их долю приходится порядка 80% доходов.

В структуре валового регионального продукта по итогам 2016 года наибольший удельный вес занимает обрабатывающее производство — 23,7%. К концу 2017 года доля в структуре ВРП увеличилась до 24,6%, а к итогам 2018 года вес повысился до 27,7%.

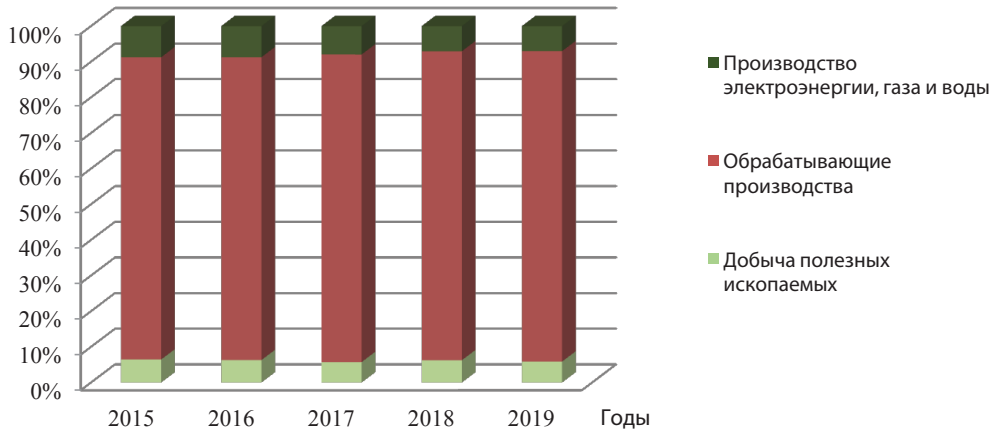

Рисунок 2. Структура деятельности промышленного комплекса Волгоградской области за период 2015–2019 гг.

Промышленный комплекс Волгоградской области включает такие отрасли производства, как добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства и производство электроэнергии, газа и воды. Особая роль отводится обрабатывающим производствам, удельный вес которых в структуре деятельности промышленного комплекса в 2019 году увеличился до 87,1%. Основными видами обрабатывающих производств Волгоградской области являются: нефтеперерабатывающий комплекс, металлургический комплекс; химический комплекс; машиностроение; производство неметаллической минеральной продукции.

На рис. 3 составлен график индексов промышленного производства в период с 2010 года по 2018 год.

Рисунок 3. Индекс промышленного производства Волгоградской области за 2010–2020 гг.

По приведенным данным можно сделать вывод, что индекс промышленного роста достигает наибольшего значения в 2010 году, после чего происходит снижение показателя до 101,1% в 2015 году. Региональные программы по импортозамещению и модернизации промышленного комплекса повлияли на развитие промышленности, и индекс повысился до 103,9% в 2016 году. Однако введенные санкции и ухудшение экономической ситуации в стране повлияли на производство региона не лучшим образом и показатели индекса промышленного производства стали снижаться до 100,9% в 2018 году.

На современном этапе развития экономики Волгоградской области промышленный комплекс представляет собой сложную организационную структуру, состоящую из специфических видов деятельности и интегрированных подотраслей. Именно поэтому крайне важно решить проблему обеспечения эффективной работы всех структурных элементов, которые входят в промышленный комплекс. Очевидно, что эффективно функционирующий промышленный комплекс способствует повышению социально-экономических показателей региона, развитию инновационной и инвестиционной деятельности, а также выпуску высокотехнологичной продукции.

Одним из эффективных направлений решения проблемы развития промышленного комплекса являются цифровые и информационно-коммуникационные технологии. В современной экономике цифровизация представляет собой драйвер развития не только экономической системы региона, но и промышленного комплекса. IT-технологии предоставят предприятиям производственного комплекса такие преимущества, как повышение производительности труда, увеличение прибыли и показателей рентабельности, обеспечение устойчивости к изменениям во внешней среде. Внедрение производственными предприятиями цифровых технологий открывает широкие возможности в создании сверхбыстрых систем и высокопроизводительных технологических процессов. Такой переход к диджитализации производственных и управленческих бизнес-процессов позволяет производить конкурентоспособную продукцию, соответствующую высоким стандартам качества и потребительским характеристикам.

Основа цифровой трансформации Волгоградской области представлена Программой «Цифровое развитие Волгоградской области», утвержденной постановлением губернатора Волгоградской области от 23.04.2019 № 204, которая раскрывает направления развития цифровых технологий в сферах «социальные сервисы», «здравоохранение», «Умный город» и «подготовка кадров и образование». Однако она не содержит мероприятий, направленных на модернизацию и развитие промышленного комплекса субъекта, а следовательно, не сможет обеспечить развитие реального сектора экономики территориальной единицы. Именно процессы цифровизации промышленного комплекса обеспечат повышение макроэкономических показателей региона, обновление инфраструктуры и развитие инноваций.

Применение цифровых и информационно-коммуникационных технологий необходимо осуществлять с учетом новых перспективных направлений в промышленности. Для этого важен переход промышленных секторов и производственных предприятий на платформенную организацию. Определим в таблице наиболее перспективные виды цифровых технологий для промышленного комплекса.

Таблица. Перспективные виды цифровых технологий в промышленности

Виды	Характеристика
«Умное» производство	Использование сетевых IT-технологий на всех этапах производства продукции
Цифровые двойники	Виртуальное воспроизведение рабочего состояния реального объекта, процесса, системы
Машинное обучение	Методы искусственного интеллекта, которые заключаются в обучении для применения решений множества сходных задач
Промышленный интернет вещей	Информационная сеть, которая объединяет производственные объекты, в том числе оборудование и рабочие места; формирует стандарты архитектуры оконечных устройств, стандарты передачи данных в промышленных сетях
Аддитивное производство	Построение additive manufacturing и 3D-моделей объектов, наполнение их данными, позволяющими оптимизировать процессы принятия управленческих решений и связывать между собой средства проектирования изделий со средствами их производства
Искусственный интеллект	Позволяет производителям обрабатывать огромные объемы данных, генерируемые их производствами, операциями и потребителями, и преобразовывать эти данные в решения
Робототехника	Разработка автоматизированных технических систем значительно изменяет цепочку создания стоимости изделий
Носимая электроника	Технологии, меняющие способы передачи информации для дальнейшего использования. Используется для рабочих инструкций, проверки качества, обучения, управления рабочими процессами, в т.ч. логистики и обслуживания
Интеллектуальные машины	Интеллектуальные, подключенные к сети машины представляют собой «машины как услуга», когда использующее оборудование предприятие платит производителю за бизнес-результаты

Таким образом, Волгоградская область обладает высоким научным, технологическим, инновационным и ресурсным потенциалами. Регион имеет возможность реализации на промышленных предприятиях актуальных трендов технологического развития. В совокупности эти факторы способствуют развитию промышленного комплекса Волгоградской области. Производственные предприятия региона, внедряя технологии цифровизации, представляют собой промышленный комплекс структурно сбалансированных сфер деятельности, выпускающих конкурентоспособную и высокотехнологичную продукцию. Это позволит повысить удельный вес промышленности в структуре валового регионального продукта, увеличить социально-экономические и инновационные показатели регионального развития.

Библиографический список

1. *Программа «Цифровое развитие Волгоградской области», утвержденная постановлением губернатора Волгоградской области от 23.04.2019 № 204. URL: https://www.volgograd.ru/.*
2. *Волгоградская область в цифрах — 2019. Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. Волгоград: Волгоградстат, 2020.*
3. *Архипова М.Ю., Сиротин В.П. Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России // Экономика региона. — 2019. — № 3. — с. 670–683.*
4. *Андрианов А.М. Анализ технологий комплексной цифровизации высокотехнологичного промышленного производства в условиях парадигмы «индустрия 4.0» // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2021. — № 2. — С. 298—317.*
5. *Сухарев О.С. Финансирование развития: решение структурно-распределительной задачи // Финансы: теория и практика. 2018. — № 22 (3). С. 64–83.*
6. *Шевченко С.А., Морозова И.А., Кузьмина Е.В., Кузьмина М.И., Минаева О.А. Управление устойчивым развитием экономики региона // Экономика и предпринимательство. — 2020. — Т. 14, № 3 (116). — С. 300–304.*

References

1. *The program "Digital Development of the Volgograd Region", approved by Resolution of the Governor of the Volgograd Region of 23.04.2019 No. 204. URL: https://www.volgograd.ru/.*
2. *Volgograd Region in numbers-2019. Terr. body of the Federal State Service. statistics for the Volgograd region. Volgograd: Volgogradstat, 2020.*
3. *Arkhipova M.Yu., Sirotin V.P. Regional aspects of the development of information and communication and digital technologies in Russia // The economy of the region. — 2019. — № 3. — c. 670–683.*
4. *Andrianov A.M. Analysis of technologies of complex digitalization of high-tech industrial production in the conditions of the paradigm "industry 4.0" // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. — 2021. — No. 2. — p. 298–317.*
5. *Sukharev O.S. Financing of development: solving the structural and distributive problem // Finance: theory and practice. 2018. — No. 22 (3). pp. 64–83.*
6. *Shevchenko S.A., Morozova I.A., Kuzmina E.V., Kuzmina M.I., Minaeva O.A. Management of sustainable development of the regional economy // Economics and Entrepreneurship. — 2020. — Vol. 14, No. 3 (116). — C. 300–304.*

Контактная информация / Contact information

400005, г. Волгоград, проспект им. В.И. Ленина, д. 28.
28, V.I. Lenin Avenue, Volgograd, 400005.
Морозова Ирина Анатольевна / Irina A. Morozova
morozovaira@list.ru
Кузьмина Екатерина Валериевна / Ekaterina V. Kuzmina
katerina993@yandex.ru
Шевченко Светлана Алексеевна / Svetlana A. Shevchenko
svetashev@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ[1]

PROBLEMS OF SPATIAL INTEGRATION OF RUSSIAN REGIONS

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-339-345

КОЖЕВНИКОВ Сергей Александрович
Ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», к.э.н.

Sergey A. KOZHEVNIKOV
Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Economics Sciences

Аннотация Статья посвящена исследованию актуальной для современной России задачи — обеспечению пространственной интеграции ее регионов. В работе рассмотрены теоретические аспекты тематики, обоснована необходимость интеграции экономического пространства страны по линии «Север — Юг». Выявлены ключевые проблемы пространственной интеграции северных регионов и обоснованы приоритеты государственной политики по обеспечению единства экономического пространства страны, направленные на эффективное использование потенциала межрегионального взаимодействия.

Abstract The article is devoted to the study of the urgent task for modern Russia — to ensure the spatial integration of its regions. The paper examines the theoretical aspects of the subject, substantiates the need for the integration of the country's economic space along the "North-South" line. The key barriers to the development of spatial integration are identified and the priorities of state policy to ensure the unity of the country's economic space are substantiated, aimed at the effective use of the potential of interregional interaction.

Ключевые слова Экономическое пространство, пространственная интеграция, регион, региональная экономика, конвергенция.

Keywords Economic space, spatial integration, region, regional economy, convergence.

1 *Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2099.2020.6 «Механизмы управления пространственной интеграцией экономики регионов Европейского Севера России в контексте реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».*

Введение

Распад СССР и рыночные реформы в экономике страны, проведенные в 90-х гг. XX века в «шоковом» варианте, привели к разрушению сложившихся социально-экономических связей между регионами России. Только за 1990–1994 гг. доля межрегионального оборота в ВВП (характеризует уровень развития интеграционных процессов) снизилась с 22 до 16%, а к концу 1990 гг. — до 13% [1, с. 9]. Несмотря на восстановительный рост экономики в 2000-х гг., она так и не превышала 15% [2, 3].

Проблематика пространственной интеграции является особенно актуальной для северных регионов России, поскольку порядка 2/3 ее площади относится к зоне Крайнего Севера и приравненным к ней местностям. Однако снижение в условиях рынка регулирующей роли государства в освоении и удержании пространства Севера привело к нарастанию дезинтеграционных процессов в национальном экономическом пространстве, снижению эффективности использования потенциала данных территорий и их вклада в обеспечение роста экономики России. Эти обстоятельства обусловливают *актуальность* данной статьи.

Целью работы является исследование особенностей и проблем обеспечения пространственной интеграции регионов России.

Информационную базу исследования составили научные публикации из баз данных Scopus, Web of Science Core Collection, РИНЦ, данные Росстата, Росавтодора, стратегические и программные документы развития северных регионов, отчеты о деятельности институтов межрегионального развития и др.

Пространственная интеграция: теоретические аспекты и проблемы обеспечения в северных регионах России

Сложность исследования проблематики пространственной интеграции регионов в условиях рынка заключается в том, что в настоящее время в науке не сложилось единой теории, которая бы комплексно объясняла процессы интеграции региональных социально-экономических систем с точки зрения пространственного подхода (когда регион рассматривается не как точка, а как система, имеющая внутреннее пространственное измерение). Отдельные аспекты данной тематики нашли свое отражение в теориях международной экономической интеграции; регионального роста, пространственной экономики и размещения производительных сил на мезоуровне; теориях интеграции хозяйствующих субъектов и др. Именно их синтез и формирование своего рода «метатеории» позволяет комплексно взглянуть на эту категорию.

На основе критического анализа положений данных направлений научной мысли, а также публикаций авторов [4, 5, 6 и др.] можно сделать вывод о том, что *пространственная интеграция регионов* является управляемым полифакторным процессом, характеризующимся ростом связности и сближением сегментов экономического пространства вследствие увеличения масштабности и интенсивности экономических, социальных, культурных и других контактов между его элементами, в результате которого возникает новая система с новым качеством. Иными словами, пространственная интеграция регионов страны представляет собой управляемый процесс «сращивания» их хозяйственных систем, а результате чего повышается устойчивость системы в целом и входящих в ее состав элементов. При этом интеграция развивается во времени и по сферам: наличие производственно-экономических взаимосвязей регионов является лишь условием для дальнейшей акти-

визации интеграционных процессов не только в производстве, но и других сферах региональной социально-экономической системы (инновационной, социальной сфере, культуре, розничной торговле и др.).

Анализ опыта северных и арктических стран мира (Дания, Норвегия, Швеция, Канада, США) свидетельствует о том, что пространственная интеграция регионов обеспечивается как за счет эффективного использования факторов «первой» (сырьевой, экономико-географическое положение и др.), так и «второй» природы (агломерационный эффект и близость к потребителю, инфраструктуре; качество человеческого потенциала, благоприятная институциональная среда и др.) в рамках развития полицентрического пространственного каркаса. При этом в силу таких особенностей экономического пространства северных и арктических территорий, как дисперсно-очаговый характер размещения производительных сил и населения, поляризованность, разреженность и разорванность, в большинстве стран мира государство играет ключевую роль в обеспечении интеграции северных регионов в национальное экономическое пространство. В то же время в России в настоящее время роль факторов «второй» природы в развитии северных регионов имеет ограниченный характер, что консервирует сырьевую модель их экономики и снижает возможности интеграции в национальное пространство.

Среди северных территорий страны особое место занимает *Европейский Север России (ЕСР)*[2], который обладает огромным природно-ресурсным, промышленным, транзитным, геостратегическим потенциалом. Отраслями специализации ЕСР являются лесной комплекс, черная и цветная металлургия, химическая промышленность, ТЭК, опирающиеся на богатую минерально-сырьевую базу, а также транспорт. В период СССР здесь был сформирован ряд крупных *территориально-производственных комплексов* (ТПК). Именно в рамках их сложились основные кооперационные связи между субъектами ЕСР. Так, в Вологодскую область в настоящее время направляется почти треть вывозимой из Республики Коми в другие регионы РФ продукции; из Мурманской области — 60% (ПАО «Северсталь», выросшая в рамках Северной угольно-металлургической базы). Однако все же более тесные связи у северных территорий в рамках системы национального разделения труда сложились с более южными субъектами СЗФО. При этом за пределы ЕСР вывозится в основном продукция минерально-сырьевого комплекса и переработки природных ресурсов, а ввозятся товары более высоких технологических переделов. Именно эти связи, на наш взгляд, являются объективной предпосылкой для развития пространственной интеграции северных регионов как между собой, так и южными регионами страны.

В настоящее время отмечается слабая *интегрированность северных регионов на рынках факторов производства (труда, капитала)*. При этом однородность рынка труда в данной работе мы будем оценивать на основе закона единой цены путем анализа уровня вариации показателей уровня безработицы (по методологии МОТ) и напряженности на рынке труда. Полученная в результате расчетов динамика коэффициента вариации уровня безработицы по субъектам свидетельствуют об определенном повышении степени однородности рынка труда ЕСР (если в 1993 г. он составлял 23,8%, то в 2020 г. — 13,1%; пороговое значение — 33,3%). Вместе с тем интегрированность рынка труда ЕСР в целом пока, к сожалению, не обес-

2 *В состав ЕСР (его границы совпадают с границами Северного экономического района) входят Архангельская, Вологодская, Мурманская области, республики Коми, Карелия и Ненецкий автономный округ.*

печена. Об этом, в частности, свидетельствует высокий коэффициент вариации по показателю напряженности на рынке труда субъектов ЕСР (1992 г. — 91,6%; 2019 г. — 46,6%). Это связано со слабым перетоком трудовых ресурсов в рамках Европейского Севера России и центростремительным направлением миграции населения в субъекты СЗФО и ЦФО.

Такой вектор миграции является одной из ключевых причин устойчивого снижения численности населения ЕСР. Так, только в 1990–2019 гг. регион потерял более ¼ своего населения (1,6 млн чел.). Вслед за сокращением населения происходит сжатие региональных рынков, снижение инвестиционной привлекательности данных регионов, ослабление встречных торговых связей и интеграционных процессов по линии «Север — Юг».

Сокращение численности населения ведет к *разрушению расселенческого каркаса Севера и росту экономического расстояния между его узлами*. В частности, в Вологодской области без населения или малочисленными (до 10 человек) в 2010 г. было более 2/3 общего числа мест расселения, часть из которых к 2020 г. потеряла статус населенного пункта (см. *таблицу*). Аналогичная ситуация складывается и в других субъектах Европейского Севера России.

Таблица. Распределение населенных пунктов Вологодской области по численности населения

Год	Всего, ед.	из них:				
		без населения	с числом жителей			
			до 10 чел.	11–50 чел.	51–100 чел.	свыше 100 чел.
1979	9052	484	2049	4232	1276	1011
1989	8459	1346	2746	2904	641	822
2002	8041	1625	3046	2244	424	702
2010	8006	2131	3228	1684	369	594
2020	7877					

Источник: данные Всероссийских переписей населения, Вологдастата и Росавтодора.

Важнейшим препятствием обеспечения пространственной интеграции экономики страны выступает ее *слабая инфраструктурная обустроенность*. Согласно исследованию компании InfraOne[3], инфраструктурные проблемы являются весьма актуальными и для ЕСР. Так, в 2020 г. интегральный индекс развития инфраструктуры[4] здесь составлял от 5,34 (Архангельская область) до 5,81 балла (Ненецкий АО) из 10 возможных.

3 *Аналитический обзор «Инфраструктура России: индекс развития 2020». URL: https://infraone.ru (дата обращения: 20.06.2021).*

4 *Он включает субиндексы по развитию энергетической, транспортной, телекоммуникационной, социальной и коммунальной инфраструктуры.*

Согласно расчетам автора, проведенным на основе данных Федерального дорожного хозяйства, особенно слабая транспортная связность характерна для сельских территорий. В частности, в настоящее время 48,5% сельских населенных пунктов в Архангельской области не имеют связи по автомобильным дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования (ближайшей ж/д станцией, портом/пристанью, аэропортом); в Коми — 32,6%, Вологодской области — 31,6%.

Особенности сложившегося *нормативно-правового и институционального регулирования регионального развития* в РФ также ограничивают развитие интеграционных процессов. Так, управление развитием регионов построено преимущественно по административно-территориальному принципу, что снижает возможности использования инструментов скоординированного развития нескольких субъектов РФ, реализации межрегиональных проектов.

В свою очередь, потенциал существующих в настоящее время институтов межрегионального сотрудничества также весьма ограничен. Так, за созданными в 90-е гг. XX века ассоциациями экономического взаимодействия с самого начала не было закреплено полноценных управленческих функций и соответствующего этому финансового обеспечения (субъекты Европейского Севера России входили в состав ассоциации экономического взаимодействия «Северо-Запад»; ее правопреемник — АНО «Стратегическое партнерство „Северо-Запад“»). Это ограничивало возможности проведения ими политики по согласованному социально-экономическому развитию входящих в их состав субъектов РФ.

При этом проведенный анализ реализуемых с участием Стратегического партнерства региональных и межрегиональных социальных и экономических проектов свидетельствует о том, что партнерство на практике выполняет лишь функции эксперта при реализации данных проектов; куратора при обращении в федеральные органы власти; площадки для обмена опытом входящих в его состав регионов; обеспечивает определенное согласование позиций субъектов РФ по вопросам их развития. Однако реализуемые при этом проекты являются преимущественно организационными, просветительскими или носят пока концептуальную степень проработки[5].

В свою очередь, созданные в начале 2000-х гг. федеральные округа были направлены на усиление «вертикали» власти и проведение федеральной политики на уровне макрорегиона. При этом СЗФО, в состав которого входят все субъекты Европейского Севера России, как и другие аналогичные структуры, в настоящее время не имеет «хозяйственных» инструментов управления развитием входящих в его состав территорий (бюджета, иных «собственных» финансовых инструментов). Это ограничивает реализацию межрегиональных инвестиционных проектов и проведение единой экономической политики.

Определенной новацией в поддержке развития пространственной интеграции является формирование в 2019 году в соответствии со Стратегией пространственного развития РФ новой сетки *макрорегионов*. Поскольку данные структуры были созданы «сверху», то для использования их интеграционного потенциала необходима реализация по отношению к ним специальной государственной политики, а также создание организационных структур управления. Однако пока этого, к сожалению, сделано не было [7, 8].

5 *Официальный сайт АНО «Стратегическое партнерство „Северо-Запад“». URL: https://n-west.su/ (дата обращения: 19.05.2021).*

Ограниченный интеграционный потенциал существующих межрегиональных структур усугубляется их слабым инструментальным обеспечением. Так, практически не используются возможности разработки стратегических документов развития и территориального планирования нескольких субъектов РФ; стратегии развития части субъекта РФ, что закреплено в Федеральном законе № 172-ФЗ.

Заключение

Устранению существующих барьеров и обеспечению пространственной интеграции северных регионов, на наш взгляд, будет способствовать реализация федеральной и региональной государственной политики, направленной на:

1) возрождение устойчивых социальных и экономических связей между узловыми (крупные, средние и малые города) и неузловыми (сельская местность) элементами регионального экономического пространства на инновационной основе;

2) обоснование с использованием подхода «умной» специализации механизмов модернизации существующих, развития новых центров роста с учетом глобальных сдвигов в мировой экономике;

3) разработку механизмов создания и функционирования региональных и межрегиональных институтов модернизации хозяйственных систем Европейского Севера России (например, создание на базе АНО «Стратегическое партнерство „Северо-Запад“» Центра проектирования вертикальной и сетевой интеграции, ориентированного на технологическую модернизации экономики Севера и развитие длинных технологических цепочек на ЕСР; развитие института межмуниципального сотрудничества для реализации проектов, направленных на решение общих проблем развития сразу нескольких муниципальных образований);

4) поддержку внедрения эффективных форм пространственной организации хозяйства в условиях зон Арктики и Севера, учитывая необходимость снижения территориальных диспропорций между размещением ресурсов Севера и Арктики и центрами их переработки и потребления с ориентацией на эффективное использование научного, научно-технического, производственного и трудового потенциалов регионов ЕСР и развития связей по линии «Север — Юг» (например, платформенных, учитывая интересы развития территории базирования производств);

5) интеграцию в стратегии и программы развития округов и макрорегионов организационных и экономических инструментов разработки и реализации межрегиональных проектов;

6) повышение эффективности функционирования межрегиональных институтов научно-технологического развития регионов Севера (например, потенциала НОЦ мирового уровня «Российская Арктика»).

Научная новизна и авторский вклад в развитие теории и методологии пространственной интеграции состоит в том, что на основе критического анализа существующих теоретических концепций был обоснован подход к трактовке пространственной интеграции регионов как процесса, развивающегося во времени и по сферам региональной социально-экономической системы; обоснованы факторы, которые влияют на интеграцию экономического пространства регионов Севера. Практическая значимость работы состоит в исследовании особенностей и проблем обеспечения пространственной интеграции северных регионов России, а также обосновании приоритетов государственной политики, направленной на развитие интеграционных процессов регионов России по линии «Север — Юг».

Библиографический список

1. *Гранберг А.Г. Регионы в экономическом пространстве России // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 1999. № 2. С. 4–12.*
2. *Гусев А. Ослабленная экономическая интеграция регионов России — угроза территориальной целостности страны // Общество и экономика. 2011. № 10. С. 50–66.*
3. *Котов А.В. Территория требует связной работы: роль межрегиональных взаимодействий в восстановлении экономики (к 100-летию работы И.Г. Александрова «Экономическое районирование России») // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 1. С. 18–34.*
4. *Курушина Е.В. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции / Е.В. Курушина. Тюмень: ТИУ. 2019. С. 78.*
5. *Лаженцев В.Н. Взаимосвязь теории и практики (пример методологии экономико-географического исследования) // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. № 3. С. 99–105.*
6. *Колодина Е.А. Регулирование межрегиональной экономической интеграции в России: дис.... д-ра экон. наук: 08.00.05: Иркутск, 2004. 316 с.*
7. *Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Макрорегионы как новация стратегирования пространственного развития экономики России // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7. № 1. С. 18–28.*
8. *Кузнецова О. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // Федерализм. 2019. № 4. С. 112–125.*

References

1. *Granberg A.G. Regiony v ekonomicheskom prostranstve Rossii // Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya. 1999. № 2. S. 4–12.*
2. *Gusev A. Oslablennaya ekonomicheskaya integratsiya regionov Rossii — ugroza territorial'noi tselostnosti strany // Obshchestvo i ekonomika. 2011. № 10. S. 50–66.*
3. *Kotov A.V. Territoriya trebuet svyaznoi raboty: rol' mezhregional'nykh vzaimodeistvii v vosstanovlenii ekonomiki (k 100-letiyu raboty I.G.Aleksandrova «Ekonomicheskoe raionirovanie Rossii») // Prostranstvennaya ekonomika. 2021. T. 17. № 1. S. 18–34.*
4. *Kurushina E.V. Upravlenie prostranstvennym razvitiem na osnove mezhregional'noi ekonomicheskoi integratsii / E.V. Kurushina. Tyumen': TIU. 2019. S. 78.*
5. *Lazhentsev V.N. Vzaimosvyaz' teorii i praktiki (primer metodologii ekonomiko-geograficheskogo issledovaniya) // Izvestiya Komi NTs UrO RAN. 2010. № 3. S. 99–105.*
6. *Kolodina E.A. Regulirovanie mezhregional'noi ekonomicheskoi integratsii v Rossii: dis.... d-ra ekon. nauk: 08.00.05: Irkutsk, 2004. 316 c.*
7. *Bukhval'd E. M., Valentik O.N. Makroregiony kak novatsiya strategirovaniya prostranstvennogo razvitiya ekonomiki Rossii // Regional'naya ekonomika. Yug Rossii. 2019. T. 7. № 1. S. 18–28.*
8. *Kuznetsova O. Al'ternativnye podkhody k opredeleniyu roli makroregionov Rossii v sisteme gosudarstvennogo upravleniya // Federalizm. 2019. № 4. S. 112–125.*

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук»
Россия, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а.
Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
56a, st. Gorky, 160014, Vologda, Russia.
Кожевников Сергей Александрович / Sergey A. Kozhevnikov
kozhevnikov_sa@bk.ru

ОЦЕНКА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ УСЛУГ

ASSESSMENT OF STRATEGIC DEVELOPMENT OPPORTUNITIES IN THE REGIONAL TELECOMMUNICATION SERVICES MARKET

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-346-355

КОНДРАШОВА Надежда Викторовна
Доцент кафедры экономического анализа и аудита
Воронежского государственного университета, к.э.н., доцент

Nadezhda V. KONDRASHOVA
Associate professor of the department of economic analysis and audit,
Voronezh State University, PhD in Economics, Associate Professor
ORCID ID: 0000-0002-8818-0944

ВАСИЛЬЕВА Кира Николаевна
Доцент кафедры экономического анализа и аудита
Воронежского государственного университета, к.э.н., доцент

Kira N. VASILEVA
Associate professor of the department of economic analysis and audit,
Voronezh State University, PhD in Economics, Associate Professor
ORCID ID: 0000-0001-7443-5128

Аннотация

Материал статьи посвящен исследованию потенциальных возможностей выхода компании на региональный телекоммуникационный рынок. Авторами делается акцент на необходимость разработки стратегии развития, основывающейся на формировании и поддержании конкурентных преимуществ. В качестве объекта практического примера реализации стратегии развития выступило ООО «Т2 Мобайл».

В результате сделки консолидации ПАО «Ростелеком» и ООО «Т2 Мобайл» планируется выход на рынок Севастополя и позднее полуострова Крым. Авторы оценили с помощью ранжирования основные показатели деятельности сотовых компаний Крыма. Для анализа факторов внешней и внутренней среды организации Tele2 на развивающемся рынке использовались инструменты PESTEL-анализа и SWOT-анализа.

Abstract

The material of the article is devoted to the study of the potential opportunities for a company to enter the regional telecommunications market. The authors believe that the development strategy should be based on the formation of competitive advantages. T2 Mobile was an example of the implementation of the development strategy. After the transaction of consolidation of Rostelecom and T2 Mobile, it is planned to enter the markets of Sevastopol and Crimea. To assess the factors of the external and internal environment of the Tele2 organization in the developing market, PESTEL analysis and SWOT analysis were used.

Ключевые слова Стратегия, развитие, телекоммуникационный рынок, сотовые операторы, региональный рынок, PESTEL- анализ, SWOT-анализ, факторы развития.

Keywords Strategy, development, telecommunications market, mobile operators, regional market, PESTEL-analysis, SWOT-analysis, development factors.

Влияние динамичного развития телекоммуникационной области на Россию неизбежно, и компании, являющиеся передовыми игроками российского телекоммуникационного сектора, не должны и не могут оставаться в стороне от этих процессов. Они должны применять стратегию развития, отвечающую новым требованиям: развитие сектора информационных и телекоммуникационных технологий, развитие экономики знаний, создание новой экосистемы в сфере телекоммуникации, внедрение инноваций, развитие деловой среды и привлечение новых инвестиций. Широкое применение этой стратегии меняет архитектуру традиционной телекоммуникации, ведет к инновациям, а также обеспечивает развитие новой цифровой поведенческой культуры населения [1].

На рынке России доминируют 4 крупных продавца, которых можно назвать олигополистами сектора телекоммуникационных услуг: «Мегафон», «Вымпелком»/«Билайн», «Т2 Мобайл»/«Tele2» и «МТС». Компании как экстенсивно, так и интенсивно борются за место лидера, совершенствуя свои технологии, разрабатывая выгодные тарифы, открывая новые вышки и выходя за границы РФ. Данные табл. 1 характеризуют динамику основных показателей деятельности этих компаний.

Ситуация на рынке сложилась неоднозначная и многообразная, все это обусловлено формированием конкурентных преимуществ компаний.

Можно обобщить основные перспективные, инновационные факторы и направления развития отрасли телекоммуникаций:

1. Запуск нового поколения мобильной связи 5G как модель монетизации. Поскольку инфраструктура достигла высокого уровня, главными факторами успеха сотовых операторов в условиях конкуренции станут не надежность соединения и масштабы

покрытия, а совершенствование пользовательского опыта и эффективные модели монетизации [1, 2].

2. Виртуальная eSIM. По мнению генерального директора Nexign Игоря Горькова: «Усиление конкуренции заставит крупных операторов повышать качество услуг и доминировать в новых каналах предоставления услуг за счет интеграции с цифровыми площадками (digital marketplaces), которые готовы работать с eSIM» [2].

Таблица 1. Ранговое рейтингование основных показателей деятельности сотовых операторов за 2019 год

Показатели	Компании			
	«Мегафон»	«Вымпелком»	«Т2 Мобайл»	«МТС»
% сбоев при колосовом подключении	0,7	15,1	1,2	0,8
Ранг	**1**	**4**	**3**	**2**
% непришедших СМС	1,7	0	1,2	2,4
Ранг	**3**	**1**	**2**	**4**
Средняя скорость загрузки данных в интернете, Мбит/с	13,22	10,58	8,79	8,55
Ранг	**1**	**2**	**4**	**3**
Рейтинг операторов сотовой связи от дешевого к дорогому	3	2	1	4
Доля в мобильной сервисной выручке, %	28,3	24,0	15,0	32,7
Ранг	**2**	**3**	**4**	**1**
Динамика ARPU[1] в целом по рынку	300	338	281	333
Ранг	**3**	**1**	**4**	**2**
Общая оценка приложений компаний от Роскачества для IOS	4,70	4,77	4,75	4,60
Ранг	**3**	**1**	**2**	**4**
Количество абонентов в 2019 году (млн чел.)	75,2	54,7	48,3	79,1
Ранг	**2**	**3**	**4**	**1**
Количество абонентов в 2020 году (млн чел.)	75,4	49,7	51,8	78,2
Ранг	**2**	**4**	**3**	**1**
Прирост/убыток абонентов за последний период (тысячи)	200	–5000	3500	–900
Ранг	**2**	**4**	**1**	**3**

1 *ARPU-показатель, используемый телекоммуникационными компаниями и означающий средний доход в расчете на одного абонента.*

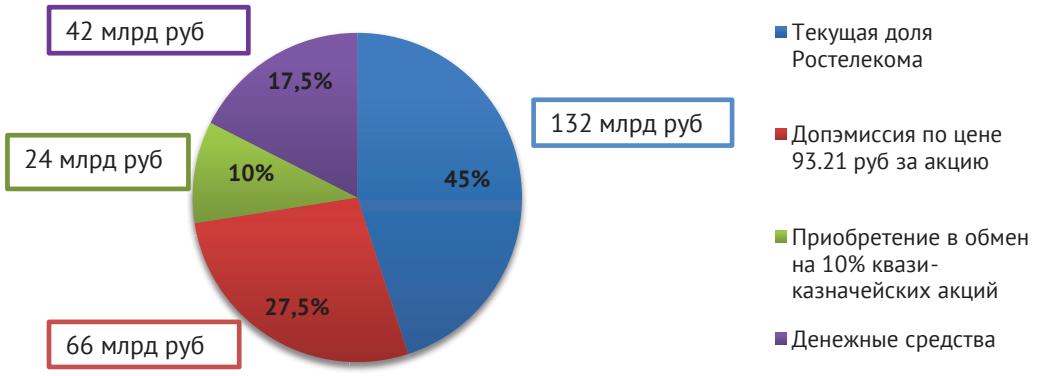
3. Цифровая экология. Десять лет назад произошла революция больших данных, и на сегодняшний день центры обработки данных по всей планете тонут в экзобайтах информации, которая используется крайне редко. Такое использование хранилищ угрожает серьезными последствиями для окружающей среды. Горьков Игорь считает: «…телеком-компаниям необходимо переосмыслить свои подходы к сбору и обработке данных, чтобы перейти от бесконечных „озер данных" к более функциональным и экономичным решениям. Это позволит им одновременно снизить затраты и стать экологичнее» [2].
4. Совершенствование технологии IoT (интернета вещей). Технологию IoT рассматривают как следующую ступень информационного века. Так, например, Синица С.А. полагает: «Интернет вещей, по своей сути, представляет глобальную базу информационного общества, которая оказывает различные услуги, соединяющие физическое и виртуальное с помощью совместимых информационных и коммуникационных технологий. Данные технологии могут применяться во многих сферах» [3].
5. Дополненная, виртуальная реальность и искусственный интеллект. Основные направления использования технологий виртуальной реальности находят применение в сферах: развлечений; розничной торговли; дистанционной поддержки; медицины; производства (3D-печать); образования и военной сфере [3].
6. Мобильная аналитика и большие данные (big data) входят в список самых быстро развивающихся сфер на рынке услуг. Применение данных технологий помогает организациям, работающим в мобильном сегменте, проводить анализы клиентской базы, создавать стратегии по привлечению клиентов других операторов и удовлетворению потребности уже имеющихся. Для этого необходимо использовать высокоскоростной интернет.

В качестве объекта практического примера реализации стратеги развития выступило ООО «Т2 Мобайл». Стратегические направления развития компании на 2018–2022 гг.:
1) разработка структуры абонентской базы;
2) уникальное, выгодное, простое и честное предложение;
3) развитие качестве сети на основе SMART CAPEX;
4) повышение эффективности;
5) цифровое преобразование;
6) развитие ключевых компетенций;
7) развитие экосистемы вокруг клиентов;
8) выход компании за грани традиционного телеком рынка и достижение статуса «лучшей сервисной компании на рынке РФ».

В этом ключе необходимо уделить внимание стратегии «поглощения» или же «покупки акций другой компании» со стороны ПАО «Ростелеком».

В конце 2013 года акционеры Tele2 договорились с Ростелекомом об объединении своих сотовых активов. В совместном предприятии под названием «Т2 РТК Холдинг» Ростелеком получил 45% акционеров, доля акционеров Tele2 — 55%. В 2020 году 17 марта «Ростелеком» объявил о закрытии сделки и стал владельцем 100% акций Tele2, выкупив оставшуюся долю 55% у ООО «Т2 РТК Мобайл». На рисунке представлена структура сделки по консолидации «Ростелекома» и ООО «Т2 Мобайл». После сделки компания стала аффилированной организацией под названием ООО «Т2 РТК Мобайл».

Рисунок. Структура и финансирование сделки по консолидации.

К настоящему времени можно провести субъективную оценку эффективности данной сделки:

1) приобретение быстрорастущего и высокорентабельного мобильного бизнеса;
2) реализация значительного потенциала основных и мобильных активов;
3) реализация потенциала развития 5G в России;
4) возможности реализации синергии на обеспечение создания дополнительной стоимости компании;
5) синергия: экономия на расходах;
6) расширение масштабов.

После завершения сделки:

- Tele2 Россия осталась в качестве независимого юридического лица и сохранила свой бренд;
- менеджмент Tele2 Россия остался руководить компанией — разрабатывается новая программа мотивации менеджмента;
- «Ростелеком» обеспечит работу совместного интеграционного комитета, целью которого будет поиск и реализация синергии, при сохранении амбициозных темпов развития Tele2 Россия в ближайшие годы;
- у «Ростелекома» появился стратегический акционер, заинтересованный в росте стоимости (ПАО «ВТБ»);
- ВТБ рассматривает инвестиции в Ростелеком как стратегические и долгосрочные, а также обязуется не продавать пакет акций в течение четырех лет по соглашению акционеров.

Компания вместе со своим партером «Ростелеком» обосновалась почти по всей территории России, но довольно долгое время, с момента присоединения Крыма и Севастополя к РФ, ни один российский оператор не может зайти легально на рынки данных регионов. В связи с консолидацией под покровительством «Ростелеком» как государственного федерального оператора связи Tele2 выйдет на рынок Севастополя, и позднее всего — полуострова Крым, с зарекомендованной их моделью освоения регионов.

После присоединения Крыма к российской территории полуостров покинули все украинские сотовые операторы. Но в то же время главной особенностью рынка сотовых операторов Крыма и Севастополя является отсутствие крупных операторов России. На данной территории функционирует некоторое количество операторов, чья зона покрытия включает всю территорию республики Крым.

Известные операторы сотовой связи большой четверки: «Билайн», «Мегафон», «Tele2» — присутствуют на рынке Крыма с ограниченными возможностями, используя вышки сторонних местных компаний.

На данный момент в Крыму представлены следующие операторы связи: «Win Mobile», «Волна», «Севмобайл» и «Крымтелеком». Изучим основные показатели деятельности этих организаций (табл. 2).

Таблица 2. Ранговое рейтингование показателей деятельности сотовых операторов Крыма за 2019–2020 гг.

Показатели	**Компании**									
	«Крымтелеком»		**«Volna Mobile»**		**«Win Mobile»**		**«Севмобайл»**		**«Миранда-Медиа»**	
	2019	**2020**	**2019**	**2020**	**2019**	**2020**	**2019**	**2020**	**2019**	**2020**
Выручка, млн руб.	577,4	612,2	3766,8	4252,9	7213,5	7057,2	656,8	629,9	1884,9	2284,8
Ранг	**5**	**5**	**2**	**2**	**1**	**1**	**4**	**4**	**3**	**3**
Темп прироста выручки, %	6,02		12,9		–2,3		–4,1		21,2	
Ранг	**3**		**2**		**4**		**5**		**1**	
Чистая прибыль (убыток), млн руб.	–307,7	–155,7	196,6	276,9	2613,9	2048,6	–1,1	–52,2	149,1	477,4
Ранг	**5**	**5**	**2**	**3**	**1**	**1**	**4**	**4**	**3**	**2**
Темп прироста прибыли, %	50,6		40,9		–21,6		–147,5		220	
Ранг	**5**		**2**		**3**		**4**		**1**	
EBIT, тыс. руб.	–374,6	–188,3	344,3	454,9	3256,7	2567,9	–2,9	–65,1	199,5	611,9
Ранг	**5**	**5**	**2**	**3**	**1**	**1**	**4**	**4**	**3**	**2**
Капитал и резервы, млн руб.	961,6	805,9	1788,7	2065,7	6853,9	8102,5	263,6	208,7	–304,8	172,6
Ранг	**3**	**3**	**2**	**2**	**1**	**1**	**4**	**4**	**5**	**5**
Сумма внеоборотных активов, млн руб.	1083,1	972,92	706,9	671,8	5146,4	4796,1	318,7	309,4	1802,1	2359,7
Ранг	**3**	**3**	**4**	**4**	**1**	**1**	**5**	**5**	**2**	**2**
Сумма оборотных активов, млн руб.	1432,2	1174,9	1619,5	2034,9	2606,8	4334,4	118,6	78,5	1115,9	465,4
Ранг	**3**	**3**	**2**	**2**	**1**	**1**	**5**	**5**	**4**	**4**

По показателю «Выручка» можно сделать вывод, что большую долю всей выручки телекоммуникационной отрасли региона занимает «Win Mobile». При этом, оценивая скорость прироста выручки, отмечается, что дочерняя компания Ростелекома «Миранда-Медиа» наращивает свои темпы и в этом аспекте занимает лидирующую позицию среди остальных. По величине чистой прибыли лидером остается тот же «Win Mobile». Но нельзя не отметить значительные темпы прироста прибыли «Миранда-Медиа». Итак, можно сделать вывод, что дочерняя компания «Ростелеком» ведет успешную деятельность и придерживается правильной стратегии развития на развивающемся рынке.

Исследовав рынок сотовых операторов полуострова Крым и Севастополя, можно сделать вывод, что он является развивающимся, но в то же время труднодоступным для других операторов РФ.

Для анализа внешней среды организации Tele2 на развивающемся рынке полуострова Крым и города федерального значения Севастополя используем PESTEL-анализ. На основе исследований телекоммуникационного рынка на материке и рынка полуострова, были выявлены внешние факторы, влияющие на благополучие выхода оператора в Крыму (табл. 3).

Таблица 3. PESTEL-анализ исследуемой организации

Political (политические факторы)	**Economical (экономические)**
Санкции со стороны западных стран	Направления на инновационное развитие (инвестиционный потенциал)
Регулирование телекоммуникационного рынка властями	Падение доходов жителей полуострова в связи с COVID-19 и карантинным режимом
Обслуживание населения только местными операторами — монополистами	Высокий уровень безработицы 5,2%
Нераспространение на полуостров Крым ФЗ № 527-ФЗ от 27 декабря 2018 г. «О внесении изменений в статьи 46 и 54 Федерального закона „О связи“», по которому был отменен роуминг по всей территории страны	Потенциальная экономическая нестабильность
Регулирование ФАС	Прогнозируемый высокий уровень инфляции
Social (социально-культурные)	**Technological (технологические)**
Богатое культурное и историческое наследие, привлекающее туристов	Слабо развитая техническая оснащенность базовых станций
Рост населения: миграция людей в Крым для бизнеса и туризма	Низкая карта покрытия 4G
Увеличение пользователей сети Интернет	Соглашение на строительство LTE-1800
Уровень жизни населения	Потребность в инвестициях в НИОКР: разработка и тестирование нового поколения частот для быстрой передачи данных

Environmental (экологические)	Legal (правовые)
Электромагнитные частотные воздействия на полуостров	Неразвитость законодательной базы
Загрязнение региона электромагнитами полями базовых станций	Получение лицензии на услуги связи

Таким образом, к наиболее значительным факторам внешней среды по результатам PESTEL-анализа, влияющих на развитие ООО «Т2 Мобайл» на телекоммуникационном рынке в Крыму, можно отнести: возможные санкции со стороны западных стран на ведение бизнеса в Крыму российским организациям; монополистическая деятельность местных провайдеров, функционирующих с момента присоединения Крыма; технологические факторы, которые влияют на качество связи, и потребность в ее расширении и дополнительных затратах компаний. Уровень безработицы, с одной стороны, влияет на уровень покупательской способности населения, с другой — на возможность предоставления рабочих мест. Следующий, рост спроса на объемные тарифы с большим пакетом интернет-трафика и увеличение абонентской базы за счет миграции населения на полуостров. Следует отметить, что тарифы компании Tele2 имеют взаимосвязь с данными тенденциями, так как при ценообразовании, на 15–20% отличаются от конкурентов и предоставляют большие пакеты тарифов. Наиболее важные технологические факторы отражены в стратегии развития организации и учитываются и при разработке новых тарифных линеек, и при разработке планов и путей по завоеванию рынка.

Следующий инструмент, который используется для выявления факторов внешнего и внутреннего окружения сотового оператора Tele2 — SWOT-анализ (табл. 4).

Таблица 4. SWOT-анализ организации ООО «Т2 Мобайл»

Strengths	Weaknesses
■ Международный масштаб организации ■ Западная корпоративная культура ■ Стильный brand-book ■ Высокое качество предоставляемых услуг ■ Участие в различных проектах, также международного уровня ■ Широкий ассортимент услуг ■ Инновационные технологии ■ Контроль государственного федерального провайдера «Ростелеком» ■ Маркетинг, не привлекающий известных личностей ■ Оригинальность рекламных компаний ■ Качественная сеть ■ Наличие связи в отдаленных уголках страны ■ Большая абонентская база для достаточно молодого оператора	■ Доступность информации об организации ■ Tele2 не является лидером на рынке сотовых услуг, а стоит на третьем месте в «большой четверке» ■ Большие расходы на обслуживание сети: приобретение лицензий и иные издержки ■ Кастомизация услуг операторов

Strengths	Weaknesses
■ Несезонный спрос на услуги ■ Высококвалифицированный персонал ■ Наличие площадки для торговли минутами и гигабайтами и SMS ■ Приложение «Мой Tele2» было признано лучшим мобильным приложением в российском сегменте Google Play и вторым в AppStore, отметив его безопасность, надежность и удобство в использовании ■ Мотивационная политика для сотрудников ■ Модель lifestyle enabler ■ Большая площадь покрытия (67 регионов) ■ Первый оператор, отменивший внутрисетевой роуминг ■ Строгая конфиденциальность ■ Высокий уровень лояльности в сравнении с конкурентами	
Opportunities	**Threats**
■ Рост потребности в связи и большом трафике интернета ■ Развитие и внедрение инновационных технологий ■ Придерживаться принятой стратегии развития, которая положительно влияет на деятельность компании ■ Увеличение пользователей и потребностей в сотовой связи и интернете за период карантинного режима и перехода в digital-жизнь ■ Миграция населения из маленьких городов и сел увеличивает потенциальную клиентскую базу ■ Тестирование 5G ■ Кастомизация услуг оператора	■ Активизация конкурентов или появление новых ■ Нестабильная политическая и экономическая политика ■ Повышение налогов ■ Санкции на ведение бизнеса или поставку оборудования ■ Снижение стоимости на услуги и товары конкурентов, что приведет к миграции абонентов к другим операторам ■ Низкие темпы роста рынка. Рынок сотовой связи находится на стадии «зрелости» ■ Дополнительные расходы на разработку новых технологий и инноваций ■ Стереотипы о низком качестве сети оператора

Отметим, что наиболее ощутимые угрозы для оператора связи — это экономические и политические изменения и стереотип о низком качестве сети оператора Tele2. Все это перекрывает большой перечень сильных сторон и возможностей развития.

Таким образом, наиболее перспективной и реалистичной стратегией выхода на развивающийся рынок будет сотрудничество с другими операторами, в случае Tele2 сотрудничество с «Ростелеком». Последний, во-первых, является государственным федеральным провайдером, что дает ему больше полномочий на выход, во-вторых, «Ростелеком» уже имеет опыт с дочерней компанией в Крыму «Миранда-Медиа», и, в-третьих, лицензией на предоставление фиксированной связи «Ростелеком» уже обладает, что говорит нам о возможностях приобретения лицензии и на услуги мобильной связи.

По словам генерального директора Tele2 Сергея Эдмина: «Как социально ориентированная компания мы… зачастую оказываемся единственным доступным опе-

ратором для местных жителей. …наша миссия по устранению цифрового неравенства реализуется в двух плоскостях — развертывании технической инфраструктуры и предложении доступных услуг».

Библиографический список

1. *Направления развития телекоммуникационного сектора в условиях цифровой трансформации // URL: https://www.trend.az/business/it/2859684. html.*
2. *Телеком-рынок в 2020: пять ключевых трендов // URL: https://x-holding.ru/opinions/telekom-rynok-v-2020-pyat-klyuchevyh-trendov.*
3. *Синица С.А. Инновации на рынке телекоммуникационных услуг // Вестник Евразийской науки. — 2019. — № 2. URL: https://esj. today/PDF/01ECVN219. pdf.*

References

1. *Napravleniya razvitiya telekommunikacionnogo sektora v usloviyah cifrovoj transformacii // URL: https://www.trend.az/business/it/2859684. html.*
2. *Telekom-rynok v 2020: pyat' klyuchevyh trendov // URL: https://x-holding.ru/opinions/telekom-rynok-v-2020-pyat-klyuchevyh-trendov.*
3. *Sinitsa S.A. Innovacii na rynke telekommunikacionnyh uslug // Vestnik Evrazijskoj nauki. — 2019. — № 2. URL: https://esj. today/PDF/01ECVN219. pdf.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1.
Voronezh State University
394018, Voronezh, University Square, 1.
Кондрашова Надежда Викторовна / Nadezhda V. Kondrashova
+79155417671, kondrashova@econ.vsu.ru, n.kondrashova@outlook.com
Васильева Кира Николаевна / Kira N. Vasileva
+79103470042, vasilieva@vsu.ru

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ И АГЛОМЕРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE PHENOMENON OF GLOBAL CITIES AND THE AGGLOMERATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-356-362

МЕТЕЛЕВА Елена Растиславна
Заведующая кафедрой государственного управления и управления человеческими ресурсами ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», д.э.н., доцент

Elena R. METELEVA
Head of Public Administration and Human Resource Management Department of the Baikal State University, Doctor of Economic Science, Assistant Professor

Аннотация

В статье рассмотрено современное восприятие феномена глобальных городов. Изучение проекта закона «О городских агломерациях», дополненное анализом статистических данных о распределении экономических и человеческих ресурсов между городами и регионами России, позволило сделать вывод о недостаточности усилий государства для формирования новых глобальных городов, кроме существующей Московской агломерации. Современная агломерационная политика России не может считаться эффективной и должна быть скорректирована с учетом идей сетевого подхода, который нацеливает на формирование полицентрических агломераций.

Abstract

The contemporary perception of the global cities phenomenon is reviewed within the paper. The bill about urban agglomerations' research, supplemented by the analysis of the statistic data about the economic and human resources' allocation among Russian cities and regions, enabled us to conclude that the State's efforts are insufficient for formation new global cities beside the existing Moscow agglomeration. A contemporary agglomeration policy of Russia can't be considered as effective and is to be corrected, taking into account the network approach ideas, which sight at formation of polycentric agglomerations.

Ключевые слова Глобальные города, городские агломерации, урбанизированные территории, агломерационная политика, национальные государства, сетевой подход.

Keywords Global cities, urban agglomerations, urbanized areas, agglomeration policy, nation states, network approach.

Введение

Особую роль в привлечении внимания к феномену глобальных городов сыграли работы С. Сассен, которые не только «спровоцировали» многочисленные научно-исследовательские разработки в разных сферах знаний (урбанистика, градостроительство, социология, юриспруденция, экономика, психология, политология и т.д.), но и вызвали интерес представителей органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также медиаресурсов и даже широкой общественности [1]. Глобальные города — это места, где как в профессиональном, так и в географическом смысле концентрируются огромные объемы информации и знаний, прежде всего в сфере экономики и бизнеса, а уже затем — во всех прочих сферах.

Объектом нашего рассмотрения были выбраны процессы достижения урбанизированной территорией позиций и влиятельности глобального города. В качестве предмета исследований нами определена стратегическая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по содействию этим процессам, в частности направления и меры поддержки городских агломераций. Целью же исследований является выработка рекомендаций, которые могли бы лечь в основу поддержки процессов развития глобальных городов в экономическом пространстве России.

Глобальные города versus Национальные государства: мифы и реалии

Тенденция мифологизации феномена глобальных городов не только в научно-популярных публикациях, но даже в научных работах требует здравой критики. До 1980-х годов национальное государство являлось доминирующей единицей в области экономической организации и регулирования. Правительства многих стран сознательно стремились предотвратить чрезмерную концентрацию объектов промышленности и коммерческой недвижимости в крупных городах, реализуя в этих целях «региональную политику». Однако растущая открытость национальных экономик и их связанность в рамках глобализированной экономики в период после 1985 г. привела к тому, что в крупных и крупнейших городах стали концентрироваться не только национальные, но и транснациональные компании. Национальные государства, по мнению ряда исследователей, оказались не в состоянии с помощью методов и инструментов традиционной «региональной политики» противостоять явлениям и процессам глобализации. Как отмечают Л.Е. Стровский и Е.Д. Фролова, «транснациональные экономические структуры постоянно перекраивают зоны экономического влияния», т.е. действуют поверх любых административных границ и политических юрисдикций [2]. На лидирующие позиции среди административно-территориальных образований выдвинулись глобальные города, в которых концентрируются управляющие центры упомянутых транснациональных экономических структур.

Мы полагаем, что нужно сохранять некий баланс при рассмотрении глобальных городов, не преувеличивая их влияния, но и не отрицая их существенной роли в развитии национальных экономик. Поскольку в условиях рыночной экономики одним из негативных, но неизбежных процессов является конкуренция территорий за жителей, бизнес, визитеров, инвестиции, то глобальные города, безусловно, обладают мощным потенциалом для развития национальной экономики, в границах

которой они расположены, открывая пути для повышения ее производительности и укрепления международных связей [3].

Однако мы полагаем необходимым напомнить, что глобальные города зависят от национальных государств и правительств, прежде всего в том, что касается управления последствиями глобальной интеграции. Кроме того, национальные государства создают условия для жизни и деятельности в глобальных городах. Также национальные государства организуют деятельность по устранению побочных эффектов (в частности, экологических) функционирования глобальных городов.

В условиях пандемии новой коронавирусной инфекции стало очевидным, что в чрезвычайных ситуациях именно национальные государства выступают безальтернативными субъектами управления, способными организовать противодействие угрозам, возникающим в условиях (а часто и вследствие) неограниченного доминирования глобальных бизнес-структур. Как отмечает Я.М. Миркин, пандемия показала, что общества «большего дирижизма» смогли лучше с ней справиться, что те государства, которые играют более существенную роль в экономике, смогли более эффективно организовать деятельность системы здравоохранения, процессы профилактирования и вакцинирования, что в итоге позволило их национальным экономикам пережить данный кризис с меньшими потерями [4].

И все же стоит признать, что развитие глобальных городов помогает укрепить связи национальной экономики с мировыми инфраструктурами, привлечь потоки инвестиций и человеческого капитала. Они открывают доступ на международные рынки, стимулируют развитие предпринимательства и обеспечивают преимущества кластеризации для компаний и секторов экономики [5]. Поэтому национальным государствам необходимо уделять особое внимание поддержке существующих и становлению новых глобальных городов на территории страны.

Развитие городских агломераций и перспективы формирования глобальных городов в России

Мы попробовали оценить, насколько современная политика российского государства принимает во внимание тему глобальных городов, ориентирована на цели развития подобных структур в пространстве страны. Нам представляется, что агломерационная политика государства более всего приближается к рассматриваемой проблематике.

Развитие городских агломераций — один из ключевых приоритетов государственной региональной политики, закрепленный в Стратегии пространственного развития Российской Федерации [6]. Попытка практического воплощения данной целевой установки реализуется в проекте федерального закона «О городских агломерациях», подготовленном Министерством экономического развития РФ с целью формирования механизма объединения ресурсов смежных муниципальных образований и выстраивания институтов межмуниципальной кооперации [7].

Введенное в законопроекте определение городской агломерации должно позволить избежать волюнтаризма в определении границ городской агломерации, который наблюдался в рамках усилий «сверху» по формированию агломераций в 2010-х гг. (проекты «создания агломераций» вокруг Самары, Новосибирска, Екатеринбурга, Красноярска, Иркутска и т.д.).

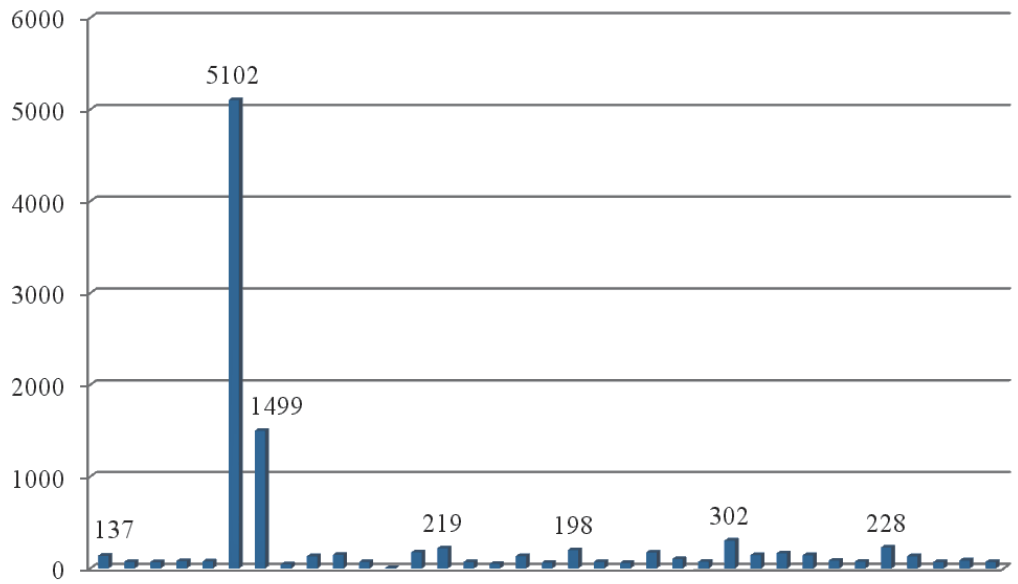
В законопроекте предложены критерии отнесения территорий муниципальных образований к городским агломерациям. Разработка данных критериев

представляется своевременной и обоснованной, т.к. они должны помочь избежать не научного, а сугубо административного подхода к установлению территориальной базы формируемой агломерации, а также смогут предотвратить стремление чиновников искусственно «сконструировать» агломерацию в тех случаях, когда для нее не имеется достаточных оснований, но есть желание получить финансирование из федерального бюджета под цели развития новой административной структуры.

Факт появления данного законопроекта можно расценивать как положительный шаг в направлении продвижения темы глобальных городов, создания условий и мотивации для интеграционных процессов на территории России. Однако обеспечение административно-правовой базы для данного процесса представляется необходимым, но недостаточным условием успешной реализации политики и проектов поддержки глобальных городов. Гораздо более важными факторами можно считать демографическую ситуацию, локализацию ключевых экономических акторов национальной экономики (крупнейших бизнес-структур) и распределение экономической активности в пространстве страны.

Весьма схематично экономический ландшафт России может быть визуализирован с помощью такого показателя, как оборот розничной торговли (https://gks.ru/bgd/regl/b20_14t/Main. htm) (рис. 1).

Рисунок 1. Оборот розничной торговли в крупных и крупнейших городах России в 2019 г., млрд руб.

Как видно из рис. 1, среди 35 крупных и крупнейших городов страны (в расчет были приняты только города с численностью населения свыше 500 тыс. чел.) «одиноко возвышается» показатель федеральной столицы. Позиции второго города страны выглядят значительно скромнее, а показатели всех прочих крупных городов вообще формируют своего рода экономическое плато. И только суммарный объем розничного товарооборота всех крупных городов России, включая Санкт-Петербург, оказывается сопоставим с показателями столицы — 5189,93 млрд руб. против 5102 млрд руб.

Следуя подходу к идентификации глобальных городов по критерию размещения на их территории офисов финансовых организаций, а также опираясь на идеи сетевого подхода, согласно которому глобальный город может быть конституирован не одним, а несколькими урбанистическими центрами, мы рассмотрели статистику территориального присутствия действующих кредитных организаций в федеральных округах России (https://gks.ru/bgd/regl/b20_14t/Main. htm) (рис. 2).

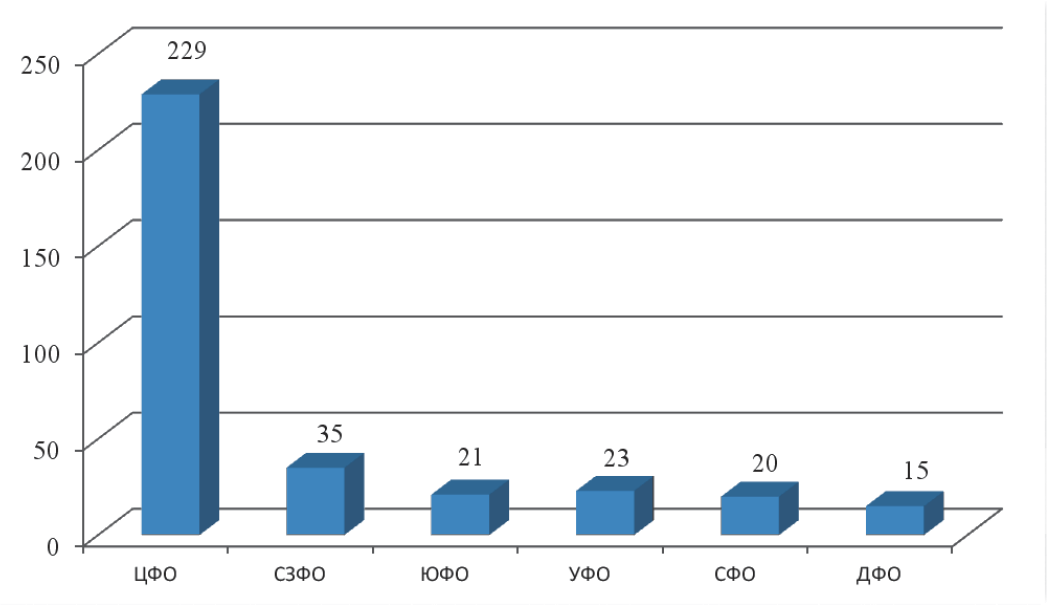

Рисунок 2. Количество головных офисов кредитных организаций в федеральных округах России на 01.01.2021, ед.

Даже без индивидуального рассмотрения ситуации отдельных городов или регионов достаточно проанализировать данные о распределении офисов банков между федеральными округами страны, чтобы еще раз убедиться, что все экономические ресурсы сконцентрированы в столичном макрорегионе (который в деятельностном плане совпадает с Центральным федеральным округом). Это в очередной раз подтверждает, что в России сложилась ситуация, в которой функционирует только один (суб) глобальный город, составляемый Московской городской агломерацией (г. Москва и ее мегагородский регион).

Также это не позволяет чересчур оптимистично оценивать рассмотренный законопроект. Предлагаемые в нем меры могут создать правовое поле для интеграции ресурсов урбанизированных территорий и обеспечить определенную поддержку со стороны органов власти регионов, однако представляются совершенно недостаточными в плане формирования глобальных городов на территории страны.

Заключение

Тезисно сформулируем положения, касающиеся предполагаемого содержания политики развития глобальных городов, а также желательной корректировки традиционных видов политики в отношении урбанизированных территорий:

1. Политика *регионального развития* должна осуществляться с учетом того, что города-центры являются драйверами экономики регионов.

2. Политика *городского развития* должна проводиться с учетом того, что вложения в развитие города с потенциалом формирования на его базе глобального города будут иметь значительный мультипликативный эффект в экономике не только региона, но и страны в целом (или по крайней мере макрорегиона).
3. Политика *развития (поддержки) глобальных городов* должна разрабатываться на базе идеи сетевого подхода о том, что глобальные города необязательно являются моноцентрическими агломерациями, но вполне могут быть полицентрическими мегалополисами [8].

В любом случае, российское правительство должно стратегически подходить к развитию всех городов страны и оптимизации агломерационных процессов, осознавая важность роли городов и, шире, урбанизированных территорий в повышении конкурентоспособности экономики страны. Поддержка становления новых глобальных городов обязательно должна стать одним из приоритетов национальной политики.

Библиографический список

1. *Sassen S. The Global City. 2nd edition. Princeton: Princeton University Press, 2001. 447 p.*
2. *Стровский Л.Е., Фролова Е.Д. Взаимодействие крупных и средних городов в глобальном геоэкономическом пространстве (на примере Уральского индустриального района) // Научные труды Вольного экономического общества России. 2007. Т. 82. С. 253–262.*
3. *Прохорова О.К. Роль и место интеграции в муниципальном управлении // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 3. С. 113–116.*
4. *Миркин Я.М. Новые реальности глобальной экономики и их влияние на Россию // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. № 3. С. 106–110.*
5. *Манюшис А.Ю., Барсуков И.Е. Регулирование устойчивого развития крупного города: управление по интересам и стратегический территориальный маркетинг // Научные труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 183. С. 210–243.*
6. *Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p. pdf*
7. *Проект Федерального закона «О городских агломерациях» (подготовлен Минэкономразвития России. ID проекта 01/05/09-20/00107906) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.09.2020). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc&base=PRJ&n=199079#0949215080685583*
8. *Метелева Е.Р. Методология управления развитием городов на основе сетевого подхода. Новосибирск: Издательство СибАГС, 2011. 408 с.*

References

1. *Sassen S. The Global City. 2nd edition. Princeton: Princeton University Press, 2001. 447 p.*
2. *Strovskii L.E., Frolova E.D. Vzaimodeistvie krupnykh i srednikh gorodov v global'nom geoekonomicheskom prostranstve (na primere Ural'skogo industrial'nogo raiona) // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2007. T. 82. S. 253–262.*
3. *Prokhorova O.K. Rol' i mesto integratsii v munitsipal'nom upravlenii // Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii. 2012. № 3. S. 113–116.*
4. *Mirkin Ya.M. Novye real'nosti global'noi ekonomiki i ikh vliyanie na Rossiyu // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2020. T. 223. № 3. S. 106–110.*

5. *Manyushis A.Yu., Barsukov I.E. Regulirovanie ustoichivogo razvitiya krupnogo goroda: upravlenie po interesam i strategicheskii territorial'nyi marketing // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2014. T. 183. S. 210–243.*
6. *Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 13 fevralya 2019 g. № 207-r. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p. pdf*
7. *Proekt Federal'nogo zakona «O gorodskikh aglomeratsiyakh» (podgotovlen Minekonomrazvitiya Rossii. ID proekta 01/05/09-20/00107906) (ne vnesen v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 04.09.2020). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc&base=PRJ&n=199079#0949215080685583*
8. *Meteleva E.R. Metodologiya upravleniya razvitiem gorodov na osnove setevogo podkhoda. Novosibirsk: Izdatel'stvo SibAGS, 2011. 408 s.*

Контактная информация / Contact information

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Байкальский государственный университет»
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Baikal State University»
11, Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russia.
Метелева Елена Растиславна / Elena R. Meteleva
elenameteleva@ya.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

THE CURRENT STATE AND PROBLEMS OF ENSURING THE INVESTMENT SECURITY OF AGRICULTURE INDUSTRY IN THE KIROV REGION

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-363-371

ЖУКОВА Юлия Сергеевна
Доцент кафедры экономики и менеджмента, ФГБОУ ВО «Вятский государственный агротехнологический университет», к.э.н.

Yulia S. ZHUKOVA
Associate Professor of the Department of Economics and Management, Vyatka State Agrotechnological University, PhD in Economics

ШИВРИНА Татьяна Борисовна
Декан экономического факультета, доцент кафедры экономики и менеджмента, ФГБОУ ВО «Вятский государственный агротехнологический университет», к.э.н.

Tatyana B. SHIVRINA
Dean of the Faculty of Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Vyatka State Agrotechnological University, PhD in Economics

Аннотация

Инвестиционная безопасность является одной из составляющих экономической безопасности как на уровне страны, так и на уровне отдельных предприятий и отраслей. Данный структурный элемент коррелируется с уровнем продовольственной безопасности, в связи с чем была проведена оценка инвестиционной безопасно-

сти на примере такого сектора экономики, как сельское хозяйство. По результатам проведенной оценки сделаны выводы относительно необходимости дальнейшего изучения уровня инвестиционной безопасности сельского хозяйства в целях формирования соответствующей программы обеспечения ее эффективного уровня.

Abstract Investment security is one of the components of economic security both at the country level and at the level of individual enterprises and industries. This structural element is correlated with the level of food security, in connection with which an assessment of investment security was carried out on the example of such a sector of the economy as agriculture. Based on the results of the assessment, conclusions are drawn regarding the need for further study of the level of investment security of agriculture in order to form an appropriate program to ensure its effective level.

Ключевые слова Экономическая безопасность, инвестиционная безопасность, сельское хозяйство, уровень обеспечения, экономическое развитие.

Keywords Economic security, investment security, agriculture, security level, economic development.

Введение

В условиях нынешнего экономического развития нашей страны важнейшим элементом стабилизации развития и формирования устойчивой экономической системы в будущем является ее экономическая безопасность [1, 2, 3].

Особое значение для диагностики экономической безопасности на всех уровнях имеет выделение ее составляющих [4].

Составляющие или структурные элементы экономической безопасности рассматриваются по-разному, при этом можно увидеть и различное их количество, и различное смысловое наполнение. Чаще всего среди составляющих экономической безопасности можно выделить кадровую, финансовую, технико-технологическую, информационную безопасность.

Инвестиционная составляющая, на наш взгляд, должна иметь одно из важнейших значений с позиции оценки экономической безопасности. При этом достаточно редко можно увидеть в трактовке структурной составляющей экономической безопасности выделение такого элементного звена, как инвестиционная безопасность.

Цель. В качестве цели проведенной работы можно отметить выделение роли инвестиционной безопасности в системе экономической безопасности всех уровней, но в первую очередь постановка цели касается оценки инвестиционной безопасности в отраслевом разрезе на уровне отдельных регионов. В частности, нами была поставлена цель провести оценку современного состояния инвестиционной безопасности Кировской области в разрезе сельского хозяйства и определить ключевые направления ее обеспечения на современном этапе.

Материалы и методы. В качестве основных материалов для исследования использовались данные Кировского комитета статистики, Министерства сельского хозяйства и продовольствия Кировской области, ряд аналитических материалов, полученных в ходе проведенного исследования. Методами исследования выступили информационно-аналитический, статистический и метод наблюдения.

Результаты. На первоначальном этапе исследования были изучены подходы различных авторов к определению понятия «инвестиционная безопасность».

Каранина Е.В. указывает, что «инвестиционная безопасность может определяться как состояние защищенности экономического субъекта от воздействия разнородных внешних и внутренних рисков и угроз в условиях реализации инвестиционных программ и проектов» [5].

Филатова А.С. отмечает, что инвестиционную безопасность «можно охарактеризовать, как способность национальной хозяйственной системы воздействовать на инвестиционный процесс, который может оказывать влияние на стратегическую конкурентоспособность экономики и устойчивый рост» [6].

Грунин О.А. считает, что «сущность инвестиционной безопасности заключается в том, что создается единый механизм, который, с одной стороны, постоянно привлекает деньги, а с другой — обеспечивает постоянный отбор, подготовку и реализацию новых инвестиционных проектов и минимизацию рисков при их реализации» [7].

Захватова Н.М. рассматривает инвестиционную безопасность как «подсистему экономической безопасности, обеспечивающую предотвращение угроз и возможность эффективного вложения инвестиций в целях стабильного развития экономики регионов» [8].

Таким образом, можно заключить, что инвестиционная безопасность является важнейшей составной частью общей экономической безопасности любого государства. Стабильное и поступательное развитие экономики невозможно без положительной динамики как внутренних, так и иностранных инвестиций.

Инвестиционная безопасность может рассматриваться на трех уровнях: макроэкономический, мезоуровень и микроэкономический уровень.

Мезоуровень отражает ситуацию на уровне отдельных экономических отраслей и регионов. Лишь единичные научные работы посвящены изучению инвестиционной безопасности на уровне отдельной отрасли.

Инвестиционная безопасность сельского хозяйства является одним из важнейших элементов формирования не только экономической безопасности в целом, но и отдельных ее элементов, в частности формирования необходимого уровня продовольственной безопасности [9].

Важнейшим вопросом в исследовании инвестиционной безопасности любой отрасли, в том числе сельского хозяйства, является ее всесторонняя и объективная оценка с целью выявления тенденции формирования инвестиционной безопасности, положительных и негативных факторов, а также выявления направлений ее оптимального обеспечения на перспективные периоды.

Специфика каждой отрасли народного хозяйства определяет количество видов и уровень показателей оценки инвестиционной безопасности изучаемой отрасли [10, 11, 12, 13].

Сельское хозяйство является одной из ведущих отраслей экономики Кировской области со специализацией — молочное скотоводство.

По результатам рейтинга инвестиционного климата Кировская область относится к группе регионов с пониженным инвестиционным потенциалом и умеренным риском. Начиная с 2011 года средневзвешенный индекс риска для Кировской области имеет тенденцию к снижению и по результатам 2019 года составил 0,248 (см. рисунок).

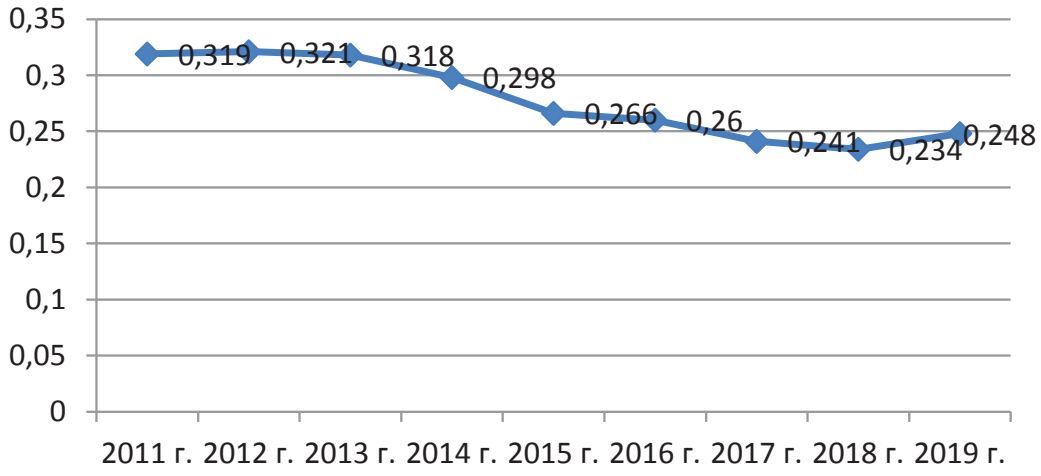

Рисунок. Средневзвешенный индекс риска для Кировской области (по результатам рейтинга инвестиционной привлекательности регионов рейтингового агентства Эксперт РА).

При определении базовых показателей оценки инвестиционной безопасности необходимо учитывать тот факт, что на данный момент существуют различные подходы к оценке, но большинство подходов определяют показатели, отражающие полученный результат от инвестирования в ту или иную отрасли. Такой подход, безусловно, дает определенное пересечение категорий «инвестиционная безопасность» и «инвестиционная активность». На наш взгляд, показатели инвестиционной активности неразрывно связаны с оценкой уровня инвестиционной безопасности и по большей части определяют тот уровень инвестиционной безопасности отрасли, который существует в данный момент. Тем не менее необходимо при выборе базовых показателей обратить внимание и на то, что инвестиционная безопасность отрасли отражает уровень защищенности инвесторов со стороны органов государственной власти, в том числе на региональном уровне. В связи с этим необходимо рассматривать как количественные, так и качественные показатели. По ряду вопросов государственной поддержки, особенно с точки зрения ее влияния на уровень инвестиционной безопасности, существуют определенные проблемы по проведению точной оценки, так как отсутствует необходимая для этого аналитическая информация.

Тем не менее с точки зрения качественного подхода необходимо отметить, что на уровне Кировской области в рамках государственной программы Кировской области «Развитие агропромышленного комплекса» на 2013–2025 годы имеется подпрограмма «Стимулирование инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе» на 2018–2025 годы. В рамках данной подпрограммы оказывается различная помощь по привлечению инвестиций в агропромышленный комплекс региона, в частности возмещение части прямых понесенных затрат на создание и модернизацию объектов АПК, возмещение части процентной ставки по привлеченным кредитам и займам и ряд других мер. Безусловно данные меры призваны в том числе и повышать уровень инвестиционной безопасности сельского хозяйства региона. С точки зрения количественной оценки возможно сравнение уровня вложенных государственных инвестиций с полу-

ченным эффектом, то есть с приростом стоимости сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, предлагаем комплекс показателей оценки инвестиционной безопасности в сельском хозяйстве Кировской области, которые отражают и степень защищенности со стороны органов государственной власти, оказывающих инвестиционную поддержку и финансовые ресурсы, а также отражают и результативность инвестиционных действий со стороны всех участников инвестиционного процесса в региональном сельском хозяйстве (см. таблицу).

Таблица. Базовые показатели (индикаторы) оценки инвестиционной безопасности в сельском хозяйстве Кировской области

Показатели	**2017 г.**	**2018 г.**	**2019 г.**	**2020 г.**
Инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве на душу населения, тыс. руб.	4,02	5,1	6,3	6,7
Доля инвестиций в сельское хозяйство в стоимости продукции сельского хозяйства	0,13	0,16	0,18	0,19
Отношение темпа роста инвестиций в сельское хозяйство к темпу роста ВВП	1,28	1,2	1,14	1,05
Стоимость продукции сельского хозяйства в расчете на 1 рубль инвестиций (из всех источников), руб.	7,6	6,32	5,54	5,3
Стоимость продукции сельского хозяйства в расчете на 1 рубль государственных (бюджетных) инвестиций, руб.	21,8	21,1	19,5	18,9

Инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве на душу населения рассматриваются как один из показателей оценки уровня обеспечения инвестиционной безопасности в связи с тем, что уровень инвестиционной безопасности напрямую связан с уровнем продовольственной безопасности как с одним из базовых индикаторов уровня жизни населения. Данный показатель возрастает в течение изучаемого периода, но данный факт обусловлен и снижением численности населения Кировской области (1250,1 тыс. человек в 2020 году против 1287,5 тыс. человек в 2017 году, снижение составило 3%). Тем не менее с позиции обеспечения продовольственной безопасности населения Кировской области данный рост показателя является весьма неплохим отражением улучшения ее уровня.

Доля инвестиций в сельское хозяйство в стоимости продукции сельского хозяйства региона показывает стабильный рост, что является фактором, свидетельствующим о наращивании уровня инвестиционной безопасности изучаемой отрасли. Авторы, изучающие проблемы оценки инвестиционной безопасности различных отраслей, выделяют данный показатель наравне с показателем отношения темпов роста инвестиций по отношению к темпу роста стоимости продукции как наиболее важные индикаторы, свидетельствующие об уровне инвестиционной безопасности

сектора экономики. Но необходимо заметить, что при расчете данных показателей, как правило, предлагают опираться на уровень ВВП по стране, тогда как, на наш взгляд, данные показатели наиболее целесообразно оценивать через показатель стоимости продукции в конкретном секторе экономики.

Отношение темпа роста инвестиций в сектор экономики по отношению к темпу роста стоимости продукции в отрасли позволяет оценить заинтересованность государства в развитии конкретного сектора экономики. Данный индикатор имеет пороговое значение, равное 0. Значение, которое больше 0, свидетельствует об экономическом росте в данном секторе. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в сельском хозяйстве наблюдается экономический рост, но необходимо отметить и тот факт, что данный показатель имеет тенденцию к сокращению за последние четыре года.

Стоимость продукции сельского хозяйства в расчете на 1 рубль инвестиций отражает в том числе и уровень защищенности со стороны органов государственной власти тех инвестиционных вложений, которые направляются в сельское хозяйство. Данный показатель позволяет увидеть его постоянное снижение в течение рассматриваемого периода, что может свидетельствовать о снижении уровня инвестиционной безопасности сельского хозяйства и отражать те проблемы, которые связаны с освоением направленных инвестиционных вложений.

Около 30% инвестиций, направленных в сельское хозяйство, составляют государственные (бюджетные) инвестиции. Важным показателем, отражающим уровень инвестиционной безопасности сельского хозяйства, является отношение стоимости сельскохозяйственной продукции по отношению к вложенным государственным инвестициям. Динамика данного показателя является отрицательной, то есть также можно говорить о снижении уровня инвестиционной безопасности сельского хозяйства Кировской области.

Также важнейшим показателем инвестиционной безопасности отрасли является уровень инновационной активности отраслей, так как инновационный процесс, как правило, невозможен без инвестиций [14, 15]. Важным вопросом является и уровень инвестиционных вложений в инновации в сельском хозяйстве, в том числе и уровень государственной поддержки, как институциональной, так и финансовой.

К сожалению, статистические данные по оценке уровня инновационной активности в сфере сельского хозяйства на уровне Кировской области в данный момент отсутствуют, ведется подсчет данного показателя только на уровне всех видов экономической деятельности. Тем не менее можно оценить качественные характеристики инновационного процесса в сельском хозяйстве региона, которые говорят об активном внедрении как технических, так и технологических инноваций в организациях сельского хозяйства.

Обсуждение. Анализируя уровень и динамику представленного комплекса показателей инвестиционной безопасности отрасли на примере сельского хозяйства Кировской области, можно сделать вывод о достаточно высоком уровне обеспечения инвестиционной безопасности сельского хозяйства Кировской области. Тем не менее, учитывая ухудшение некоторых показателей, необходимо выделить и ряд проблем:

1. Спад инвестиционной активности, который в 2020 году был обусловлен в том числе и пандемией COVID-19. В ряде отраслей сельского хозяйства замедлился про-

цесс обновления основных фондов, хотя в целом ситуация на региональном уровне в сфере инвестирования в сельское хозяйство, является достаточно стабильной.
2. Низкий уровень инновационной активности. Несмотря на рост числа предприятий, использующих различные инновационные подходы, общий уровень инновационной активности в целом по экономике остается достаточно низким и требует дальнейшего роста.
3. Существенно более высокие сроки окупаемости инвестиционных вложений, что вызвано особенностями самой отрасли. Данный вопрос обусловлен естественными факторами, тем не менее может быть откорректирован путем создания более оптимальных условий для инвесторов.
4. Несоответствие роста государственной поддержки сельского хозяйства с приростом результативного показателя в виде роста стоимости продукции и ряда натуральных показателей. Данная проблема обусловлена в том числе и теми особенностями, которыми обладает сельское хозяйство как отрасль экономики.

С учетом выявленных проблем остро стоит задача по формированию программы обеспечения инвестиционной безопасности сельского хозяйства, которая должна формироваться как с учетом специфики самой отрасли, так и с учетом проблем экономического развития страны в целом.

Выводы. Проведенный анализ уровня инвестиционной безопасности сельского хозяйства на уровне региона в рамках исследования Кировской области показал, что ряд основных (базовых) индикаторов имеют положительную тенденцию, некоторые показатели имеют отрицательную динамику.

Оценка инвестиционной безопасности сельского хозяйства имеет стратегическое значение с позиции обеспечения необходимого уровня продовольственной безопасности, что делает необходимым проведение дальнейших исследований, в первую очередь с точки зрения формирования программы обеспечения необходимого уровня инвестиционной безопасности сельского хозяйства как на уровне отдельных регионов, так и на уровне страны в целом. Также необходима и дальнейшая проработка ряда теоретических положений по формированию методики оценки инвестиционной безопасности на отраслевом уровне.

Библиографический список

1. *Гонова О.В., Малыгин А.А., Тарасова Ю.Н. Системный подход к исследованию экономической безопасности и устойчивости регионального развития // Актуальные проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса: материалы межрегиональной научно-практической конференции. — Иваново: Ивановская ГСХА, 2014. — С. 107–112.*
2. *Зайцев С.В., Надеина И.А. Инвестиции как элемент оценки экономической безопасности в сфере здравоохранения // Финансы и кредит. 2018. № 4. С. 798–816.*
3. *Никонова Н.В. Диагностика банкротства как основа экономической безопасности государства // Качество управленческих кадров и экономическая безопасность организации. Тринадцатые ходыревские чтения: сборник материалов национальной научно-практической конференции. — Курск: Курский государственный университет, 2019. — С. 356–358.*
4. *Бессарабов В.О. К вопросу о составляющих экономической безопасности предпринимательской деятельности в условиях цифровизации экономики // Цифровая экономика и управление знаниями: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. — Киров, 2020. — С. 7–9.*

5. *Каранина Е.В. Концептуальный подход к оценке инвестиционной безопасности экономических субъектов в рамках регионально-отраслевых систем // Инновационное развитие экономики. 2017. № 6. С. 374–383.*
6. *Филатова А.С. Инвестиционная безопасность РФ в современных условиях // Молодой ученый. 2015. № 1 (81). С. 304–307.*
7. *Грунин О.А. Экономическая безопасность организаци. — СПб. и др.: Питер, 2002. —160 с.*
8. *Захватова Н.М. Инвестиционная безопасность как составляющая системы экономической безопасности региона: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономически наук; Институт экономики Московской академии экономики и права. — Москва, 2010. — 24 с.*
9. *Наговицына Э.В., Давыдова Ю.В. Балльная методика оценки состояния продовольственной безопасности Кировской // Фундаментальные исследования. 2015. № 12-6. С. 1258–1262.*
10. *Жукова Ю.С., Юрлова Н.С. Оценка инвестиционной деятельности предприятий в агропромышленном комплексе: монография. — Киров: Вятская ГСХА, 2017. — 100 с.*
11. *Жукова Ю.С., Юрлова Н.С. Влияние уровня специализации на эффективность инвестиционной деятельности сельскохозяйственных предприятий (на примере Кировской области // Современный ученый. 2017. № 4. С. 352–355.*
12. *Плотникова С.Н., Козлова Л.А. Оценка и повышение инвестиционной привлекательности предприятий // Экономика и предпринимательство. 2015. № 1. С. 864–868.*
13. *Шиврина Т.Б., Давыдова Ю.В. Повышение эффективности аграрного производства на примере Кировской области: монография. — Киров: Вятская ГСХА, 2016. — 98 с.*
14. *Ваганов В.Э., Козлова Л.А. Роль инноваций в развитии АПК в России // Развитие аграрного сектора экономики России в условиях санкций: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Киров, 2016. — С. 17–20.*
15. *Ларинина Т.И., Жукова Ю.С. Организационное обеспечение трансфера инноваций в сельском хозяйстве // Вектор экономики. 2020. № 9. с. 14*

References

1. *Gonova O.V., Malygin A.A., Tarasova Ju.N. Sistemnyj podhod k issledovaniju jekonomicheskoj bezopasnosti i ustojchivosti regional'nogo razvitija // Aktual'nye problemy i perspektivy razvitija agropromyshlennogo kompleksa: materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. — Ivanovo: Ivanovskaja GSHA, 2014. — S. 107–112.*
2. *Zajcev S.V., Nadeina I.A. Investicii kak jelement ocenki jekonomicheskoj bezopasnosti v sfere zdravoohranenija // Finansy i kredit. 2018. № 4. S. 798–816.*
3. *Nikonova N.V. Diagnostika bankrotstva kak osnova jekonomicheskoj bezopasnosti gosudarstva // Kachestvo upravlencheskih kadrov i jekonomicheskaja bezopasnost' organizacii. Trinadcatye hodyrevskie chtenija: sbornik materialov nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. — Kursk: Kurskij gosudarstvennyj universitet, 2019. — S. 356–358.*
4. *Bessarabov V.O. K voprosu o sostavljajushhih jekonomicheskoj bezopasnosti predprinimatel'skoj dejatel'nosti v uslovijah cifrovizacii jekonomiki // Cifrovaja jekonomika i upravlenie znanijami: problemy i perspektivy razvitija: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. — Kirov, 2020. — S. 7–9.*
5. *Karanina E.V. Konceptual'nyj podhod k ocenke investicionnoj bezopasnosti jekonomicheskih sub#ektov v ramkah regional'no-otraslevyh sistem // Innovacionnoe razvitie jekonomiki. 2017. № 6. S. 374–383.*
6. *Filatova A.S. Investicionnaja bezopasnost' RF v sovremennyh uslovijah // Molodoj uchenyj. 2015. № 1 (81). S. 304–307.*

7. *Grunin O.A. Jekonomicheskaja bezopasnost' organizaci. — SPb. i dr.: Piter, 2002. — 160 s.*
8. *Zahvatova N.M. Investicionnaja bezopasnost' kak sostavljajushhaja sistemy jekonomicheskoj bezopasnosti regiona: special'nost' 08.00.05 «Jekonomika i upravlenie narodnym hozjajstvom»: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata jekonomicheski nauk; Institut jekonomiki Moskovskoj akademii jekonomiki i prava. — Moskva, 2010. — 24 s.*
9. *Nagovicyna Je.V., Davydova Ju.V. Ball'naja metodika ocenki sostojanija prodovol'stvennoj bezopasnosti Kirovskoj // Fundamental'nye issledovanija. 2015. № 12-6. S. 1258–1262.*
10. *Zhukova Ju.S., Jurlova N.S. Ocenka investicionnoj dejatel'nosti predprijatij v agropromyshlennom komplekse: monografija. — Kirov: Vjatskaja GSHA, 2017. — 100 s.*
11. *Zhukova Ju.S., Jurlova N.S. Vlijanie urovnja specializacii na jeffektivnost' investicionnoj dejatel'nosti sel'skohozjajstvennyh predprijatij (na primere Kirovskoj oblasti // Sovremennyj uchenyj. 2017. № 4. S. 352–355.*
12. *Plotnikova S.N., Kozlova L.A. Ocenka i povyshenie investicionnoj privlekatel'nosti predprijatij // Jekonomika i predprinimatel'stvo. 2015. № 1. S. 864–868.*
13. *Shivrina T.B., Davydova Ju.V. Povyshenie jeffektivnosti agrarnogo proizvodstva na primere Kirovskoj oblasti: monografija. — Kirov: Vjatskaja GSHA, 2016. — 98 s.*
14. *Vaganov V.Je., Kozlova L.A. Rol' innovacij v razvitii APK v Rossii // Razvitie agrarnogo sektora jekonomiki Rossii v uslovijah sankcij: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. — Kirov, 2016. — S. 17–20.*
15. *Larinina T.I., Zhukova Ju.S. Organizacionnoe obespechenie transfera innovacij v sel'skom hozjajstve // Vektor jekonomiki. 2020. № 9. c. 14.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Вятский государственный агротехнологический университет»
610017, Киров, Октябрьский проспект, 133.
Vyatka State Agrotechnological University
133, Oktyabrsky Prospekt, Kirov, 610017, Russia.
Жукова Юлия Сергеевна / Yulia S. Zhukova
zhukova0879@yandex.ru
Шиврина Татьяна Борисовна / Tatyana B. Shivrina
shivrina.t@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

KNOWLEDGE MANAGEMENT IN THE TOURISM AND HOSPITALITY INDUSTRY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF TOURIST TERRITORIES

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-372-379

ГРИНЕНКО Светлана Викторовна
Заведующая кафедрой управления и технологий в туризме и рекреации, ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», д.э.н., профессор

Svetlana V. GRINENKO
Head of the Department of Management and Technologies in Tourism and Recreation, Sochi State University, Doctor of Economics, Professor

РОМАНОВ Максим Сергеевич
Руководитель программы Vatel, доцент кафедры административного управления, бухгалтерского учета и аудита, ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

Maxim S. ROMANOV
Vatel Program Manager, Associate Professor of the Department of Administrative Management, Accounting and Auditing, Sochi State University

Аннотация

В статье представлены подходы к определению и классификации знаний в индустрии туризма и гостеприимства с позиций различных групп стейкхолдеров с целью формирования алгоритма управления знаниями и создания адекватных потребностям туристских территорий систем знаний в контексте развития сферы туризма. Систем-

ный подход к формированию и функционированию систем знаний позволит обеспечить решения сопряженных задач устойчивого развития туризма, экономического роста предприятий бизнес-сообщества, роста привлекательности туристских территорий в соответствии с императивами развития внутреннего и въездного туризма.

Abstract The article presents approaches to the definition and classification of knowledge in the tourism and hospitality industry from the standpoint of various groups of stakeholders in order to form a knowledge management algorithm and create knowledge systems adequate to the needs of tourist territories in the context of tourism development. A systematic approach to the formation and functioning of knowledge systems will provide solutions to the associated problems of sustainable tourism development, economic growth of businesses in the business community, and an increase in the attractiveness of tourist areas in accordance with the imperatives for the development of domestic and inbound tourism.

Ключевые слова Знания, система, управление, туризм, гостеприимство, туристская дестинация.

Keywords Knowledge, system, management, tourism, hospitality, tourist destination.

Важнейшим ресурсом развития социально-экономических систем в условиях перехода к информационной экономике, экономике знаний являются знания, определяющие эффективность реализации поставленных целей и запланированных показателей развития [3]. Знания стали решающим фактором обеспечения экономического роста, производства товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью, что служит основой развития экономических систем [1].

По словам Г.Б. Клейнера, «…экономика знаний — это не просто экономика, в которой знания используются как мощный фактор производства (этот фактор действует и сейчас, действовал и раньше). Новым для экономики знаний является то, что знания выступают как основной продукт производства» [4]. Особенно важен и применим этот императив для индустрии туризма и гостеприимства, поскольку данная сфера производит знания о дестинации, о культуре, об использовании природных ресурсов и т.п. Знания являются основополагающим элементом в процессе управления, выступают в качестве ресурса, обеспечивающего стратегию инновационного развития для территориальных систем различного уровня — в том числе для туристских дестинаций, что обусловило актуальность исследования, направленного на формирование подходов к управлению знаниями в индустрии туризма и гостеприимства с учетом их специфики.

Начало исследованиям в сфере управления знаниями, продолжающимся до настоящего времени, положил Карл Виг в выступлении на конференции в Швейцарии перед Международной Трудовой организацией ООН в 1986 году [5], который впервые использовал термин «knowledge management» и определил данный вид деятельности как «систематическое формирование, обновление и применение знаний с целью максимизации эффективности предприятий». Категория «Управление знаниями» впервые появилась в 1999 году и использовалась как руководство и методика для оптимального использования интеллектуального потенциала работ-

ников компаний. Знания были признаны экономической категорией, и спустя короткое время появились информационные технологии для работы с ними [6]. Именно такой подход используем при классификации знаний в сфере туризма, дополнив его концептуальной моделью ASHEN (Артефакты — Artefacts, Навыки и умения — Skills, Эвристика — Heuristics, Опыт — Experience, Врожденный талант — Natural Talent), которая фокусируется на том, что точки раскрытия знаний [2] — это любые события или действия, которые раскрывают знания посредством использования: определения (идентификации знаний), решения проблемных ситуаций, поиск и выработка решения проблемы, выработка определенного мнения, суждения, формирование особого мышления, трансфер, обмен, обучение новым знаниям.

В контексте основополагающих задач управления знаниями представим классификацию знаний в туризме (рис. 1) в соответствии с группами (типами) стейкхолдеров индустрии туризма и гостеприимства, основываясь на постулате, что знания — это сплав контекстной информации, опыта, правил и ценностей.

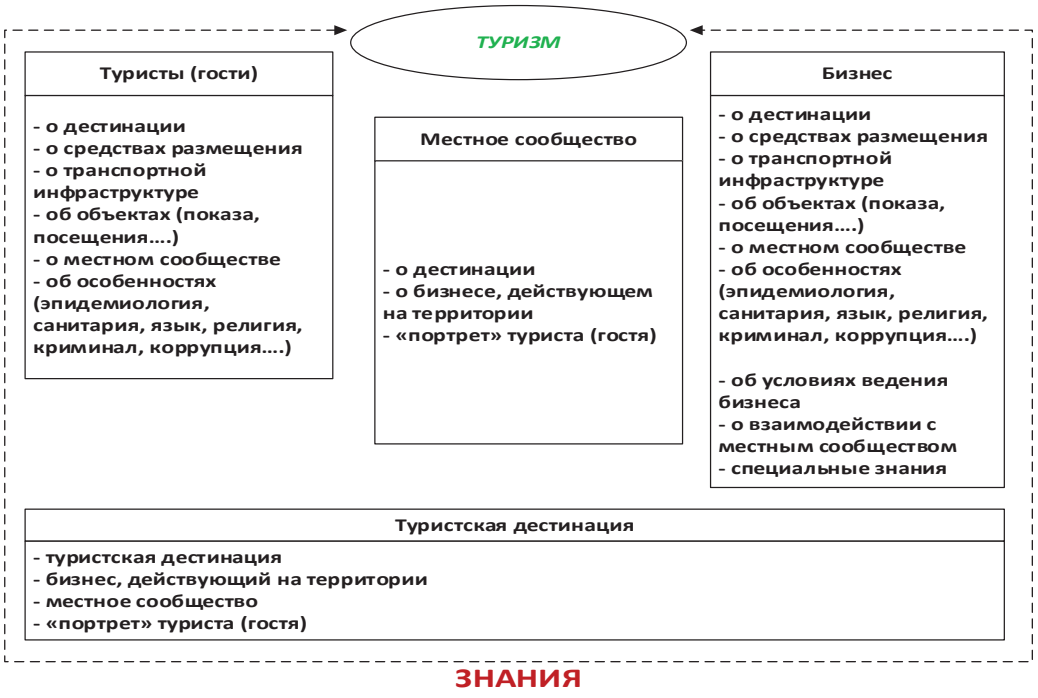

Рисунок 1. Группировка знаний в туризме.

Первая группа знаний имманентна туристской дестинации — знания о природных, культурных и исторических ресурсах дестинации, о бизнес-сообществе рекреационной территории, о менталитете, религии, языке и т.д., присущих местному населению, представление «портрета» туриста, который возможно сформировать в связи с имеющимися ресурсами для рекреации и туризма.

Выделяя вторую группу, следует отличать ее систему знаний от первой интересами стейкхолдеров — если туристская дестинация как субъект и объект управления заинтересована в создании системы знаний, влияющей на привлекательность территории, ее конкурентоспособность на туристском рынке, привлекательности для инвесторов, то местное сообщество заинтересовано в системе знаний в целях сохранения своей идентичности, традиций, реализации этно- и национальных

интересов. Экономические интересы и соответствующие им знания проявляются для местного населения, являющегося субъектами бизнес-сообщества.

Третья группа — бизнес-сообщество — система знаний и подходы к управлению знаниями для данного типа стейкхолдеров в большей степени описаны в литературе как подходы к формированию информационных систем предприятия, но в индустрии туризма и гостеприимства следует отметить специфику и разноплановость знаний, которые составляют информационную платформу деятельности туристских предприятий, средств размещения, экскурсионных агентств и т.д.

И, наконец, следует выделить четвертую группу знаний — относящуюся к туристам — потребителям туристской услуги, гостям туристской дестинации. Следует отметить, что в современных условиях, когда гости туристской дестинации активно размещают/используют информацию в открытом доступе, могут стать активными участниками процесса формирования туристского продукта, пишут тексты (не только отзывы), используемая информация становится знанием. Полезным не только самим туристам, но и местному сообществу — для формирования имиджа территории, создания бренда, бизнес-сообществу — для повышений конкурентоспособности и привлекательности туристского продукта, туристской дестинации — для увеличения туристского потока, развития ресурсной базы и т.п.

Знания, формируемые предприятиями индустрии туризма и гостеприимства, включают в себя специальные, сопутствующие и другие виды знаний, представленные на рис. 2. Формирование и накопление таких систем знаний является коммерческой тайной предприятия, т.к. определяют его позицию на рынке туристских услуг.

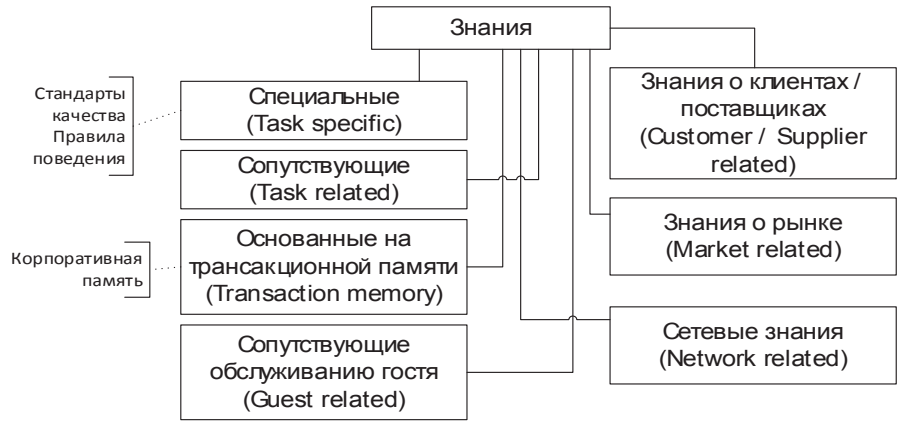

Рисунок 2. Виды знаний предприятия в индустрии туризма и гостеприимства.

Специфика знаний в индустрии туризма и гостеприимства проявляется также в их формировании не только для определенных объектов/субъектов, но и в процессе осуществления туристской деятельности. Ярким примером этого служит событийный туризм, когда в процессе подготовки и проведения мероприятий идентифицируются и создаются новые знания, а также формируются системы знаний об определенных видах деятельности (мероприятиях, видах туризма и т.д.).

Особенно наглядно это проявляется в процессе осуществления событий национального или мирового уровня — Олимпиады, Международных спортивных мероприятий, международных деловых событий. Постолимпийское наследие, бесспорно оказывающее влияние на устойчивое развитие территорий, включает в себя нематериальное наследие, элементом которого являются создаваемые системы знаний.

Виды знаний, формируемых в процессе подготовки и проведения знаковых событий, включают в себя:

- во-первых, новую информацию о дестинации проведения мероприятия, о культурных, исторических, рекреационных ресурсах территории, о населении, бизнесе и т.д. Формирование на основе полученной информации системы знаний позволяет в дальнейшем осуществлять трансфер знаний о туристской территории, необходимый для повышения ее привлекательности и конкурентности на рынке сферы туризма, улучшения ее имиджа, развития бренда;
- во-вторых, формирование новых технологий — в зависимости от уровня мероприятия — это могут быть технологии управления, организации, строительства, оказания услуг, экологии, природопользования и др., что также является новым знанием, которое может накапливаться, сохраняться и использоваться как в сфере туризма, так и в других отраслях деятельности, поскольку туризм — это многоотраслевой комплекс, включающий множество сопряженных видов деятельности;
- в-третьих, это формирование обучающих, образовательных программ для участников событий — формирование знаний, способствующих наращиванию человеческого капитала, создание образовательных систем, которые могут стать платформой подготовки специалистов высокого, а иногда уникального уровня, а также основы трансфера знаний;
- в-четвертых, формирование особых технологий, сопровождаемых особыми знаниями — в частности системы волонтерства, знаний о видах, способах, возможностях организации волонтерской деятельности.

Таблица 1. Базы знаний в индустрии туризма и гостеприимства

	Базы знаний в туризме
Системы бронирования туров	SABRE (Американские авиалинии), APOLLO (Объединенные авиалинии), SYSTEM ONE (Восточные авиалинии), WORLDSPAN (слияние систем DATAS и TWA PARS), Svyaznoy.travel — все, что нужно для организации путешествия и др.
Системы бронирования отелей	HotelsCombined.com — международная система поиска отелей, Booking.com, Hotels.com — сервисы онлайн-бронирования отелей, Trivago.ru — система сравнения цен на гостиницы и др.
Системы бронирования билетов	Skyscanner.ru, aviasales.ru, ozon.travel, и др.
Сайты отзывов Рейтинги	Tripadvisor.ru — один из лучших сайтов о путешествиях, tophotels.ru — рейтинг отелей и гостиниц мира, turpravda.ru и др.
Базы данных (знаний) организаций	базы данных туристских организаций, средств размещения, страховых компаний и др.
Знания на уровне дестинаций	Travel.ru — отечественный ресурс, посвященный туризму ■ https://www.kurort26.ru/region/ ■ visityaroslavia.ru — Ярославия ■ и др.

Безусловно, следует выделить базы данных и базы знаний, существующие в индустрии туризма и гостеприимства с учетом их формирования и совершенствования в процессе цифровой трансформации сферы (табл. 1). В таблице представлены группы таких баз данных и баз знаний, сгруппированные по видам (отдельным этапам) туристской деятельности — системы бронирования туров, системы бронирования отелей, системы бронирования билетов, сайты отзывов, сайты рейтингов объектов и субъектов туризма и гостеприимства, базы данных (знаний) предприятий, системы знаний на уровне дестинаций.

При этом необходимо сформировать систему критериев оценки эффектов от использования знаний, которые проявляются в устойчивости развития предприятий бизнес-сообщества, качестве, уровне проведения мероприятий (событий), продвижении территории, развитии туристской дестинации, устойчивости в кризис (табл. 2), но при этом будут различными для различных групп стейкхолдеров.

Таблица 2. Критерии эффективности управления знаниями в индустрии туризма и гостеприимства.

	Критерии эффективности			
	Туристская дестинация	**Местное сообщество**	**Бизнес-сообщество**	**Туристы (гости)**
Устойчивость развития предприятий бизнес-сообщества	■ Социально-экономическое развитие ■ Экономический рост ■ Привлекательность туристской территории (качество услуг, сервис)	Социально-экономическое развитие	■ Экономический рост ■ Привлекательность туристской территории (качество услуг, сервис) ■ Квалифицированный персонал	■ Социально-экономическое развитие ■ Привлекательность туристской территории (качество услуг, сервис) ■ Развитие бренда территории
Качество, уровень проведения мероприятий (событий)	■ Привлекательность туристской территории (качество услуг, сервис) ■ Формирование имиджа туристской дестинации ■ Развитие бренда территории	■ Формирование имиджа туристской дестинации ■ Поддержка территориальных органов власти ■ Формирование новых знаний ■ Наращивание человеческого и интеллектуального капитала	■ Экономический рост ■ Привлекательность туристской территории (качество услуг, сервис) ■ Квалифицированный персонал ■ Формирование новых знаний ■ Наращивание человеческого и интеллектуального капитала	

	Критерии эффективности			
	Туристская дестинация	**Местное сообщество**	**Бизнес-сообщество**	**Туристы (гости)**
Развитие туристской дестинации	■ Привлекательность туристской территории (качество услуг, сервис) ■ Формирование имиджа туристской дестинации ■ Развитие бренда территории ■ Поддержка территориальных органов власти		■ Экономический рост ■ Квалифицированный персонал ■ Формирование новых знаний ■ Наращивание человеческого и интеллектуального капитала ■ Поддержка ресурсной составляющей сферы туризма	
Устойчивость в кризис	■ Социально-экономическое развитие ■ Привлекательность туристской территории (качество услуг, сервис) ■ Поддержка территориальных органов власти		■ Социально-экономическое развитие ■ Поддержка территориальных органов власти	

Заключая вышесказанное, следует выделить императивы современного развития многоотраслевого комплекса — индустрии туризма и гостеприимства:

■ экономика знаний — платформа устойчивого развития индустрии туризма и гостеприимства, поскольку позволяет сформировать систему знаний, соответствующую потребностям различных стейкхолдеров, что позволит достичь устойчивого развития как туристских дестинаций, так и местного и бизнес-сообщества в индустрии туризма и гостеприимства;

■ индустрия туризма — это отрасль, основанная на знаниях — специфика сферы туризма заключается в том, что недостаточно и невозможно формировать системы управления знаниями для отдельных предприятий/организаций, должны быть созданы системы управлений знаниями территориальные, позволяющие принимать эффективные управленческие решения органам территориального управления и местному сообществу;

■ интенсивность знаний в туристических процессах — это растущее значение доверия в отношениях между действующими элементами, поскольку информация в сфере туризма транспарентна и может использоваться всеми стейкхолдерами;

■ доверие как часть неявных знаний людей и организаций является ключевой компетенцией в этой отрасли — это связано и вытекает из предыдущего утверждения;

■ в индустрии путешествий и гостеприимства больше изменений, связанных с интернетом, чем в любой другой отрасли;

■ специфика индустрии туризма и гостеприимства заключается в том, что система знаний в сфере туризма формируется на основе сопряжения информации предприятий/организаций (экономика знаний), информации о туристской дестинации, брендинг территорий — базируется на экономике впечатлений, информация, необходимая туристам (гостям), а также формирование информационного ресурса территории основывается на системе отзывов и историй — нарративная экономика. Кроме того, туристская дестинация является территорией, на которой большинство видов деятельности, соответственно, трудовых ресурсов относятся к творческим, креативным профессиям — креативная экономика.

Библиографический список

1. *Skyrme, D. and Amidon, D. (1997), «The Knowledge Agenda», Journal of Knowledge Management, Vol. 1 No. 1, pp. 27–37. https://doi.org/10.1108/13673279710800709.*
2. *Snowden, David. (2000). «Organic knowledge management». Knowledge Management. 3. 14–17.*
3. *Боровская М.А., Шевченко И.К., Бабикова А.В., Богомолова И.С., Гриненко С.В., и др. Инновационные механизмы стратегического управления развитием социально-экономических систем. — Таганрог, Изд-во ЮФУ, 2012.*
4. *Клейнер Г.Б. Экономика нефти — экономика знаний — экономика мысли: горизонты российской экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. № 7.*
5. *Сухарев М.В. Эволюционное управление социально-экономическими системами. — Петрозаводск: КарНЦ РАН. — 2008. С. 191.*
6. *Черняк Л. Управление знаниями и информационные технологии // «Открытые системы», 2000. № 10.*

References

1. *Skyrme, D. and Amidon, D. (1997), «The Knowledge Agenda», Journal of Knowledge Management, Vol. 1 No. 1, pp. 27–37. https://doi.org/10.1108/13673279710800709.*
2. *Snowden, David. (2000). «Organic knowledge management". Knowledge Management. 3. 14–17.*
3. *Borovskaya M.A., SHevchenko I. K., Babikova A.V., Bogomolova I.S., Grinenko S.V., i dr. Innovacionnye mekhanizmy strategicheskogo upravleniya razvitiem social'no-ekonomicheskih sistem — Taganrog, Izd-vo YUFU, 2012.*
4. *Klejner G.B. Ekonomika nefti — ekonomika znanij — ekonomika mysli: gorizonty rossijskoj ekonomiki // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2015. № 7.*
5. *Suharev M.V. Evolyucionnoe upravlenie social'no-ekonomicheskimi sistemami — Petrozavodsk: KarNC RAN. — 2008. S. 191.*
6. *Chernyak L. Upravlenie znaniyami i informacionnye tekhnologii // «Otkrytye sistemy», 2000. № 10.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»
354000, Краснодарский край, Сочи, ул. Пластунская, 94.
Sochi State University, 94, st. Plastunskaya, 354000, Sochi, Russia.
+7 (862) 264-85-03
Гриненко Светлана Викторовна / Svetlana V. Grinenko
Sveta.grinenko@gmail.com
Романов Максим Сергеевич / Maxim S. Romanov
m.romanov@vatel.com.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА: ОЦЕНКА ФАКТОРОВ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

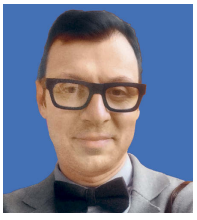
FORMATION OF A REGIONAL COMPETITIVENESS STRATEGY: ASSESSMENT OF FACTORS AND DESIGN OF RESULTS

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-380-388

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович
Ректор Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, д.э.н., профессор

Stanislav G. EREMEEV
Rector of Pushkin Leningrad State University, Doctor of Economics, Professor

БОЛЬШАКОВ Сергей Николаевич
Проректор Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, руководитель Ленинградского областного регионального отделения ВЭО России, д.э.н., профессор

Sergey N. BOLSHAKOV
Vice-Rector of Pushkin Leningrad State University, Head of the Leningrad Regional Branch of the VEO of Russia, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

В статье анализируются проблемы территориальной конкурентоспособности. В статье раскрываются условия формирования конкуренции на региональном уровне. Задачей статьи являлось раскрытие стратегической значимости региональной конкурентоспособности. На примере исследования Ленинградской области авторы анализируют совокупное влияние факторов конкурентоспособности на динамику процессов развития региона. В статье делается вывод, что на основе проведенной региональной диагностики регион формирует свой конкурентный профиль, разрабатывает основу стратегии территориального маркетинга.

Abstract The article analyzes the problems of territorial competitiveness. The article reveals the conditions for the formation of competition at the regional level. The objective of the article was to reveal the strategic importance of regional competitiveness. Using the example of the study of the Leningrad region, the authors analyze the cumulative influence of competitiveness factors on the dynamics of the processes of regional development. The article concludes that on the basis of the regional diagnostics, the region forms its competitive profile, develops the basis of the territorial marketing strategy.

Ключевые слова Территориальная конкуренция, конкурентоспособность региона, региональное управление, экономика региона.

Key words Territorial competition, regional competitiveness, regional management, regional economy.

Все более обсуждаемой проблемой в современных общественных и экономических науках является территориальная конкуренция, выявление факторов и способов ее регулирования.

В условиях либерализации экономической политики, расширения интеграционных связей в условиях глобализации оказывается существенное влияние на конкуренцию регионов, что необходимо учитывать при формировании стратегий развитие регионов.

Конкуренция рассматривается как важный стимулирующий фактор мобилизации внутренних ресурсов объекта управления, выявления сил и стейкхолдеров стимулирующих данный процесс, наличия воли и интеллекта для достижения четко поставленных целей экономического развития.

Активность федерального центра в организации и запуске проектных инициатив, в целях стимулирования социально-экономической динамики говорит о высоком уровне межрегиональной конкуренции, что является фактором, стимулирующим устойчивое развитие городов и регионов.

Майкл Портер, анализируя динамику процесса территориальной конкуренции, констатирует, что концентрация в регионе или в городе хозяйствующих субъектов одной отрасли или кластера способно усилить дух соперничества и повысить конкурентоспособность с аналогичными хозяйствующими субъектами, расположенными в других регионах или городах.

В процессе региональной конкуренции подключается целый ряд стейкхолдеров: это и население, проживающие в регионе и муниципалитетах, хозяйствующие субъекты, особенно инновационно-технологического сектора экономики, инвесторы, торговая инфраструктура, туристы, транспортно-логистические цепочки, учащиеся, маятниковая миграция, приезжающие в регион или город, культурно-исторические ценности региона.

Обостряющаяся межрегиональная конкуренция усиливается в тех условиях, когда объектов конкуренции гораздо больше, чем потребителей или туристов или потоков грузов. Общемировые примеры, в том числе стран Центральной и Северной Европы, показывает активность перемещения населения, грузов,

инвесторов, товарных и материальных потоков. Все меньше становится административных экономических препятствий между странами, регионами, городами, все более возрастает социально-экономическая динамика взаимодействия, соответственно, и конкуренция между странами и регионами.

Следует отметить, что обостряется конкуренция между регионами за инновационные технологические решения, за трудовые ресурсы, за инвестиции — данный комплекс факторов позволяет одним регионом в зависимости от степени активности управленческой команды и наличия потенциала противостоять другим регионам за те или иные ресурсы.

В условиях асимметричной Федерации и сложного многосоставного устройства как Российской Федерации в целом, так и ее федеральных округов можно говорить о конкурентоспособности региона по какому-то одному предмету конкуренции или конкурентоспособности региона в целом, когда совокупность потребителей региона в состоянии обеспечивать устойчивую экономическую и социальную базу существования и развития регионов в целом.

Развитие региональной конкуренции является положительным фактором в силу ряда причин, это регулярное проведение диагностики экономических и социальных процессов с точки зрения оценки существующих возможностей ресурсов и потенциальных целевых групп спроса на эти ресурсы, во-вторых, на основе проведенной региональной диагностики регион в состоянии выстроить свой конкурентный профиль, разработать основу стратегии территориального маркетинга, то есть регион формирует конкурентный профиль, определяет, за какую целевую группу потребителей может в состоянии ребенка конкурировать.

Немаловажным является тот аспект, что стимулирование конкурентных отношений между регионами объективно повышает конкурентоспособность потенциала страны в целом и содействует процессу выравнивания социально-экономического развития регионов.

Порой оказывается очень важным для региональных органов исполнительной власти отказаться не только от бесперспективных проектов или соперничества в тех отраслях и направлениях, где у региона или у территории отсутствует шансы на успех или нет потенциальных выгод по привлечению стейкхолдеров и целевых аудиторий спроса на предлагаемой регионом ресурс.

В этом контексте при формировании региональной маркетинговой стратегии с целью повышения конкурентоспособности потенциала региона важно понимать, что каждый фактор демонстрирует наличие у региона определенных уникальных свойств особо востребованных и целевых целевой аудиторий при решении социальных и экономических вопросов (поселение туристов, уникальность регионального университета, наличие инновационного ресурса или передового технологического решения и т.п.).

Соответствие указанным факторам и условиям конкурентоспособности региона демонстрирует его конкурентоспособность. Цикл повышения конкурентоспособности региона включает в себя не столько стейкхолдеров, сколько оценку факторов конкурентоспособности, выявление требуемых характеристик региональной среды, запуск механизма активизации развития качества региональной среды.

Особое внимание в последнее время уделяется промышленной инновационной и политики с целью повышения конкурентоспособности, не только отдельных

товаров или услуг отраслей товаропроизводителей, но и региона в целом. В этом контексте ведущей задачей для органов государственного управления становится управление ресурсами, которыми располагает территория, стимулирование и активизация бизнеса и инвесторов, способных оказать влияние на содержание и процесс промышленного инновационного развития территории[1].

Региональная конкурентоспособность выявляет преимущественные выгоды региона или территории по отношению к другим субъектам, как минимум не ухудшающих свое положение по отношению к ним[2].

Многие исследователи отмечают динамический подход к оценке влияния конкуренции, поскольку это не просто процесс выявления новых потенциальных возможностей использования уже известных ресурсов региона территории или объекта управления, но и процесс создания новых ресурсов[3]. Потенциально ресурсы конкурентоспособности региона основываются на аккумулировании новых информационных потоков, применении цифровых инновационных технологий создания новых знаний и обмен ими в обществе.

Известно, что конкуренция приобретает различные формы, это: ценовая и неценовая, добросовестная и недобросовестная, товарная и по местоположению, фактическая и потенциальная конкуренции и пр.

Важным фактором конкурентоспособности региона выступает не просто межрегиональная интеграция и кооперация, а формирование межрегиональных межтерриториальных промышленных или инновационных кластеров, система экономических взаимосвязей в бизнесе, межрегиональная и межтерриториальная торговля.

Конкурентоспособность экономики региона вплотную переплетается с процессом его экономического развития, с качеством применяемых административных индикативных методов регулирование социально-экономических процессов.

Проведенные авторами экспертные опросы в Ленинградской области как одном из быстро растущих регионов РФ позволяет зафиксировать активность влияния факторов конкурентоспособности. Исследования факторов конкурентоспособности позволили их сгруппировать по следующим группам: географическое положение региона, население и качество жизни населения региона, социальная сфера, экономика региона. Инновации, науки и технологии, промышленность региона, транспортно-логистический комплекс, туризм и культурно-историческое наследие.

Применение экспертных социологических оценок на основе шкалы Лайкерта (от 0 до 8, где оценка «0» означает низкий уровень влияния фактора на конкурентоспособность региона, и «8» — самый высокий уровень влияния факторов на конкурентоспособность региона) позволило выявить приоритетные позиции экспертов в части оценки конкурентоспособности региона, выбора направлений социального и экономического развития региона.

1 *Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 17*

2 *Орлов Е. Конкурентоспособность региона: объекты, субъекты, возможности использования // Социальные гуманитарные знания. 2017. Т. 3. № 4. С. 334–338.*

3 *Управление конкурентоспособностью региона: от теории к практике / Ю.В. Савельев; Институт экономики КарНЦ РАН. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 2010. С. 516.*

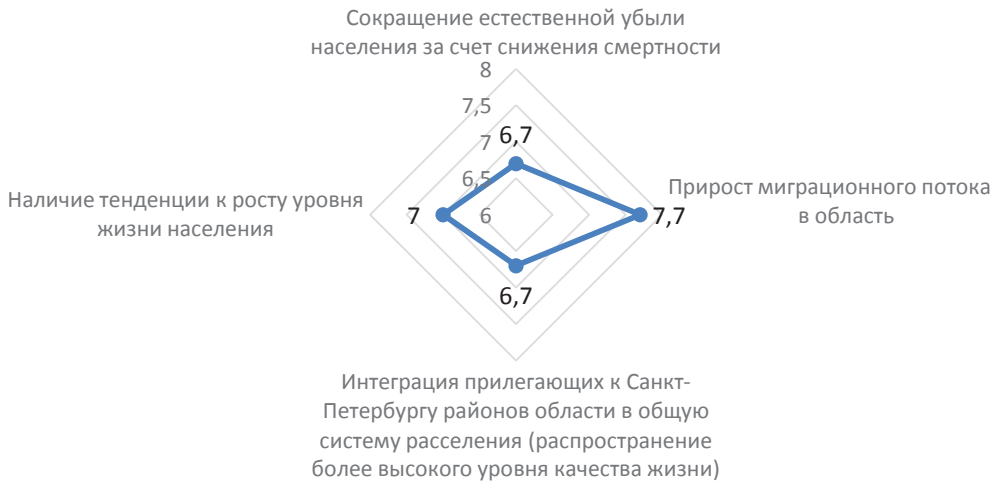

Рисунок 1. Экспертные оценки по группе индикаторов «население и качество жизни», 2021. Ленинградская область.

Результаты экспертных оценок по группе индикаторов «население и качество жизни» позволяют констатировать, что в части влияния на конкурентоспособность Ленинградской области оказывают влияние следующие индикаторы (ранжирование по степени влияния): прирост миграционного потока в область – 7,7 балла, наличие тенденций к росту уровня жизни населения – 7 баллов, индикаторы «интеграция прилегающих к Санкт-Петербургу районов области в общую системе расселения» и «сокращение естественной убыли населения» – по 6,7 балла.

Таким образом, важнейшими факторами конкурентоспособности является миграционный прирост населения, эксперты подчеркнули влияние субурбанизированных зон заселения пригородов Санкт-Петербурга прилегающих территорий к Ленинградской области.

Рисунок 2. Экспертные оценки по группе индикаторов «социальная сфера», 2021. Ленинградская область.

Результаты экспертных оценок по группе индикаторов «социальная сфера» позволяют констатировать, что на конкурентоспособность Ленинградской области оказывают влияние следующие индикаторы: развитие сетей городских и сельских учреждений социальной сферы — 7,4 балла (особенно это важно для городов Сертолово, Мурино и пр.); наличие большое числа успешно реализуемых долгосрочных экономических программ развития отраслей — 7,1 балла; на третьем месте по оценке респондентов расположился индикатор по оценке «уровня качества работы учреждений социальной сферы в сфере сокращения масштабов социальных патологий» — 6,8 балла.

Рисунок 3. Экспертные оценки по группе индикаторов «Экономика», 2021. Ленинградская область.

Результаты экспертных оценок по группе индикаторов «Экономика» позволяют констатировать, что на конкурентоспособность Ленинградской области оказывает влияние следующие индикаторы (ранжирование по степени влияния):

- индикаторы «сырьевая база (бокситы, глина, фосфориты, сланцы, гранит, известняк, песок, горючие сланцы, торф, лес)» и «градостроительный потенциал территорий Ленинградской области» набрали по 7,9 балла;
- индикатор «Наличие в Санкт-Петербурге и доступность для областных предприятий развитой системы финансово-кредитных институтов» — 7,8 балла;
- «в регионе создана экономика с высоким потенциалом развития» — 7,6 балла.

Таким образом, оценивая индикаторы экономики региона эксперты сосредоточили свое внимание на текущем природно-ресурсном и экономическом потенциале

региона, поставив на второй план задачи имплементации инновационного и научно-технологического потенциала соседнего региона Санкт-Петербурга (6,5 балла на 6-е месте по значимости). Проанализируем влияние инноваций и передовых технологий на конкурентоспособность Ленинградской области.

Рисунок 4. Экспертные оценки по группе индикаторов «Наука, инновации, технологии», 2021. Ленинградская область.

Результаты экспертных оценок по группе индикаторов «Экономика» позволяют констатировать, что в значительной степени оказывают влияние на конкурентоспособность Ленинградской области следующие индикаторы (ранжирование по степени влияния): индикатор «Близость к Санкт-Петербургу как важнейшему научно-образовательному центру РФ» — 7,9 балла; «наличие на территории области крупных научных учреждений, а также открытие Северо-Западного наноцентра» — 7,7 балла; «высокий уровень развития информационно-консультативной системы поддержки участников инновационного процесса» — 7,6 балла. Результаты экспертного опроса позволяют констатировать влияние инфраструктурных факторов, передового механизма управления имплементации новейших инновационных практик в бизнес-среду.

Меньшим потенциалом по степени влияния обладают такие индикаторы, как — «открытие новых технопарков и развитие проектов нового строительства» — 6,5 балла, «высокая доля работников с высшим образованием» — 7,2 балла.

Результаты исследования позволяют констатировать, что в значительной степени влияние на неконкурентоспособность Ленинградской области оказывают такие группы факторов, как: географическое положение (1-е место — 7,9 балла), на 2-м месте по степени влияния располагается группа факторов «транспортно- логистический комплекс» (7,75 балла), на 3-м месте с незначительным отрывом, по мнению экспер-

тов, располагается группа факторов «экономика» (7,5 балла), на 4-м месте по степени влияния оказываются факторы группы «Наука, инновации, технологии» (7,38 балла), на 5-м месте «агропромышленный комплекс» региона — 7,3 балла.

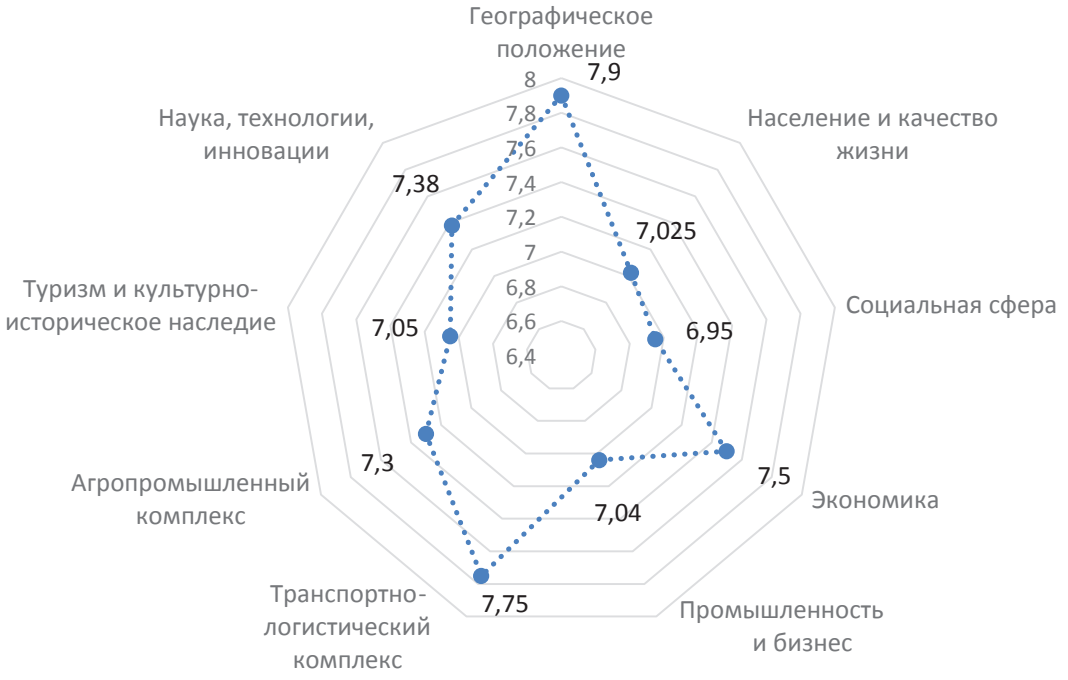

Рисунок 5. Экспертные оценки по совокупности групп индикаторов конкурентоспособности Ленинградской области, 2021.

В заключение хочет отметить, что проецирование факторов конкурентоспособности на текущую экономическую повестку и развитие региона говорит о необходимости анализа совокупного влияния факторов конкурентоспособности региона. Учет факторов конкурентоспособности региона при разработке социально-экономической стратегии развития региона, оценка групп влияния тех или иных факторов позволит не только принимать взвешенные управленческие решения, но и значительно снизить риски недостижения запланированных показателей. Проект стратегии территориального маркетинга позволяет сбалансировать ресурсную оценку факторов развития региона.

Библиографический список

1. *Абдуллаева Т.К., Абдулаев Х.Г. Применение кластерного метода для эффективного управления регионами // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 3 (89). С. 62–72.*
2. *Орлов Е. Конкурентоспособность региона: объекты, субъекты, возможности использования // Социальные гуманитарные знания. 2017. Т. 3. № 4. С. 334–338.*
3. *Сериков С.Г. Специфика пространственно-структурных изменений и эффективность новых инструментов экономического развития российского Дальнего Востока // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 4 (90). С. 36–45.*
4. *Управление конкурентоспособностью региона: от теории к практике / Ю.В. Савельев; Институт экономики КарНЦ РАН. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 516 с.*
5. *Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.*

6. *Чайников В.Н., Митюгина М.М., Кравченко Т.В. Кластерная стратегия управления конкурентоспособстью экономики региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 10 (120). С. 59–65.*
7. *Шаститко А.Е. Конкурентоспособность региона: содержание, факторы, политика // Балтийский регион. Алининград. БФУ им. И. Канта. 2009. № 1 (1). С. 11–31.*

References

1. *Abdullaeva T.K., Abdulaev H.G. Primenenie klasternogo metoda dlja jeffektivnogo upravlenija regionami // Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki. 2018. № 3 (89). S. 62–72.*
2. *Orlov E. Konkurentosposobnost' regiona: obekty, subekty, vozmozhnosti ispol'zovanija // Social'nye gumanitarnye znanija. 2017. T. 3. № 4. S. 334–338.*
3. *Serikov S.G. Specifika prostranstvenno-strukturnyh izmenenij i jeffektivnost' novyh instrumentov jekonomicheskogo razvitija rossijskogo Dal'nego Vostoka // Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki. 2018. № 4 (90). S. 36–45.*
4. *Upravlenie konkurentosposobnost'ju regiona: ot teorii k praktike / Ju.V. Savel'ev; Institut jekonomiki KarNC RAN. — Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2010. 516 s.*
5. *Hajek F. Konkurencija kak procedura otkrytija // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 1989. № 12.*
6. *Chajnikov V.N., Mitjugina M.M., Kravchenko T.V. Klasternaja strategija upravlenija konkurentosponosobst'ju jekonomiki regiona // Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki. 2020. № 10 (120). S. 59–65.*
7. *Shastitko A.E. Konkurentosposobnost' regiona: soderzhanie, faktory, politika // Baltijskij region. Aliningrad. BFU im. I. Kanta. 2009. № 1 (1). S. 11–31.*

Контактная информация / Contact information

ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»
196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
Pushkin Leningrad State University, 10, Petersburg highway
196605, St. Petersburg, Pushkin, Russia.
Еремеев Станислав Германович / Stanislav G. Eremeev
+7 812 466-65-58, Eremeevsg.lengu.ru@gmail.com
Большаков Сергей Николаевич / Sergey N. Bolshakov
snbolshakov@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

THE IMPACT OF THE PROCESSES OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY ON THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-389-396

СМЫСЛОВА Ольга Юрьевна
Профессор кафедры «Менеджмент и общегуманитарные дисциплины» Липецкого филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», д.э.н., доцент

Olga YU. SMYSLOVA
Professor of the Department of "Management and Humanities" of the Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

НЕСТЕРОВА Надежда Николаевна
Доцент кафедры «Учет и информационные технологии в бизнесе» Липецкого филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», кандидат географических наук, доцент

Nadezhda N. NESTEROVA
Associate Professor of the Department of "Accounting and IT in business" of the Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor

Аннотация

В статье обосновывается влияние процессов цифровизации экономики на социально-экономического развитие общества. Предпринята попытка сформировать общее представление о современном состоянии и направлениях экономического развития общества, протекающего под воздействием процессов цифровизации и инновационных преобразований. Делается вывод, что в социальном и экономическом

развитии современного общества прослеживаются три наиболее ярко выраженных тенденции, развивающихся под влиянием цифровой экономики и инновационных преобразований: глобальная трансформация рынка труда, нехватка квалифицированных кадров, востребованных для обеспечения качественного перехода на цифровой путь инновационных преобразований, переход к активной стадии развития экономики знаний.

Abstract The article discloses the impact of processes of digitalization on social and economic development of society. The article seeks to obtain an overview of current state and directions of economic development which is influenced by the processes of digitalization and innovative transformation. It comes to the conclusion that there are three ultimate tendencies in social and economic development of modern society which are affected by digitalization and innovative transformation. They are global transformation of labour market, shortage of qualified human recourses demanded for ensuring the qualitative transition to digitalization and innovations, transition to active stage of development of knowledge economy.

Ключевые слова Развитие общества, цифровая экономика, процессы трансформации, рынок труда, работник «нового типа», экономика знаний.

Keywords Development of society, digital economy, transformation processes, labor market, "new pace" employee, knowledge economy.

Постановка проблемы и цель исследования

Общественное развитие, как сложный организм «сплетения» различных процессов взаимодействия людей, общности и институтов, постоянно подвержен влиянию различных внешних и внутренних факторов, которые меняют его, обеспечивая тем самым динамичное состояние. Ни для кого не секрет, что влияние факторов может проявляться как положительным, так и отрицательным эффектом. При этом факторы также подвержены изменениям, что обуславливает различных характер трансформаций всех взаимосвязанных процессов и получение различных результатов этих изменений. Это не может не вызывать интереса как с научной точки зрения, так и с практической точки зрения в направлении поиска путей решения возникающих проблем в сложившихся реалиях. В этой связи, как нам видится, возникает потребность в изучении тенденций общественного развития, которые складываются под воздействием современных факторов влияния, обусловленных в большей степени информационно-инновационными и цифровыми преобразованиями в экономике. Интерес к данной теме послужил поводом для проведения в Липецком филиале Финансового университета при Правительстве РФ в рамках Московского академического экономического форума 2021 года всероссийской научно-практической конференции на тему «Трансформация общественного развития в современных условиях информационно-инновационной экономики». По результатам прошедшей конференции можно сделать вывод, что проблемы, возникающие в процессе преобразований российской экономики, обуславливают постоянную потребность в разработке действенных инструментов и механизмов адаптации общества и экономики к быстроменяющимся условиям. При этом важно учитывать

результаты этих изменений, проявляющихся не только в явном виде, но и скрытых, имеющих долгосрочные последствия. В связи с этим в данном исследовании будет предпринята попытка сформировать общее представление о современном состоянии и направлениях экономического развития общества, протекающего под воздействием процессов цифровизации и инновационных преобразований, а также определить пути решения возникающих в связи с этим проблем.

Обзор литературы и результаты исследования

С возникновением цифровых технологий и проникновением их в процессы взаимоотношения общества, бизнеса и институтов власти экономика перестала быть прежней и возник новый образ и система экономических отношений, называемая в общем понимании цифровой экономикой. По мнению многих экспертов, современная цифровая экономика выступает своеобразным драйвером социально-экономических преобразований и детерминантой экономического роста инновационного типа. В частности, профессор Янченко Е.В. утверждает, что цифровая экономика «…представляет собой не только глобальный тренд и „маркер" научно-технической революции в средствах производства, базируясь на все глубже проникающих в производственную и непроизводственную сферу информационно-компьютерных, коммуникативных, диджитал-технологиях, но и является необходимым инструментом преодоления технологической отсталости производств, повышения защищенности российской финансовой системы, снижения сырьевой зависимости национальной экономики» [18, с. 849]. В этих условиях общество также подвергается влиянию со стороны цифровых трансформаций, создавая как новые возможности, так и сложности для дальнейшего развития. При этом главный акцент смещается в сторону хозяйственной деятельности, способствующей формированию «информационного пространства… развитию информационной инфраструктуры в России, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы» [13]. Благодаря принимаемым на государственном уровне мерам был достигнут значительный прогресс РФ в области построения информационного общества и электронного правительства. В рамках Государственной программы РФ «Информационное общество» [5] изначально была поставлена цель получения социальных эффектов за счет информационно-технологического развития, а целью Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [12] является рост экономики за счет развития информационных технологий.

Принимая во внимание тот факт, что цифровизация экономики и все, что связано с этим процессом, возникло относительно недавно, в научной литературе уже накоплен достаточно большой объем публикаций, посвященных этим вопросам. Так, в частности, подробное исследование трансформации формы и содержания цифровой экономики представлено в работе Бухта Р., Хикса Р. [1], показавших цифровую экономику как трехуровневую систему — цифровой сектор, цифровую экономику, цифровизированную экономику. Ведущие отечественные ученые Глазьев С.Ю. [3], Гончаренко Л.П. [4], Гретченко А.И. [6] и др. рассматривают цифровую экономику как стратегическую цель инновационных процессов в экономических системах. Вопросам развития информационного общества, его институциональным и инфраструктурным аспектам, взаимосвязанных с осуществлением инновационной деятельности, посвящены труды Днепровской Н.В. [8], Карышева М.Ю. [11] и других

ученых. Ярченко Е.В. [18], Васильева Е.В. [2], Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О. и Гохберг М.Л. [10] описывают влияние цифровой экономики на инновационное развитие человеческого потенциала российского общества. Обобщая эти труды и результаты наших исследований [9, 14, 15, 16, 17], можно прийти к выводу, что в социальном и экономическом развитии современного общества прослеживаются три наиболее ярко выраженных тенденции, развивающихся под влиянием цифровой экономики и инновационных преобразований.

Во-первых, это глобальная трансформация рынка труда. «Цифровизация отраслей экономики приводит не только к изменению структуры занятости в отраслях, связанных с ИТ-технологиями, но и принципиально изменяет спрос на трудовые ресурсы и их предложение в экономике в целом» [7]. Проведенная нами оценка влияния процессов цифровизации на развитие работников, в частности агробизнеса, показала, что в производственно-хозяйственную деятельность как агропредприятий, так и других предприятий отраслей экономики все больше проникают процессы цифровизации и автоматизации. Связано это в большей степени со стремлением бизнеса максимально повысить эффективность производства и снизить потери, что должно привести к повышению конкурентоспособности отечественной продукции на мировых рынках. По мнению экспертов, «…уже в 2024 году более 20% рабочих мест в сельском хозяйстве будут непосредственно связаны с цифровыми технологиями, причем 10% рабочих мест будут оснащены информационными технологиями» [16].

Но как отмечают некоторые эксперты, не все компании используют имеющиеся возможности для внедрения процессов цифровизации в производственную и хозяйственную деятельность. В настоящее время порядка 60% российских компаний производственного сектора еще не перешли на цифровые рельсы. И связано это в первую очередь со сложностями внедрения цифровых технологий, дороговизной обслуживания и, самое главное, нехваткой высококвалифицированных специалистов, способных работать с технологическими и цифровыми нововведениями. В дополнение к вышесказанному приведем некоторые статистические данные: по состоянию на 2019 г. в России только 1,1 предприятий сектора ИКТ приходилось на тысячу человек. В развитых странах число таких предприятий на 1 тысячу человек в среднем равно 2,9, что указывает на отставание нашей страны от мировых показателей в 3 раза. «При этом число занятых в секторе ИКТ от общей численности занятых в экономике в стране составило всего лишь 1,7%, в то время как во Франции в секторе ИКТ работало 2,7% занятых, в Германии — 2,9%, США — 3,1%, Великобритании — 3,5%» [7]. Представленные данные позволяют сделать вывод, что России еще предстоит выйти на лидирующие позиции, при условии, что будут предприняты вне необходимой меры по активизации процессов цифровизации производственно-хозяйственной деятельности предприятий и активному развитию ИКТ компаний.

Однако внедрение цифровых технологий, автоматизация производственных процессов, замена ручного труда робототехникой и т.д. имеют наравне с положительными эффектами и негативные последствия. В первую очередь это высвобождение трудовых ресурсов, функции которых теперь заменены цифровыми технологиями и роботизированной техникой. Так, согласно открытым данным, «десять лет назад в Сбербанке в бэк-офисе работало около 60 тысяч человек, в 2018 году число работников сократилось в 10 раз». По мнению председателя правления Банка Г. Грефа, в ближайшем будущем это число может еще уменьшиться в столько же раз. В целом,

по мнению ученых-экспертов, в ближайшем будущем прогнозируется потеря более 5 миллионов рабочих мест из-за внедрения цифровых технологий и замены ручного труда роботами.

Таким образом, внедрение, поддержка и дальнейшее совершенствование сложных цифровых автоматизированных систем определяет потребность, с одной стороны, в высвобождении работников, занятых простым трудом, с другой стороны, в привлечении высококвалифицированных профессионалов и узких специалистов. А это определяет вторую тенденцию социально-экономического развития современного общества — проблему масштабной нехватки квалифицированных кадров, востребованных для обеспечения качественного перехода на цифровой путь инновационных преобразований.

По мнению некоторых социологов, данная тенденция порождает создание нового типа работника, «который нацелен на творческую практическую деятельность и владеет интеллектуальным капиталом» [7]. Сегодня много говориться о том, что для востребованности на рынке труда специалисту необходимо будет учиться на протяжении всей жизни. При этом направления образовательной подготовки могут быть как из смежных областей, так и различных сфер деятельности человека, не связанных друг с другом. Связано это в первую очередь с тем, что сегодня к специалисту предъявляются особые требования: он должен обладать профессиональным проблемным мышлением, организационными, коммуникативными и другими компетенциями, потребностями личностного профессионального роста. При этом он должен уметь работать в условиях многозадачности, быстро переключаться с одной области деятельности на другую, быть стрессоустойчивым, а также обладать неким набором «мягких» компетенций, способных помочь ему адаптироваться к современным требованиям рынка труда. Для достижения этого и развития бОльших интеллектуальных способностей человека возникает третья тенденция развития общества — это потребность перехода к активной стадии развития экономики знаний.

Под экономикой знаний в целом понимается «высший уровень развития постиндустриальной экономики и инновационной экономики, для которых характерны информационное общество или общество знаний» [19]. Многие крупные компании уверены, что за экономикой знаний будущее, так как это «лучший и единственный способ получить конкурентные преимущества». Компании, стремящиеся на глобальный рынок, заинтересованы в проведении серьезных прикладных научных исследований с целью получения новых знаний, разработки новых технологий, высокоэффективных производств и обеспечения защиты полученных знаний. Однако нельзя подменять понятия «информация» и «знание», так как второе есть результат интеллектуальной деятельности, а информация есть средство получения этого результата. «Знания в экономике знаний — это и результат деятельности, и потребительский продукт, и фактор производства, и продукт, и средство распределения» [19]. Другими словами, знания, можно рассматривать в виде «сырья», «которое с помощью другого знания (фактора производства) перерабатывается в новое знание (продукт) и потом распределяется при помощи третьего вида знаний» [19]. Из этого следует, что умение специалиста «переработать» большой объем информации и выдать новый качественный конкурентоспособный интеллектуальный продукт выступает самой ценной способностью современного работника «нового типа», что положительно скажется на его востребованности на рынке труда.

Вывод

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что социально и экономическое развитие современного российского общества находится в постоянном изменении под воздействием большого количества различных факторов. Все они связаны с глобальными процессами трансформаций экономических отношений на мировом уровне. И от того, насколько быстро и качественно будет происходить адаптация общества к этим изменениям, будет зависеть результативность и эффективность последствий этих трансформаций.

Библиографический список

1. *Бухт Р., Хикс Р. (2018) Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. Т. 13. № 2. С. 143–172 (на русском и английском языках).*
2. *Васильева Е.В. Развитие креативных способностей и компетенций профессионалов цифрового будущего / Е.В. Васильева // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. — 2018. — № 10. — С. 1–10.*
3. *Глазьев С.Ю. О новой парадигме в экономической науке. / С.Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. — 2016. — Ч. 2. — № 4 (75). — С. 10–22.*
4. *Гончаренко Л.П. Цифровизация национальной экономики / Л.П. Гончаренко, С.А. Сыбачин // Вестник университета. — 2019. — № 8. — С. 32.*
5. *Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/ (дата обращения: 01.09.2019).*
6. *Гретченко А.И. Цифровая платформа: новая бизнес-модель в экономике России / А.И. Гретченко, И.В. Горохова // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. — 2019. — № 1. — С. 62–72.*
7. *Дигилина О.Б., Тесленко И.Б. Трансформация рынка в условиях цифровой экономики // Вестник РГГУ: Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. С. 166–179.*
8. *Днепровская Н.В. Исследование перехода предприятия к цифровой экономике / Н.В. Днепровская // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. — 2019. — № 4 (106). — С. 61.*
9. *Здобникова Н.С. Развитие человеческих ресурсов в условиях цифровизации экономики / Здобникова Н.С., Смыслова О.Ю. В сборнике: Актуальные проблемы социальной стратификации и трансформации в современных условиях. 2020. С. 346–349.*
10. *Индикаторы цифровой экономики: 2019: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. — М.: НИУ ВШЭ, 2019. — С. 85.*
11. *Карышев М.Ю. Экономико-статистическое исследование сферы информационно-коммуникационных технологий: монография / М.Ю. Карышев. — Самара: Самарский государственный университет путей сообщения, 2010. — 285 с.*
12. *Паспорт национального проекта «Национальная программа „Цифровая экономика Российской Федерации“» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/ (дата обращения: 01.06.2021).*
13. *Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0. pdf.*

14. *Пучнина А.А. Стратегия управления рисками в современных условиях / А.А. Пучнина, О.Ю. Савенкова, О.И. Юдин, Е.А. Некрасова. В сборнике: Региональная инновационная система: состояние, проблемы, направления формирования. 2013. С. 241–245.*
15. *Смыслова О.Ю. Готовность регионов к новым вызовам промышленной революции / Смыслова О.Ю. // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 48. С. 9–28.*
16. *Смыслова О.Ю. Процессы цифровизации и их влияние на развитие работника «нового типа» для агробизнеса / Смыслова О.Ю., Корякина Т.В., Осипова И.В., Решетникова Е.В. // ФЭС: Финансы. Экономика.. 2020. Т. 17. № 8. С. 43–48.*
17. *Современные тренды общественного развития в условиях цифровизации экономики: коллективная монография под редакцией О.Ю. Смысловой. Воронеж, ООО «РИТМ», 2020. 186 с.*
18. *Янченко Е.В. Влияние цифровой экономики на инновационное развитие человеческого потенциала российского общества: возможности и ограничения // Вопросы инновационной экономики. — 2020. — Том 10. — № 2. — С. 849–866. doi: 10.18334/vinec. 10.2.100896*
19. *Современная экономика знаний: что это такое? [Электронный ресурс] режим доступа свободный https://fb.ru/article/382702/sovremennaya-ekonomika-znaniy---eto-chto-takoe-ponyatie-sut-sistemyi-formirovanie-i-razvitie. Дата обращения 10.06.2021.*

References

1. *Buht R., Hiks R. (2018) Opredelenie, koncepcija i izmerenie cifrovoj jekonomiki // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. T. 13. № 2. S. 143–172 (na russkom i anglijskom jazykah).*
2. *Vasil'eva, E.V. Razvitie kreativnyh sposobnostej i kompetencij professionalov cifrovogo budushhego / E.V. Vasil'eva // Nauchno-tehnicheskaja informacija. Serija 2: Informacionnye processy i sistemy. — 2018. — № 10. — S. 1–10.*
3. *Glaz'ev, S.Ju. O novoj paradigme v jekonomicheskoj nauke. / S.Ju. Glaz'ev // Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii. — 2016. — Ch. 2. — № 4 (75). — S. 10–22.*
4. *Goncharenko, L.P. Cifrovizacija nacional'noj jekonomiki / L.P. Goncharenko, S.A. Sybachin // Vestnik universiteta. — 2019. — № 8. — S. 32.*
5. *Gosudarstvennaja programma Rossijskoj Federacii «Informacionnoe obshhestvo (2011–2020 gody)». [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/ (data obrashhenija: 01.09.2019).*
6. *Gretchenko, A.I. Cifrovaja platforma: novaja biznes-model' v jekonomike Rossii / A.I. Gretchenko, I.V. Gorohova // Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plehanova. — 2019. — № 1. — S. 62–72.*
7. *Digilina O.B., Teslenko I.B. Transformacija rynka v uslovijah cifrovoj jekonomiki // Vestnik RGGU: Serija «Jekonomika. Upravlenie. Pravo». 2019. № 4. S. 166–179*
8. *Dneprovskaja, N.V. Issledovanie perehoda predprijatija k cifrovoj jekonomike / N.V. Dneprovskaja // Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plehanova. — 2019. — № 4 (106). — S. 61.*
9. *Zdobnikova N.S. Razvitie chelovecheskih resursov v uslovijah cifrovizacii jekonomiki / Zdobnikova N.S., Smyslova O.Ju. V sbornike: Aktual'nye problemy social'noj stratifikacii i transformacii v sovremennyh uslovijah. 2020. S. 346–349.*
10. *Indikatory cifrovoj jekonomiki: 2019: statisticheskij sbornik / G.I. Abdrahmanova, K.O. Vishnevskij, L.M. Gohberg i dr. — M.: NIU VShJe, 2019. — S. 85.*
11. *Karyshev, M.Ju. Jekonomiko-statisticheskoe issledovanie sfery informacionno-kommunikacionnyh tehnologij: monografija / M.Ju. Karyshev. — Samara: Samarskij gosudarstvennyj universitet putej soobshhenija, 2010. — 285 s.*

12. *Pasport nacional'nogo proekta «Nacional'naja programma "Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii"» (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiju i nacional'nym proektam, protokol ot 04.06.2019 № 7) [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: https://digital.ac.gov.ru/materials/passport/ (data obrashhenija: 01.06.2021).*
13. *Programma «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0. pdf.*
14. *Puchnina A.A. Strategija upravlenija riskami v sovremennyh uslovijah / A.A. Puchnina, O.Ju. Savenkova, O.I. Judin, E.A. Nekrasova. V sbornike: Regional'naja innovacionnaja sistema: sostojanie, problemy, napravlenija formirovanija. 2013. S. 241–245.*
15. *Smyslova O.Ju. Gotovnost' regionov k novym vyzovam promyshlennoj revoljucii / Smyslova O.Ju. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika. 2019. № 48. S. 9–28.*
16. *Smyslova O.Ju. Processy cifrovizacii i ih vlijanie na razvitie rabotnika "novogo tipa" dlja agrobiznesa / Smyslova O.Ju., Korjakina T.V., Osipova I.V., Reshetnikova E.V. // FJeS: Finansy. Jekonomika. 2020. T. 17. № 8. S. 43–48.*
17. *Sovremennye trendy obshhestvennogo razvitija v uslovijah cifrovizacii jekonomiki: kollektivnaja monografija pod redakciej O.Ju. Smyslovoj. Voronezh, OOO «RITM», 2020. 186 s.*
18. *Janchenko E.V. Vlijanie cifrovoj jekonomiki na innovacionnoe razvitie chelovecheskogo potenciala rossijskogo obshhestva: vozmozhnosti i ogranichenija // Voprosy innovacionnoj jekonomiki. — 2020. — Tom 10. — № 2. — S. 849–866. doi: 10.18334/vinec. 10.2.100896.*
19. *Sovremennaja jekonomika znanij: chto jeto takoe? [Jelektronnyj resurs] rezhim dostupa svobodnyj https://fb.ru/article/382702/sovremennaya-ekonomika-znaniy---eto-chto-takoe-ponyatie-sut-sistemyi-formirovanie-i-razvitie. Data obrashhenija 10.06.2021.*

Контактная информация / Contact information

Липецкий филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
398050, Липецкая область, Липецк, ул. Интернациональная, 12Б.
Lipetsk branch of the Financial University under the Government
of the Russian Federation
12B, st. International, 398050, Lipetsk, Russia.
Смыслова Ольга Юрьевна / Olga Yu. Smyslova
savenkova-olga@mail.ru
Нестерова Надежда Николаевна / Nadezhda N. Nesterova
NNNesterova@fa.ru

УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК И ЕЕ ФАКТОРЫ

RESILIENCE OF REGIONAL ECONOMIES AND ITS FACTORS

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-397-403

МАЛКИНА Марина Юрьевна

Профессор кафедры экономической теории и методологии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, д.э.н., профессор

Marina YU. MALKINA

Professor of the Department of Economic Theory and Methodology, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Doctor of Economics, Professor

Аннотация Цель исследования — оценка и анализ устойчивости экономического развития российских регионов. На основе пяти основных показателей развития, использования метода расстояний Махаланобиса для создания композитного индекса, построения его временных регрессий и отделения трендовой от циклической компоненты, получены оценки уровня неустойчивости развития 83 регионов РФ в 2000–2017 годах. Подтверждены гипотезы о положительной связи неустойчивости развития с уровнем и темпом развития региона и об отрицательной связи неустойчивости с уровнем отраслевой диверсификации экономики.

Abstract The purpose of the study is to assess and analyze the resilience of the economic development of Russian regions. Based on five main development indicators, using the Mahalanobis distance technique to design a composite index, constructing its temporal regressions and separating the trend component from the cyclical component, assessments of the level of development instability in 83 Russian regions in 2000–2017 are obtained. The hypotheses about the positive relationship of development instability with the level and rate of regional development, and about the negative relationship of instability with the level of sectoral diversification of the economy are confirmed.

Ключевые слова Регион, устойчивое развитие, показатели, агрегирование, расстояние Махаланобиса, регрессия.

Keywords Region, resilient development, indicators, aggregation, Mahalanobis distance, regression.

Признательность Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ, проект 0729-2020-0056.

Acknowledgments The study was carried out within the framework of the basic part of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project 0729-2020-0056.

Введение

В литературе сформировались два подхода к пониманию устойчивости экономического развития. Согласно первому из них, устойчивым (sustainable) является такое развитие, которое сопровождается позитивными социальными, экологическими и прочими эффектами. Так, принятая ООН в 2015 году «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» включает 17 целей устойчивого развития, охватывающих борьбу с неравенством и бедностью, обеспечение доступа населения к жизненно важным благам, экономное природопользование и защиту окружающей среды [1]. Россия также присоединилась к данной Повестке и осуществляет ежегодный мониторинг достижения целей устойчивого развития [2], в том числе в разрезе регионов и городов [3, 4].

Согласно второму подходу, которого мы придерживаемся в данной статье, под устойчивостью или стабильностью (resilience) развития экономики страны или региона понимается как ее сопротивляемость к воздействию внутренних и внешних шоков, так и способность восстанавливаться после этих шоков и выходить на качественно новую траекторию развития. Это подход опирается на ряд фундаментальных трудов К. Фостера [5], Р. Мартина [6] и др., которые разработали методологические основы оценки экономической резилиентности.

Важной методологической проблемой является *измерение уровня устойчивости* развития страны или региона. При этом возникают проблемы как выбора индикаторов устойчивости экономики [7; 8], так и сведения их к агрегированным метрикам. Среди альтернативных способов агрегирования разными авторами предлагается расчет среднеарифметических, среднегеометрических индексов, а также показателей энтропии [9], использование метода эквивалентных дисперсий или Z-счета, агрегации портфеля и главных компонент [10], а также применение математической теории графов [11]. У каждого из этих методов есть свои достоинства и недостатки.

Применяемый в данном исследовании метод расстояний Махаланобиса для оценки устойчивости экономического развития используется крайне редко [12]. Однако он аккумулирует ряд преимуществ перечисленных выше методов. Во-первых, он основан на том же самом способе нормирования частных показателей (с учетом их вариации), что и метод Z-счета, и инвариантен к масштабу показателей. Во-вторых, через включение матрицы ковариаций он учитывает коллинеарность частных показателей, то есть имеет то же преимущество, что и метод главных компонент. В-третьих, согласно этому методу рассчитывается среднее по ряду показателей расстояние регионов от центра, которое служит в качестве бенчмарка. Наконец, расчет расстояний Махаланобиса за ряд лет позволяет выявить, как в динамике меняется место конкретного региона относительно центральной тенденции и насколько плавным является это изменение.

Анализ устойчивости экономического развития подразумевает выявление определяющих ее факторов и проверку соответствующих гипотез на основе построения эконометрических зависимостей [13]. В моделях пространственной экономики, основанных на панельных выборках регионов, доказывается влияние на устойчивость межотраслевых взаимодействий и пространственных эффектов [14]. Например, в работе [15] показано, что уровень устойчивости регионального развития зависит как от отраслевой диверсификации экономики, так и от устойчивости экономик соседних регионов.

В нашей работе мы руководствуемся динамическим подходом к оценке устойчивости регионального развития. Для создания единого показателя развития исполь-

зуем метод расстояний Махаланобиса, а для отделения его флуктуаций от устойчивого тренда — построение временных регрессий. Далее протестируем три гипотезы: о связи устойчивости экономического развития региона с уровнем и темпом его развития, а также степенью отраслевой диверсификации экономики.

Материалы и методы

Исследование основано на данных Федеральной службы государственной статистики РФ по 83 субъектам РФ в 2000–2017 годах [16]. Устойчивость развития оценивалась на основе пяти структурных показателей, отражающих структуру ВРП и долю государственного сектора в экономике:

1) отношение доходов консолидированного бюджета субъекта РФ к ВРП, BR;
2) отношение фактического конечного потребления домашних хозяйств на территории субъектов РФ к ВРП, CONS;
3) отношение инвестиций в основной капитал к ВРП, IN;
4) отношение экспорта к ВРП, EX;
5) отношение импорта к ВРП, IM.

Агрегирование этих показателей осуществляется путем расчета расстояний Махаланобиса — средних нормированных расстояний каждого региона до центра:

$$D_M(x) = \sqrt{(x-\mu)^T S^{-1}(x-\mu)}, \quad (1)$$

где $x = (x_1, x_2, x_3, ..., x_K)^T$ — многомерный вектор показателей, $\mu = (\mu_1, \mu_2, \mu_3, ..., \mu_K)^T$ — вектор средних значений показателей, S^{-1} — обратная матрица их ковариаций. Таким образом мы получаем расстояние Махаланобиса для каждого i-того региона ($i = \overrightarrow{1,m}$) в каждом t-том году ($t = \overrightarrow{1,n}$), D_{mit}.

Далее производится разделение трендовой и циклической составляющей путем построения линейных временных регрессий расстояний Махаланобиса и их оценивания методом наименьших квадратов:

$$D_{Mit} = \underbrace{\alpha_{0i} + \alpha_{1i} \cdot t}_{\hat{D}_{Mit}} + e_{it} \quad (2)$$

где α_{0i} и α_{1i} — коэффициенты регрессии, e_{it} — остатки регрессии.

Уровень неустойчивости развития региональной экономики рассчитывается на основе показателя среднего квадратического отклонения остатков регрессии:

$$\sigma_{ei} = \sqrt{Var(e_{it})} = \sqrt{\sum_{t=1}^{n} e_{it}^{\,2}} \quad (3)$$

Чем выше этот показатель, тем больше колебания экономического развития региона относительно собственного устойчивого тренда.

Для выявления связи неустойчивости с параметрами регионального развития нами тестировались три гипотезы:

1. Гипотеза о том, что *неустойчивыми являются наиболее динамично развивающиеся регионы*, что приводит к их интенсивному приближению к центру либо удалению от него. Поэтому в качестве одной из объясняющих переменных было выбрано абсолютное значение среднего темпа изменения расстояния Махаланобиса, рассчитанное на основе формулы (2) — $ABS(\alpha_1)$.

2. Гипотеза *о положительной связи нестабильности с общим уровнем развития*. В качестве показателя развития региона использовался логарифм ВРП на душу населения в 2017 году (*ln(y)*).
3. Гипотеза *о положительном влиянии степени отраслевой диверсификации экономики на устойчивость развития*. Для определения степени диверсификации применим показатель схожести двух отраслевых структур (*Div*), ранее использовавшийся в работе [12].

Результаты и их обсуждение

На рис. 1 на карте РФ представлены оценки уровня неустойчивости региональных экономик, рассчитанного на основе расстояний Махаланобиса. Согласно полученным результатам, рейтинг нестабильности региональных экономик выглядит следующим образом: Тюменская область, Сахалинская область, Республика Калмыкия, Чукотский АО, Ненецкий АО. Наиболее стабильными российскими регионами оказались Саратовская и Томская области, Чувашская Республика, Свердловская и Челябинская области. Рис. 2 показывает положительную связь между нестабильностью развития и удаленностью показателей региона от центра.

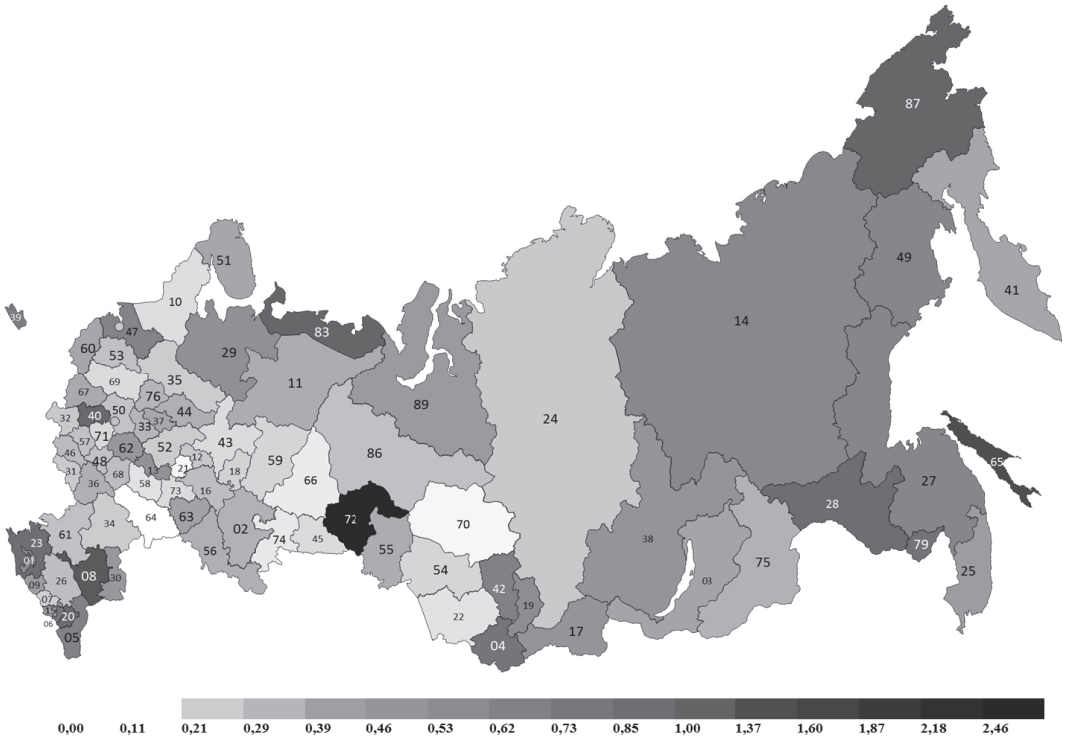

Рисунок 1. Уровень абсолютной неустойчивости развития региональных экономик (логарифмическая шкала). Источник: расчеты автора на основе данных Росстата [16].

Примечание. Субъекты РФ обозначены согласно их административным кодам.

Для выявления связи неустойчивости региональных экономик (σ_e) с тестируемыми показателями нами построена линейная регрессия следующего вида:

$$\sigma_e = \underset{(0,547)}{-1,488} + \underset{(0,289)}{1,113} \cdot ABS(\alpha_1) + \underset{(0,034)}{0,173} \cdot \ln(y) - \underset{(0,213)}{0,693} \cdot Div + \varepsilon \quad (4)$$

Достижение робастности оценок потребовало исключения из выборки региона с аномальными значениями (Тюменской области). Построенная регрессия значима по критерию Фишера, а ее коэффициенты значимы по критерию Стьюдента

на уровне ρ < 0,01. Множественный коэффициент детерминации равен R^2 = 0,595, то есть вариация факторов объясняет вариацию зависимой переменной почти на 60%.

Рисунок 2. Связь между местом региона относительно центра и неустойчивостью его экономического развития (логарифмическая шкала). Источник: расчеты автора на основе данных Росстата [16].

Из найденной зависимости следует, что увеличение среднедушевого ВРП на 1% способствует росту показателя неустойчивости развития в среднем на 0,17 процентных пункта (п.п.). Увеличение темпа сближения или удаления региона от центра на 1 п.п. вызывает рост нестабильности на 1,1 п.п., а повышение степени диверсификации экономики на 1 пункт (то есть увеличение показателя на 0,01) приводит к снижению нестабильности на 0,7 п.п.

Таким образом, нестабильность может свидетельствовать как о кризисных явлениях в экономике региона, так и являться платой за развитие и выступать в качестве его отрицательного побочного продукта (или негативной экстерналии). Поэтому учет резилиентности позволяет сформировать более полное представление об экономическом развитии регионов и его последствиях.

Заключение

Наше исследование развивает динамический подход, согласно которому под устойчивостью развития экономики страны или региона понимается ее движение вблизи некоего устойчивого тренда и слабая реакция на воздействие внутренних и внешних шоков.

Во-первых, разработанные нами новые подходы, основанные на расчете расстояний Махаланобиса, позволяют интегрировать множество показателей развития в единый, а также отделить волатильность от тренда, то есть устойчивый рост от циклических колебаний.

Во-вторых, на основе разработанной методики получены оценки уровня неустойчивости экономического развития регионов РФ. Исследование показало, что лидерами нестабильности являются добывающие регионы, сильно зависящие от мировой конъюнктуры на рынках нефти и газа. Эти регионы характеризуются активными инвестиционными процессами, высокой степенью открытости экономики, миграцией трудовых ресурсов, что сказывается на нестабильности потребле-

ния. Также высокий уровень неустойчивости отмечается в слаборазвитых республиках Северного Кавказа, Калмыкии, Алтае и др. В то же время наиболее стабильными оказываются главным образом регионы с высоко диверсифицированными экономиками в основном европейской части России.

В-третьих, на основе построенных эконометрических зависимостей были подтверждены три гипотезы — о положительной связи неустойчивости экономического развития регионов с уровнем и темпом их развития, а также об ее отрицательной связи со степенью отраслевой диверсификации региональных экономик.

Развитие предложенных выше подходов в будущем возможно путем расширения системы показателей для оценки устойчивости развития, использования альтернативных методов их агрегирования и отделения циклической компоненты от трендовой, включения в модели других факторов и тестирования альтернативных гипотез устойчивого развития.

Библиографический список / References

1. *Доклад о Целях в области устойчивого развития, 2019 год. Организация объединенных наций. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2019/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2019_Russian. pdf (дата обращения 10.04.2021).*
   The Sustainable Development Goals Report 2019. United Nations. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2019/ (accessed 10.04.2021).
2. *Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor. pdf (дата обращения 10.04.2021).*
   Voluntary National Review of the progress made in the implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26962VNR_2020_Russia_Report_English. pdf (accessed 10.04.2021).
3. *Цели устойчивого развития в Российской Федерации. 2020: Крат. стат. сб./ Росстат. — М., 2020 — 79 с. Celi ustojchivogo razvitiya v Rossijskoj Federacii. 2020: Krat.stat.sb. / Rosstat — M., 2020 — 79 p.*
4. *Рейтинг устойчивого развития городов России. 2020. Выпуск 8. URL: https://www.agencysgm.com/projects/Брошюра2019. pdf (дата обращения 10.04.2021).*
   Rejting ustojchivogo razvitiya gorodov Rossii. 2020. Issue 8. URL: https://www.agencysgm.com/projects/Брошюра2019. pdf (accessed 10.04.2021).
5. *Foster K.A. A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience / Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley, Working Paper 2007-08.*
6. *Martin R. Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks // Journal of Economic Geography. 2012. Vol. 12, iss. 1, pp. 1–32. DOI: 10.1093/jeg/lbr019.*
7. *Dubé J., PolèSe M. Resilience Revisited: Assessing the Impact of the 2007–09 Recession on 83 Canadian Regions with Accompanying Thoughts on an Elusive Concept // Regional Studies. 2016. Vol. 50, iss. 4, pp. 615–628, DOI: 10.1080/00343404.2015.1020291.*
8. *Morkūnas M., Volkov A., Bilan Y., Raišienė, A.G. The role of government in forming agricultural policy: economic resilience measuring index exploited // Administratie si Management Public. 2018. Vol. 31, pp. 111-131. DOI: 10.24818/amp/2018.31-08.*
9. *Rahma H., Fauzi A., Juanda B., Widjojanto B. Development of a Composite Measure of Regional Sustainable Development in Indonesia // Sustainability. 2019. Vol. 11, 5861. DOI: 10.3390/su11205861.*
10. *Гамбаров Г.М., Мусаева М.У., Крупкина А.С. Индикатор рисков российского финансового рынка // Деньги и кредит. 2017. № 6. С. 29–38.*

Gambarov G.M., Musaeva M.U., Krupkina A.S. Indikator riskov rossijskogo finansovogo rynka // Den'gi i kredit. 2017. Vol. 6, pp. 29–38.

11. *Angeon V.R., Bates S. Reviewing Composite Vulnerability and Resilience Indexes: A Sustainable Approach and Application // World Development. 2015. Vol. 72, pp. 140–162. DOI: 10.1016/j. worlddev. 2015.02.011.*
12. *Малкина М.Ю. Оценка устойчивости развития региональных экономик на основе расстояний Махаланобиса // Terra Economicus. 2020. Том 18. № 3. С. 140–159. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-140-159.*
    Malkina M.Yu. Ocenka ustojchivosti razvitiya regional'nyh ekonomik na osnove rasstoyanij Mahalanobisa // Terra Economicus. 2020. Vol. 18. iss. 3, pp. 140–159. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-3-140-159.
13. *Duran H.E., Fratesi U. Employment volatility in lagging and advanced regions: The Italian case // Growth and Change: A Journal of Urban and Regional Policy. 2020. Vol 51, iss. 1, pp. 207–233.*
14. *Villaverde J., Maza A. The economic resilience of the Spanish provinces: From recession to recovery // Acta Oeconomica. 2020. Vol. 70, iss. 2, pp. 195–213. DOI: 10.1556/032.2020.00010.*
15. *Trendle B. Regional economic instability: the role of industrial diversification and spatial spillovers // The Annals of Regional Science. 2006. Vol. 40, pp. 767–778. DOI: 10.1007/s00168-005-0055-1.*
16. *Федеральная служба государственной статистики РФ. Официальный сайт. URL: https:// rosstat.gov.ru/folder/10705 (дата обращения 10.04.2021).*
    Federal State Statistics Service of RF. Official cite. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/10705 (accessed 10.04.2021).

Контактная информация / Contact information

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
603000, РФ, г. Нижний Новгород, пер. Университетский, д. 7, комн. 107.
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
107, 7 per. Universitetskij, Nozhni Novgorod, 603000, Russia.
Малкина Марина Юрьевна / Marina Yu. Malkina
+7 (906) 358-65-20, mmuri@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАДЕЖНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

ORGANIZATION OF ENSURING THE ECONOMIC RELIABILITY OF A MODERN INDUSTRIAL ENTERPRISE

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-404-409

ТЕРЕНТЬЕВА Анастасия Романовна
Аспирант кафедры «Менеджмент и Сервис», ФГБОУ ВО «Омский государственный технический университет»

Anastasia R. TERENTEVA
Postgraduate student of the Department of Management and Service, Omsk State Technical University

Аннотация

В данной статье обоснована необходимость организации обеспечения экономической надежности посредством формирования механизма экономической надежности на основе процессно-технологического подхода, предложена авторская градация уровней организации обеспечения экономической надежности и раскрыта их взаимосвязь с особенностями экономической надежности промышленных предприятий в условиях современной технологической динамики.

Методическую основу исследования составили общенаучные методы классификации, обобщения, сравнения, анализ.

Abstract

This article proves the need to create a system of organization for providing economic reliability by forming a mechanism for economic reliability based on the process-technological approach, suggests the author's gradation of the levels of organization for ensuring economic reliability and reveals their relationship with the level of economic reliability of industrial enterprises in the conditions of technological dynamics.

The methodological basis of the study was made up of general scientific methods of classification, generalization, comparison, and analysis.

Ключевые слова Технологическое развитие, экономическая надежность, экономический механизм, промышленные предприятия, процессно-технологический подход.

Keywords Technological development, economic reliability, economic mechanism, industrial enterprises, process-technological approach.

Интерес ученых к категории «экономическая надежность» возрос в начале шестого экономического уклада, который характеризуется ускорением научно-технического прогресса на основе цифровизации. Именно цифровизация способствует глубокой трансформации современной конкуренции и, как следствие, появлению гиперконкуренции и «маркетинговых войн», а также и все большей глобализации экономики, что, в свою очередь, ведет к сокращению цикличности мировых экономических кризисов и увеличению риска в условиях неопределенности с помощью новых «подрывных» технологий [1].

В современной науке сформировалось несколько основных подходов к экономической надежности как экономической категории: функциональный, ресурсный, системный и процессный подходы.

Представители функционального подхода (В.Н. Егоров, А.В. Закорюкина, Д.И. Коровин, А.Я. Малышева, Д.А. Маринцев, И.А. Новиков, С.А. Соколов и др.) полагают, что промышленное предприятие состоит из функциональных подсистем и их совокупность составляет экономическую надежность промышленного предприятия в целом. Таким образом, достигнув заданного уровня экономической надежности каждой подсистемы в отдельности, промышленное предприятие достигает высокого уровня экономической надежности.

Представители ресурсного подхода (В.Н. Кабанов, О.С. Канивец, Ю.А. Львов, С.Н. Михайлов, Г.В. Платова, М. Портер, Р.А. Тимофеев, В.И. Эдельман и др.) считают, что экономическая надежность промышленного предприятия определяется путем рационального потребления всех его ресурсов. При этом высокая экономическая надежность достигается путем уникальной комбинации и распределения ресурсов предприятия.

Представители системного подхода (Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, Е.А. Архипова, С.В. Батанова, С.А. Винокурова, А.П. Градов, Г.Б. Клейнер, А.Л. Колокин, Б.И. Кузин, А.Л. Куликов, И.А. Маггерамова, В.Л. Макаров, М.Б. Мандрыкина, Е.Ю. Меркулова, М.В. Петров, Д.М. Полтерович, А.А. Рябцев, Е.В. Шабанова, Ю.А. Шумилова и др.) рассматривают промышленное предприятие как целостную систему, которая имеет определенные особые свойства, не присущие отдельным ее элементам.

Представители процессного подхода (А. Бьерн, А.В. Шеер, М.М. Кане, К. Кохом, М. Хаммер, С.М. Ковалев, В.М. Ковалев, А.А. Колобов, В.Г. Елиферов, В.В. Репин, А.Н. Фурмаков, Д.В. Гостяев, Д.В. Ветров, С.А. Астафьев, М.В. Ковалева, А.Д. Канчавели и др.) утверждают, что организация состоит из взаимодействующих процессов и экономическая надежность достигается путем их оптимизации.

Стоить отметить, что вышеизложенные подходы не учитывают трансформацию экономики в условиях цифровизации и современной технологической динамики, однако процессный подход обладает существенным преимуществом в виде большей операционной эффективности [2]. Исходя из этого, на базе процессного

подхода предлагается разработать его модифицированную версию в виде процессно-технологического подхода к формированию механизма экономической надежности промышленных предприятий.

На основе принципиальной основы данного подхода предлагается дополнить теорию экономики, организации и управления предприятиями, отраслями, комплексами определением механизма экономической надежности промышленного предприятия в виде совокупности способов и методов эффективного взаимодействия всех ресурсов промышленного предприятия, отражаемого уровнем экономических показателей, позволяя оценить результаты процесса технологизации предприятий и давая оценку влияния данного взаимодействия на уровень эффективности, устойчивости и стабильности функционирования промышленного предприятия во времени для достижения поставленных целей при возмущающем воздействии факторов внешней и внутренней сред [3].

Предлагаемый подход позволяет спроектировать на концептуальном уровне механизм экономической надежности промышленного предприятия, который необходим для преодоления негативных последствий экономических кризисов, а также для создания конкурентных преимуществ в условиях технологического развития экономики постиндустриального периода.

В рамках процессно-технологического подхода предложена структурная модель механизма экономической надежности, состоящего из двух блоков: блока эффективности [4] и блока инновационно-технологического развития [5]. Блок эффективности показывает, насколько успешно функционирует предприятие, рассматривая показатели по процессам, продуктам и удовлетворенности потребителей. С помощью блока инновационно-технологического развития создается система организации обеспечения экономической надежности промышленного предприятия. Данный блок учитывает влияние следующих факторов: внутренняя политика инновационно-технологического развития; инновационная корпоративная культура; инновационная система мотивации; организационная структура, позволяющая внедрять инновации; бизнес-процессы; стадия жизненного цикла товара; маркетинговые исследования; инновационная производственно-технологическая стратегия; наличие патентов; коммерциализация инноваций. Каждому элементу данного блока соответствуют четыре уровня организации обеспечения экономической надежности промышленных предприятий, где соответственно самый высокий балл равен 3, а самый низкий — 0.

Для определения уровня организации обеспечения экономической надежности промышленного предприятия необходимо оценить каждый критериальный уровень организации обеспечения экономической надежности и суммировать полученные баллы. Идентификация уровней организации обеспечения экономической надежности промышленных предприятий [составлено автором] заключается в следующем.

Сумма балов от 0 до 7 свидетельствует об очень низком уровне обеспечения экономической надежности и соответствует пассивному уровню организации обеспечения экономической надежности. Это означает, что на промышленном предприятии полностью либо практически отсутствуют организационные аспекты механизма экономической надежности. Пассивный уровень не направлен на инновационно-технологическое развитие, что ведет к низкому уровню экономической

надежности в условиях высокой технологической динамики, а также к риску будущего банкротства.

Активный уровень организации обеспечения экономической надежности соответствует суммарным баллам от 8 до 15. Данному уровню присуще фрагментарное наличие элементов блока инновационно-технологического развития и не систематическая работа с возникающими рисками, что позволяет предприятию выйти на удовлетворительный уровень экономической надежности. Однако данный уровень организации обеспечения экономической надежности не достаточен для эффективного и стабильного функционирования и устойчивого развития промышленного предприятия.

Промышленное предприятия при суммарной балльной оценке от 16 до 23 соответствует реактивному уровню обеспечения экономической надежности. На данном уровне промышленное предприятие адаптивно к современной технологической динамике, все изменения отслеживаются, и предприятие довольно быстро на них реагирует. На предприятии существует система инновационно-технологического развития, быстро подстраиваемая под возникающие риски. В перспективе при реактивном уровне достигается надежное, устойчивое положение промышленного предприятия.

Проактивный уровень обеспечения экономической надежности достигается при суммарной балльной оценке от 24 до 30 баллов и предполагает, что промышленное предприятие является саморазвивающейся системой, основанной на инновационно-технологическом развитии, при функционировании которой прогнозируются угрозы и риски современной технологической динамики и разрабатываются превентивные меры, посредством чего в перспективе достигается высокий уровень экономической надежности.

На рисунке изображены уровни организации обеспечения экономической надежности с суммарными балльными оценками в соотношении с уровнем экономической надежности промышленного предприятия.

Рисунок. Взаимосвязь уровня экономической надежности от уровня организации обеспечения экономической надежности.

Сводный результат анализа соотношения уровня экономической надежности и уровня организации обеспечения экономической надежности на примере крупных промышленных предприятий г. Омска представлен в таблице.

Таблица. Анализ соотношения уровня экономической надежности и уровня организации обеспечения экономической надежности на примере предприятий г. Омска

Уровень организации обеспечения ЭН	Проактивный	Реактивный	Активный	Пассивный
Очень надежно				
Надежно				
Удовлетворительно надежно	АО «Газпромнефть-ОНПЗ» (0,43/30 б.)	ООО «Планета-Центр» (0,43/16 б.)		
Ненадежно			АО «ОМСКШИНА» (0,26/14 б.)	
Очень ненадежно				ОАО «Автогенный завод» (0,14/6 б.)

Уровень экономической надежности определялся по среднему значению обобщенного показателя экономической надежности на основе показателей основных бизнес-процессов за 2015–2019 гг. на основе функции желательности Харрингтона.

Стоит отметить, что жесткой детерминированной связи между уровнем организации обеспечения экономической надежности и уровнем экономической надежности промышленного предприятия не существует. Если предприятие имеет на данный момент высокий уровень экономической надежности, но при этом пассивный или активный уровень организации обеспечения экономической надежности, то уровень экономической надежности будет в перспективе снижаться, и тренд будет отрицательный. И наоборот, повышая уровень организации обеспечения экономической надежности, промышленное предприятия закладывает основания для увеличения уровня экономической надежности.

Так как организационные аспекты предопределяют тренд инновационно-технологического развития промышленного предприятия и его уровень экономической надежности, то благодаря эффективной организации обеспечения экономической надежности промышленное предприятия получает высокий потенциал для достижения целевого уровня экономической надежности. Поэтому результаты данного исследования имеют практическую значимость для современных промышленных предприятий.

Библиографический список

1. *Яковлева Е.В., Терентьева А.Р. Предпосылки формирования механизма экономической надежности промышленных предприятий в условиях современной технологической динамики // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. № 15 (1). С. 384–386.*
2. *Яковлева Е.В., Терентьева А.Р. Формирование подхода к исследованию экономической надежности интеллектуальной инфраструктуры технологического развития промышленных предприятий // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 3. С. 122–128.*

3. *Яковлева Е.В., Терентьева А.Р. Экономическая надежность технологического развития // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 1. С. 98–108.*
4. *Терентьева А.Р. Формирование механизма общей экономической надежности промышленных предприятий в условиях современной технологической динамики // В сборнике: Управленческий и сервисный потенциал цифровой экономики: проблемы и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции. Редколлегия: Е.В. Яковлева (отв. редактор), А.А. Белолобова. Омск, 2020. С. 113–121.*
5. *Терентьева А.Р. Формирование специального механизма экономической надежности промышленных предприятий в условиях современной технологической динамики // В сборнике: Экономика, менеджмент и сервис: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 195–200.*

References

1. *Jakovleva E.V., Terent'eva A.R. Predposylki formirovanija mehanizma jekonomicheskoj nadezhnosti promyshlennyh predprijatij v uslovijah sovremennoj tehnologicheskoj dinamiki // Rossija: tendencii i perspektivy razvitija. 2020. № 15 (1). S. 384–386.*
2. *Yakovleva E.V., Terent'eva A.R. Formirovanie podhoda k issledovaniyu ekonomicheskoj nadezhnosti intellektual'noj infrastruktury tekhnologicheskogo razvitiya promyshlennyh predpriyatij // Omskij nauchnyj vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2020. T. 5. № 3. S. 122–128.*
3. *Jakovleva E.V., Terent'eva A.R. Jekonomicheskaja nadezhnost' tehnologicheskogo razvitija // Omskij nauchnyj vestnik. Serija Obshhestvo. Istorija. Sovremennost'. 2021. T. 6. № 1. S. 98–108.*
4. *Terent'eva A.R. Formirovanie mehanizma obshhej jekonomicheskoj nadezhnosti promyshlennyh predprijatij v uslovijah sovremennoj tehnologicheskoj dinamiki // V sbornike: Upravlencheskij i servisnyj potencial cifrovoj jekonomiki: problemy i perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Redkollegija: E.V. Jakovleva (otv. redaktor), A.A. Belolobova. Omsk, 2020. S. 113–121.*
5. *Terent'eva A.R. Formirovanie special'nogo mehanizma jekonomicheskoj nadezhnosti promyshlennyh predprijatij v uslovijah sovremennoj tehnologicheskoj dinamiki // V sbornike: Jekonomika, menedzhment i servis: problemy i perspektivy. Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2020. S. 195–200.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Омский государственный технический университет»
644050, Россия, город Омск, проспект Мира, дом 11.
Omsk State Technical University
11 Mira Avenue, 644050, Omsk, Russia.
Терентьева Анастасия Романовна / Anastasia R. Terenteva
pandorra88@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И СОГЛАСОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ECONOMY AND ALIGNMENT OF ECONOMIC INTERESTS

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-410-416

РАССКАЗОВА Наталья Валерьевна
Доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», кандидат исторических наук

Natalia V. RASSKAZOVA
Associate Professor, Penza State University, PhD in Historical

Аннотация

Проблемы развития цифровой экономики являются важными, поскольку внедрение цифровых технологий в воспроизводственный процесс обеспечивает повышение эффективности и снижение затрат производства. Данное обстоятельство стимулирует разработку цифровых платформ и механизмов, позволяющих ускорить процесс взаимодействия между различными субъектами и снизить трансакционные издержки согласования экономических интересов на микро- и макроуровнях, что в итоге приведет к экономическому росту. В этой связи актуальной является проблема цифровизации российской экономики и ее отраслей.

Abstract

The problems of the digital economy development are central, since the introduction of digital technologies in the reproduction process provides for increased efficiency and reduced production costs. This fact encourages the development of digital platforms and mechanisms that allow to accelerate the process of interaction between different actors and reduce the transaction costs of coordinating economic interests at the micro and macro levels, which will eventually lead to economic growth. In this regard, the problem of digitalization of the Russian economy and its branches is relevant.

Ключевые слова

Экономические интересы, согласование экономических интересов, цифровая экономика, отрасли экономики, цифровизация, цифровые технологии, информационные и коммуникационные технологии.

Keywords Economic interests, digital economy, economic sectors, digitalization, digital technologies, information and communication technologies, coordination of economic interests.

Современное развитие экономики характеризуется внедрением цифровых технологий в различные отрасли и сферы деятельности. Данный процесс является объективным, поскольку обусловлен расширением использования персональных устройств, новых цифровых платформ, методов анализа данных и алгоритмов принятия решений, технологий автоматизации и роботизации, интенсивным использованием технологии big data и достижений в области искусственного интеллекта. В настоящее время цифровые технологии включают огромное количество теоретических разработок, инструментов, платформ, которые обосновывают области оптимального применения архитектуры построения программного обеспечения и предоставляют пользователям доступ к информации, сервисам по планированию и аналитике, а также доступ к рынку.

Цифровые технологии позволяют создавать новые способы координации экономических интересов субъектов для решения важных задач социально-экономического развития страны. Такой подход позволяет расширить границы анализа экономической системы, трансформируемой под влиянием внедрения новых технологий.

Трансформация системы экономических интересов в условиях развития цифровой экономики

В силу различных причин внедрение цифровых технологий в странах происходит разными темпами. Лидерами по уровню цифровизации экономики являются Сингапур, Соединенные Штаты Америки, Гонконг, Южная Корея, Тайвань, Германия. Для экономик этих стран характерен высокий темп внедрения цифровых технологий, поддержка внедрения цифровых потребительских инструментов, обучение и использование IT-кадров, развитие цифровых стартапов, обеспечение быстрого и общедоступного доступа к сети Интернет, значительная доля экспорта цифровых товаров, услуг или медиа; скоординированный инновационный процесс между университетами, бизнесом и ответственными за цифровое развитие министерствами [1].

Цифровые технологии изменяют формы организации экономической деятельности, усложняют и модифицируют сущность явлений. Трансформация традиционных производственных процессов изменяет процесс реализации экономических интересов субъектов, поскольку видоизменяется поведение и мотивы субъектов под влиянием технологических факторов, образующих виртуальную реальность. Результатом является появление новой системы интересов и новых механизмов согласования множества интересов.

Реализация экономических интересов субъектов является важной частью в механизме функционирования экономических законов. Так, являясь движущей силой экономической деятельности, экономические интересы в процессе реализации приводят к формированию модели поведения субъектов, экономических институтов, определяющих функционирование экономики.

Сложность системы экономических интересов свидетельствует о противоречивости ее развития и о наличии проблем согласования различных экономических

интересов. Разрешение противоречий экономических интересов субъектов на различных уровнях осуществляется с помощью различных механизмов, приводящих к согласованию экономических интересов. Можно предположить, что внедрение цифровых технологий при определенных условиях приведет к согласованию экономических интересов на основе проявления общих черт, присущих различным видам интересов, реализующихся в экономических отношениях.

Современное развитие экономики, определяемое внедрением цифровых технологий, приводит к повышению роли человеческого капитала, трансформации отношений собственности и факторов производства. Цифровая экономика проникает во все сферы жизнедеятельности человека: образование, здравоохранение, производство, покупка товаров и услуг, взаимодействие с органами власти. Под влиянием цифровизации экономики происходит трансформация системы экономических интересов, появляются новые характерные черты:

- повышение роли нематериальных благ в структуре потребностей;
- интерес собственника направлен не только на рост материального капитала, но и на приращение интеллектуального капитала;
- увеличение связи между экономическими интересами и интеллектуальными способностями субъекта;
- повышение потребности в реализации творческих способностей, образовании;
- дифференциация интересов в результате ускорения внедрения результатов научно-технического процесса [2].

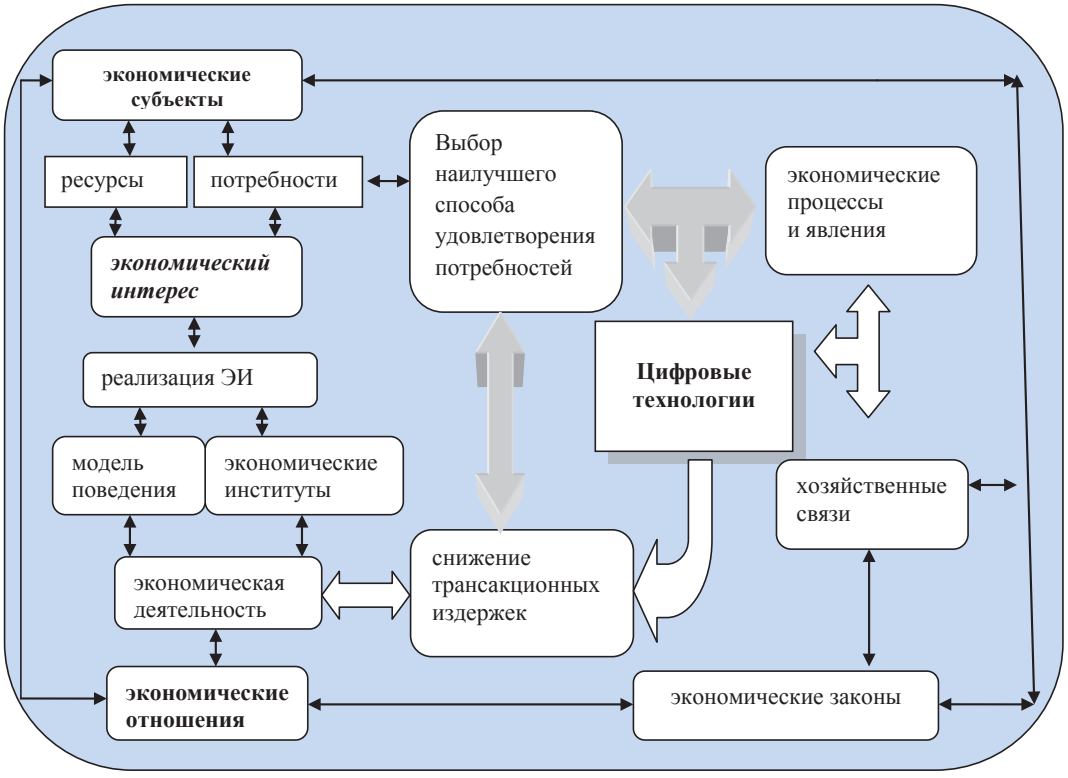

Рисунок. Согласование экономических интересов на основе использования цифровых технологий.

В целом можно констатировать, что эволюция экономических интересов, детерминированная внедрением цифровых технологий, приводит к появлению новых меха-

низмов их согласования (см. рисунок). Цифровые технологии в данном контексте выступают связующим звеном в системе интересов. Они позволяют субъектам экономических отношений получать стабильные конкурентные преимущества за счет повышения эффективности согласования экономических интересов посредством снижения трансакционных издержек, решения «проблемы безбилетника» и отказом от посредника. Для снижения киберрисков автор предлагает использовать технологию блокчейн, которая позволит при необходимости сохранить конфиденциальность информации.

Цифровизация отраслей экономики в России

Процесс цифровизации экономики осуществляется по двум основным направлениям: создание информационных технологий и их использование (внедрение) в различных сферах деятельности. Так, в России в 2019 году 3,7% ВВП, или 4094 млрд руб., было затрачено на развитие цифровой экономики [3].

Задача создания цифровых технологий включена в программу «Цифровая экономика России» и является частью проекта «Цифровые технологии». Причем, государство основную свою задачу видит в формировании благоприятной среды, способствующей развитию стартапов, отечественных компаний — лидеров рынка ИТ, высокотехнологичных направлений [4].

Необходимо отметить, что, согласно официальным статистическим данным, в России информационные технологии используются организациями во всех сферах экономики. В 2019 г. в своей деятельности использовали глобальные информационные сети 92% российских организаций, из них Интернет — 91,2%, имели свои веб-сайты — 51,9%. Если в качестве основных показателей, характеризующих возможности использования информационно-коммуникативных технологий, рассматривать наличие персональных компьютеров в организациях, локальных вычислительных сетей, подключение к информационным сетям и наличие веб-сайтов, то лидерами будут являться следующие виды деятельности: производство компьютеров, электронных и оптических изделий, электрического оборудования, медицинских лекарственных средств и материалов, высшее образование и подготовка кадров, здравоохранение и оказание социальных услуг, производство бумаги, отрасль ИКТ, производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (см. таблицу). Интересно, что в 2019 г. организации, производящие табачные изделия, обладали стопроцентным доступом к интернету и оснащенностью компьютерами, но всего лишь 33,3% из них имели собственные веб-сайты, что свидетельствует о недостаточном использовании цифровых возможностей для продвижения своего товара на рынке [5].

Сферы высшего образования и здравоохранения входят в группу с высокими показателями по технической оснащенности и доступа к сети Интернет преимущественно за счет государственного финансирования. Это является основой для распространения образовательных программ с использованием цифровых технологий, что отвечает современным требованиям, предъявляемых к системе образования в связи с распространением пандемии COVID-19 и необходимостью получения равного доступа различных слоев населения к образовательным продуктам. Использование цифровых продуктов в сфере здравоохранения позволяет трансформировать оказание медицинской помощи на основе предоставления своевременной и доступной информации, позволяющей улучшить операционные показатели, сократить расходы и медицинские ошибки, а также улучшить результаты лечения пациентов.

Таблица. Лидирующие отрасли в использовании ИКТ в 2019 г.
(% от общего количества организаций определенного вида деятельности) [5]

Вид экономической деятельности	Организации применявшие			Организации, имевшие веб-сайт
	персональные компьютеры	локальные вычислительные сети	глобальные информационные сети, включая Интернет	
производство медицинских лекарственных средств и материалов	96,7	85	96,2	70
производство компьютеров, электронных и оптических изделий	96,3	82,0	95,0	80,8
производство электрооборудования	96,4	80,3	96,0	77,9
производство машин и оборудования	95,2	77,9	95,1	73,5
производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	96,5	81,7	96,3	70,5
Высшее образование, подготовка кадров высшей квалификации	95,9	75,6	94,7	84,8
Здравоохранение, предоставление социальных услуг	96,8	79,6	96,1	80,9
Собирательная классификационная группировка видов экономической деятельности «Отрасль информационных технологий»	97,4	80,7	97,0	62,4

Наихудшие показатели по использованию ИКТ в 2019 г. наблюдались в следующих видах деятельности: строительство, операции с недвижимым имуществом, административная деятельность, ремонт компьютеров, предметов личного потребления и хозяйственного бытового назначения [5]. Необходимо отметить, что в административную деятельность пандемия коронавируса внесла свои коррективы. Так, понимание актуальности цифровизации государственного управления привело к формированию национальной системы управления данными (НСУД), которая должна стать единой информационной платформой по работе с государственными данными.

Процесс использования специальных программных средств характеризует степень вовлеченности организаций в цифровую экономику. В России в 2019 г. 85,9% организаций использовали в своей деятельности различные программные продукты, из них: 57,1% для проведения финансовых расчетов в электронном виде, 54,8% — для решения задач организационного, управленческого и экономического характера, 53,2% — справочно-правовые электронные системы, 39,0% — для регулирования закупок товаров (работ, услуг), 32% — для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети, 26% — управление продажами товаров (работ, услуг), 20,5% — CRM, ERP, SCM — системы и др. [5].

К негативным явлениям относится незначительное использование цифровых технологий для научных исследований (4,6%) [5]. Это тормозит научно-исследовательский и инновационный процесс, который невозможен в настоящее время, как правило, без обработки больших данных, вычислительных систем облачного типа и использования различных цифровых платформ.

В 2019 г. расходы российских компаний на информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) были направлены преимущественно на оплату услуг сторонних организаций и специалистов по ИКТ (26,6%), на приобретение вычислительной техники и оргтехники (20%), на приобретение программных средств (18,1%), на оплату услуг электросвязи, включая интернет (17,8%), на приобретение телекоммуникационного оборудования (10,4%) [5]. Итак, представленные данные свидетельствуют о том, что цифровые технологии используются, прежде всего, для проведения электронных платежей, решения административных и управленческих задач, а также использования электронно-правовых систем. Но для дальнейшей цифровизации экономики необходимо увеличение расходов на приобретение цифровых продуктов и платформ, позволяющих осуществлять бизнес-процессы более быстрыми темпами.

В 2020 г. объективная необходимость привела к пониманию необходимости расширять возможности бизнеса и общественного сектора за счет активного использования цифровых технологий. Так, согласно официальным источникам в 2020 г. средний уровень цифровизации процессов по всем отраслям составил 54%. Лидерами цифровой трансформации являются финансовый сектор, ИТ-отрасли, телеком, страхование и нефтегазовая отрасль. Наблюдается увеличение реализации различных цифровых проектов в крупнейших российских компаниях, например, около 85% таких компаний использовали решения с искусственным интеллектом [6].

Таким образом, в российской экономике созданы условия для осуществления цифровизации экономики коммерческого и некоммерческого секторов. Координация экономических интересов субъектов на основе использования цифровых технологий наиболее интенсивно осуществляется в тех сферах деятельности, которые взаимосвязаны с государством, а также в финансовой деятельности, ИТ-отраслях.

Библиографический список

1. *Самые цифровые страны мира // Harvard Business Review Россия. URL: https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/853688.*
2. *Рассказова Н.В. Устойчивое развитие социально-экономической системы в контексте теории интересов // Философия хозяйства. 2013. № 5 (89). С. 149–158.*

3. *Цифровая экономика: 2021: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. 124 с.*
4. *Цифровые технологии // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций российской Федерации — https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/878/#section-docs.*
5. *Информационное общество // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14478.*
6. *Цифровая трансформация в России: итоги 2020 г. и перспективы развития // Аналитический центр при Правительстве российской Федерации. 16 декабря 2020 г. URL: https://ac.gov.ru/news/page/cifrovaa-transformacia-v-rossii-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razvitia-26801.*

References

1. *Samye cifrovye strany mira // Harvard Business Review Россия. URL: https://hbr-russia.ru/innovatsii/trendy/853688.*
2. *Rasskazova N.V. Ustojchivoe razvitie social'no-ekonomicheskoj sistemy v kontekste teorii interesov // Filosofiya hozyajstva. 2013.№ 5 (89). S. 149–158.*
3. *Cifrovaya ekonomika: 2021: kratkij statisticheskij sbornik / G.I. Abdrahmanova, K.O. Vishnevskij, L.M. Gohberg i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». — M.: NIU VSHE, 2021. 124 s.*
4. *Cifrovye tekhnologii // Ministerstvo cifrovogo razvitiya, svyazi i massovyh kommunikacij rossijskoj Federacii — https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/878/#section-docs.*
5. *Informacionnoe obshchestvo // Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14478.*
6. *Cifrovaya transformaciya v Rossii: itogi 2020 g. i perspektivy razvitiya // Analiticheskij centr pri Pravitel'stve rossijskoj Federacii. 16 dekabrya 2020 g. URL: https://ac.gov.ru/news/page/cifrovaa-transformacia-v-rossii-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razvitia-26801.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
440026, Россия, Пенза, ул. Красная, д. 40.
Penza State University, 40, st. Krasnaya, 440026, Penza, Russia.
Рассказова Наталья Валерьевна / Natalia V. Rasskazova
ras-nat@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ДИФФУЗИЮ ЗНАНИЙ В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

INFLUENCE OF DIGITALIZATION ON DIFFUSION OF KNOWLEDGE IN PSKOV REGION

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-417-422

ПЕРЫШКИН Михаил Олегович
Ассистент кафедры экономики, финансов и финансового права,
Псковский государственный университет

Mikhail O. PERYSHKIN
Assistant of the Department of Economics, Finance and Financial Law,
Pskov State University
ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-2883-1565

Аннотация Необходимость развития инновационной экономики для сохранения глобальной конкурентоспособности остается актуальной задачей для экономики России и ее регионов. Цель работы заключается в исследовании роли цифровизации в процессе диффузии знаний. В данной работе представлены результаты исследования патентных документов, зарегистрированных в Псковской области за период с 2012 по 2019 год. На основе полученных данных была построена сеть знаний и проведен корреляционный анализ характеристик полученной сети с показателями цифровизации Псковской области.

Abstract The necessity to develop an innovative economy to maintain global competitiveness remains an urgent task for the economy of Russia and its regions. The purpose of the work is to study the role of digitalization in the process of knowledge diffusion. This paper presents the results of a study of patent documents registered in the Pskov region for the period from 2012 to 2019. Based on the data obtained, a knowledge network was built and a correlation analysis of the characteristics of the resulting network with the digitalization indicators of the Pskov region was carried out.

Ключевые слова Диффузия знания, цифровизация, региональная экономика, сетевые структуры, патентная активность.

Keywords Knowledge diffusion, digitalization, regional economy, network structures, patent activity.

Вводная часть

Рост конкуренции подталкивает бизнес к необходимости поиска долгосрочных векторов развития. Развитие инновационного производства, предлагающее рынку более эффективный или уникальный продукт, является преимуществом в конкурентной борьбе не только отдельного хозяйственного субъекта, но и региона и страны в целом. Актуальность данного исследования заключается в необходимости развития инновационной экономики для сохранения глобальной конкурентоспособности России. Одним из факторов, влияющих на уровень инновационного развития, является уровень взаимодействия хозяйственных субъектов. Цифровизация расширяет форматы взаимодействия и дает возможности исследовательским группам из разных уголков мира взаимодействовать друг с другом. В процессе совместной работы люди формируют устойчивые связи, которые в дальнейшем развиваются в сетевые структуры. Под сетью понимают набор узлов и связей, представляющий собой некоторые отношения или их отсутствие между узлами [1]. Сеть выступает инструментом передачи информации от одного участника к другому. Важность развития взаимодействия заключается в синергическом эффекте, который является одним из факторов развития инновационной экономики. Так, наблюдается положительная взаимосвязь между пространственной кластеризацией, локальными потоками знаний и инновационной продукцией фирмы [2].

Из-за своей абстрактности знания сложно идентифицировать и классифицировать. В рамках экономических и управленческих наук наиболее признанной таксономией знаний принято считать классификацию Нонаки и Такеучи. Они выделяют две категории знаний: явные и неявные. Под явными знаниями понимают формальные и систематические знания. Неявные знания — это личное знание, способности или умения, основанные на собственном опыте человека. Для развития диффузии знаний необходимо развивать преобразования неявных знаний в явные [3].

Для создания нового продукта необходимо развитие взаимодействия между участниками исследовательского коллектива, а также с другими исследовательскими коллективами. Процесс взаимодействия и обмена знаниями порождает диффузию. Под ней понимают процесс, в котором знания передаются среди участников конкретной социальной группы [4]. Создание устойчивых каналов диффузии знаний становится одной из основных задач для организаций, которые хотят производить и развивать инновационную продукцию.

Выделяют следующие каналы диффузии [2]:

1. Персональные каналы.

К персональным каналам можно отнести:

- личный контакт;
- мобильность рабочей силы.

2. Публичные и институциональные каналы.

К публичным и институциональным каналам можно отнести:

- публичные источники (научные издания, патентные базы данных и т.д.);
- мнение потребителя [5].

На процесс диффузии знаний оказывает влияние множество факторов, которые сложно идентифицировать и оценить их вероятность. Например, степень культурного барьера, уровень эмоционального интеллекта работника и т.д. Инструменты цифровизации (далее — ИЦ) позволяют частично снизить влияние этих факторов на процесс диффузии знаний. ИЦ нельзя рассматривать как единую категорию.

Для каждого из рассмотренных каналов необходимо применение разных ИЦ. Сам факт внедрения ИЦ в процесс работы организации изменяет процесс диффузии знаний.

Наиболее распространенной формой ИЦ можно считать видеосвязь. Возможность представить свой доклад на широкую аудиторию из любой точки мира расширяет географию участников сети знаний, однако очные встречи позволяют не только предоставить свое исследование перед компетентной аудиторией, но и создает среду для неформальных бесед, что оказывает положительное влияние на диффузию знаний. Также в ходе видеосвязи могут возникнуть проблемы межличностного взаимодействия, так как такой вид связи не позволяет полностью оценить невербальные характеристики собеседника. В то же время подобные форматы взаимодействия позволяет снижать представительские расходы организации. Публичные каналы по-другому реагируют на внедрение информационных технологий. Так, статьи, которые чаще всего цитируются, — это те статьи, которые доступны в интернете. В среднем статья, доступная в интернете, цитируется в 2,6 раза больше, чем статья, доступная только на бумажном носителе. Несмотря на тот факт, что такая зависимость может быть связана с тем, что часть статей носит фундаментальный характер и их цитируемость не зависит от способа размещения, но можно иметь основания полагать, что более высокая доступность статей увеличивает вероятность их прочтения и цитирования в дальнейшем [2]. Однако внедрение информационных технологий не является самоцелью и несет дополнительные риски и ограничения для организации. Так, расширение доступа к информации не может гарантировать, что полученная информация будет правильно воспринята или ей будет найдено место в процессе разработки инновационного продукта. Также важно отметить факт возможного проникновения псевдознаний в организацию. В науках об экономике и управлении псевдознания не считаются знаниями как таковыми, это форма маскировки бесполезной информации с целью получения собственной выгоды [6].

Цель исследования — рассмотреть, как процессы цифровизации повлияли на диффузию знаний между авторскими коллективами и отдельными авторами патентов в Псковской области за период с 2012 по 2019 год.

Материалы и методика исследования

Теоретическая база исследования включает отечественную и зарубежную литературу по управлению знаниями и сетевым структурам. Практической базой для исследования выступали данные из отрытых реестров Федеральной службы по интеллектуальной собственности РФ. В ходе проведения работ были применены аналитический, синтетический и сетевой методы исследования. Метод сетевого анализа основан на изучении сообществ и их взаимоотношений, которые формируют сетевую структуру, а также анализе ключевых факторов, влияющих на характеристики сформировавшейся сетевой структуры. Результаты сетевого анализа представляются в форме графа, где вершинами выступают участники сети, а ребра отображают их взаимосвязь. В процессе анализа патентной активности в Псковской области были рассмотрены следующие характеристики построенного графа:

- Средневзвешенная степень вершины — количество вершин, напрямую связанных друг с другом.
- Диаметр — расстояние между наиболее удаленными друг от друга вершинами графа.

- Плотность — отношение между реальным числом связей и максимально возможным при данном количестве вершин.
- Средняя длина пути — среднее количество шагов вдоль кратчайших путей для всех возможных пар сетевых узлов.
- Модулярность — показатель, характеризующий уровень кластеризации участников сети. Чем больше уровень модулярности, тем более плотные связи между узлами внутри кластеров, но слабые связи между узлами других кластеров.

Результаты исследования

В рамках исследования был проведен анализ социальных сетей на основе данных патентных заявок в Псковской области. Всего было рассмотрено 174 патента на промышленные образы, полезные модели и базы данных, зарегистрированные в Псковской области в период с 2012 по 2019 год. Общее количество авторов — 237. Под фактом диффузии знаний в исследовании понимается работа авторов над одним патентом.

В ходе исследования были получены следующие результаты — снизилась средневзвешенная степень вершины с 2,031 до 1,707, то есть если в 2012 году в среднем над одним патентом работало 2 человека, то в 2019 стало больше патентов, разработанных одним автором. В то же время диаметр графа за 7 лет не изменился. Несмотря на снижение числа авторов одного патента — общий уровень взаимодействия между участниками сети остался прежний. Средняя длина пути увеличилась с 1,816 до 2,053. То есть для того чтобы в 2019 году привлечь к работе над патентом необходимого исследователя, требовалось осуществить большее количество взаимодействий с участниками сети, чем в 2012 году. По результатам анализа характеристик графа можно прийти к выводу, что, несмотря на небольшой рост дифференциации участников сетевой структуры, модулярность графа, наоборот, снижается, что свидетельствует о том, что авторы не образуют надолго исследовательские коллективы, а постоянно взаимодействуют друг с другом.

Для оценки влияния процессов цифровизации на диффузию знаний был проведен корреляционный анализ с показателями развития цифровой экономики в Псковской области. Они были разделены на три группы:

1. Показатели цифровизации организаций в Псковской области. К данной группе были отнесены показатели «Число персональных компьютеров в организациях» и «Организации, использовавшие специальные программные средства».
2. Показатели патентной и исследовательской активности организаций в Псковской области. К данной группе были отнесены показатели «Использование результатов интеллектуальной деятельности» и «Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками по Псковской области».
3. Показатели расходов на цифровизацию в организациях Псковской области. К данной группе были отнесены показатели «Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам затрат по Псковской области» и «Распределение затрат организаций на информационные и коммуникационные технологии по видам».

В ходе корреляционного анализа были получены следующие результаты. На процесс диффузии знаний оказывают наибольшее влияние показатели из группы 2. Так, чем больше организация инвестирует в привлечение сторонних организаций и специалистов по информационным и коммуникационным технологиям (кроме

услуг электросвязи и обучения), тем больше вероятность, что над патентом будет одновременно работать больше исследователей. Это может быть связано как с приобретением новых знакомств в ходе работы с приглашенными специалистами, так и с целенаправленным привлечение сторонних специалистов к работе над новыми разработками. Кроме того, увеличение затрат на обучение сотрудников в сфере информационных и коммуникационных технологий повышает вероятность привлечения новых авторов, ранее не взаимодействовавших с исследовательскими коллективами. Это может быть связано как с новыми знакомствами, появляющимися в процессе обучения, так и за счет приобретения новых навыков в сфере информационных и коммуникационных технологий и применением их в исследовательской деятельности. Важным фактором, влияющим на диффузию знаний, являются затраты на новое программное обеспечение, которое ускоряет поиск партнера для работы над патентом.

Заключение

Цифровизация является объективной и неизбежной тенденцией развития современной экономики. Как видно из рассмотренных данных, цифровизация изменила характер диффузии знаний в Псковской области. За рассматриваемый период произошел рост кластеризации среди участников сети, то есть начали складываться долговременные авторские коллективы, в то же время сеть стала более открытой, это подтверждает снижение уровня модулярности. По результатам корреляционного анализа можно говорить, что наибольшее влияние на диффузию знаний оказывает целенаправленная работа по развитию человеческого капитала в организации.

Библиографический список

1. *Brass D.J., Galaskiewicz J., Greve H.R., Tsai W. (2004) Taking Stock of Networks and Organizations: A Multilevel Perspective // Academy of Management Journal. Vol. 47. P. 795–817. DOI: https://doi.org/10.5465/20159624.*
2. *Autant-Bernard C., Massard N. (2009). Underlying mechanisms of knowledge diffusion. URL: https://www.researchgate.net/publication/267258051_Underlying_mechanisms_of_knowledge_diffusion (дата обращения: 03.06.2021).*
3. *Cheng Q., Chang Y., (2020). Influencing factors of knowledge collaboration effects in knowledge alliances // Knowledge Management Research & Practice. Vol. 18. P. 380–393. DOI: https://doi.org/10.1080/14778238.2019.1678412.*
4. *Rogers E. (2003). Diffusion of Innovations. Free Press: New York.*
5. *Земнухова Л.В. Социальные исследования технологий: эволюция и взаимодействие подходов // Экономическая социология. 2018. № 5.*
6. *Cameron R., Cockrell D., Stone N., (2010) Industry culture influences pseudo knowledge sharing: a multiple mediation analysis // Journal of Knowledge Management. Vol. 14. P. 841–857.*

References

1. *Brass D.J., Galaskiewicz J., Greve H.R., Tsai W. (2004) Taking Stock of Networks and Organizations: A Multilevel Perspective // Academy of Management Journal. Vol. 47. P. 795–817. DOI: https://doi.org/10.5465/20159624 (in Eng.).*

2. *Autant-Bernard C., Massard N. (2009). Underlying mechanisms of knowledge diffusion. URL: https://www.researchgate.net/publication/267258051_Underlying_mechanisms_of_knowledge_diffusion (accessed: 03.06.2021) (in Eng.).*
3. *Cheng Q., Chang Y., (2020). Influencing factors of knowledge collaboration effects in knowledge alliances // Knowledge Management Research & Practice. Vol. 18. P. 380–393. DOI: https://doi.org/10.1080/14778238.2019.1678412 (in Eng.).*
4. *Rogers E. (2003). Diffusion of Innovations. Free Press: New York. (in Eng.)*
5. *Zemnukhova L.V. Social research of technologies: evolution and interaction of approaches // Economic sociology. 2018. No. 5 (In Russ).*
6. *Cameron R., Cockrell D., Stone N., (2010) Industry culture influences pseudo knowledge sharing: a multiple mediation analysis // Journal of Knowledge Management. Vol. 14. P. 841–857 (in Eng.).*

Контактная информация / Contact information

Псковский государственный университет
180000, Псков, ул. Льва Толстого, д. 4, к. 2.
Pskov State University
4 Leo Tolstoy St., building 2, Pskov, 180000, Russia.
Перышкин Михаил Олегович / Mikhail O. Peryshkin
maik.peryshkin@gmail.com

«ЗЕЛЕНЫЕ» ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

«GREEN» TECHNOLOGIES AS A FACTOR IN THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-423-430

МАНТАЕВА Эльза Ивановна
Проректор по экономике и инновациям ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», председатель правления Калмыцкой региональной организации ВЭО России, д.э.н., профессор

Elza I. MANTAEVA
Vice-rector for Economics and Innovation, Kalmyk State University, Chairman of the Board of the Kalmyk Regional Organization of the VEO of Russia, Doctor of Economics, Professor

ГОЛДЕНОВА Виктория Сергеевна
Доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», к.э.н.

Victoria S. GOLDENOVA
Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration, Kalmyk State University, PhD in Economics

СЛОБОДЧИКОВА Инна Валентиновна
Доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», к.э.н.

Inna V. SLOBODCHIKOVA
Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration, Kalmyk State University, PhD in Economics

Аннотация

Начиная с конца 1980-х годов в мире произошло переосмысление взглядов на человеческое воздействие на состояние окружающей среды. В связи с этим возникли

различные теории, делающие акцент на бережливом отношении к окружающей среде при сохранении устойчивых темпов экономического роста. Эти теории получили название «концепция устойчивого развития». Экологическая составляющая устойчивого развития делает акцент на бережливом отношении к экосистеме, «зеленых» технологиях как основе инновационного роста и защите права будущих поколений на качество окружающей среды. Большинство развитых стран уже делают акцент на развитие таких «зеленых» технологий, как гидроэнергетика, ветровая энергетика, солнечная и биоэнергетика, а также геотермальная энергетика. В связи с возрастающими потребностями стран в энергетических ресурсах именно развитие «зеленой» энергетики способно стать ключевой точкой экономического роста национальной экономики, не нанося ущерб состоянию окружающей среды.

Abstract

Since the late 1980s there has been a global rethinking of the human impact on the environment. This led to the emergence of various theories emphasizing environmental stewardship while maintaining a sustainable rate of economic growth. These theories are called the concept of sustainable development. The ecological component of sustainable development emphasizes a frugal attitude to the ecosystem, «green» technologies as the basis for innovative growth and protection of the right of future generations to the quality of the environment. Most developed countries already emphasize the development of such "green" technologies as hydropower, wind power, solar and bioenergy, and geothermal energy. Due to the growing demand of countries for energy resources, it is the development of "green" energy that can become a key point of economic growth of the national economy without harming the environment.

Ключевые слова Устойчивое развитие, национальная экономика, «зеленая» энергетика, возобновляемые источники энергии, региональная экономика, экологическая составляющая экономического развития.

Keywords Sustainable development, national economy, «green» energy, renewable energy sources, regional economy, environmental component of economic development.

В настоящее время перед всеми странами и регионами стоит не только задача активного стимулирования экономического развития как средства удовлетворения основных материальных потребностей, но и необходимость улучшения качества жизни населения в целом. В этой связи актуализируется проблема защиты окружающей среды и бережливого использования природных ресурсов. Государства ставят перед собой в качестве первоочередных задач сохранение ограниченных ресурсов с целью заботы о будущих поколениях. В конце 1980-х годов произошла радикальная переоценка взглядов на антропогенное воздействие на окружающую среду, экологические последствия использования ресурсов и взаимосвязи между окружающей средой, бедностью и экономическими изменениями [1]. В результате возник новый подход к вопросам окружающей среды и экономического развития — подход, основанный на так называемом принципе «конкурирующих целей», то есть сохранение окружающей среды и природных ресурсов, экономический рост

или удовлетворение потребностей человека [2]. Эта концепция получила название «устойчивое развитие».

В основе концепции устойчивого развития лежит предположение о том, что благосостояние нации зависит не только от ее экономического богатства, но и от благоприятной окружающей среды и среды обитания. Предполагается, что экономическое развитие не будет иметь смысла, если не будут предотвращены риски, угрожающие окружающей среде. Нанося непоправимый ущерб окружающей среде или истощая имеющиеся природные ресурсы, мы ограничиваем доступ будущих поколений к этим ресурсам и тем самым ставим под угрозу их способность удовлетворять свои собственные потребности в будущем. Таким образом, устойчивое развитие — это взаимодействие экономики и окружающей среды и то, как ими управлять для обеспечения равноправия между поколениями.

Несмотря на кажущуюся противоречивость целей устойчивого развития, в долгосрочной перспективе они более выгодны. Например, экономический рост может вступить в конфликт с сохранением природных ресурсов. Тем не менее в долгосрочной перспективе ответственное использование природных ресурсов в настоящее время поможет обеспечить наличие ресурсов для устойчивого экономического роста в далеком будущем.

Устойчивое развитие является концепцией, которая встречается во многих литературных источниках по вопросам окружающей среды и развития и, таким образом, становится все более популярной в современном мире. Соответственно, в настоящее время существует много определений устойчивого развития. В большинстве определений подчеркивается, что устойчивость требует принятия решений, в которых признается взаимосвязь между экономическим ростом и его воздействием на окружающую среду, экономику и общество.

Одним из наиболее часто цитируемых определений устойчивого развития является определение, содержащееся в докладе Г.Х. Брундтланда, в котором устойчивое развитие определяется как «развитие, удовлетворяющее потребности настоящего времени без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [3].

Другим определением концепции устойчивого развития является «Заботливое отношение к Земле», где под устойчивостью развития понимается подход, направленный на «улучшение качества жизни человека при жизни в пределах несущей способности поддерживающих систем» [4]. Устойчивое развитие подразумевает использование ограниченных ресурсов и воздействие на окружающую среду таким образом, чтобы не уничтожать и не ухудшать их состояние, а также не уменьшать их полезность для будущих поколений.

Используя экономические инструменты, ранние теоретики экономической мысли предполагали, что экономическое развитие может сосуществовать с политикой защиты окружающей среды, а также может способствовать инновациям и приносить прибыль. Артур Пигу еще в 1920 году в своей работе «Экономика благосостояния» отметил, что расхождение между предельными частными издержками и выгодами и предельными социальными издержками и выгодами создает то, что мы сейчас называем внешними эффектами или экстерналиями [5]. Эти внешние эффекты выступают как побочные эффекты от экономической деятельности или как издержки либо выгоды, не учтенные в ценах товара или услуги. Для интернализации отрицательных внешних эффектов Пигу предложил ввести налог на те

виды деятельности, которые их создают, по ставке, которая бы сравняла частные и социальные издержки. Данный налог получил название налог Пигу, благодаря введению данного налога рыночная цена будет более точно отражать затраты и выгоды от экономической деятельности. Практическая реализация налога Пигу оказалась крайне сложна, возникли региональные и глобальные экологические проблемы. Выяснилось, что рыночная система неспособна эффективно распределить экологические ресурсы и дать адекватную денежную оценку их деструктивному использованию.

Принимая во внимание доводы А. Пигу, Майкл Портер и Клаас ван дер Линде теоретически обосновали, что загрязнение окружающей среды можно рассматриваться как признак неэффективного использования ресурсов. На основе этого был сделан вывод, что именно улучшения в производственных процессах, снижающие уровень загрязнения окружающей среды, являются условием достижения компромисса между экологией и экономикой [6]. В своей работе авторы обосновывают, что конкурентные преимущества имеют прямую зависимость от способности к инновациям, именно поэтому строгие экологические нормы могут привести к стимулированию инноваций и, соответственно, уровня конкурентоспособности и прибыльности [6].

Таким образом, экологическая составляющая устойчивого развития определяет, как защитить экосистемы, качество воздуха, целостность и устойчивость наших ресурсов, и фокусируется на тех элементах, которые оказывают нагрузку на окружающую среду. Она также касается того, как технологии будут определять наше более «зеленое» будущее и что развитие технологий и инноваций является ключом к такой устойчивости и защите окружающей среды будущего от потенциального ущерба, который может быть нанесен научно-техническим прогрессом.

С конца прошлого столетия все большее развитие получает концепция «зеленой» экономики как инновационной формы технологической модели и одного из основных факторов достижения экологически устойчивого развития. В свете растущих глобальных проблем, таких как изменение климата, рост численности населения, загрязнение окружающей среды, а также неэффективное использование и истощение природных ресурсов, странам необходимо применять технологии и подходы к экономической деятельности, которые являются менее вредными для окружающей среды и сохраняют ресурсы. Устойчивое развитие связано с меньшим ущербом для окружающей среды и учетом потребностей будущих поколений и должно стимулироваться политикой как на международном уровне, так и на уровне отдельной страны [7].

Так, в Европейской стратегии «умного, устойчивого и инклюзивного роста» выделяются следующие основные факторы, способствующие укреплению экономики: «умный» рост (развитие экономики, основанной на знаниях и инновациях); устойчивый рост (содействие созданию более ресурсоэффективной, более «зеленой» и более конкурентоспособной экономики); инклюзивный рост (содействие созданию экономики с высокой занятостью, обеспечивающей социальную и территориальную сплоченность). В структуре данной стратегии выделены разделы, посвященные вопросам рационального использования природных ресурсов и источников энергии, а также преимуществам использования возобновляемых источников энергии [8].

В связи с этим странам необходимы четко определенные программы действий и показатели для мониторинга устойчивого развития и «зеленого» роста. Переход

к «зеленым» технологиям должен консолидировать глобальные тенденции повышения благосостояния людей и их социального равенства при одновременном снижении экологических рисков. Успех этого курса зависит от усилий стран по увеличению государственных инвестиций и расходов от введения экологических налогов и подходов (которые компенсируют недостаточное влияние рыночных институтов) для снижения «экологического следа» промышленности, от совершенствования нормативно-правовой базы в области охраны окружающей среды [9].

Как показывают исследования, среди основных факторов достижения устойчивого развития приоритетным является использование «зеленых» технологий, в частности «зеленой» энергетики как части энергопроизводящей системы, использующей возобновляемые источники энергии. Стоит отметить, что возобновляемые источники энергии с их технологиями производства и применения признаны мировым сообществом как альтернативный экологичный вид топлива в отличие от угроз загрязнения в результате использования ископаемых видов топлива. При этом степень достижения устойчивости, основанной на развитии «зеленой» энергетики, увеличивается с возрастанием степени воздействия на технологии, отрасли и сферы применения. Негативные последствия для промышленного, технологического, социального и экономического развития частично или полностью снижаются на протяжении всего процесса перехода к использованию «зеленой» энергии и технологий, когда возможные стратегии в области устойчивой энергетики являются предпочтительными и активно внедряются. Стратегии устойчивого развития на основе «зеленой» энергетики могут внести весомый вклад в экономику стран, в которых стимулируется ускоренное освоение альтернативных возобновляемых источников энергии (например, энергия ветра, солнца, приливов и отливов, биомассы). Поэтому органам власти государств следует поощрять инвестиции в экологически чистое энергоснабжение и прогресс в деле замены ископаемых видов топлива экологически чистой энергией в целях обеспечения более экологически чистого и устойчивого будущего [10].

Согласно анализу, приведенному в издании Power-technology, гидроэнергетика является наиболее широко используемым возобновляемым источником энергии. Мощность гидроэлектростанций в мире составляет более 18% от общей мощности по выработке электроэнергии и более 54% от глобальной мощности по выработке электроэнергии из возобновляемых источников. В Китае, Бразилии, США, Канаде и России расположены одни из крупнейших гидроэнергетических объектов в мире.

Вторым наиболее широко используемым возобновляемым источником энергии признается ветровая энергия, на долю которой приходится около 24% от общей мировой мощности по производству возобновляемой энергии. Китай, США, Германия, Испания, Индия, Великобритания, Италия, Франция, Бразилия, Канада и Португалия являются крупными ветроэнергетическими странами, на долю которых приходится более 85% всех ветроэнергетических мощностей в мире.

Солнечная энергия выступает третьим по величине возобновляемым источником энергии в мире. Китай, США, Германия, Япония, Испания, Италия, Индия обладают самыми большими мощностями в мире по использованию технологии концентрирования солнечной энергии.

Биоэнергетика определена в качестве четвертого по величине возобновляемого источника энергии. Современная биомасса (биотопливо, древесные гранулы) все чаще используются для производства тепла и электроэнергии наряду с традицион-

ными источниками биомассы (побочные продукты сельского хозяйства). США, Бразилия, Китай, Индия, Германия и Швеция в настоящее время являются ведущими производителями биоэнергии в мире.

Геотермальная энергия — это пятый по величине возобновляемый источник электроэнергии в мире. Виды «зеленой» энергии, производимой с использованием геотермальных источников, — это электроэнергия, а также прямая тепловая энергия. США, Филиппины, Индонезия, Мексика, Турция, Италия входят в пятерку крупнейших производителей геотермальной энергии в мире [11].

Рост мировой экономики влечет за собой увеличение потребления энергии, в связи с чем все более актуальным становится стремление получать энергию с минимальными затратами при условии снижения загрязнения окружающей среды. По прогнозам экспертов, к 2035 году на возобновляемые источники энергии будет приходиться более половины мирового производства электроэнергии. При этом на сегодняшний день производство энергии в ряде государств часто не соответствует требованиям к энергоресурсам, к экологической безопасности. В частности, современный уровень использования «зеленой» энергетики в России все еще не достиг достаточного уровня. Данная ситуация складывается не только в энергетическом секторе, экологические технологии в стране в целом развиваются неравномерно и в других сферах. В то время как развитые страны уже начали кампанию по развитию чистых технологий, в России этот процесс только начался. Отставание во многом обусловлено недостаточным спросом со стороны бизнеса и населения. Но стоит отметить наметившуюся в последнее время тенденцию к увеличению спроса и роста инвестиций, особенно в альтернативную энергетику, энергосбережение.

Таким образом, «зеленый» рост способен снизить уровень бедности, уменьшить уязвимость к изменению климата, создать условия для экономического роста, повысить энергетическую безопасность. При этом инновационные процессы и научные знания имеют основополагающее значение для обеспечения рационального использования природных ресурсов [12]. В свою очередь, переход на использование возобновляемых источников энергии направлен на снижение негативного влияния на энергетический баланс планеты, и это является важной компонентой концепции устойчивого развития национальных экономик. Что, в свою очередь, послужило причиной активного развития возобновляемой энергетики за рубежом и в России. И в целом для создания и внедрения экологических технологий в России имеется большой потенциал при условии использования новых стимулирующих инструментов в рамках научно-технической, инвестиционной политики государства и развития рынка зеленого финансирования [13].

Стоит отметить, что каждый регион страны имеет возможность развивать определенный вид энергии. Например, природно-климатические условия Республики Калмыкии благоприятны для строительства генерирующих объектов с использованием возобновляемых источников энергии, в частности энергии ветра. В целях развития энергетической системы республики на государственном уровне определены направления по обеспечению региона доступной электроэнергией. В их числе — реализация инвестиционных проектов по строительству новых генерирующих объектов. Так, декабре 2020 года в Калмыкии введены в промышленную эксплуатацию Салынская и Целинская ветроэлектростанции, которые стали самыми крупными объектами генерации в регионе [14].

Мировой опыт демонстрирует успешный переход стран на уровень устойчивого развития на основе создания и внедрения «зеленых» технологий в различных отраслях экономики, что нашло отражение в государственной политике современных государств. Основываясь на изучении практики зарубежных стран, Россия может выработать свой подход по развитию «зеленой» энергетики, генерации возобновляемых источников энергии, способной конкурировать с традиционной энергетикой, что направлено на сохранение окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов.

Библиографический список

1. *Taiwo A.A. Waste Management Towards Sustainable Development: A Case Study of Lagos // International NGO Journal. — 2009. — Vol 4.*
2. *Старикова Е.А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития // Вестник РУДН. Серия: Экономика. — 2017. — Том 25 № 1. — С. 7–17.*
3. *United Nations 1987 Our Common Future (USA: Oxford University Press).*
4. *Trzyna T.C. ed. A Sustainable World: Defining and Measuring Sustainable Development / London: Earthscan Publication, Ltd, 1995.*
5. *Pigou A. The Economics of welfare / London, England: Macmillan and Company, 1920.*
6. *Michael E Porter and Claas van der Linde. Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship // Journal of Economic Perspectives. — 1995. — Vol 9 Number 4 Fall. — Pp. 97–118.*
7. *Guo M., Nowakowska-Grunt J., Gorbanyov V. and Egorova M. Green technology and sustainable development: Assessment and green growth frameworks // Sustainability. — 202012 (16) 6571.*
8. *Silander D. The European Commission and Europe 2020: Smart, sustainable and inclusive growth In Smart, Sustainable and Inclusive Growth /Karlsson C., Silander D., Pircher B. ed. Edward Elgar Publishing: Cheltenham UK, 2019. — Pp. 2–35.*
9. *Martínez C.I. P and Poveda A.C. The Importance of Science, Technology and Innovation in the Green Growth and Sustainable Development Goals of Colombia // Environmental and Climate Technologies. — 2021. — 25 (1). — Pp. 29–41.*
10. *Midilli A., Dincer I., and Ay M. Green energy strategies for sustainable development // Energy policy. — 2006. — № 34 (18). — Pp. 3623–3633.*
11. *The world's most used renewable power sources 2020 Jan. 06 Power-technology.com Retrieved from https://www.power-technology.com/features/featurethe-worlds-most-used-renewable-power-sources-4160168/.*
12. *Piskulova N. "Green" technologies in the global economy // 2012 June 22 Retrieved from https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/green-technologies-in-the-global-economy/*
13. *Боркова Е.А. Государственная поддержка зеленых инвестиций (на примере возобновляемых источников энергии) // Управленческое консультирование. — 2020. — 3 (135). — С. 73–79.*
14. *Retrieved from http://economy.kalmregion.ru/ — официальный сайт министерства экономики и торговли Республики Калмыкия.*

References

1. *Taiwo A.A. Waste Management Towards Sustainable Development: A Case Study of Lagos // International Journal of NGOs. — 2009. — Vol 4.*
2. *Starikova E.A. Modern Approaches to the Interpretation of the Concept of Sustainable Development. Series: Economics. — 2017. — Vol. 25 No. 1 — pp. 7–17.*
3. *United Nations 1987 Our Common Future (USA: Oxford University Press).*

4. *Trzyna T.C. ed. A Sustainable World: Defining and measuring sustainable development / London: Earthscan Publication, Ltd, 1995.*
5. *Pigou A. The Economics of welfare / London, England: Macmillan and Company, 1920.*
6. *Michael E Porter and Claas van der Linde. Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship // Journal of Economic Perspectives. — 1995. — Vol 9 Number 4 Fall. — pp. 97–118.*
7. *Guo M., Nowakowska-Grunt J., Gorbanyov V. and Egorova M. Green technology and sustainable development: evaluation and framework for green growth. — 202012 (16) 6571.*
8. *Silander D. The European Commission and Europe 2020: Smart, sustainable and inclusive growth In Smart, Sustainable and Inclusive Growth /Karlsson C., Silander D., Pircher B. ed. Edward Elgar Publishing: Cheltenham UK, 2019. — pp. 2–35.*
9. *Martínez C.I. P and Poveda A.C. The Importance of Science, Technology and Innovation in the Green Growth and Sustainable Development Goals of Colombia // Environmental and Climate Technologies. — 2021. — 25 (1). — pp. 29–41.*
10. *Midilli A., Dinser I. and Ai M. Green energy strategies for sustainable development // Energy Policy. — 2006. — № 34 (18). — pp. 3623–3633.*
11. *World's Most Used Renewable Energy Sources 2020 Jan. 06 Power-technology.com Retrieved from https:// www.power-technology.com/features/featurethe-worlds-most-used-renewable-power-sources-4160168/.*
12. *Piskulova N. "Green" technologies in the global economy // 2012 June 22 Retrieved from https:// russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/green-technologies-in-the-global-economy/*
13. *Borkova, E.A. State support for green investments (by the example of renewable energy sources) // Management Consulting. — 2020. — 3 (135). — С. 73–79.*
14. *Retrieved from http://economy.kalmregion.ru/ — official website of the Ministry of Economy and Trade of the Republic of Kalmykia.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000, Республика Калмыкия, Элиста, ул. Пушкина, 11.
Kalmyk State University
358000, Republic Kalmykia, Elista, Pushkin street, 11.

Мантаева Эльза Ивановна / Elsa I. Mantaeva
mantaeva08@yandex.ru
Голденова Виктория Сергеевна / Victoria S. Goldenova
goldenova-vs@yandex.ru
Слободчикова Инна Валентиновна / Inna V. Slobodchikova
slobodchikova-iv@yandex.ru

«КРЫМСКИЙ СИНДРОМ» В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

«CRIMEAN SYNDROME» IN THE RUSSIAN ECONOMY

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-431-434

МУРАДОВ Георгий Львович
Заместитель Председателя Совета министров Республики Крым — Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте Российской Федерации, Правительство Республики Крым, член Правления ВЭО России, кандидат исторических наук

Georgy L. MURADOV
Deputy Prime-Minister- Permanent Representative of the Republic of Crimea to the President of the Russian Federation, Government of the Republic of Crimea, Member of the Board of VEO Russia, PhD of History

Аннотация

В данной статье затрагивается тема развития экономики России в условиях блокады Крыма со стороны иностранных и российских банков, компаний и организаций. Автор призывает к консолидированному и единовременному началу работы на полуострове крупнейших экономических акторов. Одной из основных задач является предотвращение неприятия российского статуса Крыма на уровне крупного российского бизнеса. Со стороны правительства Крыма важно обеспечить открытость к инновациям и цифровым технологиям. Главная задача — системно и консолидированно ликвидировать сложившийся в деловом сообществе России «Крымский синдром».

Abstract

This article touches upon the development of the Russian economy under the conditions of the blockade of Crimea by foreign and Russian banks, companies and organizations. The author calls for a consolidated and one-time start of work on the peninsula of the largest economic actors. One of the main tasks is to prevent the rejection of Russian status of Crimea by big Russian business. It is important for the Crimean government to ensure openness to innovation and digital technologies. The main task is to eliminate the “Crimean syndrome” that has developed in the Russian business community in a systematic and consolidated manner.

Ключевые слова

Крымский синдром, Крымская весна, продовольственная блокада, экономическая блокада, экономика Крыма, государственные банки, технологии блокчейн, криптовалютные инвестиционные фонды, крымские порты.

Keywords

Crimean syndrome, Crimean spring, food blockade, economic blockade, Crimean economy, state banks, blockchain technologies, cryptocurrency investment funds, Crimean ports.

Против России развязана масштабная агрессия. Особенно ярко это видно через призму крымских проблем. Республика находится в экономической блокаде, под жесткими санкциями. Я называю это «Крымским синдромом» — процесс, который препятствует нормальной деятельности всей российской экономики. Если сейчас не защитить Крым, то синдром может постепенно охватить всю Россию.

Именно поэтому важно оказывать решительное противодействие блокаде Крыма. Мы должны четко и твердо озвучивать проблемные вопросы, выносить их на федеральный уровень и вместе находить политико-экономические решения.

Международный академический экономический форум — это одна из крупнейших площадок, которая помогает решать эти задачи. Экономисты, научное сообщество, студенты — участники Форума — не пассивные наблюдатели за глобальными экономическими, политическими изменениями в мире, процессами развития России и Крыма, а самые активные их участники.

Именно поэтому я счел необходимым участвовать в форуме на территории республики вместе с людьми, которые здесь живут, работают и ощущают происходящее вокруг Крыма на себе каждый день.

Важность Международного академического экономического форума сложно переоценить, поскольку он позволяет выявить, заострить и твердо поставить все жизненно важные вопросы, которые сегодня актуальны для экономики России и требуют продуманного решения.

На открытии МАЭФ с приветствием к участникам обратились президент России Владимир Владимирович Путин и председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ Валентина Ивановна Матвиенко. Далеко не каждый форум удостаивается внимания первых лиц государства, а значит, здесь нужно говорить все как есть, и тебя услышат. Надо выработать конкретную линию борьбы за сбережение и развитие страны. При этом представители Республики Крым должны быть максимально вовлечены в этот процесс.

В работе Арнольда Тойнби «Вызов и ответ» («Challenge and Response») автор обосновывает свою теорию о том, что в случае серьезного вызова, ответ должен быть жестче, чем вызов. Чем слабее мы отвечаем на вызов или вообще не отвечаем, тем больше будет появляться новых, еще более суровых вызовов перед нашей страной. Этой парадигмой руководствуется весь западный мир. По ней он живет и ведет себя по отношению к нам.

Сейчас транслируют много фальшивых историй о том, что Крымская весна была неожиданна для Запада, Запад, мол, испугался, а Россия создает некие угрозы и ее надо сдерживать. Запад не испугался. Он ожидал нашего ответа долгие годы. Крымчане свое намерение вернуться на историческую родину выразили еще на референдуме 91-го года.

А в связи с националистическим переворотом в Киеве ответ Крыма и России был неизбежен. Запретить русский язык в Крыму и по всей Украине, разрушить добрососедство с Россией и двигаться в НАТО, рисовать перспективу размещения в Севастополе американского флота, военной базы, ракетных комплексов и т.д. — было безумной провокацией, и крымчане этого не могли допустить. Запад прекрасно понимал, что и Крым, и Россия не смирятся с этим.

Россия, как сильное государство, достаточно спокойно реагировала на многие угрозы. Возникла транспортная блокада Крыма — запустили полным ходом паромную переправу, потом построили мосты. Возникла продовольственная блокада —

недостающее продовольствие стали поставлять из ближайших регионов России. Взорвали линии электропередач — на социальные объекты привезли генераторы для подачи электроэнергии, затем создали энергомост через Керченский пролив, построили свои электростанции. Россия всегда находила достойные ответы на вызовы.

Но сейчас давление постоянно усиливается. Происходящее сегодня — это не русофобия (боязнь России), а махровый антируссизм — ярко выраженная антироссийская политика. Смысл всей западной кампании — не сдерживание, а подрыв основ российской экономики, российского общества, социального развития нашей страны, лишение народа перспектив улучшения своего жизненного уровня, а в конечном счете — развал страны.

Буквально на днях внесен законопроект в палату представителей конгресса США о том, чтобы ни в какой форме не содействовать никаким государственным органам, организациям, гражданам в поддержании контактов с Крымом и не признавать никоим способом воссоединение Крыма с Россией. Что означает законодательно закрепить непризнание российского статуса Крыма в Соединенных Штатах? Это значит, что американцы будут жестко контролировать тот же Киев и Евросоюз, чтобы они не шли на компромисс по Крыму и тем более на восстановление добрых отношений с Российской Федерацией. Это опасная ситуация.

Но давайте посмотрим, что происходит у нас самих по крымской теме. Я возглавляю Постоянное Представительство Республики Крым в Москве. Семь лет мы не можем заключить простое соглашение о телефонизации Постпредства ни с МТС, ни с Билайн, ни с Мегафоном, только потому, что мы крымское ведомство. Не зашли на полуостров ни Российские железные дороги, ни Почта России, ни Росморпорт, ни госкорпорации. И такая ситуация множится вопреки тому, что проложили мосты и трассы к, по существу, не работающим на внешний мир портам.

Отторжение Крыма идет на уровне российских деловых структур, в т.ч. государственных. Это большая опасность, поскольку единая интегрированная экономика не выстраивается.

Возьмем, к примеру, торговые сети. Французская сеть «Ашан» в Крыму работает, немецкая сеть «Метро» работает. А наши «Магнит», «Перекресток», «Седьмой континент», «Пятерочка», «Копеечка» — нет! Люди жалуются на высокие крымские цены, но где «сетевики», которые обеспечат с помощью конкуренции приемлемый уровень цен?

С банками та же ситуация. Зарубежные компании заявляют, что готовы инвестировать, но не могут, потому что в Крыму нет наших крупнейших банков с государственным участием, с которыми они всегда работают. Если иностранные инвесторы не работают или прячутся за фирмами-посредниками, то для кого создана Свободная экономическая зона? Для мелких российских компаний, уходящих от налогов?

При этом хочу отметить, что Правительство Крыма не сидит сложа руки. Глава республики С.В. Аксенов подписал целый ряд обращений, которые рассматриваются на федеральном уровне. Мы четко и ясно сформулировали требование, чтобы в Крым единовременно и консолидировано зашли банки, корпорации, организации с государственным участием. Если в случае начала работы у нас крупнейших банков и корпораций всю Россию поставят под санкции — коллапсирует вся Европа, рухнут мировые игроки. Ясно, что на это никто в мире, даже наши ярые оппоненты, не пойдет.

Яркий пример в пользу моего утверждения — ситуация с авиаперевозчиками на крымском направлении. Так, Авиакомпания «Добролет». Зашла в 2014 г. в Крым в одиночку. На нее западные страны наложили санкции и разорили. А когда в Крым полетели единовременно все крупнейшие авиакомпании России, ничего не случилось. Потому что заблокировать всю авиационную отрасль России без неприемлимых для наших противников потерь оказалось невозможно.

Еще одна критически важная для экономики Крыма и России потребность — это восстановление международной работы наших ключевых для экономики страны крымских структур. В частности, это восстановление деятельности крымских портов (их в Крыму семь) и статуса Крыма как южных морских ворот России. Это восстановление международного уровня Симферопольского аэропорта. В этих целях федеральным ведомствам надо активно работать в международных организациях сферы гражданской авиации и морского транспорта. От них представители России должны добиться решения обозначенных проблем в интересах России и Крыма.

Сейчас в активном режиме развиваются цифровые технологии. Крыму, полагаю, необходимо создать систему расчетов по технологии блокчейн. Банки сейчас этому сопротивляются. Если обратиться к истории, можно увидеть, что в XVII–XVIII вв. ростовщики более века боролись против банков. Аналогичная ситуация сейчас — банки сопротивляются технологиям блокчейн, потому что они представляют для них угрозу, так как для расчетов в блокчейне банки не нужны. Поскольку основные банки в Крыму работать отказываются, надо формировать расчеты в блокчейне. Этому поможет принятый в прошлом году закон о цифровых активах, и этим законом нужно пользоваться — создавать на полуострове экспериментальные площадки, а возможно, и криптовалютные инвестиционные фонды. Надо вести поиск прорывных для Крыма технологий финансовых расчетов. Мы должны быть открытыми к инновациям в этой сфере, чтобы обеспечить в регионе нормальное функционирование финансового рынка. И этот вопрос руководство республики уже поставило на федеральном уровне.

Нами разработан целый комплекс мер для прорыва блокады Крыма. Полагаю, что если «Крымский синдром» не будет преодолен, то и вся российская экономика будет постоянно буксовать, а следом будет хромать социальная сфера, возрастать напряжение в обществе. Энергично ликвидировать «Крымский синдром» — одна из главных сегодняшних задач, не только для Крыма, но и для всей российской экономики.

Контактная информация / Contact information

Правительство Республики Крым
295005, Республика Крым, Симферополь, пр-т Кирова, 13.
Government of the Republic of Crimea
13, Kirov Ave., 295005, Simferopol, Republic of Crimea, Russia.
Мурадов Георгий Львович / Georgy L. Muradov
zamrk@rk.gov.ru

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

THE STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ORGANIC AGRICULTURE

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-435-440

ХОМЕНКО Вадим Васильевич
Вице-президент Академии наук Республики Татарстан, Президент Экономического общества Республики Татарстан, д.э.н., профессор

Vadim V. KHOMENKO
Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, President of the Economic Society of the Republic of Tatarstan, Doctor of Economics, Professor

Аннотация В статье представлен авторский анализ состояния, проблемных позиций и перспектив развития органического сельского хозяйства и производства экологически чистой продукции в России. Определены потенциал, технологические и организационные условия реализации данного направления.

Abstract The article presents the author's analysis of the state, problematic positions and prospects for the development of organic agriculture and the production of ecologically clean products in Russia. The potential, technological and organizational conditions for the implementation of this direction are determined.

Ключевые слова Органическое сельское хозяйство, экологически чистое сельскохозяйственное производство.

Keywords Organic agriculture, environmentally friendly agricultural production.

Производство органической продукции — динамично развивающийся сегмент мирового сельского хозяйства (+12% в год, 93 млрд EUR в 2017 г.) — темп роста потребления более чем в два раза превышает рост рынка продовольствия в целом. Спрос на сегодня сконцентрирован в нескольких странах: США, Германия, Франция, Китай, Канада, Италия. Вместе они потребляют 77% органической продукции в мире.

Лидерами по объему потребления на душу населения и проникновению органики являются страны ЕС. Основная причина такой локализации — большая прослойка населения, которая стремится потреблять более здоровую пищу и, кроме этого, готова платить существенную премию к цене аналогичного продукта.

При этом надо заметить, что даже в Европейском союзе — рекордсмене по потреблению органических продуктов — процент проникновения био/эко/органик-товаров относительно небольшой. На рынке Австрии (чемпионе Европы по потреблению биопродуктов на душу населения, не считая стран-карликов) органика занимает не более 20 процентов, в Германии менее 10 процентов, в Италии — всего 4 процента. Наша российская цель на ближайшие пару лет — на внутреннем рынке хотя бы достичь уровня 1–2 процентов.

Местонахождение земель под органическое сельское хозяйство обычно совпадают с центрами потребления. Однако органическая продукция обладает высоким потенциалом для международной торговли. Этот фактор привел к активному развитию экспортно ориентированного органического сельского хозяйства в таких странах, как Австралия, Аргентина и Китай.

Спрос на органическую продукцию превышает предложение. Благодаря этому поддерживается и высокая премия к цене (премия в развитых странах 30–50%, в России достигает 200–300%).

В проблеме развития органического сельского хозяйства парадоксально то, что часто приходиться убеждать собеседников в самой его необходимости. Мы слышим возражение, что продолжительность жизни людей и так растет. Да, но что же выступает компенсатором — медицина, таблетки…. Но мы же говорим о здоровой жизни и желательно без таблеток и других искусственных форм поддержания жизнедеятельности человека… По мнению специалистов, свыше 40% всех заболеваний людей напрямую связаны с характером питания, а 38% — с существенной его ролью[1].

Вопрос калорийности питания в большинства стран можно считать решенным. Есть, конечно, проблемы с содержание белка в структуре питания ряда африканских стран (белковое голодание). Но главная проблема — качество продуктов. В мире стало больше людей с ожирением, чем голодающих. Это — один из показателей некачественности питания (наряду с дефицитом физической нагрузки). С другой стороны, мы наблюдаем рост заболеваний такими неинфекционными недугами, как диабет, сердечно-сосудистые заболевания, онкология, что есть также прямое следствие низкого качества питания, массового использования продуктов питания, произведенных на базе так называемых «интенсивных» сельскохозяйственных технологий с большим количеством химически активных, вредных для здоровья людей веществ, препаратов, входящих в почву, растение, организм животных. Причем количество этих вредных для здоровья человека веществ наращивается постоянно. Зависимость от них сельского хозяйства приобретает хронический и постоянно нарастающий характер. К примеру, взять различные ветеринарные препараты, гербициды, антибиотики… Их так много применяется, что к ним микробы адаптировались и без повышения концентрации данные препараты просто перестают работать. Получаем замкнутый круг, где удар направлен на человека… В европей-

1 *Качество продуктов и здоровое питание (ФБУЗ «Центр гигиенического образования населения» Роспотребнадзора): http://cgon.rospotrebnadzor.ru/content/62/3306.*

ских странах, например в Голландии, в животноводстве уже в два раза сократили использование антибиотиков. У нас же пока подобного не наблюдается, а излишки антибиотиков на западном рынке переправляются в Россию…

Именно с позиций сохранения здоровья нации и должна рассматриваться проблема развития органического сельского хозяйства. Экономические издержки на начальном этапе в данном случае имеют естественный компенсатор — снижение бюджетных затрат на лечение болезней людей, вызванных некачественными продуктами питания.

Развитие органического сельского хозяйства базируется на наличии следующих основных позиций:

- земельный потенциал;
- научно-технологический потенциал;
- экономический потенциал;
- организационно-правовые условия;
- рынки сбыта экологически чистых продуктов питания, где население имеет необходимую покупательную способность.

Здесь важно подчеркнуть, что на территории РФ есть более 28 млн га залежных земель — пригодных для органического земледелия без длительного (от 3 лет) переходного периода. Логистически Россия находится намного ближе к крупному рынку сбыта — странам ЕС, чем Китай (лидер по площади органический пашни в мире). Но при этом уровень сертификации и вовлечения в оборот земель для органического сельского хозяйства остается крайне низким, что видно из рис. 1.

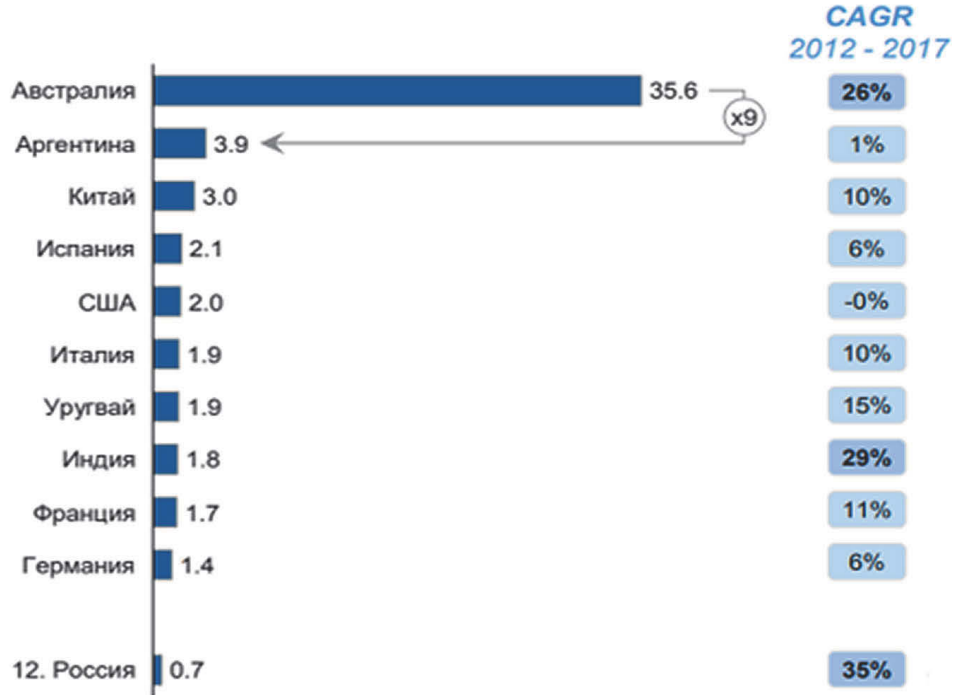

Рисунок 1. Топ-10 стран по площади сертифицированных земель под органическое земледелие, млн Га (2017 г.).

Создание органического продукта питания предполагает определенную технологическую и организационную этапность, где выпадение хотя бы одной составляющей ограничивает возможность выхода на должный сертификационный уровень

и достижение необходимой экономической эффективности. С этих позиций важно выделить наличие:

- продуктивных сортов растений и пород скота, одновременно устойчивых к вирусным и грибковым заболеваниям;
- технологии выращивания, предполагающих накопление полезных веществ и влаги в почве, необходимых и полезных для человека элементов в клеточной структуре скота, птицы и растений;
- экологически чистых средств защиты от болезней и вредителей;
- уборки растительных культур, забоя скота и птицы, хранения, переработки и упаковки, транспортировки и продажи сельхозпродукции, не сопровождающихся существенным повреждением и потерей полезных питательных качеств исходного продукта.

Важно в этом случае то, чтобы в каждом регионе России должны быть, наряду с субфедеральными законами, разработаны и реализованы рабочие программы по развитию органического сельского хозяйства. В них в числе прочих позиций должна быть определена на первом переходном этапе необходимая государственная поддержка на уровне, достаточном для обеспечения конкурентоспособности органической продукции с сельхозпродукцией, произведенной на основе интенсивных технологий.

Важно иметь в виду, что органическое сельское хозяйство будет рентабельно, если научно-технологические разработки будут осуществлены по всей его цепочке, так, в части растениеводства, в едином комплексе «земля — семена — технологии выращивания — защита — уборка — хранение — сбыт». Выпадение отдельного этапа из научного обеспечения возвращает к необходимости использования технологий интенсивного сельского хозяйства со всеми вытекающими последствиями, о которых было сказано выше.

При этом самыми проблемными, вероятно, в развитии органического сельского хозяйства становятся направления селекции растений, племенного животноводства и технологий обработки земли, которые минимизируют необходимость применения вредных для организма человека химических средств защиты растений и способствуют улучшению качества земли. В связи с этим, наряду с соответствующими научными разработками, важно составление постоянно обновляемого классификатора соответствующих растений, пород скота, биологических средств защиты и машинных технологий с доведением соответствующей информации до сельхозпроизводителей и их переобучением (повышением квалификации). В принципе, рациональным будет процесс регулярного повышения квалификации работников и руководителей сельскохозяйственных организаций, ориентированных на технологии органического сельское хозяйства, и связь результатов этого процесса с государственной бюджетной поддержкой.

Особый акцент в органическом сельском хозяйстве, а может быть, и изначально, должен быть сделан на почве — технологиях сохранения и накопления органики, влагозадержания. Причем влагозадержание должно в обязательном порядке дополняться системой прямой мелиорации на современной технологической основе, не допускающей смыва и засоления почвы, развития грибковых заболеваний. Затраты на эти процессы окупаются старицей. Переизбыток минеральных удобрений ведет к постепенному истощению почвы, а недостаток влаги — к сложности усвоения полезных веществ растениями из почвы.

Внесение же в почву органических удобрений должно быть обеспечено внедрением новейших технологий переработки органических отходов животноводческих и птицеводческих комплексов, минимизирующих выбросы в атмосферу углекислого газа и соответствующих иным санитарным требованиям.

На данный момент времени по всему перечню факторов и условий развития органического сельского хозяйства Россия испытывает ограничения, имеющие не природный, а управленческий характер, что видно из рис. 2.

Рисунок 2. Характеристика ограничений развития органического сельского хозяйства в России.

Ориентиром в этом случае может служить тот уровень поддержки органического сельского хозяйства, который сложился в развитых странах (рис. 3).

Рисунок 3. Характеристика государственной поддержки органического сельского хозяйства в развитых странах.

Наконец, ответим на центральный вопрос: может ли сельское хозяйство в условиях России дать качественный продукт с себестоимостью, сравнимой с продуктом интенсивного сельского хозяйства? Однозначно да, при создании на первом этапе мощного научного и технологического задела при поддержке государства. Так как уже сейчас доказано, что при использовании только микробиологических препаратов, являющихся составной частью в технологиях органического земледелия, фактическая урожайность будет намного больше номинальной (получаемой только при применении органических удобрений), она будет приближаться к урожайности, получаемой при интенсивном применении минеральных удобрений и СЗР.

В заключение важно подчеркнуть, что основные центры сельхозпроизводства, имеющие развитые машиностроительные производства, должны иметь импортозаменяющее производство сельхозорудий для органического сельского хозяйства, адаптированных к местным условиям.

Таким образом, при наличии должной системы управления сельскохозяйственной наукой и необходимой на первом этапе финансовой поддержки органического сельского хозяйства в России оно может и должно стать опорой укрепления здоровья населения, важной позицией экспорта сельхозпродукции и закрепления нашей страны на мировом рынке производства экологически чистой продукции.

Библиографический список

1. *Органическое сельское хозяйство: https://mcx.gov.ru/ministry/departments/departament-nauchno-tekhnologicheskoy-politiki-i-obrazovaniya/industry-information/info-organicheskoe-selskoe-khozyaystvo/.*
2. *Новицкий И. Органическое сельское хозяйство: рентабельность и основные принципы: https://сельхозпортал. рф/articles/organicheskoe-selskoe-hozyajstvo-rentabelnost-i-osnovnye-printsipy/.*

References

1. *Organicheskoe sel'skoe hozjajstvo: https://mcx.gov.ru/ministry/departments/departament-nauchno-tekhnologicheskoy-politiki-i-obrazovaniya/industry-information/info-organicheskoe-selskoe-khozyaystvo/.*
2. *Novickij I. Organicheskoe sel'skoe hozjajstvo: rentabel'nost' i osnovnye principy: https://sel'hozportal.rf/articles/organicheskoe-selskoe-hozyajstvo-rentabelnost-i-osnovnye-printsipy/.*

Контактная информация / Contact information

Академия наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20.
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
20, st. Bauman, 420111, Kazan, Russia.

Хоменко Вадим Васильевич / Vadim V. Khomenko
ispnecon@mail.ru

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЦЕНТРОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДИАГНОСТИКЕ ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК

THE ROLE AND IMPORTANCE OF RESPONSIBILITY CENTERS IN THE DIAGNOSIS OF FINANCIAL RELATIONS OF AGRICULTURAL ENTERPRISES

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-441-446

УСЕНКО Анастасия Михайловна
Доцент Ростовского государственного экономического университета РГЭУ (РИНХ), к.э.н.

Anastasia M. USENKO
Associate Professor of Rostov State University of Economics (RINH), PhD in Economics

Аннотация

На основе обобщения теории и практики отражены возможности управления предприятиями АПК с выделением центров ответственности. В статье показано, что механизм учета ответственности предприятий агропромышленного комплекса является неотъемлемой и обязательной составляющей эффективной работы предприятия. Выделены основные центры ответственности, определены функции, наиболее значимые принципы учета затрат по местам и центрам финансовой ответственности, а также функциональные взаимосвязи и взаимозависимости предприятий АПК между собой по различным направлениям деятельности.

Доказано, что диагностика и развитие эффективных финансовых отношений на предприятиях АПК и оптимальная организация всех процессов деятельности на рынке приводит к расширению как внешних, так и внутренних финансовых отношений.

Abstract

On the basis of the generalization of theory and practice, the possibilities of managing agribusiness enterprises with the allocation of responsibility centers are reflected. The article shows that the mechanism of accounting for the responsibility

of enterprises of the agro-industrial sector is an integral and mandatory component of the effective operation of the enterprise. The main centers of responsibility are identified, the functions, the most significant principles of cost accounting for places and centers of financial responsibility, as well as the functional relationships and interdependencies of agribusiness enterprises among themselves in various areas of activity are identified.

It is proved that the diagnosis and development of effective financial relations at agricultural enterprises and the optimal organization of all processes of activity in the market leads to the expansion of both external and internal financial relations.

Ключевые слова Финансовые отношения, центр финансовой ответственности, центр затрат, центр доходов, центр прибыли, центр инвестиций, агропромышленный комплекс.

Keywords Financial relations, financial responsibility center, Cost Center, Income Center, Profit Center, Investment Center, agribusiness companies.

Введение

Современная теория финансов предполагает формирование устойчивых отношений среди предприятий, населения или различных стран. Любое предприятие агропромышленного комплекса (АПК), действуя на рынке, вступает в различные виды финансовых отношений, диагностику которых необходимо проводить с целью их оптимизации таким образом, чтобы найти рациональное соотношение финансового взаимодействия всех сторон. На крупных предприятиях АПК это может проявляться поиском оптимума между большим количеством подразделений (излишним по структуре) и минимальным (недостаточным). Данное положение реализуется таким образом, чтобы поиск оптимальной структуры финансовых отношений приводил к высокому результату деятельности предприятий АПК на отечественном и международном рынках [1, с. 248]. Безусловно, в первую очередь это касается крупных агрохолдингов, поскольку в их состав включаются не только предприятия непосредственно сельскохозяйственной отрасли, но и других отраслей народного хозяйства, что еще больше усложняет управление финансами таких систем.

Основой построения отношений среди нескольких предприятий на отечественном или международном рынке является формирование эффективных отношений внутри организации. Данное обстоятельство является основой для целенаправленного продвижения деятельности предприятий АПК на рынке. Отношения внутри предприятия должны выстраиваться с целью налаживания организации деятельности различных подразделений. С учетом того, что предприятия АПК функционируют как единая система, поддержание результативности отношений является залогом результативности его деятельности.

В настоящем наблюдается развитие управления, а следовательно, и менеджмента, особенности которого строятся на изменении подходов к управлению внутри предприятий АПК, отрасли или государства на различных рынках.

Цель. На основе представленного выше материала в рамках финансового менеджмента для построения оптимального управления предприятием АПК целесообразно провести исследование организации и реализации учета по центрам ответственности.

Организация подобного учета позволяет эффективно осуществлять передачу информации из подразделения в подразделение с целью ее последующей обработки.

Материалы. Центр ответственности — это специально выделенное подразделение предприятия, занимающееся конкретным участком его деятельности [2, с. 158]. Выделение центров ответственности позволяет собирать и обрабатывать конкретное направление информации для последующего формирования отчетов руководящему персоналу с целью дальнейшей оценки эффективности деятельности организации.

На предприятиях АПК можно выделить несколько видов центров ответственности:

- центр затрат, отвечающий за сбор и обработку информации, касающейся затрат. Этот отдел просчитывает плановые затраты и наиболее приемлем для административных служб предприятия, где трудно поддаются измерению как затраты, так и результаты. Во-вторых, выделяется центр нормативных затрат, наиболее подходящий для производственных подразделений (цехов), в которых руководитель ответствен за достижение нормативного (планового) уровня затрат по выпуску продукции (работ, услуг). Эффективность деятельности такого подразделения измеряется размером отклонений фактического уровня затрат от планового (нормативного);
- центр доходов занимается организацией и максимизацией доходов предприятия АПК (агрохолдинга). Руководители центров доходов, как правило, не могут самостоятельно изменять цены реализации с целью максимизации прибыли, а также дополнительно (сверх бюджета) расходовать средства для привлечения дополнительных ресурсов. В центре формируются отчеты о движении доходов предприятия и передаются руководству;
- центр прибыли в организации предназначен для формирования отчетов о финансовых результатах предприятия. В данный центр стекаются отчеты из центров доходов и затрат с целью их последующей обработки и формирования отдельного отчета об итогах деятельности предприятия;
- центр финансовых инвестиций — структура, руководители которой наделены широкими полномочиями и имеют право определять политику в сфере капитальных и долгосрочных финансовых вложений, то есть капитализации своей чистой прибыли. Рассматривая крупные агропромышленные объединения, можно сказать, что этот показатель наиболее приемлем, например, для крупного дочернего подразделения холдинговой компании с большой степенью автономности. Особенно актуально наличие этого центра в случае необходимости инвестиционных вложений в развитие предприятия. В данный центр информация передается из центра прибыли. Это делается для обобщения большей информации о финансовом состоянии предприятия.

Обсуждение. Нами рассмотрена общая структура центров ответственности на предприятии. Однако на каждом отдельно изучаемом предприятии АПК могут формироваться отдельные подразделения центров ответственности, например центр аренды, отвечающий непосредственно за аренду отдельных объектов, и так далее. Отраслевая, функциональная специализация агропромышленного объединения, организация производства и управления определяют конкретные цели детализации учетных объектов и их структуру: по уровням управления (центрам

ответственности), технологическим стадиям производства (местам возникновения затрат), продуктам разного качества (центрам прибыли).

В деятельности таких крупных предприятий — в числе участников системы, помимо сельского хозяйства, могут существовать такие направления, как переработка продукции растениеводства и животноводства, услуги по хранению зерна на элеваторах, услуги нефтебазы, охранного предприятия, а также предприятия сельскохозяйственного машиностроения. Поскольку данные виды производства, переработки и оказания услуг являются частью единого производственного плана, деятельность предприятий-участников в этой части жестко регламентирована сводным бюджетом агропромышленного объединения в целом. При этом они ответственны за выполнение плана в рамках установленного бюджета и являются центрами нормативных затрат. Однако при продаже излишков продукции сторонним покупателям они являются центрами прибыли и, соответственно, главный критерий, которым должны руководствоваться предприятия-участники — это получение максимальной прибыли от сделки.

С целью оптимизации функционирования центров ответственности в организации формируется центр финансовой ответственности, который занимается сбором всей необходимой информации по различным видам центров ответственности и формирует обобщенные отчеты о деятельности предприятия. Определение центров финансовой ответственности производится с детальной конкретизацией в разрезе соответствующих специалистов и должностных лиц: за эффективность использования материальных ресурсов; за бесперебойную работу сельскохозяйственной техники, машин и оборудования; за соблюдение расходов на их содержание и т.д. [3, с. 77].

Осуществление диагностики финансовых отношений на предприятии происходит с целью регулирования деятельности конкретных подразделений, а также принятия более основательных решений по функционированию предприятия.

Например, взаимодействие центра финансовой ответственности и центра инвестиций необходимо для принятия таких решений, как привлечение инвесторов с целью развития процесса изготовления продукции, работ или услуг предприятия или для других направлений развития функционирования предприятия на рынке.

Взаимодействие центра финансовой ответственности и центра прибыли может происходить для принятия решений о выделении дополнительных денежных средств на материальное обеспечение предприятия, для стимулирования работников при определенных достижениях или на иные цели.

Взаимосвязь центра финансовой ответственности и центров доходов осуществляется для выделения денежных средств на погашение отдельных видов расходов функционирования данных центров и формирования дополнительных отношений с организациями-контрагентами (покупателями, поставщиками и иными заинтересованными предприятиями).

Отношения центра финансовой ответственности и центров затрат необходимы для осуществления дополнительного контроля за возможными расходами предприятия. Сюда включаются все виды затрат предприятия, а также расходы, имеющие непосредственное отношение к процессу производства продукции. Кроме того что данный вид финансовых отношений направлен на контроль учета затрат, он занимается и планированием, и нормированием затрат в зависимости от ситуации производства конкретного вида продукции, работы или услуги. Также здесь

могут приниматься решения по осуществлению различного вида затрат и обоснованию их необходимости.

Результативность диагностики финансовых отношений позволяет организовать функционирование предприятия АПК по отдельным участкам, например обновление технологического процесса, обеспечение различными видами ресурсов и так далее. Это осуществляется с целью повышения результативности процесса производства продукции, работ или услуг и более быстрого наращивания объемов прибыли и конечной эффективности производства.

Одновременно данные центры ответственности осуществляют построение финансовых отношений:

- с поставщиками сырья и материалов, необходимых для процесса производства продукции, работ или услуг;
- с организациями, у которых при необходимости приобретаются дополнительные запасные части и детали для повышения результативности технологического процесса в случае проведения восстановления или ремонта применяемого оборудования на предприятии.

Выводы

Результативность построения взаимосвязи центра финансовой ответственности с остальными центрами ответственности позволяет выявить наличие существующих финансовых отношений с другими организациями отрасли по востребованности функционирования этого предприятия и отрасли в целом на данном рынке.

Реализация методологии диагностики финансовых отношений приводит к необходимости построения результативных финансовых отношений среди предприятий, отраслей и государств.

Чем эффективнее выстроенные финансовые отношения между предприятиями, отраслями и государствами, тем больший финансовый результат может быть получен каждой организацией, отраслью и государством в целом.

Соответственно, эффективность финансовых отношений предприятий АПК может быть отражена формированием взаимосвязи и взаимозависимости организаций между собой по различным направлениям деятельности, таким как:

- поставщик и потребитель, а возможно, и наоборот одновременно;
- инвестор и исполнитель. Данная связь реализуется в том случае, когда инвестор вкладывает денежные средства в предприятие с целью его развития, а организация не только осуществляет развитие, но и способствует продвижению деятельности данного инвестора на рынке посредством распространения информации о его деятельности и так далее.

Формирование эффективных финансовых отношений позволяет предприятием АПК более быстро развиваться и выстраивать собственную деятельность в конкретном направлении. Это приводит к развитию системы управления и позволяет изменить ее таким образом, чтобы оптимальная организация всех процессов деятельности предприятия АПК на рынке приводила к расширению как внешних, так и внутренних финансовых отношений.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что развитие эффективных финансовых отношений, основанных на предлагаемой методике диагностики, является основой построения нового этапа управления предприятиями, отраслями, в том числе функционирующими в агропромышленном комплексе.

Библиографический список

1. *Управленческий учет: учеб. пособие / под ред. В.Т. Чая, Н.И. Чупахина. — М.: Эксмо, 2009. — 480 с.*
2. *Управленческий учет: учеб. пособие / под ред. Я.В. Соколова. — М.: Магистр, 2010. — 428 с.*
3. *Наконечникова Л.А. Построение эффективной системы учета по центрам ответственности на предприятиях АПК // Актуальная биотехнология. — 2015. — № 1. — С. 75–79.*
4. *Рогова Е.М. Финансовый менеджмент: Учебник и практикум // Е.М. Рогова, Е.А. Ткаченко. — Люберцы: Юрайт, 2016. — 540 с.*

References

1. *Upravlencheskij uchet: ucheb. posobie/pod red.. V.T. Chaja, N.I. Chupahina. — M.: Jeksmo, 2009. — 480 s.*
2. *Upravlencheskij uchet: ucheb. posobie/pod red. Ja.V. Sokolova. — M.: Magistr, 2010. — 428 s.*
3. *Nakonechnikova L.A. Postroenie jeffektivnoj sistemy ucheta po centram otvetstvennosti na predprijatijah APK // Aktual'naja biotehnologija. — 2015. — № 1. — S. 75–79.*
4. *Rogova E.M. Finansovyj menedzhment: Ujaebnik i praktikum // E.M. Rogova, E.A. Tkachenko. — Ljubercy: Jurajt, 2016. — 540 s.*

Контактная информация / Contact information

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69.
Rostov State University of Economics (RINX)
344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya street, 69.
Усенко Анастасия Михайловна / Anastasia M. Usenko
vodoleika-y@rambler.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СЕКТОР: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ

PUBLIC SECTOR: CHALLENGES OF DIGITALIZATION AND TRANSFORMATION TRENDS

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-447-453

БЕЛОКРЫЛОВ Кирилл Анатольевич
Доцент кафедры экономической теории экономического факультета Южного федерального университета, к.э.н.

Kirill A. BELOKRYLOV
Associate Professor, Department of Economic Theory, Southern Federal University, PhD in Economics

БЕЛОКРЫЛОВА Ольга Спиридоновна
Профессор кафедры экономической теории экономического факультета Южного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н.

Ol'ga S. BELOKRYLOVA
Professor, Department of Economic Theory, Southern Federal University, Honored Scientist of Russia, Doctor of Economic Sciences

Аннотация

Наукометрия исследований общественного сектора показывает их растущую актуальность в контексте удовлетворения производственных потребностей его субъектов через публичные закупки, повышение эффективности которых не обеспечило завершение их электронизации. Цель работы: оценить влияние электронизации на эффективность госзакупок и предложить программные продукты, обеспечивающие автоматизацию операций заказчиков. Для этого построена модель множественной регрессии на базе данных Всемирного банка «Global Public Procurement Database», доказавшая наибольшее влияние на экономию наличия информационных систем контроля.

Abstract

The scientometrics of studies of the public sector shows their growing relevance in the context of meeting the production needs of its subjects through public procurement, the increase in the efficiency of which has not insured the completion of their electronicization. The purpose of this study is to assess the impact of electronization on the efficiency of public procurement and to offer software products that provide automation of customer operations. For this reason, a multiple regression model was

built based on the World Bank's Global Public Procurement Database, which has proven the greatest impact of the availability of information control systemson the economy.

Ключевые слова Общественный сектор, масштабы, пандемия, теории трансформации, электронизация, цифровизация, публичные закупки, эффективность, экономия, автоматизация.

Keywords Public sector, scale, pandemic, transformation theories, electronization, digitalization, public procurement, efficiency, economy, automation.

Введение

Пандемия нового коронавируса в 2020 г. затронула практически все отрасли национальных экономик[1], в том числе и такую масштабную сферу, как общественный сектор, ускорив перевод его сфер, прежде всего образования, на дистанционный режим с использованием цифровых платформ. Это обусловило активизацию исследований общественного сектора [2. С. 235], о чем свидетельствуют данные наукометрии распространенности нарративов по проблематике общественного сектора в базе Google Ngram, English (2019), отражающие увеличение числа публикаций уже в 2019 г. на 20% (рис. 1).

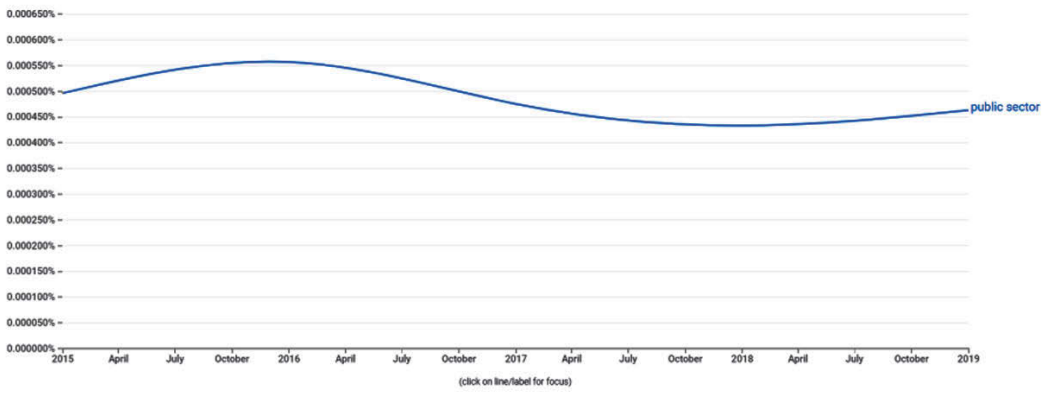

Рисунок 1. Наукометрия исследований публичного сектора, 2015–2019 гг. [3].

Традиционно в экономической теории общественный сектор рассматривается как особая подсистема национальной экономики, формируемая государством в целях компенсации такого «провала» рынка, как производство общественных благ. Поскольку масштабы этого производства в процессе исторического развития непрерывно расширяются, то соответствующий рост государственный расходов обосновали еще Д. Рикардо, А. Шефле, А. Вагнер. Кривая Арми — Рана[2] определяет оптимальный размер общественного сектора (государства) середины 1990-х годов в США на уровне 23% ВВП [4. С. 71].

В настоящее время масштабы общественного сектора (госрасходы) в большинстве стран составляют 35–60% ВВП [5]. Следовательно, он занимает лидирующие

1 *Исключая, однако, структуру и объемы рынков зерновых культур, вследствие чего в пандемических условиях 2020 г. экспорт зерновых РФ вырос на 20% и составил 57,5 млн т [1].*

2 *Представляет собой перевернутую U-образную кривую, отражающую взаимосвязь, с одной стороны, размеров государства, оцениваемых долей его расходов в ВВП, а с другой — темпов динамики ВВП.*

позиции в экономической системе, а поэтому его институционально-цифровая трансформация — самая крупная трансформация, которая радикально преобразует как процесс производства общественных благ, так и механизм обеспечения потребностей субъектов общественного сектора в необходимых товарах, работах, услугах для его осуществления (публичные закупки).

Постановка проблемы

Осуществляемая институционально-цифровая трансформация общественного сектора включает институционально-правовую (изменения формальных институтов) и экономическую (структурные, технологические изменения по повышению глобальной конкурентоспособности экономики) и обеспечивает изменение правил и норм поведения экономических акторов, формализованных в законах, стратегиях, концепциях и дополненных неформальными нормами, изменение которых требует более долгосрочного периода их хабитулизации.

В настоящее время в общественном секторе в целом и, в частности, в системе образования России реализуется «акторная» модель институциональной трансформации, осуществляемая Министерством образования и науки РФ как инициативным актором, институциональным инноватором. Согласно акторной модели возможность субъектного воздействия особенно актуализируется в периоды радикальных институциональных трансформаций. В качестве основных императивов (вызовов) цифровизации в общественном секторе нами выделяются:

1. Ускорение цифровой трансформации вследствие необходимости подключения к общемировому тренду, осуществляемой цифровизации бизнеса, государства и гражданского общества, пандемии, стремительно формируемых на уровне хабитулизации цифровых компетенций населения, платформенной организации цифрового пространства.
2. Необходимость осуществления масштабных инвестиций в человеческий капитал, как это показывает опыт таких стран — лидеров в сфере цифровизации, как Финляндия, Китай, Южная Корея. Поэтому цифровизация общественного сектора — не только технологическое, но и социотехническое явление, процесс с использованием цифровых технологий [6]. Исходя из этого, на наш взгляд, необходимо законодательно закрепить приоритетность его развития через увеличение в ближайшие 5 лет доли расходов госбюджета на производство общественных благ (образование, здравоохранение, наука и культура) с 9 до 21%, а также предотвратить «утечку умов», которая выросла с 14 тыс. уехавших за рубеж ученых в 2012 г. до 70 тыс. чел. в 2019 г. [7].
3. Расширение использования дистанционных технологий в вузах на основе формирования модели цифрового университета, обеспечивающей, например, в ЮФУ взаимодействие всех субъектов образовательного процесса через личные кабинеты абитуриента, студента, выпускника, профиль научно-педагогического работника.
4. Оптимизация соотношения онлайн- и офлайн-обучения через реализацию смешанной модели образовательного процесса, поскольку цифровые технологии социально не нейтральны и хотя предлагают новые возможности, но в то же время являются источником серьезных социальных, психофизиологических и других рисков.
5. Разработка отечественных образовательных платформ, поскольку до сих пор вузы работают на зарубежных Teams, Zoom, Moodle, но недавно американский сервис видеоконференций Zoom запретил дистрибьюторам сотрудничать с госсектором РФ, а летом 2020 г. Microsoft отказался продавать софт МГТУ им. Баумана

из-за санкционных рисков. Однако, на наш взгляд, дистанционные технологии могут быть только дополнением к традиционным образовательным технологиям, иначе это приведет к снижению уровня образования, качества человеческого капитала, а появление виртуализированных выпускников, не способных работать в экономике, приведет к снижению экономической безопасности, потере конкурентных преимуществ на мировых рынках.

Цифровая трансформация стремительно развивается также в системе обеспечения производственных потребностей субъектов общественного сектора, т.е. в контрактной системе закупок государства. Публичные закупки — это, во-первых, система цепочек поставок для приобретения товаров, работ и услуг государством в интересах общества, во-вторых, масштабная составляющая национальной экономики — до 34% ВВП России, в ЕС — 18–20%, в-третьих, драйвер решения важнейших государственных задач, например реализации стратегии импортозамещения через запрет с 2014 г. госзакупок ряда товаров у иностранных поставщиков. Однако вплоть до начала пандемии в 2020 г. эффекты электронизации в системе публичных закупок практически не проявлялись. Между тем их объемы России достаточно масштабны (см. таблицу).

Таблица. Динамика объемов публичных закупок в соотношении с ВВП [8]

Год	2016	2017	2018	2019	2020
ВВП в текущих ценах, млрд руб.	85616,08	91843,15	103861,65	109241,54	106967,46
Закупки по 44-ФЗ[1], млрд руб.	5406,42	6356,83	6955,01	8279,77	8916,02
Закупки по 223-ФЗ[2], млрд руб.	23305,80	19424,90	18732,11	21194,17	19994,93
Доля государственных закупок в ВВП, %	33,54	28,07	24,73	26,98	27,03

Это ставит задачу повышения эффектов электронизации при переходе к цифровизации системы госзакупок. Цель работы: на базе раскрытия и обоснования основных характеристик цифровой трансформации национальной системы бюджетных закупок оценить влияние электронизации на эффективность закупочных процедур и определить перспективные программные продукты, обеспечивающие автоматизацию рутинных операций заказчиков.

В качестве доминантных тенденций трансформации системы закупок для нужд общественного сектора в настоящее время выделяются: завершение электронизации всех способов торгов, переход к цифровизации закупочных процедур, формирование нового институционального дизайна контрактной системы закупок. Хотя в большинстве развитых стран, а также в России до пандемии перевод общественного сектора на цифровые треки продвигался довольно медленно, а реальная цифровизации отставала от объявленных графиков, но в системе госзакупок России полная электронизация всех способов торгов завершена в 2019 г. Этот процесс ускорило формирование соответствующего институционального дизайна, определяемого как управляемая трансформация экономических систем разного уровня в научно обоснованном направлении [9].

Современный этап цифровой трансформации публичных закупок предполагает согласованность технологических, экономических и институциональных изменений, формирование готовности к ним. Активная фаза электронизации госзакупок охва-

1 *Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».*
2 *Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» государственных и муниципальных нужд».*

тывала 4 года: с 2016 (введение Единой информационной системы) по 2019 г. (электронизация всех способов закупок), но подготовка к нему включала: информатизацию и автоматизацию закупок, освоение мирового опыта, тестирование возможных моделей, активную популяризацию электронизации, сетевую организацию документооборота, гармонизацию централизации и децентрализации [10. P. 11]. Все эти изменения постепенно накапливались и в настоящее время отражены в современном институционально-цифровом дизайне публичных закупок, целеориентированном на их трансформацию в направлении повышения эффективности использования бюджетных средств на основе использования новационных цифровых технологий.

В большинстве исследований [11, 12] для выработки методологического подхода и оценки эффектов осуществленной электронизации, учитывающих специфику системы удовлетворения потребностей субъектов общественного сектора и целей ее функционирования, используются показатели абсолютного и относительного сокращения бюджетных средств, т.е. полученная экономия; доля закупок у единственного поставщика, удельный вес расторгнутых контрактов и др. Недостатком таких подходов является несогласованность и даже противоречивость используемых показателей, отсутствие единых критериев и механизма преобразования качественных критериев в их количественное значение. В методике оценки закупочных систем стран Организации экономического сотрудничества и развития (MAPS) [13] содержится 15 основных и 55 частных показателей, что осложняет возможность ее практического применения. Анализ методик Всемирного банка, Европейского банка реконструкции и развития показывает их неполноту. Поэтому для исследования экономических эффектов электронизации проанализируем ее влияние на относительную экономию бюджетных средств по состоявшимся конкурентным закупкам (%) на основе построения модели множественной регрессии.

Анализ проводился с использованием базы данных проекта Всемирного банка «Global Public Procurement Database» [14] по 98 странам мира, использующим электронные технологии в сфере публичных закупок за 2019 г. Анализ тесноты связи между переменными и основных показателей множественной регрессии показывает, что коэффициент множественной корреляции R = 0,646 свидетельствует о том, что между зависимой переменной и всеми регрессорами, включенными в модель, существует средняя теснота связи. Коэффициент множественной детерминации R^2 = 0,417. Это значит, что 41,7% вариации экономии от закупок зависят от включенных в модель переменных. Естественно, на экономию влияет множество других показателей, не включенных в модель, но полученная величина коэффициента множественной детерминации показывает, что почти половина экономического эффекта объясняется электронизацией национальных закупочных систем. Однако скорректированный коэффициент детерминации adjusted R^2 = 0,372 свидетельствует о недостаточно адекватном описании в построенной регрессии зависимости между объясняемой и объясняющими переменными. Но при этом критерий Стьюдента показывает статистическую значимость коэффициентов регрессии, а критерий Фишера, равный 11,697, что больше табличного 2,03 для этой модели, качество модели оценивает достаточно высоко. Следовательно, модель является корректной и в целом статистически значимой.

Заключение

Таким образом, на основе тестирования разработанной модели многофакторной корреляции выявлено, что наибольшее влияние на экономию среди всех факто-

ров, включенных в модель, оказывает наличие информационных систем контроля; выдвинутая гипотеза о высокой значимости степени электронизации закупок для повышения их эффективности (экономии) доказана; значительная доля вариации экономии (41,7%) объясняется вариацией включенных в модель факторов; между зависимой переменной и всеми регрессорами, включенными в модель, существует достаточно тесная связь.

Проведенное исследование позволяет обосновать в качестве направлений дальнейшей цифровизации публичных закупок внедрение технологии блокчейн, использование смарт-контрактов, предиктивной (прогнозной) аналитики, сокращающих затраты, время на сбор и обработку и в целом, снижающих барьеры доступа бизнеса к информации и коррупцию, повышающих конкуренцию на рынке госзакупок и экономию бюджетных средств. Хотя электронизация контрактной системы влияет на экономию, но для ее повышения необходимо применять новые интеллектуальные системы, которые позволят усилить контроль за закупочной деятельностью, проводить постоянный мониторинг закупок с целью поиска поставщиков, а также решение автоматизировать рутинные ручные операции специалистов, сопровождающиеся ошибками. Эту проблему частично решает программа «робот-закупщик» на платформе UiPath, а система на базе 1С обеспечивает автоматизацию закупок, формирование пакета документации, ее согласование, публикацию заявки на сайте госучреждения и контрактацию по условиям договора. Проведенный нами сравнительный анализ эффектов этих программных продуктов показал, что затраты на обе системы окупаются в первый год, но эффект от внедрения системы «1С автоматизация закупок» выше.

Библиографический список

1. *Белокрылова О.С., Ситухо А.Н. Региональный рынок зерновых и масличных культур в условиях пандемии коронавируса (на примере Ростовской области) // Научные труды Вольного экономического общества России. — Т. 224. — № 4. — С. 167–180.*
2. *Белокрылов К.А. Постпандемическая стратегия цифровизации общественного сектора региона // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2020. — Т. 224. — № 4. — С. 235–249.*
3. *Google Books Ngram Viewer, Public Sector, 2015-2019. URL: https://books.google.com/ngrams.*
4. *Scully G. The «Growth Tax» in the United States // Public Choice. — 1995. — Vol. 85. — № 1–2.*
5. *Герсонская И.В. Анализ показателей социально-экономической системы российского государственного сектора // Креативная экономика. — 2020. — Том 14. — № 3. — С. 267–286. DOI: 10.18334/ce.14.3.100679.*
6. *Legner C., Eymann T., Hess T., Matt C. Digitalization: Opportunity and Challenge for the Business and Information Systems Engineering Community // Business & Information Systems Engineering. — 2017. — № 59 (4). — P. 301–308. DOI: 10.1007/s12599-017-0484-2.*
7. *Бегство ученых из России ускорилось в 5 раз. URL: https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/begstvo-uchenykh-iz-rossii-uskorilos-v-5-raz-1030325000.*
8. *Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2020 года . URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/05/main/44-FZ.pdf/.*
9. *Klijn E.H., Koppenjan J. Public Management and Policy Networks: Foundations of a Network Approach to Governance // Public Management. — 2000. — № 2 (2). — P. 135–15.*
10. *Dunleavy P., Hood C. From Old Public Administration to New Public Management // Public Money and Management. — 1994. — № 14. P. 9–16. URL: http://dx.doi.org/10.1080/09540969409387823.*

11. *Креповая Н.Л. Оценка эффективности закупок в контрактной системе // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. — 2019. — №4. — С. 108–112.*
12. *Матвеева Н.С. Оценка эффективности и результативности государственных (муниципальных) закупок // Финансы и кредит. — 2019. — Т. 24. — № 3. — С. 505-521.*
13. *Методология оценки закупочных систем (MAPS). URL: http://www.oecd.org/governance/ethics.*
14. *Global Public Procurement Database. URL: https://www.worldbank.org/en/topic/governance/brief/global-public-procurement-database.*

References

1. *Belokrylova O.S., Situho A.N. Regional'nyj rynok zernovyh i maslichnyh kul'tur v uslovijah pandemii koronavirusa (na primere Rostovskoj oblasti) // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. — T. 224. — № 4. — S. 167–180.*
2. *Belokrylov K.A. Postpandemicheskaja strategija cifrovizacii obshhestvennogo sektora regiona // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. — 2020. — T. 224. — № 4. — S. 235–249.*
3. *Google Books Ngram Viewer, Public Sector, 2015–2019. URL: https://books.google.com/ngrams.*
4. *Scully G. The «Growth Tax» in the United States // Public Choice. — 1995. — Vol. 85. — № 1–2.*
5. *Gersonskaja I.V.Analiz pokazatelej social'no-jekonomicheskoj sistemy rossijskogo gosudarstvennogo sektora // Kreativnaja jekonomika. — 2020. — Tom 14. — № 3. — S. 267–286. DOI: 10.18334/ce. 14.3.100679.*
6. *Legner C., Eymann T., Hess T., Matt C. Digitalization: Opportunity and Challenge for the Business and Information Systems Engineering Community // Business & Information Systems Engineering. — 2017. — № 59 (4). — P. 301–308. DOI: 10.1007/s12599-017-0484-2.*
7. *Begstvo uchenyh iz Rossii uskorilos' v 5 raz. URL: https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/begstvo-uchenykh-iz-rossii-uskorilos-v-5-raz-1030325000.*
8. *Svodnyj analiticheskij otchet po rezul'tatam osushhestvlenija monitoringa zakupok tovarov, uslug dlja obespechenija gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd v sootvetstvii s 44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlja obespechenija gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» po itogam 2020 goda. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/05/main/44-FZ.pdf/.*
9. *Klijn E.H., Koppenjan J. Public Management and Policy Networks: Foundations of a Network Approach to Governance // Public Management. — 2000. — № 2 (2). — P. 135–15.*
10. *Dunleavy P., Hood C. From Old Public Administration to New Public Management // Public Money and Management. — 1994. — № 14. P. 9–16. URL: http://dx.doi.org/10.1080/09540969409387823.*
11. *Krepovaja N.L. Ocenka jeffektivnosti zakupok v kontraktnoj sisteme // Nauchnyj vestnik: Finansy, banki, investicii. — 2019. — № 4. — S. 108–112.*
12. *Matveeva N.S. Ocenka jeffektivnosti i rezul'tativnosti gosudarstvennyh (municipal'nyh) zakupok // Finansy i kredit. — 2019. — T. 24. — № 3. — S. 505–521.*
13. *Metodologija ocenki zakupochnyh sistem (MAPS). URL: http://www.oecd.org/governance/ethics.*
14. *Global Public Procurement Database. URL: https://www.worldbank.org/en/topic/governance/brief/global-public-procurement-database.*

Контактная информация / Contact information

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
344002, РФ, Ростов-на-Дону, улица М. Горького, д. 88.
Southern Federal University
88 M. Gorkiy str., 344002, Rostov-on-Don, Russia.

Белокрылов Кирилл Анатольевич / Kirill A. Belokrylov
+7 (863) 201-98-13, k.belokrylov@yandex.ru
Белокрылова Ольга Спиридоновна / Olga S. Belokrylova
+7 (863) 201-98-13, belokrylova@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

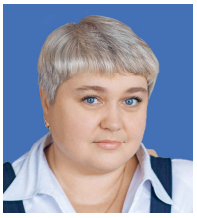
STRATEGIC VECTOR OF RUSSIAN REGIONS FOR ECONOMIC DEVELOPMENT

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-454-460

МИЗЯКИНА Ольга Борисовна
Ректор Поволжского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, к.э.н., доцент

Olga B. MIZYAKINA
Rector of the Volga Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, PhD in Economics, Associate Professor

МУРАВЛЕВА Татьяна Виталиевна
Проректор по учебной и научной работе Поволжского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, д.э.н., профессор

Tatiana V. MURAVLEVA
Vice-rector for academic and scientific work of the Volga Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Doctor of Economics, Professor

МЯГКОВА Татьяна Леонидовна
Декан факультета экономики и права Поволжского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, к.э.н., доцент

Tatiana L. MYAGKOVA
Dean of the Faculty of Economics and Law of the Volga Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, PhD in Economics, Associate Professor

Аннотация

Представленная статья посвящена вопросам экономического развития регионов. При этом акцент при формировании стратегии регионов делается на законодательную основу и анализ базовых показателей, включающий в себя SWOT–анализ, уровень валового регионального продукта, среднюю заработную плату и др. Автор не только знакомит со стратегическими целями и приоритетами развития региона, но и предлагает дополнить и расширить существующую стратегию по нескольким направлениям.

Abstract This article is about the economy of the regions. At the same time, the emphasis in the formation of the strategy of the regions is placed on the legislative basis and analysis of basic indicators, including the SWOT-analysis, the level of gross regional product, average wages, etc. The author not only introduces the strategic goals and priorities of the region's development, but also proposes to supplement and expand the existing strategy in several directions.

Ключевые слова Регион, субъект, стратегия, экономика, доходы, развитие, план.

Keywords Region, subject, strategy, economy, income, development, plan.

Стратегия в дословном переводе с древне греческого означает искусство полководца — общий, недетализированный план, охватывающий длительный период времени, способ достижения сложной цели [3]. В тоже время можно сказать, что стратегия представляет собой сформулированное понимание того, как достигать желаемых долгосрочных результатов. Стратегия показывает, куда необходимо двигаться. Каждый понимает, что любому виду государственного управления, на любом уровне стратегия просто необходима, но вопрос «для чего» многих, даже высокопоставленных госслужащих иногда «ставит в тупик».

Коммерческую компанию без стратегии иногда сравнивают с бомжом, который просто в течение дня решает проблему, как ему поесть и где переночевать. Еще хуже выглядит картина при увеличении масштабов. У государства, не имеющего стратегии развития, один путь — к краху. Стратегия включает в себя ряд правил, которые необходимо неукоснительно выполнять при выборе ключевых направлений и приоритетов. Особенно высока роль стратегии в условиях быстро изменяющейся действительности, процессов цифровизации, влияния пандемии и других аналогичных обстоятельств и угроз.

В нашей стране всегда исторически стратегическому планированию уделялось особое внимание. Уже более семи лет назад в нашей стране был принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ [1], который был призван урегулировать правовые основы стратегического планирования в нашей стране в целом, а также на региональном и местном уровнях.

В статье 5 данного закона закреплены полномочия органов власти субъектов Российской Федерации в сфере стратегического планирования. В частности, регионы самостоятельно имеют право определять приоритеты, цели и задачи социально-экономической политики региона, разрабатывать и утверждать документы стратегического планирования субъекта РФ, мониторить и контролировать процесс их реализации и многое другое. Таким образом, регионам даны значительные полномочия в определении своей стратегии экономического развития. Именно стратегическому планированию регионов в последние годы уделяется особое внимание. В Совете Федерации еще в 2004 году была создана Проблемная группа по прогнозированию и стратегическому планированию экономического развития российских регионов. 20 января 2005 года была одобрена «Концепция, технология и инструменты формирования управленческих решений в социально-экономиче-

ской сфере субъектов Российской Федерации. Несмотря на пристальное внимание федерального центра к формированию и реализации стратегий развития регионов, регион самостоятельно формирует свою экономическую политику исходя из конкретных потребностей и возможностей.

30 июня 2016 года в Саратовской области постановлением Правительства Саратовской области была утверждена стратегия социально-экономического развития до 2030 года [2]. Этот документ идет в фарватере федерального законодательства, и его нормативно правовой основой является Федеральный закон от 28 июня 2014 года «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ. Генеральной целью стратегии Саратовской области было определено «обеспечение стабильного улучшения качества жизни населения и повышение глобальной конкурентоспособности области на основе перехода к экономике знаний, в центре которой человек» [2].

Большое значение при формировании стратегии социально-экономического развития нашего региона играл стратегический анализ, направленный на обоснование необходимости переосмысления принципов и логики стратегического планирования, анализ текущего социально-экономического положения Саратовской области, анализ ключевых проблем развития региона, анализ возможных вариантов развития и выбора конкретного варианта.

Необходимо отметить, что особое значение при формировании стратегии развития региона приобретает анализ текущего экономического состояния. Здесь, к сожалению, необходимо констатировать, что Саратовская область занимает в этом вопросе далеко не лидирующие позиции. В тоже время область входит в десятку регионов — лидеров по производству основных видов сельскохозяйственной продукции: зерна, подсолнечника, овощей закрытого грунта, молока, мяса.

Саратовская область — один из старейших нефтегазодобывающих регионов России. Сейчас у нас ежегодно добывается порядка 1–1,5 млн т нефти и порядка 1,2 млрд куб. м газа. Ресурсная база углеводородного сырья нуждается в дальнейшей разведке и, по оценкам экспертов, Саратовская область обладает высоким потенциалом в нефтегазоносном отношении. Саратовская область занимает лидирующие позиции в стране по производству электроэнергии, производству минеральных удобрений, машиностроению, электроприборостроению. Отдельно необходимо отметить, что благодаря умеренно континентальному климату с жарким летом в регионе развито животноводство и растениеводство. Особенно область гордится производством подсолнечника и подсолнечного масла.

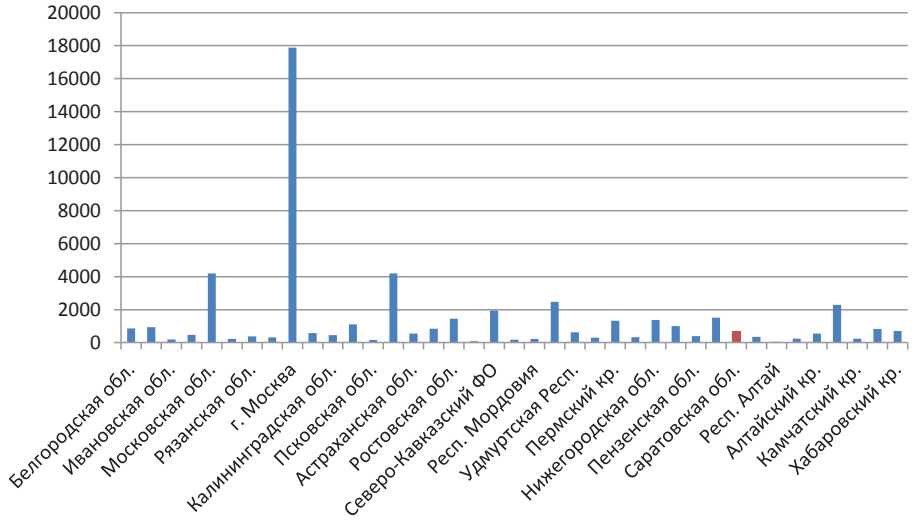
В тоже время последние годы по экономическим показателям регион давно не является образцом для подражания. Для формирования стратегии развития региона объективная оценка и профессиональный анализ является весьма важным условиям. Как правило, исследование стартового уровня состояния региона опирается на несколько индикаторов. Одним из таких является валовый региональный продукт.

По официальным данным органов статистики, в 2018 году[1] ВРП Саратовской области составил 712,5 млрд руб. Для сравнения этот же показатель составил в г. Москве — 17881,5 млрд руб., Волгоградской области — 852 млрд руб., Ростовской области — 1446,2 млрд руб., Самарской области — 1510,5 млрд руб., Воронежской

1 *https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_субъектов_Российской_Федерации_по_валовому_продукту.*

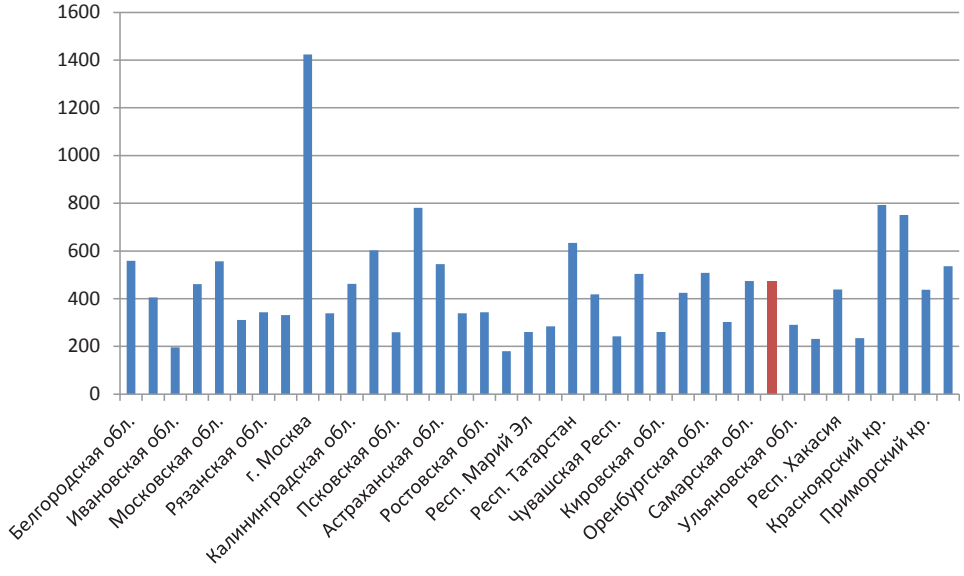
области — 943 млрд руб., Тамбовской области — 331,6 млрд руб., Республике Марий Эл — 177,7 млрд руб. (см. рис. 1).

Рисунок 1. Годовой ВРП в текущих ценах, миллиардов рублей 2018.

Однако сам показатель валового регионального продукта сам зависит от целого ряда факторов. Потому наиболее показательным является величина валового регионального продукта на душу населения. Максимальный размер валового регионального продукта на душу населения в 2018 году 5710 тыс. руб. в Ямало-Ненецком автономном округе, на втором месте Ханты-Мансийский автономный круг, в котором этот показатель составляет 2680 тыс. руб. Город Москва находится только на 7-м месте рейтинга с размером ВРП 1423 тыс. руб. на душу населения. Саратовская область находится на 60-м месте в рейтинге регионов. Тут размер ВРП на душу населения составляет 290,6 тыс. руб. Замыкает рейтинг Карачаево-Черкесская и Чеченская республики с ВРП на душу населения 165,4 тыс. руб. и 133,4 тыс. руб. соответственно (см. рис. 2).

Рисунок 2. Годовой ВРП на душу населения в тыс. рублей.

Для Саратовской области это достаточно низкий показатель. И если по объему ВРП Саратовская область стабильно занимает 27-е место среди регионов России, то по объему ВРП на душу населения (в 2014 году — 225,4 тыс. руб.) лишь 55-е место, с отставанием от среднероссийского значения на 44,8 процента.

Очень популярно в последние годы стало сравнивать уровень развития регионов по среднему уровню заработных плат. По данным Росстата по состоянию на март 2021 года лидирует Чукотский АО со средней заработной платой 124 077 руб. На втором месте Москва — 116355. И замыкает тройку лидеров по заработной плате Ямало-Ненецкий автономный округ со средней заработной платой 110891 руб. Саратовская область по показателю средней заработной платы находится на 63-м месте в стране. И средняя заработная плата в регионе составляет 34758 руб. Регионами — аутсайдерами по средней заработной плате являются Ивановская область, Кабардино-Балкария и Чечня.

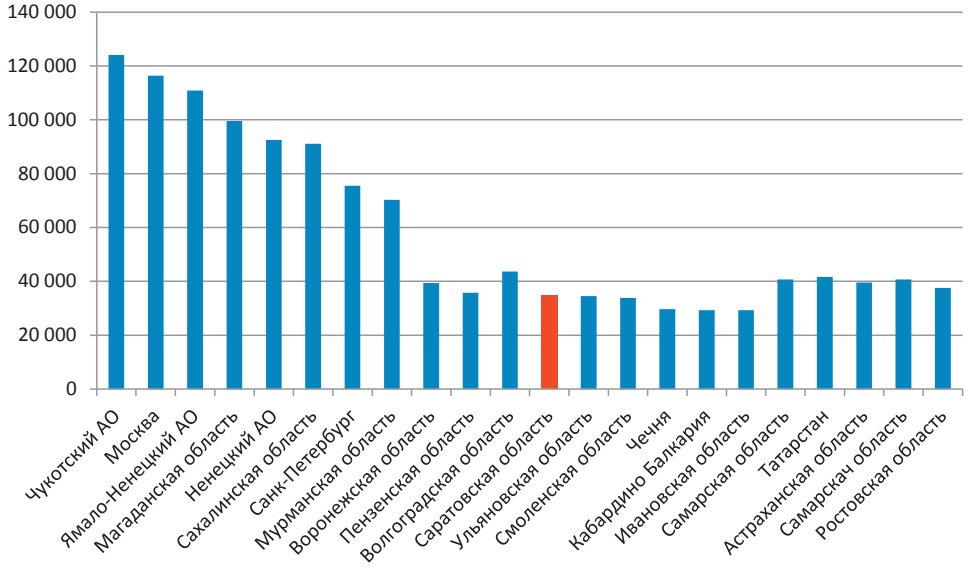

Рисунок 3. Средний уровень зарплат в марте 2021 года (в рублях) по регионам.

Кроме вышеперечисленных показателей, были проанализированы данные по воспроизводству человеческого потенциала в Саратовской области, включая коэффициенты рождаемости и смертности в динамике за три года, уровень бедности, уровень безработицы, коэффициент старения населения, покупательная способность населения и многое другое.

Был составлен SWOT-анализ социально-экономического положения региона и возможные сценарии развития экономической ситуации в регионе.

В результате были сформированы стратегические цели и приоритеты развития региона. В рамках стратегии развития Саратовской области были выделены три базовых элемента, первый из которых определяет регион как регион инноваций, территорию реализации возможностей человеческого капитала и интеллектуального потенциала. Второй элемент позиционирует область как территорию, привлекательную для жизни, работы и творчества, отдыха и спорта. И третий элемент идентифицирует регион как крупный экономический центр с развитым топливно-энергетическим центром, промышленным комплексом, строительной инфраструктурой, удобной транспортной развязкой.

Кроме того, считаем целесообразным и оправданным усилить стратегии развития регионов по следующим направлениям:

1. Создание стимулов для роста инвестиционной привлекательности региона.

В Саратовской области создана особая экономическая зона технико-внедренческого типа «Саратов» в Энгельсском, Балаковском районах и Саратове. Всю необходимую инфраструктуру для этого региона должен построить до 2023 года. Из бюджета региона для этих целей будет направлено 13,2 миллиона рублей.

Создание особой экономической зоны технико-внедренческого типа позволит организовать дополнительные рабочие места. Потребность компаний-резидентов в трудовых ресурсах составит свыше 1 тысячи человек. При этом работа сопутствующих сервисов вне особой экономической зоны приведет к увеличению потребности в трудовых ресурсах до 2700 человек.

В тоже время введение особой экономической зоны не решит всех проблем. Необходим и поиск новых инвесторов, и выстраивание долгосрочных отношений по привлечению дополнительных инвестиций в регион [6].

2. Формирование комфортной среды для развития малого бизнеса и предпринимательства, в том числе путем создания благоприятных условий налогообложения. Отмена единого налога на вмененный доход во многом увеличило налоговую нагрузку на малый бизнес. Пандемия коронавируса нанесла весьма ощутимый удар по малому бизнесу. Большая часть представителей малого бизнеса оказывает услуги напрямую населению и в условиях самоизоляции, по сути, оказалась без работы [5]. Введение налоговых льгот обернется новыми рабочими местами, и, следовательно, со временем новыми поступлениями в бюджет. Именно налоги являются мощнейшим инструментом управления доходами бюджетов [4].

3. Развитие социальной рекламы, внедрения комплекса имиджевых мероприятий по повышению престижа Поволжского региона. Использование исторических брендов региона для популяризации области.

4. Создание молодежного патриотического кластера в регионе, способствующего повышению притягательности Саратовской области у молодежи. Сегодняшняя молодежь во многом формирует завтрашний день. Через 10–15 лет именно сегодняшние подростки будут определять развитие конкретного села, района или области [7]. И от того, насколько будут учены потребности и желания молодежи при формировании стратегии развития региона, во многом будет зависеть ее реальность.

Библиографический список

1. *Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. Справочно-правовая система КонсультантПлюс. Код доступа: http://www.consultant.ru/document/co_ doc _LAW_164841/.*
2. *Постановление Правительства Саратовской области от 30 июня 2016 г. № 321-П «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года». Справочно-правовая система КонсультантПлюс. Код доступа: https://investinsaratov.ru/upload/i block /033/033577579163df20 a8dad3aea696d4f2. pdf.*
3. *Википедия. Свободная энциклопедия. Код доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Стратегия.*
4. *Кириллова О.С. Прокофьев С.Е. Налоговые инструменты управления доходами бюджетов. Финансовая жизнь, № 3. 2019. С. 53–57.*

5. *Мизякина О.Б., Муравлева Т.В. Региональные особенности развития малого бизнеса в современных условия. Russian Journal of Management. 2021. Т. 9. № 1. С. 56–60.*
6. *Муравлева Т.В., Семернина Ю.В., Челпанова В.А. Российский рынок коллективных инвестиций. СГСЭУ Саратов, 2010.*
7. *Муравлева Т.В. Факторы устойчивого развития муниципального образования. Вестник СГСЭУ № 1 (80) 2020 С. 71–73.*
8. *Мягкова Т.Л., Долматова О.В. Новые бизнес-стратегии и практические решения в цифровой экономике. Под общ. ред. Т.Л. Мягковой. Энгельс, 2021.*

References

1. *Federal'nyj zakon «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» ot 28.06.2014 № 172-FZ. Spravochno-pravovaja sistema Konsul'tantPljus. Kod dostupa: http://www.consultant.ru/document/co_ doc _LAW_164841/.*
2. *Postanovlenie Pravitel'stva Saratovskoj oblasti ot 30 ijunja 2016 g. № 321-P «Ob utverzhdenii strategii social'no-jekonomicheskogo razvitija Saratovskoj oblasti do 2030 goda». Spravochno-pravovaja sistema Konsul'tantPljus. Kod dostupa: https://investinsaratov.ru/upload/i block /033/033577579163df20 a8dad3aea696d4f2. pdf.*
3. *Vikipedija. Svobodnaja jenciklopedija Kod dostupa: https://ru.wikipedia.org/wiki/Strategija.*
4. *Kirillova O.S. Prokof'ev S.E. Nalogovye instrumenty upravlenija dohodami bjudzhetov. Finansovaja zhizn', № 3 2019 S. 53–57.*
5. *Mizjakina O.B., Muravleva T.V. Regional'nye osobennosti razvitija malogo biznesa v sovremennyh uslovija. Russian Journal of Management. 2021. T. 9. № 1. S. 56–60.*
6. *Muravleva T.V., Semernina Ju.V., Chelpanova V.A. Rossijskij rynok kollektivnyh investicij. SGSJeU Saratov, 2010.*
7. *Muravleva T.V. Faktory ustojchivogo razvitija municipal'nogo obrazovanija. Vestnik SGSJeU № 1 (80) 2020 S. 71–73.*
8. *Mjagkova T.L., Dolmatova O.V. Novye biznes-strategii i prakticheskie reshenija v cifrovoj jekonomike. Pod obshh. red. T.L. Mjagkovoj. Jengel's, 2021.*

Контактная информация / Contact information

Поволжский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
413100, Саратовская область, г. Энгельс, ул. Красноармейская, дом 24.
Volga Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation
24, st. Krasnoarmeyskaya, 413100, Engels, Saratov region, Russia.

Мизякина Ольга Борисовна / Olga B. Mizyakina
kocuba_kt@mail.ru
Муравлева Татьяна Виталиевна / Tatiana V. Muravleva
tanyam. 07@mail.ru
Мягкова Татьяна Леонидовна / Tatiana L. Myagkova
myagkovatl@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ РОССИИ НА СУБНАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

ECONOMIC POLARIZATION OF RUSSIA AT THE SUBNATIONAL LEVEL

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-461-466

ФЕНИН Кирилл Вячеславович
Старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, ФГОБУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Cyril V. FENIN
Senior lecturer at the Department of Economics Theory and National Economy, Saratov State University

Аннотация В статье исследуются причины межрегиональной поляризации России. Анализ статистики позволил сделать вывод о значимости государственной политики в социально-экономической конвергенции и дивергенции российских регионов.

Abstract The article examines the causes of the interregional polarization of Russia. The statistics analysis allowed us to conclude the importance of public policy in the socio-economic convergence and the divergence of Russian regions.

Ключевые слова Государство, поляризация, экономическое пространство.

Keywords State, polarization, economic space.

Введение. Совокупность объективных причин субнациональной поляризации можно свести к географическому фактору, который действует так: чем больше протяженность страны, тем больше климатических зон и неоднородность размещения ресурсов, поэтому некоторые регионы изначально наделены преимуществами, а другие — нет. Впоследствии плюсы и минусы изначального географического положения могут усилиться, что приводит к субнациональной поляризации. Площадь России очень протяженна, поэтому неравномерное развитие регионов нашей страны объективно.

Однако Б.Н. Миронов на примере царской России установил, что география оказывала в частных случаях существенное влияние на социальное развитие, но основными детерминантами были институциональные факторы. Обобщил подходы географических детерминистов и сторонников субъективных факторов[1] А.М. Маркевич, по расчетам которого в 1897 г. простой коэффициент вариации ВРП per capita для 97 губерний Российской империи составлял 0,56, а максимальный ВРП per capita превышал минимальный в 10,8 раза. В современной России простой коэффициент вариации подушевых ВРП для 82 субъектов равнялся 0,77, а отношение максимального ВРП к минимальному составило 16,5:1 в 2019 г. [2, 3, 5][2].

Цель. Рост поляризация экономического пространства России за столь длительный период времени может быть объективен: были открыты новые месторождения ресурсов и вовлечены в хозяйственный оборот новые территории. Тем не менее в период СССР отмечалось снижение пространственной концентрации экономической активности в стране за счет сдвига производительных сил на восток и север. В новейшей истории поляризация России на субнациональном уровне увеличилась: коэффициент вариации ВРП per capita вырос в 1995–2019 гг. на 43%. Поэтому для объяснения неравномерного экономического развития нашей страны следует обратиться к анализу социально-экономической политики [5], [6, с. 97–98].

Материалы и методы. Пропорции экономического пространства России в годы СССР формировались согласно эгалитарной модели, обеспечивающий единый уровень благосостояния на всей теории страны, что снижало эффективность производства в некоторых регионах, но поддерживало социальную устойчивость. Переход от плановой модели экономики к либерально-рыночной в начале 1990-х гг. привел к «искривлению» экономического пространства России. Неспособность или нежелание государства регулировать экономическую динамику в условиях неблагоприятной конъюнктуры стало причиной дивергенции регионов России. В 1998–2004 гг. темпы прироста ВВП per capita России и ВРП per capita регионов были синхронны: в период общего роста экономики росли и экономики субъектов, но с разной скоростью. А поскольку никаких особых механизмов выравнивания межрегиональных пропорций не предусматривалось, экономическое пространство России все более «искривлялось»: в 1995–2005 гг. взвешенный коэффициент вариации ВРП per capita вырос на 55,8%. При этом периодически случалось «негативное выравнивание»: в период кризисов 1998 г., 2009 г., 2014–2015 гг. и рецессий 2000–2002 гг., 2007–2008 гг., 2011–2013 гг. и 2018–2019 гг. все регионы «падали» и дифференциация снижалась. Вероятно, данное «негативное выравнивание» будет отмечено и в 2020 г., поскольку от кризиса более пострадали ресурсные регионы и агломерации, которые ранее и росли быстрее (см. таблицу).

1 *Под субъективными факторами можно понимать социально-экономическую политику государства, которое концентрирует значительные ресурсы, способно влиять на динамку хозяйственной конъюнктуры, создает институты и определяет цели развития страны [1].*

2 *Расчеты А.М. Маркевича проводились для иных территориальных субъектов, но в границах современной России. Расчет коэффициента вариации для субъектов Российской Федерации производился в данном случае без выделения Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. В 1995–2019 гг. пик дивергенции российских регионов пришелся на 2005 г., когда коэффициент вариации был равен 0,82, а максимальный ВРП per capita превышал минимальный в 39 раз. Минимальное значение V = 0,54 пришлось на 1995 г., а минимальный разрыв между наибольшим и наименьшим ВРП per capita на 2016 г. — 15 раз [5].*

Таблица. Показатели межрегиональной поляризации, экономического роста и бюджетного процесса в Российской Федерации в 1995–2020 гг., %[3]

Год	Взвешенный коэффициент вариации подушевых ВРП субъектов РФ	Темп прироста подушевого ВВП РФ (цепной)	Доля доходов бюджетов субъектов РФ в консолидированном бюджете РФ	Темп роста трансфертов субъектам РФ (2000=100%)	Доля трансфертов в совокупных доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ
1995	51,6	–4,1	50,9	н/д	н/д
1996	61,1	–3,6	53,4	н/д	н/д
1997	61,9	1,6	55,8	н/д	н/д
1998	55,1	–5,1	55,9	н/д	н/д
1999	59,2	6,7	51,8	н/д	н/д
2000	67,9	10,5	48,5	100,0	9,0
2001	67,3	5,5	45,3	218,9	15,7
2002	67,4	5,2	42,6	267,8	15,5
2003	67,8	7,8	42,7	249,9	12,3
2004	70,2	7,6	41,2	216,2	8,5
2005	80,4	6,8	36,9	515,3	17,5
2006	77,0	8,6	37,7	632,9	16,5
2007	73,1	8,7	38,3	669,5	13,6
2008	70,0	5,2	40,1	1270,6	20,0
2009	65,3	–7,8	44,7	1712,8	28,1
2010	64,0	4,5	44,0	1601,3	23,9
2011	64,0	4,2	40,2	1856,0	23,7
2012	59,8	3,8	38,5	1768,4	21,4
2013	59,7	1,5	38,5	1655,1	19,7
2014	59,3	–1,0	38,1	1674,5	18,8
2015	58,7	–2,2	40,5	1699,8	18,1
2016	58,2	0,0	42,4	1642,7	16,3
2017	60,7	1,7	41,6	1754,3	16,1
2018	65,0	2,5	37,3	2129,3	17,1
2019	63,4	1,4	38,7	2554,5	18,7
2020	н/д	–3,0	44,3	4181,4	26,1

Источник: рассчитано автором по [5, 7, 8].

3 *Расчеты взвешенного коэффициента вариации осуществлялись учета без Крыма, Севастополя, Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Показатели за 2020 г. носят предварительный характер. Резкий рост доли доходов бюджетов субъектов РФ в консолидированном бюджете, темпа роста и объема трансфертов в доходах регионов отражают кризис в российской экономике, сравнимый с кризисом 2009 г. Расчет взвешенного коэффициента вариации для 2020 г. осуществить не удалось из-за отсутствия данных по ВРП, но можно предположить, что вследствие «кризисного выравнивания» он упадет на 2,5–5 п.п.*

Результаты. Либерально-рыночная модель российской экономики изначально предусматривала центр-периферийный тип развития: рост экономики передовых регионов подчас осуществлялся за счет изъятия ресурсов из полупериферийных и периферийных регионов. Перенаправление финансовых потоков в пользу центра — в 1999–2005 гг. 60% налоговых доходов поступали в федеральный бюджет — ограничивало хозяйственную самостоятельность российских регионов. Это привело к тому, что расширенный тип воспроизводства смогли обеспечивать не более 15 субъектов РФ, которые и вносили основной вклад в рост всей экономики. Это подтверждается колебаниями взвешенного коэффициента вариации и долей доходов бюджетов регионов России в консолидированном бюджете: в 1998–2005 гг. динамика показателей была обратно пропорциональной [5], [6, с. 100], [9, 219–220] (см. таблицу).

Снижение поляризации регионов России, начавшиеся с 2005 г., также доказывает значимость государства в формировании экономического пространства нашей страны. В 2005–2016 гг. взвешенный коэффициент вариации ВРП per capita уменьшился на 38%, но так и не вернулся к минимуму. «Конвергенция» российских регионов в 2005–2016 гг. стала возможной лишь при росте трансфертов более чем в 5 раз от их уровня в 2000 г.[4]

Несмотря на «конвергенцию» в 2005–2016 гг., уровень регионального неравенства в России остается высоким. Кроме того, система распределения трансфертов не прозрачна, из-за чего многие российские регионы лишены хозяйственной инициативы. И даже когда данная инициатива становится возможной, региональные власти не заинтересованы в ней, поскольку при оценке их деятельности бóльшую роль играют политические факторы, а не показатели развития субъектов.

Выводы. Так как эффективность политики сглаживания пространственных диспропорций снижается, обеспечение всем гражданам нашей страны достойного уровня жизни, независимо от места их проживания, предполагает либо существенный рост ассигнований из федерального центра, либо кардинальный пересмотр всей экономической политики. Рост дотаций может быть осуществлен путем усиления централизации бюджетно-налоговой системы: скажем, посредством увеличения отчислений или полной передачи налога на прибыль в федеральный бюджет. Данные средства позволят стимулировать развитие экономики регионов через формирование между ними кооперационных связей. Однако в условиях непрозрачности системы распределения трансфертов, низкой хозяйственной инициативы региональных властей, а также экономической разобщенности субъектов РФ данная мера вряд ли способствуют снижению поляризации экономического пространства. Без перемен в парадигме экономического развития России, — без перехода

4 *Современная российская система финансовой зависимости между центром и регионами опирается на следующую логику: налог на добавленную стоимость (НДС) и налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), обеспечивающие основную долю доходов федерального бюджета,пространственно локализованы. НДС поступает из мест концентрации конечных потребителей: Москвы, Санкт-Петербурга и других городов-миллионеров, — а НДПИ — из ресурсных субъектов. Децентрализация российской налоговой системы повысила бы доходную часть бюджетов регионов лишь с обильной налоговой базой. Поэтому сохранение централизованной системы, которая позволяет перераспределять налоговые поступления в виде трансфертов, необходимо именно для поддержки периферийных регионов России со скудной налоговой базой. Рост зависимости российских регионов от федерального центра может быть отслежен по динамике доли трансфертов в совокупных доходах консолидированных бюджетов субъектов, которая в среднем составляла 20% в 2005–2016 гг. (см. таблицу) [5], [10].*

к эгалитарной национально-хозяйственной модели, — все меры по сглаживанию межрегиональной дифференциации будут искажаться логикой дерегулирования рыночных процессов, которые и ведут к росту неравенства. Кризис 2020 г. показал, что, возможно, именно сейчас наступает момент для перехода к парадигме эгалитарного экономического развития России.

Библиографический список

1. *Федоляк В.С. Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития сквозь призму базовых теорий региональной экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 16–20.*
2. *Миронов Б.Н. Кто виноват: природа или институты. Географический фактор в истории России. Статья 2. Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 83–89.*
3. *Миронов Б.Н. Кто виноват: природа или институты. Географический фактор в истории России. Статья 1. Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 130–141.*
4. *Markevich A. A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire (May 14, 2019). Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2555273 or.*
5. *Федеральная служба государственной статистики. Росстат. — [Электронный ресурс]. — http://www.gks.ru. Дата обращения: 22.05.2021.*
6. *Крюков В.А., Коломак Е.А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227. № 1. С. 92–114.*
7. *Малкина М.Ю. К вопросу о необходимости взвешивания в межрегиональных исследованиях (ответ на статью К.П. Глущенко) // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 163–184.*
8. *Оперативный доклад за 2020 год // Счетная плата РФ. — [Электронный ресурс]. — https://ach.gov.ru/audit/oper-2020#budgets. Дата обращения: 10.06.2021.*
9. *Царенко И.В., Урасова А.А., Баландин Д.А. Экономическая трансформация пространства региона на основе оборота трудовых ресурсов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227. № 1. С. 216–229.*
10. *Зубаревич Н.В. Межбюджетные отношения центра и регионов: экономические и институциональные аспекты // Журнал НЭА. 2014. № 3 (23). С. 158–161.*

References

1. *Fedolyak V.S. Mezhregional'nye disproportsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya skvoz' prizmu bazovykh teorii regional'noi ekonomiki // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2019. T. 19. Vyp. 1. S. 16–20.*
2. *Mironov B.N. Kto vinovat: priroda ili instituty. Geograficheskii faktor v istorii Rossii. Stat'ya 2. Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2015. № 1. S. 83–89.*
3. *Mironov B.N. Kto vinovat: priroda ili instituty. Geograficheskii faktor v istorii Rossii. Stat'ya 1. Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2014. № 5. S. 130–141.*
4. *Markevich A. A Regional Perspective on the Economic Development of the late Russian Empire (May 14, 2019). Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=2555273 or.*
5. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. Rosstat. — [Elektronnyi resurs]. — http://www.gks.ru. Data obrashcheniya: 22.05.2021.*
6. *Kryukov V.A., Kolomak E.A. Prostranstvennoe razvitie Rossii: osnovnye problemy i podkhody k ikh preodoleniyu // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2021. T. 227. № 1. S. 92–114.*

7. *Malkina M.Yu. K voprosu o neobkhodimosti vzveshivaniya v mezhregional'nykh issledovaniyakh (otvet na stat'yu K.P. Glushchenko) // Prostranstvennaya ekonomika. 2016. № 1. S. 163–184.*
8. *Operativnyi doklad za 2020 god // Schetnaya plata RF. — [Elektronnyi resurs]. — https://ach.gov.ru/audit/oper-2020#budgets. Data obrashcheniya: 10.06.2021.*
9. *Tsarenko I.V., Urasova A.A., Balandin D.A. Ekonomicheskaya transformatsiya prostranstva regiona na osnove oborota trudovykh resursov // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2021. T. 227. № 1. S. 216–229.*
10. *Zubarevich N.V. Mezhbyudzhetnye otnosheniya tsentra i regionov: ekonomicheskie i institutsional'nye aspekty // Zhurnal NEA. 2014. № 3 (23). S. 158–161.*

Контактная информация / Contact information

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского» (СГУ)
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.
Saratov State University (SSU)
83, st. Astrakhanskaya, 410012, Saratov, Russia.

Фенин Кирилл Вячеславович / Fenin Cyril Vyacheslavovich
fenin.kir@yandex.ru

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА)[1]

DYNAMICS OF SPATIAL DEVELOPMENT INDICATORS FOR THE RUSSIAN ECONOMY (REGIONAL LABOR MARKETS EXAMPLE)

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-467-474

ЛАТКОВ Андрей Владимирович
Профессор кафедры корпоративной экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС, д.э.н., профессор

Andrey V. LATKOV
Professor of the Department of Corporate Economics of the Povolzhskiy Institute of Management — branch of the RANEPA, Doctor of Economics, Professor

БАРАШОВ Николай Геннадиевич
Профессор кафедры «Экономика и маркетинг» Социально-экономического института Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина, д.э.н., профессор

Nikolay G. BARASHOV
Professor of the Department of Economics and Marketing at the Socio-Economic Institute of the Saratov State Technical University, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

В статье рассматриваются тенденции динамики внутрироссийской пространственной миграции экономически активного населения и факторы, оказывающие влияние на этот процесс. Основными инструментами исследования являются коэффициент размаха (разброса), децильный коэффициент дифференциации, коэффициент вариации, индекс Херфиндаля — Хиршмана. В результате произведена группировка российских регионов по критерию вектора миграции, оценка их дифференциации

1 *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00681.*

по уровню средней заработной платы и по локации штаб-квартир крупнейших компаний. Проиллюстрирована взаимосвязь миграционной активности и динамики экономической активности.

Abstract The article examines the trends for the internal spatial migration dynamics of the Russian economically active population also the factors influencing this process. The main research instruments are the coefficient of range (spread), decile coefficient of differentiation, coefficient of variation, Herfindahl — Hirschman index. As a result, the Russian regions were grouped according to the criterion of the migration vector, their differentiation was assessed by the level of average wages and by the location of the largest companies' headquarters. The relationship between migration activity and economic activity dynamics is illustrated.

Ключевые слова Миграция населения, дифференциация регионов, заработная плата, локация корпоративных штаб-квартир, динамика экономической активности.

Keywords Population migration, regional differentiation, wages, corporative headquarters location, dynamics of economic activity.

Введение

Актуальные проблемы достижения сбалансированности развития российского экономического пространства получают все более широкое отражение в отечественной научной литературе [1, 2]. Среди высшего политического руководства также осознано значение этих проблем для обеспечения выхода страны на траекторию устойчивого социально-экономического развития, о чем свидетельствует в том числе утверждение Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. В качестве важных проблем пространственного развития в Стратегии обозначены «высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства», «значительное отставание по ключевым социально-экономическим показателям от среднероссийского уровня части субъектов РФ». Соответственно, одним из принципов Стратегии пространственного развития является комплексный подход к социально-экономическому развитию территорий страны [3].

Цель статьи — выявление тенденций внутрироссийской пространственной миграции экономически активного населения и оценка факторов, оказывающих влияние на этот процесс.

Материалы и методы

Информационной базой исследования явились официальные материалы Росстата. Типологизация регионов по критерию вектора миграции производилась на основе анализа динамики значений коэффициента миграционного прироста; тренды межрегиональной и внутрирегиональной миграции экономически активного населения определялись по динамике абсолютных значений исходя из того, что на долю трудоспособного населения приходится около 70% общей численности внутренних мигрантов (на основании этого можно утверждать, что мотивы, которыми руководствуется экономически активное население, являются доминирующими при рассмотрении проблемы пространственной мобильности населения России) [4]. В основу оценки степени диффе-

ренциации российских регионов положены показатели среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в соответствующих субъектах федерации [5, 6]. При этом были использованы показатели по Тюменской и Архангельской областям в целом, то есть не учитывались показатели среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Ненецком автономных округах. В этой связи анализируемый за 2000–2014 гг. массив включал 80 регионов. С 2015 г. количество регионов возросло до 82 за счет Республики Крым и г. Севастополя. В качестве инструментов оценки дифференциации регионов по уровню средней заработной платы были выбраны коэффициент размаха (разброса), децильный коэффициент дифференциации и коэффициент вариации. Дифференциация регионов по локации штаб-квартир крупнейших компаний оценивалась на информационной базе Forbes [7]. Оценка уровня региональной концентрации штаб-квартир произведена посредством расчета значения индекса Херфиндаля — Хиршмана (Herfindahl — Hirschman index), причем результаты оценки, произведенные по данным Forbes (200 крупнейших частных компаний) и по данным РА «Эксперт» (400 крупнейших компаний) оказались практически идентичными [8].

Результаты

По результатам анализа динамики значений коэффициента миграционного прироста (КМП) за период 2010–2019 гг. в массиве российских регионов были разграничены четыре группы (см. таблицу).

Таблица. Типология российских регионов по критерию динамики значений КМП в 2010–2019 гг.

Регионы с устойчивым положительным миграционным приростом	Белгородская, Воронежская, Калининградская, Калужская, Ленинградская, Московская, Новосибирская, Тюменская, Ярославская области, Алтайский край, Краснодарский край, Республики Адыгея, Ингушетия, Крым, Татарстан, города Москва, Санкт-Петербург, Севастополь
Регионы с преимущественно положительным миграционным приростом	Курская, Липецкая, Нижегородская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Свердловская, Смоленская, Томская, Тульская, Челябинская области
Регионы с преимущественно отрицательным миграционным приростом	Астраханская, Новгородская, Псковская, Саратовская, Тамбовская, Тверская области, Ставропольский край, Республики Алтай, Мордовия, Хакасия, Чукотский АО
Регионы с устойчивым отрицательным миграционным приростом	Амурская, Архангельская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Еврейская автономная, Ивановская, Иркутская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Магаданская, Мурманская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Сахалинская, Ульяновская области, Республики Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Калмыкия, Карелия, Коми, Марий Эл, РСО — Алания, Саха (Якутия), Тыва, Удмуртская, Чеченская, Чувашская, Алтайский край, Забайкальский край, Камчатский край, Пермский край, Приморский край, Хабаровский край

Очевидно, самую большую группу составляют регионы с устойчивым отрицательным миграционным приростом — чуть более половины массива (42 региона). Далее следует группа регионов с устойчивым положительным миграционным приростом (всего 18 регионов). Группы с преимущественно отрицательным и с преимущественно положительным миграционным приростом равнозначны по количеству регионов (по 11 в каждой).

Факторы, оказывающие влияние на процессы межрегиональной пространственной мобильности экономически активного населения, весьма разнообразны. В рамках данной статьи остановимся на трех из них: высокий уровень дифференциации регионов страны по уровню заработной платы; высокий уровень дифференциации регионов страны по локации штаб-квартир крупнейших корпоративных структур; циклический характер динамики деловой активности.

1. *Высокий уровень дифференциации регионов страны по уровню заработной платы.* Данное явление можно охарактеризовать при помощи коэффициента размаха, децильного коэффициента дифференциации и коэффициента вариации.

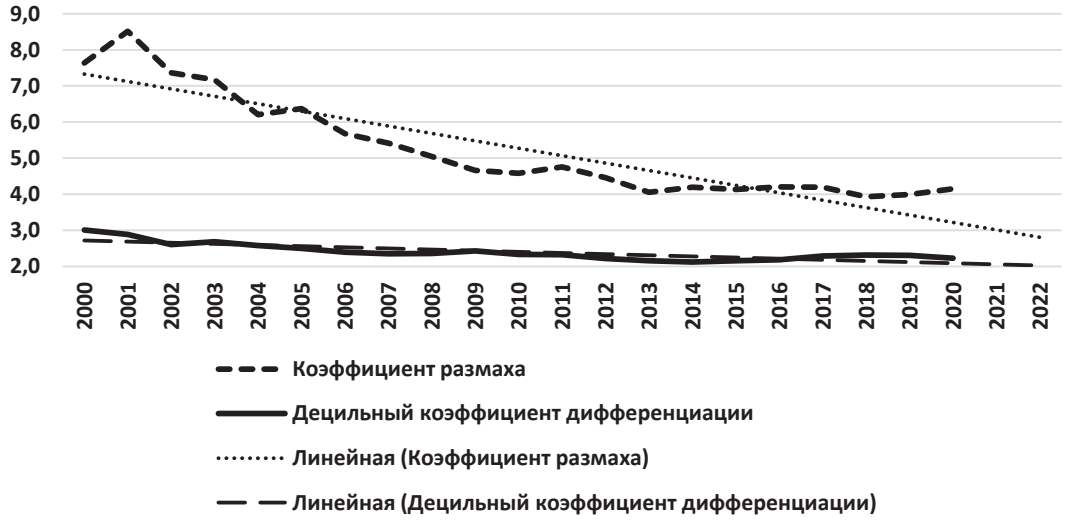

Рисунок 1. Динамика значений коэффициента размаха и децильного коэффициента дифференциации российских регионов по уровню среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в 2000–2020 гг.

В аспекте постепенного выравнивания регионов обобщенная тенденция за два десятилетия свидетельствует о положительных изменениях. Если в 2001 г. значение коэффициента размаха (разброса) регионов по уровню среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций составило 8,5, то по итогам 2020 г. — уже 4,1, то есть наблюдаем снижение более чем в 2 раза. Анализируя динамику значений децильного коэффициента дифференциации, отметим такой же вектор изменений: 3,0 в 2000 г. и 2,2 в 2020 г.

В целом аналогичную тенденцию наблюдаем в динамике значений коэффициента вариации по массиву российских регионов по уровню среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций, если сравнить показатель 2000 года (0,505) с показателем 2020 года (0,407), что наглядно представлено на рис. 2.

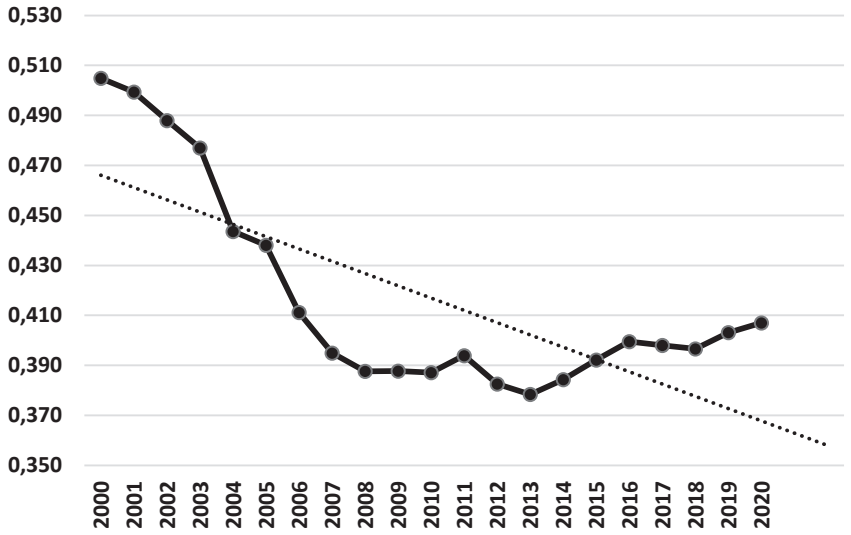

Рисунок 2. Динамика значений коэффициента вариации по массиву российских регионов по уровню среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в 2000–2020 гг.

Следует отметить, что минимальное значение за рассматриваемый период коэффициент вариации достиг в 2013 г. (0,378), в дальнейшем наметилась неустойчивая тенденция постепенного роста значений показателя.

2. *Высокий уровень дифференциации регионов страны по локации штаб-квартир крупнейших корпоративных структур*. Этот фактор также оказывает существенное влияние на пространственное поведение экономически активного населения. Данные Forbes свидетельствуют об устойчивой диспропорциональности локации штаб-квартир крупнейших компаний в российском экономическом пространстве (см. рис. 3).

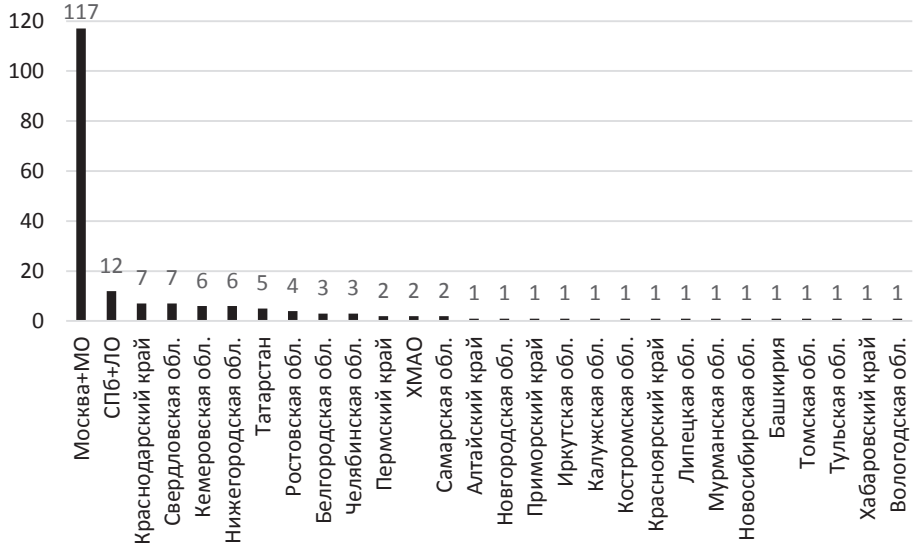

Рисунок 3. Локации штаб-квартир 200 крупнейших частных российских компаний в 2019 г. (по данным Forbes)

Рассчитанное значение индекса Херфиндаля — Хиршмана (Herfindahl — Hirschman index) по итогам 2019 года составило 3862, что свидетельствует о высокой сте-

пени концентрации штаб-квартир крупнейших российский компаний (в Москве и Московской области).

3. Циклический характер динамики деловой активности.

Динамика абсолютных значений межрегиональной и внутрирегиональной миграции в целом по Российской Федерации отображена на рис. 4.

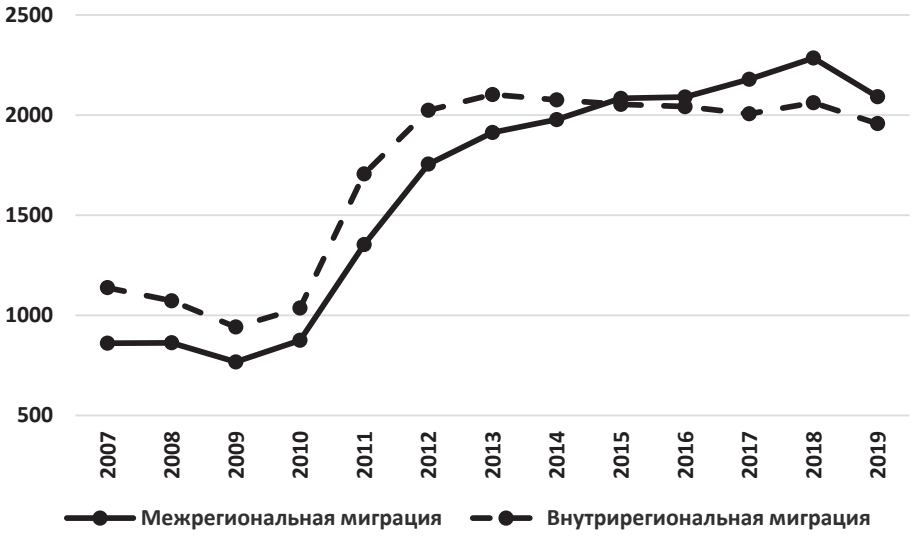

Рисунок 4. Динамика показателей внутренней миграции населения Российской Федерации в 2007–2019 гг. (тыс. чел.).

Взаимосвязь миграционной активности и динамики экономической активности очевидна при сопоставлении рис. 3 и рис. 4:

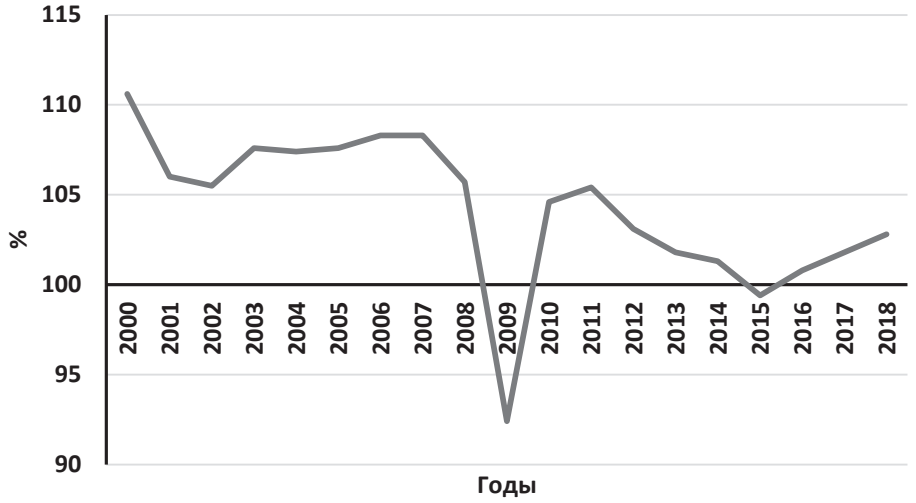

Рисунок 5. Динамика индекса совокупного физического ВРП России.

В период экономической рецессии межрегиональная и внутрирегиональная миграционная активность населения снижется либо падают темпы их прироста.

Выводы

Векторы миграции экономически активного населения неблагоприятны для большей части субъектов Федерации, и это создает объективные условия для дальнейшей экономической стагнации соответствующих регионов. Несмотря на существен-

ные положительные изменения за истекшие два десятилетия, массив регионов страны остается неоднородным по уровню средней заработной платы и по локации штаб-квартир крупнейших компаний. Идеи, изложенные в Стратегии пространственного развития России на период до 2025 года, свидетельствуют о понимании руководством страны негативных эффектов диспропорциональности развития отдельных территорий. При этом речь идет не об абсолютном выравнивании регионов, а о снижении степени их неравенства.

Библиографический список

1. *Новая пространственная стратегия для России: Монография // Ответ. ред. д.э.н., проф. Е.М. Бухвальд, д.э.н., проф. А.В. Виленский. М.: — Институт экономики РАН, 2020. — 250 с.*
2. *Царенко И.В., Урасова А.А., Баландин Д.А. Экономическая трансформация пространства региона на основе оборота трудовых ресурсов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227. № 1. С. 216–229.*
3. *Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p. pdf.*
4. *Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году (Статистический бюллетень). — М., 2020. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/Main. htm.*
5. *Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652.*
6. *Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике по субъектам Российской Федерации за 2000–2020 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/t4. htm.*
7. *200 крупнейших частных компаний России — 2020. Рейтинг Forbes. URL: https://www.forbes.ru/rating/409143-200-krupneyshih-chastnyh-kompaniy-rossii-2020-reyting-forbes.*
8. *Латков А.В. «Столичная рента» и российское экономическое пространство: противоречия, особенности, динамика // Экономика как объект междисциплинарных исследований. Сб. материалов IV международного политэкономического конгресса (МПЭК-IV). Под общ. ред. С.Д. Бодрунова, А.В. Бузгалина. — М.: Культурная революция, 2020. С. 641–650.*

References

1. *Novaya prostranstvennaya strategiya dlya Rossii: Monografiya // Otvet. red. d.e.n., prof. E.M. Bukhval'd, d.e.n., prof. A.V. Vilenskii. M.: — Institut ekonomiki RAN, 2020. — 250 s.*
2. *Tsarenko I.V., Urasova A.A., Balandin D.A. Ekonomicheskaya transformatsiya prostranstva regiona na osnove oborota trudovykh resursov // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2021. T. 227. № 1. S. 216–229.*
3. *Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 13 fevralya 2019 g. № 207-r. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p. pdf.*
4. *Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossiiskoi Federatsii v 2019 godu (Statisticheskii byulleten'). — M., 2020. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/Main. htm.*
5. *Prilozhenie k sborniku «Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli». Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli po sub"ektam Rossiiskoi Federatsii. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652.*

6. *Srednemesyachnaya nominal'naya nachislennaya zarabotnaya plata rabotnikov v tselom po ekonomike po sub"ektam Rossiiskoi Federatsii za 2000–2020 gg. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/t4. htm.*
7. *200 krupneishikh chastnykh kompanii Rossii — 2020. Reiting Forbes. URL: https://www.forbes.ru/rating/409143-200-krupneyshih-chastnyh-kompaniy-rossii-2020-reyting-forbes.*
8. *Latkov A.V. «Stolichnaya renta» i rossiiskoe ekonomicheskoe prostranstvo: protivorechiya, osobennosti, dinamika // Ekonomika kak ob"ekt mezhdistsiplinarnykh issledovanii. Sb. materialov IV mezhdunarodnogo politekonomicheskogo kongressa (MPEK-IV). Pod obshch. red. S.D. Bodrunova, A.V. Buzgalina. — M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2020. S. 641–650.*

Контактная информация / Contact information

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал РАНХиГС
410012, Саратов, улица Московская, 164.
Povolzhskiy Institute of Management — branch of the RANEPA
410012, Saratov city, Moskovskaya street, 164.

Латков Андрей Владимирович / Andrey V. Latkov
latcov-av@yandex.ru
Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина
410054, Саратов, улица Политехническая, 77.
Saratov State Technical University
410054, Saratov city, Politechnicheskaya street, 77.
Барашов Николай Геннадиевич / Nikolay G. Barashov
barashov@mail.ru

ДИНАМИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

DYNAMICS OF ENSURING FOOD SECURITY IN RUSSIA

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-475-481

МЕРКУЛОВА Елена Юрьевна
Директор Института экономики, управления и сервиса Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, д.э.н., профессор

Elena YU. MERKULOVA
Director of the Institute of Economics, Management and Service, Tambov State University, Doctor of Economics, Professor

СМАГИНА Валентина Викторовна
Проректор — главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, член Президиума ВЭО России, заместитель руководителя Тамбовского регионального отделения ВЭО России, д.э.н., профессор

Valentina V. SMAGINA
Vice-rector-chief scientific secretary of the Tambov State University, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy Head of the Tambov Regional Branch of the VEO of Russia, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

Проблема продовольственной безопасности в новейший исторический период стала важной заботой всего мира. Анализ потребления продовольствия ясно указывает на то, что мир не имеет достаточного количества необходимых ресурсов, чтобы прокормить людей. Эта проблема еще более усугубляется такими факторами, как последствия изменения климата, нестабильная глобальная экономика, низкий уровень сельскохозяйственного производства, растущая нищета и нестабильные цены на базовые продукты. Таким образом, эти факторы поставили перед всем человеческим сообществом новые задачи в области производства и непрерывного снабжения населения основными продуктами питания.

Abstract

The problem of food security has become an important concern for the whole world. The problem of food scarcity clearly indicates that the world does not have enough of the necessary resources to feed people. This problem is further compounded by factors such as the effects of climate change, an unstable global economy, low agricultural production, increasing poverty and unstable food prices. Thus, these factors have set

new challenges for the world in the production and continuous supply of basic food to the population.

The purpose of the study is to study the level of food security as the most important condition for improving the quality of life of the population.

Ключевые слова Продовольственная безопасность, направления нивелирования угроз в продовольственной сфере.

Keywords Food security, directions of leveling threats in the food sector.

Введение

Одним из главных условий стабильного развития государства является экономическая безопасность, в первую очередь продовольственная. Именно она является основным элементом национальной безопасности государства, определяет его независимость на международной арене.

Продовольственное обеспечение есть главный вопрос в решении задач социально-политического характера. Острота и масштабы некачественного питания населения обосновываются социально-экономическими факторами, что позволяет понимать направления ее решения. Бесконтрольное производство продуктов питания и его потребление может привести к катастрофе человечества. Необходимо развивать собственное производство, только это позволит обеспечить продовольственную независимость. В свою очередь, развитие сельского хозяйства, которое обладает мультипликативным эффектом, проявляющимся в росте занятости населения, будет способствовать и развитию сопряженных промышленных производств.

Цель исследования — определение уровня обеспечения продовольственной безопасности как важнейшего условия повышения качества жизни населения.

Материалы и методы. В настоящей работе с помощью методов прикладной статистики исследованы различные аспекты обеспеченности продовольственной безопасности. Для проведения расчетов, обработки и оценки информации использовались программные продукты: Excel, IBM SPSS Statistika [1].

Результаты

Обеспечение экономической безопасности страны достигается, прежде всего, ее продовольственной независимостью и решением вопроса качества предлагаемых услуг в организации питания населения, необходимого для активной и здоровой жизни. На рис. 1 представлены данные о фактическом потреблении основных продуктов питания и рациональных нормах потребления.

Из рисунка видно, что нормы потребления молока и молочных продуктов, рыбы и рыбопродуктов, картофеля, овоще-бахчевых культур, плодово-ягодной продукции не выполняются. Избыточное потребление по-прежнему остается на мучные и хлебобулочные изделия, мясопродукты, яйцо, масло растительное, сахар. По количеству соли фактические данные пока отсутствуют, так как норма потребления на нее введена в 2019 г. Структура физического потребления, как мы видим, наблюдается по пяти из десяти основных продуктов питания, что не является удовлетворительной. Динамика экономической доступности продовольствия за период с 2010 по 2019 г. [2] представлена в табл. 1.

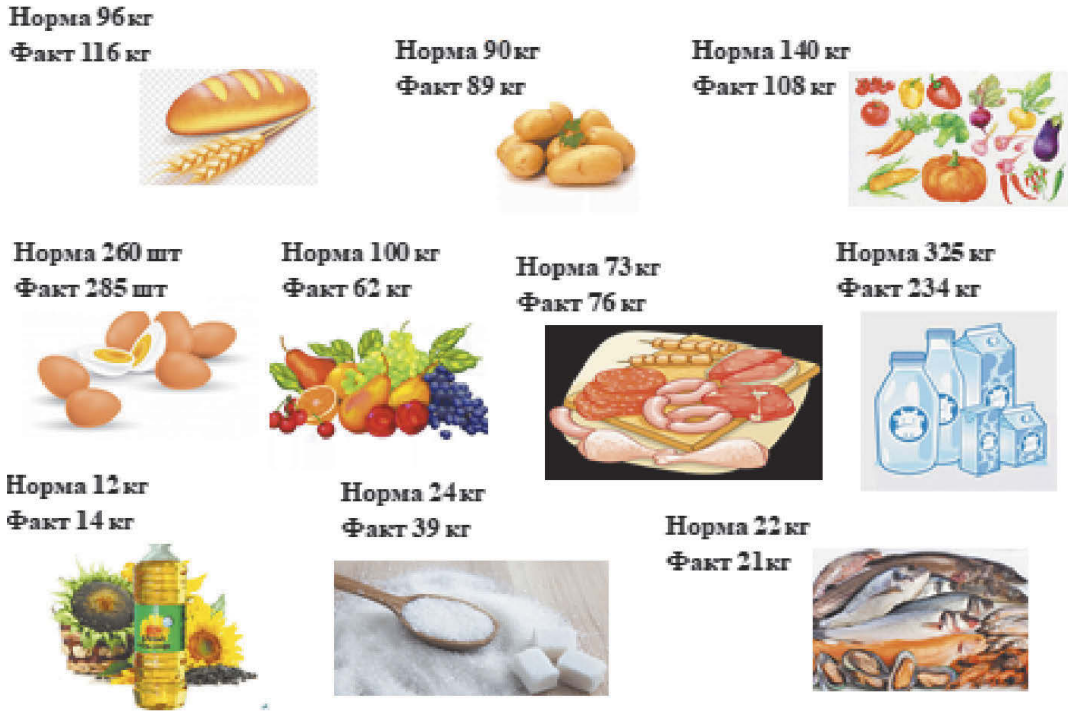

Рисунок 1. Структура потребления населением основных продуктов питания за 2019 г. (рисунок составлен автором на основе статистических данных [2]).

Таблица 1. Экономическая безопасность обеспечения населения основными продуктами питания

Продукты, обеспечивающие продовольственную безопасность (основные)	По годам					Норма безопасного потребления продовольствия
	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2019 г.	норма	
Хлебные продукты	101	95	96	116	96	120,8
Картофель	66	58	59	89	90	98,9
Овощи и бахчевые	96	99	104	108	140	77,1
Фрукты, ягоды	70	71	74	62	100	62,0
Мясо и мясопродукты	79	85	89	76	73	104,1
Яйца, шт.	221	218	231	285	260	91,2
Молоко и молочные продукты	262	266	266	234	325	72,0
Сахар и кондитерские изделия	33	31	31	39	24	162,5
Масло растительное и др. жиры	11	11	11	14	12	116,7
Рыба и рыбопродукты	21	21	22	21	22	95,5

Источник: составлен автором на основе статистических данных [2, 3].

Из данных табл. 2 следует, что уровень продовольственной независимости выполнен по большинству основных продуктов питания только в 2019 году. Анализ показателей основных продуктов питания отмечает их рост после 2015 г. Причина, по нашему мнению, в ограничении доступа конкурентов из зарубежных стран к продовольственному рынку и расширение отечественными производителями новых направлений производства. В перспективе необходимо решать проблему с увеличением объема производства молока и молокопродуктов, овоще-бахчевых культур, фруктов и ягод. Решение этого вопроса в России находиться в компетенции отечественного аграрно-производственного комплекса, который уже сегодня демонстрирует прогресс в освоении и внедрении новых инновационных технологий.

Таблица 2. Продовольственная безопасность России за 2017–2019 гг.

Основные продукты питания	**Уровень обеспеченности продовольствием, %**		
	2017 г.	**2018 г.**	**2019 г.**
Зерно, млн т	170,6	147,1	158,0
Мясо и мясопродукты, тыс. т	93,4	95,7	97,6
Молоко и молокопродукты, тыс. т	89,4	89,9	84,0
Яйца, млн шт.	98,9	98,8	97,3
Картофель, тыс. т	91,1	95,3	102,0
Овощи и бахчевые, тыс. т	87,6	87,2	90,2
Фрукты и ягоды, тыс. т	33,1	38,8	40,5
Рыба и рыбопродукты, тыс. т	138,6	158,5	155,1

Источник: составлен автором на основе статистических данных [2].

В 2019 г. в Российской Федерации было произведено продукции сельского хозяйства на 5,9 трлн руб., по показателям 2018 г. — 5,4 трлн руб., рост составил 10,5%, в 2000 г. этот показатель составил 0,8 руб. — увеличение в сравнение с 2019 г. в сопоставимых ценах в 4,8 раза [2] (рис. 2).

В структуре производства сельскохозяйственной продукции с введением санкций положительную динамику показывает развитие растениеводства, его доля с 2015 по 2019 г. увеличилась соответственно с 52 до 54%. Объем продукции растениеводства в 2019 г. в стоимостном размере составил 3160 млрд руб., животноводства — 2747,9 млрд руб., рост к 2015 г. составил 19,1% [4]. Анализ производства продукции сельского хозяйства за период с 2000 по 2019 гг. позволяет говорить о положительной динамике ее основных составляющих: растениеводству и животноводству.

Топ-15 лучших российских регионов по сельскохозяйственной продукции представлен на рис. 3, где лидерами выступают Краснодарский край, Белгородская и Ростовская области. Крупными производителями сельскохозяйственной продукции также считается Республика Татарстан, Воронежская область [4]. Валовой сель-

скохозяйственный продукт формируется 15 регионами, что составляет 51% от общего объема. Это можно объяснить природно-климатическими условиями.

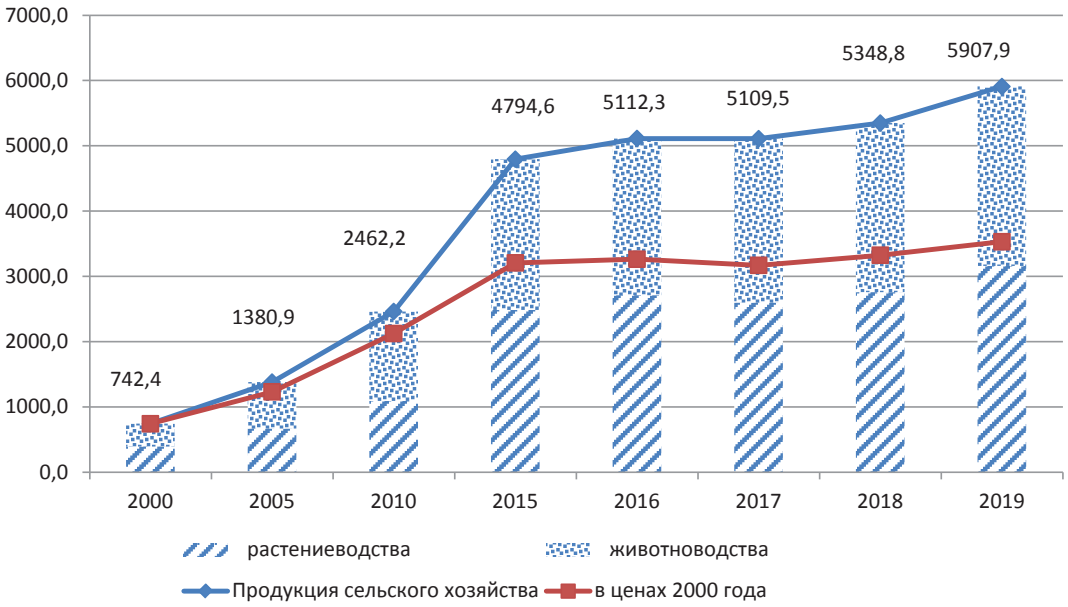

Рисунок 2. Рост продукции сельского хозяйства за 2000–2019 гг., (млрд руб.) в РФ Источник: рассчитано автором на основе статистических данных [2, 3].

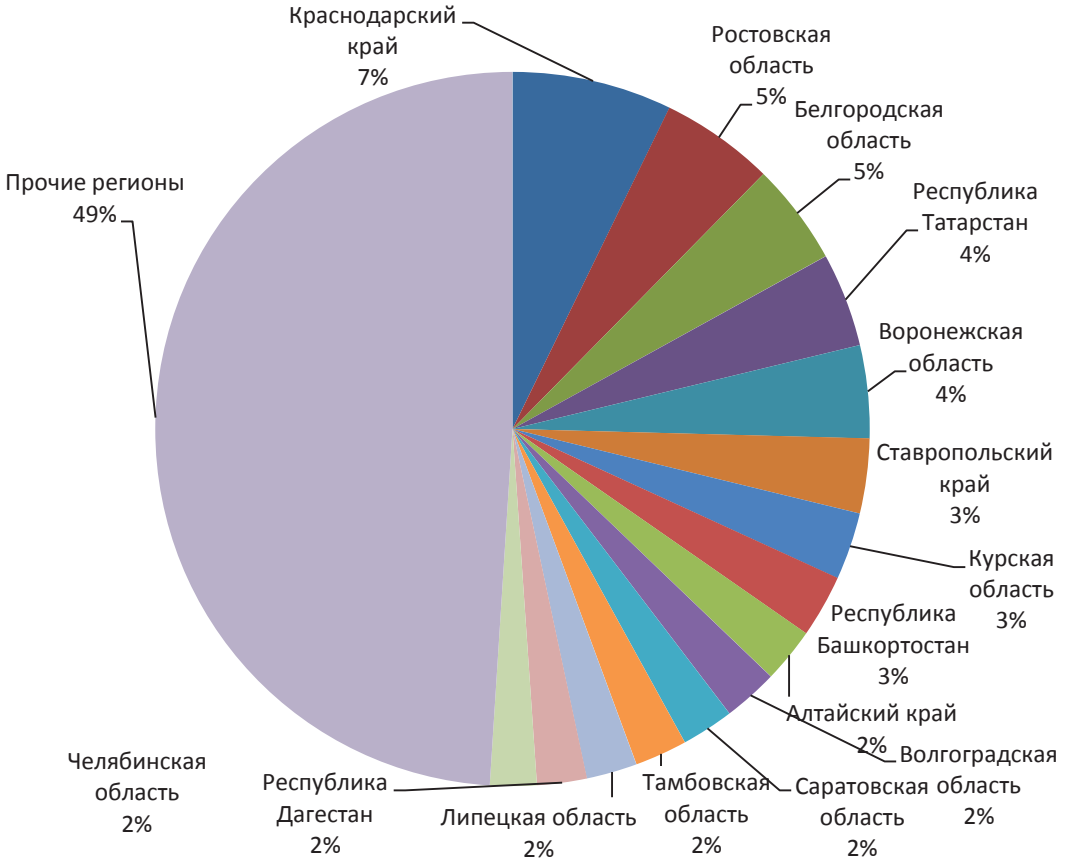

Рисунок 3. Структура производителей сельскохозяйственной продукции по регионам РФ за 2019 г. Источник: рассчитано автором на основе статистических данных [2].

Развитие сельского хозяйства — это, прежде всего, повышение уровня жизни населения сельских территорий, которая обеспечивается развитой инфраструктурой, расширением сфер экономической и социальной деятельности, заинтересованного в эффективном использовании земельных и трудовых ресурсов производителе. На рис. 4 представлены риски и угрозы продовольственной безопасности [5].

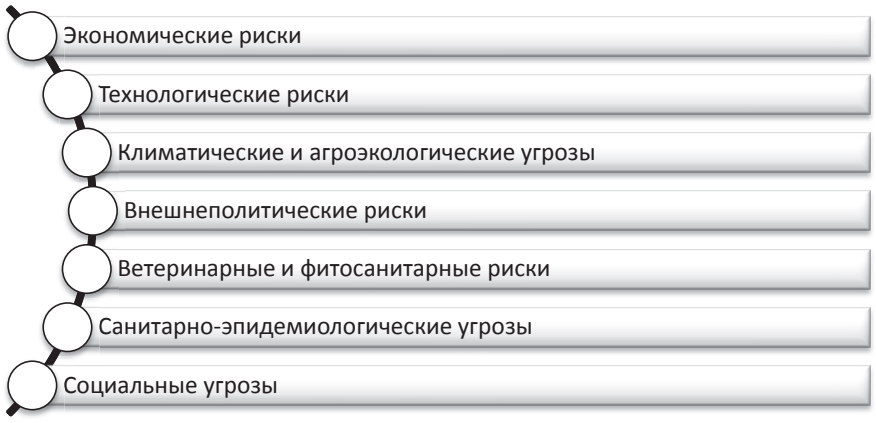

Рисунок 4. Риски и угрозы продовольственной безопасности.

Обсуждение

Проблемы обеспеченности продовольственной безопасности рассматриваются в трудах таких ученых, как Г.В. Астратова, Ю.А. Баринова, А.М. Грешонкова, А.В. Курдюмова, С.А. Суслова, Ю.С. Хромова, Н.И. Шагайда, В.Я. Узун и других [4]. Экономическая безопасность страны формируется на основе обеспечения достаточности и доступности продовольствия, что, в свою очередь, способствует стабильности общества.

Продовольственная безопасность страны формируется на основе планирования национальных объемов производства пищевого разнообразия в соответствии с рациональными нормами потребления и дальнейшего обеспечения достаточности и доступности продовольствия всем слоям населения. В свою очередь, это способствует устойчивой стабилизации общественной макросистемы.

Это необходимые условия формирования благосостояния общества и национального государства.

Заключение

Стратегическая цель российского государства — обеспечение его населения качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией. Достаточность и доступность продовольствия способствуют созданию социальной и политической стабильности. Направления, обеспечивающие безопасность государства, включают:

- продовольственную стабильность, основанную на устойчивом производстве сельскохозяйственной продукции, которая, в свою очередь, создает условия для производства продовольствия в достаточном количестве;
- формирование института «ценовой политики», способствующего обеспечению доступности продовольственного ассортимента качественной и безопасной пищевой продукции;
- повышение благосостояния населения страны.

К продовольственной безопасности следует отнести и вопрос роста цен на продукты питания. Следовательно, необходимо этот процесс рассматривать как угрозу

экономической, национальной безопасности страны. Физическая и экономическая доступность продовольствия для населения одинаково важны. Важно также на современном этапе развития страны говорить и о качестве потребляемых продуктов.

В основе экономической безопасности страны находиться его продовольственная программа, которая включает стратегическую цель — качественное и количественное обеспечение населения продовольствием.

Библиографический список

1. *IBM SPSS Statistics. URL: https://www.ibm.com/ru-ru/products/spss-statistics (дата обращения: 20.02.2021).*
2. *Сельское хозяйство и балансы продовольственных ресурсов. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика / Предпринимательство / Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство / Сельское хозяйство и балансы продовольственных ресурсов. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy (дата обращения: 20.02.2021).*
3. *Статистика: основные показатели сельского хозяйства 2015–2017 гг. [Электронный ресурс] // Статистика: основные показатели сельского хозяйства 2015–2017 гг. Агровестник — информационный интернет портал. Отраслевая информация. 2018. 2 июля URL: https://agrovesti.net/lib/industries/statistika-osnovnye-pokazateli-selskogo-khozyajstva-2015-2017-gg. html/ (дата обращения: 20.02.2021).*
4. *Меркулова Е.Ю. Общая экономическая безопасность. М.: Юрайт. 2021. 525 с.*
5. *Шагайда Н.И., Узун В.Я. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы. М.: Изд-во РАНХ и ГС, 2015. С. 14–18.*

References

1. *IBM SPSS Statistics. URL: https://www.ibm.com/ru-ru/products/spss-statistics (date accessed: 20.02.2021).*
2. *Agriculture and food balances. [Electronic resource] // Federal State Statistics Service. Official Statistics / Entrepreneurship / Agriculture, Hunting and Forestry / Agriculture and Food Balances. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy (date accessed: 20.02.2021).*
3. *Statistics: basic indicators of agriculture 2015–2017. [Electronic resource] // Statistics: basic indicators of agriculture 2015–2017. Agrovestnik is an information Internet portal. Industry information. 2018.2 Jul. URL: https://agrovesti.net/lib/industries/statistika-osnovnye-pokazateli-selskogo-khozyajstva-2015-2017-gg. html/ (date accessed: 20.02.2021).*
4. *Merkulova E.Yu. General economic security. M.: Yurayt. 2021. 525 s.*
5. *Shagaida N.I., Uzun V.Ya. Food security in Russia: monitoring, trends and threats. Moscow: RANH and GS Publishing House, 2015. S. 14–18.*

Контактная информация / Contact information

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33.
Tambov State University, 33, Internatsionalnaya Street, 392000, Tambov, Russia.
Меркулова Елена Юрьевна / Elena Yu. Merkulova
merkatmb@mail.ru
Смагина Валентина Викторовна / Valentina V. Smagina
troveo@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРАВОВАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ СФЕРЫ СПОРТА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ АСПЕКТ

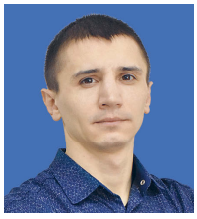
STATE LEGAL AND ECONOMIC POLICY OF INTEGRATED DEVELOPMENT OF THE SPORT INDUSTRY: RUSSIAN AND FOREIGN ASPECT

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-482-488

ПЬЯНКОВА Светлана Григорьевна
Профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, член Президиума и Правления Уральского отделения ВЭО России, академик РАЕН, советник государственной гражданской службы 1-го класса, д.э.н.

Svetlana G. PYANKOVA
Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management of the Ural State Economic University, Member of the Presidium and the Board of the Ural Branch of the VEO of Russia, Academician of RAEN, Advisor to the State Civil Service of the 1st class, Doctor of Economics

АРКАЛОВ Дмитрий Павлович
Аспирант кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, заместитель директора по экономике автономного учреждения Удмуртской Республики «Комплексная специализированная спортивная школа олимпийского резерва»

Dmitriy P. ARKALOV
Postgraduate student of the Department of Regional, Municipal Economics and Management of the Ural State Economic University

Аннотация В статье рассмотрены правовая и экономическая модели управления спортом в России, а также зарубежный опыт. Приведены примеры существующих противоречий между экономической и правовой составляющими в управлении спортом. В настоящее время это является актуальной проблемой, с учетом «неопределившейся» российской модели. Предложены пути ее решения, которые позволят выстроить единообразное понимание конечного результата у всех участников спортивной системы при построении и применении соответствующих моделей.

Abstract The paper discusses the legal and economic models of sports management in Russia, as well as foreign experience. The examples of existing contradictions between the economic and legal components in the management of sports are given. At present, this is an urgent problem, taking into account the "undecided" Russian model. The ways of its solution are offered, which will allow to build a uniform understanding of the final result among all participants of the sports system in the construction and application of the corresponding models.

Ключевые слова Сфера спорта, правовая модель в спорте, экономическая модель в спорте, экономика спорта.

Keywords Sports industry, legal model in sports, economic model in sports, sports economics.

Правовая составляющая государства и каждой конкретной сферы формирует структуру системы, правила и способы взаимодействия различных элементов внутри нее. Чем яснее и «прозрачнее» описаны правила функционирования системы, тем меньше вероятность разночтения этих правил. Соответственно, информационный образ конечного результата будет максимально совпадать с его реальным воплощением. Этот принцип характерен для всех государственных и частных сфер, в том числе и для сферы спорта. Относясь к социальной политике государства, сфера спорта не подразумевает создания материальных благ, как в производственной сфере. Однако это не освобождает от достижения конкретных результатов. Важным фактором в данном вопросе является правовая основа, на базе которой будет построена экономическая модель.

В России главным документом в спортивной сфере является Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 31.07.2020) [1]. Закрепление понятия «спорт» на законодательном уровне показывает, что государство напрямую интересуется данной сферой.

Опираясь на исследования ученых Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (Понкина И.В., Редькиной А.И., Соловьева А.А. и Шевченко О.А.) [2], можно заключить, что российская правовая модель основывается на централизованном управлении сферой спорта с активным вмешательством государства. При этом для нее характерно доминирование правового регулирования, разграничение и закрепление на законодательном уровне понятий «любительский спорт», «спорт высших достижений» и «профессиональный спорт», регулирование спортивно-трудовых отношений. В зарубежном практике встречаются следующие правовые модели (табл. 1).

Таблица 1. Примеры зарубежных правовых моделей в спорте

Описание	Страна
Децентрализованное управление с рыночным регулированием отношений	США, Австралия, Великобритания, Канада
Смешанное управление с уклоном в сторону автономности спорта	Швеция, Индия
Децентрализованное управление с участием государственных органов	Германия
Централизованное управление с участием частного сектора	Китай

В России на каждом уровне власти исполнительные органы наделены полномочиями по реализации управленческих функций в сфере спорта. Однако несовершенство и противоречивость законодательной базы, разнонаправленность интересов и задач у заинтересованных ведомств и органов власти на всех уровнях приводят к искажению конечного желаемого результата. Об этих проблемах, в частности, говорят Квашук П.В., Грачев Н.П. и Маслова И.Н. [3].

Гончарова А.И., Ткачева Е.Г. и Попов А.П. также отмечают, что одна из основных проблем в сфере спорта — это недостаточное межведомственное и межуровневое взаимодействие [4].

Описанные проблемы носят системный характер и в основном заключаются в отсутствии единой цели при взаимодействии, планировании, реализации и понимании общей концепции развития сферы спорта. В результате наличия данных проблем, при постановке задач и их исполнении может быть разный результат, ввиду различия условий внешней среды, внутренних факторов на местах и разного понимания конечного результата.

С другой стороны, экономическая модель управления спортом в России не так разнообразна, как правовая. Она фактически совпадает с основной китайской моделью «Югуо тижи». При такой модели финансирование спорта осуществляется за счет бюджетных средств напрямую государством и через отдельные государственные учреждения. К примеру, в СССР и ГДР была модель, построенная на принципах плановой экономики, при которой государство контролировало все аспекты сферы спорта [5]. В зарубежной практике можно выделить следующие экономические модели (табл. 2).

В действующей в России модели экономико-финансовое обеспечение осуществляется следующими способами:

- государственное (муниципальное) задание;
- грантовая поддержка;
- целевые субсидии;
- внебюджетные источники.

Государственное (муниципальное) задание (далее — госзадание) является основным источником финансирования сферы спорта в части подготовки спортсменов, организации и проведения массовых и спортивных мероприятий. Это документ, в котором прописывается финансовое обеспечение определенного количества услуг и работ в соответствии с нормативными затратами [9].

Таблица 2. Примеры зарубежных экономических моделей в спорте

Описание	Стран
Государство не оказывает прямой поддержки из бюджета, но освобождает от уплаты налогов [6]	США, Канада, Германия, Дания, Австралия, Норвегия
Государство занимается объектами инфраструктуры и возлагает финансирование спортивных мероприятий и организаций на спонсорство в счет уплаты части налогов [6]	Бразилия
Финансирование основано на маркетинговых проектах, разработанных областными и местными управлениями, включая предприятия, общественные организации и частных лиц, которые принимают участие в финансировании, с учрежденными премиями спортсменам (модель «Веньджоу») [7]	Провинция Чжэцзян (Китай)
Долевое участие граждан, государства и частного сектора в финансировании спорта [8]	Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия
Высокий уровень финансового обеспечения за счет проведения государственных лотерей, тотализаторов и азартных игр [8]	Болгария, Чешская Республика, Польша

Грантовая поддержка — это предоставление субсидий победителям конкурса из бюджета на реализацию проектов в течение определенного срока [10].

Целевые субсидии — это бюджетные денежные средства, выделяемые в форме софинансирования на безвозмездной основе в целях достижения законодательно сформулированного общественно-значимого результата [11], но подлежащие возврату в части неосвоенных объемах. Зачастую целевые субсидии предоставляются в рамках действующих национальных проектов.

Внебюджетными источниками поступления являются денежные средства, которые учреждения зарабатывают путем предоставления платных услуг не в ущерб госзаданию, пожертвования и прочие доходы, не запрещенные законодательством.

И здесь возникает противоречивый момент. С одной стороны, государство подталкивает к внебюджетной деятельности учреждения и трансформации к рыночным отношениям [12]. С другой стороны, эта деятельность не должна быть в ущерб основной уставной деятельности и выполнению госзадания. В действующей практике учреждения, у которых учредителями являются органы власти, подразделяются на казенные, бюджетные и автономные. В части внебюджетных источников дохода выделяют автономные учреждения, которые имеют больше возможностей к заработку. Но так ли это? Некоторые исследователи отмечают, что автономные учреждения имеют ряд признаков, которые характерны для субъектов предпринимательской деятельности: право собственности; наличие в оперативном управлении обособленного имущества, собственником которого является государство (субъект РФ, муниципалитет); самостоятельная имущественная ответственность с хозяйственным (предпринимательским) риском; самостоятельное ведение хозяйственной (предпринимательской) деятельности [13, 14].

Форма баланса автономных учреждений направлена на выражение интересов распорядителей бюджетных средств, так как они являются получателями субсидий

из бюджета. Поэтому автономные учреждения больше характеризуются как часть бюджетного процесса, чем самостоятельные субъекты. В настоящее время учредители и контрольно-ревизионные органы рекомендуют автономным учреждениям усилить внутренний финансовый контроль и внутренний финансовый аудит для снижения рисков, которые могут возникнуть при развитии внебюджетной деятельности, учитывая то, что в соответствии с уставными документами она не является первостепенной [15].

Ряд ученых, ссылаясь на действующее законодательство, отмечают, что автономные учреждения вправе открывать расчетные счета в банковских организациях, но на практике это не везде так. На примере Удмуртской Республики у всех учреждений, финансируемых за счет бюджета, открыт только один счет по решению вышестоящих органов. Также единообразно организованы бухгалтерский учет, формирование финансовой отчетности и осуществление государственного финансового контроля за эффективностью деятельности и целевым использованием бюджетных средств [16].

Таким образом, при действующей правовой модели управления спортом в России весьма затруднительно построить экономическую модель, опирающуюся на рыночные отношения. Вариантами решения данной проблемы могут быть следующие пути:

- Изменение действующей правовой модели и в результате изменений принципов финансирования государственных (муниципальных) учреждений, с построением равновесной модели разделения «бюджета» и «внебюджета» как по финансовому обеспечению, так и по времени эксплуатации имущества. Это позволит четко установить разделение затрат на часть хозяйственных нужд и содержание спортивных объектов между бюджетными и внебюджетными средствами. При этом автономные учреждения не должны зависеть от централизации экономического блока (бухгалтерский учет, закупки и т.д.).
- Пойти по пути, при котором государство занимается планированием, финансированием, распределением, контролем, стимулированием абсолютно всех аспектов сферы спорта, как это было в модели СССР. При такой модели государство будет отвечать перед населением за результат. Финансовое обеспечение спортивных учреждений будет полностью за счет бюджета, а все спортивные услуги бесплатными. Доход от внебюджетной деятельности можно будет возвращать в казну, при этом нужно будет устанавливать план на доход.

Библиографический список

1. *Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 31.07.2020).*
2. *Понкин И.В. и др. Государственное управление в сфере спорта: Учебник для магистров. Под ред. д.ю.н. профессора И.В. Понкина. — М: Буки Веди, 2017. С. 127–133.*
3. *Квашук П. В., Грачев Н.П. и Маслова И.Н. К проблеме управления системой подготовки спортивного резерва // Научно-теоретический журнал «Ученые записки». № 2 (72). 2011. С 109–112.*
4. *Гончарова А.И., Ткачева Е.Г. и Попов А.П. Современные системы спортивной подготовки в Российской Федерации // Наука-2020: Физическая культура и спорт: наука, практика, образование. 2019. № 7 (32). С. 163–167.*

5. *Пьянкова С.Г., Аркалов Д.П. Сравнительный анализ экономических моделей управления спортом в международной практике // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 1 (123). С. 74–85.*
6. *Алтухов С.В. Ивент-менеджмент в спорте. Управление спортивными мероприятиями: учеб.-метод. пособие / С. Алтухов. М.: Советский спорт. 2013. С. 16–27.*
7. *Бурк В. Спорт в Китае: история развития и современное состояние // Наука в Олимпийском спорте. 2014. № 1. С. 54–59.*
8. *Мичуда Ю.П., Жуляев В.Н. Особенности финансирования массового спорта в Европе в начале XXI века // Физическое воспитание студентов. 2013. № 1. С. 40–44.*
9. *Синяева О.Ю., Евсин Н.А. Регламентирование порядка финансирования услуг по спортивной подготовке в Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 8-1. С. 275–283.*
10. *Постановление Правительства РФ от 14.01.2019 № 4 (ред. от 10.02.2021).*
11. *Провалинский Д.И. Субсидии в современном российском праве (понятие, признаки, виды) // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). С. 53–56.*
12. *Чавкин Д.О., Корнилова И.М., Фомина А.С. Трансформация спорта в условиях рыночных отношений в России в конце XX — начале XXI в. // Теория и практика физической культуры. 2018. № 12. С. 6–8.*
13. *Чекурда Е.А. Автономное учреждение как субъект предпринимательского права // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 3. С. 276–282.*
14. *Жилинский С.Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): учеб. для вузов. 8-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2007. 944 с.*
15. *Гайдай Н.В., Фалей А.В. Привлечение внебюджетных источников как способ финансирования автономных учреждений // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2018. № 4 (35). С. 158–160.*
16. *Шахбанов Р.Б., Юсупова А.М. Экономико-правовые особенности и организация бухгалтерского учета в бюджетном секторе экономики // Вестник Академии знаний. 2020. № 6 (41). С. 304–309.*

References

1. *Federal'nyj zakon ot 04.12.2007 № 329-FZ «O fizicheskoj kul'ture i sporte v Rossijskoj Federacii» (v red. ot 31.07.2020).*
2. *Ponkin I.V. i dr. Gosudarstvennoe upravlenie v sfere sporta: Uchebnik dlya magistrov. Pod red. d. yu. n. professor I.V. Ponkina. — M: Buki Vedi, 2017. c. 127–133.*
3. *Kvashuk P.V., Grachev N.P. i Maslova I.N. K probleme upravleniya sistemoj podgotovki sportivnogo rezerva // Nauchno-teoreticheskij zhurnal «Uchenye zapiski». № 2 (72). 2011. S. 109–112.*
4. *Goncharova A.I., Tkacheva E.G. i Popov A.P. Sovremennye sistemy sportivnoj podgotovki v Rossijskoj Federacii // Nauka-2020: Fizicheskaya kul'tura i sport: nauka, praktika, obrazovanie. 2019. № 7 (32). S. 163–167.*
5. *P'yankova S. G., Arkalov D.P. Sravnitel'nyj analiz ekonomicheskih modelej upravleniya sportom v mezhdunarodnoj praktike // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2021. № 1 (123). S. 74–85.*
6. *Altuhov S.V. Ivent-menedzhment v sporte. Upravlenie sportivnymi meropriyatiyami: ucheb.-metod. posobie / S. Altuhov. M.: Sovetskij sport. 2013. S. 16–27.*
7. *Burk V. Sport v Kitae: istoriya razvitiya i sovremennoe sostoyanie // Nauka v Olimpijskom sporte. 2014. № 1. S. 54–59.*
8. *Michuda YU. P., ZHulyaev V.N. Osobennosti finansirovaniya massovogo sporta v Evrope v nachale HKHI veka // Fizicheskoe vospitanie studentov. 2013. № 1. S. 40–44.*
9. *Sinyaeva O. YU., Evsin N.A. Reglamentirovanie poryadka finansirovaniya uslug po sportivnoj podgotovke v Rossijskoj Federacii // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. 2020. T. 10, №8-1. S. 275-283.*
10. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14.01.2019 № 4 (red. ot 10.02.2021).*

11. *Provalinskij D.I. Subsidii v sovremennom rossijskom prave (ponyatie, priznaki, vidy) // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. № 10 (178). S. 53–56.*
12. *Chavkin D.O., Kornilova I.M., Fomina A.S. Transformaciya sporta v usloviyah rynochnyh otnoshenij v Rossii v konce XX — nachale XXI v. // Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury. 2018. № 12. S. 6–8.*
13. *Chekurda E.A. Avtonomnoe uchrezhdenie kak sub"ekt predprinimatel'skogo prava // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2019. T. 16. № 3. S. 276–282.*
14. *Zhilinskij S.E. Predprinimatel'skoe pravo (pravovaya osnova predprinimatel'skoj deyatel'nosti): ucheb. dlya vuzov. 8-e izd., peresmotr. i dop. M.: Norma, 2007. 944 s.*
15. *Gajdaj N.V., Falej A.V. Privlechenie vnebyudzhetnyh istochnikov kak sposob finansirovaniya avtonomnyh uchrezhdenij // Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika. 2018. № 4 (35). S. 158–160.*
16. *Shahbanov R.B., Yusupova A.M. Ekonomiko-pravovye osobennosti i organizaciya buhgalterskogo ucheta v byudzhetnom sektore ekonomiki // Vestnik Akademii znanij. 2020. № 6 (41). S. 304–309.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45.
Ural State University of Economics
620144, Russian Federation, Yekaterinburg, st. March 8 / Narodnaya Volya, 62/45.
Пьянкова Светлана Григорьевна / Svetlana G. Pyankova
+ 7 904 548 44 60, silen_06@list.ru

АУ УР «Комплексная специализированная спортивная школа олимпийского резерва»,
426034, РФ, г. Ижевск, ул. Кооперативная, 9.
Complex Specialized Sports School of the Olympic Reserve, 426034, Russian Federation,
Izhevsk, st. Cooperative, 9.
Аркалов Дмитрий Павлович / Dmitriy P. Arkalov
+7 912 748 43 09, lao48@yandex.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО И ИНФРАСТРУКТУРНОГО РАЗВИТИЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, РИСКИ

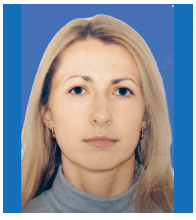
STRATEGIC PLANNING OF REGIONAL AND INFRASTRUCTURAL DEVELOPMENT: INTERCONNECTION, CONTRADICTIONS, RISKS

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-489-495

СУРНИНА Надежда Матвеевна
Профессор кафедры информационных технологий и статистики, зам. директора по науке института менеджмента и информационных технологий Уральского государственного экономического университета, д.э.н.

Nadezhda M. SURNINA
Professor of the Department of Information Technologies and Statistics, Deputy. Director for Science of the Institute of Management and Information Technologies of the Ural State University of Economics, Doctor of Economics

ШИШКИНА Елена Александровна
Доцент кафедры информационных технологий и статистики Уральского государственного экономического университета, к.э.н.

Elena A. SHISHKINA
Associate Professor of the Department of Information Technologies and Statistics, Ural State University of Economics, Candidate of Economic Sciences

Аннотация В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи, противоречий, рисков в документах стратегического планирования регионального и инфраструктурного развития. Результаты анализа текстов стратегий социально-экономического развития субъектов Уральского макрорегиона показывают наличие противоречий в стратегическом планировании регионального и инфраструктурного развития: несоответствие предвидения будущего и действительных возможностей его достижения, стратегических целей, горизонта планирования, прогнозно-плановых параметров. Показано, что неразрешенность выявленных противоречий в планировании предопределяет возникновение стратегических рисков.

Abstract The article deals with the issues of balancing the strategic documents of regional and infrastructural development. The theoretical basis of the research is presented by the theories of regional, spatial economics, strategic planning, risk management. The purpose of the article is to define relationships, contradictions, risks in documents strategic planning of regional and infrastructural development. The results of the analysis of the texts of the strategies for the socio-economic development of the subjects of the Ural macroregion show the presence of contradictions in the strategic planning of regional and infrastructural development, such as the discrepancy between the foresight of the future and the actual possibilities of achieving it, strategic goals, the planning horizon, forecast and planning parameters. It has been shown that the lack of resolution of the identified contradictions in planning predetermines the emergence of strategic risks.

Ключевые слова Стратегическое планирование, региональная инфраструктура, регион, электроэнергетика, региональные риски.

Keywords Strategic planning, regional infrastructure, region, power industry, regional risks.

Введение и постановка проблемы

В условиях коронакризиса и постпандемический период особое значение имеет стабильное функционирование электроэнергетической инфраструктуры и региона в условиях внешних воздействий, резильентность, адаптивность к ним. Кризис 2020 года показал, что существующие стратегии не оказали существенного влияния на возможность смягчения его последствий, не ориентированы на повышение шокоустойчивости. Целью статьи является исследование сопряжения процессов стратегического планирования регионального и инфраструктурного развития, обеспечения их взаимосвязи, появления противоречий как причин разбалансированности планирования и возникновения рисков. Научная проблема состоит в наличии несоответствий между целями регионального социально-экономического развития и объективными ограничениями инфраструктурного характера, внешними вызовами и угрозами устойчивого развития при отсутствии методологии обеспечения сбалансированности стратегического планирования.

Обзор ранее выполненных исследований

На протяжении длительного периода времени теоретические вопросы и практические аспекты стратегического планирования регионального и инфраструктурного развития не теряют своей актуальности. Современное развитие регионального стратегического планирования рассматривается во множестве экономических, регио-

нальных работ, но в основном в территориальном ракурсе [1 – 3]. Инструментарий оценки влияния инфраструктурной обеспеченности на реальный сектор и качество жизни населения регионов представлены в работах ряда отечественных ученых [4]. Изучение функционирования электроэнергетической инфраструктуры территорий, повышения надежности и качества их энергоснабжения представлены преимущественно в работах по отраслевой и технологической тематике [5 – 7]. Исследований, сфокусированных на стратегическом планировании регионального и инфраструктурного развития, анализе их динамики, противоречий и рисков, сбалансированности в связи с трансформацией технологических условий, макроэкономических факторов, внешних шоков, найти не удалось.

Материалы и методы

Планирование регионального и инфраструктурного развития являются взаимосвязанными и взаимозависимыми процессами. К настоящему времени накоплен 100-летний опыт планирования инфраструктуры и территорий [6], в их сопряжении и отдельно. Взаимосвязь стратегического планирования регионального и инфраструктурного развития раскрывается в процессе целеполагания, постановки задач, определения направлений и приоритетов развития, инструментов достижения стратегических целей, через которые осуществляется развитие инфраструктуры [8, 9]. Нарушение (отсутствие) взаимосвязи указанных параметров порождает противоречия стратегического планирования, проявляющиеся в следующих направлениях: предвидения будущего и фактических возможностей, стратегических целей и задач, горизонта планирования.

Системообразующей отраслью для регионального развития является электроэнергетика, целью развития которой определено максимальное содействие социально-экономическому развитию страны на основе гарантированного обеспечения доступной электроэнергией[1]. Планирование регионального и инфраструктурного электроэнергетического развития субъектов РФ, относящихся к территории Урала, осуществляется в рамках нескольких территориальных объединений. По числу субъектов РФ наиболее крупным является объединенная энергетическая система Урала (ОЭС Урала), включающая регионы Уральского экономического района (УЭР) и Уральского федерального округа (УФО), а также Кировскую область. В качестве полигона исследования выбрано 11 субъектов РФ, входящих в ОЭС Урала и одновременно включенных в состав УФО или УЭР. Указанные субъекты имеют физические взаимосвязи в пространстве — электросетевой инфраструктуры, энергозависимы между собой на основе перетоков электроэнергии. Задачей исследования является выявление противоречий регионального и инфраструктурного развития, для чего был проведен анализ предвидения развития электроэнергетической инфраструктуры в контексте достижения стратегических целей региона и инфраструктурных ограничений действительных возможностей их достижения[2].

1 *Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р.*

2 *Основу анализа составили официальные тексты стратегий социально-экономического развития субъектов РФ по состоянию на 01.04.2021, размещенные ГАС «Управление», а также на сайте Минэкономразвития России на этапе «доработанный проект» с целью описания наиболее актуального состояния.*

Результаты исследования

Анализ текстов стратегий позволил выявить противоречия стратегического планирования регионального и инфраструктурного развития, проявляющиеся в целевых установках регионального развития при наличии инфраструктурных ограничений достижения стратегической цели. Все рассмотренные стратегии содержат информацию об ограничениях достижения стратегической цели в контексте развития инфраструктуры, при этом степень их детализации различна. В восьми из 11 стратегий развитие электроэнергетической инфраструктуры выделено в отдельный раздел, определены слабые стороны, возможности и перспективы. Стратегия Оренбургской области включает отдельный раздел о перспективном развитии электроэнергетики, но при этом ее текущее состояние, слабые стороны, угрозы развития не определены. Стратегии Пермского края, Свердловской, Челябинской областей содержат лишь общие направления и задачи развития электроэнергетической инфраструктуры, которые согласуются со стратегической целью развития электроэнергетики. Анализ взаимосвязи показателей стратегических, прогнозно-плановых документов развития субъектов РФ свидетельствует о том, что проблема несбалансированности физических, технико-экономических параметров развития электроэнергетики и пространственных, социально-экономических показателей стратегического развития сохраняет свою остроту [8]. Неразрешенность противоречий стратегического планирования регионального и инфраструктурного развития предопределяет возникновение стратегических рисков [1]. Авторами проведен контент-анализ текстов стратегий субъектов РФ на предмет идентификации рисков и возможностей управления ими. В задачу исследования входила оценка частоты упоминания «риска», наличие раздела оценки и управления инфраструктурными рисками (см. таблицу).

Таблица. Контент-анализ рисков и угроз развития электроэнергетической инфраструктуры в контексте достижения стратегических целей регионального развития

Наименование субъекта РФ	«Риск», число упоминаний	Риски инфраструктурные	Угрозы (инфраструктурные)	Управление угрозами развития	Система управления рисками
Республика Башкортостан	18		•	•	
Удмуртская Республика	30		•	•	
Пермский край	4		•	•	
Кировская область	1		•	•	
Оренбургская область	22		•	•	
Свердловская область	0		•	•	
Курганская область	48		•	•	
Челябинская область	53		•	•	
Тюменская область	13		•		

Наименование субъекта РФ	«Риск», число упоминаний	Риски инфраструктурные	Угрозы (инфраструктурные)	Управление угрозами развития	Система управления рисками
Ханты-Мансийский автономный округ	7	•		•	
Ямало-Ненецкий автономный округ	69	•			•

Составлено по следующим документам: Закон Удмуртской республики от 29 сентября 2009 г. № 326-IV о стратегии социально-экономического развития Удмуртской республики на период до 2025 г.; О Стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2026 г.: постановление от 01.12.2011 № 3046; О стратегии развития Оренбургской области до 2020 г. и на период до 2030 года: ПП Оренбургской области от 20 августа 2010 г. № 551-пп; О стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы № 151-ОЗ от 15 декабря 2015 г.; Стратегия социально-экономического развития Курганской области на период до 2030 г.: распоряжение Правительства Курганской области от 24.12.2019 № 429-р; Закон Тюменской области от 24 марта 2020 г. № 2 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Тюменской области до 2030 г.»; Стратегия социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 г. (доработанный проект); Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 г. (доработанный проект); Стратегия социально-экономического развития Кировской области на период до 2035 г. (доработанный проект); распоряжение Правительства ХМАО — Югры от 22.03.2013 № 101-рп (ред. от 16.08.2019) «О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2030 г.»; постановление Правительства РБ от 20.12.2018 № 624 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 г.»

В текстах рассмотренных стратегий частота упоминания понятия «риск» дифференцирована, так, наиболее часто термин встречается в стратегиях Ямало-Ненецкого автономного округа, Челябинской, Курганской областях, почти не упоминается в Кировской и Свердловской областях. В то же время часть упоминаний не имеет прямого отношения к рискам реализации стратегии. В качестве отдельного раздела управление рисками представлено в стратегии Ямало-Ненецкого автономного округа. В стратегиях остальных субъектов РФ риски интерпретируются в контексте угроз развития. Управление рисками инфраструктурного развития заключается в снижении вероятности их возникновения — минимизации, смягчения противоречий развития. Необходимыми направлениями стратегического планирования регионального и инфраструктурного развития становятся: во-первых, межрегиональное взаимодействие и сотрудничество субъектов планирования; во-вторых, взаимосвязь прогнозно-плановых параметров регионального и инфраструктурного развития; в-третьих, сочетание индивидуализации и унификации стратегий развития, селективное планирование, создание системы управления стратегическими рисками.

Заключение

Анализ стратегий субъектов Уральского макрорегиона в контексте обеспеченности регионального развития электроэнергетической инфраструктурой позволил выявить наличие противоречия целей развития региона и инфраструктурных ограничений их достижения, неразрешенность которых предопределяет возникновение стратегических рисков. Более 70% рассмотренных стратегий субъектов РФ уделяет внимание рискам и угрозам развития, но только 9% документов содержат проработанные системы идентификации и управления рисками. Формирование механизмов

управления рисками стратегических планов должно основываться на минимизации, смягчении выявленных противоречий регионального и инфраструктурного развития на основе повышения взаимосвязи и взаимосогласованности прогнозно-плановых параметров, единой методологии стратегического планирования территорий и инфраструктурного комплекса.

Библиографический список

1. *Жихаревич Б.С. Риски и угрозы в стратегиях российских регионов // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8, № 4. С. 19–29. DOI: https://doi.org/10.15688/re. volsu. 2020.4.2*
2. *Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Приоритеты национальной безопасности и стратегирование пространственного развития экономики Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3. С. 122–137.*
3. *Силин Я.П., Дворядкина Е.Б., Антипин И.А. Исследование приоритетов стратегического развития нового индустриального города // Управленец. 2018. № 6. С. 2–16.*
4. *Стратегирование пространственного развития и инфраструктурного обустройства территорий: монография / Ю.Г. Лаврикова, С.Н. Котлярова, А.В. Суворова и др. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2018. 178 с.*
5. *Гительман Л.Д., Добродей В.В., Кожевников М.В. Инструменты устойчивого развития региональной энергетики // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 4. С. 1208–1223. https://doi.org/10.17059/ekon. reg. 2020-4-14.*
6. *Бушуев В.В., Воропай Н.И. План ГОЭЛРО: итоги и уроки // Энергетическая политика. № 4. 2019. С. 30–39.*
7. *Асаул А.Н., Асаул М.А., Левин Ю.А., Платонов А.М. Энергоснабжение изолированных территорий в контексте привлечения инвестиций и развития экономики региона // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 3. С. 884–895.*
8. *Сурнина Н.М., Шишкина Е.А., Дьячков А Г. (2019). Сбалансированность стратегического планирования пространственных инфраструктурных систем // Journal of New Economy. Т. 20, № 5. С. 75–91. DOI: 10.29141/2658-5081-2019-20-5-5.*
9. *Bristow D.N. (2019). How spatial and functional dependencies between operations and infrastructure leads to resilient recovery. Journal of Infrastructure Systems, vol. 25, issue 2. DOI: https://doi.org/10.1061/ (ASCE) IS. 1943-555X. 0000490.*

References

1. *Zhiharevich B.S., 2020. Riski i ugrozy v strategijah rossijskih regionov // Regional'naja jekonomika. Jug Rossii. T. 8, № 4. S. 19–29. DOI: https://doi.org/10.15688/re. volsu. 2020.4.2.*
2. *Buhval'd E. M., Valentik O.N. Prioritety nacional'noj bezopasnosti i strategirovanie prostranstvennogo razvitija jekonomiki Rossijskoj Federacii // Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra. 2016. № 3. S. 122–137.*
3. *Silin Ja.P., Dvorjadkina E.B., Antipin I.A. Issledovanie prioritetov strategicheskogo razvitija novogo industrial'nogo goroda // Upravlenec. 2018. № 6. S. 2–16.*
4. *Strategirovanie prostranstvennogo razvitija i infrastrukturnogo obustrojstva territorij: monografija / Ju.G. Lavrikova, S.N. Kotljarova, A.V. Suvorova i dr. Ekaterinburg: In-t jekonomiki UrO RAN, 2018. 178 s.*
5. *Gitel'man L. D., Dobrodej V.V., Kozhevnikov M.V. Instrumenty ustojchivogo razvitija regional'noj jenergetiki // Jekonomika regiona. 2020. T. 16, vyp. 4. S. 1208–1223. https://doi.org/10.17059/ekon. reg. 2020-4-14.*
6. *Bushuev V.V., Voropaj N.I. Plan GOJeLRO: itogi i uroki // Jenergeticheskaja politika. № 4. 2019. C. 30–39.*

7. *Asaul A.N., Asaul M.A., Levin Ju.A., Platonov A.M. Jenergosnabzhenie izolirovannyh territorij v kontekste privlechenija investicij i razvitija jekonomiki regiona // Jekonomika regiona. 2020. T. 16, vyp. 3. S. 884–895. https://doi.org/10.17059/ekon. reg. 2020–3-16.*
8. *Surnina N.M., Shishkina E.A., D'jachkov A. G. (2019). Sbalansirovannost' strategicheskogo planirovanija prostranstvennyh infrastrukturnyh sistem // Journal of New Economy. T. 20, № 5. S. 75–91. DOI: 10.29141/2658-5081-2019-20-5-5.*
9. *Bristow D.N. (2019). How spatial and functional dependencies between operations and infrastructure leads to resilient recovery. Journal of Infrastructure Systems, vol. 25, issue 2. DOI: https://doi.org/10.1061/ (ASCE) IS. 1943-555X. 0000490.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45.
Ural State Economic University
62/45, March 8 Street / People's Will Street, Ekaterinburg, 620144, Russia.

Сурнина Надежда Матвеевна / Nadezhda M. Surnina
decane@usue.ru
Шишкина Елена Александровна / Elena A. Shishkina
le_gre@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МАЛЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ[1]

FEATURES OF FORMATION OF INVESTMENT POLICY OF SMALL INDUSTRIAL ENTERPRISES IN MODERN CONDITIONS

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-496-501

ЗАКИРОВА Элина Рафиковна
Директор Института дополнительного образования Уральского государственного экономического университета, д.э.н., профессор

Elina R. ZAKIROVA
Director of the Institute of Continuing Education of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

Рассмотрены основные проблемы финансирования предприятий на современном этапе развития экономики Российской Федерации. Среди проблем в этой сфере особенно острой для отечественных предприятий является невозможность привлечения долгосрочного финансирования в виде долговых ценных бумаг, а также долгосрочных кредитов банков из-за их дороговизны и недостаточной развитости фондового рынка. В условиях санкционного противостояния российские предприятия испытывают трудности с привлечением иностранного капитала, что также негативно отражается на финансировании их текущей деятельности. Решение проблем финансирования отечественных предприятий остается актуальной проблемой для экономики страны, решение которой позволит увеличить темпы экономического развития.

Abstract

The article deals with the main problems of financing Russian enterprises at the present stage of development of the national economy. Among the main problems in this area, the lack of the ability to attract long-term financing in the form of debt securities,

1 *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РЮО в рамках научного проекта № 20-510-07009.*

as well as the inability to attract long-term bank loans due to their high cost and insufficient development of the stock market, seem to be especially complicated for Russian enterprises. In the context of the sanctions confrontation, Russian enterprises are experiencing problems with attracting foreign capital, which also negatively affects the financing of the current activities of enterprises. Solving the problems of financing domestic enterprises remains an urgent problem for the national economy, the solution of which will increase the pace of economic development of the Russian Federation.

Ключевые слова Долгосрочное финансирование, фондовый рынок, корпоративное финансирование, банковское кредитование, корпоративные облигации, прямые иностранные инвестиции, финансовые санкции, бюджетное финансирование.

Keywords Long-term financing, stock market, corporate financing, Bank lending, corporate bonds, foreign direct investment, financial sanctions, budget financing.

Экономические проблемы российских предприятий в области финансирования своей деятельности особенно обострились после событий 2014 года, когда западные страны начали проводить санкционную кампанию против Российской Федерации. Перекрытие канала дешевых финансовых ресурсов для финансирования деятельности крупных российских корпораций в топливно-энергетическом комплексе остается одним из действенных инструментов западных санкций по созданию трудностей для нашей экономики.

Однако трудности с финансированием своей деятельности отечественные предприятия испытывали и до наступления событий открытого санкционного противостояния. Можно с уверенностью сказать, что на протяжении почти тридцати лет существования современной российской государственности в условиях либерального капитализма острые проблемы в экономической сфере нашей страны до сих пор не решены. Так, рыночные реформы, активная фаза которых пришлась на «лихие» 90-е годы прошлого столетия, сразу после развала СССР, по большей части провалились, так как уровень жизни большинства граждан Российской Федерации стал ниже, чем был в СССР, а показатели объемов производства 1990 года во многих отраслях современной России не достигнуты и по сей день, утеряны многие технологии и разрушена научная школа по их созданию, остро ощущается недостаток квалифицированных специалистов во всех отраслях экономики и науки и т.д.

Российская Федерация сегодня, несмотря на псевдопатриотические заявления глубоко либеральных по своим убеждениям правительственных чиновников о том, что происходит импортозамещение и некий рост промышленного производства, остается глубоко зависимой от экспорта природных ресурсов и импорта высоких технологий, машин, оборудования и продовольствия.

Сейчас многие отечественные предприятия испытывает трудности с долгосрочным финансированием, прежде всего в отраслях, требующих значительных капиталовложений: добывающей промышленности, машиностроении, строительной отрасли.

По данным Росстата, которые представлены на рис. 1, видно, что происходит рост удельного веса собственных источников инвестиций в основной капитал россий-

ских предприятий с 50,2% в 2015 году до 57,1% в 2019 году. Среди заемных источников инвестиций в основные средства можно отметить иностранные инвестиции в основной капитал, доля которых во все годы была ничтожна, что отразилось в структуре источников как снижение с 1,1% в 2015 году до 0,5% в 2019 году.

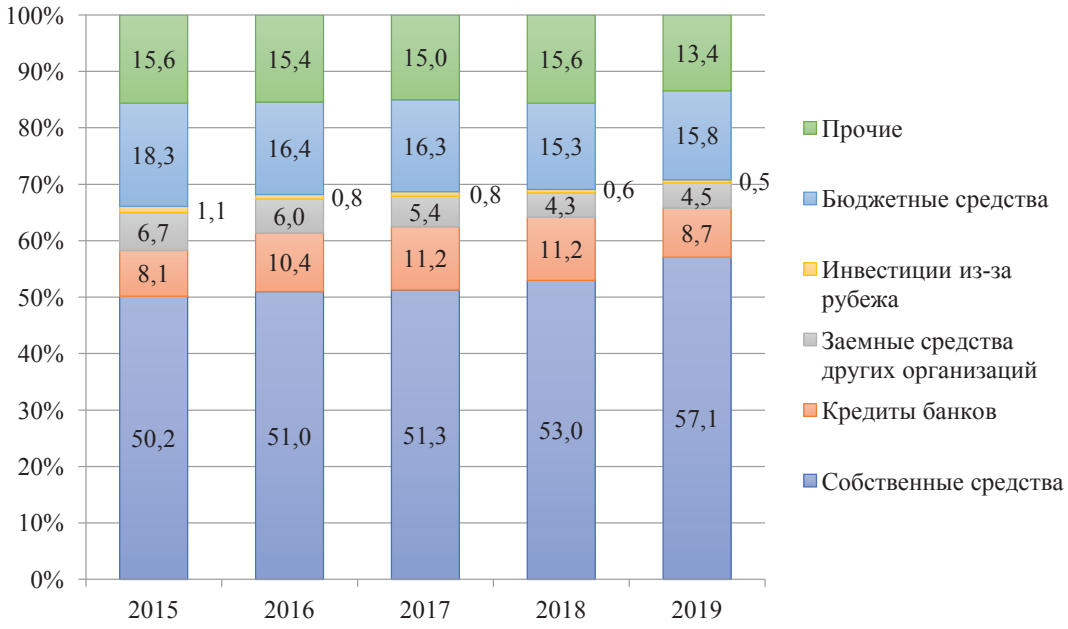

Рисунок 1. Структура источников инвестиций в основные средства российских предприятий за 2015–2019 гг., % [1].

В структуре инвестиций в основной капитал российских предприятий виден существенный вклад государства, так доля заемных бюджетных средств составила в 2015 году 18,3% и несколько снизилась в 2019 году до 15,8%.

Удельный вес банковских кредитов составлял от 8 до 11% в структуре инвестиций в основные средства предприятий. На низкий уровень данного показателя существенно влияет рентабельность российских предприятий (рис. 2), которая не позволяет увеличить инвестиции в основной капитал в виде банковских кредитов, средневзвешенные ставки по которым остаются достаточно высокими.

По данным рис. 3 видно, что в динамике размер средних ставок по кредитам нефинансовым организациям в Российской Федерации в рублях за 2015–2019 гг. снижается, но все же остается выше уровня рентабельности активов.

Итак, к основным проблемам финансирования деятельности российских предприятий в современных условиях можно отнести:

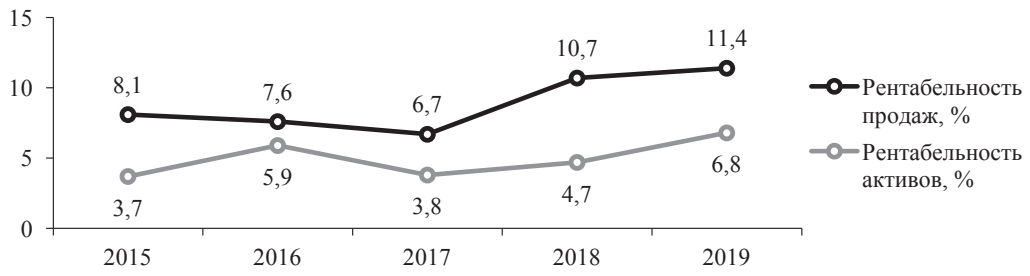

Рисунок 2. Динамика рентабельности российских предприятий (организаций) (без субъектов малого предпринимательства) за 2015–2019 гг., % [1].

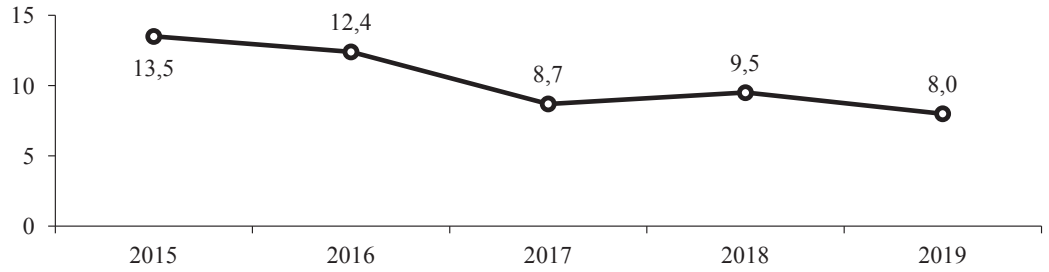

Рисунок 3. Изменение средневзвешенной процентной ставки по кредитам, предоставленным кредитными организациями нефинансовым организациям в Российской Федерации в рублях за 2015–2019 гг., % [2].

1) отсутствие возможности привлечения большинством предприятий, особенно средними и мелкими, долгосрочных инвестиций в виде эмиссии ценных бумаг, так как уровень развития фондового рынка низок, а инвестиционные риски крайне высоки [3];
2) отсутствие долгосрочных кредитов на внутреннем рынке, так как российская банковская система не в состоянии обеспечить предприятия долгосрочными финансовыми ресурсами в силу ограниченности ресурсной базы, проявившейся в недостаточной капитализации и очень высокой стоимости банковских кредитов для предприятий реального сектора экономики, что, соответственно, отразилось в низкой их доле в совокупных банковских активах [4];
3) низкий уровень рентабельности в подавляющем большинстве отраслей экономики, что не позволяет на должном уровне инвестировать средства в обновление основных фондов, а также в разработку, освоение и внедрение современных технологий;
4) отсутствие продуманной государственной политики в области финансирования предприятий национальной экономики как по средством прямого бюджетного финансирования (например, поддержка со стороны государства в условиях кризисной экономики 2009–2010 гг. проявилась в том, что финансовую помощь из бюджета получил банковский сектор, а не предприятия экономики) [5], так и по создания условий по привлечению финансовых ресурсов на внутренний рынок.

Проблемы финансирования отечественных предприятий стали сегодня особенно актуальны по причине ужесточения санкций, что проявилось в виде значительного снижения иностранных инвестиций и, как следствие, невозможности за их счет расширять свою ресурсную базу [6]. Данный факт подтверждает динамика иностранных инвестиций, представленная на рис. 4, где видно, что их абсолютные значения не высоки, а в динамике происходят постоянные резкие колебания.

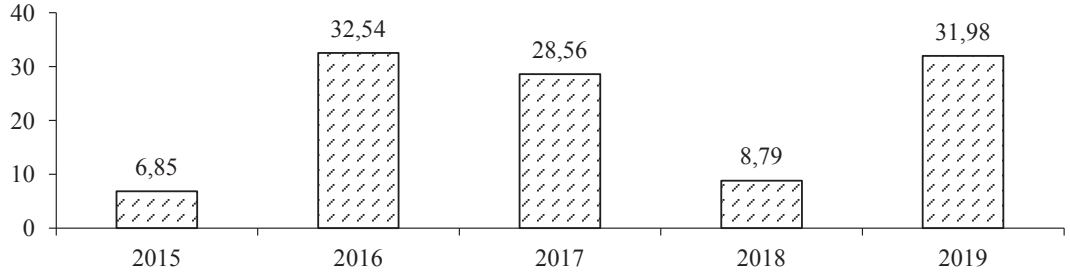

Рисунок 4. Динамика прямых иностранных инвестиций в Российскую Федерацию за 2015–2019 гг., млрд долл. США [1].

В настоящее время два основных канала финансирования российских предприятий работают с серьезными ограничениями. К первому каналу относятся банковские кредиты и долговые ценные бумаги, размещаемые на внутреннем рынке. Темпы банковского кредитования предприятий остаются низкими, причем этот источник не компенсируется облигационными заимствованиями, которые доступны только крупным корпорациям. При этом в банковском секторе в среднесрочной перспективе ожидается сохранение слабой динамики кредитного предложения [7]. Рынок корпоративных IPO-SPO пока нельзя считать полноценным источником капитала для компаний, поскольку он только начинает восстанавливаться после глубокого спада в середине прошлого десятилетия [4]. В связи с этим некоторые исследователи для расширения и модернизации бизнеса рекомендуют «шире использовать возможности фондового рынка путем задействования финансовых ресурсов инвесторов внутри страны» [8].

Что касается иностранных инвестиций, то они по-прежнему малы, хотя в 2019 году отмечался незначительный их рост. В ближайшей перспективе с учетом санкций вероятность их роста ничтожно мала.

Отечественные предприятия являются основными субъектами экономических процессов, протекающих в стране, и от доступности для них финансовых ресурсов зависит успешное развитие экономики любой страны. Доступность финансовых ресурсов возможно обеспечить прежде всего за счет привлечения средств на внутреннем и международном рынках капитала. Дополнительным источником финансирования при этом могу быть бюджетные средства, выделяемые адресно в целях поддержки отдельных предприятий и отраслей.

Именно ограниченностью источников финансовых средств вызвано сдерживание развития отечественных предприятий и замедление темпа роста экономики страны. В сложившихся условиях остро необходима государственная поддержка, формами которой могут быть не только прямое финансирование за счет бюджета, но и стимулирование банковского сектора с целью предоставления предприятиям кредитных средств при условии гарантии государства.

Библиографический список

1. *Россия в цифрах / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993 (дата обращения: 05.03.2021).*
2. *Процентные ставки по кредитам и депозитам и структура кредитов и депозитов по срочности / Банк России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat (дата обращения: 05.03.2021).*
3. *Горшкова Н.В., Коновалова М. Проблемы долгосрочного финансирования деятельности российских предприятий в современных условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5–2. С. 192–194.*
4. *Петров М.В. Финансирование компаний в условиях замедления экономики и санкций // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22, № 3 (105). С. 84–99.*
5. *Смулов А.М., Полетаева В.М. Направления государственной поддержки банков в условиях кризиса и их значение для российской экономики // Научно-аналитический журнал наука и практика российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2019. Т. 11, № 1 (33). С. 99–118.*
6. *Якушева О.А. Риски долгосрочного финансирования // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 2. С. 173–176.*

7. *Стабильность банковской системы сохранится на фоне низких темпов экономического роста. Российский банковский сектор: прогноз до 2021 года / Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА). URL: https://www.acra-ratings.ru/research/1455 (дата обращения: 05.03.2021).*
8. *Ушанов А.Е. К вопросу о развитии рынка корпоративных облигаций // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 349–352.*

References

1. *Rossiya v tsifrakh / Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993 (data obrashcheniya: 05.03.2021).*
2. *Protsentnye stavki po kreditam i depozitam i struktura kreditov i depozitov po srochnosti / Bank Rossii. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat (data obrashcheniya: 05.03.2021).*
3. *Gorshkova N.V., Konovalova M. Problemy dolgosrochnogo finansirovaniya deyatel'nosti rossiiskikh predpriyatii v sovremennykh usloviyakh // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2019. № 5–2. S. 192–194.*
4. *Petrov M.V. Finansirovanie kompanii v usloviyakh zamedleniya ekonomiki i sanktsii // Finansy: teoriya i praktika. 2018. T. 22, № 3 (105). S. 84–99.*
5. *Smulov A.M., Poletaeva V.M. Napravleniya gosudarstvennoi podderzhki bankov v usloviyakh krizisa i ikh znachenie dlya rossiiskoi ekonomiki // Nauchno-analiticheskii zhurnal nauka i praktika rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. 2019. T. 11, № 1 (33). S. 99–118.*
6. *Yakusheva O.A. Riski dolgosrochnogo finansirovaniya // Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava. 2018. № 2. S. 173–176.*
7. *Stabil'nost' bankovskoi sistemy sokhranitsya na fone nizkikh tempov ekonomicheskogo rosta. Rossiiskii bankovskii sektor: prognoz do 2021 goda / Analiticheskoe kreditnoe reitingovoe agentstvo (AKRA). URL: https://www.acra-ratings.ru/research/1455 (data obrashcheniya: 05.03.2021).*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45.
Ural State University of Economics
620144, Yekaterinburg, 8 Marta/Narodnoi Voli Str., 62/45.

Закирова Элина Рафиковна / Zakirova Elina Rafikovna
erzakirova@inbox.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЛЯ НУЖД ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCIES FOR THE NEEDS OF THE DIGITAL ECONOMY

DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-502-507

ЕРГУНОВА Ольга Титовна
Заведующая кафедрой туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета, к.э.н.

Olga T. ERGUNOVA
Head of the Department of Tourism Business and Hospitality of the Ural State Economic University, Candidate of Economic Sciences

ЛЕБЕДЕВ Александр Владимирович
Доцент кафедры туристического бизнеса и гостеприимства Уральского государственного экономического университета, к.э.н.

Alexander V. LEBEDEV
Associate Professor of the Department of Tourism Business and Hospitality of the Ural State Economic University, Candidate of Economic Sciences

РАХМЕЕВА Ирина Игоревна
Доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, к.э.н.

Irina I. RAKHMEEVA
Associate Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management of the Ural State Economic University, Candidate of Economic Sciences

Аннотация

В статье рассмотрены особенности трансформации существующих профессиональных навыков и трудовых компетенций в условиях цифровизации отраслей экономики. Целью статьи является уточнение содержания концепта цифровых компетенций, определение наиболее распространенных и потенциально востребованных

цифровых технологий. На основе системно-структурного анализа и регрессионно-корреляционного анализа выявлены основные тренды смещения традиционных трудовых компетенций в сторону цифровых компетенций. Трудовые функции замещаются бионической моделью управления на основе совмещения цифровых технологий и алгоритмов с исключительно человеческими способностями к творчеству, рефлексии, эмпатии. Исследование имеет прикладное значение для адаптации образовательных программ и подготовки кадров для цифровой экономики.

Abstract

The article deals with the main problems of the transformation of existing professional skills and labor competencies in the context of the digitalization of economic sectors. The purpose of the article is to clarify the content of the concept of digital competencies, to identify the most common and potentially demanded digital technologies. Based on the systemic structural and regression-correlation analysis, the main trends in the shift of traditional labor competencies towards digital competencies have been identified. Labor functions are replaced by a bionic management model based on combining digital technologies and algorithms with exclusively human abilities for creativity, reflection, empathy. The study is of practical importance for the adaptation of educational programs and training for the digital economy.

Ключевые слова Цифровая экономика, промышленная революция, цифровые компетенции, роботизация, образование, кадры.

Keywords Digital economy, industrial revolution, digital competencies, robotization, education, personnel.

Цифровая революция и четвертая индустриальная революция коренным образом трансформируют производственные процессы в традиционных отраслях экономики, при этом основными трендами данных процессов выступают информатизация, в т.ч. переход с бумажного на электронный документооборот, автоматизация стандартизированных функций автоматически цифровыми средствами, а также роботизация 2019 [2]. Американские ученые определяют цифровые компетенции как описание поведения персонала в цифровой среде [6]. В соответствии с европейским подходом цифровые компетенции рассматриваются как способность работника решать задачи, предъявляемыми цифровой экономикой [9]. В российской практике [1, 7, 8] наблюдается интеграция рассмотренных подходов в связи с усилением значимости оценки компетенций персонала.

В настоящем исследовании применен системно-структурный анализ для выявления ключевых тенденций, связанных с переходом к цифровой экономике с учетом концепций циклического развития экономики [5], технологических укладов [3]. Динамика отдельных характеристик установлена с помощью регрессионно-корреляционного анализа. При этом авторы определяют цифровую компетентность как результат сложной интеграции способностей, навыков и знаний, способствующей накоплению опыта, реализации профессиональных навыков и трудовых компетенций в условиях цифровой среды. Авторами понятие «цифровая компетентность» рассматривается как сумма профессиональных знаний и умений,

базирующихся на непрерывном овладении цифровыми технологиями в разных сферах жизнедеятельности путем частичного замещения новыми профессиями или полным замещением с ликвидацией старых. В цифровой экономике можно выделить подход трансформационных колебаний, где помимо процесса автоматизации добавляются еще направления hi-tech и формирования бионической модели: такие как Web2.0, облачные технологии (Cloud), мобильные технологии (Mobile), ERP, BRM, CRM системы, большие данные (big data), аналитика, визуализация, блокчейн (Blockchain), интернет вещей (IoT), машинное обучение (Machine learning), Artificial intellect, Robotization (искусственный интеллект, роботизация).

Таблица. Анализ индекса цифровых трансформаций в мире

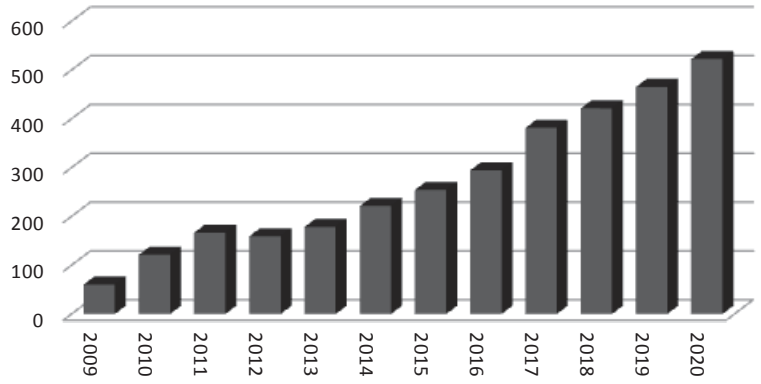
Направление технологии	Период			Прогнозный 2030 г.	Показатель				Прогнозный 2030 г.		Прирост, отклонение изменений темпа роста и структуры			
					2000 г.		2010 г.				2010 г. (до базиса)		2030 г. (после базиса)	
	Базис (2020 г.)	2000 г.	2010 г.		Темп роста, %	Структура, %	Темп роста, %	Структура, %	Темп роста, %	Структура, %	Темп роста, %	Структура, %	Темп роста, %	Структура, %
Облачные технологии, %	82	12	58	98	14,63	66,7	70,73	55,2	119,51	28,8	–29,27	22,5	19,51	–3,8
Большие данные, блокчейн, %	77	6	40	94	7,79	33,3	51,95	38,1	122,08	27,6	–48,05	7,5	22,08	–3,1
Интернет вещей, %	77	0	7	98	0,00	0,0	9,09	6,7	127,27	28,8	–90,91	–24	27,27	–1,8
Искусственный интеллект, роботизация, %	15	0	0	50	0,00	0,0	0,00	0,0	333,33	14,7	0	–6	233,33	8,7
Итого	251	18	105	340	–	100	–	1	–	1	–168,23	0	302,19	0

Необходимо также отметить, что динамизм скорости преобразований будет увеличиваться по мере развития данных направлений, их активного внедрения в процессы жизнедеятельности человека и цифровой технологической диффузией всех направлений с целью создания новых синергетических эффектов. Таблица содержит анализ динамики темпа роста и структуры технологий на основе данных Мирового

экономического форума (WEF, 2018) относительно базисного года (2020). Анализ подтверждает нашу гипотезу об ускорении технологий в условиях формирования ядра шестого технологического уклада.

Полученные данные свидетельствуют, что в мире наблюдается увеличение цифровой технологической диффузии почти в 1,7 раза, при этом рост за последующее десятилетие составляет 3 раза. Функциональное ядро технологического шестого уклада будет более стабильным и влиятельным там, где интенсивнее будет развиваться искусственный интеллект, нейронные сети искусственного сознания, роботизация. По данным Международной федерации робототехники [4] на рис. 1 представлена информация относительно динамики и объема рынка робототехники в мире.

Рисунок 1. Динамика установленных промышленных роботов в мире за период 2009–2020 гг., тыс. ед.

Проведенный общий регрессионно-корреляционный анализ определил регрессионную зависимость и тесноту корреляционной связи (R-квадрат 0,96804) в линейной модели:

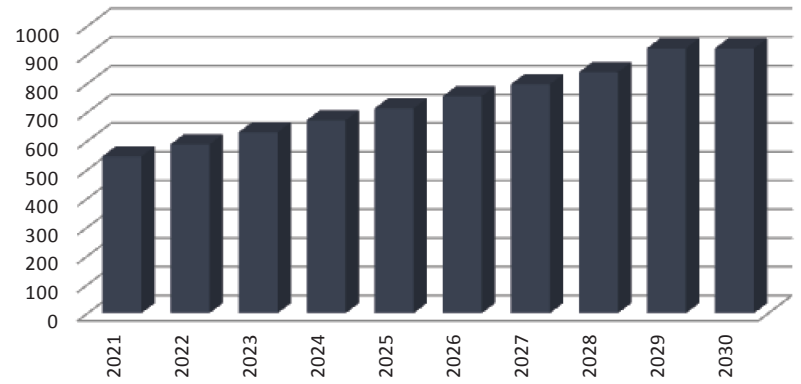
$$\gamma_i = -83959{,}3 + 41{,}81319X_i, \quad (1)$$

где γ_i — целевой показатель функции, соответствующий количеству промышленных роботов;

X_i — период прогнозной оценки состояния в исследовании.

Рис. 2 наглядно отражает прогноз динамики и объема рынка робототехники в мире.

Рисунок 2. Прогноз динамики и объема рынка робототехники в мире, тыс. ед.

Формула 1 очень обобщенно, с высокой долей вероятности на погрешность отклонений, позволила прийти к следующему выводу. Общая динамика наращивания количества промышленных роботов при существующем темпе роста цифровых технологий к 2025 году даст в мире 712,4 тыс. единиц, а к 2030 году — 921,5 тыс. единиц. Понимаем, что для более глубокого и объективного прогноза необходимо увеличить выборку факторов, влияющих на производство роботов. Но при этом нужно отметить, что общий возрастающий тренд очевиден.

Цифровая технологическая революция приведет к еще большему расслоению людей на основе знаний и доступа к информации. Традиционные способы снижения социального неравенства (Akhmadullin, Safina, Fatkhullina, 2020) не будут работать в цифровом мире. Вместе с тем российские образовательные программы различных уровней по-прежнему ориентированы на освоение традиционных компетенций без включения элементов работы с цифровыми технологиями в программы подготовки, следовательно, можно сделать вывод, что только адаптация образовательных программ под нужды цифровой экономики способна подготовить кадры, обладающие новыми компетенциями в условиях новой индустриализации.

Библиографический список

1. *Дадалко В.А., Соловкина Е.Д. Компетенции для цифровой экономики и трансформация образовательной системы в условиях VI экономического уклада // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2018. — Т. 14, № 5. — С. 913–926.*
2. *American public relations and marketing consultancy firm Edelman // https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer. pdf (дата обращения 02.05.2021).*
3. *Глазьев, С. Ю. (2009). Мировой экономический кризис как процесс изменения технологических укладов. Вопросы экономики, 3, с. 26–38. DOI: 10.32609 / 0042-8736-2009-3-26-38.*
4. *Международная федерация робототехники. (2019). Презентация IFR World Robotics. https://ifr.org/downloads/press2018/IFR World Robotics Presentation. pdf (дата обращения 22.04.2021).*
5. *Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. М.: Международные отношения. 1989, с. 43.*
6. *Carretero S., Vuorikari R., Punie Y. The Digital Competence Framework for Citizens: with eight proficiency levels and examples of use. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. 22 (44) p.*
7. *Цифровая грамотность для экономики будущего / Баймуратова Л.Р., Долгова О.А., Имаева Г.Р. и др.; Аналитический центр НАФИ. — М.: Издательство НАФИ, 2018. 86 с.*
8. *Полицинская Е., Лизунков В., Ергунова О. (2019). Организация студенческой деятельности на основе проектов по индивидуальным учебным маршрутам. Международный журнал новейших технологий в обучении, 14 (11), с. 186–193.*
9. *Шваб, К. (2017). Четвертая промышленная революция. Нью-Йорк: Корона Бизнес. 192 с.*

References

1. *Dadalko V.A., Solovkina E.D. Competencies for the digital economy and the transformation of the educational system in the context of the VI economic order // National interests: priorities and security. — 2018. — T. 14, No. 5. — P. 913–926.*
2. *American public relations and marketing consultancy firm Edelman // https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer. pdf (accessed 02.05. 2021).*

3. *Glazyev, S. Yu. (2009). The world economic crisis as a process of changing technological structures. Economics, 3, p. 26–38. DOI: 10.32609 / 0042-8736-2009-3-26-38.*
4. *International Federation of Robotics. (2019). IFR World Robotics presentation. https://ifr.org/downloads/press2018/IFR World Robotics Presentation. pdf (date accessed 04/22/2021).*
5. *Menshikov SM, Klimenko LA Long waves in the economy. When society changes its skin. M.: International relations. 1989, p. 43.*
6. *Carretero S., Vuorikari R., Punie Y. The Digital Competence Framework for Citizens: with eight proficiency levels and examples of use. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017.22 (44) p.*
7. *Digital literacy for the economy of the future / Baymuratova L.R., Dolgova O.A., Imaeva G.R. and others; Analytical Center NAFI. — Moscow: NAFI Publishing House, 2018. 86 p.*
8. *Politsinskaya E., Lizunkov V., Ergunova O. (2019). Organization of student activities based on projects for individual study routes. International Journal of Emerging Technologies in Teaching, 14 (11), p. 186–193.*
9. *Schwab, K. (2017). The fourth industrial revolution. New York: Crown Business. 192 s.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45.
Ural State University of Economics
620144, Yekaterinburg, 8 Marta/Narodnoi Voli Str., 62/45.

Ергунова Ольга Титовна / Olga T. Ergunova
Ergunova-olga@yandex.ru
Лебедев Александр Владимирович / Alexander V. Lebedev
alekaaandr@yandex.ru
Рахмеева Ирина Игоревна / Irina I. Rakhmeeva
smartreg66@gmail.com

Научные труды Вольного экономического общества России

Информация об организаторах МАЭФ

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

Вольное экономическое общество России (ВЭО России) — первый институт гражданского общества страны, старейшая общественная организация Европы и мира — основано Указом императрицы Екатерины Великой 11 ноября (31 октября по старому стилю) 1765 года.

Екатерина II даровала Обществу девиз и герб: «Пчелы, в улей мед приносящие с надписью: „Полезное“». За два с половиной века это изображение претерпело целый ряд изменений, но дошло до наших дней и до сих пор служит эмблемой ВЭО России.

Более четверти тысячелетия, со времен Екатерины II, история российского государства, перемены в его экономической и хозяйственной жизни неразрывно связаны с историей Общества. Экспорт зерна, разведение картофеля и подсолнечника, становление мясомолочной промышленности и племенного животноводства, разработка теоретических проблем социально-экономического развития государства, борьба с голодом и оспой, повсеместное распространение начального образования — это лишь малая часть реализованных Обществом проектов.

Являясь первым институтом гражданского общества в нашей стране, ВЭО России выработало главные правила для всех последующих общественных организаций — сотрудничать с государством, но оставаться независимым, объединять специалистов разных взглядов и предоставлять им возможность свободно высказывать свои идеи, совместными усилиями искать пути улучшения жизни в стране, категорически отрицая разрушительные революционные преобразования.

Благодаря Вольному экономическому обществу России незримой нитью преемственности связаны многие поколения деятелей отечественной науки и культуры, политиков и предпринимателей, просветителей и меценатов. Сквозь века их объединяет желание служить своему Отечеству, осуществляя эволюционные преобразования в его экономической и общественной жизни.

Просвещение, научный прогресс, развитие экономики ради благосостояния народа и объединение для этого лучших умов страны — наши главные цели уже более двух с половиной веков.

В 2020 году Вольному экономическому обществу России исполнилось 255 лет.

ВЭО России сегодня

- **65** региональных организаций.
- Более **300 000** членов: экономистов-практиков, ученых и экспертов, представителей государственной власти, делового сообщества, общественных деятелей.
- **За 30 лет** новейшей истории ВЭО России опубликовано **11 000 000** экземпляров информационно-аналитических, научных и просветительских изданий, которые распространяются на бесплатной основе.
- Вольное экономическое общество России, его региональные организации **ежегодно** проводят более **900** разноформатных мероприятий, направленных на содействие экономическому и социальному прогрессу страны.

- В молодежных проектах ВЭО России ежегодно принимают участие более **3000** человек из всех регионов России.
- ВЭО России проводит Общероссийскую образовательную акцию «Всероссийский экономический диктант» во всех регионах Российской Федерации, а также за рубежом. В акции ежегодно принимают участие более 180 тысяч человек.
- ВЭО России совместно с Российской академией наук проводит Московский академический экономический форум (МАЭФ). В мероприятиях МАЭФ-2021 приняло участие более 8000 человек из 83 регионов России и 32 стран мира.
- ВЭО России при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации ежегодно проводит Всероссийское экономическое собрание — главное событие цикла всероссийских мероприятий ВЭО России, связанных с празднованием Дня экономиста, учрежденного решением Правительства РФ в дату основания Вольного экономического общества России.

Основные направления деятельности ВЭО России

- **Научно-практическая/Экспертно-аналитическая деятельность:**
  - Всероссийские экономические проекты: Всероссийское экономическое собрание, посвященное профессиональному празднику «День экономиста»; Общероссийская высшая общественная экономическая премия «Экономист года»; Общероссийская образовательная акция «Всероссийский экономический диктант»; Всероссийский конкурс экономической журналистики; Общественная премия «Экономическая книга года».
  - Всероссийские и международные форумы, конгрессы, конференции; научный форум ВЭО России «Абалкинские чтения»; экспертные сессии Координационного клуба ВЭО России.
- **Информационно-издательская деятельность:**
  - Научное издание «Научные труды Вольного экономического общества России».
  - Журнал «Вольная экономика».
  - Научно-популярное издание «Беседы об экономике».
  - Цифровая и публичная библиотека ВЭО России.
  - Сотрудничество с ведущими профильными журналами.
- **Просветительская деятельность:**
  - Развитие творческого потенциала молодежи: Всероссийский конкурс научных работ молодежи «Экономический рост России», Фестиваль экономической науки, публичные лекции, презентации книг по экономической тематике.
  - Телевизионный проект ВЭО России: цикл телепередач Дом «Э» на телеканале Общественного телевидения России (ОТР).
  - Совет экспертов ВЭО России и «Российской газеты», Приложение «Экономика» к «Российской газете».
  - Ресурсы ВЭО России в сети Интернет и таргетированная программа в соцмедиа.
  - Освещение деятельности ВЭО России в СМИ.
- **Международная деятельность и развитие сотрудничества:**
  - Международный комитет ВЭО России, совместные проекты с Международным Союзом экономистов, Информационным центром ООН в Москве.
- **Региональное развитие ВЭО России, укрепление и развитие структурных подразделений ВЭО России.**

ВЭО России консолидирует усилия, чтобы содействовать решению актуальных экономических проблем, сотрудничает с государственными и общественными институтами, научными центрами, вузами, другими организациями.

На мероприятиях в Вольном экономическом обществе России можно встретить сторонников разных взглядов и приверженцев разных концепций экономического развития страны. ВЭО России — авторитетная экспертная площадка, где каждый специалист может высказать свою точку зрения и обсудить ее с коллегами. Гарантом конструктивного диалога выступает многолетний опыт Общества по аккумулированию и анализу различных мнений, позиций и взглядов, программ и предложений.

ВЭО России открыто для всех, кто разделяет наши цели и готов к интеллектуальному сотрудничеству с прогрессивными силами, нацеленными на опережающее развитие Российской Федерации.

Официальный сайт ВЭО России — **www.veorus.ru**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ЭКОНОМИСТОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СОЮЗ ЭКОНОМИСТОВ

К экономическому и социальному прогрессу —
через диалог и сотрудничество

Международный Союз экономистов (МСЭ) основан в 1991 году в целях содействия мировому экономическому и социальному прогрессу. В настоящее время объединяет представителей из 48 стран мира: выдающихся экономистов, ученых и практиков, государственных и общественных деятелей, представителей делового сообщества, национальные и региональные союзы и ассоциации экономистов.

Международный Союз экономистов имеет Генеральный Консультативный статус Экономического и Социального Совета Организации Объединенных Наций (ЭКОСОС) с 1999 года. Доля российских НКО, наделенных таким статусом, минимальна: составляет чуть более 1% от общего числа НКО в мире, имеющих Генеральный Консультативный статус. Союз ассоциирован с Департаментом общественной информации ООН.

МСЭ имеет право на использование площадки Экономического и Социального Совета ООН для выступлений в рамках Генеральной ассамблеи ООН. Кроме того, на протяжении многих лет представители Международного Союза экономистов входят в состав официальной российской делегации для участия в работе Генеральной ассамблеи ООН.

Основные цели и задачи МСЭ:

- содействие экономическим реформам как средству развития мирового сообщества;
- обеспечение широкого международного обмена информацией в различных областях экономики, науки в целом;
- создание условий для обмена идеями, опытом, знаниями, развитие сотрудничества национального и экспертного сообщества;
- расширение сотрудничества с национальными и международными организациями, союзами, ассоциациями в сфере социально-экономической и научно-технической мысли;
- поиск и внедрение новых форм международного сотрудничества;
- участие в разработке и реализации национальных и международных проектов и программ, направленных на ускорение экономического роста и стабилизацию экономического положения в странах, на развитие интеграционных процессов в различных регионах мира;
- содействие формированию культуры независимых экспертных оценок и исследований;
- создание профессионального экспертного форума для обмена мнениями по важнейшим вопросам развития российской и мировой экономики;
- содействие формированию идеологии партнерства и ответственности.

Основные направления деятельности МСЭ:

- **Программы:** «Новые модели развития мировой экономики», «Прогрессивные формы международной интеграции», «Мировой опыт и экономика России», «Экономическая безопасность», «Инновации в образовании», «Обеспечение экологической устойчивости», «Распространение мирового опыта антикризисных мер», «Развитие энергетики: третий энергопереход», «Эффективное развитие городов и столиц государств» и другие тематические, просветительские и образовательные программы.
- **Программа «Аналитическая и экспертная оценка».** За 30 лет МСЭ удалось найти такие оптимальные и эффективные экспертные форматы, которые позволили Союзу стать открытой и независимой интеллектуальной площадкой для экономистов различных стран.

Сегодня на экономической карте наблюдаются фундаментальные изменения. В этих условиях очень важно своевременно предложить мировому сообществу новые формы делового и творческого сотрудничества.

Инициаторами преодоления привычных стереотипов в политике и экономике в XXI веке будут выступать прежде всего общественные организации, и ООН избрала приоритетный курс на кардинальное расширение сфер взаимодействия с национальными и международными неправительственными организациями, которые играют в современном мире огромную роль в стимулировании правительств к разработке новых стратегий развития.

Генеральный консультативный статус в ЭКОСОС позволяет МСЭ с трибуны ООН и других международных авторитетных организаций доносить рекомендации в решении актуальных проблем современности. Благодаря статусу МСЭ принимает участие в распространении результатов аналитической деятельности ООН.

МСЭ выбран организатором презентаций ежегодного доклада «Мировое экономическое положение и перспективы» (ДЭСВ, Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН) и ежегодного «Доклада о торговле и развитии» (ЮНКТАД, Конференции ООН по торговле и развитию). Презентации этих докладов, которые являются наиболее авторитетными изданиями ООН, проводятся ежегодно в единый день во всех мировых столицах.

МСЭ является соорганизатором крупнейшего постоянно действующего международного экономического форума — Московского академического экономического форума, интеллектуальной площадки, которая объединяет российских и зарубежных экспертов и ученых. В мероприятиях МАЭФ-2021 приняли участие 8497 специалистов из 32 стран мира.

- **Программа «Международные форумы, конгрессы, конференции».** В рамках данной программы организуются международные форумы, конгрессы, конференции, разнообразные по формату дискуссионной площадки.

Одним из ключевых мероприятий Международного Союза экономистов является Собрание членов МСЭ. Собрание проводится с 1992 года в разных странах мира, в том числе в США, Испании, Франции, Израиле, Австралии, Хорватии, Иордании, Мексике, Китае, Бразилии, Норвегии, Новой Зеландии, ЮАР, Индонезии, на Кубе, Кипре и в других странах. Собрание, приуроченное к 15-летнему юбилею орга-

низации, состоялось в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. 25-летний юбилей МСЭ отмечался в Москве. В адрес организации поступило приветствие от Генерального секретаря ООН. В мероприятии принял участие заместитель генерального секретаря ООН. В 2021 году реализуется обширная программа мероприятий, посвященных 30-летию МСЭ. Основным событием программы является Всероссийское экономическое собрание, приуроченное к 30-летию МСЭ.

- **Программа сотрудничества**. Международный Союз экономистов на постоянной основе сотрудничает с Экономическим и Социальным Советом ООН, Департаментом общественной информации ООН, ЮНКТАД, ЮНЕСКО, ХАБИТАТ, Информационными центрами ООН в различных странах мира, Российской ассоциацией содействия ООН, Торгово-промышленной палатой РФ, Россотрудничеством, Общественной палатой РФ, посольствами различных государств в РФ, ведущими национальными и международными организациями.

Подробная информация о МСЭ на официальном сайте — **www.iuecon.org**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Академия наук была учреждена по распоряжению императора Петра I Именным Указом Сената 28 января (8 февраля) 1724 г. По замыслу Петра, отечественная Академия наук не должна была повторять ни одну из западноевропейских академий. Замысел Петра состоял в том, чтобы реализовать непрерывный процесс получения знаний и образования, путем создания триады «Академия — Университет — Гимназия». Гимназия должна была быть подготовительной школой, в которой обучали бы «первым фундаментам наук» и готовили юношество к поступлению в Университет. Основной функцией и Гимназии, и Университета являлась подготовка национальных научных кадров, в том числе и для самой Академии.

Изначально было установлено, что Академия является государственным учреждением: ее члены, получая жалование, должны были обеспечивать научно-техническое обслуживание государства.

Ученые не были связаны какой-нибудь господствующей догмой, пользовались свободой научного творчества. Практически неограниченными были возможности публиковать научные труды. Органом коллективного обсуждения и оценки результатов исследований стала Академическая Конференция.

Наиболее точно задачи Академии, которые не потеряли своего значения и в наше время, были сформулированы в Уставе Академии 1803 г., утвержденном Александром I: *«Все просвещенные народы в разные времена испытали, колико споспешествует успехам наук соединение многих ученых, одушевляемых единою ревностью к усовершенствованию оных. Учрежденные в их недрах и покровительствуемые их государями и Академии и ученые общества, обратив деятельность членов своих к единой цели, предпринимали и совершили важные дела, и обогатили науки открытиями, которые без того счастливого соединения ревности и знания, может быть, не возвратно бы погибли для рода человеческого...*

Главнейшие обязанности Академии следуют из самой цели ее назначения, общей со всеми академиями и учеными обществами: расширять пределы знаний человеческих, усовершенствовать науки, обогащать их новыми открытиями, распространять просвещение, направлять, колико возможно, познания ко благу общему, приспособляя к практическому употреблению теории и полезные следствия опытов и наблюдений; ее в кратких словах книга ее обязанностей.

К обязанностям, общим ей с другими академиями, присоединяется должность непосредственно обращать труды свои в пользу России, распространяя познания естественных произведений империи, изыскивая средства к умножению таких, кои составляют предмет народной промышленности и торговли, к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств — сих источников богатства и силы государств».

На протяжении почти трех столетий существования Академии наук менялись ее статус и структура. Но основной целью ее деятельности было и остается организация и проведение фундаментальных исследований, направленных на получение новых знаний о законах развития Природы, Человека и Общества, способствующих

социальному, технологическому, экономическому и духовному развитию России, обеспечению обороны и безопасности.

В настоящее время Российская академия наук (РАН) является государственной академией наук, отвечающей за разработку и реализацию программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации, осуществляющей научно-методическое руководство научными организациями и университетами, обеспечивающей экспертное сопровождение органов государственной власти, развитие международного научно-технического сотрудничества, популяризацию науки.

С момента основания Императорского Вольного Экономического Общества (а это было более 250 лет назад) его деятельность была теснейшим образом связана с Императорской Академией Наук. Около половины основателей ИВЭО были членами академии, первым президентом Вольного экономического общества был избран сенатор, статс-секретарь Екатерины II, член академии наук Адам Олсуфьев. Один из величайших ученых России Михаил Ломоносов был автором самой идеи создания ВЭО. Работать в Обществе почитали за честь многие выдающиеся умы России. И в новейшей истории инициаторами возрождения Общества стали ведущие академики-экономисты.

Таким образом, на протяжении и дореволюционного периода, и современной истории Академия наук и ВЭО дополняли друг друга. Академические идеи, переложенные на почву общественного знания и общественного обсуждения, служили благу экономики Отечества.

Научные труды Вольного экономического общества России

Информация об издании

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР НАУЧНЫХ ТРУДОВ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич
Президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

АГАНБЕГЯН Абел Гезевич
Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГЕОРГИЕВ Румен Младенов
Вице-президент Международного Союза экономистов, профессор Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич
Вице-президент ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВНИН Михаил Юрьевич
Первый заместитель директора по научной работе Института экономики Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ГОРШКОВ Михаил Константинович
Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д.ф.н. (г. Москва, Россия)

ГРИНБЕРГ Руслан Семенович
Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич
Член Президиума ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института Европы Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.п.н. (Москва, Россия)

ГЭЛБРЕЙТ Джеймс К.
Член Международного комитета ВЭО России, профессор Школы общественных связей имени Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США)

ГУТЕНЕВ Владимир Владимирович
Председатель Комиссии Государственной Думы по правовому обеспечению развития организаций оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству (г. Москва, Россия)

ДАВЫДОВ Владимир Михайлович
Член Правления ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, научный руководитель Института Латинской Америки Российской академии наук, президент Ассоциации исследователей иберо-американского мира, заместитель председателя Национального комитета по исследованию БРИКС, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЫНКИН Александр Александрович
Вице-президент ВЭО России, председатель Международного Комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КАЛАШНИКОВ Сергей Вячеславович
Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЛЕМЕЩЕНКО Петр Сергеевич
Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель председателя комиссии по технологическому развитию Союзного государства, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

МУРЫЧЕВ Александр Васильевич
Член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д.э.н., к. ист. н. (г. Москва, Россия)

НОЛАН Питер
Член Международного комитета ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Центра развития Кембриджского университета, профессор (Великобритания)

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич
Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова — филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич
Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РЯБУХИН Сергей Николаевич
Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, директор НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н. (г. Москва, Россия)

САМЕДЗАДЕ Зияд Алиаббас оглы
Вице-президент Международного Союза экономистов, председатель Комитета по экономической политике, промышленности и предпринимательства Милли Меджлиса Азербайджана, Действительный член Академии наук Азербайджанской Республики, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)

СИЛИН Яков Петрович
Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия).

ШИРОВ Александр Александрович
Член Правления ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЭСКИНДАРОВ Михаил Абдурахманович
Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЯКУТИН Юрий Васильевич
Вице-президент ВЭО России, научный руководитель АО Издательский дом «Экономическая газета», член Президиума Международного Союза экономистов, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

АЛЕКСЕЕВ Аркадий Васильевич
Член Правления ВЭО России, шеф-редактор Международного научно-общественного журнала «Мир перемен», к.э.н. (г. Москва, Россия)

АНТИПИНА Ольга Николаевна
Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономии Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ученый секретарь Ученого совета экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н. (г. Москва, Россия)

БАРСУКОВ Игорь Евгеньевич
Член Правления ВЭО России, директор Института развития образования ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления» (АСОУ), доцент кафедры управления АСОУ, к.э.н. (г. Москва, Россия)

БОБИНА Анна Вячеславовна
Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н. (г. Москва, Россия)

БОДРУНОВА Светлана Сергеевна
Член Правления ВЭО России, профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, д. полит. н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

БУЗГАЛИН Александр Владимирович
Вице-президент ВЭО России, координатор Международного Совета ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, визит-профессор Кембриджского, Пекинского и Хайнаньского педагогического университетов, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ВЕРЕНИКИН Алексей Олегович
Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ВОЕЙКОВ Михаил Илларионович
Член Правления ВЭО России, заведующий сектором политической экономии Института экономики Российской академии наук, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВ Роман Сергеевич
Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» МАИ, член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОРОДЕЦКИЙ Андрей Евгеньевич
Член Правления ВЭО России, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЗАРАСОВ Руслан Солтанович
Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой политической экономии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ЗОЛОТАРЕВ Александр Анатольевич
Вице-президент ВЭО России, президент Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

КОЛГАНОВ Андрей Иванович
Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, заведующий Лабораторией сравнительного анализа экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г.н.с. Института экономики Российской академии наук, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

МАНЮШИС Альгирдас Юозович
Член Правления ВЭО России, ректор Международного университета в Москве, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

МИРКИН Яков Моисеевич
Член Правления ВЭО России, заведующий отделом международных рынков капитала ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПЛОТНИКОВ Владимир Александрович
Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, профессор кафедры общей экономической теории и мировой экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

РАТНИКОВА Маргарита Анатольевна
Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

РОМАНОВА Галина Максимовна
Ректор ФГБУ ВО «Сочинский государственный университет», д.э.н., профессор (г. Сочи, Россия)

САДОВНИЧАЯ Анна Викторовна
Член Президиума ВЭО России, заместитель генерального директора АО «Экспоцентр», к.э.н. (г. Москва, Россия)

САВИНА Ольга Алексеевна
Руководитель пресс-службы ВЭО России (г. Москва, Россия)

СМАГИНА Валентина Викторовна
Член Президиума ВЭО России, заместитель руководителя Тамбовского регионального отделения ВЭО России, проректор — главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, д.э.н., профессор (г. Тамбов, Россия)

ТКАЧЕНКО Елена Анатольевна
Член Правления ВЭО России, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

УСЕНКО Людмила Николаевна
Член Президиума ВЭО России, член Ревизионной комиссии Международного Союза экономистов, руководитель Ростовского регионального отделения ВЭО России, научный руководитель, заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

EDITOR-IN-CHIEF OF THE SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Sergey D. BODRUNOV
President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL COUNCIL OF THE SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Abel G. AGANBEGYAN
Head of the Department of Economic Theory and Policy of the RANEPA under the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Rumen M. GUEORGUIEV
Vice President of the International Union of Economists, Professor at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria)

Sergey YU. GLAZIEV
Vice President of the VEO of Russia, member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, member of the Board (minister) for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission (EEC), Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Mikhail YU. GOLOVNIN
First Deputy Director for Research at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Mikhail K. GORSHKOV
Member of the Presidium of the VEO of Russia, Scientific Director of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy (Moscow, Russia)

Ruslan S. GRINBERG
Vice President of the VEO of Russia, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the International Union of Economists, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Aleksey A. GROMYKO
Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences. (Moscow, Russia)

James K. GALBRAITH
Member of the VEO of Russia International Committee, Professor at the Lyndon B. Johnson School of Public Relations, University of Texas at Austin (USA)

Vladimir V. GUTENEV
Chairman of the Commission of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on legal support for the development of organizations in the military-industrial complex of the Russian Federation, First Deputy Chairman of the Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation for Economic Policy, Industry, Innovative Development and Entrepreneurship (Moscow, Russia)

Vladimir M. DAVYDOV
Member of the Board of the VEO of Russia, member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, Scientific Director of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences, President of the Association of Ibero-American World Researchers, Deputy Chairman of the National Committee for BRICS Research, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Alexander A. DYNKIN
Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the International Committee of the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Department of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Sergey V. KALASHNIKOV
Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, First Deputy Chairman of the Committee of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on Economic Policy, Industry, Innovative Development and Entrepreneurship, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Petr S. LEMESHCHENKO
Vice-President of the International Union of Economists, Deputy Chairman of the Commission for Technological Development of the Union State, Head of the Department of Theoretical and Institutional Economics of the Belarusian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus).

Alexander V. MURYCHEV
Member of the Presidium of the VEO of Russia, Executive Vice President of the All-Russian Public Organization "Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs", Chairman of the Council of the Association of Regional Banks of Russia (Association "Russia"), Doctor of Economics, Candidate of historical sciences (Moscow, Russia)

Peter NOLAN
Member of the International Committee of the VEO of Russia, member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, Director of the Development Center of the University of Cambridge, Professor (United Kingdom)

Alexander V. PETRIKOV
Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics — branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas — All-Russian Research Institute of Agricultural Economics", Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Boris N. PORFIRIEV
Member of the Presidium of the VEO of Russia, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Sergey N. RYABUKHIN
Vice President of the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets, Director of the Research Institute "Innovative Financial Instruments and Technologies" of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Ziyad A. SAMEDZADE
Vice-President of the International Union of Economists, Chairman of the Committee on Economic Policy, Industry and Entrepreneurship of the Milli Mejlis of Azerbaijan, Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Economics, Professor (Baku, Azerbaijan Republic)

Yakov P. SILIN
Member of the Presidium at the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Alexander A. SHIROV
Member of the Board of the VEO of Russia, Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Michael A. ESKINDAROV
Vice President of the VEO of Russia, Rector of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Education, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Yuri V. YAKUTIN
Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the «Ekonomicheskaya Gazeta» Publishing House, member of the Presidium at the International Union of Economists, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Arkady V. ALEXEYEV
Member of the Board of the VEO of Russia, Editorial Director at Mir Peremen International Academic and Social Journal, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

Olga N. ANTIPINA
Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, Scientific Secretary of the Academic Council of the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Igor E. BARSUKOV
Member of the Board of the VEO of Russia, Director of the Institute for the Development of Education of the Academy of Social Management of the Moscow Region, Associate Professor of the Department of Management of the Academy of Social Management, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

Anna V. BOBINA
Member of the Management Board of the VEO of Russia, Deputy Director, Head of the Department for Scientific Conferences and All-Russian Projects of the VEO of Russia, Candidate of Technical (Moscow, Russia)

Svetlana S. BODRUNOVA
Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Graduate School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University, Doctor of Political Science (St. Petersburg, Russia)

Alexander V. BUZGALIN
Vice President of the VEO of Russia, Coordinator of the International Council of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Director of the Center for Contemporary Marxist Studies of the Faculty of Philosophy of the Lomonosov Moscow State University, Distinguished professor of the Lomonosov Moscow State University; Visiting Professor of Cambridge, Beijing, and Hainan Normal Universities; Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Aleksey O. VERENIKIN
Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Political Economy at the Economic Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Mikhail I. VOEYKOV
Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Sector of Political Economy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Roman S. GOLOV
Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries of the Moscow Aviation Institute, Member of the Expert Council on Higher Education under the State Duma Committee on Education and Science, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Andrey E. GORODETSKY
Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the scientific direction "Institutes of Modern Economy and Innovative Development" of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Ruslan S. DZARASOV
Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head of Political Economics Department at Plekhanov Russian Economic University, Leading Research Associate at the Central Institute of Economics and Mathematics at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Alexander A. ZOLOTAREV
Vice President of the VEO of Russia, President of the St. Petersburg regional public organization the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, Executive Director of the Vitte Institute of New Industrial Development, Candidate of Economics (St. Petersburg, Russia)

Andrey I. KOLGANOV
Member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Head of Laboratory of comparative social and economic analysis at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University; head scientist of Institute of Economy Russian Academy of Science, Doctor of Economic Sciences, Professor

Algirdas J. MANIUSHIS

Member of the Board of the VEO of Russia, Rector at the International University in Moscow, Honorary Worker of Russian Higher Education, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Yakov M. MIRKIN

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Department of International Capital Markets of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Vladimir A. PLOTNIKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Presidium of the International Union of Economists, Professor of the Department of General Economic Theory and World Economy of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)

Margarita A. RATNIKOVA

Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia, Vice President, Executive Director at the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia)

Galina M. ROMANOVA

Rector of the Sochi State University, Doctor of Economics, Professor (Sochi, Russia)

Anna V. SADOVNICHAYA

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy General Director of Expocentre, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

Olga A. SAVINA

Head of the press service of the VEO of Russia (Moscow, Russia)

Valentina V. SMAGINA

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy Head of the Tambov Regional Branch of the VEO of Russia, Vice-Rector-Chief Scientific Secretary of the Derzhavin Tambov State University, Doctor of Economics, Professor (Tambov, Russia)

Elena A. TKACHENKO

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)

Lyudmila N. USENKO

Member of the Presidium of the VEO of Russia, member of the Audit Commission of the International Union of Economists, Head of the Rostov Regional Branch of the VEO of Russia, Scientific Supervisor, Head of the Department of Economic Activity Analysis and Forecasting at the Rostov State Economic University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics Sci., Professor (Rostov-on-Don, Russia)

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ В НАУЧНОМ ИЗДАНИИ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

1. Статья направляется в редакцию в электронном виде (файл в формате Microsoft Word с расширением *.doc, *.docx) на e-mail: info@veorus.ru:

- Объем полного текста научной статьи, в том числе таблицы и библиографический список, не должен превышать 30 000 знаков с пробелами (≈ 15 страниц установленного образца). Файл с текстом статьи должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).
- Шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12 pt, межстрочный интервал — 1,5, отступ первой строки абзаца — 1,25.
- Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см; боковые поля: левое поле — 3 см, правое поле — 2 см.
- Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта — 11 pt, межстрочный интервал — 1, без отступа.
- Автоматическая расстановка переносов не ставится. Выделения в тексте можно проводить только *курсивом* или **полужирным** начертанием букв. Подчеркивание не допускается. В тексте не должны присутствовать повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк.
- Рисунки (фотографии, скриншоты и т.п.) размещаются в тексте статьи, а также прикрепляются отдельными файлами в форматах.jpeg или.tiff с разрешением не меньше 150 dpi.
- Наименование файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией автора.

2. Для публикации статьи необходимо предоставить в электронном виде фотографию (-и) автора (-ов). Размер файла — не менее 2 МБ, формат — .jpeg или .tiff.

3. СТРУКТУРА СТАТЬИ

3.1. Название статьи и информация об авторах:

- Название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом.
- Название статьи в переводе на английский язык.
- Информация об авторе (-ах) на русском языке: Ф.И.О. полностью, должность, место работы автора, ученая степень.
- Информация об авторе (-ах) на английском языке: Ф.И.О., должность, место работы автора, ученая степень.

3.2. Аннотация (Abstract):

- Аннотация на русском языке (до 600 знаков с пробелами) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи).

- Аннотация на английском языке должна быть написана грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

3.3. Ключевые слова (Keywords):
- на русском языке (до 10 слов);
- на английском языке (до 10 слов).

3.4. Текст статьи:
- Полный текст (на русском языке) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста научной статьи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение, цель, материалы и методы, результаты, обсуждение, выводы/заключение.
- Таблицы и рисунки в тексте статьи должны иметь порядковый номер, название, на каждую таблицу и рисунок в тексте должна быть соответствующая ссылка.

3.5. Библиографический список (References):
- Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников (Библиографический список / References) оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать (**стандарт транслитерации — BSI**), источники на английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт http://translit.ru.
- Пристатейный библиографический список нумеруются последовательно, в порядке первого упоминания в тексте (в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.100–2018**). Нумерация ссылок на источники в библиографическом списке должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В библиографическом списке все работы перечисляются в порядке цитирования. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.)
- Рекомендуется ссылаться на статьи, опубликованные ранее в томах издания «Научные труды Вольного экономического общества России».

4. Контактная информация (Contact Information):
- Для каждого автора на русском и английском языках приводится в конце статьи контактные данные: название и полный почтовый адрес организации (-й), которую он (они) представляет (-ют), e-mail автора (-ов).

5. Автор предоставляет отчет о проверке статьи в системе «Антиплагиат». В случае принятия Редакционным советом решения о публикации в «Научных трудах Вольного экономического общества России» оформляется Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения установленного образца.

При направлении статьи необходимо приложить рекомендательное письмо от организации или научного руководителя (в отсканированном варианте).

Подписку на издание можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки: **https://podpiska.pochta.ru/**
Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — **ПР999**.

По вопросам публикации статей следует обращаться в редакцию:
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru

Сайт научного издания: http://www.veorus.ru/труды-вэо

Научное издание
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
Том № 4 (230), 2021 г.

Учредитель: Общественная организация — Вольное экономическое общество России (125009, г. Москва, ул. Тверская, 22А).
Свидетельство о регистрации «Научных трудов Вольного экономического общества России» в Роскомнадзоре — ПИ №77-3786 от 20.06.2000.
Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России
Адрес издателя и редакции: 125009, г. Москва, ул. Тверская, 22А
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru
http://veorus.ru/труды-вэо/

Главный редактор — С.Д. Бодрунов, д.э.н., профессор.
Над выпуском работали – А.В. Бобина, М.А. Лазарев

Подписано в печать 10 сентября 2021 г.
Формат 20х26 см. Бумага офсетная
Выход в свет 20 сентября 2021 г.
Тираж 1000 экз. Заказ № 298051
Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар»
г. Москва, ул. Электрозаводская, д. 20

Свободная цена

© Вольное экономическое общество России, 2021

ISBN 978-5-94160-219-3
ISSN 2072-2060

Scientific Publication
SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
Volume № 4 (230), 2021 г.

Founder: Public organization - Free Economic Society of Russia
(125009, Moscow, Tverskaya St., 22A).
Registration number — ПИ №77-3786, 06/20/2000.
Subscription Code ПР999 in the official Catalog of Russian Post

Published by the Free Economic Society of Russia
22A, Tverskaya, 125009, Moscow, Russia
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru
http://veorus.ru/труды-вэо/

Editor-in-Chief — S.D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor.
Publication Editors — Anna V. Bobina, Maxim A. Lazarev

Signed for printing on September 10, 2021.
Format 20 x 26 cm. Offset paper
Publication September 20, 2021
Run of 1,000 copies, Order No. 298051
Printed in the printing house
of «Viva-Star» LLC
Moscow, Elektrozavodskaya str., 20.

Free price

© The Free Economic Society of Russia, 2021

ISBN 978-5-94160-219-3
ISSN 2072-2060

